

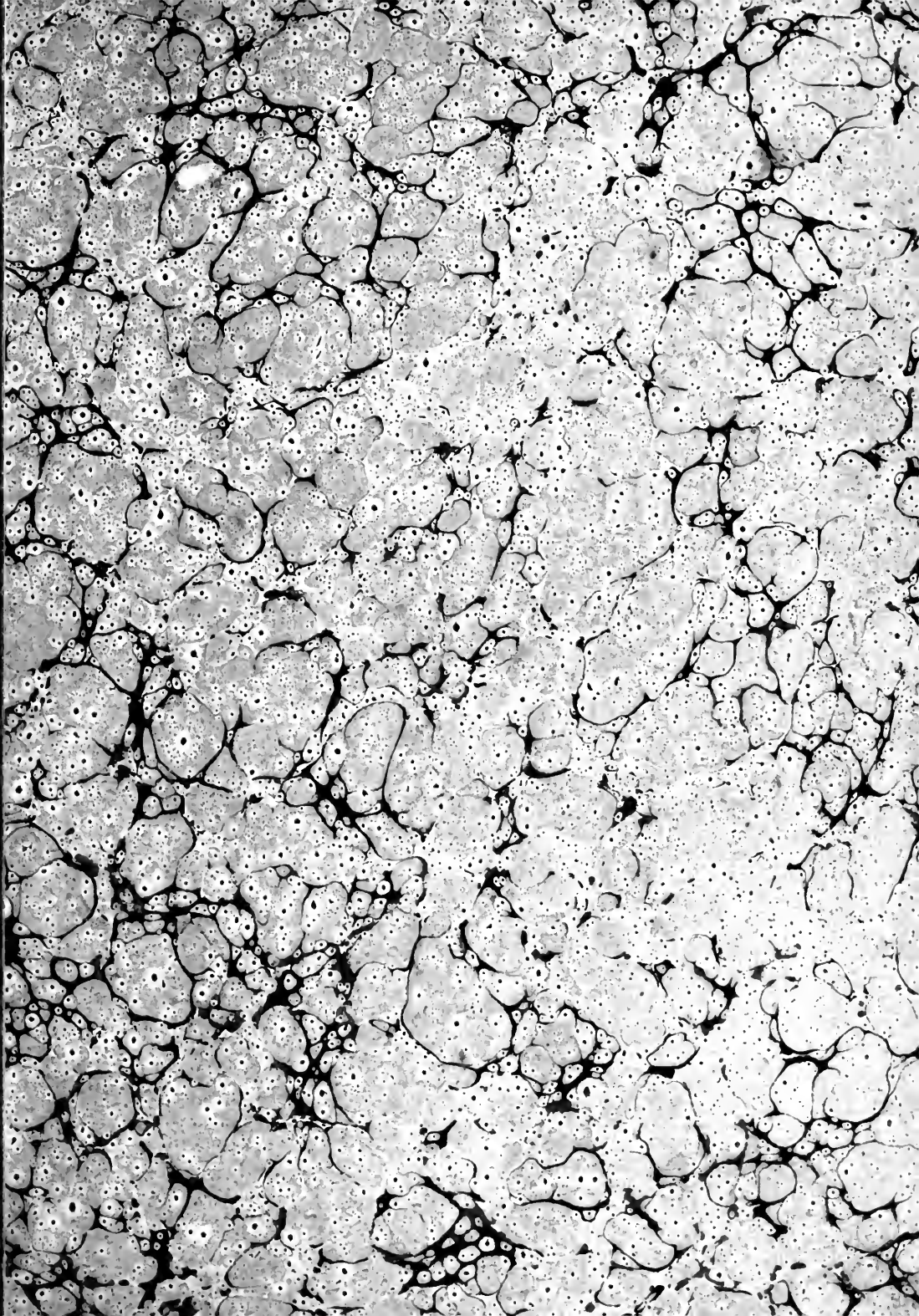

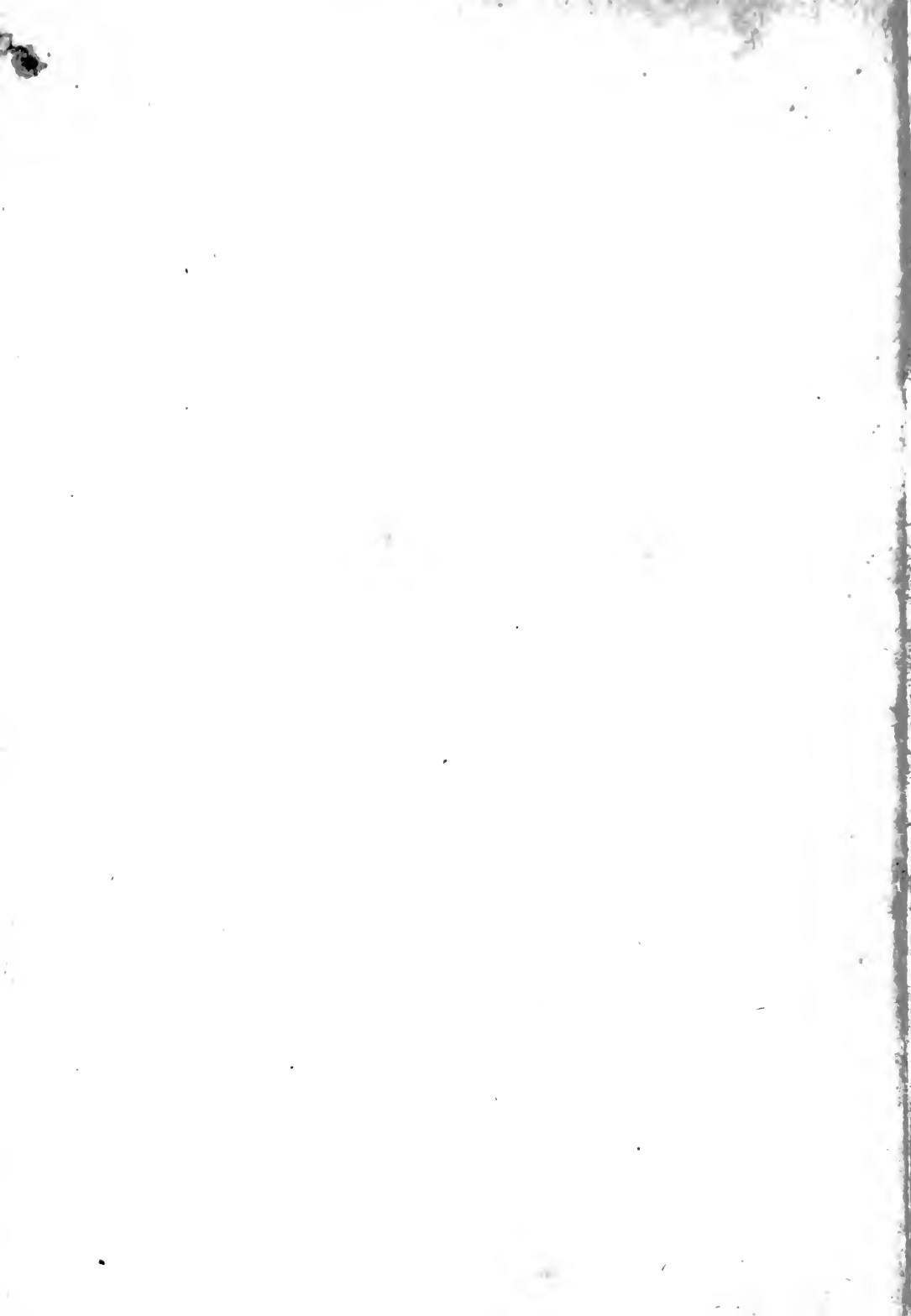
3 1761 06250891 6

Presented to the
LIBRARY *of the*
UNIVERSITY OF TORONTO
from
the estate of

MISHA ALLEN

MÉMOIRES DE DEBOGORY-MOKRIEVITCH

ВОСПОМИНАНІЯ

ВЛ. ДЕБОГОРІЯ-МОКРІЄВИЧА

PARIS

IMPRIMERIE J. ALLEMANE

51, RUE SAINT-SAUVEUR, 51

—
1894

LIBRARY

AUG 14 2003

UNIVERSITY OF TORONTO

I

АМЕРИКАНИЗМЪ

Въ 1866 году, окончивъ каменецъ-подольскую гимназію, я поступилъ въ кievскій университетъ. Я былъ матеріально необеспеченъ, влѣдствіи чего принужденъ былъ часто уѣзжать домой, въ село Луку Барскую, Подольской губерніи, гдѣ были мои родители, и проживалъ тамъ нерѣдко по цѣлымъ мѣсяцамъ, не имѣя средствъ возвратиться обратно въ Кіевъ. Впрочемъ, въ Кіевѣ въ то время жилось довольно скучно — это былъ глухой періодъ среди студенчества: ни кружковъ, ни сходовъ. Только въ деревнѣ я и оживалъ, гдѣ по инициативѣ старшаго брата Ивана цѣлые дни, бывало, проводили мы въ работахъ по хозяйству, а вечера — за чтеніемъ. Онъ получалъ журналъ „Дѣло“ и отъ времени до времени выписывалъ еще для своей библіотеки сочиненія разныхъ авторовъ. По утрамъ я вставалъ рано и обыкновенно отправлялся на полевые работы: убиралъ сѣно, косилъ съ косарями. Мнѣ нравилось смотрѣть на ихъ загорѣлыя, мускулистыя руки, и самъ я мечталъ о развитіи физической силы. При подобныхъ условіяхъ, не замѣтно для себя, я скоро проникся демократическимъ духомъ, проявившимся однако въ началѣ не столько въ моихъ воззрѣніяхъ, сколько въ чувствахъ и внѣшнихъ манерахъ. Такъ, меня шо-

кировала щегольская одежда; я терпѣть не могъ крахмальныхъ воротничковъ, галстуконъ, тонкой обуви, перчатокъ и всегда носилъ вышитую малорусскую сорочку или кумачевую русскую рубаху-косоворотку; съ высокими смазными сапогами я не разставался ни въ грязь ни въ сухое время. Помню, въ 67-мъ году, будучи студентомъ, я прїѣхалъ въ Каменецъ и съ особымъ наслажденіемъ прогуливался въ такомъ костюмѣ мимо оконъ директора гимназіи, причемъ на свои вполне здоровые глаза надѣвалъ синіе консервы, а во рту держалъ папиросу и нестово дымилъ. Миѣ было прїятно, когда я замѣчалъ, что директоръ смотритъ на меня изъ окна; при встрѣчахъ съ нимъ я ему не кланялся, дѣлая видъ, будто его не узнаю. Въ гимназіи намъ запрещено было курить, ходить съ палкою, надѣвать консервы, хотя бы глаза болѣли, носить высокіе сапоги; все это я теперь совершалъ и, понятно, злорадствовалъ. Одинъ учитель, къ которому я заходилъ тогда въ гости, замѣтилъ однажды, глядя на мои длинные волосы, очки и толстую палку: „ну, видно, вы проглотили всю бездну премудрости нигилизма“.

Только въ 1869 году кїевское студенчество оживилось. На сколько помнится, дѣло началось съ организаціи кассы самопомощи. Къ этому же времени въ нашъ университетъ стали опредѣляться изгнанные послѣ безпорядковъ изъ петербургскаго университета; элементъ этотъ еще болѣе оживилъ нашу среду: начали зарождаться литературные кружки или кружки самообразованія; появились одна за другой — студенческая касса, кухмистерская, бібліотека. Правда, всѣ книги нашей бібліотеки свободно укладывались на шести полкахъ, или, вѣрнѣе, шести сосновыхъ доскахъ, прибитыхъ къ стѣнѣ; двѣ верхнія полки заняты были толстѣйшими книгами въ переплетахъ, военными учебниками по стратегіи или чѣмъ то въ этомъ родѣ. Стратегія эта была къмъ то подарена еще при основаніи бібліотеки и зачѣмъ мы ее держали трудно даже сказать, такъ какъ никто ее не читалъ. Составъ книгъ остальныхъ четырехъ полокъ ничѣмъ осо-

бенимъ не отличался: книги были самыя заурядныя. Нецензурныхъ изданій у насъ не было. Если я припомню, что кievскій университетъ обладалъ прекрасной бібліотекой и лекторіей, гдѣ всякій студентъ могъ безвозмездно пользоваться книгами и газетами, то заведеніе нашей бібліотеки прійдется объяснить ничѣмъ инымъ, какъ желаніемъ имѣть во что бы то ни стало свою собственную бібліотеку; въ которой можно было бы хозяйничать безконтрольно. Иногда намъ казалось, что полиція и жандармы слѣдятъ за нашей бібліотекой; это насъ очень интриговало, возбуждало интересъ. Въ такія минуты бібліотека со своей объемистой стратегіей пріобрѣтала въ нашихъ глазахъ уже совсѣмъ цѣнное значеніе.

Я и три товарища занимали комнату сосѣднюю съ бібліотекой; впрочемъ, нерѣдко число жильцовъ у насъ увеличивалось и доходило до восьми человекъ. Нашъ квартирный хозяинъ, Зименко, былъ простой добродушный старикъ, не вмѣшивавшійся ни во что; онъ зналъ, что въ концѣ мѣсяца получить за комнату восемь рублей серебромъ и до остального ему не было никакого дѣла; два, четыре или семь человекъ жило въ комнатѣ — ему было все равно; онъ одинаково исполнялъ свои обязанности по отношенію къ жильцамъ, сводившіеся впрочемъ къ тому чтобы утромъ подать самоваръ.

„Ки-и-пить!. Подается... Подается... Кипить!.

Пора вставать, чай распивать!

Чай китайскіе, — ромы ямайскіе!“

Такъ выкрикивалъ онъ по утрамъ, внося самоваръ въ полутемные сѣнчики, служившіе у насъ вмѣсто передней. Иногда къ этому речитативу онъ прибавлялъ еще слѣдующее: „табаки раскуривать!“. Мы дѣйствительно послѣ этого вставали и принимались за „табаки“ и за чай, — безъ рому впрочемъ — такъ какъ на ромъ у насъ не хватало денегъ. Мы были бѣдны и едва-едва перебивались.

Надо сказать, что среди кievскаго студенчества съ самыхъ отдаленныхъ временъ царствовала бѣдность; объ

этомъ можно было судить по разсказамъ и множеству ходившихъ анекдотовъ изъ студенческой жизни, въ которыхъ между прочимъ бѣднякъ-студентъ выступалъ обыкновенно въ симпатичныхъ роляхъ. Подобные анекдоты на столько были распространены, что у меня за долго до поступления въ университетъ студенчество съ бѣдностью связывалось въ такія же два неразрывныя представленія, какъ теперь связано у меня представленіе о фармацевтахъ съ духами или пахучимъ мыломъ. Студентъ почти что бравировалъ своею бѣдностью; она составляла своего рода шикъ; если у кого даже и имѣлись средства, то это не показывалось; простая, ни въ какомъ случаѣ не щегольская одежда — являлась признакомъ студенческой порядочности: надъ франтами смѣялись открыто; такъ, помню, подняли на смѣхъ одного, явившагося въ студенческую столовую съ кольцами на рукахъ. Впрочемъ франты наши держались въ сторонѣ и не посѣщали собраний. Студенческая масса въ большинствѣ состояла изъ бѣдняковъ: сыновей мелкихъ помѣщиковъ, разночинцевъ. Общая нужда вызвала организаціи кассъ и кухмистерскихъ, вызвала сожителства товарищескими кружками или, какъ ихъ иногда называли, коммунами и приучала людей дѣлиться другъ съ другомъ послѣдними грошами. Такимъ образомъ студенческая жизнь представляла какъ нельзя болѣе благопріятныя условія для распространенія социалистическихъ ученій, ибо, очевидно, принять ученіе, отвергавшее личную собственность, легче всего было тому, у кого собственности не было и кто обладалъ еще соотвѣтственнымъ умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ. Отсутствие денежныхъ счетовъ и товарищескій дѣлежъ другъ съ другомъ, имѣвшіе мѣсто въ студенческихъ кружкахъ, не только сохранились въ послѣдствіи, но еще шире вошли въ употребленіе въ революціонныхъ кружкахъ и организаціяхъ, придавши имъ ту особую высоко-нравственную окраску, какою далеко не могутъ похвалиться многія организаціи.

Выше упомянуто было, что среди кіевскаго студенчества въ 69-мъ году стали устраиваться литературныя

кружки. Въ подобномъ кружкѣ, состоявшемъ изъ семи-восьми человѣкъ, принималъ участіе и я. Мы собирались одинъ разъ въ недѣлю, читали что нибудь и послѣ того бесѣдовали по поводу прочитаннаго. Мы преслѣдовали цѣль саморазвитія. Правда, среди насъ часто поднимались разговоры о предстоящей общественной дѣятельности, но въ этомъ отношеніи нами не принималось никакихъ практическихъ рѣшеній и мы разсматривали вопросъ лишь съ теоретической стороны. Мы считали себя обязанными въ будущемъ работать для пользы и блага народа, но далеко не предрѣшали заранѣе средствъ и путей, посредствомъ которыхъ надѣялись достигнуть этой задачи. Было бы очень трудно, однако, возстановить теперь все то, о чемъ мы бесѣдовали тогда, что читали и какъ высказывались по поводу того либо иного вопроса; въ настоящее время многія подробности совершенно изгладились изъ моей памяти. Я не могу припомнить ничего характернаго, выдающагося; не помню, что бы на меня произвело сильное впечатлѣніе или глубоко взволновало какое нибудь событіе, или какая либо книга. Все шло какъ то спокойно, обыденно. Будущая моя общественная дѣятельность рисовалась мнѣ смутно, неопредѣленно. Такъ дѣло стояло до 1871 года, когда, наконецъ, данъ былъ толчекъ, направившій окончательно мою жизнь по извѣстному пути.

Въ 1871 году въ Москвѣ разбиралось такъ называемое нечаевское дѣло, и отчеты о немъ печатались, — если не измѣняетъ мнѣ память — въ Правительственномъ Вѣстникѣ. Я жилъ тогда въ Лукѣ, и мы съ Иваномъ слѣдили очень акуратно за этимъ процессомъ, возбуждившемъ у насъ странныя, почти противорѣчивыя чувства. Дѣло, представлявшееся дутымъ и несерьезнымъ, наталкивало въ тоже время на цѣлый рядъ весьма важныхъ размышленій. Большинство подсудимыхъ оказывалось простымъ орудіемъ въ рукахъ Нечаева, которому удалось избѣжать суда, скрывшись за границу. Но если показанія подсудимыхъ съ одной стороны и раскрывали передъ публикой нѣкоторыя непривлекательныя стороны

дѣла и въ частности поведенія самого Нечаева, прибѣ-
гавшаго къ мистификаціи и обману своихъ товарищей,
— то съ другой стороны, эти же подсудимые указывали
на нужду и страданія народнои массы, какъ на един-
ственную причину, побудившую ихъ принять участіе въ
заговорѣ. Смѣлое поведеніе на судѣ Успенскаго и Пры-
жова, двухъ главныхъ обвиняемыхъ, окончательно заво-
евывало симпатіи къ нимъ, дѣлая изъ нихъ мучениковъ
за народъ. Конечно, можно было не соглашаться и спо-
рить противъ пути, избраннаго ими для достиженія на-
роднаго блага, можно было находить его даже ложнымъ,
но съ нравственной стороны они были всецѣло правы,
такъ какъ дѣйствовали согласно со своими убѣжденіями
и не отступали передъ препятствіями; болѣе того — они
не задумывались пожертвовать своею жизнью ради дѣ-
ла, въ которое вѣрили. Это горячее отношеніе къ дѣлу,
это самопожертвованіе составляло положительную сторо-
ну нечаевцевъ и невольно звало къ подражанію. Народъ
нашъ дѣйствительно нуждался и страдалъ; это я видѣлъ
собственными глазами. Для добычи куска хлѣба онъ ра-
ботаетъ съ ранняго утра до вечера, отъ зари до зари съ
небольшими перерывами для обѣда; и такъ изо дня въ
день, изъ года въ годъ до самой смерти. У него нѣтъ
времени для образованія или чтенія, нѣтъ досуга для
развлеченій. Ужасная жизнь!.. И всякій честный чело-
вѣкъ дѣйствительно долженъ работать на пользу этого
несчастливаго, замученнаго народа. Вотъ это то стремле-
ніе, шевелившееся раньше гдѣ то на днѣ души, было
окончательно пробуждено во мнѣ нечаевскимъ процес-
сомъ. Но что именно надо было дѣлать и какого пути
держаться я все таки не зналъ. И въ этомъ вопросѣ
Иванъ явился моимъ учителемъ.

„Наши общественныя условія очень не хороши, гово-
рилъ онъ, а такъ какъ всякій человѣкъ подчиняется влі-
янію окружающихъ обстоятельствъ, то даже хорошіе лю-
ди, попавши съ университетскои скамьи въ пошлую
жизнь, скоро деморализуются подъ вліяніемъ среды и
мало по малу превращаются въ чиновниковъ, или въ пу-

стыхъ фразеровъ, неспособныхъ отстаять свои убѣжденія. Всякій порядочный юноша, пока въ университетѣ, мечтаетъ быть полезнымъ народу, но, окончивъ университетъ и поступивъ на службу, забываетъ обо всемъ. Подобному превращенію подвергаются все. Поэтому, раньше чѣмъ говорить о дѣятельности для народа, мы должны застраховать себя тѣмъ или другимъ способомъ отъ такого превращенія, должны позаботиться о сохраненіи своихъ убѣжденій и нравственной чистоты. А это возможно лишь при томъ условіи, когда мы совершенно удалимся изъ деморализующей среды, откажемся отъ привилегированной жизни и станемъ жить, какъ живетъ народъ. Мы должны отказаться отъ всего, что можетъ насъ деморализовать. Далѣе Иванъ принялся развивать ту идею, что зарабатывать хлѣбъ нравственно только физическимъ трудомъ, какъ зарабатываютъ его наши крестьяне, что всякій интеллигентный трудъ въ сущности есть эксплуатація народа и что по этому единственное, чѣмъ мы должны заниматься, это земледѣлство. Для этой цѣли Иванъ предлагалъ устроить земледѣльческую коммуны. Но такъ какъ наше правительство, по его мнѣнію, станетъ преслѣдовать коммуны и, однимъ словомъ, осуществить подобное предпріятіе въ Россіи невозможно, то поэтому намъ ничего другого не остается, какъ переселиться въ Америку.

Разсужденія Ивана казались мнѣ логичными на столько, что я не могъ подыскать на нихъ возраженій. Однако въ душѣ моей законопшлись тяжелыя чувства, и я нѣкоторое время находился въ подавленномъ состояніи, не зная на чемъ остановиться и какое принять рѣшеніе: мнѣ жалко было бросать родину, жалко было разставаться съ Иваномъ, котораго я очень любилъ. Онъ со мной говорилъ такимъ категорическимъ тономъ, какъ будто ѣхалъ въ Америку сію минуту.

Иванъ видимо подмѣтилъ эту борьбу во мнѣ и принялся смягчать впечатлѣніе, вызванное его первыми бесѣдами.

„Переселеніе въ Америку и устройство тамъ земле-

дѣльческой коммуны вовсе не исключаетъ возможности работать въ Россіи, говорилъ онъ. Напротивъ, это представитъ даже большія удобства. Поселившись въ Америкѣ и сдѣлавшись американскими гражданами, мы безбоязненно можемъ пріѣзжать потомъ въ Россію и пропагандировать наши идеи: американское гражданство защититъ насъ отъ насилій со стороны русскихъ властей.“

Коммуна наша въ Америкѣ будетъ такимъ образомъ представлять изъ себя что то въ родѣ сборнаго пункта или вѣрше такого центрального учрежденія, изъ котораго мы будемъ черпать наши силы: въ ней мы будемъ находить свою нравственную опору, она же будетъ снабжать насъ деньгами для развѣздовъ.

На сколько могли быть практически осуществимы подобныя переѣзды изъ одной части свѣта въ другую, или какъ это защитило бы насъ американское гражданство отъ преслѣдованій русскихъ властей и тому подобныя вопросы оставались далеко не выясненными, тѣмъ не менѣе я мало по малу примирился съ проектомъ переселенія и сдѣлался „американцемъ“.

Надо сказать, что въ концѣ 60-ыхъ годовъ многіе усматривали нѣчто необыкновенно привлекательное въ американской жизни и учрежденіяхъ и ѣздили туда. Къ числу такихъ принадлежалъ между прочимъ одинъ нашъ родственникъ, мечтавшій устроить коммуны въ Америкѣ и съ этой цѣлью посѣтившій эту страну; отъ него то Иванъ и позаимствовалъ свой проектъ. Но въ данномъ случаѣ интересно было то, что мысль о переселеніи, въ основаніи которой лежитъ почти всегда разочарованіе, воспринята была людьми далеко не разочарованными и вѣрившими въ свои силы.

Кореннымъ зломъ существующаго строя являлась, по нашему мнѣнію, личная собственность, поэтому основной нашъ принципъ былъ: отрицаніе личной собственности. Въ виду послѣдовательности мы не допускали ее прежде всего въ своемъ „американскомъ“ кружкѣ. Мы признавали равноправность членовъ безъ различія половъ; считали честнымъ средствомъ заработка только

физическій трудъ, почему и находили его обязательнымъ для всякаго члена коммуны. Въ дебатахъ и разсужденіяхъ о равноправности мы логически пришли къ требованію извѣстнаго уметвеннаго ценза отъ членовъ нашей коммуны. Фактическаго равенства не могло существовать при сильной разницѣ въ развитіи, а коноводство въ коммуны не должно было допускаться ни подъ какимъ видомъ. Отрицательное отношеніе къ коноводству установилось главнымъ образомъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ нечаевскаго процесса. Нечаевъ, требовавшій отъ всѣхъ безпрекословнаго повиновенія себѣ, вызвалъ у насъ неблагоприятныя чувства.

Помимо вліянія, какое, по нашей теоріи, мы должны были оказывать на окружающихъ людей своимъ примѣромъ, т. е. жизнью въ коммуны, — въ программу свою мы вводили еще пропаганду словомъ. Последнее собственно и вдохновляло насъ, составляя одну изъ существенныхъ задачъ нашей организаціи и дѣлая ее мало похожею на тѣ проэкты выселенія въ Америку, какихъ не мало было до и послѣ того и которые въ большинствѣ случаевъ задавались цѣлями несравненно болѣе скромными. Мы были коммунистами, такъ сказать, воинствующими; мечтали покрыть земледѣльческими коммунами, подобными нашей, чуть ли не весь міръ; наша пропаганда должна была разноситься всюду: въ Америкѣ, въ Европѣ, въ особенности же, конечно, въ Россіи. Намъ казалось, что подобная пропаганда будетъ имѣть успѣхъ среди русскаго народа: повсюду начнутъ устраниваться земледѣльческія коммуны, уничтожатся мало по малу эксплуатация однихъ людей другими и восторжествуетъ, наконецъ, правда на землѣ.

Пріѣхавъ въ Кіевъ, мы принялись за пропаганду нашего „американизма“ прежде всего, конечно въ томъ литературномъ кружкѣ, членомъ котораго я состоялъ. Тутъ сразу обнаружилась разногласія. Мы, „американцы“, признавали физическій трудъ обязательнымъ для всякаго; большинство членовъ кружка высказалось противъ этого мнѣнія; только двое примкнули къ намъ, съ

остальными же мы разошлись, и между нами, какъ это часто бываесть у русскихъ, послѣ того установились почти враждебныя отношенія. Мы, однако, не пришли въ уныніе отъ этого неполнаго успѣха и съ юношескимъ пыломъ кинулись на розыски и вербовку людей подъ свое знамя. Унывать въ то время было мудрено. Среди университетской молодежи то и дѣло выростали новые кружки; по разнымъ угламъ Кіева устраивались всевозможныя ассоціаціи: тутъ виебла вывѣска швейной мастерской, организованной на кооперативныхъ началахъ, тамъ была пращенная или сапожная. Правда, эти ассоціаціи также быстро разрушались, какъ и создавались, но отъ этого мало измѣнялось положеніе дѣлъ: жизнь была ключемъ.

Исходя изъ того взгляда, что дипломы деморализуютъ людей, давая возможность занимать привилегированныя положенія, я рѣшилъ бросить университетъ. Впрочемъ, все равно мнѣ было бы некогда посѣщать лекціи: я состоялъ членомъ нѣсколькихъ литературныхъ кружковъ и все время тратилъ на пропаганду американизма, шатавшая съ одного собранія на другое.

Въ пропагандѣ и поискахъ за новыми членами, мы натолкнулись въ Кіевѣ на кружокъ, занимающійся распространеніемъ среди молодежи книгъ извѣстнаго характера, какъ напримѣръ: „Положеніе рабочаго класса въ Россіи“, „Азбука соціальныхъ наукъ“, сочиненія Лас-сая и т. п. Этотъ кружокъ находился въ сношеніяхъ съ петербургскимъ кружкомъ такого же направленія, впоследствии получившаго названіе „Чайковцевъ“. Вышеупомянутый кіевскій кружокъ всѣми силами старался препятствовать успѣху американизма среди молодежи. Но едва ли не самымъ яримъ нашимъ противникомъ явился тогда Каблецъ. Покойный Каблецъ, бывший сотрудникъ „Недѣли“, въ то отдаленное время состоялъ вольнослушателемъ въ кіевскомъ университетѣ и пользовался репутаціей одного изъ самыхъ крайнихъ радикаловъ и революціонеровъ. Съ нимъ то у насъ и происходили стычки. Онъ былъ страшно горячій спорщикъ

и, какъ это обыкновенно бываетъ съ людьми не въ мѣру горячими въ спорахъ, не хотѣлъ признать справедливымъ ни одного изъ нашихъ положеній, возражая намъ рѣшительно противъ всего. Мы говорили о пропагандѣ и дѣятельности среди народа; онъ противопоставлялъ этому работу въ правительственныхъ сферахъ и толковалъ объ облагодѣтельствѣрованіи народа сверху, путемъ декретовъ и реформъ. Его мы называли въ шутку „царистомъ“, такъ какъ свои воззрѣнія онъ однажды сформулировалъ такою фразою: „Александръ I, Николай I, Александръ II, Чернышевскій I“; при послѣднемъ имени онъ очень ехидно улыбнулся, находя аргументъ неопровержимымъ. Но насъ трудно было запугать именами и мы возражали, что и Чернышевскій, ставши царемъ, не сдѣлаетъ для народа больше того, что дѣлаетъ всякій другой царь. Этотъ взглядъ у насъ вытекалъ изъ того положенія, что всякій человекъ есть результатъ окружающихъ обстоятельствъ и въ данномъ случаѣ мы сводили вопросъ все къ той же деморализаціи, которая, по нашимъ понятіямъ, должна была постигнуть и Чернышевскаго, разъ бы онъ попалъ въ деморализующую среду.

Нужно сказать, что къ программамъ, толковавшимъ объ облагодѣтельствѣрованіи народа сверху путемъ декретовъ, молодежь относилась въ то время крайне неодобрительно, равно какъ и ко всякаго рода централистическимъ теоріямъ и стремленіямъ. Въ частности къ централистическимъ организаціямъ отрицательное отношеніе установилось послѣ Нечаевского процесса. Всѣмъ порицалось поведеніе Нечаева, какъ оно выяснилось на судѣ, тщательно скрывавшаго свои поступки отъ товарищей по дѣлу и державшему ихъ въ полномъ невѣдѣніи относительно своихъ намѣреній. Слово „нечаевщина“ сдѣлалось нарицательнымъ и стало употребляться въ тѣхъ случаяхъ, когда желали обозначить какую либо дутую загѣю, построенную на обманѣ товарищей. „Да вѣдь это нечаевщина!“ восклицали часто въ спорахъ по поводу какого нибудь мнѣнія или поступка извѣстнаго характера; подобное подведеніе подъ одну катего-

рію съ „печаевщиной“ являлось однимъ изъ вѣскихъ аргументовъ противъ Съ понятіемъ о централистической организаціи связывалось представленіе о безконтрольности, а, слѣдовательно, и о полномъ просторѣ для обмана. Людей слабыхъ характеромъ, поддающихся вліянію другихъ, обзывали пѣшками; тѣхъ, что стремились коноводить — генералами; надъ первыми смѣялись, вторыхъ не любили и какъ однихъ, такъ и другихъ считали для дѣла вредными. На повиновеніе и дисциплину организаціонную смотрѣли нехорошо; послѣднее доходило у нѣкоторыхъ до такой степени, что они склонны были отрицать какую бы то ни было организаціонную попытку. Выработка устава или установленіе какихъ либо правилъ многими встрѣчалось очень недружелюбно; подчиняться правиламъ — значило признавать дисциплину. — „А!.. Понадобился уставчикъ!?“ съ проніей всклицалъ на собраніи кто либо изъ присутствующихъ, и стоило подчасъ немалыхъ усилій, что бы принять былъ хоть слабенькій „уставчикъ“.

Изъ книгъ, пользовавшихся популярностью среди молодежи, болѣе другихъ читались по кружкамъ сочиненія Милля, „Политическая Экономія“ и „Объ Утилитаризмѣ“, „Историческія Письма Миртова“, первый томъ Лассаля. Особенно характерной, нахожу я, роль, которую играла эти послѣдняя книга; изъ Лассаля мы черпали аргументы въ пользу нашихъ народническихъ воззрѣній, не смотря на то, что Лассаль, говоря въ своей книгѣ о рабочихъ, всюду разумѣетъ только фабричный пролетаріатъ, а ничуть не крестьянъ, на которыхъ въ другомъ мѣстѣ прямо указываетъ, какъ на элементъ реакціонный постольку, поскольку они (во время такъ называемыхъ крестьянскихъ войнъ въ Германіи) старались повернуть назадъ колесо исторіи. Этимъ существеннымъ разнорѣчіемъ мы игнорировали тогда и все то, что Лассаль говорилъ о рабочемъ сословіи переносили на наше крестьянство, являвшееся для насъ нашимъ „обездоленнымъ четвертымъ сословіемъ“. Мы особенно близко къ сердцу принимали расужденія Лассаля о томъ, что ра-

бочій, отдавшійся борьбѣ за интересы своего сословія, другими словами за свои собственные интересы, совершаетъ этимъ даже высоконравственный актъ, ибо служить дѣлу общечеловѣческаго прогресса, — такъ какъ въ настоящую историческую эпоху рабочее сословіе является носителемъ прогресса, подобно тому какъ буржуазія была прогрессивнымъ элементомъ въ прошломъ вѣкѣ. Мы читали это, подставляли рабочаго крестьяниномъ, западно-европейскую буржуазію — нашимъ привилегированнымъ сословіемъ и, въ качествѣ „кающихся дворянъ“, съ одной стороны, занимались самобичеваніемъ, съ другой, крѣпили въ своей вѣрѣ въ народъ, признавая его и лучше, и нравственнѣе насъ.

Такъ находили мы всюду доказательства и даже тамъ, гдѣ ихъ совсѣмъ не было, въ защиту нашихъ возрѣній, вырабатывавшихся у насъ очевидно не однимъ литературнымъ путемъ, а и подъ вліяніемъ окружающей жизни. Въ Россіи не было фабричнаго пролетаріата подобнаго западно-европейскому. Какъ въ земледѣльческой странѣ по преимуществу, экономическая жизнь Россіи сосредоточивалась на крестьянскомъ сословіи, которое всего лишь десять лѣтъ назадъ освобождено было отъ крѣпостной зависимости. Все вниманіе, всѣ заботы лучшихъ русскихъ людей были поэтому обращены на это сословіе; оно у насъ составляло главную массу населенія, нашъ народъ; оно у насъ пухло и вымирало отъ голода, подавленное государственными налогами, лишенное пресвѣщенія, оберванное, одичавшее... При подобныхъ условіяхъ, если бы русская молодежь не заразила народничествомъ, то этимъ показала бы лишь свою полную неотзывчивость. Въ то время какъ развитіе идей шло у насъ вышеописаннымъ путемъ, мы не переставали попрежнему пропагандировать свой американизмъ. Но народничество съ интернаціонализмомъ плохо вязалось и мужикофильство, принявшее въ нашемъ кружкѣ широкіе размѣры, совершенно не гармонировало съ мыслью о переселеніи. Надежда, что мы будемъ ѣздить изъ Америки въ Россію перестала насъ удовлетворять. Прав-

да, кружокъ нашъ успѣлъ разростись почти до двадцати человекъ и мы обладали уже достаточными средствами для переселенія, однако переселяться, видимо, большинству не хотѣлось. Мы устраивали съѣзды, принимали рѣшенія; трое изъ насъ поѣхали даже въ Америку въ качествѣ передовыхъ, но все это не привело ни къ какимъ положительнымъ результатамъ: нашъ американизмъ долженъ былъ пасть. Члены, организациі разбросанные по различнымъ городамъ, мало по малу стали вникать въ различныя дѣла другихъ мѣстныхъ кружковъ; многіе поѣхали, между прочимъ, въ Швейцарію, куда въ это время со всѣхъ концовъ Россіи начала съѣзжаться молодежь, искавшая, подобно намъ, рѣшенія на вопросъ „что дѣлать?“

Вопросъ этотъ послѣ распадешя американскаго кружка сильно смущалъ меня. Жизнь въ земледѣльской коммунѣ рисовалась слишкомъ обособленной, изолированной, мирной. Хотѣлось какой то иной, болѣе широкой и шумной дѣятельности, гдѣ бы можно было приходиться въ столкновение съ массами людей; чувствовалась потребность въ живой, активной борьбѣ; и хотя, по прежнему, я все еще оставался интернаціоналистомъ, но забираться въ такую даль, какъ Америка, рѣшительно не хотѣлось. Я остановился на мысли подучиться ремеслу, которое дало бы мнѣ возможность существовать потомъ въ качествѣ рабочаго, и съ этой цѣлью я выбралъ сапожничество и принялся его изучать.

Вскорѣ, подобно другимъ, я надумался тоже поѣхать въ Швейцарію, и вотъ ранней весной 1873 года выѣхалъ изъ Россіи. Въ ту минуту у меня не было яснаго плана, и я не зналъ, что съ собою дѣлать. Правда, было желаніе, пріѣхавши въ Швейцарію, все таки сдѣлать попытку пристать къ какой нибудь изъ тамошнихъ рабочихъ организациі, но желаніе это было простымъ послѣдствіемъ исчезнушаго американизма и не заключало въ себѣ ничего серьезнаго.

II

ПОЪЗДКА ЗА ГРАНИЦУ

Въ Цюрихъ я пріѣхалъ въ апрѣлѣ 73-го года и тамъ засталъ много русскихъ. То была молодежь, по большей части студенты цюрихскаго университета и политехникума, состоявшая на половину изъ дѣвушекъ, пріѣхавшихъ за границу учиться въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, доступъ въ которыя закрытъ былъ тогда для нихъ на родинѣ. Но если въ Россіи, не смотря на надзоръ, въ университетахъ устраивались сходки и заводились кружки, то легко можно себѣ представить, насколько сильнѣе должно было проявиться подобное движеніе среди молодежи, собравшейся за границей вдали отъ родины, гдѣ не было полицейскаго надзора, и гдѣ можно было, не стѣняясь, громко высказывать мнѣнія и организоваться въ какіе угодно кружки. Какой цифры достигало количество съѣхавшихся тогда русскихъ — сказать не могу съ точностью, но, кажется, оно не превышало трехъ сотъ. Количество это безъ сомнѣнія затерялось бы незамѣтно среди населенія, напримѣръ, Парижа, но не такъ было въ Цюрихѣ. Тихіе кварталы этого города возлѣ политехникума, гдѣ преимущественно жили русскіе, совершенно преобразились: всюду слышалась русская рѣчь; кучки молодежи то и дѣло сновали по улицамъ, громко разговаривая между собою и жестикуючая, къ ужасу цюрихчанокъ, не видѣвшихъ раньше ничего подобнаго. Однако жизнь выражалась не въ одномъ только шумѣ и пѣсеняхъ. Въ это время въ Цюрихѣ организовались двѣ русскія библіотеки; заведено было двѣ вольныя русскія типографіи; купленъ былъ домъ, если не ошибаюсь, тысячъ за восемьдесятъ франковъ, въ которомъ устроена была кухмистерская и гдѣ по вечерамъ въ большомъ залѣ происходили общія собранія и чте

нія рефератовъ и лекцій, преимущественно г. Лаврова, проживавшаго въ это время въ Цюрихъ. Впрочемъ, я былъ въ Цюрихъ тогда очень недолго, а потому не берусь знакомить читателя во всѣхъ подробностяхъ съ тамошней жизнью русскихъ. Быть можетъ кто либо другой разскажетъ когда нибудь обстоятельнѣе объ этомъ интересномъ времени, я же ограничусь лишь самыми общими указаніями.

Но здѣсь я долженъ сдѣлать маленькое отступленіе. Западно-европейское международное общество рабочихъ или, какъ его называли, „Интернаціоналъ“ къ тому времени успѣлъ уже распасться на два враждебныхъ лагера: социаль-демократическій и анархическій. Социаль-демократы — преимущественно въ Германіи — ставили своей практической задачей путемъ легальной агитаціи и выборовъ овладѣть постепенно рейхстагомъ, что бы превратить такимъ образомъ въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ нѣмецкую буржуазно-конституціонную имперію въ социалистическое государство. Анархисты признавали необходимымъ полное разрушеніе государства, какъ авторитарнаго учрежденія, отрицали благотворное вліяніе власти, въ чьихъ рукахъ она бы ни была и полагали, что дѣйствительное равенство можетъ осуществиться только по свободному соглашенію между людьми, а ни коимъ образомъ не путемъ государственныхъ декретовъ и реформъ. Такимъ образомъ, первые являлись „государственниками“, вторые — „анти-государственниками“.

Когда эти двѣ враждебныя между собою программы были поставлены на выборъ русской молодежи, она въ громадномъ большинствѣ высказалась за анархію. Я не берусь указывать здѣсь на причины этого явленія. Можетъ быть произошло это оттого, что намъ русскимъ успѣло надоесть къ тому времени государственное вмѣшательство, и въ государствѣ мы видѣли скорѣе врага прогрессу, чѣмъ пособника; а можетъ и потому, что мы не имѣли рейхстага и некуда намъ было посылать своихъ депутатовъ; какъ бы тамъ ни было, но по-вторю, почти всѣ высказались за анархическія теоріи.

Но хотя все и были за анархію однако, полного согласия далеко не было. Напротивъ. Когда я прїѣхалъ, то засталъ русскую колонію въ Цюрихѣ, раздѣленную на два враждебныхъ лагера: „лавристовъ“ и „бакунистовъ“. Первые группировались вокругъ Петра Лавровича Лаврова, только года за два передъ тѣмъ бѣжавшаго за границу изъ Вологодской губ., куда онъ былъ сосланъ административнымъ порядкомъ въ концѣ 60-ыхъ годовъ, бывшаго профессора Артиллерійской Академіи въ Петербургѣ и автора извѣстныхъ „Историческихъ Писемъ“. Вторые представителемъ своимъ считали Михаила Бакунина, стараго эмигранта, проживавшаго въ то время на югѣ Швейцаріи, въ городѣ Локарно. Какъ одни, такъ и другіе конечной своей цѣлью ставили разрушеніе государства; какъ одни, такъ и другіе признавали только революціонный путь борьбы, — но на средства достиженія революціи смотрѣли различно и, въ этомъ то и заключались главнымъ образомъ ихъ разногласія.

„Лавристы“ на первомъ планѣ ставили пропаганду социалистическихъ идей въ народѣ, которая должна была подготовить, какъ имъ казалось, народную массу къ социальной революціи.

„Бакунисты“ признавали бунтовской путь, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, благодаря общему недовольству существующимъ строемъ, бунтъ всегда имѣлъ шансы перейти во всенародное возстаніе или, другими словами, въ революцію. Но даже въ худшемъ случаѣ, будучи подавленнымъ, бунтъ все таки являлся школою, которая воспитывала народъ въ желательномъ направленіи и революціонизировала его, то есть дѣлала способнымъ къ созданию революціи.

Къ этимъ болѣе или менѣе существеннымъ разногласіямъ примѣшивались еще второстепенныя недоразумѣнія, повидимому совершенно несерьезныя, ничтожныя, которыя однако же на дѣлѣ оказывались и болѣе серьезными и болѣе важными, чѣмъ все остальное. Между „бакунистами“ и „лавристами“ возгорѣлась изъ за бібліотеки страшная борьба, доведенная болѣе ревностны-

ми сторонниками до того, что ,наконецъ, сдѣлалось опаснымъ выходить изъ дому безъ оружія. Когда я пріѣхалъ въ Цюрихъ, то засталъ здѣсь нѣсколько человекъ моихъ товарищей по „американскому“ кружку, и одна изъ пріятельницъ принялась первно и торопливо знакомить меня во всехъ подробностяхъ съ цюрихской жизнью, причеь настаивала, чтобы я присоединился къ нимъ — она была ярая „бакунистка“. Но я рѣшительно ничего не могъ понять изъ того, что видѣлъ и слышалъ кругомъ себя, не могъ войти во вкусъ мѣстныхъ недоразумѣній и потому на первыхъ порахъ долженъ былъ оставаться въ сторонѣ. Къ тому же я былъ поглощенъ рѣшеніемъ'вопросовъ чистого принципіальнаго характера,— и объ цюрихской библіотекѣ, кому она должна была принадлежать и кто ею долженъ былъ распорядиться — „лавристы“ или „бакунисты, — просто не хотѣлось даже думать. Меня преслѣдовала мысль сдѣлаться рабочимъ и войти въ организацію интернаціонала. Эту же мысль раздѣляли со мною Донецкій и Судзиловскій, два моихъ товарища по „американскому“ кружку. Третій товарищъ, Ходько, человекъ, обладавшій нестойщимъ запасомъ остроумія и хохлацкаго юмора, подсмѣивался надъ нами и утверждалъ, что ровно ничего не выйдетъ изъ нашего стремленія „слиться“ съ западно-европейскимъ рабочимъ, что мы, подобно ему, скоро разочаруемся Европой возвратимся въ Россію, куда, между прочеь, онъ уже со дня на день собирался ѣхать. Не смотря на это трое насъ рѣшили отправиться искать работу къ Сенъ-Готарду, гдѣ въ то время рыли тунель и прокладывалась желѣзная дорога, и недѣли черезъ три послѣ моего пріѣзда въ Швейцарію мы собрались въ путь.

Передъ самымъ отъѣздомъ изъ Цюриха я зашелъ къ Р., одному изъ „бакунистовъ“, что бы познакомиться съ нимъ. Надо сказать, что я сильно интересовался какъ программой Бакунина, такъ и самой его личностью. Еще въ Россіи я слышалъ о немъ, какъ о человекѣ, которому русское правительство придавало большое значеніе, и потому, пріѣхавши въ Швейцарію, съ большимъ любопытствомъ

придлушивался ко всему, что касалось его. Я узналъ, что Бакунинъ участвовалъ въ революціи 1848 года въ Дрезденѣ, гдѣ игралъ выдающуюся роль, и потомъ за это осужденъ былъ саксонскимъ правительствомъ къ смерти. Но австрійское правительство потребовало его выдачи и въ свою очередь приговорило его къ смерти за участіе въ пражскомъ возстаніи, имѣвшемъ мѣсто ранѣе дрезденскаго. Посаженный въ одну изъ австрійскихъ крѣпостей, чуть ли не въ Ольмюцъ, онъ просидѣлъ тамъ прикованный за ногу къ пушечному ядру, до тѣхъ поръ пока, по требованію Николая I, не былъ выпущенъ, наконецъ, Россіи. Здѣсь, заключенный въ Шлессельбургъ, пробылъ еще нѣсколько лѣтъ въ одиночкѣ и только въ концѣ 50-ыхъ годовъ сосланъ былъ въ Сибирь, откуда ему удалось бѣжать въ началѣ 60-ыхъ годовъ за границу. Прошедшая жизнь Бакунина, вліяніе, какимъ онъ пользовался на окружающихъ, его способности — словомъ все принимало у него крупныя, необыкновенныя размѣры, далеко не укладывавшіяся въ обыденныя рамки. То его приговариваютъ къ смерти, то томятъ потомъ около девяти лѣтъ въ одиночныхъ кельяхъ по крѣпостямъ. Изъ Сибири онъ бѣжитъ кругомъ свѣта черезъ Японию и Америку и, явившись въ Европу, принимаетъ здѣсь горячее участіе въ различныхъ революціонныхъ попыткахъ. Онъ оказывается однимъ изъ лучшихъ ораторовъ. Принявъ участіе въ „интернаціоналѣ“, становится могучимъ противникомъ Маркса, противопоставляя его „государственности“ свою „анархію“, и доводитъ дѣло до распадешія „интернаціонала“ на два враждебныхъ лагера: соціально-демократовъ и анархистовъ.

Нечего и говорить, что я цѣлкомъ склонился къ послѣднимъ, такъ какъ мнѣ не нравились централистическія теоріи соціально-демократовъ и „государственность“, отождествлявшаяся въ моихъ понятіяхъ съ чиновничествомъ, къ которому еще съ юности установилось у меня отрицательное отношеніе.

Но возвращаюсь однако къ прерванному разсказу. Итакъ наканунѣ отъѣзда изъ Цюриха, я познако-

мился съ бакуниицемъ Р. и среди разныхъ другихъ вопросовъ заговорилъ, между прочимъ, съ нимъ о нашемъ планѣ сдѣлаться рабочими и примкнуть къ какой нибудь мѣстной секціи „интернаціонала“. Помню, сначала онъ принялся было меня разубѣждать, но, замѣтивъ мое упрямство, скоро прекратилъ свои возраженія и въ заключеніе сказалъ: „Ну что же, впрочемъ, попробуйте.. Хотя я знаю изъ опыта, что иностранцу это очень трудно. Даже Бакунина встрѣчали большія затрудненія во время своей дѣятельности въ Лонѣ въ 71-омъ году. Противники распространяли о немъ нелѣпныя выдумки, желая дискредитировать его въ глазахъ лонскихъ рабочихъ, и ему приходилось тратить много энергіи и силъ, что бы защитить себя отъ клеветы.

Эти свѣдѣнія неприятно меня поразили. Если Бакунина встрѣчали подобныя пренятствія во время его дѣятельности среди французскихъ рабочихъ, то что же надо было ожидать мнѣ? — мысленно задавалъ я себѣ вопросъ.

На другой день Судзиловскій, Донецкій и я уже ѣхали по желѣзной дорогѣ къ Люцерну. Добравшись изъ Люцерна до Флюэлена по Фирвальдштетскому озеру, мы сошли съ парохода и двинулись пѣшкомъ — съ узлами на плечахъ — по шоссеиной дорогѣ, ведущей къ Сень-Готардекому проходу. Дорога шла все время вдоль рѣки Рейсъ, которая текла горною долиною, мѣстами принимавшею видъ небольшихъ зеленыхъ и совершенно плоскихъ лужковъ, окруженныхъ горами, мѣстами же превращавшейся въ узкія извилистыя ущелья, загроможденные камнями, среди которыхъ съ шумомъ кипѣла и пѣнилась рѣка. По сторонамъ рѣки толпились горы, поросшія ельникомъ и выглядывавшія одна изъ за другой вершинами то остроконечными, то закругленными въ видѣ гигантскихъ шапокъ, съ ущельями, съ голыми скалами. Помню, въ одномъ мѣстѣ почти у самой дороги торчала огромная голая скала, перпендикулярно поднимавшаяся на такую страшную высоту, что мы все трое невольно заглядѣлись на нее. Далеко-далеко вверху на скалѣ я увидѣлъ

ель, всю подавшуюся впередъ и нависшую прямо надъ нашими головами. Видимо, старая, рослая ель — снизу она казалась намъ крошечнымъ деревцемъ.

— „Вотъ ты себѣ представь“, говорилъ я Судзиловскому, глядя вверхъ, „что ты сидишь вонъ на той елочкѣ и что она подъ тобою вдругъ ломается.

— „У-у! Чортъ возьми!“ воскликнулъ Судзиловскій, содрагаясь. И я чувствовалъ, какъ у меня тоже пробѣжалъ морозъ по спинѣ.

Первое время я восторгался видами природы, но потомъ мало по малу горы стали меня давить. Миѣ все хотѣлось широкаго, открытаго горизонта. Однако напрасно мой глазъ искалъ простора: его нигдѣ не было; со всѣхъ сторонъ висѣли скалы. На меня падало какое-то тошливое удрученное состояніе. Разъ какъ то, уже не далеко отъ того пункта гдѣ начинается тоннель, для избѣжанія росходовъ, мы забрались на ночлегъ въ глубь лѣса, въ сторону отъ дороги. Мѣстность была глухая. Шелъ дождь. Мы сильно продрогли, такъ какъ — хотя это и было въ маѣ мѣсяцѣ — но мѣсто было очень высокое, и тамъ стояли еще холода. По русскому обычаю мы развели костеръ и, расположившись подъ скалою, защищавшею насъ отъ дождя, разослали на землѣ одежду и улеглись спать. Густой словый лѣсъ спускался по горѣ внизъ, откуда доносился несмолкаемый шумъ рѣки. Ночь наступила темная. Дождь усилился. Костеръ согрѣвалъ наши ноги и мы задремали. Вдругъ послышался въ лѣсу трескъ.

— „Кто тамъ!?“ окликнулъ одинъ изъ насъ по русски, видимо забывая съ просонья, что дѣло происходитъ въ Швейцаріи.

Мы всѣ очнулись отъ дремоты. Лѣсной валежникъ трещалъ подъ чьими то тяжелыми ногами. Трескъ усиливался, приближался; кто то двигался на огонь. Одинъ изъ насъ вытащилъ револьверъ. Мы предполагали увидѣть передъ собою по, крайней мѣрѣ, мѣдвѣдя, но оказался только лѣсной сторожъ. На неудобопонятномъ языкѣ (языкѣ внутреннихъ кантоновъ) онъ намъ объяснилъ, что разводить костровъ нельзя, такъ какъ отъ этого

можетъ произойти лѣсной пожаръ, и потребовалъ, чтобы мы потушили огонь.

Въ Россіи въ такую погоду не только лѣсные сторожа, а даже собаки снѣтъ, забравшись въ сухое мѣсто!

Мы принуждены были потушить костеръ.

— „Ну, злѣе не скроешься!“ замѣтилъ кто-то изъ насъ.

— „Да... Не скроешься...“

И долго послѣ того мы бесѣдовали на тему о швейцарскомъ „благоустройствѣ“, и я вдругъ почувствовалъ, что оно меня давитъ, подобно горамъ. Мнѣ вспомнились наши русскіе лѣса — дремучіе, непроходимые, безъ лѣсныхъ сторожей.

Прибывши на мѣсто работъ, мы остановились для отдыха въ маленькомъ отельчикѣ, въ деревушкѣ, расположенной на крутомъ возвышеніи, и всю ночь слышали, какъ внизу возлѣ рѣки происходили взрывы: тамъ рвали гору для тоннели. На другой день мы принялись раззнавать относительно работы, но къ нашему изумленію услышали, что рабочихъ и безъ того было больше чѣмъ нужно и намъ не оставалось никакихъ шансовъ получить занятіе. Тогда, сдѣлавши между собою совѣщаніе, мы рѣшили двинуться по направленію къ Женевѣ, такъ какъ возвращаться въ Цюрихъ во всякомъ случаѣ не хотѣли. И вотъ мы пошли дальше. На сколько помнится, изъ селенія Андермата, находящагося почти у самого подножья Сент-Готарда, мы повернули вправо и двинулись черезъ такъ незываемый Фуркскій проходъ. Дѣло происходило, какъ я уже раньше говорилъ, въ маѣ мѣсяцѣ, и проходъ оказался еще весь заваленъ снѣгомъ, безъ малѣйшаго слѣда дороги. Мы шли, руководясь „Бедекеромъ“ и вершинами горъ, высившимися по сторонамъ. Проваливаясь въ снѣгъ до пояса, мы брели съ страшными усиліями. Выбившись изъ силъ, ложились и пробовали катиться по снѣгу или же ползли на четверенкахъ, что бы не такъ глубоко проваливаться. Между тѣмъ погода наступила превосходная. Солнцѣ ярко сіяло на совершенно безоблачномъ небѣ,

и наши глаза сильно страдали отъ лучей, отражавшихся отъ снѣга. Кое какъ мы добрались до отеля, большого зданія въ два или три этажа, стоявшаго среди этой снѣжной пустыни. Переночевавши въ отелѣ, гдѣ кромѣ одного сторожа и нѣсколькихъ собакъ никого не было, на другой день мы спустились въ Ронскую долину и двинулись по направленію къ Женевскому озеру.

Въ Женевѣ мы познакомились съ эмигрантомъ Лазаремъ Гольденбергомъ (не надо смѣшивать съ Григоріемъ Гольденбергомъ, пріобрѣвшимъ печальную извѣстность своими показаніями, скомпроментировавшими очень многихъ лицъ), завѣдывавшимъ въ то время вольной русской типографіей, принадлежавшей петербургскому кружку „чайковцевъ“, о которыхъ я упоминалъ какъ то выше. Типографія женевская заведена была ими, кажется, около года тому назадъ (1872 г.), и въ ней печатались брошюры неключительно для народа. Гольденбергъ принялся хлопотать о пріисканіи намъ работы, но найти въ Женевѣ какую бы то ни было работу, особенно иностранцу, оказалось дѣломъ далеко нелегкимъ. Судилоvesкому скоро надоѣло это неопредѣленное положеніе и онъ рѣшилъ воротиться въ Цюрихъ, такъ что насъ осталось только двое: я и Донецкій. Въ ожиданіи пока подыщется работа (объ этомъ хлопотали французы, знакомые Гольденберга), я почти всякій день посѣщалъ Гольденберга и Купріянова, работавшихъ въ типографіи. Купріяновъ недавно передъ тѣмъ былъ прилепъ за границу кружкомъ „чайковцевъ“, кажется, специально по дѣламъ типографіи, и скоро долженъ былъ возвратиться въ Россію. Печаталась въ это время „Исторія французскаго крестьянина“, передѣлка на русскомъ языкѣ, припособленная для народа. Я часто вступалъ въ споры съ Купріяновымъ, доказывая ему, что мало пользы печатать книжки для народа, который неграмотенъ. Онъ, конечно, не соглашался со мною; но рѣдко удавалось разшевелить его въ спорѣ до того, что бы онъ повернулъ ко мнѣ свое лицо: стоитъ, бывало, возлѣ кассы съ наборомъ въ рукѣ и возражаетъ, не торо-

нась. Онъ производилъ впечатлѣніе человека флегматичнаго, но некренаго и развитаго не по лѣтамъ (въ то время, на сколько помню, ему не было двадцати лѣтъ). Помню, особенно много спорили мы съ нимъ по вопросу о значеніи темперамента для революціоннаго дѣла. Онъ не придавалъ никакого значенія темпераменту и все сводилъ къ понятію о долгѣ. Я думалъ иначе.

По возвращеніи въ Россію, Купріяновъ вскорѣ былъ арестованъ и спустя нѣсколько лѣтъ умеръ отъ чахотки, развившейся у него въ тюрьмѣ.

Но вотъ, наконецъ, Донецкому и мнѣ удалось пристроиться къ работѣ: насъ помѣстили къ одному предпринимателю въ качествѣ землеконовъ съ платою трехъ франковъ въ день. Я былъ привыченъ къ физическому труду и потому выносилъ эту работу сравнительно легко. Но о Донецкомъ нельзя было этого сказать. Не одинъ разъ доводилось мнѣ читать въ его глазахъ страданіе. Махая желѣзной киркой съ ранняго утра до полудня, онъ выбивался изъ силъ и тяжело былоем этрѣтъ на его изнуренное залитое потомъ лицо. Земляная пыль набивалась въ глаза, въ ноздры, алтънее солнце невыносимо жгло сверху. Но онъ не унывалъ и скоро сталъ даже привыкать къ работѣ. Такъ прошло, кажется, недѣли двѣ или три. Помню, въ одну изъ субботъ я ушелъ съ работы домой нѣсколько раньше обыкновеннаго, разсчитывая встрѣтиться съ Донецкимъ вечеромъ въ кофейнѣ, гдѣ мы обыкновенно ужинали. Но уже давно наступило время окончанія работъ, я поужиналъ, а Донецкаго все не было. Я сталъ тревожиться. Переговоривши съ Гольденбергомъ, находившимся тоже въ кофейнѣ, мы рѣшили отправиться на мѣсто работъ. Закрадывалось даже подозрѣніе, не ушибленъ ли Донецкій землею, что, какъ извѣстно, случается при такого сорта работахъ. Придя на мѣсто, мы никого не застали; рабочіе разошлись по домамъ. Изъ опросовъ въ сосѣднихъ домахъ, мы узнали, что никакого несчастнаго случая не было и, нѣсколько успокоенные, возвратились въ нашу кофейню, предполагая, что Донецкій, идя съ работы вѣроятно зашелъ куда нибудь и что

во всякомъ случаѣ онъ скоро долженъ явиться къ ужину. Однако Донецкій не приходилъ въ тотъ вечеръ ужинать и не возвращался почевать на свою квартиру. Я жилъ съ нимъ въ одной комнатѣ. Ночь провелъ я въ безпокойствѣ и лишь только наступилъ день помчался къ Гольденбергу. Тревогу мы забыли невообразимую. Тотчасъ сообщили обо всемъ знакомымъ французамъ коммунарамъ, жившимъ въ то время въ Женевѣ на положеніи эмигрантовъ. Коммунары, относившіеся весьма сочувственно къ намъ, устремились тоже на поиски. Никакихъ указаній, никакихъ свѣдѣній!.. Донецкій словно сквозь землю провалился. Измученные, недоумѣвающие сошлись мы къ полудню въ нашъ рестораникъ, и каково же было наше изумленіе?! Донецкій сидѣлъ за столикомъ и что то ѣлъ съ апетитомъ. Оказалось, что все это время онъ провелъ въ женевской кутузкѣ. Дѣло было такъ: возвращаясь съ работы, Донецкій наступить былъ на улицѣ двумя какими то господами въ штатскихъ костюмахъ; они схватили его за руки и стали тащить въ полицію. Принявъ вначалѣ этихъ господъ за обыкновенныхъ пьяныхъ нахаловъ, Донецкій попытался было отдѣлаться отъ нихъ силою, но они его одолѣли и самымъ грубымъ, безцеремоннымъ способомъ поволокли въ кутузку. По пути, на вопросъ Донецаго, за что его арестуютъ, они ему отвѣтили: „*Quel droit avez-vous de travailler ici!*“ Приведя на мѣсто, они его тщательно обыскали, забрали табакъ и спички, находящіеся при немъ и втокнули въ темную, воючую коморку на почъ. Только на слѣдующее утро его привели передъ лицо самого директора полиціи. Директоръ велъ себя необыкновенно вѣжливо и мило, порицалъ своихъ агентовъ за ихъ грубое поведеніе наканунѣ. Но, какъ извѣстно, это обыкновеніе всѣхъ директоровъ полиціи конституціонныхъ странъ: держать на службѣ грубыхъ агентовъ для того, что бы потомъ извиняться передъ пострадавшими. Надо знать, что Донецкій пріѣхалъ за границу съ чужимъ паспортомъ, такъ какъ онъ былъ нѣсколько скомпроментированъ въ глазахъ русскои

полиціи и ему не хотѣли выдать заграничнаго паспорта. Въ Женевѣ онъ жилъ безъ „*permis de séjour*“; шпионы женевскіе это пронохали и, конечно, по приказанію того же вѣжливаго директора пали на него въ ту минуту, когда онъ возвращался съ работы домой. Директоръ полиціи, снявъ допросъ, отпустилъ Донецкаго, но при этомъ заявилъ ему, что бы онъ немедленно выѣзжалъ изъ женевского кантона, въ противномъ случаѣ грозилъ вывезти его силою.

Такимъ образомъ, Донецкій для женевской республики оказался опаснымъ человекомъ, отъ котораго тамошнія власти сочли необходимымъ во что бы то ни стало избавиться. Впрочемъ, можетъ быть его изгнали просто по просьбѣ русскаго посольства, и директоръ женевской полиціи получилъ за это даже извѣстную награду. А можетъ быть, наконецъ, и въ самомъ дѣлѣ женевскимъ властямъ было непріятно смотрѣть, какъ мы, иностранцы, отбивали работу у ихъ гражданъ. Такъ ли, иначе ли, по результатъ оставался одинъ и тотъ же: намъ нельзя было оставаться въ Женевѣ, ибо, очевидно, если полиція поступила съ Донецкимъ такъ сегодня, то никто не помѣшаетъ ей завтра поступить подобнымъ же образомъ со мною. Швейцарская свобода была, какъ видно, не для всѣхъ, и мы оказывались здѣсь лишними. Да полно, только ли съ нами, иностранцами, такъ безцермонна была эта полиція!? Я самъ въ Женевѣ былъ свидѣтелемъ того, какъ жандармъ билъ „гражданина“; „гражданинъ“ свалился на полъ — дѣло происходило въ участкѣ — и жандармъ привялся тыкать его въ бока и брюхо своими сапожищами, подбитыми снизу для крѣпости сплошными рядами гвоздей, такихъ какіе употребляются у насъ въ Россіи для лошадиныхъ подковъ. Но что же это, въ такомъ случаѣ, за порядки и какая это свобода?.. Склонные и безъ того крайне скептически относиться къ политической свободѣ, мы только укрѣплялись въ своемъ отрицательномъ отношеніи къ ней, имѣя передъ глазами подобные факты. Такимъ образомъ о „свободѣ“ съ западно-европейскимъ рабочимъ и думать

больше не хотѣлось и оставалось только покончить съ этимъ вопросомъ какъ нибудь сразу, тѣмъ болѣе, что въ глубинѣ души давно уже копошилось смутное чувство недовольства и какой то неудовлетворенности всѣмъ тѣмъ, что приходилось видѣть кругомъ: и языкъ чужой, и нравы чужіе, и тѣсно тутъ такъ, что повернуться негдѣ, и скука, скука смертная!.. Я рѣшилъ возвратиться въ Россію. Такъ кончился первый періодъ моей жизни, явившійся какъ бы преддверіемъ къ слѣдующему за нимъ — „революціонному народничеству“, которое собственно и составитъ главный предметъ моихъ воспоминаній.

Я послалъ письмо въ Цюрихъ, къ „бакунистамъ“, предлагая принять участіе въ ихъ работахъ по изданію и, получивъ отвѣтъ, тотчасъ уѣхалъ въ Цюрихъ. Они печатали въ это время „Государственность и Анархія“ Бакунина; „лавристы“, кажется, работали тогда надъ первымъ номеромъ „Впередъ“. Окончивъ печатаніе „Государственность и Анархія“, въ августѣ или сентябрѣ 73 года, я вмѣстѣ съ Р. отправился въ городъ Локарно, гдѣ жилъ Бакунинъ. Передъ отъѣздомъ въ Россію мнѣ непременно хотѣлось съ нимъ познакомиться.

Мы ѣхали длижансомъ той самой дорогой, которую нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ я пѣшкомъ прошелъ, только теперь изъ Андермата не сворачивали вправо, на западъ, а переваливши черезъ Сенъ-Готардекій проходъ, двинулись прямо къ югу, вдоль рѣчки, направлявшейся къ озеру Лаго-Маджоре, на берегу котораго построены городъ Локарно. Дижансъ прибылъ на мѣсто поздно вечеромъ; мы заняли номеръ въ гостинницѣ, отложивъ нашъ визитъ до слѣдующаго дня. Но Бакунинъ вставалъ поздно, такъ что мы отправились къ нему только часу въ десятомъ утра. Погода стояла солнечная, и послѣ яркаго свѣта снаружи, когда я вошелъ въ его комнату, помѣщавшуюся въ нижнемъ этажѣ, она мнѣ показалась совершенно темной. Одно или два ея окна выходили куда то въ темное мѣсто, можетъ быть въ садъ, и мало давали свѣту. У правой стѣны, въ углу,

я увидѣлъ въ тѣни огромную низкую кровать, на которой въ ту минуту еще лежалъ Бакунинъ.

Р. меня отрекомендовалъ ему. Тотъ, лежа, пожалъ намъ обомъ руки, сопя, приподнялся съ кровати и сталъ медленно одѣваться. Я осмотрѣлся. Слева, вдоль стѣны стоялъ длинный столъ, заваленный газетами, книгами и письменными принадлежностями. Далѣе почти до потолка поднимались простыя деревянные полки, тоже загроможденные всевозможными бумагами. По срединѣ комнаты на кругломъ столѣ стоялъ самоваръ, стаканы, табакъ, куски сахара, чайныя ложечки... все въ перемѣшку; стулья — въ безпорядкѣ.

Бакунинъ былъ необычайно высокъ и массивенъ, хотя его полнота была, очевидно, болѣзненная. Его лицо было обрюзглее, подъ свѣтло-сѣрыми или голубыми глазами висѣли мѣшки. Огромная голова закапчивалась большимъ лбомъ, по сторонамъ котораго торчали вьющимися клоками рѣдкіе полусѣдые волосы. Онъ одѣвался, сопялъ и отъ времени до времени уставлялъ на меня свои свѣтлые глаза. Я чувствовалъ на себѣ этотъ взглядъ и мнѣ было пеловко, тѣмъ болѣе, что совершалось это молча. Я слыхалъ раньше, что Бакунинъ составлялъ мнѣніе о людяхъ по первому впечатлѣнію, и теперь, чего добраго, онъ изучалъ мою физіономію. Изрѣдка онъ перебрасывался съ Р. короткими фразами. Онъ сильно шенелявилъ, такъ какъ у него недоставало многихъ зубовъ. Но вотъ онъ согнулся, что бы одѣть ноги и въ эту минуту я услыхалъ, какъ его дыханіе сперлось. Когда онъ выпрямился, то засопѣлъ странно тяжело — онъ задыхался, его обрюзглое лицо посинѣло. Все это указывало на то, что болѣзнь, свевшая его года три спустя въ могилу, уже была развита въ сильной степени. Когда Бакунинъ одѣлся, мы вышли въ садъ, въ бесѣдку, куда поданъ былъ завтракъ. Здѣсь къ намъ подошли двое итальянцевъ, одному изъ которыхъ онъ меня отрекомендовалъ. То былъ Кафіери, ближайшій другъ Бакунина, извѣстный тѣмъ, что отдалъ свое состояніе, достигавшее весьма значительной цифры, на

итальянскія революціонныя дѣла. Онъ, молча, усѣлся возлѣ насъ и принялся курить трубку. Между тѣмъ пришелъ почтальонъ съ кучей газетъ и шпеемъ, и Бакунинъ занялся ихъ просматриваніемъ. Затѣмъ появился Зайцевъ, бывший сотрудникъ журнала „Русское Слово“, жившій тогда въ одномъ домѣ съ Бакунинымъ, и вѣкорѣ между нами завязался общій разговоръ о Барселонскомъ возстаніи (въ Испаніи), происходившемъ, кажется, въ 1872 году и окончившимся, какъ извѣстно, неудачно. Среди другихъ взглядовъ, высказанныхъ присутствовавшими, по поводу этого возстанія, Бакунинъ выразилъ, между прочимъ, ту мысль, что сами революціонеры были сильно виноваты въ неудачѣ, достигшей ихъ въ Барселонѣ.

— „Въ чемъ же были ихъ ошибки?“ спросилъ я.

— „Надо было сжечь правительственныя зданія! Это первый шагъ въ моментъ возстанія, — а они этого не сдѣлали!“ съ жаромъ проговорилъ онъ.

Только изъ дальнѣйшихъ бесѣдъ мнѣ выяснилось насколько важное значеніе Бакунинъ придавалъ этому „первому шагу“. По его мнѣнію, уничтоженіемъ правительственныхъ зданій, гдѣ сохранялись всевозможные акты и документы, вносился серьезный безпорядокъ и хаосъ въ существующія общественныя отношенія. „Многія привилегіи и права собственности покоятся на тѣхъ либо другихъ документахъ“ говорилъ онъ „съ уничтоженіемъ которыхъ полный позоръ къ старому порядку становится затруднительнымъ“. Развивая свою мысль, Бакунинъ указывалъ на тогъ, по его мнѣнію, многозначительный фактъ, что самъ народъ въ моментъ возстанія раньше всего набрасывается на правительственныя учрежденія — канцеляріи, суды, архивы, и при этомъ вспомнилъ нашъ Пугачевскій бунтъ, когда возставшая толпа съ ожесточеніемъ рвала и жгла правительственныя бумаги. Народъ, такимъ образомъ, по мнѣнію Бакунина, инстинктивно понималъ зло „бумажнаго царства“ и стремился его уничтожить. Слушая Бакунина, я вспоминалъ и недовѣріе, съ какимъ дѣйствительно относится нашъ мужикъ къ бумагамъ, и тогъ страхъ, который

вселяютъ онѣ ему. Я вспомнилъ всю эту массу бумагъ съ тысячами исходящихъ номеровъ, выпускаемыхъ ежегодно нашими канцеляріями, — всевозможныхъ отношений, заявленій, рапортовъ, гдѣ, главнымъ объектомъ, для чиновничьихъ манипуляцій, имѣющихъ цѣлью вытащить рубль изъ кармана, является все тотъ же неизмѣнный мужикъ; вспомнилъ — вѣнецъ всего — нашъ всероссійскій паспортъ, эту изумительную бумагу, обладающую такимъ качествомъ, что человекъ безъ нея не человекъ, а какое то преступное существо, долженствующее сидѣть въ тюрьмѣ; — вспомнилъ я все это и оцѣнилъ мысль Бакунина. Ненависть, съ какою онъ относился къ „бумажному царству“, сказывавшаяся рѣшительно въ каждомъ словѣ и даже въ выраженіи его глазъ, становившихся совершенно круглыми въ ту минуту, когда онъ говорилъ объ этомъ вопросѣ, дѣлали его какъ бы естественнымъ представителемъ русскаго народа, хотя въ это время Бакунинъ далеко уже не увлекался русскими революціонными дѣлами. Напротивъ, по отношенію къ русскимъ у него звучала скептическая нота. Надъ нѣмцами онъ любилъ посмѣяться, особенно, когда заходила рѣчь о нѣкоторыхъ возстаніяхъ 48-го года. Нѣмецъ и революція были въ его представленіи два другъ друга исключаютія понятія. Всѣ свои надежды Бакунинъ возлагалъ на романскія племена и въ частности на итальянцевъ, посвящая все время и энергію на коненіраціи среди нихъ. Поэтому Локарно, построенное на берегу озера Лаго-Маджоре, находящагося на границѣ Швейцаріи и Италіи, представляло изъ себя какъ нельзя болѣе удобный пунктъ для Бакунина, которому въѣздъ въ Италію, какъ и во Францію, былъ запрещенъ; Локарно игралъ роль революціоннаго центра, куда съѣзжались итальянскіе заговорщики для тайныхъ совѣщаній съ Бакунинымъ. Планъ Бакунина состоялъ въ томъ, чтобы организовать заговоръ изъ смѣлыхъ людей готовыхъ на самопожертвованіе, которые въ опредѣленный срокъ должны были собраться въ извѣстное мѣсто съ тѣмъ, что бы начать вооруженное возстаніе. Предпола-

галось дѣло начать съ нападенія на мѣстные правительственныя учрежденія и затѣмъ перейти къ „ликвидаци“ существующаго строя, т. е. конфискаціи земельной собственности, фабрикъ и т. п. Однако Бакунинъ далеко не льстилъ себя надеждой на непремѣнный успѣхъ. — „Мы должны безирестанно дѣлать попытки возстанія“, говорилъ онъ. — „Пусть насъ разобьютъ одинъ, два раза, наконецъ — десять и двадцать разъ, но если на двадцать первый разъ народъ поддержитъ, и возстаніе сдѣлается общимъ, — жертвы окупятся.“ Весь вопросъ, такимъ образомъ, сводился къ тому, чтѣ бы выбить, такъ сказать, народную массу изъ ея индифферентнаго состоянія и заставить ея вступитъ въ открытую борьбу съ своими притѣснителями. Бакунинъ являлся сторонникомъ активнаго революціоннаго дѣла и не удовлетворялся одною пропагандою слова, находя ее безцѣльнымъ средствомъ для того, что бы революционизировать массы.

На этой почвѣ послѣдователями Бакунина была потомъ построена доктрина, такъ называемаго, „парлефетизма“ (*propagande par le fait*), въ проговоровѣхъ пропагандѣ словомъ, приводившая въ концѣ-концовъ къ анархическимъ бомбамъ, столь волнующимъ въ настоящее время цивилизованный міръ. Однако разница между современнымъ анархизмомъ и бакунинскимъ уже прежде всего та, что Бакунинъ всегда стремился къ созданію организованнаго бунта, а ничуть не политическихъ убійствъ, совершаемыхъ къ тому же по личному усмотрѣнію, какъ это мы видимъ теперь, — и считать Бакунина ответственнымъ за послѣднія событія было бы несправедливо. Доктрина „парлефетизма“ на практикѣ привела къ явленіямъ противообщественнаго характера, ибо на бомбу, брошенную въ толпу или въ ресторанъ, мы не можемъ смотрѣть иначе, какъ на преступленіе; но намъ кажется, что большинство доктринъ, когда терялось къ нимъ критическое отношеніе и становилась онѣ для людей непогрѣшимыми догматами приводили въ конечныхъ выводахъ, и особенно въ приложеніи ихъ къ жизни, къ нелѣпостямъ и абсурдамъ. Такъ мы видимъ, между

прочимъ, какъ противоположная доктрина, признававшая неключительно путь словесной пропаганды и безусловно отвергавшая „парламентизмъ“, если не вовлекала людей въ преступления, то зато часто приводила ихъ къ непоследовательности и болтовнѣ.

На второй или третій день пребыванія нашего въ Локарно мы отправились по озеру въ лодкѣ вмѣстѣ съ Бакунинимъ, желавшимъ показать намъ домъ, недавно купленный на его имя въ окрестностяхъ города. Покупка эта совершена была итальянскими заговорщиками съ целью устроить революціонный притонъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, сдѣлавши Бакунина домовладѣльцемъ, закрѣпить его положеніе въ Локарно, откуда его могли всякую минуту выгнать по настоянію итальянскаго правительства, имѣвшаго уже нѣкоторыя свѣдѣнія объ его участіи въ революціонныхъ конспираціяхъ. Мы поплыли, пересѣкая заливъ, и скоро приблизились къ берегу, поднимающемуся высокими крутыми горами, поросшими на извѣстной высотѣ кустарникомъ. Вдоль озера вилась шоссейная дорога, ведущая изъ Локарно, выше которой видѣлись дачи. Причаливъ къ мѣсту, мы поднялись по тропинкѣ въ гору и, перейдя дорогу, вошли въ калитку. Я увидѣлъ передъ собой старый двухъ-этажный домъ съ выцвѣтшими стѣнами, покрашенными когда то желтой краской. Передній фасадъ, обращенный къ озеру, былъ выше задняго, какъ это бываетъ въ домахъ, построенныхъ на крутомъ скатѣ. Толстая, каменная стѣна окончательно дѣлала похожимъ на какое то маленькое укрѣпленіе этотъ старый домъ, какъ мнѣ показалось, вообще мало пригодный для жилья; когда мы вошли въ него, на меня нахнуло сыростью и запахомъ плѣсени; заднія комнаты были темны, такъ какъ выходили окнами къ горѣ, круто поднимавшейся сзади дома, гдѣ былъ разбитъ небольшой фруктовый садикъ. Но зато для устройства притона домъ представлялъ много удобствъ. Отсюда можно было совершенно незамѣтно пробраться къ озеру и уплыть въ какомъ угодно направленіи. Въ Италію можно было проѣхать въ лодкѣ,

минуя таможи. Бакунинъ сталъ толковать о томъ, какъ „они“ (т. е. итальянскіе революціонеры и онъ вмѣстѣ съ ними) помѣстятъ въ этомъ домѣ „летучую типографію“ и будутъ печатать прокламаціи въ моментъ возстанія, какъ устроить здѣсь складъ оружія, конгревовыхъ ракетъ и тому подобныхъ „бунтовскихъ“ принадлежностей и будутъ доставлять ихъ въ Италію. Затѣмъ онъ обратился къ Р. и ко мнѣ съ предложеніемъ, что бы мы осмотрѣли помѣщеніе и высказали наше мнѣніе относительно того, гдѣ и какъ удобнѣе будетъ устроить секретные ходы... Мы приступили къ осмотру. Я заглядывалъ рѣшительно во все углы. Изъ одной комнаты я нашелъ весьма удобнымъ проконать подземный ходъ въ глухую часть сада, откуда уже легко было бѣжать и скрыться въ кустарникѣ, росшемъ по горѣ; изъ другого мѣста можно было устроить незамѣтный проходъ къ озеру. Подъ домомъ предполагалось вырыть помѣщеніе для склада оружія. Бесѣдуя съ Р. о секретныхъ ходахъ, я ходилъ по комнатамъ точно въ какомъ то замороженномъ состояніи. Здѣсь я имѣлъ передъ собою уже не отвлеченныя теоріи и разсужденія о революціонной дѣятельности, а, такъ сказать, самую эту дѣятельность во всей ея реальности. Воображеніе мое разгорѣлось. Я уже предвкушалъ то сладкое мнновеніе, когда кому нибудь изъ итальянскихъ революціонеровъ удастся тѣмъ или другимъ ходомъ ускользнуть при обыскѣ изъ рукъ полиціи. Въ ту минуту я не дѣлалъ различія между Швейцарскою Республикой и самодержавною Россіей.

Мы кончили осмотръ и собрались въ нижней комнатѣ, гдѣ сторожемъ дома приготовлена была въ это время закуска, состоявшая, впрочемъ, изъ хлѣба съ сыромъ и довольно плохого кислаго вина. Усевшись за столъ, мы продолжали бесѣду на ту же тему; устройство притона съ секретными выходами и складомъ сильно занимало Бакунина. Онъ тоже доисускалъ возможность обысковъ. Очевидно, Бакунинъ или вообще мало довѣрялъ швейцарской свободѣ, или быть можетъ имѣлъ въ виду

такія дѣла, которыя не могли быть терпимы ни въ одной странѣ.

„Быть можетъ и вамъ, русскимъ,“ говорилъ онъ, понадобится держать за границею свою строго конспиративную типографію для печатанія летучихъ листковъ, — можно будетъ ее тоже помѣстить здѣсь.“ Потомъ онъ перемѣнилъ тонъ и рѣзко добавилъ: „Впрочемъ, какіе же конспираторы русскіе?! Пойдутъ болтать — скомпрометируютъ, пожалуй, и наше, итальянское дѣло.“

Мнѣ было очень непріятно слышать этотъ упрекъ и я принялся что то — не помню ужъ, что именно — говорить въ защиту насъ, русскихъ. Но еще непріятнѣе сдѣлалось, когда Бакунинъ, возражая мнѣ, въ заключеніе вдругъ воскликнулъ: „Да что русскіе!?! Всегда они отличались стадными свойствами! Теперь они все анархисты! На анархію мода пошла. А пройдетъ нѣсколько лѣтъ — и можетъ быть ни одного анархиста среди нихъ не будетъ!“

Эти слова глубоко вѣзались въ моей памяти и часто приходилось мнѣ потомъ ихъ вспоминать и видѣть въ нихъ пророческое значеніе.

Завтракъ нашъ окончился брудершавтомъ. Бесѣда приняла обыденный характеръ. Бакунинъ то и дѣло ловилъ меня на словѣ въ, которое я по привычкѣ все еще употреблялъ вмѣсто ты.

Дня черезъ два послѣ того Р. отправился обратно въ Цюрихъ. Я же, намѣреваясь ѣхать въ Россію черезъ Сѣверную Италію, остался еще на нѣсколько дней въ Локарно. Все время я проводилъ у Бакунина, являясь къ нему обыкновенно часу въ 10-омъ — 11-омъ дня и оставаясь до глубокой ночи, такъ какъ ложился онъ всегда очень поздно. Отъ многихъ нашихъ бесѣдъ теперь сохранились въ моей памяти только отдѣльные отрывки. Такъ припоминаю, какъ онъ разсказывалъ мнѣ о своемъ пребываніи въ Шлиссельбургской крѣпости, гдѣ для развлечения онъ занимался тѣмъ, что кормилъ крошками хлѣба голубей на окнѣ своей одиночной камеры. Или тоже я помню, какъ Бакунинъ утверждалъ, что уча-

стіе жуликовъ въ революціонныхъ дѣлахъ служить вѣрнѣйшимъ доказательствомъ успѣха, ибо жулики — такой народъ, который скорѣе другихъ опредѣляетъ истинное положеніе дѣлъ и даетъ настоящую оцѣнку событіямъ. Они сразу чувствуютъ, гдѣ можетъ быть нажива и что можетъ принести имъ выгоду, и разъ они начинаютъ вмѣшиваться въ революціонное дѣло, то это показываетъ, что революціонное дѣло сдѣлалось настолько популярнымъ, что можетъ явиться предметомъ эксплуатаціи для личныхъ цѣлей, — „это однако надо имѣть ввиду и принимать мѣры, что бы они не скомпрометировали революціоннаго дѣла въ общественномъ мнѣніи,“ говорилъ Бакунинъ.

Но вотъ, наконецъ, я сталъ собираться въ дорогу. Помню, наканунѣ моего отъѣзда Бакунинъ высчиталъ по путеводителю количество денегъ необходимыхъ для моего путешествія и потребовалъ, что бы я непременно показалъ ему свой кошелекъ. Напрасно я старался убѣдить его, что денегъ у меня достаточно и я въ нихъ не нуждаюсь. Онъ вѣсело настоялъ на своемъ: кошелекъ свой я долженъ былъ въ концѣ-концовъ ему показать. До требуемаго количества не хватало тридцати съ небольшимъ франковъ.

— „Я остановлюсь въ Богеміи. Тамъ у меня есть пріятель, у которыхъ я могу взять денегъ, — сколько мнѣ понадобится,“ объяснялъ я.

— „Ну-ну, рассказывай!“ возражалъ Бакунинъ. Онъ вытащилъ изъ стола небольшую, деревянную коробочку, отворилъ ее, сѣня отсчиталъ тридцать съ лишнимъ франковъ и передалъ мнѣ.

Мнѣ было очень неловко принимать эти деньги, однако я принужденъ былъ ихъ взять.

— „Хорошо, но пріѣздѣ въ Россію я вышлю,“ проговорилъ я.

Но Бакунинъ только сохмѣлъ и, глядя на меня, улыбался.

— „Кому? Мнѣ вышлешь?“ спросилъ, наконецъ, онъ; потомъ добавилъ: „это я даю тебѣ не свои деньги“.

— „Кому же ихъ переслать, въ такомъ случаѣ?“

— „Большой же ты собственникъ! Да отдай ихъ на русскія дѣла, если ужъ хочешь непременно отдать“.

Мы простились и я выѣхалъ изъ Локарно.

Добравшись на пароходѣ до южнаго конца Лаго-Маджоре, я пересѣлъ тамъ на желѣзную дорогу и двинулся — черезъ Сѣверную Италію и Тироль — въ Россію. Поездъ мчался, а я, сидя у окна и глядя на мимо пробѣгавшія картины, мечталъ о будущемъ. Оно мнѣ представлялось такимъ заманчивымъ и величественнымъ! Я до того былъ полонъ вѣры въ ту минуту, что почти готовъ былъ крикнуть горѣ: „двинься съ мѣста!“ Вотъ миновалъ я уже Краковъ, — услышалъ родную рѣчь и въ моей груди учащенно забилось сердце. Каждый мужикъ, каждая баба, влѣзавшіе въ мой вагонъ, казались мнѣ близкими, родными. Я вематривался въ нихъ такъ, какъ будто раньше не видѣлъ ихъ, или вѣрнѣе, точно я ихъ видѣлъ, но давно-давно когда то и теперь опять встрѣтилъ. Послѣ того какъ я отдѣлался отъ своего космополитизма, міръ окрасился для меня въ иную краску. Жизнь получила для меня болѣе смысла и прелести. Вспомнилъ я о своемъ недавнемъ стремленіи „слиться“ съ западно-европейскимъ рабочимъ и это стремленіе представилось мнѣ до такой степени жалкимъ, что я не находилъ словъ для выраженій.

Да, вѣры въ будущее у всѣхъ насъ было тогда много. Мы — на самомъ дѣлѣ незначительная горсть молодыхъ людей — ощущали въ себѣ присутствіе необычайной силы и это сознаніе силы покоилось у насъ на вѣрѣ въ народъ: всякій изъ насъ чувствовалъ за собою миллионы крестьянъ. При подобной вѣрѣ можно было надѣяться на успѣхъ и игнорировать общество. Мы такъ и поступали. Мы игнорировали общество, признавали только себя, т. е. революціонеровъ, да, съ другой стороны, — мужика, отбрасывая въ сторону, какъ негодное, рѣшительно все, что стояло внѣ насъ и этого мужика.

III

ПЕРВЫЙ ОБЫСКЪ. — КИЕВСКАЯ КОММУНА ЩОТНИЧЬЯ АРТЕЛЬ.

Воротившись изъ за границы, я даже не заѣхалъ въ Кіевъ, а прямо остановился у себя, въ Лукѣ. Это вело, какъ мнѣ казалось, прямѣе къ цѣли, такъ какъ въ Лукѣ у меня были пріятели среди крестьянъ и я надѣялся при посредствѣ ихъ скорѣе войти въ крестьянскую среду. Но пока я все таки присматривался и обдумывалъ, какъ приступить къ дѣлу, ограничиваясь отдѣльными знакомствами, прошло мѣсяца полтора. Между тѣмъ Донецкій, остававшійся по же моему въ Швейцаріи, успѣлъ пріѣхать въ Россію съ чужимъ паспортомъ. На станціи Сербиновцы, возлѣ Жмеринки, онъ слезъ съ поѣзда и, отдавъ на сохраненіе станціонному жандарму свой чемоданъ, отправился пѣшкомъ ко мнѣ, въ Луку, находящуюся недалеко отъ Сербиновецъ. Былъ мѣсяць Ноябрь. Время стояло холодное. Завернувшись въ красное, байковое одѣяло, на манеръ того, какъ укутываются пледомъ, Донецкій, съ небольшимъ узелкомъ въ рукахъ, пошелъ для сокращенія пути по полотну желѣзной дороги. По обѣимъ сторонамъ дороги тянулся густой, грабовый лѣсъ. Пройдя версты двѣ, онъ натолкнулся на кучку рабочихъ, поправлявшихъ что то на пути. Если бы рабочіе были одни, то съ Донецкимъ вѣроятно ничего особеннаго не случилось бы; но при нихъ находился дорожный мастеръ. По полотну желѣзной дороги запрещено было ходить, поэтому онъ сталъ кричать на Донецкаго, а потомъ вздумалъ его арестовать. Тогда Донецкій бросилъ свой узелокъ подъ желѣзно-дорожный мостикъ, освободился отъ одѣяла и пустился бѣжать въ лѣсъ. Онъ бѣгалъ быстро и надѣялся, что ноги ему не измѣнятъ въ этотъ разъ. И вѣроятно ноги бы ему не

измѣнили, и убѣжали бы онъ, если бы не споткнулся о пень. Онъ упалъ. При паденіи сильно расшибъ одну ногу и бѣжать дальше не могъ. Его схватили.

— „Къ становому его, ребята!“ командовалъ дорожный мастеръ. „Можетъ — какой бѣглый.“

Но несчастію около этого времени возлѣ Сербиновецъ въ лѣсу найдено было мертвое тѣло съ признаками насилія, и мѣстный становой приставъ, Маковъ, именно въ тотъ день производилъ дознаніе въ селеніи Стодильцахъ. Отъ Сербиновецкаго вокзала до с. Стодильны всего четыре версты, а отъ мѣста, гдѣ былъ схваченъ Донецкій, было на половину ближе. Черезъ какихъ нибудь полъ часа онъ, вмѣстѣ съ своимъодѣяломъ и узелкомъ, брошеннымъ подъ мостъ, былъ доставленъ къ приставу; тотъ понятно потребовалъ паспортъ у Донецкаго и принялся его опрашивать.

Случись подобная исторія въ какой либо внутренней русской губерніи, — быть можетъ все обошлось бы благополучно, — особенно въ тѣ времена, но тутъ вышло иначе: Подольская губернія пограничная — становые привыкли дѣлать обыски, разыскивая контрабанду. И въ этотъ разъ становой, видя по паспорту, что Донецкій только что пріѣхалъ изъ за границы, приказалъ обыскать его. Развязали узелокъ Донецкаго и нашли въ немъ небольшой пакетъ печатныхъ листовъ. То была прокламація или программа — кто его знаетъ, какъ правильно назвать — подъ заглавіемъ: „Къ русскимъ революціонерамъ“, изданная какою то „цюрихскою общиною анархистовъ“, организовавшей уже послѣ моего отъѣзда, такъ какъ въ мою бытность въ Цюрихѣ, я о ней ничего не слыхалъ. Видя, что все кончено, Донецкій назвалъ свою настоящую фамилію, объявивъ, что паспортъ, найденный при немъ, по которому онъ переѣхалъ границу, былъ попросту украденъ имъ у владѣльца.

— „Куда вы направлялись?...“ допрашивалъ его приставъ.

— „Въ Москву. Мнѣ не хватило денегъ ѣхать, — я принужденъ былъ итти пѣшкомъ,“ отвѣчалъ Донецкій.

Дѣйствительно, при обыскѣ у него найдено было всего нѣсколько десятковъ копѣекъ.

Само собою разумѣется, что событію этому становой придалъ необыкновенно важное значеніе. Онъ совершенно забылъ о мертвомъ тѣлѣ, найденномъ въ лѣсу, и съ небывалой энергіей принялся за розыски по дѣлу Донецкаго. Черезъ часъ, съ кучей понятыхъ, онъ былъ уже на Сербиновецкомъ вокзалѣ. Изъ комнаты станціоннаго жандарма вытащили чемоданчикъ, раскрыли его и съ ужасомъ увидѣли въ немъ кучу печатныхъ листовъ того же изданія. Какъ удалось Донецкому провезти эти прокламаціи черезъ русскую границу — не знаю. Начался тщательный пересмотръ всѣхъ его вещей. Найдена была книга, „Статистика“ Кольба, на переднемъ листѣ которой стояла надпись: „Владиміръ Мокріевичъ“.

Я не зналъ о случившемся, а между тѣмъ отъ Сербиновецкаго вокзала до Луки всего на всего восемь верстъ.

Часу въ третьемъ ночи я былъ разбуженъ необыкновеннымъ шумомъ. Открывъ глаза и лежа на кровати, я увидѣлъ передъ собою моего отца, стоящаго со свѣчею въ рукахъ, а на порогѣ комнаты фигуру становаго пристава, одѣтаго въ дубленку и сербиновецкаго вокзальнаго жандарма — въ сѣрой шинели съ краснымъ шнуркомъ, спускавшимся по груди къ поясу, гдѣ висѣлъ револьверъ въ кожаномъ кобурѣ. И становой и жандармъ стояли въ комнатѣ въ форменныхъ фуражкахъ на головахъ.

— „Господинъ Мокріевичъ, сегодня (для становаго было все еще сегодня, — видимо онъ не ложился спать въ эту ночь), сегодня поймажъ государственный преступникъ Донецкій. Противъ васъ имѣются улики, — мы должны произвести обыскъ.“

Все это сразу меня огорошило.

— „Сдѣлайте одолженіе“, проговорилъ однако я, стараясь быть вѣжливымъ и казаться возможно болѣе хладнокровнымъ, хотя въ эту минуту въ головѣ моей вихремъ проносился цѣлый роій мыслей.

„Какъ понался Донецкій? Нѣтъ ли чего нибудь запрещеннаго у меня?.. Кажется нѣтъ, а впрочемъ, — кто его знаетъ“, думалъ я, вставая съ кровати и принимаясь поспѣшно одѣваться. Въ домѣ кромѣ меня и старика отца, были мои двѣ — тогда еще небольшія — сестры и прислуга. Братъ Иванъ былъ въ это время за границею. Матери тоже не было дома.

Начался обыскъ вещей, бумагъ, книгъ. Найдено было одно письмо, обратившее на себя вниманіе, въ которомъ говорилось очень много о „Люпусѣ“. Такъ называли мы Ходько, припоминавшего своимъ обращеніемъ, выведеннаго Викторомъ Гюго въ романъ „Человѣкъ“, который смѣется“ извѣстнаго Люпуса, у котораго подъ личиною грубыхъ выходокъ скрывалось доброе сердце.

— „Что это за „Люпусъ“?.. Кто это?.. спрашивалъ приставъ, читая письмо.

— „Такъ, пустяки“, отвѣтилъ я, беря изъ его рукъ письмо. „Люпусъ — латинское слово; въ переводѣ — значить волкъ.“

— „А-а!“ многозначительно протянулъ приставъ. Онъ ничего не понималъ — это было очевидно. Но ему почему то не хотѣлось показать этого передъ мною и онъ оставилъ письмо. Прокламаций и запрещенныхъ книгъ у меня не оказалось, и только другое письмо, гдѣ упоминался петербургскій адресъ одной знакомой, было взято и пришито къ дѣлу.

Обыскъ кончился. Приступлено было къ составленію акта. Мы усѣлись во второй комнатѣ за большимъ дубовымъ столомъ, куда былъ поданъ, между прочимъ, самоваръ и приставъ, уславши понятыхъ крестьянъ изъ комнаты, принялся строчить бумагу.. Я подчивалъ его и сербиновецкаго жандарма чаемъ. Съ одной стороны, обыскъ, не давшій скверныхъ результатовъ, съ другой стороны, можетъ быть чай, развязалъ языкъ пристава и онъ сообщилъ мнѣ подробности ареста Донецкаго. Актъ былъ составленъ, я подъ нимъ подписался и становой сталъ собираться въ дорогу. Уже совсѣмъ свѣ-

тало, когда онъ съ жандармомъ и понятыми съѣхалъ со двора.

Отъ Луки Барской до уѣзднаго города тридцать верстъ. Становой отправился туда, что бы сдать начальству „государственнаго преступника“, пойманнаго имъ, и донести о всемъ происшедшемъ. Хотя при обыскѣ у меня не было ничего найдено, по одно мое знакомство — вполне доказанное — съ Донецкимъ, обвиняемомъ въ государственномъ преступленіи, должно было достаточно компрометировать меня въ глазахъ начальства. Становой сдѣлалъ оплошность, не арестововъ меня. Уѣздное начальство могло оказаться предусмотрительнѣе и респорядиться о моемъ немедленномъ арестѣ. Предвидя это, я рѣшилъ уѣхать изъ дому какъ можно скорѣе. Но выѣзжать днемъ было неудобно. Мой отъѣздъ могли видѣть крестьяне, которымъ становой можетъ быть приказалъ даже слѣдить за мною. Поэтому я рѣшилъ дожидаться ночи. Предоставляю судить всякому, — съ какимъ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ дожидался я въ тотъ день солнечнаго заката! Наконецъ наступилъ вечеръ. Я сказалъ кучеру готовить лошадей и началъ собираться въ дорогу. Вдругъ послышался звонъ колокольчика и кто то подѣхавъ къ нашимъ воротамъ, остановился. Сердце мое забилося. Поручивши узнать, кто пріѣхалъ, самъ я выскочилъ въ садъ и спрятался среди деревьевъ, твердо рѣшившись бѣжать хоть пѣшкомъ, разъ окажется, что пріѣхали за мною.

Нѣсколько минутъ спустя ко мнѣ подошелъ кучеръ и тихо прошепталъ: „Какой то панычъ пріѣхалъ. Васъ спрашиваетъ“.

— „Какой панычъ?!“ недоумѣвалъ я. „Одинъ?“

— „Одинъ. Въ очкахъ.“

Я вошелъ въ комнаты. На встрѣчу мнѣ поднялся со стула молодой человекъ нѣсколько выше средняго роста, съ синими консервами на глазахъ. Я внимательно вематривался въ лицо гостя, но оно мнѣ казалось совершенно незнакомымъ

— „Неужели не узнаете?“ проговорилъ онъ.

— „Землеройка!“ воскликнулъ я тогда, узнавъ по голосу Лермонтова.

Лермонтовъ, состоявшій раньше въ кружкѣ петербургскихъ „чайковцевъ“ — около года тому назадъ — отдѣлился отъ нихъ и, прѣхавши за границу, вошелъ въ организаціонныя отношенія съ цюрихскими „бакунистами“. Въ Цюрихѣ познакомился я съ нимъ при посредствѣ Ходько, прозваннаго его, за конспиративное, таинственное поведеніе, „землеройкой“ или „гробоконателемъ“. Подъ этимъ прозвищемъ онъ и былъ извѣстенъ среди насъ. Лермонтовъ побрился и влѣдствіе того сильно измѣнилъ свое лицо. Разговорившись съ нимъ, я узналъ, что адресъ мой онъ получилъ отъ Ивана, съ которымъ встрѣтился въ Швейцаріи уже послѣ моего отъѣзда. Теперь Лермонтовъ пробирался въ Петербургъ изъ Волочиска, съ австрійской границы, гдѣ онъ жилъ нѣкоторое время конспиративно, занимаясь организаціей контрабанднаго пути для перевозки нашихъ, бакунинскихъ изданій.

— „Ну, батенька, во время же вы заѣхали ко мнѣ!“ замѣтилъ наконецъ я и рассказалъ ему все, что у насъ случилось.

— „Плохо. А я было рассчитывалъ, прежде чѣмъ ѣхать въ Петербургъ, немного отдохнуть у васъ.“

Мы рѣшили вмѣстѣ бѣжать, и въ часу десятомъ или въ одиннадцатомъ ночи выѣхали изъ дому, имѣя ввиду, попасть къ ночному поѣзду, шедшему изъ Волочиска въ Кіевъ.

Приближаясь къ Волковинецкому вокзалу (на Сербиновцы, само собою разумѣется, мы не рѣшались ѣхать) Лермонтовъ мнѣ замѣтилъ:

— „Смотрите же, въ вокзалъ войдемъ отдѣльно и не будемъ показывать вида, что мы знакомы. Такъ меньше обратимъ на себя вниманія. Если и арестуютъ одного изъ насъ, то другой можетъ уцѣлѣть.“

Этотъ совѣтъ я нашелъ благоразумнымъ. Лермонтовъ пошелъ первый. Четверть часа спустя, вошелъ и я за нимъ. Въ это время уже ожидался поѣздъ и зала была

освѣщена. Послѣ наружной темноты, свѣтъ лампъ не-пріятно рѣзалъ мнѣ глаза. Но вотъ я осматрѣлся. Публика суетилась и бѣгала взадъ и впередъ; среди нея съ важностью расхаживалъ и страшилище — жандармъ. Однако, гдѣ же „гробокопатель“? Въ одномъ изъ болѣе темныхъ угловъ зала, на скамьѣ, сидѣлъ Лермонтовъ, но... боже мой, боже мой, на кого только онъ былъ похожъ! „Преступникъ!“ чуть не кричала каждая складка его платья. Черная, поярковая шляпа на головѣ, сѣрый пледъ на плечахъ и синіе очки на носу!.. Какъ есть все атрибуты нигилизма!.. „Преступникъ... Преступникъ... Съ такимъ видомъ далеко не уѣдешь“, мысленно повторялъ я, и съ этого перваго дня моей нелегальности, твердо рѣшилъ держаться совершенно другихъ пріемовъ. Я затерялся въ толпѣ.

Наконецъ нашъ поѣздъ пришелъ. Не показывая вида, что мы знакомы, мы усѣлись въ одинъ вагонъ и поѣхали. Только потому, дорогою, убѣдившись, что за нами никто не наблюдаетъ, мы подошли другъ къ другу и стали бесѣдовать. Лермонтовъ считался болѣе опытнымъ конспираторомъ, чѣмъ я, такъ какъ онъ былъ уже до этого „нелегальнымъ“, т. е. жилъ не по своимъ документамъ, а потому мой взглядъ на то, какъ слѣдовало держать себя скрывавшемуся, не могъ быть авторитетнымъ для него.

Утромъ слѣдующаго дня мы были уже въ Кіевѣ. Передавши мнѣ адресъ волочискаго контрабандиста, который взялся перевезти черезъ границу нуда два книгъ „Государственность и Анархія“, Лермонтовъ уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ векорѣ и былъ арестованъ на квартирѣ той самой нашей общей знакомой, чей адресъ былъ взять у меня при обыскѣ. Это была большая неосторожность съ его стороны, такъ какъ я ему объ этомъ говорилъ и слѣдовательно онъ долженъ былъ ожидать тамъ обыска.

На второй или третій день послѣ моего отъѣзда изъ Луки, въ нашъ домъ являлся жандармскій офицеръ изъ уѣзднаго города, съ цѣлью арестовать меня, но не за-

ставши, далъ объ этомъ знать высшему начальству, которое не замедлило разослать повсюду секретное предписание о моемъ задержаніи. Съ этого момента меня стали разыскивать. Арестованный же Держомовъ былъ привлеченъ къ дознанію и года черезъ два или три умеръ въ тюрьмѣ, въ такъ называемомъ Литовскомъ Замкѣ, въ Петербургѣ. Что касается до участи Донецкого то она была не менѣе печальна. Онъ былъ отвезенъ въ Петербургъ и весною 1875 года приговоренъ судомъ къ пяти годамъ каторги, хотя все преступленіе его сводилось лишь къ перевозкѣ черезъ границу пучка прокламацій, изъ которыхъ онъ не успѣлъ распространить даже одного экземпляра. Донецкій былъ засажень въ централку (Харьковской губ.), гдѣ сошелъ съ ума и откуда былъ вывезенъ въ Сибирь сумашедшимъ въ 1881 году, отсидѣвъ, такимъ образомъ, больше того срока, къ которому былъ приговоренъ. Я позволилъ себѣ уклониться здѣсь и забѣжать нѣсколько впередъ, что бы закончить исторію этихъ двухъ лицъ, павшихъ жертвою преслѣдованій нашего правительства, а теперь возвращусь къ прерванному разсказу.

Пріѣхавши въ Кіевъ въ ноябрѣ 1873 года, я засталъ тамъ два кружка, или двѣ революціонныя группы.

Одинъ кружокъ, состоявшій изъ 6 — 7 человекъ, не представлялъ собою ничего экстраординарнаго. То была обыкновенная организація съ болѣе или менѣе опредѣленнымъ уставомъ и извѣстными требованіями отъ своихъ членовъ, находившаяся въ сношеніяхъ съ петербургскимъ кружкомъ „чайковцевъ“ и одесскимъ кружкомъ Волховского. Отчасти кружокъ этотъ являлся какъ бы продолженіемъ того, который существовалъ въ Кіевѣ раньше и о которомъ я упоминалъ въ своемъ мѣстѣ, называя его кружкомъ „кіевскихъ чайковцевъ“. Дѣятельность этого кружка въ 73 году выражалась главнымъ образомъ въ пропагандѣ социалистическихъ идей среди молодежи, подобно тому, какъ и два года тому назадъ, съ той разницей, что тогда пропаганда эта велась при помощи такихъ книгъ, какъ „Азбука Соціаль-

ныхъ Наукъ“ и сочиненій Лассаля а теперь — „Капитала“ Маркса. Другой практической задачей кружка была пропаганда среди рабочихъ при помощи распространенія и чтенія революціонныхъ брошюръ въ родѣ „Исторіи Французскаго Крестьянина“, „Бунта Стеньки Разина“, „Емельки Пугачева“ и тому подобныхъ. Съ появленіемъ заграничной подпольной прессы практическимъ дѣломъ являлось также книжное дѣло т. е. перевозка черезъ границу запрещенныхъ книгъ и ихъ сохраненіе. Впрочемъ, контрабандной перевозкой книгъ кіевская группа чайковцевъ, на сколько мнѣ извѣстно, не занималась, и это дѣло велось, кажется, только питерцами, да одесскимъ кружкомъ Волховскаго.

Вторая кіевская группа представляла собою необыкновенно типичное учрежденіе, носившее названіе „коммуны“ и о ней мнѣ хочется сказать нѣсколько подробнѣе. Но я долженъ вначалѣ же оговориться, что къ „кіевской коммуны“ рѣшительно не подходитъ названіе кружка или группы; „коммуна“ даже не обладала опредѣленнымъ составомъ членовъ; напротивъ, тамъ постоянно смѣнялись лица: одніе прїѣзжали, другія въ это время уѣзжали, или же попросту уходили нѣшкомъ. По обвинительному акту „О дѣлѣ 193-хъ“ въ числѣ членовъ „кіевской коммуны“ упоминаются: Брешковская, Стефановичъ, Фишеръ, Аксельродъ, братья Левентали и много другихъ лицъ. Но Брешковская прожила въ „коммуны“ всего мѣсяца три-четыре, Фишеръ и того меньше, а Стефановича пребываніе въ „коммуны“ измѣряется просто таки днями; между тѣмъ, какъ сама „коммуна“ просуществовала болѣе года (1873 — 74 г.). Что же касается до Аксельрода, братьевъ Левенталей и Каминеръ, то они входили въ составъ кружка „кіевскихъ чайковцевъ“, о которыхъ я только что говорилъ и уже потому одному не могли быть членами „коммуны“. Въ „коммуны“ всѣ дѣлались другъ съ другомъ средствами, ѣли за однимъ столомъ, а на покунку продуктовъ, равно какъ и на расходы по квартирѣ деньги давали тѣ, кто ихъ имѣлъ. Тамъ можно было поселиться и жить

чуть не всякому: для этого достаточно было простое знакомство съ кѣмъ либо изъ живущихъ. Рекомендацій ни отъ кого не требовалось. Благодаря такимъ условіямъ въ „коммуну“ проникли въ 74 г. сначала Ларионовъ и Польгеймъ, а затѣмъ и Гориновичъ. Эти три человека жестоко отплатили въ послѣдствіи за то гостепріимство, которое было оказано имъ въ „коммуна“¹. Будучи арестованы, они выдали всѣхъ, кого только тамъ встрѣчали и дали немало ложныхъ показаній, компрометировавшихъ другихъ; но сверхъ всего этого своимъ предосудительнымъ поведеніемъ въ нравственномъ отношеніи, выяснившимся при дознаніи, дали оружіе въ руки жандармамъ, стремившимся во что бы то ни стало бросить грязью въ „коммуна“². „Коммуна“ была наказана за свою неорганизованность; но строго говоря, обвинять за то, что туда попалъ Ларионовъ такъ же было бы не кого, какъ некого въ частности обвинять за тѣхъ мошенниковъ, которые существуютъ вообще на свѣтѣ.

И такъ, „киевская коммуна“ не представляла собою никакой организаціи. Всякій на нее смотрѣлъ какъ на такое мѣсто, куда онъ могъ зайти передохнуть денъ-другой, а то и недѣлю, съ тѣмъ, что бы потомъ опять „йти въ народъ“, или куда ему нужно было. „Коммуна“ исполняла назначеніе революціонной станціи, являлась мѣстомъ взаимныхъ встрѣчъ — неболѣе, и никто ничего другого не требовалъ отъ этого учрежденія. Но за то — кто только не перебивалъ тамъ? Не разъ у воротъ дома Леминскаго, гдѣ во флигелѣ помещалась „коммуна“, останавливалась карета и изъ нея выходила разодѣтая барыня: это пріѣзжала „либералка“ для какихъ то переговоровъ и пріѣзжала въ закрытой каретѣ, что бы по дорогѣ никто не могъ се узнать. Одновременно съ этимъ сюда же заходили плотники Гаврило и Анисимъ, для того что бы послушать чтеніе революціонныхъ брошюръ. Тутъ можно было слышать длинныя рѣчи Каблицы, развивающаго народническіе принципы такъ какъ къ этому времени онъ уже отказался отъ яковинскихъ возрѣній и сдѣлался анархистомъ-народникомъ;

туть раздавалось и энергичное, искреннее слово Екатерины Брепковской, и умное замѣчаніе Сергѣя Ковалика.

Вотъ въ одной комнатѣ сидитъ у окна В. и рѣжетъ на камнѣ съ помощью обыкновеннаго шила печать для подложнаго паспорта; онъ ее рѣжетъ съ большимъ искусствомъ; и все это видятъ, онъ ни отъ кого не скрываетъ: видитъ и Каблиць, и Гаврило, и Анисимъ. А въ углу той же комнаты подъ секретомъ и съ большими предосторожностями Р-ичъ сообщаетъ мнѣ какіе то пустяки. Р-ичъ только что пріѣхалъ изъ Петербурга и держитъ себя съ таинственной важностью, какъ, по его мнѣнію, подобаешь столичному конспиратору. Здѣсь можно было видѣть чахоточнаго слесаря Кокушкина, доживающаго послѣднія минуты своей жизни, — одного изъ замѣчательно прекрасныхъ людей. Здѣсь же вы могли встрѣтить Марию Колѣпкину, сосланную впоследствии въ каторжныя работы; Судзиловскаго и Чернышева, вынужденныхъ бѣжать за границу въ 74 году; Николая Стронскаго, умершаго года черезъ полтора въ петербургской тюрьмѣ; Ивана Ходько, умершаго въ ссылкѣ, — и много-много другихъ лицъ, такъ или иначе пострадавшихъ и сдѣлавшихся жертвами правительственныхъ преслѣдованій.

Если исключить Ларионова, Польгеймъ и Горниовича, временное присутствіе которыхъ въ „коммуѣ“ объясняется ничѣмъ инымъ, конечно, какъ ея неорганизованностью — то въ общемъ, не смотря на постоянную смѣну лицъ, не смотря даже на отсутствіе организаци — духъ времени все таки клалъ свою печать и придавалъ довольно опредѣленную фізіономію „коммуѣ“. Къ характеристикѣ этой фізіономіи я теперь и перехожу.

„Коммуна во многомъ представляла противоположность „кіевскимъ чайковцамъ“.

Для „чайковцевъ“ наука составляла все. Забавно было видѣть, какъ иной разъ рѣшали они самый несложный, обыденный вопросъ и вкривь, и вкосъ только потому, что хотѣли рѣшить его непременно по наукѣ.

Старшія эти походили на то, какъ если бы вздумалъ кто нибудь для поднятія пшеничнаго зерна примѣнить сложную систему рычаговъ.

„Коммуна“ хохотала надъ этимъ идолопоклонствомъ. По ея мнѣнію, только жизнь могла научить чему либо. Съ необычайной легкостью она разрѣшала самые сложные, запутанные вопросы, разрубая съ самоувѣренностью Александра Македонскаго тамъ, гдѣ не въ состояніи была развязать.

Для „чайковцевъ“ прежде, чѣмъ приступить къ практическому дѣлу, необходимо было все вопросы рѣшить научно, и такъ какъ сама наука многихъ вопросовъ еще не рѣшила, то въ поискахъ за рѣшеніями предвидѣлось затратить многіе годы.

„Коммуна“ утверждала, что къ практическому дѣлу надо приступить немедленно. Всякое откладываніе или проволочка есть преступленіе, да, наконецъ, на сколько времени не откладывай — все равно всѣхъ вопросовъ не рѣшишь. Поэтому учиться излишне — напрасная трата времени; а нѣкоторые договорились даже до того, что было бы недурно забыть и то, чему раньше выучились, такъ какъ интеллигентность только мѣшала омузиченью и полному сліянію съ народной массой.

Въ вопросѣ организаціонномъ „чайковцы“ были осмотрительны. Новопоступавшему приходилось выдерживать искусъ: они требовали отъ него извѣстнаго умственного и нравственнаго ценза.

Въ „коммунѣ“ держались, примѣрно, такого пріема: „Согласенъ немедленно итти въ народъ?“ — „Согласенъ!“ — „Значитъ, ты — нашъ“. Но почему, зачѣмъ согласенъ, и что тамъ въ народѣ будешь дѣлать — даже такіе существенные вопросы считались уже лишними. „Въ частностяхъ, де, столкнемся потомъ“.

Конечно, въ своей характеристикѣ я беру лишь крайнія мнѣнія, какъ онѣ высказывались тогда въ этихъ двухъ группахъ. И съ одной и съ другой стороны были лица, не договаривавшіеся до концовъ.

Средній уровень развитія „кіевскихъ чайковцевъ“

былъ выше. Понасть въ ихъ кружокъ круглому дураку было невозможно. Въ „коммуны“ были очень умные, а рядомъ съ ними и довольно ограниченные люди, какъ напримѣръ Гориневичъ и Польшеймъ. Между „киевскими чайковцами“ не нашлось Ларионова, но за то, съ другой стороны, не было и Брешковской.

Пріѣхавши въ Кіевъ, я поселился въ „коммуны“. „Коммуна“ мнѣ понравилась, понятно почему: я самъ сильно походилъ въ то время на начиненную бомбу, готовую ежеминутно взорвать. Дѣйствительно, недѣли двѣ-три спустя я жилъ уже на Подолѣ (такъ называется часть города Кіева, находящаяся возлѣ Днѣпра) въ грязной, воиочей комнатѣ, занимаемой артелью плотниковъ. Поналъ я туда при помощи плотника Гаврилы, распропагандированнаго Аксельродомъ, членомъ кружка „киевскихъ чайковцевъ“. Я обладалъ порядочною физической силой; къ ручному труду у меня раньше была пріобрѣтена сноровка. Куленъ былъ топоръ, отостреень какъ слѣдуетъ, и началъ я тесать „по шпуркѣ“ еловыя бревна. Скоро я подучился немного владѣть топоромъ. Бывало, смажешь мѣломъ „шпурку“ (такъ называется бичевка, употребляемая при тесаніи бревень), натянешь на бревно, стукнешь ею по бревну и, по полученной бѣлой чертѣ, тешешь. Приходилось „спускать на пѣтъ“ — я „на пѣтъ спускалъ“. Только вотъ „затесать въ замокъ“ не умѣлъ, да такъ и не выучилсяя тому некуству. Впрочемъ, я не задавался этой целью: въ плотничью артель я поступилъ главнымъ образомъ потому, что зимою неудобно было отпраиваться по деревнямъ. Городской рабочей людъ меня не особенно интересовалъ; я мечталъ о деревнѣ. Проработавъ некоторое время, я познакомился съ артельными порядками, и они мнѣ не понравились. Въ артели было человекъ восемнадцать и въ это число уже входили: распропагандированный „большакъ“ Гаврило и хозяинъ Анисимъ. Гаврило на правахъ старшаго все время болтался безъ дѣла. Анисимъ тоже, заложивъ руки въ карманы, только погуливалъ среди еловыхъ бревень. Онъ умѣлъ безъ помощи рукъ осо-

бымъ взмахомъ головы надвигать на лобъ свою мѣховую шапку, подчасъ, бывало, до того низко, что закрывалъ себѣ глаза; но это Анисимъ умѣлъ и поправить: мотнетъ, бывало, головой же и шапка очутится на мѣстѣ. И такъ весь день. Эти двѣ привилегированныя особы разнообразили свое время тѣмъ, что иногда исчезали куда то, а спустя часъ или два возвращались съ глазами полными, кровью. Рабочіе сверхъ квартиры и бѣды почти ничего не получали. Объяснялось это тѣмъ, что домохозяинъ, которому мы строили амбаръ, почему то удерживалъ деньги. Вначалѣ это было дѣйствительно такъ и рабочіе молчали. Но когда Анисимъ и Гаврило, получивъ какъ то сорокъ рублей, успѣли растратить эти деньги по кабакамъ, то артель возронтала. Произшли враждебныя столкновенія между рабочими и ихъ артельными хозяевами. Я себя чувствовалъ болѣе чѣмъ неловко; я негодовалъ. Гаврило, этотъ распропагандированный Гаврило, оказывался въ моихъ глазахъ эксплуататоромъ! Положимъ, я зналъ, что ни Анисимъ, ни Гаврило денегъ не утаили, а просто на просто пропили ихъ, но отъ этого рабочимъ было не легче. Я негодовалъ. Принялся упрекать Гаврилу. Но Гаврило, особенно въ пьяномъ видѣ, былъ окончательно невыносимъ. Наслушавшись отъ насъ же всевозможныхъ похвалъ по адресу рабочихъ, онъ, въ качествѣ рабочаго, въ такія минуты проникался необыкновеннымъ самомнѣніемъ. — „Я — Стенька Разинъ!“ кричалъ, бывало, онъ, выпучивъ на меня свои большіе, свѣтло-сѣрые глаза и ударяя себя кулакомъ въ грудь. Надо сказать, что въ тѣ времена при сношеніяхъ съ рабочими у пропагандистовъ практиковался весьма фальшивый пріемъ. „Вы — краеугольные камни будущаго строя“, нашептывали они рабочему. „Вы — революціонеры!.. Рабочіе — герои! А мы, интеллигенція, ни къ чему негодны. Мы, дворяне, всё дрянь...“ и прочее въ такомъ родѣ. Этотъ пріемъ былъ логическимъ слѣдствіемъ нашихъ міровоззрѣній: идеализаціи народа и того лассалевскаго взгляда на исторію, по которому въ настоящее время рабочее сосло-

віе является носителемъ прогресса и нравственности, равно какъ привилегированныя сословія — носителями реакціи и безнравственности. Понятно, стало быть, что у многихъ пропагандируемыхъ рабочихъ, наслушавшихся подобныхъ взглядовъ, вскружились головы и они возмнили о себѣ невѣсть какъ высоко. Такого рода деморализаціи подвергся въ сильной степени и бѣдный Гаврило. Въ сущности простой и добрый человекъ, онъ мало по малу заразился магіей величія, по счастью, однако, проявлявшейся у него только въ пьяномъ видѣ; въ такія минуты онъ оралъ, ругался, лѣзъ ко всѣмъ въ драку и наконецъ, до того разъ какъ то надоѣлъ одному плотнику, что тотъ его поколотилъ.

IV

СЕРГѢЙ КОВАЛИКЪ. — ОБЫСКЪ ВЪ „КОММУНЪ“. САПОЖНАЯ МАСТЕРСКАЯ.

Въ то время какъ я плотничалъ въ артели, въ январѣ или февралѣ 74 года, въ Кіевъ пріѣхалъ Коваликъ. Я былъ близко знакомъ съ нимъ, такъ какъ онъ состоялъ членомъ американскаго кружка, и зналъ поэтому впередъ, что его прибытіе сильно оживитъ нашу среду.

Сергѣй Филипповичъ Коваликъ, если не ошибаюсь, въ 1870 году, а можетъ годомъ раньше, выдержалъ экзаменъ при кіевскомъ университетѣ на степень кандидата математическихъ наукъ и одно время думалъ получить кафедру по математикѣ въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній Петербурга; но, увлекшись другими мыслями и цѣлями, онъ оставилъ на всегда свою учено-математическую карьеру. Въ 1872 году въ Мглинскомъ уѣздѣ Черниговской губ., его выбрали мировымъ судьей, а потомъ онъ былъ даже предсѣдателемъ съѣзда мировыхъ судей. Въ этотъ періодъ времени онъ близко познакомился съ Екатериной Брешковской (родители ея

были помещиками Мглинского уезда), принимавшей тогда горячее участие въ дѣлахъ мѣстнаго земства. Попытка Ковалика работать на легальной почвѣ окончилась, однако неудачей, такъ какъ его избраніе не было утверждено въ Петербургѣ. Принужденный оставить городъ Мглинъ, онъ послѣ этого окончательно отдался революціонной агитаціи. Подобно ему и Бренковская скоро утратилась отъ участія въ дѣлахъ земства и занялась мыслью устроить земледѣльческую колонию въ родѣ нашей „американской коммуны“, съ той разницей, что предполагала это осуществить въ самой Россіи. Но такъ какъ при русскихъ политическихъ порядкахъ подобная затѣя была, очевидно, неосуществима, то уже къ концу 73 года Бренковская отказалась отъ нея и тоже всецѣло посвятила себя революціонной дѣятельности.

Коваликъ обладалъ блестящими способностями и мнѣ рѣдко приходилось встрѣчать кого либо другого, кто — какъ онъ — умѣлъ бы съ такимъ искусствомъ заинтересовать всякого своей бесѣдой и съ такой быстротой входить въ умственные интересы собесѣдника. Въ нашемъ кружкѣ, среди близко знавшихъ его товарищей, онъ пользовался репутаціей весьма умнаго человѣка, и въ этомъ, конечно не было ничего удивительнаго. Но удивительно было то, что подобную репутацію онъ завоевывалъ рѣшительно всюду, куда не появлялся. Я не забуду того случая, какъ однажды на вечерѣ у одного исправника, оставшаго военнаго, Коваликъ привелъ послѣдняго въ восторгъ своими остроумными сопоставленіями и разсужденіями не болѣе не менѣе, какъ о маршировкѣ! „Замѣчательный человѣкъ!“ восклицалъ потомъ исправникъ, вспоминая о немъ. На самомъ дѣлѣ гибкость его ума была изумительна. Съ необыкновенной легкостью приспособлялся онъ къ собесѣднику и, ставши на его точку зрѣнія, не возражалъ прямо, а дѣлалъ только вставки и поясненія, неминуемо, однако, приводившія къ выводу, какой былъ желателенъ ему. Его споръ всегда былъ оригиналенъ и, какъ бы не былъ горячъ, рѣдко сопровождался шумомъ и громомъ. какъ это бывало у другихъ. Коваликъ ѣздилъ

на короткое время за границу и, возвратившись оттуда, энергично принялся за организацию революціонныхъ кружковъ среди молодежи, перебивавши за самое короткое время въ очень многихъ городахъ. Онъ посѣтилъ Харьковъ, Кіевъ и Одессу, всюду агитируя и ведя пропаганду въ пользу своей программы: онъ былъ сторонникомъ бунтовской программы. Уѣхавши въ февралѣ или мартѣ изъ Кіева въ Петербургъ, онъ группируетъ тамъ вокругъ себя нѣсколько человекъ и вмѣстѣ съ ними отправляется въ маѣ 74 года на Волгу для дѣятельности въ народѣ. По пути, однако, останавливается въ Москвѣ и здѣсь ведетъ агитацію среди студентовъ Петровской Земледѣльческой Академіи. Изъ Москвы ѣдетъ въ Ярославль, что бы попытаться организовать кружокъ среди ярославскихъ лиценстовъ. Изъ Ярославля направляется по порядку: въ Кострому, Нижній Новгородъ, Казань, беря адреса отъ однихъ къ другимъ и всюду призывая молодежь идти въ народъ для революціонной дѣятельности.

На Волгѣ Коваликъ работаетъ вмѣстѣ съ другими двумя замѣчательными людьми — Порфириемъ Войнаральскимъ и Дмитріемъ Рогачевымъ. Будучи человекомъ со средствами, Войнаральскій помогаетъ всюду: онъ устраиваетъ мастерскія въ Москвѣ и Саратовѣ, гдѣ бы можно было революціонерамъ изучать ремесла и потомъ идти въ народъ въ качествѣ ремесленниковъ; заводитъ притоны въ Саратовѣ, Самарѣ, Пензѣ, для того что бы революціонеры могли находить убѣжища во время преслѣдованій со стороны полиціи; даетъ деньги на перевозку книгъ изъ за границы. Наконецъ, онъ входитъ въ соглашеніе съ Иннолентомъ Мышкинымъ, державшимъ легальную типографію въ Москвѣ, и этотъ послѣдній начинаетъ перепечатывать у себя запрещенныя брошюры. Такъ перепечатываются; „Исторія одного французскаго крестьянина“ „Чтой то братцы“ и много другихъ нелегальныхъ произведеній, и цѣлыми тюками, въ видѣ неброшюрованныхъ листовъ, доставляются изъ Москвы въ Самару, Саратовъ, Пензу и даже въ Петербургъ. Вой-

паральскій открыто читаетъ на сходкахъ крестьянъ революціонныя брошюры и зоветъ ихъ къ возстанію. Что касается Рогачева, то онъ дѣйствовалъ главнымъ образомъ въ Пензѣ и Саратовѣ; но во время арестовъ 74 года пошелъ въ качествѣ бурлака внизъ по Волгѣ и съ тѣхъ поръ на долго былъ потерянъ изъ виду товарищами. Благодаря его необыкновенной физической силѣ и ловкости, съ которой онъ избѣгалъ арестовъ, одно время о немъ ходили разказы среди революціонной молодежи, совершенно какъ о какомъ нибудь мифическомъ героѣ.

Революціонное движеніе 1873 — 74 годовъ, охватившее массу русской молодежи, развивалось одновременно въ очень многихъ городахъ и мѣстностяхъ Россіи; Прокуроръ саратовской судебной палаты, Жихаревъ, которому поручено было разслѣдованіе всего дѣла, открывъ, какъ извѣстно, слѣды „преступной дѣятельности“ пропогандистовъ болѣе чѣмъ въ тридцати губерніяхъ: всюду пропогандировали, организовались въ кружки, шли въ народъ... Но, безъ всякаго сомнѣнія, шире всего поставлено тогда было дѣло на Волгѣ, благодаря именно этимъ тремъ личностямъ: Ковалику, Войнаральскому и Рогачеву, которые вмѣстѣ съ Ипполитомъ Мышкинымъ являются какъ бы центральными фигурами движенія 73 и 74 годовъ, а равно и во время процесса, получившаго названіе „большаго процесса“ или „процесса 193 хъ“. Я назвалъ ихъ „центральными фигурами“, тогда какъ слѣдовало бы правильнѣе назвать: „типичными представителями движенія“, ибо движеніе 73 — 74 годовъ далеко не было централизованнымъ и прошло широкимъ неорганизованнымъ потокомъ. Во время процесса къ этимъ четыремъ человѣкамъ приставлена была спеціальная стража и въ залѣ суда они были даже разсажены отдѣльно отъ остальныхъ подсудимыхъ. Мышкинъ, Коваликъ, Войнаральскій и Рогачевъ признаны были судомъ главными инициаторами и составителями этого огромнаго заговора, — котораго въ дѣйствительности не существовало — якобы имѣвшаго свои развѣтвленія

чуть ли не по всей Россіи, и всѣ четверо были приговорены къ самымъ тяжелымъ наказаніямъ и посажены въ центральную тюрьму Харьковской губерніи.

Въ 1874 году Сергѣй Коваликъ имѣлъ не болѣе 26-ти лѣтъ. Онъ былъ нѣсколько выше средняго роста. На толстой шеѣ, составлявшей одну прямую линію со спиною, что придавало весьма характерный видъ всей его крѣпкой фигурѣ, посажена была голова съ необыкновенно большимъ, высокимъ лбомъ. Матово-блѣдное лицо съ скудной растительностью плохо гармонировало съ его сильнымъ корпусомъ, а небольшіе голубые глаза далеко не выражали той неутомимой энергіи, какой онъ обладалъ на самомъ дѣлѣ.

Съ прїѣздомъ Ковалика въ Кіевъ, я часто приходилъ изъ артели и цѣлые вечера проводилъ въ „коммунѣ“, гдѣ онъ тогда остановился и куда сходилъ и другіе кіевскіе радикалы. То было необыкновенно оживленное время. Помню, какъ то поднялась бесѣда о томъ, подъ какимъ видомъ удобнѣе всего идти въ народъ. Коваликъ высказалъ мнѣніе, что самое удобное отправляться подъ видомъ ремесленника и предложилъ при этомъ приступить къ изученію какого нибудь ремесла.

— „Какого же, однако?“ допытывался одинъ изъ присутствующихъ.

— „Это все равно... Ну, хоть сапожничество“, отвѣтилъ тотъ.

— „Сапожничество? Помилуйте!...“ воскликнулъ вдругъ оппонентъ. „Да вѣдь это занятіе страшно разрушаетъ здоровье! Доказано, что почти всѣ сапожники страдаютъ печенью.“

— „Въ такомъ случаѣ — кузнечество...“

— „Развѣ вамъ не пзвѣстно, что угольная пыль разрушаетъ легкія? По изслѣдованіямъ такого то (тутъ приведенъ былъ какой то медицинскій авторитетъ) — кузнецы, равно какъ и слесаря, часто кончаютъ чахоткой.“

— „Столярство“... занкинулся было Коваликъ.

Но и столярство оказалось ремесломъ вреднымъ; дре-

весная пыль тоже разрушала что то. Оппонентъ зналъ о разрушительномъ вліяніи ремесель на человѣческой организмъ и на этой почвѣ, видимо, рассчитывалъ побѣдить противника.

— „Всѣ ремесла оказываются негигіеничными“, проговорилъ Коваликъ, „но едва ли есть что либо менѣе гигиеничное, чѣмъ занятіе революціонера“.

Ударъ вышелъ совершенно неожиданный. Присутствующіе засмѣялись, а сконфуженный оппонентъ замолчалъ. Рѣшили устроить въ ближайшемъ будущемъ столярную мастерскую.

Приходя изъ артели, я засиживался, бывало, въ „коммунѣ“ до полуночи, а иногда даже почевалъ. Разъ какъ то, оставшись на почь, на разсвѣтѣ я былъ разбуженъ Ивановой, сестрой Брешковской (векорѣ потомъ умершей), шептавшей мнѣ на ухо: Вставайте скорѣе!.. Въ домѣ полиція“. Я вскочилъ на ноги. По счастью я спалъ въ кухнѣ, а обыскъ, производимый жандармами начатъ былъ съ комнатъ. Тѣмъ не менѣе я былъ въ западнѣ, такъ какъ кухня находилась въ самой глубинѣ корридора и изъ нея былъ только одинъ выходъ — черезъ этотъ же корридоръ; между тѣмъ какъ корридоръ такъ и комнаты, размѣщенныя по обѣимъ сторонамъ его, были полны полиціи, жандармовъ и понятыхъ. Я взглянулъ въ окно, выходившее въ огородъ, засыпанный снѣгомъ. Домъ не былъ оцѣпленъ и можно было бы пожалуй бѣжать черезъ окно, если бы дѣло не происходило зимою: окно было двойное, приходилось его ломать. Кажется Иванова же дала мнѣ совѣтъ уходить прямо черезъ корридоръ. Въ эту пору (по утрамъ) обыкновенно водовозы развозили воду по домамъ и меня легко могли принять за водовоза. Я накинулъ полушубокъ и вышелъ въ корридоръ. Тутъ толпились нижніе полицейскіе и жандармскіе чины. Благодаря моему костюму, они, видимо, приняли меня за простого рабочаго, а такъ какъ обыскъ производился у „студентовъ“, то имъ даже въ голову не пришло остановить меня и спросить — кто я. Оглянувъ меня, они разступились. Поровнявшись съ ними, я по-

чтительно снялъ шапку и искося посмотрѣлъ вънутрь комнаты, двери которой были настежь открыты. Я увидѣлъ тамъ товарищей въ перемѣшку съ начальствомъ. Коваликъ объяснялся съ какимъ то господиномъ одѣтымъ въ штатскій костюмъ, повидимому прокуроромъ. Когда я проходилъ, полицейскіе и жандармы посторонились и я вышелъ во дворъ. По двору я прошелъ медленнымъ шагомъ, но когда выбрался, наконецъ, за ворота на улицу и увидѣлъ, что тамъ не было ни одного полицейскаго, который могъ бы наблюдать за мною, то стремглавъ пустился бѣжать на Подоль, гдѣ помѣщалась артель. Таковы были нравы въ то время. Годъ спустя, подобный побѣгъ былъ бы уже рѣшительно невозможенъ, такъ какъ весь домъ былъ бы, конечно оцѣпленъ и у воротъ стояла бы полиція, да, наконецъ, просто таки не выпустили бы изъ дому не только меня, а даже настоящаго водовоза, прежде чѣмъ не удостовѣрились бы въ его личности.

Выше я сообщилъ, что Лермонтовъ, уѣзжая въ Петербургъ, передалъ мнѣ адресъ волочискаго контрабандиста, который обязался перевезти черезъ границу пуда два книгъ „Государственность и анархія“. Я ѣздилъ тогда же въ Волочискъ и видѣлся съ этимъ контрабандистомъ; но такъ какъ книги не были еще перевезены, то я ему оставилъ адресъ Судзиловскаго, по которому онъ долженъ былъ увѣдомить, какъ только книги будутъ доставлены имъ въ условленное мѣсто. Этотъ адресъ не извѣстно какимъ образомъ попалъ въ руки пограничной полиціи, которая не замедлила, само собою разумѣется, дать знать въ Кіевъ, что и послужило поводомъ къ обыску въ „коммунѣ“, гдѣ жилъ Судзиловскій. Но счастью, однако, когда явился съ обыскомъ, его не застали, а потому не могли арестовать. На сколько припоминаю, онъ въ ту минуту былъ въ Одессѣ, куда ѣздилъ для переговоровъ съ однимъ кружкомъ, разыскивавшимъ подходящаго человѣка для отправки въ Самарскую губернію, гдѣ въ это время свирѣпствовалъ голодъ. Судзиловскій вошелъ въ соглашеніе съ этимъ кружкомъ и

предполагалъ устроить свою поѣздку въ Самарскую губ. весной, что бы собрать на мѣстѣ подробныя свѣдѣнія о голодѣ и, возвратившись, дать отчетъ передъ кружкомъ. Но, прибывши изъ Одессы въ Кіевъ и узнавши о томъ, что кіевская полиція его розыскиваетъ, онъ рѣшилъ поторониться съ отъѣздомъ на Волгу. И такъ какъ все таки уѣхать нельзя было ему ранѣе нѣсколькихъ дней, онъ на это время поселился со мною въ артели, находя, что тамъ для него безопаснѣе. Такимъ образомъ, обыскъ въ „коммунѣ не принесъ никому существеннаго вреда.

Между тѣмъ дѣла въ артели въ революціонномъ отношеніи шли какъ нельзя болѣе скверно. Гаврило пьянствовалъ и кричалъ: „Я — Стенька Разинъ!“; а хозяинъ Анисимъ, котораго мы тоже вздумали было развивать, только головой моталъ. Что же касается до остальныхъ плотниковъ, то они, видимо, сторонились насъ: отчасти они были замучены трудомъ, такъ какъ работать приходилось буквально отъ зари до сумерекъ, и потому представляли изъ себя народъ крайнѣ индифферентный, ни о чемъ не думающій кромѣ отдыха, ѣды, бани и т. п. предметовъ; отчасти же они отгадывали, что мы были „не ихъ поля ягоды“ и потому избѣгали насъ. Я было предложилъ Гаврилѣ бросить эту артель и вмѣстѣ поступить рабочими къ одному подрядчику на Печерскѣ (часть города, гдѣ находится Лавра и крѣпость), гдѣ было больше ста плотниковъ и о которыхъ ходили слухи, будто они были недовольны своимъ подрядчикомъ и собирались даже бунтовать. Но Гаврило отказался. Безъ Гаврилы же я не рѣшался поступить, такъ какъ не вполне владѣлъ ремесломъ и боялся очутиться одинъ среди незнакомыхъ плотниковъ. Поэтому я былъ весьма радъ, когда, наконецъ наступило время отъѣзда Судзиловскаго. Мы артель оставили и съ тѣхъ поръ я назадъ не возвращался и даже не встрѣчался болѣе ни съ кѣмъ изъ моихъ знакомыхъ плотниковъ. Гаврилы я тоже не видѣлъ, и только впоследствии услыхалъ о немъ страшную вѣсть: во время какой то работы на него упало огромное бревно и по-

ломало ноги. Врачи отрёзали ему обѣ ноги и онъ остался калѣкой. Бѣдный Гаврило! Не разъ чудилось мнѣ потомъ, что я вижу передъ собою ползущаго на рукахъ по улицѣ калѣку съ двумя уродливыми обрубками вмѣсто ногъ, завороченными въ грязныя тряпки. Вотъ онъ останавливается передъ проходимъ, садится на краю тротуара и, протянувъ руку впередъ, устремляетъ на него свой просящій взоръ. И вижу я передъ собою опять тѣ же хорошо знакомые мнѣ огромные, свѣтло-сѣрые глаза, ту же рыжую бородку и волосы скобкой съ проборомъ на боку. Я вижу передъ собою это добродушное лицо: оно смотритъ на меня снизу, съ края тротуара. Вспоминаю я, какъ когда то онъ, выпучивъ на меня глаза, кричалъ: „Я — Стенька Разинъ!“ Вспоминаю.. Сравниваю... И чувство обиды вызываютъ во мнѣ эти воспоминанія.

Судзиловскій сталъ собираться въ дорогу. Передъ его отъѣздомъ мы много бесѣдовали о нашихъ общихъ планахъ. По нашему убѣжденію, на Волгѣ, Донѣ и Днѣпрѣ сохранилось въ народѣ болѣе революціонныхъ традицій, чѣмъ въ средней Россіи, такъ какъ самыя крупныя народныя движенія происходили на окраинахъ: пугачевщина была на Волгѣ, бунтъ Стеньки Разина — на Дону, гайдамачина на — Днѣпрѣ. Мы полагаемъ, что гдѣ одинъ разъ происходило революціонное движеніе, тамъ оно легче могло возникнуть во второй разъ, и потому рѣшили не разбрасываясь по всей Россіи, сосредоточить наши силы въ такихъ именно мѣстностяхъ, которыя имѣли извѣстное историческое прошлое. Такимъ образомъ, по нашему плану, одни должны были дѣйствовать на Днѣпрѣ, другіе на — Волгѣ. Вызывая стачки и мѣстные бунты, во время которыхъ обыкновенно выдвигаются изъ массы болѣе смѣлые и энергичныя личности, мы думали, такимъ образомъ, намѣчать годныхъ для дѣла людей и привлекать ихъ въ революціонную организацію. А разъ веныхнуло бы возстаніе въ одной мѣстности, мы надѣялись, что оно, подобно пламени распространится и охватитъ всю Россію. Будучи сторон-

никами бунтовской программы, мы защищали и доказывали ее справедливость всеми способами. Но главным образом на помощь призывали историю, наглядно учававшую, как росли и развивались революционные движения. А история насъ учила, что революции не проходили сразу, а почти всегда начинались съ отдѣльныхъ незначительныхъ бунтовъ, только постепенно переходившихъ въ обширныя возстанія. Въ этомъ ростѣ и болѣе или менѣе постепенномъ расширеніи движенія, мы усматривали роковую необходимость, которой ни обойти, ни избѣжать было рѣшительно невозможно, такъ какъ она являлась результатомъ закона общаго развитія всей органической жизни. Подобно тому, какъ путемъ упражненія развиваются силы и способности отдѣльнаго организма, такъ и весь народъ, разсуждали мы, готовится къ революціи только путемъ упражненія своихъ революціонныхъ чувствъ и способностей. „Кто любитъ народъ — тотъ водить его подъ пушки“, сказала кто то изъ извѣстныхъ революціонеровъ, и мы придерживались этого взгляда.

Все это съ точки зрѣнія отвлеченныхъ разсужденій можетъ быть и было справедливо, но отвѣчала ли окружающая жизнь подобнымъ разсужденіямъ, съ этимъ мы не справлялись. Мы толковали о томъ, что у насъ на окраинахъ сохранилось много революціонныхъ традицій, что на Волгѣ до сихъ поръ поются пѣсни про Пугачева и Стеньку Разина, а на Днѣпрѣ — про Гайдамакъ. И это было справедливо: пѣсни дѣйствительно пѣлись; но только мы недостаточно обратили тогда вниманія на мелодіи этихъ пѣсень. Заунывныя и грустныя мелодіи этихъ пѣсень скорѣе могли вызвать у слушателя слезы, нежели зажечь революціонную страсть.

Однако, опредѣленной практической программы мы все таки не выработали, да и не могли выработать, такъ какъ это было нелегко. Въ то время какъ практическая задача „пропагандиста“ являлась болѣе или менѣе ясной, задача „бунтаря“ оказывалась и трудной и неопредѣленной. „Пропагандистъ“ занимался распространеніемъ ре-

волюціонныхъ брошюръ среди народа — иногда самъ читалъ; иногда же только раздавалъ ихъ. При нѣкоторой ловкости, работа эта не представляла особенныхъ трудностей, а при умѣнии обращаться съ крестьянами и заинтересовать ихъ разказами, сулила даже сравнительный успѣхъ. Но для „бунтаря“, не усматривавшаго ничего серьезнаго въ разговорахъ, какъ бы они не были революціонны, дѣло представлялось совсѣмъ иначе. Ему нужны были бунты и стачки. Но организовать стачку или вызвать бунтъ, — объ этомъ легко было разсуждать, но не осуществить на практикѣ. Въ самомъ дѣлѣ: какъ это организовать стачку или вызвать бунтъ? Задача большая, трудная и часто совершенно неисполнимая. Поэтому большинство „бунтарей“, признававшихъ въ теоріи бунтовскую программу, потомъ, когда двинулось въ народъ, на практикѣ, своей дѣятельностью, несколько не отличались отъ „пропагандистовъ“ и подобно имъ занималось распространеніемъ революціонныхъ брошюръ въ народъ, быть можетъ лишь съ тою разницею, что дѣлали это съ большимъ жаромъ и меньшей осмотрительностью, чѣмъ „пропагандисты“. Въ этомъ видѣ и проявилась дѣятельность на Волгѣ кружковъ Ковалика и Войнаральскаго. Однако, были такіе и, между прочимъ мы принадлежали къ ихъ числу, которые не имѣли ввиду заниматься распространеніемъ революціонныхъ книгъ среди народа и для которыхъ, поэтому, вопросъ о практической дѣятельности стоялъ совершенно открытымъ и нерѣшеннымъ. Мы считали необходимымъ сначала ознакомиться съ условіями народной жизни, приглядѣться къ мѣстнымъ обычаямъ, правамъ міровоззрѣніемъ и затѣмъ уже, на основаніи реальныхъ данныхъ, выработать практическую программу дѣйствій.

Это было бы, конечно, хорошо, если бы мы въ состояніи были отнестись къ дѣйствительности съ надлежащей критической оцѣнкой. Но этого далеко не было. Уже въ то время у насъ существовали предвзятые мнѣнія по многимъ существеннымъ вопросамъ. Такъ, напримѣръ, вопросъ о революціонности крестьянской мас-

сы опредѣленно рѣшался нами въ положительномъ смыслѣ, не смотря на то, что для подобнаго рѣшенія мы не имѣли серьезныхъ данныхъ. Всѣ свои доказательства въ пользу этого мнѣнія мы черпали изъ болѣе или менѣе отдаленнаго историческаго прошлаго, не находя таковыхъ въ настоящемъ. Такъ, между прочимъ, доказательства въ пользу революціонности украинскихъ крестьянъ я находилъ въ ихъ поведеніи во время польскаго возстанія, въ ихъ преслѣдованіяхъ польскыхъ „пановъ повстанцевъ“ и той ненависти, съ какой они относились тогда вообще къ панамъ, къ разряду которыхъ причисляли всѣхъ людей привилегированнаго званія, носившихъ европейскіе костюмы. Тому, кто привыкъ смотрѣть на возстаніе поляковъ на Украинѣ 1863 года лишь съ польской точки зрѣнія, я припомню, что въ Юго-Западномъ краѣ поляки являлись почти исключительно „панами“, помѣщиками и слѣдовательно, злобное отношеніе къ нимъ крестьянъ было естественнымъ послѣдствіемъ вѣковой эксплуатаціи и притѣсненій, которымъ подвергали ихъ помѣщики. Борьба украинцевъ-крестьянъ въ 63-мъ году съ бунтовавшими поляками помѣщиками въ своемъ основаніи имѣла тѣ же мотивы, которыя создали въ прошломъ вѣкѣ гайдамачину. Конечно, русское правительство могло воспользоваться въ своихъ интересахъ этой борьбой, но сущность ея нисколько отъ этого не мѣняется.

Я близко соприкасался съ крестьянской средой и въ Лукъ-Барекѣ, гдѣ я росъ, у меня были пріятели среди крестьянъ. Но такъ какъ все таки для нихъ я былъ „панъ“, то, поэтому, съ трудомъ вѣрилось въ ихъ искреннія отношенія ко мнѣ. Такія отношенія, думалось мнѣ, возможны были бы только тогда, когда я самъ былъ бы мужикомъ и соприкасался съ ними какъ равный съ равными. „Передо мною, какъ передъ „паномъ“, мужики держались недовѣрчиво“, разсуждалъ я, „и, слѣдовательно, я не могу даже составить правильнаго понятія объ ихъ жизни“. Сознывая въ глубинѣ души, что до сихъ поръ я наблюдалъ крестьянскую жизнь, такъ сказать, съ внѣшней стороны, мнѣ стала представляться эта

жизнь теперь не такую, какой я ее видѣлъ, а въ нѣсколько иномъ, скрапленномъ видѣ. У меня получалась, такимъ образомъ, извѣстная идеализація крестьянской среды, не смотря даже на то, что я былъ съ нею довольно близко знакомъ. Само собою разумѣется, что идеализація эта приняла еще большіе размѣры у тѣхъ изъ насъ, которые выросли въ городъ и никогда не видѣли мужика иначе, какъ изъ окна своей комнаты.

Но вотъ, наконецъ, Судзиловскій уѣхалъ въ Самарскую губ., и я съ Коваликомъ сняли квартиру на Спускѣ, возлѣ Подола (нижняя часть Кіева), съ тѣмъ, что бы устроить сапожную мастерскую. Роль главнаго мастера выпала на мою долю, такъ какъ я зналъ это ремесло лучше другихъ. Мы закупили нужные инструменты и матерьялъ и принялись точать сапоги.

Всякій день утромъ являлись въ нашу мастерскую обучаться ремеслу Аксельродъ и два брата Левенталя. Мы обыкновенно усаживались съ утра же за работу и принимались шить, а одновременно съ тѣмъ вели бесѣды на самыя разнообразныя темы, начиная съ женскаго вопроса и воспитанія дѣтей и оканчивая революціей. Больше всего, конечно, мы разсуждали о дѣятельности среди народа. Исходной точкой нашихъ разговоровъ часто служила бакунинская книга: „Государственность и Анархія“ и особенно помѣщенное въ концѣ ея „прибавленіе А“, въ которомъ Бакунинъ говоритъ специально о Россіи и призываетъ русскую молодежь идти въ народъ для организаціи бунтовъ. Необходимость идти въ народъ болѣе или менѣе всеми сознавалась; всякій чувствовалъ живую потребность что то дѣлать въ народъ; но на самую эту дѣятельность смотрѣли разное и объ этомъ очень много спорили. Какъ бы тамъ ни было, но эти разговоры не оставались безплодными... Далеко однако нельзя было того же сказать о нашемъ шитьѣ. Правда, сначала мы пары двѣ-три сапогъ сшили, но вышли они совсѣмъ неуклюжіе. Матерьяльныхъ средствъ въ нашемъ распоряженіи было мало; приходилось дорожить всякой копѣйкой; что бы имѣть возможность про-

должать занятія въ мастерской, надо было сбывать наши издѣлія. Съ этой цѣлью Левенталь понесъ однажды сапоги на толкучій рынокъ, но возвратился оттуда совершенно сконфуженнымъ: никто не пожелалъ купить ихъ. „При царѣ Петрѣ такіе сапоги шли!“ замѣтилъ Левенталю какой то покупатель, какъ видно не безъ нѣкоторыхъ знаній по исторіи. Послѣ этого нести вторично на рынокъ наше коллективное произведеніе никто изъ насъ не пожелалъ

Впрочемъ, не эти маленькія неблагополучія были причиной закрытія мастерской; кое какъ мы перебивались и продолжали работать. Но съ приближеніемъ весны пронесся слухъ, что затѣвается однодневная перепись въ Кіевѣ. Мы нанмали квартиру, не заявивши паспортовъ. Меня полиція розыскивала еще по дѣлу Донецкаго, Коваликъ тоже не хотѣлъ попадаться ей на глаза, и мы принуждены были перебраться съ этой квартиры. Сапожная мастерская закрылась и Коваликъ вскорѣ послѣ этого уѣхалъ въ Петербургъ.

V

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ НАРОДЪ

Съ отъѣздомъ Ковалика у насъ наступило затишье: ни споровъ, ни разсужденій. „Коммуна“ словно опустѣла. Видимо разговоры надоѣли всѣмъ, и всякому хотѣлось поскорѣе попробовать свои силы на практикѣ. Вотъ въ воздухѣ повѣяло весною. Стада дикихъ гусей потянули на сѣверъ. Днѣпръ вскрылся. Съ шумомъ неслись по рѣкѣ сѣрыя льдины и ломались о каменные быки кіевского цѣпного моста. Крестьяне пригородныхъ селъ шныряли въ душегубкахъ между льдинами и крючьями вылавливали бревна, уносимыя разливавшеюся рѣкою.

Вася, бывшій впечатлительнѣе другихъ, не выдержалъ и первый заговорилъ въ такомъ духѣ, что нечего

сидеть и ждать чего то сложа руки, а надо идти въ народъ.

— „Зачѣмъ же дѣло стало? Можемъ и отправляться“, поддержаль его кто то.

— „Ну, братцы, такъ не откладывать же.“

— „Да, хоть завтра!“

И въ „коммунѣ“ поднялась необыкновенная суета! Начались сборы къ путешествію въ народъ.

Если „киевскихъ чайковцевъ“ можно было упрекнуть въ медлительности, то „коммуна“ страдала противоположнымъ порокомъ — крайней поспѣшностью. Тотчасъ же мы отправились на толкучій рынокъ, закупили тамъ поношенные шапки, зипуны, полушубки, такъ какъ время стояло еще холодное. И когда съ этой стороны все было готово, написали четырехмѣсячные паспорта, приложили къ нимъ печати собственнаго издѣлія, одѣлись и, перекинувши мѣшки черезъ плечи, пошли на вокзалъ. Съ вечернимъ поѣздомъ мы уже ѣхали въ Жмеринку. насъ было пять человекъ: Стефановичъ, Вася, я и еще двое, которыхъ я назову начальными буквами С. и Ш. Мы взяли съ собою сапожные инструменты, хотя изъ насъ только двое знакомы были съ этимъ ремесломъ. Денегъ на всякаго было по шести рублей, такъ какъ въ это время не оказалось больше въ кассѣ „коммуны“.

Въ поѣздѣ мы сразу почувствовали все преимущество непривилегированнаго положенія. По примѣру русскаго рабочаго люда, мы забрались подъ скамейки, что бы спокойное проспять ночь. Но не гуть то было. Почти передъ каждой станціей въ вагонъ нашъ вваливались кондуктора и зачѣмъ то всякій разъ требовали, что бы мы показывали имъ свои билеты. Вереницами человекъ въ пять, начиная отъ оберъ-кондуктора и оканчивая истонникомъ, проходили они черезъ нашъ вагонъ и при этомъ, какъ мулы, лягали насъ, лежавшихъ на полу, своими ногами, одѣтыми въ высокіе сапоги съ „бутылками“ (такъ называются твердыя стоящія голенища). „Билеты ваши, господа!.. Пожалуйте билеты!.. Эй, ты... билетъ!..“ слышалось намъ сквозь громъ и грохотъ

быстро мчавшагося поѣзда. По примѣру того же русскаго люда, мы сносили и это.

На другой день мы уже толкались возлѣ жмеринскаго вокзала и спрашивали о работѣ. Работа скоро нашлась: нагрузка вагоновъ шпалами. Плата была урочная, отъ вагона. Мы взялись за работу: четверо носили шпалы, а Ш. стоялъ внутри вагона и приводилъ ихъ въ порядокъ. Проработавъ съ недѣлю времени и получивъ деньги, мы рѣшили двигаться въ путь. Изъ Жмеринки мы думали пройти на Умань и югомъ Кіевской губерніи добраться до Днѣпра. Но двигаться пятерымъ съ саножными инструментами, пригодными для одного, много для двухъ человекъ, было не совсѣмъ удобно. Надо было выдумать какой нибудь другой предлогъ. Мы только теперь почувствовали, что ужъ черезчуръ поторопились съ нашимъ отъѣздомъ изъ Кіева. Тогда кто то изъ насъ обратилъ вниманіе на небольшую артель красильщиковъ, проживавшихъ черезъ Жмеринку, и мы остановились на мысли принять видъ красильщиковъ. Это тѣмъ болѣе оказывалось удобнымъ, что мать Васина занималась когда то крашеніемъ матерій; самъ Вася нѣсколько смыслилъ въ этомъ ремеслѣ и брался подучить насъ ему довольно скоро. Между тѣмъ Ш. въ эту минуту сталъ колебаться: онъ искренне сознался передъ нами, что не въ силахъ дальше вести подобную жизнь, полную физическихъ лишеній, и выразилъ намѣреніе возвратиться въ Кіевъ. Насъ это страшно возмутило. Напрасно Ш. старался насъ увѣрить, что онъ можетъ быть полезенъ въ другихъ дѣлахъ въ городѣ, и просилъ даже поддерживать съ нимъ сношенія, — мы фанатически стояли на своемъ: „кто не съ нами — тотъ противъ насъ“, другими словами, кто не шелъ, какъ мы въ народъ — тотъ былъ нашъ врагъ. Вспоминая теперь разставаніе съ нимъ, я долженъ сознаться, что сцена вышла грустная и тяжелая: молча, съ поникшей головой, выслушалъ онъ нѣсколько язвительныхъ замѣчаній съ нашей стороны; при прощаніи у него, бѣдняги, дрожали руки. Ш. уѣхалъ. Вася тоже уѣхалъ въ Кіевъ, что бы закупить краски и потомъ

воротиться обратно. Трое насъ остались въ Жмеринкѣ и вновь принялись за нагрузку вагоновъ. Но вотъ мы дождались Васю; онъ воротился съ мѣшкомъ, наполненнымъ баночками и свертками, также привезъ съ собою немного денегъ, которые ему удалось достать въ Кіевѣ. Въ верстѣ отъ жмеринскаго вокзала былъ лѣсъ. Помню, мы отправились туда и, забравшись въ укромное мѣсто, выложили все свое имущество изъ мѣшковъ. Бѣлье, сапожные инструменты, краски — все было распределено по мѣшкамъ сообразно силѣ каждого. Для большаго подобія съ дѣйствительными красильщиками и, наконецъ, просто для того, что бы было видно всякому, кто мы такіе, мы измазали красками не только свою одежду, но даже лица, и, приготовившись такимъ образомъ, вышли изъ лѣсу и двинулись по проселочной дорогѣ, ведущей изъ Жмеринки къ мѣстечку Браилову. Попадавшіеся на встрѣчу намъ крестьяне, вѣроятно, сразу признали насъ за красильщиковъ, такъ какъ, помню, мы не могли смотрѣть другъ на друга безъ смѣха: до того лица были размазаны. Браиловъ миновали благополучно, не смотря на то, что по срединѣ базара сидѣли около часа за столами, поставленными подъ открытымъ небомъ и пили чай, приправленный господами купцами жженнымъ сахаромъ для цвѣта. Изъ Браилова мы направились въ мѣстечко Тывровъ. Добравшись до Тыврова и проходя по главной улицѣ, мы услышали сзади себя крикъ: „Эй, вы!.. Кто вы такіе?“

Мы поворотили головы и, убѣдившись, что этотъ крикъ относился къ намъ, остановились.

— „Красильщики!“ громко отозвался одинъ изъ насъ.

— „Красильщики? Какіе такіе красильщики!? А паспорта у васъ есть? Подите ка сюда!“

Нечего было дѣлать. Мы поворотили назадъ. Подойдя къ дому, оказавшемуся волостнымъ правленіемъ, мы вытащили наши паспорта и передали господину, стоявшему на крыльцѣ, который, повидимому, былъ никто иной какъ волостной писарь. Онъ взялъ паспорта и тутъ же на крыльцѣ принялся ихъ просматривать.

— „Кто вамъ писаль билеты!“ спросилъ, наконецъ, онъ.

— „Изъ волости,“ отвѣтилъ одинъ изъ насъ.

— „Вижу, что изъ волости, да спрашиваю: кто тамъ у ась билеты пишеть?“

в— „Надо думать писарь волостной.“

— „Ка-акой дур-ракъ!.. Кто изъ васъ грамотный?“
Смотри! тыкаль миѣ писарь подъ самый носъ одинъ изъ паспортовъ, указывая на окончаніе текста. Тамъ стояло такъ: „выданъ въ тысяча восемьсотъ четвертомъ году“, вмѣсто „семьдесятъ четвертомъ“. Слово „семьдесятъ“ было пропущено.

— „Мы неграмотные,“ замѣтилъ я.

— „То-то, дураки, ничего не понимаете! И писарь у васъ въ волости такой же безграмотный дуракъ.“ И помолчавъ немного, онъ добавилъ: „Ну, ступайте!“

Это маленькое событіе, привевшее насъ сначала въ смущеніе, потомъ сильно ободрило: все хорошо, разсуждали мы, — если даже ошибка въ паспортъ, вкравшаяся, благодаря нашей поспѣшности, не возбудила подозрѣній къ намъ.

Въ первые дни путешествія на привалахъ, которые устраивались въ уединенныхъ мѣстахъ, мы дѣлали подъ руководствомъ Васи опыты крашенія. Зеленый цвѣтъ на шерсти получался довольно чистый, но другіе цвѣта выходили почему то грязные и легко смывались. На бумажныхъ матеріяхъ, сколько мы не прилагали стараній, какъ ихъ ни варили въ горшкахъ, краски совсѣмъ не держались: даже зеленая и та ползла! Тѣмъ не менѣе, проходя черезъ села — вначалѣ, несмѣло и стѣсняясь — мы предлагали свой трудъ, но когда замѣтили, что крестьяне не даюгъ красить, то другой разъ даже довольно громко выкрикивали по улицамъ: „красимъ пояса!“ Затѣмъ обращались то къ тому, то къ другому съ предложеніями и, получивъ обыкновенно отказъ, старались такъ или иначе встунить въ разговоръ. Распросы свои мы сводили къ тому, что бы узнать, были ли въ данной мѣстности возстанія, когда они были и что по-

служило поводомъ. Мы шли по самымъ населеннымъ мѣстностямъ Подольской и Кіевской губерній; пройдено было по пути множество деревень и свѣдѣнія, собранныя нами, правда, по специальнымъ вопросамъ, годились для кое какихъ обобщеній. Такъ, изъ разговоровъ оказалось, что крестьянскія движенія происходили главнымъ образомъ въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ, т. е. въ періодъ до и тотчасъ послѣ освобожденія крестьянъ и что приблизительно съ половины 60-ыхъ годовъ волненія стали происходить рѣже, а къ 70-ымъ годамъ ихъ почти совсѣмъ уже не было. Этому чрезвычайно важному обстоятельству мы не придали тогда ровно никакого значенія; мы, такъ сказать, пропустили его мимо глазъ, благодаря предвзятому взгляду, укоренившемуся еще въ шестидесятыхъ годахъ среди русскихъ революціонеровъ и исповѣдуемому равнымъ образомъ и нами, а именно, что народъ готовъ къ возстанію всякую минуту. Слѣпая вѣра въ близость русской революціи мѣшала намъ сознать, что народъ нашъ далеко не такъ революціонно настроенъ, какъ намъ того хотѣлось. Другое явленіе, бросавшееся въ глаза было повсемѣстное желаніе крестьянъ подушнаго передѣла земли, и на это явленіе мы обратили самое серьезное вниманіе. Передѣлъ земли являлся исходной точкой при выработкѣ всѣхъ нашихъ послѣдующихъ практическихъ программъ. Въ этомъ желаніи народа, показывавшемъ его отрицательное отношеніе къ личной поземельной собственности, мы усматривали, съ одной стороны, социалистическій идеалъ будущаго, съ другой — во имя этого идеала, надѣялись вызвать народное возстаніе. Для насъ, украинцевъ, община не была и не могла быть исходной точкой программы, такъ какъ общины, въ томъ видѣ, какъ она существовала на сѣверѣ Россіи, мы не имѣли. Въ то время не приходило въ голову возраженіе, дѣлаемое теперь марксистами, что „сущность дѣла заключается не въ формѣ владѣнія, а въ характерѣ производства“, т. е. другими словами, что одно отрицаніе личной поземельной собственности, наблюдаемое у нашихъ крестьянъ,

далеко не ведетъ еще къ социализму, разъ обработка этой земли совершается на началахъ индивидуалистическихъ и орудія труда, какъ на примѣръ плугъ, лошадь и проч., являются предметами личной собственности.

По мнѣнію крестьянъ, передѣлъ земли долженъ былъ совершиться соразмѣрно количеству людей всѣхъ званій и сословіи безъ различія. „И мужику, и пану, и попу, и жида, и цыгану — всемъ по ровню“, объяснял мнѣ одинъ крестьянинъ Кіевской губеніи. Цифра ожидаемаго надѣла колебалась около пяти десятинъ на человека, четыре, пять и шесть десятинъ, смотря по мѣстности. Любопытно то, что почти тѣ же цифры получалъ я потомъ, дѣля пространство данной мѣстности на число жителей. Въ 1874 г. ожиданія „передѣла“ приурочивались къ воинской реформѣ, которая введена была около этого времени. „Теперь будутъ брать всѣхъ въ солдаты: и пана, и цыгана, и мужика. И за это царь дастъ всемъ поровню земли“, толковалъ мнѣ одинъ крестьянинъ. Другой крестьянинъ ту же мысль развивалъ значительно обстоятельнѣе и съ подробностями. „Положимъ, говорилъ онъ, изъ нашего села будутъ брать каждый годъ по десяти рекрутъ. Служить такъ долго, какъ прежде, не будутъ: черезъ нѣсколько лѣтъ воротятся въ село. Какъ воротятся, такъ имъ и нарѣжутъ земли. На другой годъ другіе десять воротятся въ село. и тѣмъ другимъ дадутъ землю. На третій годъ третьимъ дадутъ, на четвертый — четвертымъ... Такъ всю землю и передѣлятъ на равныя части“.

— „Откуда же столько земли возьмутъ?“ спросилъ я.

— „Царь отниметъ отъ пановъ“.

Однако о подобномъ, такъ сказать постепенномъ передѣлѣ земли пришлось слышать не отъ многихъ. Большинство ожидало, что это случится какъ то сразу: прикажетъ царь, придутъ землемѣры и подѣлятъ между всеми. Вблизи мѣстечка Горсунь, Кіевской губ. двое крестьянъ меня спрашивали, не извѣстно ли мнѣ, зачѣмъ мѣряютъ землю въ Полтавской губ. возлѣ Чигиринь-Дубровы. „Вы много ходите повсюду, можетъ что ни-

будь слышали: не собираются ли дѣлить землю?“ Въ другомъ мѣстѣ меня спрашивали болѣе опредѣленно: „Правда ли, что въ Черниговской губерніи уже наѣхали землемѣры и дѣлятъ землю?“ У меня былъ паспортъ Черниговской губерніи и собесѣдники принимали меня за черниговца.

До какой степени были сильны въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ эти ожиданія, можно судить по слѣдующему факту: вблизи мѣстечка Ржищева, Кіевской губ., разговарившись какъ то съ однимъ крестьяниномъ, жаловавшимся на малоземелье, я замѣтилъ.

— „Почему вы не прикупите земли? Неужели въ окрестности ни одинъ панъ не продастъ земли?“

— „Есть, положимъ: и деньги нашлись бы для покупки“, отвѣтилъ мой собесѣдникъ. „Такъ, человиче добрый, съ думками бьемося... Може-жь таки дилытымуть тую землю?!. Теперъ за землю треба отдать гроши. А землю подилятъ — гроши и пропадутъ. Грошей тоды уже не вернутъ. То такъ и ждемо“.

Однако отъ всѣхъ, отъ кого мы слышали о „передѣлѣ земли“, мы слышали также, что этотъ передѣлъ долженъ совершиться по волѣ царя. По представленію крестьянъ, царь уже давно осуществилъ бы это, если бы ему не противились паны и чиновники — исконные враги крестьянъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и царя. Такимъ образомъ царизмъ являлся въ самой тѣсной связи съ земельнымъ идеаломъ крестьянъ. Свои желанія, свои понятія о справедливости крестьяне переносили на царя, какъ будто это были его желанія, его понятія. Передѣлъ земли долженъ былъ совершиться потому, что этого желалъ царь. Какъ ни хороша была въ своемъ основаніи идея періодическихъ передѣловъ земли, сохранявшаяся еще въ сознаніи украинскихъ крестьянъ, — очевидно, какъ остатокъ болѣе или менѣе исчезнувшей общины — но къ идеѣ этой, какъ говорится, трудно было подступитъ: сразу же приходилось считаться съ царизмомъ, пустившимъ глубокіе корни въ міросозерцаніи крестьянъ. Крестьянину хотѣлось передѣла земли, но для достиже-

нія этого завѣтнаго желанія у него не было силъ. Онъ это чувствовалъ и сознавалъ, поэтому предпочиталъ лучше ждаты, убаюкивая себя иллюзіей, что наступитъ, наконецъ, такое время, когда царь совершитъ передѣлъ земли, какъ совершилъ онъ десять лѣтъ тому назадъ освобожденіе отъ крѣпостной зависимости. Въ общемъ получалась картина крайне пассивнаго характера, и это не могло не отразиться на нашей послѣдующей дѣятельности среди народа.

Мы проходили вереть до двадцати въ день, останавливаясь на ночлеги по деревнямъ. Крестьяне крайне неохотно пускали насъ къ себѣ на ночь, такъ какъ наша сильно поношенная, почти оборванная одежда явно возбуждала у нихъ подозрѣнія. Надо сознаться, что этого мы менѣе всего ожидали, когда отправлялись въ наше путешествіе подъ видомъ рабочихъ. Мы знали о недовѣрчивомъ отношеніи крестьянъ ко всѣмъ, носящимъ панскій т. е. европейскій костюмъ и полагали, что чѣмъ бѣднѣе одежду надѣнемъ на себя, тѣмъ съ большимъ довѣріемъ станутъ они относиться къ намъ. И въ этомъ ошиблись. Всюду они встрѣчали насъ подозрительно и до того неохотно давали пристанище, видимо, боясь, что бы мы не украли чего нибудь, что розыски ночлеговъ сдѣлались скоро для насъ истиннымъ наказаніемъ. Случалось обойти десятокъ пѣвъ и всюду получить отказы. Не одну ночь проводили мы подъ открытымъ небомъ. Между тѣмъ время стояло дождливое, и не разъ, бывало, ночью вскакивалъ я на ноги, дрожа всѣмъ тѣломъ отъ холода и сырости. Разъ или два довелось спать прямо подъ дождемъ, и мы насквозь промокли. Болѣе всего страдали у насъ ноги отъ дурной обуви, которая понатирала намъ мозоли; у С. образовались цѣлыя раны на ногахъ. Сдѣлавши три-четыре перехода, мы останавливались обыкновенно на дневку. И иногда даже оставались на мѣстѣ въ теченіе нѣсколькихъ дней, если только намъ удавалось розыскать въ даревнѣ какую нибудь пустую избу съ выбитыми окнами и завалившейся крышей, которую намъ отступали мужики. Тутъ то на ра-

зосланной соломѣ на полу мы вытягивали свои измученные, одеревенѣлые члены и съ наслажденіемъ предавались отдыху. Подобныя остановки устраивали мы подъ тѣмъ предлогомъ, будто предполагали въ этомъ мѣстѣ искать работу. Въ такомъ случаѣ Вася принимался варить краски, а я или Стефановичъ отправлялись по деревнѣ приглашать людей давать намъ красить. Крестьяне никогда не давали, такъ какъ, насколько мнѣ удалось узнать, красили они себѣ все, что имъ было нужно (преимущественно пояса) по сосѣднимъ мѣстечкамъ у знакомыхъ красильщиковъ. Для ѣды мы варили обыкновенно гречневую или пшеничную кашу, но еще чаще удовлетворялись, по просту, хлѣбомъ съ саломъ.

Все это вмѣстѣ — физическая усталость, плохая пища и, въ довершеніе всего, наше ложное положеніе по отношенію къ крестьянамъ, ихъ недоувѣріе къ намъ, принуждавшее и насъ съ своей стороны тоже держаться на сторожѣ — дѣйствовали рѣшительно угнетающимъ образомъ, особенно на тѣхъ изъ насъ, которые — какъ напримѣръ С. — быть можетъ, слишкомъ ужъ идеализировали раньше крестьянскую среду.

Медленно подвигаясь на востокъ, мы прислушивались къ тому, что говорили крестьяне и собирали свѣдѣнія о бунтахъ, происходившихъ въ шестидесятыхъ годахъ. Послѣ цѣлаго ряда дней ходьбы, добрались мы наконецъ до мѣстечка Корсунь, Кіевской губерніи, и здѣсь рѣшили остановиться. Мы наняли хату. Вася, по обыкновенію, принялся варить краски, пытаюсь покрасить какой то платокъ. Стефановичъ нашелъ себѣ какую то работу у сосѣда-мужика. Я отправился по окрестнымъ селамъ собирать свѣдѣнія о корсунскомъ возстаніи, происходившемъ во время севастопольской войны, о которомъ мы имѣли уже нѣкоторыя данныя. Что же касается до С., то онъ взобрался на печь со своими большими ногами, да такъ и пролежалъ до самаго своего ухода. Недѣли полтора спустя онъ отправился изъ Корсуни куда то за Днѣпръ, къ своимъ роднымъ, и съ тѣхъ поръ не воз-

вращался ни въ Кіевъ, ни „въ народъ“. Такъ лишились мы второго нашего товарища.

Между тѣмъ, вотъ что мнѣ удалось узнать о корсунскомъ бунтѣ. Во время севастопольской войны, т. е. еще до освобожденія крестьянъ въ имѣніи князя Лопухина (мѣстечко Корсунъ и окрестныя села) распространился слухъ о существованіи царскаго манифеста, по которому будто бы даровались крестьянамъ „козацкія права“, — „наступила козачина“, какъ говорили мужики. Манифестъ этотъ, какъ подозрѣвали крестьяне, присланъ былъ священникамъ для опубликованія всему народу, но они его скрыли. То въ одной, то въ другой деревнѣ крестьяне стали требовать отъ своихъ приходскихъ священниковъ, что бы тѣ прочли имъ манифестъ. Но такъ какъ поны, по мнѣнію крестьянъ, находились въ соглашеніи съ помѣщиками и потому не хотѣли читать, то крестьяне, собравшись изъ деревень въ количествѣ тысячъ до десяти человекъ, пришли въ мѣстечко Корсунъ ко дворцу Лопухина для того, чтобы потребовать выдачи имъ на руки царскаго манифеста. Между тѣмъ, о волненіи крестьянъ власти были заблаговременно предупреждены, и потому, когда толпа явилась въ Корсунъ, то здѣсь застала уже солдатъ. Начались переговоры. Командиръ войска (кажется какой то саперный майоръ или полковникъ) предложилъ, что бы кто нибудь изъ толпы объяснилъ ему, чего они хотятъ. Со стороны крестьянъ для объясненій вышелъ одинъ старикъ, имени котораго я теперь не помню, и у нихъ произошелъ споръ, окончившійся бранью со стороны командира. Тогда обиженный старикъ бросился на него съ топоромъ и зарубилъ подвернувшагося ему подъ ударъ какого то молодого офицера, кажется вздумавшаго, заслонить собою начальника. Солдаты, въ свою очередь, бросились на старика и закололи его штыками. Послѣ того отданъ былъ приказъ стрѣлять въ толпу. Восемнадцать или двадцать человекъ было убито, много ранено и толпа разбѣжалась.

Свѣдѣнія, собираемыя нами о корсунскомъ возстаніи,

все болѣе и болѣе насъ убѣждали, что это было на Украинѣ одно изъ самыхъ крупныхъ возстаній послѣдняго времени. А такъ какъ въ свѣжихъ воспоминаніяхъ, сохранившихся въ народной памяти объ этомъ бунтѣ и живыхъ разсказахъ о немъ, мы видѣли революціонныя традиціи, то поэтому находили, что было бы весьма полезно устроить въ Корсуни поселеніе или революціонный притонъ.

Между тѣмъ наступилъ мѣсяцъ май; въ май же или іюнь, если мнѣ не измѣняетъ память, я долженъ былъ съѣздить на границу, въ Волочискъ, по книжному дѣлу; поэтому я рѣшилъ отправиться въ Кіевъ. Стефановичъ ушелъ изъ Корсуни раньше моего по какому то спеціальному дѣлу, такъ что, въ нанятой нами избѣ, долженъ былъ остаться Вася одинъ, пока я, покончивъ съ книжнымъ дѣломъ и доставши нужныя деньги для устройства притона, не ворочусь обратно въ Корсунь. Съ такими планами я вышелъ изъ Корсуни.

Верстахъ въ десяти отъ мѣстечка по дорогѣ къ Кіеву должно быть и теперь еще стоять корчмы, носящія названіе Сытниковскихъ, невдалекѣ отъ которыхъ виднѣется и самое селеніе Ситниковцы. Помню, идя въ Кіевъ, я остановился въ одной изъ этихъ корчевень (ихъ тамъ стояло двѣ или три вмѣстѣ). Войдя въ просторную избу, съ обыкновенной корчемной обстановкой, т. е. прилавкомъ, за которымъ продавалась водка, большимъ столомъ и длинными скамьями, тянущимися вдоль стѣнъ, я увидѣлъ тамъ десятка два мушницъ и бабъ, валявшихся въ разныхъ положеніяхъ на полу среди разбросанныхъ мѣшковъ и всевозможной одежды. То были богомольцы, направлявшіеся въ Кіевъ ко „святымъ мѣстамъ“, остановившіеся въ корчмѣ на отдыхъ. За столомъ же сидѣло нѣсколько человекъ крестьянъ, видимо мѣстныхъ, такъ какъ они держались безъ стѣсненія, — необыкновенно громко разговаривали между собою и другъ друга подчивали поочередно водкой изъ одной рюмки, которую то и дѣло доливали изъ бутылки, стоявшей на столѣ. Я усѣлся за другимъ концомъ стола и принялся завтракать.

Накричавшись до хрипоты, крестьяне разошлись. Остался только одинъ изъ нихъ, съ которымъ у меня скоро завязалась бесѣда. Послѣ обыкновенныхъ распросовъ, — что я за человекъ, откуда, чѣмъ занимаюсь и проч., мужикъ разговорился. Я воспользовался его болтливымъ настроеніемъ и свелъ разговоръ на интересовавшую меня тему.

— „А расскажите мнѣ, человиче добрый, началъ я, о корсунскомъ бунтѣ? Я много о немъ слышалъ, да не знаю, — правду ли мнѣ говорили, или, можетъ, брехали.“

— „А что же вамъ рассказывали?“ спросилъ меня мужикъ.

Я передалъ ему вкратцѣ то, что слыхалъ.

— „Правду рассказывали“, замѣтилъ онъ. „Правду... Бунтовали... И москали стрѣляли... И двадцать человекъ убили... Все правда, все! Только, когда ужъ на то пошло, такъ скажу вамъ, что говорили вамъ правду, да только не всю. Дѣло это я знаю добре. Я здѣшній, сытниковскій, а отсюда то бунтъ и начался... Да, отсюда, съ этой самой корчмы, гдѣ мы съ вами сидимъ. Вотъ какъ это было. Весною, какъ теперь, шли богомольцы. Между тѣми богомольцами былъ одинъ дякъ: онъ шелъ откуда то изъ Херсонщины въ Кіевъ, къ святымъ пещерамъ. Шли богомольцы и остановились на отдыхъ въ этой корчмѣ, а въ корчмѣ сидѣли наши люди. Вотъ и рассказываетъ этотъ дякъ громко: такъ и такъ, люди добрые, есть царскій манифестъ про волю, про козачину... Рассказываетъ, что тотъ манифестъ или грамота царская разослана по всѣмъ попамъ, всѣмъ селамъ, и что онъ — тотъ дякъ — самъ читалъ эту грамоту у своего попа, гдѣ то въ Херсонщинѣ. Рассказалъ этотъ дякъ, потомъ отдохнулъ въ корчмѣ и пошелъ дальше вмѣстѣ съ другими богомольцами. А люди съ того времени и забунтовали. Бунтовали, бунтовали, ажъ покуда ихъ не пострѣляли на смерть.“

Замѣтивши, что мой рассказчикъ самъ вѣрилъ тому, что манифестъ подобный былъ тогда изданъ царемъ, я сказалъ: „не понимаю, какъ солдаты могли стрѣлять людей?“

Надъ солдатами командуеть царь. Если самъ царь написалъ манифестъ, то какъ же солдаты пошли противъ его воли?

— „Всему виноваты паны. Это они такъ сдѣлали“, отвѣтилъ мой собесѣдникъ.

— „Какъ же паны могли распоряжаться солдатами? Царь же главный командиръ!..“

— „Извѣстно, царь главный... Только, сами знаете: „до бога высоко, а до царя далеко“. Полковникъ все сдѣлалъ. А кто же такой полковникъ, развѣ не панъ? Ну, да я вамъ вотъ что скажу,“ добавилъ крестьянинъ, понизивъ голосъ. „Вы думаете солдаты стрѣляли? .. Положимъ, — они стрѣляли, это вѣрно, но безъ пуль. А въ это же самое время изъ оконъ княжескаго палаца стрѣляли официаллисты (управляющіе, экононы, конторщики и проч.) Вотъ это же они и побили народъ, а не солдаты. Всѣ люди видѣли, какъ официаллисты стрѣляли тогда изъ оконъ.“

Почти до городка Ржищева сохранились болѣе или менѣе свѣжія воспоминанія о корсуньскомъ возстаніи. Весьма интересныя свѣдѣнія сообщилъ мнѣ одинъ мужикъ изъ селенія Македоны. Онъ разсказывалъ, что въ то время бунтовались всѣ окрестныя села около мѣстечекъ Корсуни, Таганчи, Межиричья. Особенно, по его словамъ, хорошо поставлено было дѣло въ Межиричья. Тамъ въ то время, разсказывалъ онъ, былъ какой то отставной солдатъ, который обучалъ людей военному строю, „муштровалъ“ ихъ. У людей были даже запасены пики на случай „войны съ панами“. „Но, продолжалъ разсказчикъ, какъ услышали люди, что случилось въ Корсуни (т. е. о томъ, что тамъ уже разбиты бунтовщики), то и разошлись тихонько. Такъ паны о нихъ ничего и не узнали, — а по другимъ мѣстамъ всѣхъ забрали“.

— „Какъ же забрали по другимъ мѣстамъ?“ спросилъ я.

— „А видите, наѣхала коммиссія для слѣдствія и разослала бумагу такую, чтобы отъ всякаго села пришло

къ ней по нѣсколько человѣкъ. „Пусть только приходятъ самые разумные“, писала коммисія, „что бы можно было толкомъ узнать, чего люди хотятъ“. А по селамъ взяли да и послали самыхъ разумныхъ своихъ людей. А коммисія тогда всѣхъ тѣхъ людей — въ тюрьму. То такъ и пропали всѣ. Ни слуху, ни духу. И гдѣ они теперь — одинъ господь знаетъ? А изъ Межирѣчья никого въ коммисію не послали, то только же тамъ, въ одномъ Межирѣчьи, и остались цѣлы.“

VI

ДАЛЬНѢШНЕ ОПЫТЫ НАРОДОХОЖДЕНІЯ.

Прибывши въ Кіевъ, я сталъ хлопотать о деньгахъ для устройства революціоннаго притона въ Корсуни; но — чѣмъ другимъ — а деньгами мы, кіевляне, всегда были бѣдны. Денегъ неоткуда было достать. Въ довершеніе горя, скоро явился изъ Корсуни Вася: ему надоѣло тамъ одному сидѣть. Видя, что денегъ раздобыть нельзя, Вася сталъ почему то сердиться на всѣхъ и кончилъ тѣмъ, что уѣхалъ куда то на сѣверъ. Такимъ образомъ мы лишились, наконецъ, и третьяго товарища. Изъ нашей первой компаніи, состоявшей изъ пяти человѣкъ, удержалось только двое — Стефановичъ и я, которые еще не теряли надежды дѣлать что нибудь въ народѣ; остальные, видимо, разочаровались.

Съ моимъ пріѣздомъ въ Кіевъ, я засталъ составъ „коммуны“ сильно измѣнившимся; пріѣхало нѣсколько новыхъ лицъ изъ Петербурга: Стронскій съ своей женой, Рогачева, Дробышъ-Дробышевскій, Иванъ Чернышевъ. По словамъ пріѣхавшихъ, на сходкахъ въ Петербургѣ большинствомъ была принята бакунинская, или, какъ они называли „бунтарская программа“. Но въ практическомъ отношеніи, т. е. въ вопросѣ осуществленія этой программы на практикѣ, ни къ какому рѣшенію

тамъ не пришли, и подобно намъ, южанамъ, остановились на мысли первоначально отправиться въ народъ, съ тѣмъ чтобы приемотрѣться поближе къ условіямъ его жизни и затѣмъ, собравшись, обсудить практическую сторону вопроса.

Съ этой цѣлью предполагалось устроить въ Петербургѣ съѣздъ, и время для этого съѣзда назначено было осенью 1874 года, если не измѣняетъ мнѣ память, въ октябрѣ мѣсяцѣ. Стронскій собирался идти въ народъ, въ Полтавскую губернію, вмѣстѣ съ Чернышевымъ. Жена Стронскаго съ Рогачевой отправились въ качествѣ работницъ недалеко отъ Кіева въ имѣніе, принадлежавшее Кіево-Печерскому монастырю. Стефановичъ надумался опять идти на югъ Кіевской губ. въ ту же мѣстность, гдѣ мы были, и не одинъ, а съ Катериной Брешковской и Колѣкиной. Что касается до меня, то я рѣшилъ пошататься въ окрестностяхъ Кіева. Со дня на день я ожидалъ свидѣній, по полученіи которыхъ долженъ былъ отправиться на границу по книжному дѣлу, и потому не могъ забираться далеко. Я ходилъ по деревнямъ, расположеннымъ противъ Кіева по лѣвой сторонѣ Дибъра, подъ видомъ плотника, розыскивающаго работу. Деревни тутъ построены на ровной, низкой мѣстности, нерѣдко заливаемой рѣкой, и мало пригодной для земледѣльства; поэтому жители больше походили здѣсь на пригородныхъ мѣщанъ, чѣмъ на крестьянъ, и рѣзко отличались своимъ барышническимъ духомъ. Въ этихъ шатаціяхъ я провелъ нѣсколько дней. Раза два пристава къ толпѣ богомольцевъ, плевшихся къ Кіеву по, такъ называемому, Черниговскому шоссе, и провожалъ ихъ до самой Лавры. Надо знать, что отъ цѣльнаго моста, переброшеннаго черезъ Дибиръ, проложена прекрасная, широкая шоссеиная дорога, большими зигзагами поднимающаяся вверхъ на Печерскъ; къ Лаврѣ. Но эту дорогу мои богомольцы почему то не брали, а предпочитали, перейдя мостъ, подниматься прямо по тропинкѣ на гору, на верху которой блестяли золотые куполы Кіево-Печерской Лавры. Любопытно было видѣть,

какъ изнуренныя ходьбою бабы, съ лицами, опаленными солнцемъ и вѣтромъ, не будучи въ силахъ итти, взбирались на четверенкахъ на эту крутую гору. Должно быть въ этомъ послѣднемъ подвигѣ онѣ усматривали богоугодное дѣло. Мушныи богомольцы совершали это молча; но богомолки страшно стонали, ползя одна за другой на четверенкахъ, съ громадными котомками на спинахъ, напоминая собою скорѣе кучу раковъ, чѣмъ толпу людей. Иная обрывалась и съ визгомъ ссовывалась внизъ; ее подхватывали другія, и она опять принималась ползти.

Наконецъ, помню, добрался я до селенія Бортничі (боюсь, точно ли называю селеніе, расположенное на лѣвомъ берегу Днѣпра, верстахъ въ пятнадцати отъ Кіева). Захожу въ одну избу. Дѣло было къ вечеру... Крестьянка, хлопотавшая по хозяйству въ избѣ, встрѣтила меня довольно привѣтливо и пригласила садиться. Я сѣлъ на скамью, и скоро у насъ съ нею завязалась бесѣда; мы толковали о томъ, о другомъ. Но вотъ ужинъ былъ готовъ; хозяйка поставила ѣду на столъ и пригласила меня ѣсть. Я приблизился къ столу и взялъ въ руки ложку,

— „А откуда вы, человиче добрый?“ спросила меня хозяйка.

— „Изъ Веркiевки“, отвѣтилъ я. Имѣя паспортъ Веркiевской волости, Нѣжинскаго уѣзда, я, конечно, иначе и не могъ отвѣтить.

— „Слушаю я тебя и въ толкъ не возьму“, раздался внезапно мужской голосъ сверху печки. „Откуда говоришь ты родомъ?“

Я поднялъ глаза вверхъ и на печкѣ, занимавшей правый уголъ избы, увидѣлъ лежавшаго тамъ мужика среднихъ лѣтъ. Прежде всего меня непріятно поразило то обстоятельство, что этотъ мужикъ заговорилъ со мною на ты. Украинцы считаютъ эту форму рѣчи крайне невѣжливой и употребляютъ ее лишь въ исключительныхъ случаяхъ, когда бранятся или когда, вообще, желаютъ высказать свое пренебреженіе къ кому нибудь. Однако, я не подалъ вида, что обиженъ, и совершенно спо-

койно отвѣтилъ ему то, что говорилъ раньше хозяйкѣ.

— „Изъ Веркиевки?!.. А изъ какой? Изъ той, что подъ Нѣжиномъ? переспросилъ мужикъ.

— „Да, изъ той самой“, отвѣтилъ я.

— „Брешешь!“ категорически сказалъ онъ.

Я даже приподнялся изъ за стола, до того былъ и смущень, и разсерженъ вмѣстѣ.

— „Ты что же не вѣришь! Я тебѣ паспортъ покажу!...“ заговорилъ я съ нимъ тоже на ты.

Крестыянниѣ лежалъ на печи брюхомъ, такъ что съ печки выглядывала только одна его голова.

— „Зачѣмъ же ты встаешь отъ вечера?! Сиди и ѣшь!“ замѣтилъ онъ, мѣняя тонъ; а потомъ продолжалъ:

„Говоришь, изъ подъ Нѣжина?“

— „Да.“

— „Брешешь! Ей-Богу, брешешь!..“

— „Гляди паспортъ!“

— „А мнѣ что же твой паспортъ?!.. Я неграмотный... Кто же тамъ разберетъ, что въ томъ паспортѣ написано?“

— „Позови грамотныхъ; пусть тебѣ прочтутъ...“

— „Что бы ни прочитали, говорю тебѣ: брешешь!.. Я „по мови чую“ (слышу по рѣчи), что ты оттуда, съ Польши, а не нѣжинскій“, сказалъ мужикъ, махая рукою по направленію къ Днѣпру. „И въ самомъ Нѣжинѣ я бывалъ не разъ и не два... Оттуда хлѣбъ возилъ, — слыхалъ, какъ тамъ люди говорить.“

Было очевидно, что я попался. Произношеніе на правомъ берегу Днѣпра или, какъ называютъ мужики эту мѣстность Украины, Польшѣ, сильно отличается отъ лѣво-бережнаго. Я же выросъ въ Подольской губерніи, усвоилъ себѣ тамошній языкъ и, слѣдовательно, для опытнаго уха не могло быть сомнѣнія въ моей „брехнѣ“. Вывернувшись изъ этого положенія оказывалось невозможнымъ: чѣмъ болѣе я настаивалъ на своемъ, тѣмъ энергичнѣе раздавалось „брешешь“. Любопытно было то, что при этомъ мужикъ всякій разъ убедительно упрашивалъ меня не оставлять „вечери“.

— „А ты бшь!.. Не вставай отъ стола!..“ добродушно говорилъ онъ.

Наконецъ дѣло дошло до того, что мнѣ ничего не оставалось, какъ только во всемъ сознаться; тогда я замолчалъ. Мужикъ понялъ, вѣроятно, это и съ своей стороны прекратилъ нападеніе.

Послѣ ужина, такъ какъ было уже поздно, онъ мнѣ замѣтить:

— „Ну, ложись спать. Да только, смотри, ночью не украдь чего нибудь“.

Утромъ другого дня я ушелъ въ Кіевъ и, идя дорогой, долго размышлялъ объ этомъ случаѣ. Онъ мнѣ послужилъ на будущее время прекраснымъ урокомъ. Я сталъ осторожнѣе относиться къ паспортамъ и практиковалъ такую систему: всюду выдавалъ себя не иначе, какъ за жителя Подольской губерніи, и только, когда обстоятельства загоняли меня въ Подольскую губернію, и для этого случая имѣлъ паспортъ изъ другой губерніи.

Въ Кіевѣ я засталъ ожидаемыя мною извѣстія и поѣхалъ въ Волочискъ. Нужно сказать (хотя этого я не зналъ тогда), что одесскій кружокъ пропагандистовъ, занимавшійся перевозкой книгъ черезъ границу, велъ дѣло при посредствѣ того же волочискаго контрабандиста, который находился въ сношеніяхъ со мною. Между тѣмъ, полиція въ то время имѣла уже свѣдѣнія о томъ, что черезъ Волочискъ провозили контрабанднымъ путемъ революціонныя книги и принимала мѣры къ поимкѣ виновниковъ. Въ этомъ все убѣдились потомъ, когда въ Одессѣ пойманъ былъ, наконецъ, осенью 74 года Чудневскій, одинъ изъ одесскихъ пропагандистовъ. Что касается до меня, то я подозрѣвалъ этого контрабандиста въ сношеніяхъ съ полиціей значительно раньше и именно съ той минуты, какъ данный ему мною адресъ Судзловскаго попалъ какимъ то образомъ въ руки полиціи и вызвалъ въ „коммунѣ“ обыскъ, о которомъ я рассказывалъ выше. Теперь, когда я пріѣхалъ въ Волочискъ, подозрѣнія мои еще болѣе увеличились. Я имѣлъ свиданіе съ нимъ на австрійской сторонѣ, въ Подволо-

чискѣ, въ ветхомъ домикѣ, стоявшемъ недалеко отъ рѣчки, служащей границей между Россіей и Австріей. Помню, я сидѣлъ съ нимъ въ избѣ и бесѣдовалъ, когда раздался стукъ въ наружную дверь. Изъ предосторожности я вышелъ въ сосѣднюю комнату и отсюда черезъ дверную щель увидѣлъ, къ истинному своему изумленію, какъ вошелъ русскій пограничный стражникъ и сталъ о чемъ то тихо разговаривать съ моимъ контрабандистомъ. Правда, послѣ его ухода, онъ старался меня увѣрить, будто стражникъ этотъ самъ занимается контрабандой и съ этой цѣлью къ нему заходилъ, но объясненіе это меня не удовлетворило, и я успокоился лишь тогда, когда мнѣ удалось благополучно воротиться въ Кіевъ. Вернулся я, само собою разумѣется, съ пустыми руками т. е. безъ книгъ, и съ тѣхъ поръ больше не ѣздилъ на границу за книгами. Такимъ образомъ, черезъ юго-западную австрійскую границу не было перевезено ни одного экземпляра бакунинскихъ изданій. Не знаю, насколько было удачнѣе съ другими изданіями, но памъ совѣмъ не повезло. На этой границѣ все было испорчено; такъ какъ мы съ самаго же начала попали въ руки такихъ людей, которые нашли выгоднымъ выдать все дѣло полиціи.

Когда я воротился съ границы въ Кіевъ, то уже не засталъ здѣсь ни Стефановича, ни Бренковской: они отправились на югъ Кіевской губерніи. Я рѣшилъ „итти въ народъ“ одинъ и съ этой цѣлью поѣхалъ въ Жмеринку.

Пріѣхавши на мѣсто, мнѣ удалось сразу поступить на работу къ желѣзно-дорожному подрядчику, занимающемуся ремонтировкой дороги на извѣстномъ участкѣ. Партія человекъ въ шестьдесятъ, въ которую я попалъ, состояла исключительно изъ мѣстныхъ крестьянъ и работала между станціями Жмеринкой и Крыжополемъ. Вооруженные лопатами, мы разѣзжали по линіи въ такъ называемомъ рабочемъ поѣздѣ, составленномъ изъ тридцати открытыхъ платформъ и одного багажного закрытаго вагона, гдѣ помѣщались запасныя лопаты и гдѣ

сидѣлъ „старшій“ рабочій, распорядившійся нашей партіей. На каждой платформѣ было по два человѣка. Работа заключалась въ томъ, что въ известномъ мѣстѣ мы нагружали наши платформы пескомъ, затѣмъ насъ подвозили то къ одному, то къ другому пункту, гдѣ мы тотъ же песокъ выгружали. Но такъ какъ, само собою разумѣется, движеніе по линіи не прекращалось, и довольно часто пробѣгали поѣзда товарные и пассажирскіе, то нашему поѣзду иногда по долгу приходилось стоять по станціямъ на, такъ называемыхъ, запасныхъ рельсахъ, въ ожиданіи пока очиститъ я путь. Работа выходила почти что дворянская. Правда, надо было очень быстро нагружать и разгружать вагоны, но за то въ антрактахъ по цѣлымъ часамъ мы лежали на своихъ платформахъ безъ всякаго дѣла.

— „Скорѣй!.. Скорѣй, хохлы!.. Мать вашу такъ...“ — покрикивалъ „старшій“ рабочій въ одинъ изъ горячихъ моментовъ. Ближайшее наше начальство было не изъ хохловъ и очень любило пускать въ ходъ матерное поощреніе.

— „Что это онъ все по матери, да по матери?!..“ замѣтилъ я какъ то своему товарищу по платформѣ, тщедушному мужику съ подбритымъ чубомъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ дѣлаютъ украинцы въ жаркое лѣтнее время.

— „За это платятъ“ флегматично отвѣтилъ тотъ и потомъ продолжалъ: „Какая же тутъ работа? Чортъ знаетъ что, а не работа! Посмотрите на ту платформу: ну — какой это работникъ?! Въ селѣ гусей бы пасъ, а тутъ онъ считается работникомъ“.

На указанной платформѣ, дѣйствительно, стоялъ четырнадцатилѣтній мальчикъ.

Сбросивши песокъ съ вагоновъ, мы обыкновенно соскакивали на землю и быстро приводили его въ порядокъ, т. е. придавали ему видъ болѣе или менѣе правильныхъ фигуръ. Но раздавался свистокъ съ паровоза и всѣ, очертя голову, бросались на платформы, такъ какъ машина начинала двигаться. Часто это приводи

ло къ тому, что какой либо мужикъ не успѣвалъ влѣзть на верхъ, тѣмъ болѣе что влзать было крайне неудобно, и висѣлъ на однихъ рукахъ, пока товарищу не удавалось его втащить. А поѣздъ въ это время мчался.

Хорошее лѣтнее время, постоянные разъѣзды, легкая работа и плата болѣе чѣмъ достаточная для пропитанья (я и не проѣдалъ всего полтинника) — все это вмѣстѣ настраиало меня хорошо, и я чувствовалъ себя вполне довольнымъ. Были у насъ и свои развлечения. Помню, въ одномъ мѣстѣ (забылъ уже на какой станціи) наши мужики забрались какъ то въ вагоны, нагруженные глиняными горшками и утащили оттуда нѣсколько горшковъ. Собственникъ горшковъ, еврей, замѣтилъ похищеніе и пожаловался старшему рабочему. Тотъ сталъ обыскивать партію; но, конечно, ничего не могъ найти, такъ какъ горшки были заблаговременно попрятаны въ высокомъ хлѣбѣ, росшемъ возлѣ желѣзной дороги. Вслѣдъ за тѣмъ, такимъ же способомъ добыта была изъ другого вагона пшеница, и мы всею компаніей въ тотъ вечеръ ѣли кутью. Собственникъ конечно плакался. Но что значила для него эта незначительная потеря, когда онъ имѣлъ цѣлыхъ пять вагоновъ нагруженныхъ горшками! А между тѣмъ, какое удовольствіе получилъ всякій изъ насъ въ эту темную лѣтнюю ночь! Мы лежали вокругъ костровъ въ густой травѣ и глядѣли на пылающіе огни, со всѣхъ сторонъ обставленные горшками. Надъ нами высоко мерцали звѣзды. Кругомъ царилъ ненарушимая тишина, и только у насъ трещали дрова, да слышался смѣхъ и разговоры, продолжавшіеся чуть ли не до полуночи. Я ужъ умалчиваю о существенномъ, т. е. о самой кутѣ, которую мы съѣли тоже не безъ удовольствія.

Но едвали не самое большое развлеченіе доставляли нашей партіи цыгане, жившіе въ землянкахъ, подъ лѣсомъ, если не измѣняетъ мнѣ память, возлѣ станціи Крыжополь.

— „Го-го-го-го-о!“ раздавалось со всѣхъ платформъ поѣзда, медленно двигавшагося мимо цыганскихъ земля-

нокъ. Возгласъ этотъ почему то задѣвалъ цыганъ, и они, точно по сигналу, выекакивали изъ своихъ помѣщеній. Поднимался невообразимый гамъ и крикъ. Кричали цыгане, потрясая въ воздухѣ сжатыми кулаками, кричали одновременно и мы, всѣ шестьдесятъ человѣкъ, тыча въ нихъ указательными пальцами, что, между прочимъ, особенно сильно ихъ злило. Цыганки въ иступленіи дѣлали непозволительные жесты, въ отвѣтъ на это съ платформы неслись на нихъ цѣлыя тучи неску. Но поѣздъ проходилъ и цыгане смолкали; затихали и мужики, съ твердымъ намѣреніемъ, однако, при первомъ же случаѣ опять поднять исторію. Проѣзжать приходилось часто и всегда, съ небольшими вариациями, сцена повторялась.

Прошло нѣкоторое время. Наступила коемба. Въ окрестностяхъ люди принялись за уборку сѣна. Поденныя цѣны всеюду поднялись, а нашъ подрядчикъ оставлялъ насъ при прежнемъ полтищникѣ. По деревнямъ платили косарямъ даже по семидесяти пяти копѣекъ въ день. Мои товарищи по работѣ знали объ этомъ и среди нихъ мало по малу стало рости недовольство. Нѣсколько разъ мы заявляли старшему рабочему, чтобы намъ увеличили плату, но онъ отвѣчалъ: „Не мое дѣло... Не я васъ нанималъ... Говорите подрядчику.“ Разсчетъ дѣлали по субботамъ, причемъ подрядчикъ почти всегда удерживалъ плату за два дня — до слѣдующаго разчета, — и, такимъ образомъ, оставался постоянно въ долгу у рабочихъ; этимъ способомъ онъ держалъ ихъ въ своихъ рукахъ. Недовольство усилилось до такой степени, что въ первую же субботу, когда партія наша пріѣхала въ Жмеринку, рѣшено было не уступать подрядчику и требовать или повышенія платы, или окончательнаго разчета. Толпа направилась къ квартирѣ подрядчика, жившаго недалеко отъ вокзала. Но въ квартирѣ его не оказалось — онъ ушелъ на вокзалъ. Дѣло усложнялось нѣсколько, такъ какъ на вокзалъ, въ пассажирскій залъ перваго класса, итти толпой было невозможно. Трое насъ пошло, что бы вызвать его оттуда. Однако, протоявъ нѣкоторое время возлѣ двери перваго класса,

которую то и дѣло отворяли и затворяли передъ нашимъ носомъ, и не найдя возможности проникнуть въ залъ съ этого входа, такъ какъ не пускали туда желѣзно дорожные служителя, мы обошли вокзалъ и вздумали попытаться счастья съ другого входа — съ платформы. Но тутъ были встрѣчены такимъ яростнымъ нападеніемъ жандарма, ходившаго по платформѣ, что принуждены были просто такъ бѣжать. Схватившись за шашку, онъ бросился за нами, какъ цѣпная собака, издавая, вмѣсто словъ, какіе то шипящіе звуки. Соскочивъ съ платформы и отбѣжавъ нѣсколько, издали мы вступили съ нимъ въ переговоры.

— „Намъ надо видѣть нашего подрядчика“, говорили мы. „Онъ въ залъ перваго класса“.

— „Какого подрядчика?!..“ кричало усатое страннилице. На его шеѣ висѣла круглая, бѣлая медаль, величиною въ чайное блюдо.

— „Нашего подрядчика!.. Онъ сидитъ въ залѣ.“

— „Вв-онъ отсюда!!“

Такимъ образомъ, наша делегация воротилась совершенно посрамленная. Оставалось единственное средство, практикуемое въ такихъ случаяхъ на Руси, — ждать. Мы разсѣлись на землѣ возлѣ квартиры подрядчика и принялись за это средство. Долго мы сидѣли. Наконецъ, подрядчика мы все таки дождались; онъ зашелъ сначала въ свои комнаты, пробылъ тамъ нѣкоторое время и потомъ вышелъ къ намъ на крыльцо.

— „За деньгами пришли?“ спросилъ онъ такимъ тономъ, точно это въ первый разъ ему случалось.

— „За деньгами..“

— „Вотъ что, люди добрые“, замѣтилъ онъ; „денегъ сегодня у меня нѣтъ. Въ понедѣльникъ буду платить.“

— „Какъ же безъ грошей?!“ зашумѣли всѣ. „Намъ нужны гроши на харчи — ѣсть нечего.“

— „На харчи я дамъ... По рублю на человѣка.“

Это предложеніе видимо не понравилось. Вся толпа разомъ заговорила. Прозошелъ шумъ и крикъ.

— „Не въ первый же разъ откладываю расчетъ?..“

Слава богу, до сихъ поръ люди вѣрли мнѣ!“ кричалъ подрядчикъ.

— „Мы хотимъ, что бы вы намъ плату увеличили!“ сказалъ я тогда громко, видя, что мое вмѣшательство становилось необходимымъ.

Шумъ утихъ.

— „А это еще что?! Полтинника вамъ мало?“

— „Мало! Косарю теперь платятъ семьдесятъ пять копѣекъ въ день“.

— „Такъ развѣ вы у меня косите?..“

— Намъ все равно какая работа. Если понадобится и косить будемъ; не откажемся“.

Подрядчикъ замолчалъ, видимо, сознавая, что на этой почвѣ ему не переспорить насъ.

— „Но посмотрите, какіе между вами работники?!“ напалъ онъ потомъ съ другой стороны, указывая на четырнадцатилѣтняго мальчика, стоявшаго въ толпѣ.

— „Развѣ много такихъ?“ закричали мужики. „Два-три такихъ; а насъ всѣхъ, слава богу, шестьдесятъ чело-вѣкъ!“

Подрядчикъ опять замолкъ.

— „Такъ не хотите брать по рублю на харчи?“ спросилъ онъ.

— „Не хотимъ брать по рублю!.. кричала толпа.

— „Не хотите и не нужно“, замѣтилъ онъ совершенно спокойнымъ тономъ и ушелъ къ себѣ въ комна-ты. А мужики вновь остались ждать, но чего — въ этотъ разъ уже никому не было извѣстно.

Они разсѣлись на землѣ группами и шушукались между собою, въ ожиданіи подрядчика, а подрядчикъ словно забылъ о нихъ. Прошло полчаса, прошелъ часъ... Солнце закатилось... Начались сумерки.

Наконецъ, изъ комнатъ подрядчика вышелъ на крыль-цо старшій рабочій и громко возгласилъ:

— „Кто хочетъ брать по рублю — заходи!“

Мужики встрѣтили это заявленіе, молча, и нѣсколько мгновеній сидѣли на землѣ, не двигаясь; но вотъ изъ од-ной группы кто то всталъ и пошелъ къ крыльцу; за

нимъ поднялись на ноги еще два человѣка и тоже направились къ дому... А минутъ черезъ пять или десять уже валила цѣлая куча людей.

— Не толпиться... Не толпиться... Хватить для всѣхъ!“ говорилъ старшій рабочій, удерживая рукою крестьянъ, поднимавшихся на крыльцо.

Дѣло не выгорѣло. Вошелъ и я къ подрядчику.

— „А мнѣ, пожалуйста, дайте полный расчетъ; рубля брать не хочу“, проговорилъ я, подойдя къ столу, за которымъ онъ сидѣлъ.

— „А-а?!.. Я тебя узналъ“, отвѣтилъ онъ, глядя на меня, — „это ты разговаривалъ тогда?!“ Дамъ... дамъ... Самъ не хочу тебя дер-жать. Только потому... Сначала выплачу другимъ.“

Часа два спустя я сидѣлъ въ земляномъ баракѣ, гдѣ мы обыкновенно ночевали, находясь въ Жмеринкѣ, и пристраивалъ уже свой походный мѣшокъ, готовясь на другой день ѣхать въ Кіевъ.

— „Всѣ гроши получилъ отъ подрядчика?“ спрашивалъ меня одинъ молодой паробокъ, работавшій въ нашей партіи.

— „Всѣ“, отвѣтилъ я ему.

— „Такъ и не задержалъ ни одной копѣйки?“

— „Не задержалъ... Какъ же онъ могъ задержать?“

— „Молодчина!“ съ завистью воскликнулъ онъ. „А мы съ однимъ карбованцемъ остались.“

— „Кто же вамъ виновагъ... Не надо было соглашаться.“

— „Въ слѣдующую субботу и я такъ сдѣлаю, какъ вы“, заявилъ онъ категорическимъ тономъ.

Но сдѣлалъ ли онъ такъ или нѣтъ — не знаю, такъ какъ, уѣхавши въ Кіевъ, я, послѣ того, въ Жмеринку не возвращался болѣе.

ПОГРОМЪ

Когда я прїѣхалъ въ Кіевъ, то „коммуны“ въ домѣ Леминскаго уже не существовало болѣе. Нѣсколько человѣкъ, воротившихся „изъ народа“, жили на краю города по направленію къ, такъ называемой, Васильковской Заставѣ. Стронскій поселился съ женою въ номерахъ гостиницы, недалеко отъ вокзала. Около этого же времени появились Колѣнкинъ и Стефановичъ, который былъ „въ народѣ“ вмѣстѣ съ Брешковской на югѣ Кіевской губерніи. Помню, утромъ одного дня (дѣло происходило, кажется, въ августъ мѣсяцъ) онъ пошелъ къ Лурье, члену кружка „кіевскихъ чайковцевъ“, и скоро прибѣжалъ оттуда взволнованный, объявивши намъ, что Лурье арестованъ уже нѣсколько дней тому назадъ и что у него, при обыскѣ найдены жандармами подробныя указанія мѣста, гдѣ жила въ ту минуту Брешковская съ подложнымъ паспортомъ на имя Феклы Косой (съ этимъ паспортомъ она жила среди крестьянъ). Что было поводомъ къ аресту Лурье — съ полной увѣренностью сказать не могу, но, насколько мнѣ извѣстно, дѣло было такъ: Лурье, оставшійся безвыѣздно въ Кіевѣ, служилъ посредникомъ въ письменныхъ сношеніяхъ между нѣкоторыми, ушедшими въ народъ въ различныя мѣстности, и, между прочимъ, Брешковская вела свои сношенія при его посредствѣ. Кажется, по адресу Лурье списывались съ кіевскими революціонерами приволжане и тамъ, на Волгѣ, найденъ былъ у кого то при обыскѣ этотъ адресъ. Широкія преслѣдованія революціонеровъ въ 1874 году подняты были сначала на Волгѣ, а затѣмъ они распространились по всей Россіи. Первый обыскъ сдѣланъ былъ 31-го мая въ Саратовѣ, въ мастерской, организо-

ванной Войнаральскимъ, и этотъ обыскъ послужилъ началомъ быстро слѣдовавшихъ одинъ за другимъ обысковъ и арестовъ по другимъ городамъ. А именно, шесть дней спустя былъ произведенъ обыскъ въ Москвѣ, въ типографіи Мышкина. По счастью, въ этотъ разъ самъ Мышкинъ не былъ пойманъ и ему удалось бѣжать за границу. Послѣ этого произошли аресты въ іюль мѣсяцѣ въ городѣ Николаевскѣ, Самарской губ., гдѣ находился въ качествѣ фельдшера при земской больницѣ Судзиловскій. Во время ареста, Рѣчицкій — пріятель Судзиловскаго и бывший членъ нашего американскаго кружка — застрѣлился; а Судзиловскому посчастливилось скрыться и потомъ бѣжать за границу. Со всякимъ новымъ обыскомъ и арестомъ, жандармы открывали все новыхъ и новыхъ „злоумышленниковъ“. Особенно энергичные поиски велись за Коваликомъ, Рогачевымъ и Войнаральскимъ, окончившіеся тѣмъ, что 12-го іюля Коваликъ былъ арестованъ въ Самарѣ, а двѣнадцать дней спустя — въ той же Самарѣ — пойманъ былъ и Войнаральскій. Рогачевъ скрылся, уйдя внизъ по Волгѣ въ качествѣ бурлака. Начались повсемѣстные аресты.

Почти одновременно съ этими событіями, происходившими на Волгѣ, начались преслѣдованія въ Черниговской губерніи среди сельскихъ учителей по доносу одного изъ учителей же, пѣкого Трудницкаго. Такъ какъ въ Борзенскомъ уѣздѣ, Черниговской губ., въ качествѣ учителя при земской школѣ былъ Иванъ Ходько, объ арестѣ котораго, какъ намъ удалось узнать, состоялось постановленіе, то мы рѣшили его предупредить. Съ этой цѣлью Дробышъ-Дробышевскій поѣхалъ въ Черниговскую губенію, а Стефановичъ отправился на югъ Кіевской губ., что бы предупредить Бренковскую. Но Бренковская ушла сама раньше, такъ что ни Стефановичъ, ни жандармы, прибывшіе изъ Кіева почти одновременно съ нимъ, уже ее не застали на мѣстѣ. Тогда началась травля по ея слѣдамъ и въ сентябрѣ мѣсяцѣ она была настигнута жандармами возлѣ города Тульчина, Полтавской губ., гдѣ была арестована и откуда перевезена

была въ Кіевскій Тюремный Замокъ. Бреншковская отказалась объявить свое имя и долгое время была извѣстна властямъ только подъ вымышленнымъ названіемъ Феклы Косой. Стефановичу не удалось, такимъ образомъ, предупредить ее, и онъ совершенно напрасно блуждалъ по деревнямъ, всюду розыскивая ея слѣды. Между тѣмъ съ Дробышевскимъ произошелъ слѣдующій случай: онъ благополучно прибылъ въ деревню, гдѣ жилъ Ходько, передалъ ему нужныя свѣдѣнія и послѣ того оба они рѣшили ѣхать въ Кіевъ. На станціи Плиски, кіево-курской желѣзной дороги, они замѣтили, когда сѣли въ поѣздъ, что вокзальный жандармъ слѣдилъ за ними и въ ту минуту, когда поѣздъ начиналъ двигаться, вскочилъ въ слѣдующій вагонъ и поѣхалъ съ ними. При движеніи поѣзда имъ трудно было что либо предпринять, а во время остановокъ они замѣчали, что не только плискій жандармъ, сторожившій поѣздъ, но и другіе жандармы, бывшіе по пути, тщательно слѣдили за ними. Такъ конвоируемые, доѣхали они до товарной кіево-курской станціи, откуда оставалось всего двѣ-три версты до кіевского вокзала. На товарной станціи они было попытались сойти съ поѣзда, но тотъ же жандармъ съ плискаго вокзала въ компаніи съ мѣстнымъ попросили ихъ обратно сѣсть, и когда тѣ вошли въ вагонъ, то въ этотъ разъ оба жандарма уже безъ стѣсненія вѣзли за ними туда же и разсѣлись въ противоположныхъ концахъ вагона, каждый возлѣ дверей. Если до сихъ поръ у нихъ и являлось сомнѣніе, то тутъ они окончательно убѣдились, что ихъ ожидаетъ арестъ. Поѣздъ былъ ночной и они рѣшили попытать счастья въ бѣгствѣ. Подѣзжая къ вокзалу, они условились выходить въ разныя двери, что бы раздвоить стражу. Но лишь только поѣздъ остановился и Ходько пожелалъ выйти въ другую дверь, жандармъ загородилъ ему путь и попросилъ его выходить въ ту же дверь, куда направился Дробышевскій. Одинъ жандармъ вышелъ впередъ и, соскочивъ со ступеньки вагона, остановился на платформѣ, гдѣ было еще нѣсколько жандармовъ, видимо ожидавшихъ поѣзда. Дро-

бышевскій пошелъ первый, за нимъ Ходько, а сзади нихъ шелъ другой жандармъ. У дверей вагона Ходько нагнулся къ Дробышевскому и шепнулъ на ухо: „бѣгите“, а самъ задержался и загородилъ собою дверь.

— „Проходите!“ крикнулъ задній жандармъ.

Ходько медлилъ. Дробышевскій же въ это время, вмѣсто того что бы сойти на платформу, прыгнулъ съ площадки вагона въ противоположную сторону, на рельсы, и быстро побѣжалъ, стараясь скрыться между рядами вагоновъ, стоявшихъ параллельно поѣзду. Задній жандармъ замѣтилъ это. Сильно ударивъ Ходько въ спину, такъ что тотъ повалился на полъ, онъ перескочилъ и съ пронзительнымъ крикомъ: „лови!“ бросился въ погоню за Дробышевскимъ. Жандармы, находившіеся на платформѣ тоже кинулись догонять Дробышевскаго. Тогда Ходько поднялся, спокойно вышелъ изъ вагона, прошелъ черезъ платформу въ залъ перваго класса, — „хотѣлось даже пріостановиться тутъ и хватить рюмку водки для подкрѣпленія“, острилъ онъ потомъ, — и вышелъ съ вокзала. Но здѣсь онъ тотчасъ же бросился въ сторону, въ долину, гдѣ течетъ рѣка Лыбедь, — мѣсто это въ то время было еще совершенно незастроенное, — и мракъ скрылъ его отъ преслѣдованій. Послѣдній маневръ оказался весьма полезнымъ: жандармы, поймавши Дробышевскаго, подняли сильную тревогу о другомъ бѣжавшемъ. По улицамъ поскакали на извозчикахъ полицейскіе и шпионы, стараясь опередить пассажировъ, ѣдущихъ съ вокзала, и заглядывали всѣмъ въ глаза, освѣщая фонарями. Но Ходько, какъ кievскій старожилъ, прекрасно зналъ городъ. Онъ пробрался незамѣтно въ квартиру одного своего пріятели, гдѣ немедленно сбрилъ себѣ бороду, переѣмнилъ костюмъ, и въ такомъ видѣ ночью приведенъ былъ къ намъ.

Между тѣмъ уже въ теченіи нѣсколькихъ дней я замѣчалъ, что жандармы шатались по нашей улицѣ, оставиваясь у воротъ то того, то другого дома, и о чемъ то спрашивали. Жить дольше въ нашей квартирѣ становилось рискованно и мы дня черезъ два ее бросили.

Нѣкоторые совсѣмъ оставили Кіевъ, другіе же разѣхались по разнымъ квартирамъ. Я и Ходько поселились у одного знакомаго и стали собираться въ дорогу, рѣшивъ на время выѣхать за границу, такъ какъ намъ рѣшительно некуда было дѣваться. Всѣ эти дни мы находились въ самомъ тревожномъ и напряженномъ состояніи. Всюду видѣли шпионовъ, все подозрѣвали. Боялись заходить другъ къ другу на квартиры и встрѣчи свои устраивали въ глухихъ мѣстахъ Ботаническаго Сада или даже за городомъ, въ Рошѣ. Со всѣхъ сторонъ, откуда ни доходили къ намъ свѣдѣнія, мы слышали тоже лишь объ арестахъ, да розыскахъ. Аресты были въ Петербургѣ, Москвѣ, Одессѣ, Самарѣ, Саратовѣ... Казалось, мы не знали такого пункта въ Россіи, гдѣ бы не было тогда арестовъ. Съ другой стороны, благодаря тѣму, что раньше мы порвали сношенія со всѣмъ вѣнскимъ міромъ, у насъ не оказалось теперь связей, которыя могли бы быть полезны въ эту тяжелую минуту. Денегъ у насъ не было. Мы были скомпроментированы, насъ розыскивали, и скрываться намъ было не у кого. Однимъ словомъ, мы были разбиты правительствомъ буквально наголову.

Но вотъ кое какъ намъ удалось собрать около восьмидесяти рублей, и съ этими деньгами мы съ Ходько рѣшили бѣжать за границу, что бы тамъ на время укрыться отъ преслѣдованій. Предполагая однако возвратиться оттуда въ скоромъ времени, я хотѣлъ условиться съ товарищами относительно нашей будущей вступки и съ этой цѣлью, наканунѣ отъѣзда изъ Кіева, я отправился къ Стронскому. Стронскій съ женою, какъ я уже упоминалъ выше, жилъ въ это время въ гостинницѣ возлѣ самаго вокзала. Но прійдя туда, я не засталъ Стронскаго и зашелъ къ Колѣнкиной, занимавшей номеръ въ этой же гостинницѣ. Помню, когда я вошелъ къ ней въ комнату, она сильно встревожилась моимъ приходомъ и стала настаивать на томъ, что бы я немедленно уходилъ изъ гостинницы.

— „Уходите пожалуйста отсюда“, говорила она. „Въ

сосѣднемъ номерѣ живутъ шпионы... Сегодня ночью я слыхала разговоръ за этой стѣнкой“. И она указала рукой на одну стѣнку.

Я взглянулъ на стѣнку. То была деревянная тонкая перегородка, какія часто встрѣчаются въ Россіи въ дешевенькихъ, выстроенныхъ наскоро гостинницахъ. Сквозь такую перегородку легко можно слышать все, что говорится въ сосѣдней комнатѣ.

— „Хорошо, я уйду. Но мнѣ хотѣлось бы условиться относительно встрѣчи“, проговорилъ я тихо, чтобы не слышно было въ сосѣднемъ номерѣ.

— „Уходите! И слушать не хочу... Васъ здѣсь арестуютъ,“ отвѣчала Колѣнкина тоже тихимъ голосомъ.

— „Въ такомъ случаѣ и васъ арестуютъ?!“

— „Лучше одному гибнуть, чѣмъ двоимъ. Уходите!“

— „Дайте же мнѣ кончить: условлюсь...“

— „И слушать не хочу“, перебила она и затѣмъ, чтобы на самомъ дѣлѣ не слышать меня, она закрыла себѣ уши пальцами и заговорила: „Уходите, уходите, уходите, уходите...“ Слово это она повторила разъ десять.

Какая то странная нервность овладѣла мною. Я вышелъ. Проходя по корридору — въ одной изъ комнатъ, двери которой были раскрыты настежь, — я увидалъ нѣсколько человѣкъ, показавшихся мнѣ весьма подозрительными. Я вышелъ изъ гостинницы; но, отойдя шаговъ сто, задалъ себѣ вопросъ: „Зачѣмъ же, однако, я приходилъ сюда?“ Мнѣ сдѣлалось досадно; я разсердился на себя, и это чувство уничтожило мою нервность. Тогда я повернулся и вторично вошелъ въ гостинницу. Колѣнкина изумилась, увидавъ меня, и, кажется, вторично собиралась повторить десятокъ разъ слово „уходите“, но кое какъ мнѣ удалось договориться. Въ настоящую минуту я уже не помню точно, въ какомъ городѣ и когда именно рѣшено было встрѣтиться, но очень хорошо помню лишь то, что мы встрѣтились потомъ совсѣмъ не тамъ, гдѣ предполагали.

Бѣгство изъ Кіева для насъ, главнымъ образомъ для Ходько, оказывалось, однако, дѣломъ не совсѣмъ лег-

кимъ: Ходько былъ родомъ кіевлянинъ и многіе полицейскіе знали его въ лицо. Вокзалъ и пароходная пристань кишѣли шпионами. Ходили слухи, будто у триумфальныхъ воротъ и у цѣпного моста — двухъ выѣздныхъ пунктахъ Кіева — полицейскіе и тайные агенты останавливали даже извозчиковъ — евреевъ „балагуль“ — и осматривали пассажировъ, уѣзжавшихъ изъ города. Справедливы ли были эти слухи или нѣтъ, не могу сказать, но въ то время мы приняли ихъ очень близко къ сердцу. И вотъ, принявши все это во вниманіе, мы рѣшили бѣжать нѣшкомъ. Наши сборы продолжались недолго. Въ первыхъ числахъ сентября, поздно вечеромъ, въ то время, когда пассажиры торопились на извозникахъ къ ночному поѣзду, отходившему изъ Кіева, Ходько и я вышли съ квартиры нашего пріятеля съ небольшими узелками въ рукахъ и направились по пути къ вокзалу. Мы миновали Безаковскую улицу, ведущую къ вокзалу, и пошли внизъ по Бульварной. Неходя до триумфальныхъ воротъ, спустились въ канаву и тутъ переодѣлись: въ нашихъ узлахъ были для этого нѣкоторыя принадлежности. Ходько надѣлъ крестьянскую свитку; я — за неимѣніемъ другой свиты — надѣлъ широкую красную рубаху поверхъ лѣтняго пальто, которое заткнулъ въ панталоны, рубаху же выпустилъ наверхъ, какъ это дѣлаютъ великорусскіе рабочіе. На ногахъ у насъ были высокіе сапоги, служившіе намъ одинаково какъ для простаго, такъ и для полу-интеллигентнаго костюма. Преобразившись такимъ образомъ, мы привязали къ спинамъ свои узелки и зашагали ночью по шосейной дорогѣ, ведущей изъ Кіева въ Житомиръ. Скоро по обѣимъ сторонамъ потянулись темныя заросли, и только одна дорога бѣлѣлась узкою лентою впереди насъ. Мы шли всю ночь и остановились на отдыхъ на разсвѣтъ, отойдя большое пространство отъ Кіева.

Кто ѣздилъ въ семидесятыхъ годахъ по кіево-житомирскому шоссе, тотъ, вѣроятно, помнитъ, что въ то время тамъ было еще очень много лѣсовъ. Во время нашего путешествія мы боялись останавливаться у придорож-

ныхъ корчемъ и почтовыхъ станцій, гдѣ всегда можно было нарваться на непріятность, и предпочитали отдыхать въ лѣсу. Мы имѣли съ собою запасъ сала и покупать въ дорогѣ приходилось только хлѣбъ. Сворачивали обыкновенно съ шоссе въ сторону, въ глубь лѣса, выбирали укромное мѣсто и, пѣвши, укладывались на ночь.

— „Какъ думаете, могутъ ли шпіоны прослѣдить нашъ путь?“ обратился я какъ то къ Ходько во время одной ночевки.

— „Ну-у! самъ Лекокъ потерялъ бы голову!“ отвѣтилъ онъ.

И мы оба невольна зазмѣялись. Чувство удовлетворенности и даже торжества наполнило мою душу. Конечно, я могъ быть изловленъ потомъ; но въ ту минуту, когда лежалъ у корней лѣсныхъ деревьевъ, я находился внѣ всякой опасности. Шпіоны въ это самое время рыскали по всему Кіеву, разсчитывая захватить насъ; а мы были далеко-далеко отъ нихъ. Какъ же было не торжествовать при этой мысли? Здѣсь насъ никто не могъ видѣть. Кругомъ стояли высокія сосны, да темно-зеленыя ели, которыя вполне скрывали насъ отъ по тороняго глаза. Только однѣ бѣлки видѣли насъ: онѣ почему то по цѣлымъ ночамъ прыгали возлѣ нашихъ головъ, шурша сухими хвоеми, устилавшими почву. Первую ночь это насъ безпокоило, и мы часто просыпались отъ шума: но потомъ привыкли къ этому и почти двѣ спали хорошо.

Недоходя до города Коростышева, расположеннаго верстахъ въ тридцати отъ Житомира, мы забрались въ лѣсъ и тамъ опять переодѣлись: свитку и красную рубаху спрятали въ свои узлы и приняли снова полуевропейскій видъ. Въ такихъ костюмахъ мы вошли въ Коростышевъ. Здѣсь наняли „балагулу“ (еврея извозчика) и поѣхали въ городъ Бердичевъ, оставляя въ сторонѣ Житомиръ. Въ Бердичевѣ мы сѣли въ поѣздъ и двинулись къ границѣ.

На станціи Здолбуново, гдѣ была пересадка и гдѣ въ ожиданіи поѣзда, шедшаго въ Радзивилловъ, пришлось ожи-

дать нѣсколько часовъ на вокзалѣ, съ нами чуть-чуть не страслась исторія. Помню, сидѣли мы на скамьи бесѣдовали довольно оживленно. Потомъ я вытащилъ изъ узла путеводитель Бедекера, чтобы разсмотрѣть маршрутъ; увлекся этимъ занятіемъ и не обращалъ никакого вниманія на то, что совершалось кругомъ насъ.

— „На насъ смотритъ жандармъ“, тихо прошепталъ Ходько.

— „Не смотрите на него“, также тихо отвѣтилъ я ему.

Первая мысль, блеснувшая въ моей головѣ, была та, чтобы не показать виду жандарму, что мы замѣчаемъ его слѣженіе. Нѣкоторое время я продолжалъ перелистывать книгу, затѣмъ сложилъ ее, всунулъ въ узелъ, поднялся со скамьи и подошелъ къ жандарму. Когда я шелъ, мнѣ показалось, что онъ съ любопытствомъ глядѣлъ на меня.

— „Когда поѣздъ идетъ въ Радзивиловъ?“ спросилъ я его.

— „Въ столько-то часовъ и минутъ.“

— „Отчего это приходится такъ долго ждать въ Здолбуново?“

— „По расписанію“, лаконически отвѣтилъ жандармъ.

Всякое мгновеніе я ждалъ, что онъ спроситъ меня въ свою очередь: „А позвольте узнать, кто вы такой и куда и зачѣмъ ѣдете?“ Паспорта у насъ были на этотъ разъ отвратительные, благодаря тому, что попрацадали печати и бланки во время арестовъ, — и дать сколько нибудь удовлетворительное объясненіе поѣздкѣ нашей въ Радзивиловъ мы рѣшительно не могли. Поэтому, малѣйшее разслѣдованіе или просто два-три вопроса со стороны жандарма были достаточны, чтобы насъ погубить. Я почувствовалъ это сразу и потому рѣшилъ идти, какъ говорятъ, напроломъ. Недавая ему опомниться, я понесъ необыкновенно длинную околесину о томъ, зачѣмъ такія неудобныя расписанія составляются на желѣзныхъ дорогахъ, да нельзя ли ихъ перемѣнить, да почему ихъ не перемѣнять и прочее въ такомъ родѣ. Жандармъ долго слу-

щаль меня. Вѣроятнѣе всего въ эту минуту онъ рѣшилъ, что я — лакей одного изъ окрестныхъ помѣщиковъ и при томъ лакей назойливый. Съ его лица любопытство мало по малу исчезло и замѣнилось пренебреженіемъ и даже надменностью. Я продолжалъ его спрашивать о какихъ то пустякахъ а онъ сталъ отвѣчать неохотно. Потомъ, наконецъ, повернулся ко мнѣ спиною и съ важною большаго индѣйскаго пѣтуха удалился отъ меня, мѣрно позвякивая шпорами. Тѣмъ дѣло и кончилось. Жандармъ ни разу больше не взглянулъ на насъ.

Дохвавши до радзивиловскаго вокзала, мы сошли съ поѣзда и направились въ мѣстечко. Въ Радзивиловѣ (Волынской губ.), находящемся на границѣ Россіи съ Австріей ни я, ни Ходько не были раньше. Но съ пограничною жизнью вообще я былъ хорошо знакомъ и зналъ, что переходъ границы вовсе не представляетъ какой либо особенной трудности. По всему вѣроятію мы перешли бы въ Австрію безъ помощи контрабандистовъ, если бы пограничная линія была близко отъ мѣстечка, но здѣсь она проходила въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Радзивилова, сзади лѣса, такъ что изъ мѣстечка ея даже не было видно. Поэтому мы боялись рисковать и пускаться сами въ путешествіе и рѣшили обратиться къ помощи контрабандистовъ. Зная, что болѣе или менѣе всякій „балагула“, живущій въ пограничномъ городкѣ, такъ или иначе долженъ быть прикосновеннымъ къ контрабандѣ, я началъ съ того, что принялся розыскивать „балагулу“. Мнѣ на одного указали и я отправился къ нему.

— „Нанимаешь лошадей?“ спросилъ я.

— „Да. А куда вамъ нужно?“

— „Въ Почаевъ“.

— „Можно. Сколько дадите?“

— „Ну, а въ Броды?“ спросилъ я, какъ будто вскользь.

— „И въ Броды можно.“

Умный „балагула“ сразу сообразилъ въ чемъ дѣло: это я видѣлъ по его глазамъ. Почаевъ — русское пограничное мѣстечко, находящееся недалеко отъ Радзивило-

на; Броды же городъ австрійскій, лежитъ верстахъ въ двѣнадцати уже по ту сторону границы.

— „А сколько возьмешь въ Броды? заговорилъ я съ нимъ уже смѣле.“

— „Въ Броды?... На лошадяхъ?... На лошадяхъ трудно... Пышкомъ если хотите!“

— „Ну пышкомъ, если на лошадяхъ нельзя. Сколько возьмешь?“

„Балагула“ помолчалъ немного и затѣмъ съ нѣкоторой перѣшительностью въ голосѣ проговорилъ:

— „Дайте пять рублей.“

Я сталъ торговаться съ нимъ и мы сошлись на трехъ рубляхъ.

— „Насъ двое“, замѣтилъ я ему тогда. „За двоихъ получишь шесть рублей.“

— „Хорошо, хорошо“, заторопился „балагула“, видимо, не желая упустить такого выгоднаго случая.

Онъ мнѣ указалъ водяную мельницу, стоящую на краю мѣстечка, гдѣ мы должны были подождать, потребовалъ съ насъ впередъ четыре рубля и самъ тотчасъ пустился въ розыски.

Черезъ нѣкоторое время къ намъ подошло двое крестьянъ. Это оказались контрабандисты, присланные „балагулою“. Они повели насъ къ себѣ въ сосѣднюю деревушку находящуюся верстахъ въ двухъ-трехъ отъ Радзивилова, гдѣ мы пробыли нѣкоторое время и часа за два до вечера двинулись, наконецъ, въ путь, къ границѣ. Два контрабандиста шли впереди насъ, третій — сзади. Мы шли гуськомъ, межею, черезъ широкое вспаханное поле. Впереди видѣлся лѣсъ. Что бы не таскать въ рукахъ узловъ, мы надѣли на себя все, что въ нихъ заключалось, благодаря чему намъ было очень тяжело и трудно поспѣвать за быстро шедшими проводниками. Уже оставалось недалеко до лѣса, какъ вдругъ съ лѣвой стороны донесся отдаленный крикъ.

— „Скорѣй!“ скомандовалъ тогда одинъ изъ передовыхъ и пустился бѣжать.

Я посмотрѣлъ влѣво и увидѣлъ какую-то фигуру;

быстро двигающуюся по полю на перерѣзъ намъ. Фигура приближалась, но и лѣсъ былъ уже совсѣмъ близко. Еще нѣсколько скачковъ и мы были въ лѣсу. Два контрабандиста отделились отъ насъ и побѣжали влѣво, какъ будто на встрѣчу фигурѣ. Мы продолжали путь съ однимъ проводникомъ. Скоро послышались съ лѣвой стороны громкіе голоса, разносимые далеко лѣснымъ эхомъ. Мы бѣжали. На пути намъ попалась небольшая полянка, гдѣ какой то крестьянинъ возился возлѣ срубленной сосны.

— „Сюда!.. Сюда!..“ кричалъ онъ, указывая рукою въ извѣстномъ направленіи. „Стража — тамъ!“

— „Бѣгите такъ прямо! На „той сторонѣ“, въ корчмѣ встрѣтима“, сказалъ нашъ третій проводникъ и самъ тоже бросился влѣво, откуда все сильнѣе и сильнѣе доносился шумъ.

Мы остались одни. Ходько задыхался. Я тоже усталъ.

— „Куда же теперь?“, спросилъ Ходько.

Но размышлять было некогда, и мы побѣжали прямо лѣсомъ. Стволы деревьевъ мелькали по сторонамъ. Но вотъ впереди показался просвѣтъ. Лѣсъ кончился. Добѣжавъ до крайнихъ сосенъ, мы остановились. Я осторожно выглянулъ изъ за сосны. Вдоль лѣса тянулась патрульная дорога. На дорогѣ никого не было видно. Съ правой стороны виднѣлся пограничный столбъ... Мы перескочили черезъ дорогу и очутились въ Австрійской Имперіи. Какой то мужикъ, неподалеку нахивній поле, обратился къ намъ съ просьбой дать ему табакъ. Табакъ въ Австріи составляетъ государственную монополию, и поэтому его много идетъ изъ Россіи контрабанднымъ путемъ. Мы дали мужику немного табаку и, разпросивъ дорогу, пошли въ корчму, гдѣ должны были встрѣтиться съ нашими контрабандистами. Дѣйствительно, они скоро туда явились. Оказывалось, они побѣжали влѣво для того, чтобы задержать стражника, какъ удерживаютъ отъ нападенія злую собаку, бросая ей платокъ. Проводники наши, какъ мѣстные жители, ничѣмъ при этомъ не рисковали. Заплативши имъ слѣдуемые

съ насъ два рубля и угостивши водкою, мы наняли телегу и поѣхали въ Броды. Между тѣмъ наступила ночь. Пошелъ дождь. Въ Броды, въ гостиницу, куда насъ привезъ крестьянинъ, мы явились съ головы до ногъ испачканы и промокшіе до рубахи, такъ какъ всю дорогу сверху лило, а снизу брызгало отъ колесъ и лошадиныхъ копытъ. Мы заняли номеръ. Я заказалъ кельнеру, поляку, кофе. Мы такъ мало походили на обыкновенныхъ посѣтителей, что кельнеръ сразу заподозрилъ въ насъ что то особенное. Я объяснялся съ нимъ на польскомъ языкѣ и это, вѣроятно, дало ему поводъ, когда Ходько вышелъ на время изъ номера, обратиться ко мнѣ съ слѣдующею фразою:

— „Извините за нескромный вопросъ, — вы ѣдете по порученію „Жонда“?“

— „Какого „Жонда“? съ удивленіемъ переспросилъ я его, хотя, конечно, сразу догадался, что рѣчь шла о, такъ называемомъ, „Жондѣ Нородовомъ“ (народномъ правительствѣ), дѣйствовавшемъ въ Польшѣ во время возстанія.

Кельнеръ смутился и проговорилъ: „Быть можетъ вамъ надо визировать паспортъ — я это могу сдѣлать“.

— „Благодарю; мы въ этомъ не нуждаемся“.

Кельнеръ удалился. До самаго нашего отъѣзда онъ былъ крайне предупредителенъ съ нами и, видимо, оставался при своемъ первоначальномъ предположеніи, т. е. что мы были агентами или эмиссарами по польскимъ дѣламъ. Такъ мало былъ еще тогда извѣстенъ русскій нигилизмъ.

На другой день мы уже ѣхали по желѣзной дорогѣ въ Львовъ.

Общая цифра арестованныхъ и привлеченныхъ къ дознанію по дѣламъ 1873 — 74 гг., на сколько мнѣ извѣстно, значительно превышала тысячу человекъ, между которыми были лица, игравшіе впоследствии весьма видную

роль въ нашемъ революціонномъ движеніи; таковы были: Желябовъ, Лангетъ, Лебедева, Перовская, Якимова, Грачевскій. Но среди лицъ, привлеченныхъ къ дознанію были также и нерозысканныя. Въ концѣ 74 года всеѣмъ жандармскимъ управленіямъ разослана была секретная бумага, гдѣ были переименованы лица, успѣвшія скрыться отъ преслѣдовацій. Правда, нѣкоторыя изъ этихъ лицъ скоро совершенно сошли со сцены: одни эмигрировали за границу, другія просто удалились отъ дѣла. Но были и такія, которыя продолжали дѣйствовать въ Россіи подъ чужими, чаще всего вымышленными, именами до тѣхъ поръ пока не были переловлены. Онѣ составляли нашу первую кадру „нелегальныхъ“. Нѣкоторыя изъ нихъ, какъ напр. Фроленко, прошли черезъ все революціонное движеніе, принимая самое горячее, активное участіе въ дѣлахъ, и арестованы были только въ 80-ыхъ годахъ.

Эта секретная бумага опубликована была въ февралѣ 1875 г. во 2-мъ номерѣ газеты „Впередъ“, издававшейся въ Лондонѣ. Ввиду интереса, который можетъ представить этотъ документъ для всякаго, желающаго познакомиться съ исторіей революціоннаго движенія 70-ыхъ годовъ, я счелъ нужнымъ перепечатать его здѣсь цѣликомъ, тѣмъ болѣе что „Впередъ“ составляетъ теперь библиографическую рѣдкость. Вотъ этотъ документъ.

СПИСОКЪ ЛИЦАМЪ, ПРИВЛЕЧЕННЫМЪ КЪ ДОЗНАНІЯМЪ И ЕЩЕ НЕ РОЗЫСКАНЫМЪ.

1) Рогачевъ, Дмитрій Михайловъ. Отставной поручикъ артиллеріи.

Роста высокаго, очень плотенъ: лицо продолговатое и вообще невыразительное; имѣетъ шрамъ, хорошо заросшій, на бородѣ или на щекѣ; взглядъ тупой, волосы на головѣ русые, бороды и усовъ не было; шея очень толстая; лѣтъ 25 — 26; обладаетъ громадной силой и рѣшительностью; вращается преимущественно въ обществѣ семинаристовъ, гимназистовъ и гдѣ большое скопленіе рабочаго люда; одѣвается то въ крестьянское то въ обыкновенное платье. Называлъ себя Василіемъ Петро-

вымъ Орловымъ; въ бытность свою писемоводителемъ у мирового судьи Пензенской губ. Городищенскомъ уѣздѣ, Войнаральскаго онъ заготовилъ въ это время много паспортныхъ бланковъ съ печатами волостныхъ правлений того уѣзда. Имѣетъ свидѣтельства семинариста Ивана Ареопагитскаго и воспитанника Введенской прогимназии, Чембарскаго мѣщанина Николая Куликова. При задержаніи Рогачева необходимо принять мѣры предосторожности противъ его побѣга ввиду его громадной силы.

2) Кравчинскій, Сергѣй Михайловъ. Отставной поручикъ артиллеріи.

Роста высокаго, тѣлосложенія крѣпкаго, лѣтъ 26, брюнетъ, волосы курчавые, носитъ бороду и усы; черты лица весьма крупныя и выразительныя; лобъ большой, развитой; говоритъ высокимъ, нѣсколько пискливымъ теноромъ. Называетъ себя Сергѣемъ Михайловымъ; носитъ разное платье и имѣетъ фальшивые паспорта.

3) Клеменсъ, Дмитрій Александровъ. Бывшій студентъ С. Петербургскаго Университета

Роста средняго, лѣтъ за 25, на видъ кажется старше; тѣлосложенія крѣпкаго; волосы темно-русые, носитъ бороду и усы. Называлъ себя Ельцинскимъ и „Ни въ городѣ Иванъ, ни въ селѣ Селифанъ“. Носитъ разное платье. Будетъ портретъ.

4) Алексѣева, Олимпіада Григорьева. Жена титулярнаго совѣтника; помѣщица Курсановскаго и Моршанскаго уѣздовъ, Тамбовской губерніи.

Небольшого роста, имѣетъ цыганскій типъ; собой довольно красива; при разговорѣ шепелявитъ; держитъ голову на сторону; волосы носитъ стриженные, одѣвается въ женское и мужское крестьянское платье.

5) Лисовскій, Александръ. Бывшій студентъ С. Петербургскаго Технологическаго Института.

Лѣтъ 25; роста выше средняго; блѣлый, глаза сѣро-голубые, лицо чистое, безъ бороды и безъ усовъ; плечистъ, хорошо сложенъ; наружность представительная.

6) Обнорскій, Викторъ Павловъ. Крестьянинъ Вологодской губерніи

Лѣтъ 24; блѣлый, красивый, съ сильно развитымъ черепомъ; ни усовъ, ни бороды не носитъ; тѣлосложенія крѣпкаго.

7) Иванчинъ-Писаревъ, Александръ Ивановъ. Дворянинъ, бывшій студентъ С. Петербургскаго Университета.

Портретъ разосланъ всѣмъ начальникамъ Губернскихъ Жандармскихъ Управленій.

8) Мышкинъ, Ипполитъ Никитичъ. Домашній учитель, стенографъ.

Портретъ разосланъ всѣмъ начальникамъ Губернскихъ Жаандармскихъ Управленій.

9) Саблинъ, Николай Алексѣевъ. Студентъ Московскаго Университета.

Примѣты неизвѣстны.

10) Судзиловскій, Николай Константиновъ. Бывшій студентъ Кіевскаго университета; сынъ отставнаго чиновника губернскаго города Могилева.

Лѣтъ 25; роста немного ниже средняго; волосы русые, лицо чистое; носъ довольно большой; борода небольшая, рѣдкая; одѣвается неряшливо; по костюму похожъ на мастерового.

11) Жебуневъ, Николай Александровъ. Дворянинъ Екатеринославской губерніи.

Лѣтъ 27; роста высокаго, стройный; волосы на головѣ и небольшой бородѣ темно-русые; лицо смуглое, чистое, продолговатое, худощавое; типъ цыганскій; одѣвается въ русское платье.

12 Жебунева, Зинаида Иванова. Жена Николая Жебунева, дочь мѣщанина Глушова. (?)

Родомъ изъ Харькова; молодая, блѣлокурая, небольшого роста, худощавая, немного сгорбленная, на видъ болѣзненная; лицо съ веснушками. Носитъ русское платье.

13) Макаревичъ, Анна. Рожденная Розенштейнъ; жена дворянина.

Лѣтъ около 20; блѣлокурая, лицо чистое, блѣлое; средняго роста; недурна собой.

14) Лукашевичъ, Александръ Осиповъ. Студентъ С. Петербургскаго Технологическаго Института.

Лѣтъ около 20; роста малаго; безъ бороды и усовъ; на одномъ глазѣ имѣется небольшой порокъ; объясняется скороговоркою; сильный выговоръ Костромской губ.; въ походкѣ замѣчается сѣрашность. Имѣетъ билетъ на имя семинариста Покровскаго

15) Фроленко, Михаилъ Федоровъ. Студентъ Петровской Академіи.

Примѣты неизвѣстны.

16) Леонтовичъ, Николай. Студентъ Петровской Академіи.

Примѣты неизвѣстны.

17) Младенкій Мартинъ. Студентъ Петровской Академіи.

Примѣты неизвѣстны.

18) Война, Александръ Григорьевъ. Дворянинъ Екатеринославской губерніи

Будеть портретъ.

19) Устюжаниновъ, Иннокентій Александровъ. Медикъ.

Примѣты неизвѣстны.

20) Аносовъ, Николай Михайловъ. Бывшій слушатель Петровской Академіи; сынъ титулярнаго совѣтника.

Роста высокаго: лѣтъ 24; блѣокурый, небольшая свѣтло-руссая (почти рыжая) борода.

21) Бухъ, Николай Константиновъ. Дворянинъ. Около 20 лѣтъ; лицо небольшое; волосы свѣтло-русые, зачесаны назадъ, борода и усы едва замѣтны. Ходитъ постоянно въ русскомъ костюмѣ.

22) Никитинъ, Николай Доримедонтовъ. Студентъ Медико Хирургической Академіи.

Около 25 лѣтъ; лицо чистое, волосы темно-русые, зачесаны назадъ. Ходитъ въ русскомъ костюмѣ.

23) Теплово, Николай. Бывшій студентъ Технологическаго Института.

Роста средняго; брюнетъ, безъ бороды, съ маленькими усиками; взглядъ нѣсколько суровый.

24) Стронскій, Николай. Бывшій студентъ Технологическаго Института.

Роста средняго, въ кости широкъ, довольно плечистъ; брюнетъ, волосы курчавые, выстрижены въ скобку; носъ длинный, тонкій; лицо блѣое, чистое, продолговатое.

25) Чернышевъ, Иванъ Яковлевъ. Студентъ Кіевского Университета.

Роста средняго, лицо круглое, смугловатое, глаза черные, носъ ровный, небольшой; собою худошавъ.

26) Максимовъ, Павелъ. Студентъ Медико-Хирургической Академіи.

Роста ниже средняго, тѣлосложенія крѣпкаго; волосы каштановые, лицо круглое, блѣое и чистое; носъ ровный, небольшой; руки маленькія, пальцы тонкіе.

27) Гриневицъ, Клеоникъ. Студентъ Медико-Хирургической Академіи.

Роста выше средняго; въ кости широкъ; блондинъ, волосы рыжеватые; лицо не совсѣмъ чистое, продолговатое; неуклюжь, движенія медленны; говоритъ протяжно.

28) Иванова Надежда Александрова. Акушерка.

Примѣты неизвѣстны.

29) Воронцовъ, Александръ Ивановъ. Студентъ Медико-Хирургической Академіи.

Лѣтъ около 22; плотный, роста выше средняго: лицо румяное, круглое; волосы рыжеватые.

30) Рабиновичъ. Студентъ Медико-Хирург. Академіи.

Лѣтъ 23; брюнетъ; небольшого роста.

31) Шрейдеръ, Михаилъ Николаевъ. Сынъ генераль майора; имѣетъ безсрочное свидѣтельство московскаго предводителя дворянства за № 186.

Около 22 лѣтъ; высокаго роста; брюнетъ, волосы на головѣ длинныя, усы маленькіе; называетъ себя слесаремъ Михаиломъ Николаевымъ и подъ этимъ именемъ паходился въ слесарнѣ при фабрикѣ Лопатиныхъ въ Ивано-Вознесенскѣ.

32) Называющая себя Маріей Андреевой, по фамиліи, какъ полагаютъ, Шталь.

Около 25 лѣтъ; высокаго роста, полная, говоритъ свысока; хорошо грамотная; одѣвалась по крестьянски, въ ситцевый сарафанъ, носила хорошія серги и кольца. Жила въ Ивано-Вознесенскѣ вмѣстѣ съ вышеупомянутымъ Шрейдеромъ.

33) Фесенко, Иванъ Федоровъ. Студентъ С. Петербургскаго Университета.

Примѣты неизвѣстны.

34) Охременко, Александра Васильева. Дочь секретаря Уманской городской думы.

Лѣтъ 19; небольшого роста; собой довольно миловидна, съ остренькимъ носкомъ и темно-русыми, обстриженными по плечу, волосами; носитъ часто крестьянскій малороссійскій костюмъ.

35) Стефановичъ, Яковъ Васильевъ. Сынъ священника села Денисовки, Конотопскаго уѣз., Черниговской губерніи, студентъ Кіевского Университета.

21 года; роста выше средняго: худощавъ; волосы темно-русые, довольно длинныя, небольшая бородка; носитъ крестьянскій костюмъ.

36) Сухмановъ, Иванъ Федоровъ. Чиновникъ Одесской Контрольной Палаты.

Примѣты неизвѣстны.

37) Разумовская, Ольга Иванова. По мужу Ро-

мановекая, дочь священника села Приворотъ, Углицкаго уѣзда.*)

Примѣты неизвѣстны.

38) Бенецкій, Василій Александровъ. Студентъ Кіевскаго Университета.

Примѣты неизвѣстны.

39) Ходько, Иванъ. Бывшій студентъ Новороссійскаго Университета. **)

Роста высокаго, брюнетъ, худощавый, носитъ очки.

40) Донецкая, Фекла Иванова. Бывшая учительница села Плиски, Борзенскаго уѣзда.

Примѣты неизвѣстны.

41) Деникеръ, Іосифъ Егоровъ. Бывшій студентъ С. Петербургскаго Университета, имѣетъ недвижимую собственность въ г. Астрахани.

Роста нѣсколько выше средняго. лѣтъ около 30; волосы на головѣ, небольшой бородѣ, бакенбардахъ и усахъ — черные; носитъ очки.

42) Пунча, Константинъ. Студентъ Медико-Хирургической Академіи.

Примѣты неизвѣстны.

43) Морозовъ, Николай Александровъ. Бывшій воспитанникъ 2-ой Московской гимназии; незаконнорожденный сынъ Моложскаго уѣзднаго предводителя дворянства Щепочкина.

Роста высокаго, лицо блѣдное, круглое съ тонкими чертами, брюнетъ, борода и усы едва замѣтны; носитъ очки.

44) Союзовъ, Иванъ Осиповъ. Уволенный изъ военнаго званія въ первобытное крестьянское состояніе.

Лѣтъ 25, роста средняго, видный собою; волосы на головѣ темно-русые, таковыя же небольшіе усы бороду брѣетъ. Имѣетъ паспортъ, выданный изъ Морозовскаго волостнаго правленія.

45) Сиряковъ, Клавдій. Бывшій студентъ Петровской Земледѣльческой Академіи.

Примѣты неизвѣстны.

*) Это ошибка. Село Приворотъ, гдѣ жила Разумовская, находится въ Ушицкомъ уѣздѣ, Подольской губерніи.

**) Это ошибка. Иванъ Михайловъ Ходько былъ въ кievскомъ университетѣ, а не въ новороссійскомъ.

46) Вагинъ Петръ. Бывшій студентъ Петровской Земледѣльческой Академіи.

Примѣты неизвѣстны

47) Сте нюшкинъ, Иванъ Павловъ. Бывшій слушатель Петровской Земледѣльческой Академіи; изъ крестьянъ.

Примѣты неизвѣстны.

48) Дебогорій-Мокріевичъ, Владиміръ. Бывшій студентъ Кіевскаго Университета.

Примѣты неизвѣстны. Имѣетъ фальшивый паспортъ.

49) Каблицъ, Іосифъ. Бывшій студентъ Кіевскаго университета, сынъ поручика, урожденный Черниговской губерніи.

Кривъ на одинъ глазъ. Постоянно отличается буйнымъ характеромъ.

50) Усачевъ, Владиміръ. Бывшій воспитанникъ Артиллерійскаго Училища.

Роста средняго, широкоплечій; брюнетъ, безъ бороды и усовъ

51) Шуравинъ, Петръ Александровъ. Студентъ Медико-Хирургической Академіи.

Примѣты неизвѣстны

52) Ивановскій, Василій. Окончившій курсъ Медико-Хирургической Академіи.

Очень высокаго роста. Между товарищами и знакомыми называется «Василіемъ Великимъ».

53) Каленкина, Марія. Акушерка.

Примѣты неизвѣстны.

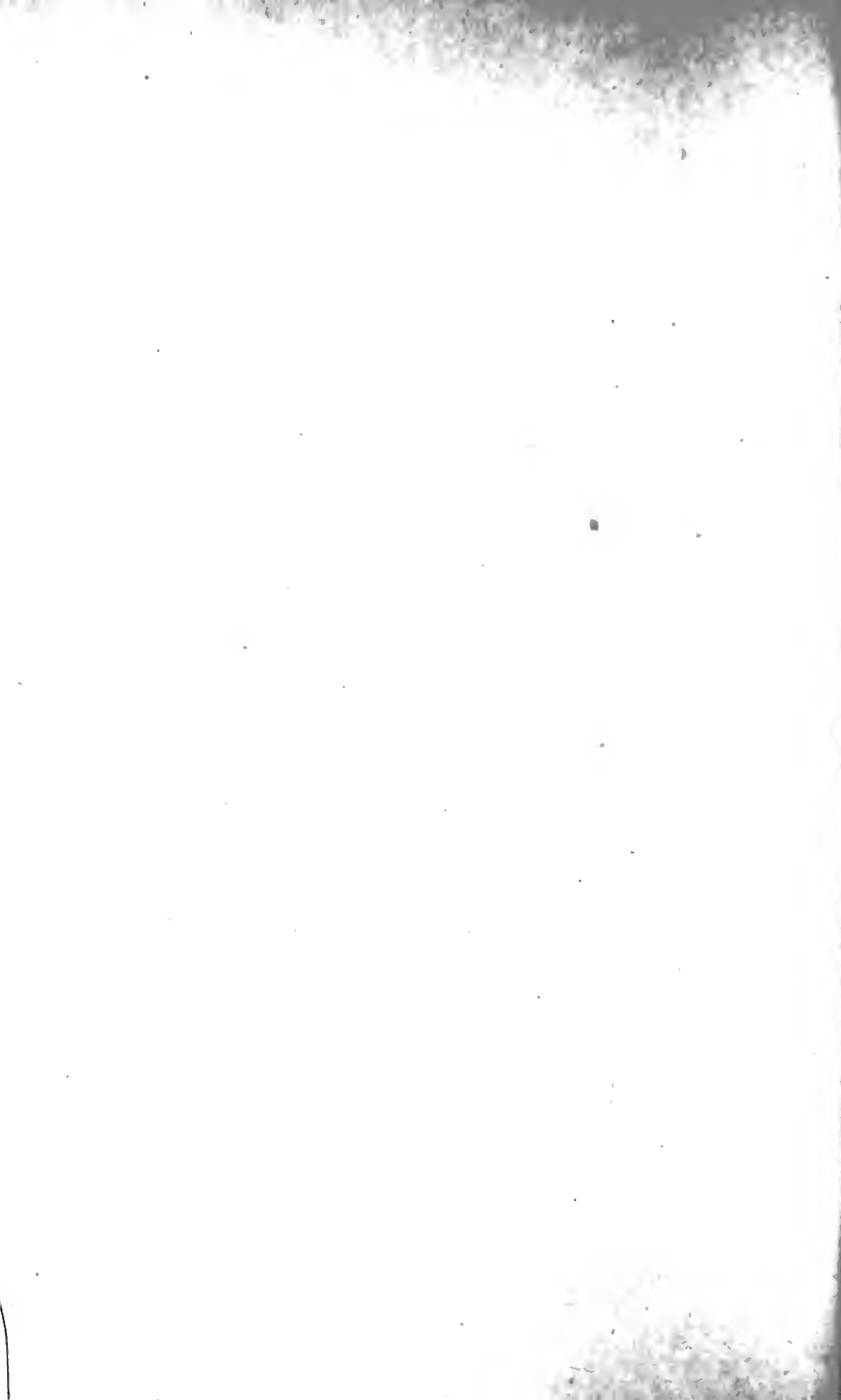
THE
BANK OF
AMERICA
AND
TRUST COMPANY

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

Передъ началомъ чтенія просимъ сдѣлать слѣдующія важнѢйшія поправки въ текстѣ.

стр.	стрк.	напечатано	слѣдуетъ читать
119	5 св.	кухиѣ	хуторѣ
120	17 сн.	Ковальскаго	Ковалика
125	15 св.	австро-румынская	австро-русская
127	6 сн.	Калина	Коллина
129	7 сн.	Архангельскую	Астраханскую
213	19 сн.	широкоплечаго	ширококостнаго
214	5 сн.	ея отвратительная	его отвислая
215	2 св.	новая	необычайная
218	2 сн.	вызванное	было вызвано
218	1 сн.	предлагагала	предполагала
222	2 сн.	холодности	халатности
234	7 сн.	Лыбеденскаго	Лыбедскаго
234	2 сн.	Машковскаго	Матковскаго
235	2 св.	Машковскій	Матковскій
236	10 сн.	Чисновой	Числовой

MÉMOIRES DE DEBOGORY-MOKRIEVITCH

ВОСПОМИНАНІЯ

ВЛ. ДЕ БОГОРІЯ-МОКРІЄВИЧА

Выпускъ Второй

PARIS

IMPRIMERIE J. ALLEMANE

51, RUE SAINT-SAUVEUR, 51

—
1895

REPRODUCTION OF THE ORIGINAL DOCUMENT

11008

VIII

ВЗГЛЯДЪ НА ДВИЖЕНІЕ 74-го ГОДА. ПОЪЗДКА ЗА ГРАНИЦУ. — ВСТРѢЧА СЪ МЫШКИНЫМЪ. — ВОЗВРАЩЕНІЕ ВЪ РОССІЮ.

Если моя дѣятельность въ народѣ, о которой я разсказывалъ въ предшествующихъ главахъ, такъ мало представляла опасности для государственнаго строя, то тоже самое можно сказать и о дѣятельности почти всѣхъ пропагандистовъ 74-го года. Хожденіе въ народъ въ 73 и 74-мъ годахъ въ общемъ не принесло прямыхъ революціонныхъ слѣдствій.

„Въ народъ ходили многіе съ чисто рекогносцировочными цѣлями, облюбовать мѣстечко для поселенія, попробовать свои силы и, наконецъ, просто посмотреть на этотъ народъ, о которомъ говорятъ такъ много и который отдѣленъ отъ социалиста китайской стѣной. Если бы большинству наиболѣе серьезныхъ пропагандистовъ задать вопросъ передъ ихъ отправленіемъ въ народъ — какъ они смотрятъ на свою будущую дѣятельность и какую форму пропаганды предпочитаютъ, — отвѣтъ былъ бы, безъ сомнѣнія, такой: надобно не ходить, а жить въ народѣ.“

Такъ характеризуетъ движеніе 74-го года, нѣсколько лѣтъ спустя, одинъ изъ его участниковъ въ передовой статьѣ революціоннаго обзорѣнія „Община“, издававшегося въ Женевѣ.

И дѣйствительно, мы ходили въ народъ, а не жили, такъ какъ всякому хотѣлось въ короткій срокъ возможно болѣе осмотрѣть мѣстностей, возможно болѣе получить впечатлѣній.

Но мнѣ думается теперь, что если бы мы даже и жили среди народа, то и въ такомъ случаѣ едва ли получилось бы больше революціонныхъ слѣдствій, такъ какъ — правду сказать — для революціонной дѣятельности въ народѣ почвы было мало. Уже тогда болѣе безпристрастные изъ насъ приходили къ заключенію, что нашъ народъ далеко не обладаетъ революціоннымъ настроеніемъ. Въ своемъ мѣстѣ я вспоминалъ о той пассивности крестьянъ, которая бросалась и намъ въ глаза во время нашихъ странствованій по Подольской и Кіевской губерніямъ. Правда, мы слышали отовсюду, что крестьяне ждали передѣла земли; но ожидали они его мирно, терпѣливо, какъ простую царскую милость. Самимъ добиваться передѣла никому изъ нихъ и въ голову не приходило. Но увлеченные своимъ собственнымъ революціоннымъ настроеніемъ, мы закрывали глаза на это обстоятельство и утѣшали себя той мыслью, что все таки крестьяне желали передѣла. Мы упускали изъ виду, что можно желать передѣла и въ тоже время спокойно ожидать его многіе годы, ничего не предпринимая. Очевидно, однако, что еще годъ-два подобныхъ странствованій по деревнямъ или жизни среди народа, и мы отрезвились бы отъ нашихъ революціонно-народническихъ утопій. Движеніе наше улеглось бы, приняло бы болѣе спокойное теченіе и, въ концѣ-концовъ, пожалуй, мы оказались бы ничѣмъ другимъ, какъ „крайней лѣвой“ нашего обще-земскаго движенія. Осѣли бы мы по деревнямъ, кто въ качествѣ учителя, кто фельдшеромъ, кто ремесленникомъ и стали бы пропагандировать идеи социализма. Окружающая дѣйствительность скоро наложила бы печать на нашу пропаганду; мы увидѣли бы кругомъ себя почти поголовную безграмотность (а какая же широкая пропаганда возможна среди безграмотнаго населенія); самъ собою выступилъ бы на

очередь вопросъ о распространеніи въ народѣ грамотности и тому подобной культурной дѣятельности. Такъ рисуется мнѣ теперь эволюція нашего движенія, если бы условія русскаго жизни были сколько нибудь нормальны, т. е. другими словами, если бы у насъ вмѣсто злого и глухаго правительства оказалось бы умное, которое съумѣло бы правильно взглянуть на движеніе и предоставило его теченіе самому себѣ. Повторяю, революціонное народничество было обречено на гибель, такъ какъ народная масса далеко не была революціонна. Вотъ какъ характеризуетъ, между прочимъ, настроеніе этой массы Е. Брешковская въ своихъ воспоминаніяхъ о путешествіи въ народъ лѣтомъ 74 года по Кіевской губерніи. Передавая свои впечатлѣнія о жителяхъ одной деревни, получившихъ въ надѣль песчаную почву, она говоритъ: „Ропшутъ жители песочковъ, проклинаютъ и судьбу свою и сильныхъ враговъ своихъ, начальство, но голосъ протеста не возвышается среди нихъ. „Видно ничего не подблаещь, видно на роду намъ такъ написано“, возражали мнѣ горемыки на все мои правдивыя рѣчи. Если, съ одной стороны, нужда и вѣчный гнетъ могутъ довести человѣка до отчаянныхъ поступковъ, то, съ другой — доводятъ его до идиотизма.“ Въ другомъ мѣстѣ, характеризуя заводскихъ рабочихъ одного мѣстечка, она пишетъ: „Особенно рѣзко сказывались тѣ черты, которыя мѣшаютъ людямъ сознательно браться за общее дѣло, боясь рисковать собою за блага, пользоваться которыми прійдется лишь дѣтямъ ихъ, а не то и внукамъ; страхъ оставлять извѣстное настоящее для неизвѣстнаго будущаго, а главное — недовѣріе къ собственнымъ силамъ и къ единодушію народа. Все эти черты влиявали тутъ же.“ Или опять находимъ у нея еще слѣдующее мѣсто: „Одно, что оставалось непреодолимымъ — это ихъ недовѣріе къ собственнымъ силамъ и нѣкоторая нравственная трусость, весьма, впрочемъ, понятная въ людяхъ, привыкшихъ постоянно покоряться и почти никогда не протестовать. Пугала ихъ отчасти и отдаленность цѣли“.

Итакъ, недовѣріе къ собственнымъ силамъ у крестьянъ и рабочихъ — вотъ что раньше всего бросалось въ глаза серьезному наблюдателю. Но вѣра въ собственные силы — это едвали не самое существенное качество для революціонера.

При подобномъ настроеніи народной массы, конечно, никакой опасности для государства не могла представить наша проповѣдь социальной революціи. А, какъ видно изъ раньше сказаннаго, даже и эта проповѣдь не всегда имѣла мѣсто, такъ какъ большинство ходило въ народъ въ 74 году съ чисто рекогносцировочными цѣлями. Не лучше дѣло стояло въ этомъ отношеніи и по городамъ. Такъ въ Петербургѣ и Одессѣ даже довольно усердно пропагандировали среди рабочихъ, но результаты этой пропаганды оказывались также совершенно ничтожные. Два-три распропагандированныхъ рабочихъ въ замѣну чуть не десятка арестованныхъ интеллигентовъ, конечно не могло считаться удовлетворительнымъ веденіемъ дѣла, если не страдать тѣмъ заблужденіемъ, будто распропагандированный рабочій цѣннѣе интеллигента.

Не смотря на все это, „Дѣло о пропагандѣ въ 37-ми губерніяхъ“ жандармы и прокуроры раздули, и травля приняла неслыханные размѣры. Тюрьмы наполнились арестованными; за многими гонялись, какъ за звѣрями. Кто не жилъ тогда, тому теперь трудно даже представить до чего доходило дѣло! Надо было все это видѣть! Производились, скажемъ, аресты гдѣ либо на Волгѣ, въ Самарѣ или Саратовѣ, — и вотъ при обыскѣ находятъ тамъ у кого-то кievскій адресъ; тотчасъ телеграфируютъ въ Кіевъ и кievскіе жандармы бросаются по указанному адресу. Здѣсь опять во время обыска находятъ адресъ житомирскій или каменецъ-подольскій, — бросаются въ Каменецъ-Подольскъ, Житомиръ и т. д. до безконечности. Погоня распространилась по всей Россіи. Хватали направо, налево, правыхъ и виноватыхъ, ни кого не щадя, ни передъ чѣмъ не останавливаясь. Больной, умирающій, — тащи его! Сажай въ кутузку!

Такъ бѣшенная собака въ изступленіи кидается на все, что ей попадаетъ на глаза.

Впрочемъ ,надо сказать и то, что политическія дѣла всегда пользовались у насъ самой ужасной репутаціей. Человѣкъ, только подозрѣваемый въ политической неблагонадежности, уже находился въ положеніи зачумленнаго, отъ котораго все бѣжало, даже его родные. Суровая кара постигала не одного его, но и всѣхъ, кто осмѣлился высказать ему свое сочувствіе или даже находился только въ простыхъ сношеніяхъ съ нимъ. Я помню, какъ не смѣли громко произносить даже самое слово „политическій преступникъ“, и когда необходимость заставляла касаться этого болѣе чѣмъ щекотливаго вопроса, то дѣлалось это при помощи полусловъ и намековъ. Таковы были россійскіе порядки съ давнихъ временъ и таковыми они остались до нашего времени. Спасать отечество или, что одно и тоже, — самодержавіе отъ внутренняго врага оказалось весьма благодарнымъ занятіемъ, а потому прокуроры и жандармы со страстностью предавались этому дѣлу. На этой почвѣ легко было проявлять рвеніе, а слѣдовательно и получать награды; можно было легко воровать изъ тѣхъ темныхъ суммъ, что ассигновывались на всевозможныя поимки и шпіонство. А такъ какъ самодержавіе давало тонъ всему, то дѣльцы, которые взяли на себя роль спасителей, вдругъ оказались всеисильными людьми въ Россіи. Если среди самого правительства попадались лица, смотрѣвшія не вполне одобрительно на поступки такихъ дѣятелей, какъ Желиховскій и Жихаревъ, то даже они не рѣшались громко высказывать этого, боясь попасть въ немилость царя. Они молчали; и все молчало: общество, пресса, а Желиховскіе и Жихаревы, пользуясь этимъ, съ изумительной наглостью принялись строить свои карьеры на несчастіи другихъ.

Выше я сказалъ, что дѣятельность въ народѣ не привела ни къ какимъ результатамъ, и движеніе 74-го года оказалось, такимъ образомъ, безплоднымъ по отношенію къ той программѣ, которую само себѣ ставило; но за

то оно принесло большую пользу тѣмъ, что расколыхало нашу интеллигентную среду. Идя въ народъ, мы, конечно, менѣе всего думали объ этомъ. Мы, интеллигенты, отказывались, такъ сказать, сами отъ себя, отряхали прахъ отъ ногъ своихъ и шли съ тѣмъ, чтобы безповоротно слиться съ народной массой. Это намъ не удалось. Но удалось намъ вызвать то, о чемъ мы совсемъ не заботились — сочувствіе среди мыслящихъ слоевъ русскаго общества. Открытый призывъ къ бунту, скажемъ, Войнаральскаго, развѣзжавшаго по деревнямъ, конечно, не привелъ ни къ какимъ послѣдствіямъ. Крестьяне нигдѣ не возстали и какъ жили раньше, такъ и продолжали жить, мирно заботясь лишь о насущномъ хлѣбѣ. Сомнительно даже, вспоминаль ли ктонибудь изъ нихъ потомъ о Войнаральскомъ. Но вся мыслящая Россія, читая „Обвинительный актъ“, съ большимъ сочувствіемъ отнеслась къ нему за то, что онъ, не задумываясь, пожертвовалъ своимъ имуществомъ, а въ концѣ концовъ и своей жизнью ради дѣла, которому вѣрилъ. Правительственныя преслѣдованія еще болѣе подняли социалистовъ въ глазахъ лучшей части нашего общества. Мало по малу завязывалась борьба русской интеллигенціи съ самодержавнымъ строемъ. Съ этой точки зрѣнія движеніе 74-го года имѣетъ громадное значеніе, такъ какъ именно въ 74-мъ году затянулся тотъ узелъ, котораго и до сихъ поръ еще не развязали.

Вопросъ этотъ, впрочемъ, слишкомъ обширный и къ нему мнѣ прійдется не разъ возвращаться. Теперь же ворочусь къ своимъ воспоминаніямъ.

И за мной тоже гонялись, какъ за волкомъ. Мои родители, жившихъ въ С. Лукѣ, стали осаждать жандармы, подвергать обыскамъ, допросамъ. Взяли подписку о невыѣздѣ изъ деревни у отца, матери, брата. За чѣмъ это нужно было? Неужели для того, чтобы предупредить побѣгъ старухи матери или семидесятилѣтняго отца, къ тому же пенсіонера? Нѣтъ. Просто надо было притѣснить людей. Все, что было гнуснаго въ нашей деревнѣ, способнаго къ доносамъ, вдругъ получи-

до значеніе и силу. Началось слѣженіе и подематриваніе за нашимъ домомъ. Сельскій попъ, сухое костлявое существо съ крючковатымъ носомъ, похожее больше на барышника-цыгана, чѣмъ на попа, леталъ съ доносами къ становаму приставу: то онъ видѣлъ меня на кухнѣ, то гдѣ либо въ сосѣднемъ лѣсу. Всюду гонялись за моею тѣнью. Моя личность рѣшительно покоя не давала этимъ милымъ моимъ соотечественникамъ. Имъ хотѣлось меня поймать. Хотѣлось награды. Но, кокетно, меня ни гдѣ не находили, такъ какъ я въ это время бѣжалъ и бѣжалъ безъ конца.

Бѣжали мы съ Ходько прежде всего, какъ я уже рассказывалъ, за границу. Миновали Львовъ, Краковъ, Вѣну, Мюнхенъ; перѣехали благополучно Баденское озеро; но здѣсь, въ швейцарскомъ пограничномъ городкѣ, у насъ произошло непріятное столкновеніе.

— „Haben sie Pass? Спросилъ меня одинъ изъ пограничныхъ жандармовъ.

— „Kein Pass ich habe... отвѣтилъ я.

— „Wagun?“

И сталъ онъ толковать о томъ, что при перѣздѣ черезъ границу всякій долженъ имѣть паспортъ.

— „Ich weiſſe nicht deutsch sprechen, замѣтилъ я ему

Жандармъ даже разсердился, услышавъ это, предполагая, должно быть, что я притворяюсь незнающимъ языка.

— „Kein Pass ich habe... твердилъ я между тѣмъ одну и ту же фразу нѣсколько разъ. Ходько молчалъ.

Вскорѣ къ намъ подошелъ второй жандармъ. Посоветовавшись между собою, одинъ изъ нихъ вытащилъ записную книжку и принялся спрашивать насъ откуда и куда мы ѣдемъ. Имѣя въ виду скорое возвращеніе въ Россію, намъ не хотѣлось объявлять себя русскими — мы боялись, чтобы насъ не прослѣдили. И потому кое-какъ на ломанномъ нѣмецкомъ языкѣ я объяснилъ жандарму, что мы поляки и ѣдемъ изъ Галиціи. Свѣдѣнія эти еще больше заинтриговали жандармовъ; они принялись еще подробнѣе спрашивать наши имена, фа-

мили и проч. На всё детали я отвѣчалъ, конечно, вполне детальной ложью, а онъ все это записалъ въ свою книжечку. Но вотъ, наконецъ, поѣздъ готовъ; мы вскочили въ вагонъ; жандармы тоже сѣли въ сосѣдній вагонъ и поѣздъ двинулся. Во время пути мы размышляли и разсуждали о случившейся исторіи и не знали чѣмъ ее объяснить. Только потомъ все намъ выяснилось. Оказалось, что около этого времени швейцарскія власти поймали поддѣльные ассигнаціи (кажется французскія), и полиція розыскивала нѣсколько человекъ поляковъ, скомпроментированныхъ по этому дѣлу. Когда же мы въ Романсгорнѣ назвали поляками, то жандармы приняли насъ, очевидно, за розыскиваемыхъ: но потомъ, должно быть, прослѣдивши и убѣдившись въ нашей невинности, оставили насъ въ покоѣ.

Мы приѣхали въ Женеву и тамъ прожили около мѣсяца. Здѣсь мы застали Мышкина, недавно передъ тѣмъ бѣжавшаго изъ Москвы, гдѣ была арестована его типографія. Я упоминалъ уже раньше, что въ этой типографіи Мышкинъ перепечатывалъ народническія брошюры и отсылалъ ихъ главнымъ образомъ на Волгу, гдѣ должны были (кружокъ Ковальскаго и Войнаральскаго) распространять ихъ среди крестьянъ. Но много ли удалось распространить тогда этихъ брошюръ и имѣло ли, наконецъ, это распространеніе революціонныя слѣдствія — сказать не могу. Думаю, однако, что и это предпріятіе постигла неудача, подобно другимъ дѣламъ 74-го года.

Мышкинъ производилъ впечатлѣніе человека весьма энергичнаго и живаго. Всё его движенія были быстры; онъ скоро говорилъ; его небольшіе, черные глаза ярко блестяли. Мы — я и бакунистъ Р., о которомъ я упоминалъ, рассказывая о своей первой поѣздкѣ — довольно близко познакомились тогда съ нимъ, и такъ какъ, подобно намъ, онъ собирался скоро возвратиться въ Россію, то мы условились съ нимъ вмѣстѣ работать. И у него, какъ и у насъ, благодаря повальнымъ арестамъ, связи въ Россіи были утеряны.

При первомъ же знакомствѣ съ нимъ бросался въ

глаза его необыкновенная прямота. Я нахожу, что это была основная черта его характера. Казалось, онъ совершенно не былъ способенъ скрывать свои чувства. Такъ, помню, однажды въ присутствіи большой компаніи онъ рѣзко и даже грубо высказалъ свою антипатію и недовѣріе къ Т., находящемуся тутъ же среди насъ. Передъ его отъѣздомъ въ Россію, мы условились съ нимъ относительно шифра и обмѣнялись адресами. Но послѣ того мнѣ не довелось его встрѣчать. По возвращеніи въ Россію, онъ вскорѣ задумалъ освобожденіе Чернышевскаго, бывшаго въ ссылкѣ въ Вилюйскѣ, Якутской Области, и съ этой цѣлью отправился въ Сибирь. Преодѣвши жандармскимъ офицеромъ и запасшись документами, онъ пріѣхалъ въ Вилюйскъ и потребовалъ отъ мѣстнаго исправника выдачи Чернышевскаго, котораго якобы по приказу вышшаго начальства нужно было куда то отвезить. Но исправникъ отнесся къ требованію съ недовѣріемъ и пожелалъ имѣть приказъ отъ мѣстнаго (якутскаго) губернатора, чего у Мышкина не оказалось. Почему закралось подозрѣніе у исправника — сказать не умѣю. Одно время ходили слухи, будто Мышкинъ надѣлъ аксельбантъ не на то плечо, на которомъ полагается носить жандармамъ. Но вѣрно ли это — неизвѣстно. Мнѣ же рассказывалъ одинъ бывшій ссыльный, которому довелось жить нѣкоторое время въ Вилюйскѣ (когда тамъ Чернышевскаго уже не было), что за Мышкинымъ, когда онъ тамъ появился, сначала наблюдали просто изъ любопытства и будто одинъ казакъ подматривая вечеромъ въ окно къ нему, замѣтилъ что то подозрительное и донесъ исправнику. Какъ бы тамъ ни было, но Мышкину ничего другого не оставалось, какъ убираться изъ Вилюйска. Подъ тѣмъ предлогомъ, будто онъ рѣшилъ лично отправиться къ якутскому губернатору, чтобы добыть отъ него приказъ о выдачѣ Чернышевскаго, Мышкинъ выѣхалъ изъ Вилюйска. Однако исправникъ не отпустилъ его одного, а далъ ему въ провозатые двухъ казаковъ. По дорогѣ Мышкинъ стрѣлялъ по своимъ провозатымъ и бѣжалъ въ тайгу.

Но спустя некоторое время был пойман и, арестованный, перевезенъ въ Европейскую Россію. Просидѣвъ около трехъ лѣтъ въ одиночкѣ, преимущественно въ Петро-Павловской крѣпости, онъ потомъ былъ однимъ изъ главныхъ обвиняемыхъ по дѣлу 193-хъ.

Такимъ образомъ, не совершивши ничего, или почти ничего, въ направленіи своей программы (революціоннаго народничества) Инполитъ Мышкинъ, тѣмъ не менѣе, долженъ быть поставленъ на ряду съ наиболѣе выдающимися дѣятелями нашего движенія. Въ нашемъ революціонномъ движеніи поведеніе подсудимыхъ при слѣдствіи и въ особенности на судѣ имѣло такое же общественное значеніе, а часто даже и несравненно большее, чѣмъ самая ихъ дѣятельность. Свою нравственную силу человекъ этотъ и показалъ именно на судѣ.

Рѣчь его передъ судомъ, въ которой онъ развивалъ свою программу, была такъ рѣзка, что первоприсутствующій прерывалъ его множество разъ. Впрочемъ, она представляетъ собою до того блестящую страницу въ исторіи нашего революціоннаго движенія, что я позволю себѣ здѣсь привести хоть небольшую выписку изъ нея.

Когда онъ заявилъ о незаконности мѣръ, принятыхъ противъ него во время предварительнаго дознанія, а именно о томъ, какъ его заковывали въ кандалы и не позволяли носить чулокъ подъ кандалами, не смотря на то, что на его ногахъ образовались язвы, первоприсутствующій отвѣтилъ: „Эти мѣры были приняты противъ васъ на дознаніи; особому присутствію не подлежитъ разсмотрѣніе дѣйствій лицъ, принимавшихъ эти мѣры.

Мышкинъ. И такъ насъ могутъ пытаться, мучить, а мы не только не можемъ искать правды — конечно, я не настолько наивенъ, что бы искать правды отъ суда и различныхъ властей, — но насъ лишаютъ даже возможности довести до свѣдѣнія общества, что на Руси обращаются съ государственными преступниками хуже, чѣмъ турки съ христіанами.

Первоприсутствующій. О какихъ такихъ пыткахъ говорите вы?

Мышкинъ. Да, я смѣло могу сказать, что насъ подвергаютъ пыткамъ! Я указалъ на кандалы, но это пустяки въ сравненіи съ другими мѣрами, которыя принимались для вымучиванія отъ насъ показаній. Напримеръ, я въ теченіи вѣсколькихъ мѣсяцевъ лишенъ былъ права чтенія какихъ бы то ни было книгъ, даже духовнаго содержанія, даже Евангелія, и жандармскій офицеръ открыто говорилъ мнѣ, что какъ только я дамъ требуемыя показанія относительно предполагаемыхъ моихъ соучастниковъ, то мнѣ немедленно позволятъ имѣть книги, журналы, газеты.

Первоприсутствующій. Ваше заявленіе опять таки голословно.

Мышкинъ. Я подавалъ нѣсколько жалобъ на это незаконіе, но онѣ почему-то не приложены къ дѣлу, а спрятаны подъ зеленое сукно. Сидѣть въ одиночномъ заключеніи безъ всякихъ книгъ — это очень тяжелая, очень сильная пытка. Въ виду такихъ мѣръ, можно ли удивляться, что въ нашей средѣ оказался такой громадный процентъ смертности и сумашествія. Да, многіе, очень многіе изъ нашихъ товарищей сошли уже въ могилу, не дождавшись суда.

Первоприсутствующій. Теперь не время и не зачѣмъ заявлять объ этомъ.

Мышкинъ. Неужели мы цѣною продолжительной каторги, которая ждетъ насъ, не купили себѣ даже права заявить на судѣ о тѣхъ насиліяхъ, — насиліяхъ нравственныхъ и физическихъ, — которымъ подвергали насъ? На каждомъ словѣ объ этомъ намъ зажимаютъ ротъ!

Первоприсутствующій. Тѣмъ не менѣе вы высказали все, что хотѣли.

Мышкинъ. Нѣтъ, это еще не все, а если позволите, я кончу.

Первоприсутствующій. Нѣтъ, теперь этого не могу дозволить.

Мышкинъ. Въ такомъ случаѣ, послѣ всѣхъ многочисленныхъ перерывовъ, которыхъ я удостоился со стороны первоприсутствующаго, мнѣ остается сдѣлать од-

но, вѣроятно, послѣднее заявленіе. Теперь я окончательно убѣдился въ справедливости мнѣнія моихъ товарищей, заранее отказавшихся отъ всякихъ объясненій на судъ, того мнѣнія, что не смотря на отсуствіе гласности, намъ не дадутъ возможности выяснитъ истинный характеръ дѣла. Теперь для всѣхъ очевидно, что здѣсь не можетъ раздаваться правдивая рѣчь, что здѣсь на каждомъ откровенномъ словѣ зажимаютъ ротъ подсудимому. Теперь я могу, я имѣю полное право сказать, что это не судъ, а пустая комедія... или нѣчто худшее, болѣе отвратительное, позорное... болѣе позорное (первоприсутствующій кричить: уведите его!.. Жандармскій офицеръ бросается на Мышкина. Послѣ нѣкоторой борьбы съ подсудимыми, защищавшими Мышкина, офицеръ схватываетъ послѣдняго и зажимаетъ ему ротъ рукою). Но Мышкинъ кричитъ: Болѣе позорное чѣмъ домъ терпимости; тамъ женщина изъ за нужды торгуетъ своимъ тѣломъ, а здѣсь сенаторы изъ подлости, изъ холопства, изъ за чиновъ и крупныхъ окладовъ торгуютъ чужей жизнью, истиной и справедливостью, торгуютъ всѣмъ, что есть наиболѣе дорогого для человѣчества!

Е. Лазаревъ, бывшій на этомъ засѣданіи суда въ качествѣ обвиняемаго (теперь онъ находится въ Лондонѣ), рассказывалъ мнѣ, что послѣднія слова Мышкинъ прокричалъ глухимъ, задвленнымъ голосомъ, уже въ то мгновеніе, когда его тащили изъ залы суда и жандармскій офицеръ все время старался зажимать ему ротъ своей рукою. Эта сцена произвела на присутствующихъ потрясающее впечатлѣніе. Въ залѣ раздались рыданія и крики. Публика заволновалась; всѣ защитники вскочили со своихъ мѣстъ; судьи и прокуроръ встали. Нѣкоторые изъ подсудимыхъ принялись грубо ругать судей. Жандармы схватили ихъ и выволокли изъ залы суда вслѣдъ за Мышкинымъ.

Мышкинъ приговоренъ былъ къ 10-ти годамъ каторги и отвезенъ въ харьковскую централку.

Послѣдующая жизнь по тюрьмамъ этого замѣчатель-

наго челоуѣка, состояда изъ ряда столкноуеній съ властями и сплошнаго протеста. Переведенный изъ харьковской централки на Кару (Забайкальской области), онъ оттуда бѣжалъ и ему удалось добраться уже до Владивостока, но тамъ былъ пойманъ и переведенъ изъ Сибири обратно въ Европейскую Россію, въ этотъ разъ въ Шлиссельбургъ, гдѣ, по слухамъ, былъ наконецъ разстрѣлянъ или повѣщенъ за пощечину, данную имъ какому-то изъ своихъ тюремщиковъ. Однако, справедливъ ли этотъ слухъ — не знаю.

Но возвращаюсь къ прерванному разсказу. Итакъ, Мышкинъ уѣхалъ изъ Жсены прямо въ Россію. Ходько, Р. и я отправились въ Румынію, откуда Ходько тоже двинулся въ Россію. Я же раньше, чѣмъ воротиться въ Россію, задумалъ поискать мѣсто возлѣ австрорумынской границы для устройства революціоннаго притона на подобіе бакуинскаго притона въ Локарно, о которомъ я разсказывалъ въ своемъ мѣстѣ, и съ этой цѣлью выѣхалъ по желѣзной дорогѣ изъ Яссы въ Черновцы (городъ въ Буковинѣ). Здѣсь, нанявши крестьянскую телѣгу, двинулся на лошадахъ вдоль русской границы. Притонъ долженъ былъ служить какъ для склада и перевозки контрабандой заграничныхъ изданій, такъ, въ случаѣ надобности, и для оружія. Предполагалось купить домъ съ кускомъ земли, корчму, либо мельницу, въ которой долженъ былъ поселиться свой челоуѣкъ; для подобной покупки имѣлись въ виду деньги. Понятно, что притонъ возможно и безопасно было устроить на австрійской сторонѣ, чѣмъ на русской. Но моя поѣздка на лошадахъ по Буковинѣ и Галиціи не принесла въ этомъ отношеніи результатовъ. На мои распросы не, продается ли гдѣ либо кусокъ земли или мельница, я получалъ только неопредѣленные отвѣты въ такомъ родѣ, что можетъ быть и продается, но надо еще спросить, да надо узнать... Словомъ, для розысканія подобнаго мѣста надо было пожертвовать больше времени. Проѣздомъ же, мимоходомъ точныхъ свѣдѣній со-

брать нельзя было. А между тѣмъ я торопился со своимъ отъѣздомъ въ Россію. Поэтому, описавши довольно большой кругъ по селамъ, я подѣхалъ опять къ желѣзной дорогѣ и, сѣвши въ поѣздъ, направился во Львовъ.

Но если моя поѣздка не принесла прямыхъ результатовъ для того дѣла, во имя котораго предпринималась, то она оказалась несомнѣнно полезной въ другомъ отношеніи. Населеніе Буковины и Галиціи — тѣ же украинцы, что и у насъ въ Подольской или Кіевской губерніяхъ, и весьма интересно было сдѣлать сравненіе между ними. Любопытно было послушать, о чемъ толкуютъ здѣсь люди, чего ожидаютъ, къ чему стремятся. Хотѣлось хоть въ общихъ чертахъ сравнить міровозрѣніе этихъ украинцевъ съ нашими. И вотъ, и здѣсь я тоже натолкнулся на вѣру въ царя. О земельныхъ идеалахъ крестьянъ Буковины и Галиціи мнѣ пришлось мало слышать, и я не рѣшаюсь дѣлать своихъ выводовъ по этому вопросу; но о русскомъ царѣ я услышалъ почти столько же здѣсь, какъ и въ Кіевской губерніи. Тоже противоположеніе царя, какъ друга крестьянъ, помѣщикамъ. Разница была лишь та, что здѣсь оказывалось цѣлыхъ два царя вмѣсто одного. „Нема яко царь московскій, та нашъ кесарь!“ восклицали крестьяне. Иногда русскаго царя называли „бѣлымъ“, царемъ, и на этого „бѣлаго“ царя большія надежды возлагались бѣдными галичанами. Царь вмѣстѣ съ кесаремъ какъ то должны были защитить ихъ отъ помѣщичьяго грабежа. Но любопытно было то, что нашъ царь стоялъ все таки на первомъ мѣстѣ. Фигура кесаря явно блѣднѣла въ представленіи крестьянъ по сравненію съ нашимъ самодержцемъ. Раньше какъ то мнѣ приходилось жить среди чеховъ (вблизи города Калина), потомъ среди болгаръ; я много видѣлъ сербовъ... И всюду, всюду я слышалъ о русскомъ царѣ, который являлся такимъ образомъ настоящимъ политическимъ идеаломъ славянскихъ народовъ. Правда, этотъ воображаемый царь не вполне подходилъ на дѣйствительнаго, но тѣмъ не менѣе, вездѣ у

всѣхъ онъ сохранялъ свой существенный атрибутъ — самодержавіе. Справедливый, но строгій; сильный, но милостивый. Другъ простого народа и врагъ помѣщиковъ. Если гдѣ помѣщиковъ не было, какъ, напримѣръ, у болгаръ, тамъ онъ являлся врагомъ турокъ, притѣснителей болгаръ. У чеховъ онъ былъ заклятымъ врагомъ нѣмцевъ. Отъ чеховъ я не слыхалъ восторженныхъ отзывовъ о кесарѣ, подобно тому какъ отъ галичанъ.

Добравшись до Львова, я отправился въ Броды, гдѣ при помощи контрабандиста досталъ австрійскій паспортъ на имя одного поляка и благополучно переѣхалъ русскую границу. Помню, въѣзжая въ Россію, я имѣлъ въ ту минуту всего на всего какихъ нибудь два адреса. Связи почти всѣ были утеряны; товарищи арестованы и сидѣли по тюрьмамъ, кто въ Кіевѣ, кто въ Петербургѣ или Одессѣ. Уцѣлѣвшихъ отъ погрома оставалось весьма немного и, въ числѣ ихъ былъ Яковъ Стефановичъ, съ которымъ мы ходили въ народъ и котораго я теперь долженъ былъ разыскать; но гдѣ онъ находился и при посредствѣ кого его можно было разыскать — я не зналъ. Раньше всего, однако, я рѣшилъ видѣться съ Ходько и съ этой цѣлью направился въ одно мѣстечко Подольской губерніи, гдѣ онъ тогда скрывался.

Встрѣча съ нимъ произвела на меня удручающее впечатлѣніе. За это время, какъ мы разстались съ нимъ въ Яссахъ, онъ сильно перемѣнился: исхудалъ, задышался, кашлялъ. Онъ мнѣ разсказалъ, какъ ему пришлось съ контрабандистомъ вылавъ перебираться черезъ рѣку Прутъ, по которой плыли льдины, такъ что онъ порѣзалъ даже себѣ руки (на сколько помнится, былъ въ концѣ октября), какъ послѣ этого онъ сразу заболѣлъ. Болѣзнь была опасная, и въ будущемъ на него, очевидно, уже нельзя было рассчитывать; его жизнь была кончена.

Кому, однако, эта жизнь мѣшала, и какія преступленія совершилъ этотъ человѣкъ, что за нимъ гонялись съ такимъ остервенѣніемъ? Ивана Михайловича Ходько

я зналъ, когда онъ былъ еще мальчикомъ. Я былъ въ седьмомъ классѣ каменецъ-подольской гимназiи, когда онъ былъ только въ третьемъ. Уже тогда онъ обращалъ на себя вниманiе своимъ остроумiемъ и смѣлыми выходками. Какъ и слѣдовало ожидать, въ Каменцѣ, при тогдашнихъ „обрусительныхъ“ порядкахъ, когда дисциплина въ гимназiи доведена была до того уровня, на какомъ она стоитъ въ арестантскихъ ротахъ, Ходько, съ его живымъ правомъ, не могъ удержаться долго. Выгнали ли его, или онъ самъ уволился — не знаю, такъ какъ это случилось уже не при мнѣ, а года три спустя; какъ бы тамъ ни было, но векорѣ послѣ того онъ выдержалъ вступительный экзаменъ при иѣжинскомъ лицѣе и перевелся въ кiевскiй университетъ по юридическому факультету. Въ 1872 году онъ былъ уже на третьемъ курсѣ, когда присоединился къ нашему американскому кружку. Векорѣ, подобно многимъ изъ насъ, онъ выѣхалъ за границу. Я вспоминалъ о немъ при описанiи своей заграничной поѣздки. Воротившись изъ Швейцарiи въ Россiю въ 73-мъ году, Ходько выхлопоталъ себѣ мѣсто сельскаго учителя въ борзенскомъ земствѣ, Черниговской губ. и тамъ на мѣстѣ оставался до той поры, пока не былъ вынужденъ бѣжать. За какiя дѣла жандармы рѣшили арестовать Ходько — трудно даже сказать. Мы, по крайней мѣрѣ, хоть по деревнямъ бродили съ фальшивыми паспортами; но за Ходько и этого преступленiя не было. Онъ стоялъ на легальной почвѣ. Какъ близкiй его товарищъ, я зналъ всѣ его дѣла. Онъ былъ слишкомъ уменъ для того, чтобы вести пропаганду социализма среди крестьянскихъ дѣтей; не пропагандировалъ онъ и среди взрослыхъ крестьянъ, такъ какъ не успѣлъ еще осмотрѣться въ новой обстановкѣ. Преступленiе его состояло, повидному, лишь въ томъ, что онъ, бывший студентъ, поступилъ въ сельскiе учителя (въ глазахъ жандармовъ это являлось большой уликой), особенно же въ учителя Борзенскаго уѣзда, гдѣ на учительскiя мѣста размѣщался въ это время кружокъ пропагандистовъ — Жабуневыхъ, Каца и др., о „преступ-

ной“ дѣятельности которыхъ жандармы знали вълѣдствіе доноса учителя Трудницкаго. Было подозрѣніе, что Ходько находился въ дѣловыхъ сношеніяхъ съ кружкомъ Жабуневыхъ, хотя это совершенно было невѣрно. „Зачѣмъ же Ходько бѣжалъ, не будучи ни въ чемъ серьезно замѣшанъ?“ спросить, быть можетъ, меня. А бѣжалъ онъ потому, что въ нашу тюрьму входъ былъ очень широкъ, а выходъ узокъ. Зналъ это онъ, знали это и мы все. По одному „подозрѣнію,, рѣшили его арестовать и „по подозрѣнію“ могли продержать его нѣсколько лѣтъ въ тюрьмѣ, какъ держали очень многихъ. Тюремное заключеніе для Ходько — слабого грудью — конечно, оказалось бы болѣе вреднымъ даже октябрскаго купанія въ рѣкѣ Прутъ, и, понавнивъ въ тюрьму, онъ, вѣроятно, умеръ бы нѣсколькими годами раньше.

Интересно то, что по истеченіи двухъ лѣтъ, когда въ Петербургѣ домъ предварительнаго заключенія былъ уже наполненъ привлеченными къ дознанію, когда алчность жандармовъ была нѣсколько удовлетворена и новые аресты совершались осмотрительнѣе, — интересно то, что Ходько въ это время, измученный нелегальной жизнью и матерьяльной нуждой до послѣдней степени, пересталъ прятаться и сталъ жить открыто въ Кіевѣ подъ своей фамиліей; тогда жандармы произвели у него обыскъ, сняли нѣсколько показаній и оставили подъ надзоромъ. Въ этомъ положеніи Ходько дожилъ до временъ генераль-губернаторствъ, т. е. когда послѣ покушенія Соловьева на жизнь царя, генераль-губернаторамъ дана была власть распоряжаться жизнью русско-подданныхъ. Въ 1879 году при кіевскомъ генераль-губернаторѣ Чертковѣ Ходько былъ арестованъ и сосланъ административнымъ порядкомъ, кажется, въ Архангельскую губ., гдѣ онъ и умеръ въ началѣ 80-ыхъ годовъ. Такова въ нѣсколькихъ строкахъ біографія. Это былъ умный и добрый, почти нѣжнаго сердца человекъ, тщательно, однако, скрывавшій отъ всѣхъ свою доброту и желавшій всегда казаться суровымъ, подобно Люцуеу въ романѣ Виктора Гюго, за что мы и прозвали его Любусомъ. Вся преступность

этого человека состояла въ томъ, что онъ былъ проникнуть глубокимъ желаніемъ быть сколько нибудь полезнымъ для народа, и за это преслѣдовало его правительство до самой смерти.

Послѣ свиданія съ больнымъ Ходько, проживавшимъ въ одномъ мѣстечкѣ Каменецъ-Подольской губ., я уѣхалъ въ Кіевъ. По пріѣздѣ туда начались мои нескончаемыя скитанія по чужимъ квартирамъ, которыхъ, даже если бъ я и желалъ, не въ состояніи теперь припомнить и половины. Я ночевалъ то у знакомыхъ и пріятелей, то у мало знакомыхъ, то, наконецъ, у совершенно незнакомыхъ мнѣ людей, куда приходилъ, по указанію конечно, по вечерамъ, чтобы никто не видѣлъ, и откуда уходилъ на другой день утромъ. Полиція меня розыскивала и никто не рѣшался держать меня долгое время въ своей квартирѣ. Кто самъ не испыталъ подобныхъ скитаній, тому никогда не понять того тягостнаго чувства, которое при этомъ овладѣваетъ, въ концѣ-концовъ, человекомъ. День за днемъ мѣняются дома, комнаты, лица, съ ихъ дневными интересами. Сегодня слышишь объ одномъ, завтра о другомъ, а тамъ о третьемъ. И нѣтъ никакой логической связи, ничего общаго между первымъ, вторымъ и третьимъ. Возможности нѣтъ войти въ интересы окружающей жизни, даже еслибы и хотѣлъ, тогда какъ въ сущности наблюдаешь лишь жалкіе обрывки этой жизни. Сколько нибудь систематическое чтеніе тоже невозможно; шляясь по чужимъ квартирамъ, приходится читать сегодня одно, а завтра другое, смотря по тому, какая книга попадетъ въ руки. И опять таки очень часто нѣтъ ничего общаго между вчерашнимъ и сегодняшнимъ чтеніемъ. Опять въ результатъ ничтожные обрывки. И такъ отъ утра до вечера и отъ вечера до утра... Проходятъ дни, недѣли, а иногда мѣсяцы. Точно вѣчный жидъ, блуждаешь изъ дома въ домъ. Надо обладать по истинѣ желѣзными нервами, что бы все это переварить. Я помню, покойный Лермонтовъ (умершій въ тюрьмѣ) жаловался мнѣ какъ то, что у него появилась даже желтуха одно время отъ нелегальной жизни.

Фальшивый паспортъ выводитъ изъ этого несноснаго положенія просто и легко: по фальшивому паспорту нанимаешь квартиру и живешь въ ней полнымъ хозяиномъ, какъ и прочіе обыватели. Къ несчастію, въ это время у меня не было фальшиваго паспорта; сдѣлать-же самъ я не могъ, такъ какъ тогда еще не умѣлъ рѣзать печатей; зналъ я только вытравливать чернила при помощи хлорной извести (у насъ это называлось „мыть паспортъ“). Но для этого надо было имѣть какой нибудь старый паспортъ, а у меня не было никакого. Мои собственные документы, передъ побѣгомъ за границу, я передалъ Ходько, который отдалъ ихъ тогда-же на сохраненіе одному своему пріятелю, жившему въ Кіевѣ. Теперь, рѣшивши ими воспользоваться, т. е. вымыть ихъ и передѣлать на другую фамилію, я отправился къ этому лицу. Явившись къ нему, я не назвалъ себя сразу по фамиліи, благодаря чему, можетъ быть, у меня съ нимъ произошелъ слѣдующій курьезный разговоръ.

— „Вашъ адресъ далъ мнѣ Ходько“, сказалъ я ему, что бы внушить къ себѣ довѣріе.

— „Ходько вѣдь за границей“, замѣтилъ онъ.

— „Да, былъ за границей, но теперь онъ находится тамъ то“ — я назвалъ мѣстечко, гдѣ жилъ Ходько. Будьте добры, передайте мнѣ документы, оставленные у васъ“.

— „Какіе документы?“

— „Тѣ, которые Ходько вамъ передалъ на сохраненіе передъ своимъ отъѣздомъ за границу.“

Собесѣдникъ мой помолчалъ нѣсколько мгновеній, видимо колеблясь, и потомъ замѣтилъ: „Если Ходько у меня что оставилъ, то пусть самъ и возьметъ“.

— „Но Ходько это сдѣлалъ по моей же просьбѣ; это мои собственные документы.“

— „Ваши собственные?!..“ воскликнулъ онъ съ удивленіемъ и окинулъ меня взглядомъ.

— „Ну-да!“ И тутъ только я назвалъ себя.

Тогда онъ опять взглянулъ на меня, въ этотъ разъ уже совершенно нахально и внезапно захохоталъ. „Потѣш-

ный вы человекъ!.. Ха-ха! Вы, говорите, Мокріевичъ?! А я слыхаль, что Мокріевичъ давнымъ-давно тоже за границей.

— „Дѣйствительно, вмѣстѣ съ Ходько я ѣздилъ за границу, но мы оба вернулись...“

— „Знаете ли что, оставимъ лучше этотъ разговоръ“, вдругъ прервалъ онъ меня серьезно. „Никакихъ документовъ у меня нѣтъ. Оставимъ этотъ странный разговоръ“.

Такъ своихъ собственныхъ документовъ я и не получилъ и принужденъ былъ уйти ни съ чѣмъ.

Сноситься письменно съ Ходько по этому вопросу мнѣ представлялось крайне рискованнымъ, такъ какъ распечатываніе писемъ практиковалось жандармами въ это время въ огромныхъ размѣрахъ и, слѣдовательно, можно было попасться; и, такимъ образомъ, оказалось пока невозможнымъ устроиться съ фальшивымъ паспортомъ. И вотъ опять потянулись дни скитанія по чужимъ квартирамъ. Если бы было лѣто, можно было бы пользоваться ботаническимъ садомъ или Байковой рощей, находящейся за городомъ; но это было зимой, когда теплый уголъ является самой насущной потребностью.

Какъ окончились бы мои скитанія въ этотъ разъ — не трудно догадаться, если бы на помощь мнѣ не явился Тетельманъ.

Тетельмана я не зналъ раньше. Онъ пріѣхалъ изъ Петербурга въ Кіевъ специально съ той цѣлью, чтобы организовать помощь заключеннымъ, содержавшимся въ кіевскомъ тюремномъ замкѣ. Нечего и говорить, что дѣло это было весьма полезное и даже необходимое, такъ какъ въ кіевской тюрьмѣ положеніе заключенныхъ было весьма плохое. Тетельманъ закупалъ съѣстные припасы и одежду и передавалъ въ тюрьму. Деньги для этого онъ собиралъ среди знакомыхъ. Разъ прибѣгъ онъ къ устройству вечеринки въ пользу заключенныхъ, но этотъ способъ доставанія денегъ, часто практиковавшійся на сѣверѣ, на югѣ у насъ оказался мало удачнымъ. Очень вѣроятно, впрочемъ, что и въ Кіевѣ вечеринка

принесла бы известную выгоду, если бы не явился тогда противники, ополчившіеся противъ вечеринки. Распустили между прочимъ слухъ, будто вечеринка эта устраивается чуть ли не самими жандармами съ тою цѣлью, чтобы намѣтить всѣхъ сочувствующихъ и потомъ переставать. Понятно, что при существованіи подобныхъ слуховъ на вечеринку никто не пришелъ. Обвиняли также Тетельмана за то, что онъ будто громко разсказывалъ всѣмъ о цѣли вечеринки. Правда, поведение Тетельмана вообще не отличалось большой конспиративностью: дѣла онъ велъ такъ, что полиція могла легко узнать все. Но дѣло было, какъ мнѣ кажется, совсѣмъ не въ этомъ. Если бы Тетельманъ предпринялъ свою вечеринку, обставивши ее всевозможными конспираціями, тогда, конечно, тѣ же самые противники обвинили бы его въ томъ, что онъ устраняетъ вечеринку для какихъ то неизвѣстныхъ имъ цѣлей. (А кто же согласится давать деньги неизвѣстно на что?) Словомъ, противники принадлежали къ числу тѣхъ, которые никогда ничего не дѣлали и ничѣмъ не жертвовали, а знали только разговаривать. Какъ бы тамъ ни было — хорошо или дурно была организована помощь кіевскимъ заключеннымъ — но организована она была все таки Тетельманомъ и ни кѣмъ другимъ.

Мнѣ и Стефановичу, вскорѣ прибывшему въ Кіевъ, Тетельманъ тоже оказалъ неоцѣнимую помощь. Я называю его помощь неоцѣнимой, такъ какъ она явилась въ самую критическую минуту. Выше я сообщилъ о своихъ скитаніяхъ по Кіеву безъ паспорта и безъ денегъ; въ подобномъ же положеніи находился и Стефановичъ. Тетельманъ насъ пріютилъ, далъ намъ возможность устроиться.

Въ то время въ Кіевѣ, кромѣ меня и Стефановича, не было никого изъ старыхъ товарищей. Е. Брешковская сидѣла въ кіевской тюрьмѣ, если мнѣ память не измѣняетъ, подъ именемъ Феклы Косоѣ, и упорно отказывалась назвать себя. Судзиловскій бѣжалъ за границу. Сергѣя Ковалика возили жандармы изъ города въ

городъ, изъ одной тюрьмы въ другую, всюду уличая его въ утстройство кружковъ. Отъ кружка кіевскихъ „чайковцевъ“ не осталось и слѣда: Лурье сидѣлъ въ тюрьмѣ, другіе попрятались по разнымъ угламъ и собирались эмигрировать за границу. И въ самомъ дѣлѣ, Аксельродъ и два брата Левенталя скоро бѣжали за границу. Ларионовъ же съ Горниновичемъ, арестованные тоже и посаженные въ кіевскую тюрьму, выдавали въ это время всѣхъ, кого знали. Въ общемъ положеніе дѣлъ было крайне плохо; но мы въ ту минуту и не думали унывать. Революціонное народничество, видимо, еще не окончило своей исторической миссии, и энергія насъ не покидала въ эту критическую минуту. Болѣе того, можно даже сказать, что мы чувствовали себя энергичнѣе прежняго. Помню, въ это время я познакомился въ Кіевѣ съ Гессей Гельфманъ. Она работала въ одной швейной мастерской, устроенной на ассоціаціонныхъ началахъ. Гельфманъ показала мнѣ весьма молчаливой, скромной дѣвушкой. Спустя около года времени, она была арестована за сношенія съ кружкомъ такъ называемыхъ „москвичекъ“ (Бардина, Фигнеръ, Субботины). Послѣдующая ея исторія извѣстна: она судилась въ 1881 году по процессу „цареубійць“ и, приговоренная сначала къ смерти, а потомъ на вѣчную каторгу, умерла въ тюрьмѣ.

Мы со Стефановичемъ рѣшили уѣхать изъ Кіева въ Одессу, гдѣ насъ менѣе знали и, слѣдовательно, легче намъ было скрыться. Мы разстались съ Тетельманомъ и, съ тѣхъ поръ, я больше съ нимъ не встрѣчался. Скоро онъ былъ арестованъ. Слабый организмъ его быстро расшатался въ одиночномъ заключеніи: онъ заболѣлъ. Когда положеніе его стало безнадежнымъ, его выпустили на свободу, и онъ вскорѣ послѣ того умеръ. Бѣдный Тетельманъ!.. Я его точно сейчасъ вижу передъ собой. Вотъ онъ маленькій, худенькій стоитъ, прислонившись къ теплой печкѣ съ заложеными за спину руками и говоритъ о чемъ то. Это была его обыкновенная поза. Онъ любилъ много говорить: сколько, бывало, ни слушаешь — никогда не переслушаешь его.

IX

НАШЪ КРУЖЕКЪ И НАША ПРОГРАММА. ЧИГИРИНСКІЯ ВОЛНЕНІЯ. ЗНАКОМСТВО СЪ ЧИГИРИНЦАМИ.

Переѣхавши въ Одессу, мы съ Стефановичемъ занялись организаціей кружка. Но умудренные опытомъ, теперь мы были крайне осторожны въ привлеченіи лицъ. Лучшимъ элементомъ для кружка мы считали нелегальныхъ, т. е. скомпроментированныхъ и скрывавшихся, такъ какъ отъ подобныхъ лицъ съ большимъ основаніемъ можно было ожидать конспиративной выдержки и полной готовности къ дѣлу. Основаніе нашему кружку и было положено четырьмя нелегальными; кромѣ Стефановича и меня — остальныхъ двухъ я назову изъ предосторожности буквами Б. и К., такъ какъ мнѣ неизвѣстно, было ли открытожандармами внослѣдствіи ихъ участіе въ нашемъ кружкѣ или нѣтъ. Кромѣ этихъ четырехъ присоединились къ кружку еще человѣка четыре, между которыми былъ Викторъ Малинка. Остальныхъ лицъ я тоже не стану называть, такъ какъ, спустя нѣкоторое время, они отстали отъ кружка: одни изъ нихъ совершенно перестали участвовать въ движеніи, другія хотя участвовали, но настолько слабо, что сумѣли до конца сохранить свою легальность. Такимъ образомъ, къ началу 75 года кружекъ нашъ состоялъ уже человѣкъ изъ восьми.

Первое и самое главное требованіе, которое мы ставили другъ другу въ своемъ кружкѣ, было — полная конспиративность семействъ. Всякій изъ насъ приевоинвалъ

себѣ какое нибудь прозвище или кличку, подь которой онъ и былъ извѣстенъ другимъ. Такъ, на примѣръ, за Яковымъ Стефановичемъ усвоена была кличка „Дмытра“, и подь этой кличкой его знали все новопоступающіе въ нашъ кружокъ. Но такъ какъ мы были далеки отъ централистическихъ тенденцій и не хотѣли ставить новичковъ въ зависимое положеніе отъ насъ, основателей кружка, то поэтому установлено было правило, такъ сказать, обоюдной конспираціи, т. е. и новичка вводить въ кружокъ не иначе, какъ подь какой либо вымышленной кличкой. Тотъ изъ насъ, старыхъ членовъ, который первый познакомился съ нимъ, само собою разумѣется, долженъ былъ знать его фамилію, но онъ не говорилъ ея остальнымъ членамъ кружка. Впослѣдствіи это взаимное скрываніе фамилій болѣе или менѣе исчезло среди насъ, но на первыхъ порахъ мы ни къ чему не относились такъ строго, какъ къ выбалтыванію фамилій. Письменнаго устава у насъ не было. Все вопросы, на сколько помню, рѣшались простымъ большинствомъ, точно такъ же, какъ и пріемъ новыхъ членовъ. Нужно признать, что въ организационномъ отношеніи мы сдѣлали большой прогрессъ по сравненію съ прошлымъ годомъ.

Прошлогоднее хожденіе въ народъ повліяло также и на нашу программу. Если и тогда уже мы находили бесполезнымъ разбрасывать наши силы по всей Россіи и остановились, при выборѣ мѣста, на Волгѣ, Донѣ и Днѣпрѣ, то теперь и этотъ районъ казался намъ ужъ чрезчуръ обширнымъ. Мы рѣшили сосредоточить все наши силы въ одной небольшой мѣстности. Такимъ мѣстомъ мы опредѣлили юго-восточную часть Кіевской губ. или даже еще точнѣе — мѣстечко Корсунъ съ окрестностями, такъ какъ рассказы крестьянъ о корсунскомъ возстаніи, происходившемъ лѣтъ двадцать тому назадъ, давало основаніе предполагать, согласно нашимъ теоріямъ, что тамъ сохранилось больше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ революціонныхъ традицій. Въ 74 году неясно представлялось намъ, во имя чего мы будемъ организовывать крестьянъ. Правда, мы предполагали вызывать

какъ-то въ народѣ мелкіе бунты и стачки. Но какимъ образомъ ихъ вызывать — мы не знали. Этотъ вопросъ оставался для насъ нерѣшеннымъ. Теперь, въ 1875 г., мы остановились на мысли провести организацію въ народѣ во имя передѣла земли. Передѣлъ земли, по нашему мнѣнію, долженъ былъ явиться тѣмъ знаменемъ, подъ которое могли собраться бунтовскія силы народа. Во имя передѣла земли мы надѣялись вызвать мѣстное возстаніе, которое — на нашъ взглядъ — имѣло шансы распространиться и охватить весь народъ, такъ какъ стремленіе это было обще-народное. Раньше всего, однако, мы рѣшили создать тѣсное ядро, или кружокъ изъ интеллигенціи, затѣмъ расселиться по деревнямъ въ избранной мѣстности и тамъ на мѣстѣ заняться осуществленіемъ плана.

Весной 1875 года я поѣхалъ на сѣверъ. Съ одной стороны, у меня была надежда разыскать въ Москвѣ или Петербургѣ Мышкина, котораго я потерялъ изъ виду и о судьбѣ котораго тогда еще ровно ничего не зналъ, съ другой — предполагалъ, что мнѣ удастся тамъ привлечь къ нашему дѣлу кого нибудь изъ уцѣлѣвшихъ революціонеровъ отъ прошлогодняго погрома.

Въ Москвѣ около этого времени начались аресты, послужившіе поводомъ для процесса „пятидесяти“, т. е. кружка Бардиной, Фигнеръ, Субботинныхъ и друг., и общее настроеніе — съ кѣмъ мнѣ пришлось тогда встрѣчаться тамъ — было сильно подавленное. О Мышкинѣ я не узналъ ничего ни въ Москвѣ, ни въ Петербургѣ, гдѣ прожилъ около мѣсяца у одного моего стараго пріятеля. Тутъ, между прочимъ, я познакомился съ Г—ымъ, человекомъ легальнымъ, но принимавшимъ участіе въ 74 году въ саратовскомъ кружкѣ и мы съ нимъ часто бесѣдовали, дѣлясь впечатлѣніями, вынесенными изъ прошлогодняго хожденія въ народъ. Наблюденія, сдѣланныя имъ, весьма подходили къ нашимъ. Какъ, у насъ, среди украинцевъ, на Волгѣ крестьяне тоже ожидали милостей отъ царя; царизмъ былъ такъ же силенъ тамъ, какъ и на югѣ Россіи... Г—евъ высказывалъ мнѣ, что въ наро-

дѣ возможно вызвать возстаніе только отъ имени царя, и я, съ своей стороны, размышляя о всемъ видѣнномъ и слышанномъ мной среди крестьянъ, не могъ не согласиться съ его мнѣніемъ.

Возвратившись въ Одессу, я подѣлился этой мыслью со Стефановичемъ, и тогда-то мы рѣшили примѣнить къ дѣлу подложные царскіе манифесты.

Дѣйствовать среди крестьянъ именемъ царя само собою напрашивалось. И тутъ прежде всего мы черпали свои доказательства изъ исторіи. Всѣ крупныя народныя движенія въ Россіи совершались подъ знаменемъ самозванцевъ, при чемъ первому самозванцу, въ смутное время, удалось даже овладѣть московскимъ престоломъ. Бунты Пугачева и Стеньки Разина (Разинъ, для приданія себѣ большаго значенія въ глазахъ народа, распустилъ слухъ, будто съ собою возитъ царевича), хотя и не привели къ побѣдамъ и были задушены правительствомъ, но все таки имъ удалось расколыхать всю восточную Россію. На Украинѣ мы не имѣли прямыхъ самозванцевъ, подобно Пугачеву, но и здѣсь имя царя эксплуатировалось для успѣха возстанія. Такъ во время Гайдамачины, имѣвшей у насъ мѣсто одновременно съ Пугачевщиной на Волгѣ, народъ вѣрилъ, будто ножи для рѣзанія пановъ-поляковъ были присланы самой императрицей Екатериной Второй. А что идея самозванства еще не отжила своего времени у насъ, въ этомъ мы убѣждались примѣрами изъ современной исторіи: корсунскій бунтъ, одинъ изъ самыхъ значительныхъ въ юго-западной Россіи за послѣднее время, совершился отъ имени царя, подобно тому, какъ почти всѣ бунты въ періодъ освобожденія крестьянъ, когда всюду крестьяне бунтовали противъ пановъ, убѣжденные въ томъ, что царь стоитъ за нихъ. Наконецъ наши собственныя наблюденія окончательно укрѣпили насъ въ этомъ; повсюду мы слышали отъ крестьянъ, что царь передѣлитъ землю. Мы вѣрили, что единственный путь къ осуществленію социалистическаго строя былъ путь революціонный, кровавый. Для осуществленія же социальной революціи единственнымъ путемъ признавали

путь бунтовской. Въ нашемъ представленіи бунтъ являлся, такимъ образомъ, альфой и омегой всего; а бунтъ въ народѣ возможно было организовывать лишь отъ царскаго имени. Правда, насъ шокировало подобное средство, но тутъ опять выручала насъ изъ затрудненія исторія. Въ то время мы часто прибѣгали къ сравненію современной Россіи съ до-революціонной Франціей. Исторія французской революціи была нашей настольной книгой. И вотъ, читая Тэна, (*L'origine de la France contemporaine.*) мы находили тамъ не мало фактовъ, подтверждающихъ нашу теорію. У него мы узнавали, что французскіе крестьяне начали бунтоваться еще за нѣсколько десятковъ лѣтъ до революціи. У него мы могли прослѣдить, какъ эти бунты вспыхивали, росли, становились чаще и шире по району, и какъ, наконецъ, въ моментъ революціи, вся Франція находилась въ возстаніи. Тэнь приводилъ примѣры того, какъ крестьяне изливали свою злобу на чиновниковъ (акцизныхъ, напр.) землевладельцевъ и совершали всевозможныя безчинства съ крикомъ: *Vive le Roi!* Но прошло нѣсколько времени и этому королю отрѣзали на площади голову. Весь этотъ ростъ революціи, вся эта картина до того была заманчива для насъ, и такъ, съ другой стороны, въ нѣкоторыхъ своихъ деталяхъ напоминала намъ нашу собственную исторію, что не податься желанію проводить параллель до конца намъ было очень трудно. И мы проводили эту параллель до конца. Какъ французскій народъ въ прошломъ столѣтіи, разсуждали мы, совершая мѣстные бунты во имя короля, совершилъ въ концѣ-концовъ революцію, такъ и мы теперь будемъ бунтовать нашъ народъ отъ имени царя; рядъ подобныхъ бунтовъ приведетъ къ революціи, которая столкнетъ, наконецъ, народъ лицомъ къ лицу съ царемъ, а тогда падетъ, между прочимъ, и царскій авторитетъ. Нашъ бунтъ представлялся намъ чѣмъ то въ родѣ того, какъ нѣкогда для Лассаля — всеобщее избирательное право, т. е. корпіемъ самоопредѣляющимъ рану.

Рядомъ подобныхъ-то умозаключеній и примѣровъ мы успокаивали поднимавшіяся по временамъ со дна души

возмущенія противъ задуманныхъ нами ложныхъ царскихъ манифестовъ.

Какъ бы тамъ ни было, но, по крайней мѣрѣ въ терѣн, мы мирились съ этимъ обманомъ, который признавался нами за неизбежное зло, такъ какъ, чѣмъ больше мы размышляли, тѣмъ больше укрѣплялись въ той мысли, что въ народѣ возможно было вызвать только авторитарное движеніе. Само по себѣ это было косвенное признаніе съ нашей стороны того, что въ народѣ не было почвы для непосредственной революціонной дѣятельности. Любопытно слѣдующее обстоятельство: наше бунтарство, или, другими словами, бакунизмъ довелъ насъ до признанія подложныхъ царскихъ манифестовъ; между тѣмъ, когда мы сообщили о нашемъ планѣ самому Бакунину, желая узнать его мнѣніе, — это было уже незадолго до его смерти (1876 г.), — то онъ отнесся къ этому плану крайне неодобрительно. „Ложь всегда шита бѣлыми нитками“, говорилъ онъ лицу, служившему между нами посредникомъ. Но мы въ ту минуту двигались уже, такъ сказать, по инерціи, — по извѣстному строго начертанному пути, измѣнить который для насъ рѣшительно было невозможно. Надо было пережить все до конца.

Лѣтомъ 75 года мы начали селиться въ избранной нами мѣстности. Мѣстность эта была, какъ я уже говорилъ выше, юго-восточная часть Кіевской губерніи. Первое поселеніе, или революціонный притонъ устроенъ былъ Стефановичемъ и Б. въ мѣстечкѣ Кореуни, такъ какъ Корсунъ съ окрестностями еще въ 74 году намѣчена была нами какъ пунктъ, гдѣ надо было устроить поселеніе. Стефановичъ поселился подъ видомъ торговца жестяныхъ издѣлій: кружекъ, леекъ и т. п. Закупка кружекъ производилась въ Одессѣ. Продажа велась по мѣстечкамъ въ базарные дни. На югѣ Кіевской губерніи мѣстечекъ очень много и базарные дни чередовались у нихъ такъ, что можно было все время находиться въ разъѣздахъ; въ одномъ мѣстечкѣ базары становились по

вторникамъ, въ другомъ — по четвергамъ, въ третьемъ — по субботамъ и т. д.

Однако мы были на столько бѣдны въ 75 г., что не были въ силахъ устроить даже второго поселенія и едва-едва поддерживали карсунскій притѣнъ, гдѣ, надо прибавить, наши торговцы вели свои операціи въ прямой убытокъ. Лошадь, которую приходилось держать для развѣздовъ по ярмаркамъ, буквально насъ объѣдала, и хотя жестяныя кружки шли довольно бойко, но это далеко не покрывало всѣхъ расходовъ. Объ устройствѣ второго поселенія пока нечего было и думать, и весь 75-ый г. прошелъ для насъ, главнымъ образомъ въ подыскиваніи матерьяльныхъ средствъ и привлеченіи новыхъ членовъ. И дѣйствительно, въ нашъ кружокъ въ скоромъ времени вступили Марія Ковалевская и Вѣра Засуличъ, а спустя немного — Рахальскій и Чубаревъ. Со вступленіемъ послѣдняго касса наша сдѣлалась богаче, такъ какъ онъ обладалъ нѣкоторыми средствами.

Между тѣмъ какъ мы, революціонеры изъ интеллигенціи, собирались съ силами и готовились прилагать на практикѣ наши бунтовскія теоріи, — въ это время среди крестьянъ Чигиринскаго уѣзда, Кіевскоѣ губ., безъ всякаго съ нашей стороны участія, происходили волненія. Движеніе въ Чигиринскомъ уѣздѣ началось еще въ началѣ семидесятыхъ годовъ и въ немъ принимало участіе семь или восемь волостей, населенныхъ государственнымъ крестьянами. Одна часть крестьянъ требовала душеваго передѣла земли; другіе же, заинтересованные въ томъ, чтобы удержать за собою тѣ участки, которыми владѣли, противились этому передѣлу; такъ какъ мѣстныя власти (мировой посредникъ и волостные) приняли сторону послѣднихъ, то это и повело къ волненіямъ. Но возобновились только первыя, получившіе названіе „душевиговъ“; другіе же называвшіеся „актовиками“ (такъ какъ они подписались подъ актами, закрѣплявшими извѣстныя участки за ними), не только не принимали участія въ движеніи, но даже вели борьбу съ первыми. Такимъ образомъ, Чигиринскія волненія

сводились, строго говоря, къ междуусобицѣ „душеви-ковъ“ съ „актовиками“.

По отношенію къ властямъ „душевики“ держались совершенно пассивно и, хотя упорствовали въ отказѣ подписаться подъ актами, но далѣе этого протестъ ихъ не шель. Коноводомъ этого движенія былъ крестьянинъ по имени Хома Прядко, пользовавшійся большою популярностью у крестьянъ, среди которыхъ ходилъ слухъ, будто онъ былъ въ Петербургѣ у царя и будто бы царь обѣщалъ помощь „душевикамъ“. Хома Прядко, дѣйствительно, ѣздилъ въ Петербургъ въ качествѣ ходока отъ одной изъ волновавшихся волостей (ходоковъ было послано тогда чигиринцами человекъ семь); но само собою разумѣется, ни у какого царя не былъ и даже вопросъ еще, былъ ли онъ въ Петербургѣ, такъ какъ полиція заблаговременно приняла мѣры и, кажется, еще по дорогѣ арестовала ходоковъ, исключая, впрочемъ, Прядко, которому удалось скрыться. Какъ бы тамъ ни было, но воротившись въ Чигиринщину, Прядко принялся ходить изъ деревни въ деревню и убѣждать крестьянъ не подписывать актовъ, такъ какъ, по его словамъ, скоро царь прикажетъ передѣлать землю.

Первый разъ мы услышали о чигиринскихъ волненіяхъ въ 75 году, хотя они начались года четыре раньше. Волненіямъ этимъ мы, конечно, придали огромное значеніе. На нашъ взглядъ это было уже готовое дѣло, къ которому оставалось только присоединиться. Но осуществить это было очень трудно и мы долго не знали даже, какъ завязать знакомства среди чигиринскихъ крестьянъ, пока намъ не помогъ слѣдующій случай. Около этого времени въ Чигиринщинѣ произведены были многочисленные аресты и арестованныхъ разослали по сосѣднимъ уѣзднымъ городамъ, а болѣе видныхъ зачинщиковъ препроводили въ Кіевъ и заключили при кіевскихъ полицейскихъ участкахъ. Самъ Хома Прядко, котораго розыскивали, удачно избѣгалъ нѣкоторое время ареста, но, наконецъ, былъ пойманъ и, закованный въ кандалы, привезенъ и посаженъ въ кіевскій тюремный

замокъ. Ввидахъ, должно быть, экономіи полиція не затворяла остальныхъ чигиринцевъ, содержавшихся при участкѣ, а пускала ихъ свободно ходить по городу. Они бродили по улицамъ, розыскивая работу для дневнаго пропитанія и возвращаясь лишь къ ночи въ участки, гдѣ затворяли ихъ до слѣдующаго утра. Зимой 75 года я былъ въ Кіевѣ. Стефановичъ тоже пріѣхалъ сюда изъ Кореуни, и здѣсь-то намъ и удалось познакомиться съ чигиринцами. Мы оба были подъ видомъ крестьянъ и представлялись имъ ходоками, якобы отправалявшися къ царю, что бы хлопотать по дѣламъ нашихъ деревень. Помню, сошлись мы съ чигиринцами на Подоль (часть Кіева, лежащая возлѣ самаго Днѣпра) и тутъ у насъ завязалась бесѣда о томъ, какъ удобнѣе добратъся до царя. Старикъ чигиринецъ, слѣпой на одинъ глазъ, долго толковалъ намъ о трудностяхъ, встрѣчающихся по пути ходуку. Онъ говорилъ о томъ, какъ чиновники стараются не допускать ходоковъ къ царю, какъ, наконецъ, сама полиція хватаетъ ихъ, сажаетъ по тюрьмамъ, или же отправаляетъ съ этапомъ на родину.

— „До царя можно добратъся такъ“, въ заключеніе проговорилъ онъ, „нужно взять съ собою много всякой одежды и по дорогѣ часто ее мѣнять; тогда полиція не узнаетъ. Но для этого надо имѣть много грошей“.

Съ Подола мы пошли съ чигиринцами къ „Старому Городу“. (такъ называется часть Кіева, гдѣ стоитъ Софійскій монастырь) и по дорогѣ все время бесѣдовали. Они захотѣли узнать подробности нашихъ дѣлъ, ради которыхъ мы отправалялись ходоками къ царю. Мы — всякій съ своей стороны — разсказали имъ по выдуманной исторіи, о помѣщичьихъ притѣсеніяхъ, о мало-земельи и прочее. Чигиринцы некренно соболъзновали нашей „бѣдѣ“.

— „Все будетъ добре, лишь бы богъ вамъ помогъ добратъся до царя“, утѣшалъ насъ старикъ. „А когда, люди добрые, поможетъ вамъ богъ“, продолжалъ онъ, то не забудьте и насъ; за одно уже разскажите царю и про „нашу бѣду“.

А бѣды этой у нихъ, дѣйствительно, было очень много. Нѣкоторыя деревни, какъ, напр., Шабельники, были буквально раззорены солдатскою экзекуціею, поставленною съ цѣлью умирненія. Многихъ крестьянъ арестовали и разослали по городамъ, а въ это время дома семьи ихъ голодали. Кіевскій губернаторъ заявилъ, между прочимъ, чигиринцамъ, что будетъ ихъ держать при полицейскихъ участкахъ и не пуститъ домой до тѣхъ поръ, пока они не согласятся поднестись подъ акты. Но они все упорно отказывались отъ этого.

Встрѣча и знакомство съ чигиринцами произвели на меня удручающее впечатлѣніе: мнѣ было не по себѣ, я чувствовалъ себя скверно; весь тошъ ихъ рѣчей ложился тяжело на душу. Поэтому, послѣ описанной встрѣчи, я больше не искалъ ихъ. Дальнѣйшія сношенія съ ними велъ одинъ Стефановичъ. Въ своемъ мѣстѣ я расскажу о, такъ наз., „чигиринскомъ дѣлѣ“, явившемся какъ слѣдствіе этихъ сношеній Стефановича съ чигиринцами, — теперь же перейду къ описанію другихъ событій.

Зима 75 года для меня прошла въ приготовленіяхъ и сборахъ, такъ какъ съ наступленіемъ весны я намѣревался отправиться въ народъ. Въ этотъ разъ, конечно, я не предполагалъ бродить по селамъ, какъ въ 74 году, а думалъ поселиться и жить на одномъ мѣстѣ. Но я еще не опредѣлилъ себѣ точно деревни, гдѣ селиться; для этого надо было осмотрѣться и выбрать мѣсто. Кромѣ притона Стефановича въ Кореунѣ, имѣлось еще одно поселеніе возлѣ г. Черкасы, устроенное Иваномъ съ Настей (я не буду называть ихъ фамилій). Они не принадлежали къ нашему кружку и не были посвящены въ наши тайны; но я былъ съ ними знакомъ и потому, когда они мнѣ предложили пожить нѣкоторое время у нихъ, то я охотно согласился. Иванъ жилъ подъ видомъ торговца красными товарами, закупку которыхъ производилъ то въ Одессѣ, то Кіевѣ и продавалъ по мѣстечкамъ Черкасскаго, Чигиринскаго и другихъ сосѣднихъ уѣздовъ. Въ февралѣ или мартѣ 76 года Настя пріѣхала въ Кіевъ за покупкой товаровъ и скоро думала возвра-

щаться назадъ. Я рѣшилъ поѣхать вмѣстѣ съ нею.

Чуть не съ первымъ пароходнымъ рейсомъ выѣхали мы изъ Кіева. Пароходъ шелъ внизъ по теченію. Мы должны были доѣхать до г. Черкасы и тамъ слѣзть. Помню, было холодно, и я всю дорогу, ѣдучи на палубѣ, кутался въ широкую крестьянскую свиту или же подходилъ — чтобы погрѣться — къ отверстию надъ машинами, откуда несло жаромъ и запахомъ машиннаго масла. У черкаской пароходной пристани мы сошли на берегъ и стащили свой багажъ, заключавшійся въ двухъ небольшихъ мѣшкахъ, наполненныхъ преимущественно товаромъ, купленнымъ Настей, и поволокли по грязи къ соседнему кабаку. Грязь была невылазная, такъ что Настя, одѣтая въ бѣлый новый кожухъ, совершенно его испачкала. Въ кабакѣ ожидалъ уже Иванъ, выѣхавшій намъ на встрѣчу на своей рослой, сѣрой лошади, объѣдавшей его такъ же исправно, какъ настъ объѣдала лошадь Стефановича. Мы уложили мѣшки въ телѣгу, уѣлисъ и поѣхали. Дорогой, помню, Настя нѣсколько разъ принималась управлять лошадыю; тогда она надѣвала пэсенэ (она была близорука) и правила до тѣхъ поръ, пока мы не усматривали вдали крестьянина, шедшаго или ѣхавшаго намъ на встрѣчу.

Деревня, гдѣ жилъ Иванъ съ Настей, находилась на берегу Днѣпра. Громадный сосновый лѣсъ, принадлежавшій казнѣ, окружалъ ее со всѣхъ сторонъ и тянулся далеко вдоль рѣки. У жителей мало было пахотныхъ земель, и ихъ благосостояніе зависѣло, повидимому, не столько отъ урожая хлѣба, какъ отъ большей или меньшей легкости пользованія или, выражаясь опредѣленнѣе, кражи казеннаго лѣсу. Вопросъ о томъ, каковъ будетъ новый лѣсенічій или новые сторожа, несравненно живѣе интересовалъ крестьянъ, чѣмъ метеорологическія явленія, столь живо интересующія обыкновенно земледѣльца. Если земледѣльцу для прекращенія весенняго бездождія часто приходится прибѣгать къ такимъ средствамъ, какъ хожденіе съ церковными иконами и хоругвями по полямъ, къ поновскимъ отчитываніямъ и,

наконецъ, — когда уже ничего не помогаетъ, — закапыванію возлѣ колодца живаго рака (это самое вѣрное средство вызвать дождь), — то житель упомянутой деревеньки поступалъ совершенно иначе: поймавъ въ Диблярѣ раковъ, онъ, вмѣсто того чтобы закапывать ихъ въ землю, несъ лѣсному сторожу въ подарокъ и этимъ способомъ обыкновенно достигалъ своего благополучія. Мѣстная особенность дѣлала то, что крестьяне этой деревни жили словно въ другомъ царствѣ; вопросы, волновавшіе окрестныхъ крестьянъ, для нихъ оказывались мало интересными. Такъ, не смотря на то, что Боровичанская волость (Чигиринскаго уѣзда), гдѣ происходили волненія, отстояла отъ нашей деревни всего на какихъ нибудь шестьдесятъ верстъ, объ этихъ волненіяхъ никто здѣсь ничего не зналъ. Напрасно я разспрашивалъ и заводилъ на эту тему разговоры. — „Кто ихъ знаетъ что тамъ у нихъ вышло“, — такой отвѣтъ получалъ я отъ своихъ собесѣдниковъ. Насколько я могъ замѣтить, здѣшніе крестьяне мало интересовались даже вопросомъ о передѣлѣ земли, волновавшимъ въ то время весь крестьянскій міръ.

Верстахъ въ пяти-шести отъ этой лѣсной дыры, гдѣ мы занимали хату и торговали нашими товарами, находилась другая небольшая деревушка или, вѣрнѣе, сахарный заводъ, кругомъ котораго былъ посѣлокъ. На сахарномъ заводѣ служилъ одинъ изъ „сочувствующихъ“, при помощи котораго на этотъ же заводъ удалось помѣстить одного распропагандированнаго юношу рабочаго, скрывавшагося отъ полиціи. Юноша этотъ, почти мальчикъ, прозванный Лафертомъ, былъ родомъ сѣверяннинъ и бѣжалъ отсюда на югъ во время арестовъ, о которыхъ я упоминалъ какъ-то вскользь (кружка Бардиной и друг.). При посредствѣ Лаферта я познакомился съ заводскими рабочими. Все это были крестьяне преимущественно изъ Полтавской губ., но было нѣсколько и изъ Чигиринскаго уѣзда Кіевской губ. Широкія, чуть не во всю грудь, и сплошныя, какъ коверъ, вышивки на рубахахъ отличали ихъ по виду отъ полтавцевъ.

Производство сахара ведется, какъ известно, только зимою, и потому, когда я явился на заводъ, то работы тамъ въ это время уже заканчивались и скоро должны были совершенно прекратиться. Я хотѣлъ воспользоваться тѣмъ небольшимъ временемъ, которое еще оставалось до закрытія завода и роспуска рабочихъ, и поторопился со своими знакомствами.

Въ одиннадцатъ часовъ вечера Лафертъ ввелъ меня въ то отдѣленіе завода, гдѣ работали чигиринцы; они были въ ночной смѣнѣ (сахарное производство ведется безостановочно днемъ и ночью, поэтому имѣется двѣ смѣны рабочихъ: дневная и ночная.), что было очень кстати, такъ какъ ночью присутствіе мое на заводѣ все таки меньше могло обратить чье либо вниманіе, чѣмъ днемъ. Помню, взобрались мы на вышку, на самый чердакъ, гдѣ стояли какіе-то громадные деревянные чаны. Шла ли какая либо работа и здѣсь, на чердакѣ, сказать не умѣю, но присутствіе освѣщенія, хотя слабаго, говорило въ пользу такого предположенія. Толстыя балки перекрещивали полъ по всеѣмъ направленіямъ, и намъ приходилось перелѣзать черезъ нихъ, нагибая въ тоже время головы, чтобы не удариться объ деревянные брусья, служившіе подпорами для крыши. Забравшись въ укромный уголокъ, мы усѣлись на балкѣ и закурили даже папироски, хотя курить въ зданіи уже и вовсе запрещалось.

— „Никто не увидитъ“, ободрялъ одинъ изъ чигиринцевъ (а ихъ было человѣка три), лѣтъ тридцати красивый мужикъ съ большими черными глазами и такими же черными усами, изъ подъ которыхъ блестѣли бѣлые зубы. „Сюда заходятъ только наши.“ (т. е. чигиринцы же.)

Лафертъ мнѣ рекомендовалъ его, какъ человѣка, съ которымъ, по его словамъ, онъ успѣлъ сойтись довольно близко, а потому я безъ особенныхъ предисловіій приступилъ прямо къ интересовавшему меня вопросу. Я сталъ спрашивать его о чигиринскихъ волненіяхъ. Въ общемъ онъ повторилъ то, что уже было раньше

известно мнѣ: о „душевикахъ“ и „актовикахъ“, ведшихъ борьбу между собою не на жизнь, а на смерть (самъ онъ былъ, конечно, „душевикомъ“), объ разореніи, которому они подверглись со стороны солдатской экзекуціи. Наконецъ, наша бесѣда сошла на разговоръ о Хомѣ Прядко, личность котораго меня интересовала. Но, не смотря на то, что дѣятельность этого человѣка съ ея финаломъ — арестомъ — имѣла мѣсто всего нѣскольکو мѣсяцевъ назадъ, объ этой дѣятельности, равно какъ и о самой личности агитатора, успѣли уже сложиться совершенно легендарныя представленія. Разказчикъ-чигиринецъ не иначе называлъ его, какъ „святымъ“ и передавалъ о немъ самыя странныя вещи. По его словамъ, Хома ходилъ къ царю и съ нимъ говорилъ о нуждахъ чигиринцевъ. Царь обѣщалъ свою помощь. Для знака царь написалъ какую то записку и, разорвавши ее на двое, одну половину вручилъ Хомѣ, а другую оставилъ у себя. Съ этой то половиной царской записки Прядко всюду ходилъ и агитировалъ. На мой вопросъ, видѣлъ ли онъ, разказчикъ, эту записку, чигиринецъ отвѣтилъ, что ему не довелось видѣть записки, хотя самого Хому Прядка онъ встрѣчалъ очень часто и зналъ его хорошо. По тону и характеру разказа выходило такъ, будто царь вошелъ въ известнаго рода соглашеніе съ Хомою, нѣкоторымъ образомъ, вступилъ въ тайный союзъ, въ знакъ чего и далъ ему половину разорванной записки, оставивши другую половину у себя. Впослѣдствіи, очевидно, (разказчикъ этого не говорилъ, но это само собою разумѣлось), когда наступило бы время открыто выступить съ дѣломъ, половинка записки, бывшая у Хомы, послужила бы доказательствомъ того, что все, что говорилъ и дѣлалъ Хома — говорилъ и дѣлалъ по желанію самого царя. Этотъ тайный союзъ Хомы съ царемъ (иначе я его назвать не могу) направленъ былъ, конечно, противъ враждебныхъ крестьянскому міру чиновниковъ, начиная отъ министровъ и кончая мировыми посредниками и волостными писарями. Въ частности помѣщики не играли особеннаго значенія; но не надо

забывать, что волненія происходили среди государственныхъ крестьянъ. „Актовики“ же, такимъ образомъ, являлись простыми измѣнниками крестьянскому дѣлу.

— „Хома никого изъ боялся“, говорилъ далѣе чигиринець. — „Его некали, а онъ жилъ тамъ же, гдѣ его некали; прятался у своихъ: то у одного, то у другого. Когда прїѣзжалъ губернаторъ изъ Кіева (Гессе) и созвалъ сходъ, то Хома пришелъ на сходку и все время говорилъ съ губернаторомъ. А губернаторъ и не зналъ, кто съ нимъ говорилъ.“

Послѣднее уже было явнымъ преувеличеніемъ со стороны моего собесѣдника, такъ такъ на сходкѣ, конечно, должны были присутствовать и „актовики“, которые прекрасно знали Хому. Но все свои преувеличенія и небылицы разсказчикъ передавалъ такимъ искреннимъ тономъ и такъ далекъ былъ при этомъ отъ побужденія умышленно лгать, что у меня даже не пошевелинулось дурное чувство къ нему.

— „Какъ же, однако, поймали Хому?“ спросилъ я его.

— „О, его очень долго не могли поймать!. Сколько разъ было такъ, что уже и хату окружаютъ со всѣхъ сторонъ, а все таки его не поймаютъ. Одинъ разъ „актовики“ подсмотрѣли, гдѣ онъ почевалъ; подошли тихоночко къ хатѣ; видятъ черезъ окно, въ хатѣ свѣтится и самъ Хома сидитъ за столомъ и читаетъ Евангеліе... Онъ все, бывало, читаетъ Евангеліе... Обступили со всѣхъ сторонъ хату и стучатъ въ дверь, чтобы имъ отворить. Какъ застучали въ дверь, такъ въ хатѣ свѣтъ и погасъ; и что тамъ въ хатѣ послѣ того дѣлалось — никто не видѣлъ. Только входятъ „актовики“ въ хату, засвѣтили; некали, некали, да такъ и ушли ни съ чѣмъ: не нашли Хомы.“

— „Куда же онъ дѣлся? Можетъ потайной ходъ былъ и онъ этимъ ходомъ вышелъ? проговорилъ я.

— „Хата, какъ все хаты: никакого потайного хода не было, — а только ушелъ... Такъ ужъ ему богъ далъ!“ заключилъ мой собесѣдникъ.

Прѣзжая дорога, которая вела отъ деревни, гдѣ мы жили, до завода, дѣлала большой крюкъ, и я предпочиталъ, для сокращенія пути, ходить лѣсной тропой. Въ лѣсу нигдѣ не оставалось уже ни клочка снѣга; весна открылась и весело было совершать этотъ путь пѣшкомъ. Идешь, бывало, точно по какому нибудь безконечно-громадному зданію — съ колоннами и арками — среди полной тишины; въ глубинѣ лѣса и птицъ не было, развѣ только поползень — небольшая сѣрая птичка — застучитъ гдѣ нибудь по дереву своимъ крѣпкимъ клювомъ. Идешь, а по бокамъ стоятъ громадныя сосны съ желтыми, какъ воскъ, вѣтвями, распростертыми высоко въ воздухъ, — и не шелхнутъ. Вверху горитъ весеннее солнце, а тутъ полу-мракъ; почва влажная...

Я нѣсколько разъ ходилъ на заводъ, и у меня съ чигиринцами установились довольно таки пріятельскія отношенія. Это знакомство не вызвало во мнѣ того тягостнаго ощущенія, какое испытывалъ я при столкновеніи съ чигиринцами въ Кѣвѣ, и происходило это оттого, какъ я нынѣ себѣ объясняю, что послѣднія мои столкновенія носили болѣе простой характеръ; мнѣ не пришлось здѣсь напяливать на себя роль ходока, не пришлось прибѣгать къ вымышленнымъ исторіямъ. На послѣднемъ свиданіи съ чигиринцами, когда они уже собирались уходить домой, они мнѣ дали указанія — гдѣ и какъ можно было розыскать ихъ на случай моего пріѣзда въ Чигиринь, и мы разстались полными друзьями.

По всему вѣроятію въ послѣдствіи мы воспользовались бы этими знакомствами, если бы Лафертъ не испортилъ всего дѣла.

Послѣ закрытія завода онъ тоже остался безъ работы и рѣшилъ отправиться въ бунтовавшія деревни съ цѣлью пропаганды. Но вести пропаганду тамъ, гдѣ происходитъ уже среди народа извѣстное броженіе, не легко, и нужно обладать большимъ тактомъ и опытностью, прекрасно знать мѣстныя дѣла и мѣстныя условія, чтобы не очутиться въ ложномъ положеніи. Въ самомъ дѣлѣ, какъ возможно вести пропаганду, скажемъ хоть про-

тивъ царизма, тамъ, гдѣ, какъ это было въ Чигиринщинѣ, съ именемъ царя связывались всея понятія о справедливости и крестьянскомъ благополучіи? И если при обыкновенномъ, спокойномъ теченіи жизни крестьянину и доступна подобная пропаганда, то въ моментъ движенія или бунта, когда всея чувства его обострены, когда его подозрительность, усматривающая повсюду враговъ своихъ, доходитъ до болѣзненной чувствительности, — тутъ надо быть весьма осторожнымъ. Лафертъ же въ качествѣ правовѣрнаго пропагандиста пользы въ среду чигиринцевъ съ своей „Хитрой Механикой“ и понятно, что его миссія окончилась болѣе, чѣмъ неудачно. Среди крестьянъ скоро разнесся слухъ, не извѣстно кѣмъ пущенный, но, очевидно, кѣмъ-то изъ крестьянъ же, будто Лафертъ подослалъ къ нимъ чиновниками. У мужиковъ выросло такое страшное озлобленіе къ Лаферту, что онъ принужденъ былъ бѣжать изъ этой мѣстности, иначе ему грозила серьезная опасность.

Само собою разумѣется, что послѣ этого случая мнѣ нельзя было и показаться къ чигиринцамъ. Какъ пріятель Лаферта, я въ ихъ глазахъ оказался бы теперь, пожалуй, даже болѣе важнымъ чиновничьимъ агентомъ, чѣмъ самъ Лафертъ.

Х

НАШЕ ПОЛОЖЕНІЕ ВЪ НАРОДѢ И НАШИ ЗНАКОМСТВА СЪ КРЕСТЬЯНАМИ.

Кружокъ нашъ уже разсѣлился по деревнямъ, когда присоединились къ намъ сначала Костюринъ, Анна Макаревичъ, Иванъ Дробязгинъ и Михаилъ Фроленко, а спустя нѣкоторое время — Левъ Дейчъ. Послѣ этого организація наша не расширялась болѣе. Анна Макаревичъ и Михаилъ Фроленко были нелегальные.

Наши поселенія отстояли одно отъ другого въ 10 — 15 верстахъ и мы часто другъ друга посѣщали. Селились въ большинствѣ случаевъ подъ видомъ мелкихъ торговцевъ.

Разказывая о нашемъ хожденіи въ народъ въ 74-мъ году, я упоминалъ о томъ, какъ мы старались тогда тщательно скрывать отъ крестьянъ наше происхожденіе: бросали свои дворянскіе документы и вмѣсто нихъ запасались подложными крестьянскими паспортами. Европейскіе костюмы замѣняли простонародными свитами и зинцунами; дѣло у насъ доходило даже до того, что при столкновеніяхъ съ людьми мы корчили изъ себя неграмотныхъ. Идя въ народъ и мечтая о сліянніи съ народной массой, мы находили нужнымъ скрывать свое происхожденіе, предполагая, что въ противномъ случаѣ, народъ будетъ относиться къ намъ съ недовѣріемъ. Логически развивая эту мысль до конца, мы додумались до того, что недостаточно было замѣнить сюртукъ только свитою, но еще непременно надо было замѣнить его рваной свитой. И вотъ первое свое путешествіе мы совершали почти что въ рубищахъ. Мы сами съ сочувствіемъ и съ соболѣзнованіемъ смотрѣли на рубища и намъ казалось, что и народъ встрѣтитъ насъ также съ сочувствіемъ. На самомъ дѣлѣ оказалось не то: въ рѣдкой деревнѣ пускали насъ ночевать въ избы: крестьяне отказывали намъ въ ночлегахъ, подозрительно оглядывая насъ съ ногъ до головы; много-много, бывало, если кто либо изъ нихъ позволитъ намъ переспать ночь у себя на сѣновалѣ или въ соломѣ на гумнѣ. Мы были въ глазахъ крестьянъ „непевны люди“, т. е. люди, на честность которыхъ они не рѣшались положиться. Наше стремленіе омужичиться, превратиться въ мужика, — само собою разумѣется, бѣднаго, такъ какъ не превращаться же было, въ самомъ дѣлѣ, въ зажиточнаго кулака, — оказалось доктринѣй непригодной, бесполезной и даже вредной. Наши крестьяне сами бѣдны, но къ бѣднымъ захожимъ людямъ относятся весьма подозрительно.

Теперь въ 76-мъ году никто изъ насъ уже не думалъ рубищами вызывать сочувствіе у крестьянъ. Живя у Ивана съ Настей, я видѣлъ, напр., что моя хорошая свита порядочно таки поднимала значеніе моей личности въ глазахъ сосѣдей крестьянъ. Потомъ, поселившись въ деревнѣ близъ Знаменки, находящейся на Одесско-Харьковской желѣзной дорогѣ, я уже совершенно не скрывалъ своего привилегированнаго званія и жилъ даже подъ дворянскими документами одного моего умершаго родственника, находя это болѣе удобнымъ во многихъ отношеніяхъ и, между прочимъ, въ томъ, что мнѣ не надо было прятать своей грамотности, которая, какъ я замѣтилъ, высоко цѣнилась крестьянами.

Правда, съ другой стороны, и вся постановка дѣла въ 76-мъ году была у насъ иная. Мы уже не думали объ омуниченыи, а преслѣдовали строго опредѣленную, практическую задачу, заключающуюся въ организаціи бунтовъ, или говоря точнѣе, организаціи вооруженнаго отряда. Манифестъ отъ имени царя, въ которомъ предполагалось оповѣстить объ отнятіи земель отъ помещиковъ и о передѣлѣ земли между всѣми поровну, на нашъ взглядъ, долженъ былъ вызвать въ народѣ смятеніе и въ эту минуту нашъ вооруженный отрядъ долженъ былъ явиться тѣмъ ядромъ, вокругъ котораго могли собраться бунтовскіе элементы народа. Вторая половина дѣла, т. е. вызвать смятеніе въ народѣ манифестами, повидимому, не требовала большой подготовки. Распустить подобный манифестъ среди крестьянъ при помощи тѣхъ связей, которыми мы уже заручились, хотя бы, напр., среди чигиринцевъ (знакомыхъ Стефановича); а отчасти думали еще заручиться въ ближайшемъ будущемъ, — не было трудно. А что эти манифесты должны были вызвать смятеніе въ народѣ — въ этомъ я, напр., ни одной минуты не сомнѣвался ни тогда, ни даже теперь не сомнѣваюсь, хотя прошло уже почти 20 лѣтъ съ тѣхъ поръ. „Чигиринское дѣло“ Стефановича (я о немъ расскажу позже) было именно этой второй

половиной дѣла, и оно то и можетъ служить лучшимъ доказательствомъ справедливости высказаннаго мнѣнія. Такимъ образомъ практическая задача сводилась для насъ главнымъ образомъ къ первой половинѣ дѣла, т. е. къ организациіи вооруженнаго отряда. Предполагалось это осуществить по бакунинскому плану, т. е. создать заговоръ изъ сот ни-другой человекъ, способныхъ въ рѣшительную минуту съ оружіемъ въ рукахъ приступить къ фактическому передѣлу земли. Очевидно, успѣхъ дѣла зависѣлъ бы не столько отъ количества лицъ, принимающихъ участіе въ бунтовскомъ отрядѣ, сколько отъ ихъ качествъ — рѣшительности и быстроты дѣйствій. Бакунинское любимое изрѣченіе, что сила революціонной организациіи зависитъ не столько отъ количества, какъ отъ качества лицъ, участвующихъ въ ней, намъ особенно казалось справедливымъ, такъ какъ количество мы пріобрѣтали само собою легко и сразу путемъ манифестовъ, и, слѣдовательно, намъ оставалось заботиться только объ качествѣ, т. е. объ организациіи надежнаго бунтовскаго ядра. Для успѣха возстанія существенной задачей являлась также заблаговременная заготовка оружія. Но такъ какъ вопросъ объ оружіи сводился къ вопросу о деньгахъ, то это и оказалось нашей ахиллесовой пятой.

Помню, мы, бунтари, любили подѣмѣваться надъ пропагандистами и часто приводили „Лаферта среди чигиринцевъ“, какъ примѣръ несостоятельности пропагандистовъ среди крестьянъ. Но и мы, бунтари, и въ теоріи, и на практикѣ оказались не меньшими доктринерами; мы все сводили къ нашему все спасающему бунту, который у насъ являлся такою же абсолютной доктриной, стоящей внѣ всякаго сомнѣнія, какъ, скажемъ для примѣра, для Лаферта была пропаганда по „Хитрой механикѣ“. Если пропагандистъ-доктринеръ, дѣйствительно, подчасъ соваль свой носъ туда, куда не слѣдовало, безъ разбора, на право и на лѣво, заводилъ знакомства и повсюду сѣялъ свою пропаганду, то мы страдали прямо противоположнымъ недостаткомъ: мы прятались отъ людей и сидѣли въ своихъ притонахъ, выжидая момента,

огда намъ придется выступить открыто съ оружіемъ въ рукахъ. Мы жили по деревнямъ и даже не знакомимся съ крестьянами. Въ интересахъ конспираціи бунтарь, при встрѣчахъ съ крестьянами, отдѣлывался общими фразами, такъ какъ смотрѣлъ на всякую пропаганду, такъ на совершенно бесполезную трату времени и, поэтому, не желалъ попусту чесать языка. По нашему мнѣнію, было излишне, да даже и невозможно заниматься подготовленіемъ умовъ крестьянъ къ предполагаемому возстанію; манифестъ въ рѣшительную минуту долженъ былъ сдѣлать это дѣло; а подготовкой пужнаго для начала возстанія бунтовскаго ядра или отряда, съ одной стороны, занимался Стефановичъ среди чигиринцевъ, съ другой — еще два-три изъ насъ имѣли въ виду этимъ заняться. Большинству же ничего не оставалось дѣлать, поэтому оно просто такъ избѣгало крестьянъ и занималось, такъ сказать, самоподготовленіемъ къ возстанію. Прежде всего, всякій изъ насъ имѣлъ по револьверу и кинжалу, которые и носилъ всегда при себѣ. Мы закупили множество патроновъ и систематически упражнялись въ стрѣльбѣ. Въ результатѣ мы выучились прекрасно стрѣлять. Такъ, помню, я не выходилъ изъ игровой карты на разстояніи 20 — 25 шаговъ. Мы находили полезнымъ и даже пужнымъ изучать мѣстность, гдѣ предполагалось поднять возстаніе. И вотъ, кромѣ того, что мы бздивши знакомились съ окрестностями, мы закупили еще подробныя карты, изданныя генеральнымъ штабомъ Кіевской, Подольской и Херсонской губерній, и, нерѣдко, разложивъ ихъ на столѣ, изучали обозначенные на нихъ проселочныя дороги, лѣса, рѣчки... Но ни стрѣлять въ цѣль, ни изучать карты нельзя было на виду у всѣхъ. Револьверы, которые мы чистили (я, наиримѣръ, необыкновенно тщательно совершалъ это), кинжалы, которые острили, вороха патроновъ, карты генеральнаго штаба, паспорта, которые приходилось самимъ себѣ дѣлать, — всѣ эти бунтовскія принадлежности заставляли насъ держаться подалеже отъ окружающей среды. Приходилось тщательно скрывать отъ сосѣдей свою интимную жизнь,

беречься, какъ бы кто изъ нихъ не подсмотрѣлъ и не замѣтилъ чего нибудь такого, чего ему не слѣдовало знать. Наши наружныя двери были всегда заперты, что бы при стукѣ мы имѣли время спрятать ту или другую подозрительную вещь. Наши окна по вечерамъ всегда были завѣшены. Получалось страшное, нелѣзное явленіе: народникъ бунтарь сталъ бояться посѣщеній крестьянъ. Мужикъ входилъ въ избу, чтобы поболтать о чемъ нибудь съ человѣкомъ „видѣвшимъ свѣтъ“, — бунтарь ежился, хмурился и думалъ лишь о томъ, какъ бы поскорѣе избавиться отъ непрошеннаго гостя. Изъ пятнадцати членовъ кружка, разселившихся на югѣ Кіевской губ. едвали человѣка четыре искали знакомства съ крестьянами, остальные же находились въ самомъ ненормальномъ положеніи. Казалось, несравненно логичнѣе было этому большинству вовсе не жить по деревнямъ, а оставаться въ городахъ до тѣхъ поръ, пока ихъ силы не понадобятся для вооруженнаго отряда. Но мы находили тогда нужнымъ жить всемъ среди народа. И вотъ жизнь большинства изъ насъ стала складываться по особому образцу. Замыкаясь все болѣе и болѣе отъ окружающей жизни, мы стали ограничиваться только сношеніями другъ съ другомъ, которыя уже по этому одному сдѣлались необычайно частыми. Но частыя посѣщенія въ глухихъ деревняхъ были неудобны: они могли возбудить подозрѣніе у сосѣдній-крестьянъ. Сборными пунктами начали выбирать болѣе оживленныя мѣста. Такимъ сборнымъ пунктомъ сдѣлался сначала городъ Смѣла Черкаскаго уѣзда, а впослѣдствіи Елисаветградъ Херсонской губ. Въ Смѣлѣ находился большой сахарный заводъ графа Бобринскаго и это мѣстечко было оживленнѣе не только другихъ мѣстечекъ Кіевской губерніи, въ родѣ Корсуни, напр., но даже такихъ уѣздныхъ городовъ, какъ Черкассы или Чигиринъ. Постоялый дворъ еврея Сруля, (я перемѣняю имя изъ предосторожности) сдѣлался нашимъ притономъ. У него въ заднихъ комнатахъ, выходившихъ окнами въ тѣсный непроѣзжій переулокъ, жило нѣсколько человѣкъ нашихъ, куда обыкновенно и сходились для сви-

штанія другіе, жившіе по окрестнымъ деревнямъ. Конечно, Сруль пользовался отъ насъ порядочнымъ заработкомъ и потому смотрѣлъ снисходительно на наши безконечныя шатанія. Впрочемъ, надо сказать, что онъ насъ понималъ по своему. Помню, пришелъ какъ-то и въ Смѣлу въ базарный день, купилъ себѣ свиту и явился, по обыкновенію, на постоялый дворъ Сруля. Свита была пошита изъ хорошаго домашняго сукна, но мнѣ не нравилось то, что воротникъ ея былъ украшенъ бѣлыми вышивками, придававшими ей какой-то траурный видъ, потому, усѣвшися въ комнату, я принялся выпарывать бѣлыя нитки.

Сруль зашелъ въ нашу комнату и, заставши меня за этой работой, проговорилъ, хитро улыбаясь.

— „Это ты хорошо дѣлаешь!“

Потомъ онъ пояснилъ свою мысль Рахальскому, жившему у него и къ которому онъ относился весьма по дружески, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Видно разумный человекъ этотъ вашъ съ черной бородой: досталъ свиту и сейчасъ же сталъ выпарывать нашивку. Онъ не попадетъ.“

Словомъ, Сруль видѣлъ въ насъ просто на просто шапку воровъ и при этомъ ловкихъ, опытныхъ воровъ, умѣвшихъ обдѣлывать свои дѣла, какъ говорятъ, чисто. Во время „кіевскихъ контрактовъ“ (такъ называется бирмарка, начинающаяся въ Кіевѣ весною и продолжающаяся около мѣсяца) многіе изъ насъ какъ-то долго не заходили въ Смѣлу, и Сруль тогда говаривалъ Рахальскому, потирая себѣ руки: „Я знаю, ваши теперь, навѣрно, въ Кіевѣ... Тамъ-то они, должно быть, дѣла дѣлаютъ!“

Но Сруль заботливо оберегалъ насъ. Случалось, бывало, зайдетъ въ заднія комнаты, гдѣ жили наши и говоритъ:

— „Ну, хлопцы, надо быть осторожными. Становой что-то часто сталъ поѣзживать по нашей улицѣ и все поглядываетъ косо сюда.“

И вотъ, возьметъ Сруль, затворитъ ставни отъ перелучка, словно эти комнаты у него совсѣмъ пустыя и

велить хлопцамъ лежать смирно и на улицу не показывать носа. Наши такъ и лежать въ полумракѣ, никуда не выходятъ. А Сруль все это время самъ приноситъ имъ ^{нѣ}бду.

Наконецъ, неопредѣленность положенія, въ которомъ находилось большинство изъ насъ и, какъ слѣдствіе такого положенія, тяжелое чувство, испытываемое всѣми, понудило насъ искать какого-нибудь выхода. Мы рѣшили собраться всѣмъ кружкомъ для обсужденія нашихъ дѣлъ. Собраніе это состоялось въ Смѣлѣ на постояломъ дворѣ того же Сруля. Здѣсь мы провели нѣсколько дней въ шумныхъ разсужденіяхъ по поводу нашихъ будущихъ плановъ, и я удивляюсь теперь, какъ насъ тогда же всѣхъ не арестовали вмѣстѣ со Срулемъ, понятно, не какъ революціонеровъ, а просто таки, какъ подозрительныхъ личностей. Сруль весь превратился тогда въ бдительность: обходилъ со всѣхъ сторонъ свой постоянный дворъ, подсматривалъ и подслушивалъ у сосѣдей, даже по ночамъ не спалъ. Но, конечно, и заработалъ онъ въ эти дни не мало. Мы спали и ѣли у него и за все щедро платили.

Результатомъ этого общаго собранія было то, что мы подраздѣлились, не помню ужъ точно, на двѣ или на три группы. Такъ, помню, на обязанности одной группы возложено было добываніе матерьяльных средствъ, нужныхъ, главнымъ образомъ, для закупки оружія и устройства тайныхъ складовъ; другая группа, къ которой, между прочимъ, принадлежалъ и я, должна была заняться подыскиваніемъ связей среди крестьянъ. Кромѣ того имѣлись ввиду снѣшныя опредѣленные дѣла, исполненіе которыхъ поручено было просто извѣстнымъ лицамъ. Къ такимъ дѣламъ принадлежала, напр., покупка за границей типографскаго станка и контрабандная перевозка его въ Россію. Покупку должна была сдѣлать Анна Макаревичъ, которая вскорѣ и уѣхала по этому дѣлу въ Швейцарію. Станокъ былъ нуженъ намъ для печатанія прокламацій въ моментъ возстанія, а также и манифеста отъ имени царя. Станокъ купленъ былъ, ко-

нечно, скоро, но съ перевозкой его мы что-то, помню, долго возились. Наконецъ, онъ былъ доставленъ намъ черезъ румынскую границу.

И такъ, мы разбили кружекъ нашъ на группы единственно затѣмъ, что ожидали отъ этой мѣры хорошихъ практическихъ результатовъ. Всякій, имѣя передъ собою одну опредѣленную задачу, — разсуждали мы — можетъ легче ее исполнить, чѣмъ когда приходится ему разбрасываться на много дѣлъ. Это, конечно, было справедливое разсужденіе; но на практикѣ нѣкоторыя дѣла оказывались просто таки неисполнимы. Въ самомъ дѣлѣ, что могла предпринять, напр., хоть та группа, на обязанности которой лежало приобрѣтеніе матерьяльных средствъ? Легко сказать — приобрѣтеніе средствъ! А какъ это было достать деньги? откуда? кто ихъ дастъ? Если бы у насъ были широкія связи въ обществѣ; но мы, вѣдь, и начали съ того, что прервали давно уже всѣ сношенія съ обществомъ. Теперь мы представляли изъ себя нѣчто замкнутое, обособленное отъ всего остальнаго міра. Я полагаю, что въ общемъ, болѣе или менѣе, таково же было положеніе всѣхъ народническихъ кружковъ. Мы существовали и дѣйствовали, расходуя собственные, такъ сказать, внутреннія матерьяльныя средства. Если въ кружкѣ имѣлись богатые члены, — кружекъ имѣлъ средства и могъ ихъ расходовать на свои дѣла. Не было же богатыхъ членовъ — неоткуда было достать и нужныхъ средствъ. Извнѣ деньги приходили рѣдко.

У насъ только одинъ Чубаровъ имѣлъ небольшія средства. Правда, еще Малинка былъ сынъ очень богатого помѣщика Полтавской губ. Но Малинка пока не располагалъ крупными суммами; онъ могъ достать тысячу, двѣ тысячи рублей, не болѣе. Между тѣмъ дѣло наше требовало просто таки огромнаго капитала. И вотъ, по неизбѣжности положенія, мы должны были вѣчно пребывать въ какомъ то мірѣ фантазій, или же намъ приходилось отказываться совершенно отъ своего дѣла. Первоначально мы мечтали добыть оружія по крайней

мѣрѣ тысячъ на десять человѣкъ. Предполагалось, что разъ только мы выступимъ вооруженнымъ отрядомъ и объявимъ крестьянамъ манифестъ, крестьяне тотчасъ стануть вошловаться. Этой минутой мы должны были воспользоваться и дать возможность вооружиться бунтовщикамъ. Для этого-то мы и должны были заблаговременно заготовить оружіе. Но десять тысячъ ружей стоили по крайней мѣрѣ тысячъ двѣсти рублей; да нужно было еще израсходовать огромную сумму на тайную перевозку этихъ ружей, на устройство склада и т. д. Повторяю, мы надѣялись, что манифестъ взбунтуетъ народъ и, слѣдовательно, для успѣха бунта, намъ оставалось только заготовить оружіе. Но мѣрѣ того, какъ мы спускались съ облаковъ на землю или, другими словами, переходили отъ нашихъ проэктвъ и плановъ къ ихъ практическому осуществленію — наши мечты становились все менѣе и менѣе пылкими; задачу свою мы все болѣе и болѣе суживали. О десяти тысячной арміи мы скоро перестали мечтать и поставили себѣ цѣль несравненно болѣе скромную — добыть оружія хоть для одной тысячи человѣкъ. Но и тысяча ружей стоила тысячъ двадцать-тридцать рублей, а съ контрабандной перевозкой, да другими посторонними расходами влѣзла бы, пожалуй, въ цѣлыхъ пятьдесятъ. Откуда же было достать эти пятьдесятъ тысячъ рублей той группѣ, на обязанности которой лежало пріобрѣтеніе денегъ для закупки оружія? Такимъ образомъ, раздѣленіе на группы не повело за собою никакихъ добрыхъ практическихъ результатовъ. Все шло по старому. Большинству членовъ кружка, изнывавшихъ отъ отсутствія живаго дѣла и проводившихъ свое время во взаимныхъ посѣщеніяхъ, и послѣ раздѣленія на группы дѣла не оказывалось, и слѣдовательно, ничего другого не оставалось, какъ только нить.

Несравненно лучше стояли дѣла тѣхъ, которые должны были завязывать сношенія съ крестьянами. И понятно почему. При нѣкоторой умѣлости, а главное при желаніи, задача эта была вполне исполнимая. Стефано-

вичъ вель свои сношенія съ чигиринцами отдѣльно и о нихъ я буду говорить въ своемъ мѣстѣ. Теперь же разскажу о знакомствахъ съ крестьянами, которыя имѣли мы съ Дробязгинимъ.

Дробязгинъ и я согласились работать совмѣстно и рѣшили воспользоваться раньше всего тѣми готовыми связями, которыя были переданы намъ, между прочимъ, однимъ сельскимъ учителемъ, народникомъ украинифиломъ, оставившимъ эту мѣстность, кажется, около года тому назадъ и переселившимся въ другую губернію. Изъ предосторожности, которая никогда не лишняя, какъ ни отдалена та эпоха, о которой я разсказываю теперь, я не стану называть ни этой деревни, ни учителя, ни тѣхъ крестьянъ, съ которыми намъ пришлось тогда войти въ сношенія. Я думаю, съ другой стороны, что для читателя едвали можетъ представить интересъ дѣйствительное названіе деревни или имена лицъ. Можетъ быть, многія изъ тѣхъ лицъ теперь уже мертвыя, и имъ не предстоитъ никакой опасности, — но я этого не знаю.

И такъ, невысокія горы, почти холмы, веюду обработанныя и только кое гдѣ заросшія кустарникомъ, свидѣтельствовавшимъ о томъ, что нѣкогда росъ здѣсь лѣсъ, и небольшая, быстрая рѣчка съ очень крутыми берегами — такова въ общемъ та мѣстность, куда направилъ мы съ Дробязгинимъ въ маѣ 76-го года. Въ то время я уже жилъ возлѣ Знаменки подъ видомъ торговца лошадыми. Мои разъѣзды по окрестнымъ ярмаркамъ, причемъ иногда приводилъ я къ себѣ, въ свое мѣсто жительства какую нибудь захудалую лешадку, служили полнымъ доказательствомъ того, что я былъ настоящей „ливерантъ“ (такъ называютъ въ юго-западномъ краѣ торговца лошадыми). Дробязгинъ заѣхалъ ко мнѣ, и мы вмѣстѣ съ нимъ выѣхали, какъ будто по ярмаркамъ, — на самомъ же дѣлѣ отправились въ эту мѣстность.

Деревня, куда мы съ нимъ прибыли послѣ довольно продолжительнаго путешествія, была расположена на двухъ крутыхъ холмахъ, между которыми блестѣлъ широкій прудъ, обсаженный съ трехъ сторонъ вербами,

спускавшими вѣтви въ самую воду. Крестьянскія избы, окруженныя садами, были разбросаны на этихъ двухъ холмахъ безъ всякаго плана. Кривыя улицы, отѣненныя фруктовыми деревьями, цвѣвшими въ это время по садамъ, и хаты, видѣвшіяся изъ-за этихъ деревъ, гдѣ-то въ глубинѣ дворовъ, придавали такой видъ деревнѣ, словно она состояла изъ множества отдѣльныхъ хуторковъ.

Проѣхавши плотину, мы поднялись на гору и вскоре добрались до конца деревни. Здѣсь, влѣво отъ дороги мы увидѣли новопостроенную вѣтряную мельницу, которая и должна была послужить намъ исходной точкой въ поискахъ; распросы по деревнѣ могли вызвать толки среди крестьянъ, а этого мы старались избѣжать. Осмотрѣвшись, мы обратили вниманіе на одну избу, которая по примѣтамъ должна была принадлежать дѣду Федѣ, и направились къ ней. Во дворѣ мы увидѣли взрослую дѣвушку, просѣвавшую пшеницу или рожь надъ рядомъ, и обратились къ ней съ вопросомъ: гдѣ живетъ дѣдъ Федь?

— „Здѣсь“, отвѣтила она.

— „Если онъ дома, попроси, чтобы вышелъ къ намъ“, проговорилъ одинъ изъ насъ.

Мы не хотѣли вваливаться въ избу, не зная — одинъ ли былъ хозяинъ или, можетъ быть, имѣлъ въ эту минуту гостей. Дѣвушка положила рѣшето и ушла въ избу. Вскоре на порогѣ показался высокій старикъ совершенно сѣдой, сѣдой, какъ голубь, по выраженію украинцевъ. Онъ подошелъ къ воротамъ, возлѣ которыхъ мы поджидали, и сталъ внимательно смотрѣть на насъ, не произнося ни слова.

— „Добрый день, диду! Вы — Федь К.?“ спросилъ одинъ изъ насъ.

— „Я“.

— „Кланялся вамъ Федоръ..., Помните, диду, учителя Федора? Отъ него поклонъ вамъ привезли. Мы его пріятели.“

Суровое выраженіе сразу исчезло съ лица старика.

— „О, боже-жь мой!... Какъ же мнѣ не помнить

его? Федора Ивановича?!..“ Дѣдъ вдругъ страшно заволновался. „Столько времени жилъ у насъ... О, боже-жъ мой милый, какъ же таки мнѣ не помнить Федора? Что же мы тутъ на улицѣ стоимъ!.. воскликнулъ онъ, принимаясь торопливо отворять свои ворота.

— Вотъ обрадуется мой Стецько, какъ узнаеть!... Забъжайте, дорогіе гости, забъжайте! Ну и обрадуется онъ!“ Мы выѣхали во дворъ, пріятно пораженные, почти смущенные этой душевной встрѣчей.

— „А давно вы видѣли Федора Ивановича? спросилъ дѣдъ.

— „Давненько же“ отвѣтилъ кто-то изъ насъ.

— „Жинко!“ торжественно кликнулъ дѣдъ. „Богъ намъ послалъ дорогихъ гостей: пріятели нашего Федора. Вотъ, говорю я, обрадуется нашъ Стецько, когда узнаеть! говорилъ онъ, входя въ избу; потомъ, обращаясь къ намъ, добавилъ: „Стецько часто воспоминаеть Федора Ивановича“.

— „Нашъ Стецько все, бывало, воспоминаеть учителя Федора,“ подтвердила старуха.

— „А гдѣ же вашъ сынъ, диду?“ спросилъ я.

Старикъ вздохнулъ, а старуха, стоявшая возлѣ печи, подперла рукою свое морщинистое лицо и грустно закачала головой.

— „Стецька взяли въ солдаты. Вытянулъ жеребокъ“*) проговорилъ дѣдъ и замолкъ. Старуха ничего не говорила: она только сморкалась; я видѣлъ, какъ изъ глазъ ея текли слезы.

— „Ну, теперь, слава богу, не такъ это страшно,“ попытался я поддержать духъ стариковъ. „Это прежде, бывало, какъ попалъ въ солдаты — такъ и пропалъ. Теперь скоро пускають“.

— „Это правда, теперь легче“, согласился старикъ.

У дѣда Феди была одна дочь и одинъ сынъ. Благодаря тому, что дѣду не хватало немного до возраста, называемаго „престарѣлымъ“, Стецько его не могъ вос-

*) Вытянулъ жребій.

пользоваться льготой и вынужденъ былъ отбывать воинскую повинность. Онъ былъ взятъ въ солдаты нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, и теперь старикъ ожидалъ со дня на день его прихода въ отпускъ.

Я вышелъ во дворъ, подбросилъ сѣна лошади и, вынувши изъ тележки книжки, воротился въ избу. Всѣ книжечки были на украинскомъ языкѣ („метелыки“)

— „Вотъ, дѣду, эти книги Федоръ просилъ передать вамъ“.

— „О, спасибо!..“ отвѣтилъ дѣдъ, принимая книги съ нѣкоторой торжественностью; и тутъ же замѣтилъ, что самъ онъ неграмотный, но что книги эти прочтетъ ему Стецько, когда прѣдетъ въ отпускъ.

— „Онъ у насъ грамотный“, говорилъ дѣдъ.

Старуха въ это время полѣзла въ сундукъ, вытащила оттуда какую-то свороченную тряпку, бережно развернула ее и показала намъ неписанную бумагу.

— „Это его письмо“, съ важностью проговорила она, передавая намъ бумагу“. Здѣсь онъ пишетъ, что скоро прѣдетъ къ намъ въ отпускъ. Стецько нашъ грамотный.. Вотъ читайте сами его письмо“, уговаривала меня старуха.

Словомъ, по всему было видно, что Стецько былъ предметомъ семейной гордости.

Мало по малу мы разговорились; перешли на другія темы. Старуха и старикъ нѣсколько повеселѣли. Скоро пришли гости: Лазарь и Нечипоръ. Нечипору мы тоже дали нѣсколько книжекъ; онъ былъ грамотный, и его намъ особенно рекомендовалъ учитель. Лазарь, болѣзненный тщедушный мужичекъ лѣтъ 35 — 40, оказался весьма разговорчивымъ. Лишь только онъ узналъ, что мы пріятели Федора Ивановича, тотчасъ же принялся излагать передъ нами свои взгляды. Видимо, онъ очень любилъ болтать и радъ былъ случаю. Но при нѣкоторыхъ положеніяхъ болтуны положительно бываютъ полезны. Такъ было въ этомъ случаѣ, — мы были очень рады болтовнѣ Лазаря, такъ какъ она всѣмъ присутствующимъ развязала языки. Разсуждая (довольно краснорѣчиво, замѣчу

въ скобкахъ) объ общемъ положеніи крестьянъ, объ ихъ нуждѣ, малоземельи и проч., Лазарь приходилъ къ тому заключенію, что имъ оставалось единственное средство — бунтовать, такъ какъ ждать законной помощи было неоткуда. Съ болѣзненной раздражительностью ругалъ онъ тѣхъ, которые ожидали помощи отъ царя.

— „Мы здѣшніе“, говорилъ онъ, „знаемъ хорошо, что такое царь: мы — удѣльные. А послушайте, что говорятъ по другимъ селамъ, — тамъ говорятъ совсѣмъ другое объ царѣ. Какъ вспомню, продолжалъ онъ, какъ бунтовались поляки и мы собирались идти противъ нихъ, чтобы ихъ вязать, — такъ и жалко становится. А по другимъ селамъ такъ и на самомъ дѣлѣ ихъ вязали. Не нужно было этого дѣлать! Если бы они теперь подняли бунтъ, — ей богу, пошелъ бы бунтовать вмѣстѣ съ ними!“

Взглядъ на „польское дѣло“, высказанный Лазаремъ, меня поразилъ. Въ юго-западномъ краѣ поляки — это помѣщики. Кое гдѣ только въ Подольской и Волынской губ. встрѣчаются поселенія польской шляхты, — весь же край населенъ исключительно украинцами. Но украинцы — это крестьяне; такъ что мы имѣемъ здѣсь двѣ націи, одна враждебная другой въ экономическомъ отношеніи. Одна нація, польская, является аристократіей края, другая — украинская — мужичья. Въ этой комбинаціи заключается, какъ я думаю, самое глубокое несчастіе страны, такъ какъ, если дурно тѣмъ народамъ, у которыхъ есть бѣдные и богатые, образованные и необразованные; то во сто кратъ хуже тому народу, у котораго нѣтъ ни богатыхъ, ни образованныхъ, а царить полное равенство: поголовная бѣдность и поголовное невѣжество! Въ борьбѣ поляковъ со всероссійскимъ деспотизмомъ украинецъ мужикъ всегда становился на сторону послѣдняго. Мужикъ не политикъ; онъ предпочитаетъ русскаго царя польскому пану. Въ 1863 году польское возстаніе въ юго-западномъ краѣ было парализовано главнымъ образомъ, крестьянами. Крестьяне-украинцы повсемѣстно преслѣдовали повстанцевъ-поляковъ, и либо

вязали ихъ и доставляли по начальству, либо же сами звѣрки расправлялись съ ними.

И такъ, повторяю, Лазарь своимъ мнѣніемъ рѣшительно поразилъ меня. Для выработки подобнаго взгляда, вѣроятно, не мало помогло ему то обстоятельство, что помѣщикомъ его былъ именно царь, а не полякъ. Деревня эта принадлежала удѣламъ. Но во всякомъ случаѣ на мнѣніе Лазаря надо было смотрѣть, какъ на исключительное и былъ большой вопросъ для меня, согласны ли были съ нимъ хотя бы даже присутствующіе при этомъ дѣдъ Федь и Нечипоръ. Оба они мало вмѣшивались въ этотъ разговоръ и, хотя на ихъ лицахъ можно было прочесть благосклонность, но, принимая во вниманіе сдержанность украинца, я не рѣшусь теперь утверждать, что они были одного мнѣнія съ Лазаремъ.

Несомнѣнно однако было то, что царь не пользовался ни у кого изъ нихъ ни малѣйшимъ престижемъ; царизма — этой общенародной болѣзни — здѣсь не было и слѣда; а этого одного было уже слишкомъ достаточно. Дѣятельность пропагандиста въ этой мѣстности — это нужно было признать — принесла самые блестящіе результаты.

Жизнь удѣльныхъ крестьянъ описываемой деревни была тяжелая и непривлекательная. Надѣлы даны были имъ маленькіе, такъ что они принуждены были искать заработковъ внѣ своего скуднаго хозяйства. Ежегодно цѣлыми толпами уходили изъ этой деревни на лѣтнія работы въ Херсонскую губ. Дѣдъ Федь не былъ бы въ состояніи пропитаться, если бы не дѣлалъ на продажу возовъ, которые и распродалъ въ базарные дни въ ближайшемъ мѣстечкѣ.

Намѣреваясь провести нѣсколько дней у нашихъ новыхъ пріятелей, мы спросили, не покажется ли сельскимъ властямъ страннымъ наше долговременное пребываніе въ деревнѣ и не вызоветъ ли это какихъ либо подозрѣній. На это дѣдъ Федь отвѣтилъ, что у нихъ теперь старшина и волостной писарь свои люди и намъ опасаться нечего.

— „Раньше старшина у насъ былъ скверный, но мы его смѣнили“. замѣтилъ дѣдъ.

Мы стали спрашивать о деревенскихъ выборахъ и намъ удалось узнать, что среди крестьянъ этой деревни существовали двѣ партіи, или вѣрнѣе два теченія, борющіяся другъ съ другомъ. Но въ чемъ была ихъ рознь — мы долго не могли понять. Даже наши собесѣдники, стоявшіе въ умственномъ отношеніи, конечно, выше средняго крестьянскаго уровня, не могли намъ хорошенько объяснить сущности этой борьбы. Только послѣ ряда распросовъ съ нашей стороны мы, наконецъ, уразумѣли, въ чемъ дѣло. Зажиточные хозяева, составлявшіе меньшинство, стремились властвовать и долгое время даже властвовали, пока не удалось сорганизоваться бѣднѣйшимъ, которые составили большинство и, въ концѣ концовъ, взяли власть въ свои руки. Во время нашего пребыванія въ этой деревнѣ всѣ власти, т. е. староста, старшина, судцы (судьи) принадлежали, такъ сказать, къ партіи большинства. Здѣсь, такимъ образомъ, мы имѣли такое же раздѣленіе крестьянскаго міра на два борющихся лагеря, какъ это было и у чигиринцевъ.

Мы гостили у дѣда Феди нѣсколько дней. Печиноръ и Лазарь постоянно проводили время съ нами. Въ рядѣ бесѣдъ мы развивали ту мысль, что отъ помещиковъ надо отнять землю и передѣлить ее поровну между всѣми и само собою, разумѣется, что наши собесѣдники признавали это вполне справедливымъ. Мы указывали на то обстоятельство, что крестьяне всюду этого желаютъ, но къ несчастью ничего не предпринимаютъ для осуществленія своихъ желаній и ждутъ, что царь имъ передѣлитъ землю. Мы поддерживали мнѣніе Лазаря, что единственный выходъ для крестьянъ заключается въ бунтъ по возможности, конечно, широкому, повсемѣстному.

Нашимъ собесѣдникамъ, какъ оказалось, хорошо были извѣстны крестьянскія ожиданія и толки о передѣлѣ земли, но сами они этому не вѣрили.

— „Ну, а если дѣло начнется, — найдутся ли у васъ охотники? спросилъ одинъ изъ насъ.

— „На хорошее дѣло всякій пойдетъ“, отвѣтилъ Нечипоръ.

— „Выиграемъ или проиграемъ — все одно хуже не будетъ. Хоть коней понасемъ на панскихъ сѣнокосахъ“, замѣтилъ Лазарь.

Я посмотрѣлъ на Лазаря: большіе темные круги подъ глазами, одышка, неустанный кашель — таковы были блага, которыми наградила его жизнь. Лазарю терять, дѣйствительно, было нечего.

— „Съ голыми руками бунтовать не выйдемъ“, говорили между тѣмъ мы. „Достанемъ ружей, надѣлаемъ пикъ, ножей, да сядемъ верхомъ на добрыхъ коней! Не такъ-то легко справиться москали съ нами! Трудно только начать. А какъ наберется сотня-другая человѣкъ, да прійдемъ мы съ ружьями и пиками въ какую нибудь деревню, да отнимемъ отъ пана землю и передѣлимъ ее между людьми, то люди насъ поддержать. Москали не успѣютъ прійти, какъ около насъ соберутся уже тысячи народу. А если много народу взбунтуется, то потомъ никакое войско ничего не сдѣлаетъ.“

— „А что бы люди скорѣе къ намъ приставали“, заговорилъ Лазарь, „то нужно сдѣлать такъ: нѣсколько человѣкъ переодѣнутся за офицеровъ; понадѣвають эполеты и все такое. Да пріѣхавши верхомъ въ село, прямо въ волость: да сейчасъ — созывай сходъ!..“

— „Да на сходъ сказать, что мы отъ царя, и бумагу такую прочесть людямъ“, подсказалъ одинъ изъ насъ.

— „Сказать что мы отъ царя!..“ съ увлеченіемъ подхватилъ Лазарь. — „Все тогда пристануть къ намъ! Такое можно надѣлать, что потомъ и войско не поможетъ“.

Помню, даже сдержанный Нечипоръ, слушая насъ, улыбнулся во весь ротъ. Но вѣрилъ ли онъ въ успѣхъ на столько же, на сколько мы вѣрили въ ту минуту — трудно было сказать. Вѣроятно, вѣры этой у него было меньше. Самозванство въ формѣ подставнаго царя или только въ видѣ ложныхъ царскихъ манифестовъ представлялась всякому знакомому съ міровоззрѣніями наро-

да вѣрнѣйшимъ средствомъ для произведенія смуты. Лазарь самостоятельно додумавшійся до того, что для успѣха надо было нѣсколькимъ человѣкамъ переодѣться офицерами, въ сущности говорилъ тоже; мы только яснѣе формулировали его собственную мысль.

Обѣдали мы то у дѣда Федя, то у Нечипора, жившаго по сосѣдству. Мы гуляли вмѣстѣ по левадамъ, по окрестнымъ полямъ. Наши отношенія становились со всякимъ часомъ болѣе близкими. Несомнѣнно, однако, что мы сильно мѣшали работать въ особенности дѣду Федѣ, которому давно надо было окончить возъ, заказанный однимъ человѣкомъ изъ сосѣдней деревни.

Появился, наконецъ, и Стецько, получившій отпускъ на три дня. Полкъ его стоялъ въ уѣздномъ городѣ. Старуха и старикъ обрадовались до того, что не знали куда его посадить. Это былъ еще совсѣмъ юный на видъ паробокъ круглолицый, черноокий. Мать немедленно же сняла съ него солдатскій костюмъ; но его низко выстриженная, по солдатски, голова мѣшала походить ему на крестьянина. Какъ только мы познакомились съ нимъ, онъ не замедилъ показать намъ свои таланты. Онъ читалъ и писалъ, дѣйствительно, вполне свободно; любимой книгой его былъ „Кобзарь“ Шевченко, изъ котораго онъ множество стиховъ декламировалъ наизусть. Самъ онъ тоже, увлекаясь примѣромъ Шевченка, бывшаго, какъ и онъ, простымъ мужикомъ, написалъ довольно длинную поэму стихами, которую и прочелъ намъ въ первый же день. Дѣдъ восгоргался, слушая его; мы нашли поэму слабенькой, но не желая обижать стариковъ, промолчали. Учитель, видно, положилъ больше всего старанія на Стецько, но тѣмъ не менѣе Стецько производилъ впечатлѣнiе какого-то взбаломшеннаго юноши, съ головой вскруженной отъ похвалъ, расточаемыхъ окружающими. Онъ былъ грамотнѣе всѣхъ окружающихъ и надувался отъ этого, какъ индѣйскій пѣтухъ.

Въ послѣднiй день нашего пребыванiя за обѣдомъ Стецько то и дѣло декламировалъ стихи; видимо, онъ желалъ обратить на себя вниманiе. Въ этотъ разъ обѣ-

далъ съ нами и Нечипоръ; тутъ же сгорбившись сидѣлъ и Лазарь.

— „А знаете“, обратился къ намъ дѣдъ „какъ увидѣлъ я васъ въ первый разъ тогда у воротъ, такъ даже испугался; дума юсебъ: какіе-то кацапы *), чего эти люди хотятъ отъ меня?. Не дай боже встрѣтиться съ такими въ лѣсу!.. Страшные, бородатые... Мы тутъ не носимъ бородъ. И Федоръ тоже всегда брилъ бороду... А теперь энжу....

— „А теперь видите, если бы намъ побрить бороды, то изъ насъ вышли бы настоящіе козаки!?!“ перервалъ его Дробязгинъ. „Развѣ не такъ?“

— „Совсѣмъ козаки!“

Стецько въ это время декламировалъ.

— „Вотъ, лучше ѣшь“, замѣтила ему мать. А то все только говоришь, да говоришь.“

— „Когда же мы еще увидимся?“ спросилъ Лазарь.

— „Мы скоро опять приѣдемъ“, отвѣтилъ одинъ изъ насъ.

— „Заѣзжайте прямо ко мнѣ, какъ до своей хаты“, проговорилъ дѣдъ.

— „Спасибо за ласкавое слово. Позволяете, такъ мы и опять къ вамъ заѣдемъ“, сказалъ Дробязгинъ.

Стецько продолжалъ декламировать, но его никто не слушалъ, кромѣ старой матери; повимому она ничего, или, по крайней мѣрѣ, очень мало понимала изъ этой декламаціи, но все же слушала и удивлялась искусству. Стецьку это было пріятно. Я посмотрѣлъ на его пухлые щеки, и мнѣ вдругъ припомнился второкласникъ, гимназистъ, только что приѣхавшій на праздники въ домъ своихъ родителей; съ великимъ торжествомъ декламируетъ онъ своей матери ту именно крыловскую басню, за которую получилъ пятерку, а мать, сидя возлѣ него, привѣтливо ему улыбается, но думаетъ совсѣмъ о дру-

*) Такъ называютъ украинцы великороссовъ

гомъ: она думаетъ — откуда бы достать ей денегъ для дальнѣйшаго воспитанія сына.

Послѣ обѣда мы простились и уѣхали.

XI

НАШИ СВЯЗИ СРЕДИ КРЕСТЬЯНЪ.

Новопріобрѣтенныя знакомства казались намъ цѣнными, и мы съ Дробязгинымъ возвращались изъ мѣста нашего посѣщенія вполне довольные. Въ частности мнѣ нравилось здѣсь то, что въ наши сношенія съ этими людьми не пришлось вносить ни обмана, ни хитростей, и что мы сразу стали съ ними въ болѣе или менѣе прямыя, товарищескія отношенія, чего мы не могли достигнуть и даже не знали, какъ этого достигнуть, при нашихъ столкновеніяхъ съ чигиринцами. Правда, здѣсь мы недоговорились еще до конца: самое завѣтное, что пуце всего отъ всѣхъ скрывали мы — наши манифесты — остались еще не открытыми. Мы думали сдѣлать это позже, когда приблизится время возстанія. Но уже и то, что было нами вскользь сказано въ бесѣдѣ съ Лазаремъ, было — какъ намъ казалось — вполне достаточно для перваго раза. Мы замѣтили, что къ подобной мѣрѣ, какъ манифестъ отъ имени царя, умы нашихъ новыхъ пріятелей давнымъ давно были подготовлены и подготовлены были, конечно, никѣмъ инымъ, какъ самой жизнью, и что разъ наступитъ рѣшительная минута, можетъ быть, они же первые для обезпеченія успѣха прибѣгнутъ къ этой мѣрѣ. Вся постановка дѣла здѣсь получалась и проще и лучше, чѣмъ съ чигиринцами, и я былъ необыкновенно этому радъ.

Задавшись цѣлью завязывать знакомства среди крестьянъ, само собою разумѣется, мы далеки были отъ того, что бы ограничиться одной мѣстностью и потому, не

теряя времени, продолжали свои поиски дальше. Нужно сказать, что года полтора-два назадъ Иванъ Дробязгинъ въ качествѣ пропагандиста жилъ, если мнѣ не измѣняется память, въ городѣ Вознесенскѣ Херсонской губер. и ему удалось сблизиться съ крестьянами, приходившими туда изъ Кіевской губ. на заработки. Крестьяне тѣ были изъ мѣстечка Мошны, и теперь мы рѣшили воспользоваться этими старыми связями, и направились въ Мошны. Мѣстечко это, находящееся на берегу Днѣпра у подножія огромной горы, заросшей лѣсомъ и виднѣющейся далеко съ Днѣпра, лежало почти по дорогѣ намъ домой. Приходилось немного только отбиться въ лѣвую сторону. Къ сожалѣнію, однако, знакомые Дробязгина и въ этомъ году успѣли уже уйти на лѣтніе заработки и мы, никого изъ нихъ уже не заставши, принуждены были направиться домой. Мы съ Дробязгинымъ условились, спустя нѣкоторое время (кажется, черезъ мѣсяцъ) опять поѣхать къ дѣду Федю, и въ мѣстечкѣ Смѣла разстались: Дробязгинъ отправился къ себѣ, куда-то по направленію къ Днѣпру (не помню точно мѣста его поселенія), я же поѣхалъ на югъ, къ Знаменкѣ, гдѣ въ это время жилъ подъ видомъ торговца лошадами.

По пути я остановился въ мѣстечкѣ Александровкѣ, гдѣ въ это время случился какъ разъ базарный день. Какъ торговцу лошадами мнѣ было полезно посмотретьъ на базаръ, поэтому я заѣхалъ на постоялый дворъ и, выпрягши и уладившись со своимъ конемъ, пошелъ на площадь. Но базаръ оказался незначительный и кромѣ изнуренныхъ лошадей съ громадными язвами на спинахъ и на шеяхъ отъ черезсѣдельниковъ и хомутовъ, и полу-нагихъ цыганъ, бѣгавшихъ съ кнутами по базарной площади, я ничего другого не увидѣлъ и скоро воротился назадъ.

Прийдя на постоялый дворъ или, вѣрнѣе въ корчму, гдѣ я остановился, я потребовалъ самоваръ и въ общей питейной избѣ расположился пить чай.

Въ это время съ улицы вошелъ мужикъ съ деревянными обручами на плечѣ и направился къ прилавку, за которымъ стоялъ хозяинъ, еврей. Мужикъ былъ среднихъ

ѣтъ съ широко открытыми, карими глазами, поразившими меня сразу своимъ страдальческимъ выраженіемъ, и когда онъ поворотилъ ко мнѣ лицо, и я увидѣлъ его впалыя щеки, то почти догадался въ ту минуту, въ чемъ было дѣло. Впослѣдствіи, когда мнѣ пришлось идти съ стапомъ по сибирекому тракту, я часто наблюдалъ подобное выраженіе глазъ у голодныхъ арестантовъ и потому никогда не ошибался въ этомъ. Но тогда я только догадался, что тутъ было какое-то физическое страданіе и, руководимый чувствомъ жалости, предложилъ ему выпить со мною чаю. Мужикъ сначала какъ то нерѣшительно отнесся къ моему предложенію — точно не побѣрилъ, — но когда я вторично пригласилъ его, онъ сѣлъ на скамью и, сбросивши съ плечъ обручи, положилъ ихъ на полъ

— „Мы не привычны къ чаю“, замѣтилъ онъ.

— „Если въ чай положить сахаръ, да пить его съ хлѣбомъ, то можно набѣться все равно какъ борщемъ“, говорилъ я между тѣмъ, придвигая ему стаканъ чаю и кусокъ хлѣба.

Онъ принялся ѣсть съ большимъ аппетитомъ.

— „Бандарюете?“*) спросилъ я.

— „Какъ видите“.

— „А изъ какого села?“

— „Изъ Бырокъ“, отвѣтилъ онъ.

Селеніе Бырки находится на притоку Дибра Тясиннѣ, недалеко отъ мѣстечка Александровки. Я часто проѣзжалъ черезъ это село и теперь долженъ былъ захватить, такъ какъ оно лежало мнѣ на пути.

— „Что же у васъ въ Быркахъ работы нѣтъ, что приходите сюда въ Александровку?“

— „Какая же тамъ у насъ работа! Сюда ходимъ за работой.“

— „Развѣ у васъ поля нѣтъ?“

*) Т. е. занимаетесь бондарствомъ.

— „Поля?... Есть... А были вы когда нибудь въ Быркахъ?“ спросилъ онъ меня въ свою очередь.

— „Быль“.

— „Видѣли, какіе тамъ пески?“

Я вспомнилъ, дѣйствительно, почти зыбучіе пески, которые не разъ приходилось мнѣ переѣзжать возлѣ рѣки Тясмина.

— „Вотъ эти же пески, что вы видѣли, это наши поля. Тамъ и мое поле. Одинъ песокъ“, продолжалъ мой собесѣдникъ, кушая хлѣбъ и запивая чаемъ, „песокъ, на которомъ и былинка не растетъ. Если бы не это — онъ указалъ рукою на обручи, лежавшіе на полу — „давно умеръ бы съ голоду.“

— „А бондарствомъ хорошо зарабатываете?“ спросилъ я.

— „Гдѣ тамъ...“ Мужикъ, молча, ѣлъ нѣкоторое время, потомъ проговорилъ: „какъ случится: иной разъ заработаешь и хорошо, а другой разъ — только проходишь даромъ. Вотъ и сегодня, съ самаго утра хожу по базару и хоть бы вамъ одинъ обручикъ набилъ!“

— „Погано“, замѣтилъ я, пододвигая ему хлѣбъ и наливая второй стаканъ чаю.

— „Какъ ужъ не поганно, когда ѣсть нечего!“, заговорилъ мужикъ, языкъ котораго все болѣе и болѣе развязывался. „У меня такъ: сегодня не заработалъ — сегодня нечего и въ родъ положить. Вотъ и теперь, съ самаго ранняго утра до сихъ поръ, вѣрите ли, и маленькаго кусочка хлѣба не съѣлъ! Такъ весьд ень одну воду и пью: во рту сохнетъ. Если бы не вы, спасибо вамъ, пошелъ бы домой голодный, какъ собака.“

— „Почему же вы изъ дому не взяли съ собою хлѣба?“

— „Изъ дому?! Охъ, и не говорите лучше!“ воскликнулъ онъ. „Дома у меня одно несчастье. Жена, — вотъ уже три года — ни рукою, ни ногою двинуть не можетъ, — лежитъ пластомъ на печкѣ. Не оборотишь ее на другой бокъ, такъ сама и поверотится не можетъ. А въ хатѣ трое дѣтей. Старшему хлопчику недавно семь лѣтъ минуло; только этой весной сталъ его

приучать за погоньча*); а двое другихъ совѣмъ еще малые: одному пять, другому четыре годика. Дома у меня такъ: какъ самъ не замѣшу, то и хлѣба нѣтъ; да, правду сказать, и мѣсить нечего. Вотъ этимъ только и живлюсь“, добавилъ онъ, опять показывая на оброчи. „Приду сюда, заработаю, куплю хлѣба готоваго, печенаго и несу его до дому; жена и дѣти ѣдятъ. Такъ и живемъ..“ Послѣ небольшой остановки мужикъ продолжалъ: „И съ чего она заболѣла — богъ святой знаетъ!... Я уже и бабокъ призывалъ, и къ доктору возилъ; и къ кому только не ходилъ, кого только не спрашивалъ! Вотъ уже три года такой муки! другой разъ даже грѣхъ на душу беру: гляжу, гляжу на нее, да стисну зубы и думаю: господи, да хоть бы уже ты взялъ ее къ себѣ! Пусть бы она сама не мучилась, да не мучила и меня по край себя.“

Мужикъ замолкъ; я молчалъ тоже. Наконецъ, онъ поѣлъ хлѣбъ, вытеръ усы рукою, перекрестился и поднялся со скамьи.

— „Ну пойду же я, похожу, можетъ еще заработаю какую копѣйку“, сказалъ онъ, забрасывая на плечо оброчи. „Спасибо вамъ за хлѣбъ“.

— „Сегодня думаете возвращаться до дому или заночуете здѣсь?“ спросилъ я.

— „Гдѣ же здѣсь ночевать?! Пойду до дому.“

— „Такъ сдѣлайте же такъ, человчье добрый: походите по мѣстечку, сколько вамъ нужно, поработайте, а какъ кончите работу, возвращайтесь сюда и отсюда вмѣстѣ поѣдемъ. Мнѣ все равно Бырки по дорогѣ; подвезу васъ.“

— „А вы долго стоять будете?“

— „Да выѣду передъ вечеромъ.“

Въ Александровкѣ у меня не было никакого дѣла, и я могъ стеюда уже давнымъ давно выѣхать. Но мнѣ захотѣлось поближе познакомиться съ этимъ бондаремъ и я рѣшилъ его обождать.

*) Тотъ который погоняетъ воловъ при плугѣ.

Воротился онъ часа черезъ два на постоянный дворъ. Я тотчасъ собрался, и мы выѣхали изъ мѣстечка.

Дорогой я принялся спрашивать его объ ихъ помѣщикахъ, о надѣлахъ земли, полученныхъ ими при освобожденіи и пр. Насколько могу теперь припомнить, онъ рассказывалъ, что первоначально даны были имъ въ надѣлъ хорошія земли, но потомъ удалось какъ-то помѣщику повернуть дѣло, замѣнивъ большую часть этой земли песками, на которыхъ, по выраженію его, не росла и былинка, а не то что хлѣбъ. При этой мошеннической сдѣлкѣ, вѣроятно въ цѣляхъ ея упроченія, поступлено было такимъ образомъ, что пески не были раздѣлены между всѣми, а достались цѣликомъ только одной части крестьянъ; другіе же крестьяне оставлены были при хорошихъ надѣлахъ. Этимъ достигнуто было то, что среди крестьянъ возникла рознь и несогласія, въ концѣ развившіяся въ настоящую вражду. У моего собесѣдника было такое ясное опредѣленное представленіе объ своихъ деревенскихъ дѣлахъ, что большаго нельзя было и требовать; своихъ односельцевъ, державшихъ сторону пана, онъ обзывалъ разбойниками за то, что они продали интересы громады.

— „Лѣтъ семь тому назадъ“, рассказывалъ мужикъ, „былъ я сотскимъ въ нашемъ селѣ. И раньше не одинъ разъ говорилъ я между своими о томъ, что бы подать жалобу на пана; просить, что бы взяли отъ насъ эти пески и воротили намъ наши старые надѣлы; а когда меня выбрали сотскимъ, сталъ я объ этомъ еще больше говорить. Что же они сдѣлали, эти собаки? Позвали меня въ волость и старшина велѣлъ меня высѣчь. Высѣкли меня и потомъ еще посадили въ холодную, да продержали двѣ недѣли. За сотскаго выбрали другого. И до сихъ поръ у насъ ихъ царство“, закончилъ мужикъ.

Оказывалось, такимъ образомъ, что въ селеніи Бырки громада была раздѣлена на двѣ враждебныя партіи, ясно сознававшія рознь своихъ интересовъ, во имя которыхъ и вели другъ съ другомъ борьбу. Это положеніе дѣлъ въ Быркахъ очень соотвѣтствовало тому, что говорили

намъ дѣдъ Федь, Нечиноръ и Лазарь относительно своего села; припоминало это также и положеніе дѣдъ буйтовавшейся чигиринщины, гдѣ „актовики“ и „душевики“ преслѣдовали одни другихъ до послѣдней степени. Въ селѣ Бырки были даже и свои жертвы за громадскія дѣла: кутузка и побой исполняли здѣсь, очевидно, ту же роль, какъ тюрьма и Сибирь въ рукахъ нашего правительства.

— „Никакія жалобы вамъ не помогутъ“, заговорилъ я въ свою очередь. „Кому станете подавать жалобы? Чиновникамъ? Чиновники держатъ руку пановъ. Чиновники такіе же разбойники, а можетъ и хуже, какъ вашъ панъ или старшина“.

— „Это правда“, согласился мужикъ.

— „Отъ вашего пана просто нужно отнять всю землю и потомъ передѣлить ее поровну между всеѣми людьми“.

— „Вотъ, что правда — то правда!... воскликнулъ онъ.“

Попутчикъ мой, сидѣвшій ко мнѣ бокомъ, вдругъ энергично задвигался и повернулся ко мнѣ грудью.

— „Знаете ли“, началъ онъ, „не одинъ разъ вотъ также соберемся мы и толкуемъ между собою: давно пора отнять отъ нашего пана землю! Слухи же ходятъ“, продолжалъ онъ менѣе рѣшительнымъ тономъ; потомъ, глядя на меня, полувопросительно добавилъ: „говорятъ, будутъ дѣлить землю?!..“

— „Люди вездѣ это ждуть“, отвѣтилъ я.

— „Не знаю, кто вы и откуда, а вижу только, что вы добрый человекъ; вы, навѣрно, много видѣли, много слышали и знаете больше, чѣмъ мы, темные люди; расскажите, что вы слышали?“

— „Я — торговецъ; ѣзжу по ярмаркамъ; и встрѣчалъ много всякого народа. Гдѣ я ни былъ, и съ кѣмъ ни говорилъ — отъ всеѣхъ слышалъ, что отъ пановъ скоро будутъ отнимать землю и дѣлить ее между людьми“.

— „Вотъ далъ бы господь!.. Говорятъ, царь этого хочетъ?“

— „Можетъ и царь хочетъ“, уклончиво отвѣтилъ я.

„А только я знаю одно: видно же что-то будетъ, когда всё въ одинъ голосъ говорятъ объ этомъ.“

— „Даль бы то господь поскорѣе.“ Онъ вздохнулъ, потомъ спросилъ меня: скажите гдѣ вы живете?“

Я назвалъ деревню.

— „Знаю; около Черно-Лисья*); я тамъ бывалъ.“ Собесѣдникъ мой сидѣлъ нѣкоторое время, молча, потомъ заговорилъ: „Старые люди рассказываютъ, что наступитъ такое время, когда въ одно мѣсто со всѣхъ концовъ соберется много-много народу, и станетъ тамъ большая-большая битва! И послѣ того всѣмъ людямъ будетъ хорошо жить. Это мѣсто, рассказываютъ, будетъ въ черномъ лѣсу, тамъ гдѣ расходятся три большія дороги въ три разныя стороны. Выходить, какъ будто, около Знаменки: и три большія дороги расходятся отсюда — чего уже больше чугунокъ? — и чернолѣсье. Знаменка отъ васъ близко?“

— „Близко. А вы откуда слыхали это? спросилъ я, заинтересованный повѣрiемъ.

— „Между народомъ такой слухъ ходитъ; я самъ слыхалъ отъ другихъ и теперь вамъ рассказываю“.

Между тѣмъ мы приближались къ усадьбѣ моего попутчика. Вправо отъ дороги протянулся низкій, мѣстами совершенно мокрый лугъ; ряды вербъ по межамъ разграничивали крестьянскія владѣнія одно отъ другого, а дальше виднѣлись избы.

— „Вотъ я и доѣхалъ до своего дома!“ проговорилъ крестьянинъ.

— „Ледая же здѣсь усадьбы; и картофеля негдѣ посадить“, замѣтилъ я.

— „Усадьбы еще ничего; хоть по крайней мѣрѣ трава растетъ. А посмотрите туда!“ и мужикъ указалъ рукою въ противоположную сторону, гдѣ желтели песчаные бугры. „Тамъ, тамъ наша недоля!“ воскликнулъ онъ.

Я остановилъ лошадь. Крестьянинъ слѣзъ съ телеги

*Утакъ называютъ лѣсистую мѣстность возлѣ Знаменки.

и стащилъ свои обручи и мѣшокъ, въ которомъ былъ теперь большой „буханецъ“ печенаго хлѣба. Онъ его принасъ для своей несчастной семьи.

— „Когда же еще увидимся?“ спросилъ я.

— „Можетъ опять въ Александровкѣ“, отвѣтилъ онъ; но потомъ вдругъ лицо его оживилось, и онъ заговорилъ: „А то заѣзжайте ко мнѣ; все равно вамъ по дорогѣ; вотъ моя хата (онъ указалъ на одну избу). Ей-богу, заѣзжайте!.. Такъ бы мнѣ хотѣлось, что бы вы заѣхали! Собралось бы насъ нѣсколько человекъ, посидѣли бы, поговорили... Можетъ, услышали бы отъ васъ что нибудь хорошее... А то сидимъ мы здѣсь по своимъ куткамъ и ничего не знаемъ, что на свѣтѣ божьемъ дѣлается“.

— „Заѣхать можно; только боюсь я, какъ бы и меня вашъ старшина не посадилъ въ холодную“ проговорилъ я полушутливымъ тономъ и потомъ продолжалъ совершенно серьезно: „Знаете, чоловіче добрый, о такихъ вещахъ, какъ мы съ вами толковали, громко говорить нельзя“.

— „О, развѣ я этого не знаю!? Собралось бы насъ четыре-пять человекъ, — все близкіе мои сосѣди, мои пріятели.... А больше — кто же?“

Я посмотрѣлъ на него и встрѣтилъ взглядъ его широко открытыхъ, карихъ глазъ; въ нихъ свѣтилась такая правдивость, что мнѣ сдѣлалось стыдно за недоувѣріе, промелькнувшее, было, на мгновеніе въ моей головѣ.

— „Добре, непременно заѣду“, говорилъ я, пожимая ему руку.

— „Прощайте! Если бы не подвезли — плелся бы я еще гдѣ нибудь по дорогѣ; а такъ, спасибо вамъ, уже и дома.“

Мы разстались и я поѣхалъ дальше.

Утопающій хватается за соломенку, размышлялъ я, влучи къ себѣ домой. Такъ и этотъ несчастный бырчанскій бондарь, встрѣтя маленькое сочувствіе у человека, котораго передъ тѣмъ даже ни разу не видѣлъ, уже возлагаетъ на него смутныя свои надежды. А сколько подобныхъ бондарей у насъ! Ихъ можно встрѣтить

на всякомъ шагѣ. Небольшое вниманіе съ вашей стороны, капельку участія, и вы сразу привлекаете къ себѣ симпатіи этого человѣка; а послѣ двухъ-трехъ свиданій можете стать съ нимъ въ самыя пріятельскія отношенія. Какое широкое поле для того, кто хочетъ работать среди народа! Если вы пропагандистъ — пропагандируйте ваши идеи; если вы бунтарь — агитируйте и организуйте для возстанія. Здѣсь есть почва для всего. Мужикъ — этотъ „таинственный незнакомецъ“, этотъ сфинксъ, какъ утверждали нѣкоторые, — вовсе не казался мнѣ сфинксомъ, и мнѣ ясно-ясно представлялась въ ту минуту моя будущая дѣятельность!

Прошло недѣли четыре послѣ описанныхъ встрѣчъ и мы съ Дробязгинымъ опять собрались и поѣхали къ нашимъ знакомымъ.

Прибывши на мѣсто, мы заѣхали прямо къ дѣду Федю, встрѣтившему насъ, само собою разумѣется, очень радушно, и въ тотъ же день, конечно, видѣли Нечипора и Лазаря. Еще въ первый нашъ пріѣздъ, какъ Нечипоръ, такъ и дѣдъ Федь съ большой похвалою отзывались о трехъ своихъ пріятеляхъ односельцахъ, съ которыми хотѣли тогда же насъ познакомить; но не помню по какой причинѣ, кажется, просто потому, что тѣ жили на другомъ концѣ села и ихъ не удалось встрѣтить, знакомство это не состоялось. Теперь Нечипоръ рѣшилъ это осуществить. Дѣйствительно, на второй же день послѣ нашего пріѣзда онъ привелъ этихъ трехъ мужиковъ къ дѣду Федю. Одинъ изъ нихъ, Архипъ, привлекъ къ себѣ наше вниманіе. Это былъ сорокалѣтній, рослый крестьянинъ съ свѣтло-сѣрыми глазами и густыми, свѣтлыми усами, какъ кисти, опускавшимися на его ротъ, подъ которымъ, внизу, выступалъ широкій бритый подбородокъ. Когда завязалась у насъ бесѣда, двое изъ новопришедшихъ крестьянъ приняли въ ней живое участіе; но Архипъ отмалчивался, изрѣдка лишь вставляя незначительныя замѣчанія. Не трудно было, однако, замѣтить, что онъ пользовался среди своихъ большимъ уваженіемъ. Даже Нечипоръ относился къ нему явно по-

чительно, что въ моихъ глазахъ имѣло особенное значеніе, такъ какъ Нечиноръ не принадлежалъ къ числу увлекающихся пылкихъ натуръ, и слѣдовательно на его оцѣнку людей можно было полагаться. Беседа наша вертѣлась, впрочемъ, на общихъ вопросахъ. Мы не хотѣли сразу вступать въ черезчуръ откровенныя объясненія и предпочитали сначала дать возможность высказаться нашимъ новымъ знакомымъ, ограничиваясь съ своей стороны болѣе или менѣе неопредѣленными выраженіями.

Такъ прошло нѣкоторое время. Вдругъ Архимъ всталъ съ своего мѣста и, подойдя ко мнѣ, дернулъ слегка за руку и тихо проговорилъ: „Идемъ!“

Я поднялся, и мы вышли изъ избы. Архимъ шелъ впереди молча, я молча за нимъ слѣдовалъ, мысленно задавая себѣ вопросъ: что ему надо отъ меня? Такъ прошли мы, не говоря ни слова другъ другу, дворъ и левалу дѣда Федя и очутились въ полѣ. Здѣсь Архимъ остановился. Впереди видѣлась долина, а за ней по всей горѣ, на сколько хваталъ глазъ, колосились озимые хлѣба.

— „Скажите, что вы хотите?“ спросилъ онъ, уставивши на меня свои сѣрые глаза.

Я понялъ, что мнѣ ничего другого не оставалось, какъ отвѣчать прямо, не уклоняясь и не отблываясь неопредѣленными фразами, потому отвѣтилъ: „Мы хотимъ взбунтовать людей.“

— „Для чего?“

— „Покажите мнѣ, гдѣ граница людскихъ полей?“ спросилъ я его въ свою очередь.

— „На той горѣ видите широкую межу?“ онъ указалъ пальцемъ на противоположную гору. „Съ лѣвой стороны тянутся поля нашего села, а вправо — поля сосѣдняго села (Архимъ называлъ деревню).“

— „Добре. А теперь скажите мнѣ: всею ли этой землею владѣютъ люди?“

— „Нѣтъ. Людскія нивы кончаются тамъ“, отвѣтилъ

онъ, опять показывая рукою, — „а туда дальше идутъ ланы *) экономіи.

— „Кто же эти ланы засѣваетъ?“

— „Арендаторъ.“

— „Вотъ же мы хотимъ, что бы ту землю, которую засѣваетъ теперь арендаторъ, отобрать и передѣлить между всѣми людьми. И въ сосѣднемъ селѣ тоже отнять землю отъ пана и раздѣлить ее поровну между людьми. Такъ и по всѣмъ другимъ селамъ. Тогда только будетъ правда на землѣ. А что бы это сдѣлать, надо взбунтоваться всему народу.“

Архипись нѣкоторое время стоялъ, молча, видимо раздумывая по поводу сказаннаго мною; потомъ проговорилъ: „Добре“; а потомъ еще добавилъ: „Ну, теперь вернемся въ хату“. И пошелъ по направленію къ избѣ.

Что означало это его „добре“, трудно было сказать. Выражало ли оно его полное согласіе со всѣмъ тѣмъ, что онъ услышалъ отъ меня, или же только извѣстную неопредѣленность отношенія, — что у украинца тоже часто выражается этимъ словомъ „добре“ — не знаю я. Можетъ быть Архипись въ ту минуту и самъ еще не зналъ, какъ ему отнестись къ нашему плану.

Въ теченіи нѣсколькихъ дней, проведенныхъ нами у дѣда Федя, мы внимательно всматривались въ окружавшихъ насъ людей. Нечипоръ и самъ дѣдъ Федь намъ очень нравились. Дѣдъ представлялъ собою нѣсколько романтическій типъ. Онъ любилъ слушать, когда ктонибудь читалъ стихи или пѣлъ пѣсни; и одно, и другое производило на него огромное впечатлѣніе. Мнѣ не разъ удавалось ловить слезу въ его глазахъ, когда онъ слушалъ какуюнибудь заунывную украинскую „думу“. Все замысловатое, фантастическое привлекало его вниманіе. Выражался онъ всегда нѣсколько витѣевато. Нечипоръ былъ, напротивъ, очень практиченъ; большой хлопотунъ, правдивый и энергичный — онъ представлялся намъ человекомъ, который разъ брался за какоенибудь дѣло,

*) Ланомъ называется просто огромное поле.

всегда доводилъ его до конца. Что касается до Архина, то, чѣмъ болѣе мы всматривались въ него, тѣмъ онъ намъ казался интереснѣе. Это былъ несомнѣнно чело-вѣкъ съ сильнымъ характеромъ. Правда, тонкостью чувствъ онъ не отличался; чувствительности дѣда Федя у него не было и слѣда. Ни коллизіямъ, ни сомнѣніямъ, повидимому, не было мѣста въ его душѣ: да — такъ да, а нѣтъ — такъ нѣтъ! Все у него было прямое и крѣпкое, какъ у лѣсного дуба. Мы съ Дробязгинымъ уже мечтали даже о томъ, чтобы въ рѣшительную ми-нуту предложить его въ атаманы.

Передъ нашимъ отъѣздомъ была созвана сходка. Не-чиноръ явился ея организаторомъ, собравъ чело-вѣкъ пятнадцать — все людей надежныхъ, — а вмѣстѣ съ нами и нашими пріятелями составилось больше двадцати. Среди этихъ людей было чело-вѣкъ шесть изъ сосѣднихъ селъ. Последнее обстоятельство придавало сходкѣ осо-бенно серьезное значеніе, такъ какъ лица, участвовавшіе въ ней, являлись представителями уже отъ нѣсколькихъ деревень. Помню, то былъ воскресный день; въ будни люди, благодаря работамъ, не могли бы собраться. На сходкѣ ораторомъ явился сначала Дробязгинъ. Въ об-щихъ чертахъ онъ изложилъ ту мысль, что всюду люди бѣдствуютъ отъ малоземелья и всюду хотятъ общаго передѣла земли; но что, конечно, никакого передѣла мирнымъ и законнымъ путемъ произойти не можетъ и что единственное средство для достиженія этого оста-ется всенародный бунтъ. Все присутствующіе, когда пришлось всякому изъ нихъ въ отдѣльности высказать-ся по поводу поднятаго нами вопроса, соглашались съ нашимъ мнѣніемъ, т. е. что надо было бунтоваться; но при этомъ многіе изъ нихъ добавляли, что они не вѣ-рятъ въ успѣхъ дѣла. „Прійдутъ москали и побьютъ“, категорически заявилъ одинъ изъ присутствующихъ. Мы на это возражали, конечно, что бунтоваться съ голыми руками не будемъ, а сначала постараемся добыть по-больше оружія, да сверхъ того попытаемся поднять бунтъ сразу въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Въ концѣ концовъ и

мы сами признали, что въ ту минуту не были еще готовы къ возстанію и, какъ очередное дѣло, выдвигали подготовленіе умовъ въ народѣ къ предстоящему возстанію. Другими словами, мы предлагали присутствующимъ составить организацію, которая поставила бы своей цѣлью осторожно распускать слухи среди народа о томъ, что скоро наступитъ передѣлъ земли; но что всѣ люди должны заранѣе готовиться къ борьбѣ, такъ какъ помѣщики не захотятъ уступить землю безъ боя.

Мы съ Дробязгинымъ рѣшили непременно воспользоваться этой сходкой и положить начало организаціи среди крестьянъ. Понимая, однако, хорошо, что организація только въ томъ случаѣ можетъ развиваться и крѣпнуть, когда у людей, участвующихъ въ ней, будетъ какое нибудь живое дѣло: однимъ словомъ, понимая то, что для людей мало одного отвлеченнаго рѣшенія составить организацію, а нужно еще непременно практическое дѣло, которое связало бы ихъ, — мы предложили тутъ же составить раньше всего кассу взаимопомощи. Такъ какъ нѣкоторые изъ присутствующихъ собиравлись въ этомъ году къ жатвѣ итти на заработки въ Херсонскую губ., а подобное отстраненіе лицъ, участвующихъ въ организаціи, было бы вредно для дѣла, то поэтому рѣшено было оказать матерьяльную поддержку болѣе нуждающимся. Мы для примѣра и поощренія тутъ же внесли въ кассу, если мнѣ не измѣняетъ память, двадцать пять рублей и предложили присутствующимъ выбрать изъ своей среды кассира. Теперь уже не помню, кто именно былъ выбранъ кассиромъ — дѣдъ или Нечипоръ.

Когда мы подняли вопросъ о томъ, что слѣдуетъ позаботиться о привлеченіи людей въ нашу ново-основанную организацію *), то Нечипоръ заявилъ, что онъ

*) Для избѣжанія недоразумѣній я долженъ замѣтить, что, конечно, такихъ словъ, какъ: кассиръ, организація и т. п. не было говорено нами. Я передаю здѣсь лишь смыслъ нашихъ бесѣдъ. Всѣ наши разговоры велись, само собою разумѣется, на украинскомъ простонародномъ языкѣ.

имѣть ввиду не мало лицъ вполне надежныхъ, которыхъ можно будетъ привлечь къ дѣлу.

— „Какъ поѣду въ мѣстечко Лысянку,“ говорилъ онъ, „увиджу всѣхъ и переговорю“.

Оказывалось, что у Нечипора по дорогѣ къ Лысянкѣ въ нѣсколькихъ селахъ были родные и близкіе приятели, на которыхъ онъ рассчитывалъ, что они къ намъ пристанутъ. Благодаря своимъ широкимъ связямъ, Нечипоръ получалъ необыкновенно важное значеніе для дѣла. Но можно было надѣяться, что среди присутствующихъ найдется еще нѣсколько лицъ, если и не съ такими большими связями, какъ у Нечипора, то все таки съ довольно обширными знакомствами. Такимъ образомъ мы, революціонеры изъ интеллигенціи, попадали, наконецъ, въ ту, такъ сказать, народную струю, гдѣ отъ одного къ другому, отъ другого къ третьему и т. д., мы получали полную возможность раскинуть нашу организационную сѣть на какое угодно пространство. Это, конечно, мы сразу поняли и оцѣнили въ ту минуту, и предоставляю теперь судить всякому — до чего мы должны были почувствовать себя тогда счастливыми!

Впрочемъ, едва ли всякій это сможетъ понять. Для того нужно быть слишкомъ близко знакомымъ съ тою эпохою. Здѣсь же я замѣчу, что до тѣхъ поръ нигдѣ почти ничего не было сдѣлано въ народѣ, и люди даже не знали, какъ подступиться къ мужику, о которомъ все только разсуждали, но который, по признанію самихъ революціонеровъ, былъ отдѣленъ отъ нихъ китайской стѣною.

Мы совѣтовали Нечипору, какъ и вообще всемъ присутствующимъ, быть крайне осторожными въ выборѣ людей и посвящать въ нашу тайну лишь вполне надежныхъ лицъ, такъ какъ, если полиція узнаетъ о заговорѣ, говорили мы, то приметъ заранѣе мѣры, которыя помѣшаютъ намъ осуществить нашу задачу.

Припоминаю еще одинъ незначительный фактъ, который, однако, можетъ быть, не безынтересно будетъ разсказать здѣсь. На нашей сходкѣ присутствовалъ тогда одинъ человекъ изъ сосѣдняго села, обратившій на се-

бя наше вниманіе своимъ нѣсколько страннымъ поведеніемъ. За все время онъ ни разу не обратился къ намъ ни съ какимъ вопросомъ и не произнесъ громко ни одного слова, но то и дѣло шушукала что-то на ухо Нечипору, когда тотъ приближался къ нему. Наконецъ, Нечипоръ выбралъ удобную минуту и сказалъ намъ:

— „Есть тутъ одинъ человекъ, который хочетъ чтобы кто нибудь изъ васъ къ нему подошелъ; онъ хочетъ съ вами говорить“.

— „О чемъ?“ спросилъ я.

— „Онъ говоритъ...“ Нечипоръ занулся, „не знаю даже, какъ объ этомъ и подумать,“ продолжалъ Нечипоръ. „Онъ говоритъ, что онъ умѣетъ отъ пуль заговаривать, такъ что онъ крѣпко-крѣпко намъ пригодится когда мы выступимъ воевать“.

Я посмотрѣлъ на Нечипора, что называется большими глазами. Этотъ умный, трезвый, развитой мужикъ вдругъ понесъ такую околесину!...

— „Развѣ вы этому вѣрите?“ спросилъ я его.

Нечипоръ мялся, видимо, не зная, что ему отвѣтить.

Какъ меня, такъ и Дробязгина, этотъ колдунъ, умѣющій заговаривать отъ пуль, разсердилъ не на шутку, и мы рѣшили его наказать тѣмъ, что на отрѣзъ отказались говорить съ нимъ. А это было, несомнѣнно, чувствительное наказаніе для него, такъ какъ мы здѣсь являлись центральными фигурами, и на насъ, главнымъ образомъ, сосредоточивалось вниманіе всѣхъ. Колдунъ, это было видно по всему, принадлежалъ къ разряду крайне самолюбивыхъ личностей, и ему хогѣлось „не мытьемъ, такъ катаньемъ“ завоевать себѣ въ нашемъ будущемъ отрядѣ блестящее положеніе. Такимъ образомъ, нашъ бунтовской отрядъ, можетъ быть, имѣлъ бы и своего колдуна.

И такъ, начало организациіи среди крестьянъ было положено, и оставалось только вести это дѣло дальше.

Помню, въ избѣ, гдѣ больше двадцати человекъ помѣщалось и разговаривало, а многіе изъ насъ и курили, сдѣлалось невыносимо душно, и я вышелъ изъ хаты

во дворъ, что-бы освежиться. Но здѣсь былъ непріятно пораженъ слѣдующимъ зрѣлищемъ: куча людей толпалась возлѣ самыхъ оконъ нашей избы, видимо, желая подслушать, что дѣлалось и о чемъ говорилось внутри. Это были все взрослые молодые люди, паробки, собравшіеся изъ села. Меня это до того взволновало, что я немедленно воротился въ избу и, отозвавъ въ сторону дѣда Федя, тихо спросилъ его:

— „Какіе тамъ люди стоятъ возлѣ окна? Это совѣмъ-совѣмъ не хорошо! Какъ бы чего дурного не вышло изъ этого“.

— „Э!.. ничего дурного изъ этого не выйдетъ!“ успокаивалъ меня дѣдъ, — „это наши паробки... Какъ же хотите вы? Войти сюда, гдѣ сидятъ и разговариваютъ старые люди, они не смѣютъ... Вотъ они и ждутъ возлѣ каты; хочется имъ знать, на чемъ здѣсь порѣшнать, что имъ отсюда „вынесутъ“.

— „Чего же они ждутъ?“

— „Вотъ, — сказали — чего ждутъ!? А можетъ, мы тутъ рѣшили бы коней сѣдлатъ? *)“

— „Ну?...“

— „Ну, такъ они и сѣдлали бы!.. Вы какъ думаете?! Не бойтесь, ничего дурного не выйдетъ изъ этого! Это все свои люди...“ улыбаясь, говорилъ дѣдъ.

Конечно, то могли быть свои люди; но съ улицы могли видѣть эту сцену и не свои; и это послѣ того, какъ мы такъ обстоятельно разсуждали объ осторожности!... — размышлялъ я. Впрочемъ, я долженъ сознаться, что размышленія эти меня посѣтили только въ первое мгновеніе. Потомъ, очень скоро эта сцена вдругъ освѣтилась для меня совѣмъ съ другой стороны, и я сталъ усматривать здѣсь, подобно дѣду Федю, только готовность къ бунту, что меня, само собою разумѣется, необыкновенно радовало. Но такъ ли это было на самомъ дѣлѣ?

Послѣ описанной сходки мы скоро уѣхали.

*) Выраженіе, очевидно, сохранившееся съ казацкаго времени, означающее выступленіе въ военный походъ.

Теперь мы возвращались домой еще больше радостные, чѣмъ въ первый разъ. Въ моемъ воображеніи уже рисовалась картина, какъ выступить въ походъ нашъ вооруженный отрядъ, ватажкомъ котораго или атаманомъ будетъ Архинъ. Архинъ болѣе другихъ казался подходящимъ для подобной роли. На мой же взглядъ, атаманомъ бунтовскаго отряда долженъ быть крестьянинъ, и мы, революціонеры изъ интеллигенціи, могли составлять изъ себя только нѣчто въ родѣ генеральнаго штаба. Уже рисовалась мнѣ картина, какъ отрядъ нашъ будетъ приходить въ села, отнимать отъ помѣщиковъ землю и немедленно дѣлить ее между крестьянами. Сначала мы будемъ появляться неожиданно то въ той, то въ другой деревнѣ, будируя и возбуждая всюду народъ, но по мѣрѣ того, какъ возстаніе будетъ крѣпнуть, наши передвиженія сдѣлаются болѣе правильными. Уже я мысленно опредѣлялъ тотъ путь, по которому будетъ двигаться нашъ отрядъ, перечислялъ тѣ села, которыя окажутся намъ по дорогѣ и гдѣ, поэтому, раньше всего совершится передѣлъ земли. Конечно, въ первое время мы будемъ избѣгать битвъ съ войсками, напада на нихъ лишь невзначай, — какъ вообще ведутся партизанскія войны. Мы порвемъ желѣзныя дороги и телеграфы, что-бы затруднить дѣйствія правительства и дать возможность, съ другой стороны, окрѣпить возстанію. Овладевая городами, мы будемъ забирать оружіе, какое попадется, и жечь правительственныя зданія: канцеляріи, суды, всевозможные архивы. Я сталъ уже мечтать о томъ, какъ возстаніе наше будетъ расти и шириться, и какъ, наконецъ, вспыхнетъ общій пожаръ, и мятежныя толпы народа разольются грозными потоками по всей странѣ.

Вотъ, она, революція, давно желанная! Вотъ, наконецъ, она! Я ее почти осязалъ своими руками въ ту минуту!...

Какая, однако? Соціалистическая? Передѣлъ земли далеко еще не осуществлялъ социализма! Земельный идеалъ украинца — полушный передѣлъ — по всему вѣроятію, являлся уцѣлѣвшимъ остаткомъ отъ нѣкогда

существовавшей общины съ періодическими передѣлами земли, какая по настоящее время существуетъ на сѣверѣ Россіи. Правда, желаніе крестьянъ передѣла земли указывало на ихъ отрицательное отношеніе къ тому, что бы земля была личной собственностью. Но, очевидно, что самъ по себѣ передѣлъ въ будущемъ не гарантировалъ еще отъ развитія личной собственности. Крестьяне, которые получили бы при передѣлѣ извѣстные участки земли и успѣли бы разбогатѣть, конечно, не пожелали бы потомъ вторичнаго передѣла, и первые явились бы врагами подобнаго уравниенія имуществъ. Что это было бы именно такъ, на это мы имѣли передъ глазами живой примѣръ — чигиринскія волненія. „Актовики“, такіе же мужики, какъ и „душевики“, въ качествѣ довольныхъ своимъ положеніемъ, явились самыми непримиримыми противниками мужичьяго идеала — передѣла земли. Какъ же мы мирились съ этимъ? Какъ мы себѣ представляли все таки полное осуществленіе социализма? А мы просто такъ далеко не забѣгали мыслями впередъ. Мы видѣли, что крестьяне страдаютъ отъ малоземелья; мы слышали, что крестьяне мечтаютъ о подушномъ передѣлѣ земли; и мы стремились къ осуществленію этого ближайшаго крестьянскаго идеала, не безъ основанія думая, что будущія поколѣнія сами о себѣ позаботятся лучше, чѣмъ мы о нихъ теперь (фраза, брошенная гдѣ-то Чернышевскимъ); что наша задача состоитъ въ томъ, что-бы осуществить назрѣвшія требованія народа, или, какъ мы любили тогда выражаться, стоять на почвѣ ближайшихъ народныхъ требованій. Осуществляя назрѣвшія требованія, мы этимъ открывали путь дальнѣйшему прогрессу. Мы не безъ основанія думали, что народные идеалы и стремленія являются продуктомъ его жизни, т. е. что они складываются подъ совокупнымъ давленіемъ всѣхъ обстоятельствъ экономическаго строя, политическихъ порядковъ и пр.; и что, слѣдовательно, одной словесной пропагандой все равно нельзя измѣнить міровоззрѣній народныхъ; что въ концѣ концовъ лучше и полезнѣе что нибудь осуществить въ жизни,

чѣмъ обо многомъ мечтать и разговаривать только. Словомъ, мы стояли тогда въ этомъ отношеніи на вполнѣ рациональной почвѣ.

Но что касается путей, посредствомъ которыхъ мы думали осуществить наши стремленія, то тутъ, нужно сознаться, мы впали въ страшную ошибку. Мы избрали путь народнаго возстанія. Вѣра въ революціонность народа, въ его могущество и даже ненобѣдимость — вотъ та слабая сторона, на которой, увы, построено было все наше революціонное народничество. И любопытиѣ всего было то, что доказательства свои мы черпали изъ исторіи, тогда какъ исторія-то, казалось, и должна была насъ уберечь отъ подобной ошибки. Мы ухитрились отдѣльныя историческія событія, совершавшіяся, скажемъ, въ прошломъ вѣкѣ, цѣликомъ какъ-то приурочивать къ нашему времени, и при этомъ упускали иногда изъ виду самыя существенныя обстоятельства: или не принимали во вниманіе общихъ условій жизни того отдаленнаго времени, или же не замѣчали разницы, существующей между той эпохой и настоящимъ временемъ.

„Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1770 такого-то года возлѣ города Яицка на Уралѣ появилась толпа козаковъ, состоящая изъ трехсотъ человѣкъ...“ читали мы въ исторіи пугачевского бунта; потомъ переворачивали нѣсколько страницъ и читали дальше: „Въ концѣ октября того же года подъ городомъ такимъ-то у Пугачева уже было тридцать тысячъ войска, столько-то лошадей, столько-то пушекъ и пр.“ Вотъ какъ растетъ народная армія! восклицали мы. Въ одинъ мѣсяцъ съ небольшимъ съ трехсотъ она выросла до тридцати тысячъ. Очевидно, и намъ стоитъ только начать съ самымъ маленькимъ отрядомъ и мы не оглянемся, какъ будемъ имѣть десятки тысячъ въ своихъ рядахъ!... Дальше, въ описаніи того же пугачевского бунта, мы наталкивались на факты вродѣ того, напр., что правительственныя пушки доставлялись изъ одной губерніи въ другую, скажемъ, на волахъ, и ѣхали цѣлыхъ два мѣсяца, или что нибудь въ такомъ родѣ; такіе факты нисколько не вызвали у насъ сравненій. Мы

е говорили: „Однако, легко было тогда бунтовать! Тогда правительство возило пушки на волахъ, а не по железнымъ дорогамъ; везло ровно два мѣсяца тамъ, гдѣ теперь въ три часа привезеть“. Мы, напротивъ, читая о подобномъ казусѣ, только радовались, весело потирая себѣ руки и приговаривали: „такъ имъ и надо мерзавцамъ!... вотъ имъ и пушки опоздали...“ Или, напр., наитываемъ мы въ исторіи того же пугачевского бунта нѣчто въ родѣ слѣдующаго: „Пугачевъ окружилъ городъ съ шестидесятью тысячнымъ войскомъ. Но въ это время полковникъ такой-то сдѣлалъ удачную вылазку и въ рясахъ самозванца произошли смятеніе и паника. Въ лагерь его всю ночь слышался крикъ, а когда на другой день утромъ Пугачевъ вышелъ изъ своей палатки, то съ ужасу своему, увидѣлъ совершенно опустѣвшій лагерь. При самозванцѣ осталось только пятнадцать человекъ“. Затѣмъ слѣдуетъ поименное перечисленіе этихъ пятнадцати: „Чика“, конечно, одинъ изъ вѣрныхъ сподвижниковъ Пугачева и другіе. „Но это, однако, ужасный фактъ! Изъ шестидесяти тысячъ осталось вѣрныхъ своему дѣлу только пятнадцать человекъ! Куда же дѣались остальные? Бѣжали!... Какъ они смѣли бѣжать?! Какое безобразіе! Какъ мало мужества у толпы!...“ „Что? Мало мужества у толпы?!“, съ азартомъ восклицали мы. Но найти оправданіе и сказать что нибудь въ пользу мужества толпы при этомъ казусѣ мудрено было; поэтому, мы предпочитали повернуть вопросъ другой стороной: „Ничего!“, успокоивали мы, „сегодня избѣжались, — завтра опять прійдутъ.“

Конечно, я, можетъ быть, нѣсколько ретуширую дѣсь, но сущность нашихъ объясненій историческихъ обытій была именно въ такомъ духѣ. Все то, что подтверждало наши теоріи, мы брали цѣлкомъ; все то, что противорѣчило имъ, мы такъ или иначе ухитрялись оборотить все таки въ пользу нашихъ взглядовъ, или, наконецъ, просто уклонялись отъ объясненія. То былъ о истиннѣ самообманъ или даже болѣе того — гипнозъ какой-то, ибо въ настоящее время трудно представить

себѣ, какъ, въ самомъ дѣлѣ, можно было проглядѣть хотя бы такія сооруженія, какъ желѣзныя дороги и телеграфы? Вѣдь во времена Пугачева, а тѣмъ болѣе Стеньки Разина, ничего подобнаго не было. Но если и тогда правительство вышло побѣдителемъ, то какъ можно было надѣяться на успѣхъ въ настоящую эпоху? Пути сообщенія, почты, телеграфы, полицейская организація, — словомъ все, что носитъ общее названіе „благоустройства“, вѣдь это же все — несомнѣнный плюсъ для прочности государственнаго порядка и несомнѣнный минусъ для бунтовскаго отряда. Но самое поразительное во всемъ этомъ недосмотрѣ былъ недосмотръ военной силы; а это ужъ, казалось, и ребенокъ долженъ былъ бы видѣть. Однако, въ этомъ отношеніи проглядѣли не одни мы, русскіе, но и западно-европейскіе революціонеры: въ то время, какъ они строили свои революціонныя планы, исходя изъ опытовъ 48 года, европейскія правительства не дремали и, съ Бисмаркомъ во главѣ, развили милитаризмъ до такихъ размѣровъ, что разговоры о народныхъ возстаніяхъ и баррикадахъ сдѣлались теперь просто такі дѣтскими. Легко было бунтоваться пугачевцамъ, имѣя за собою вооруженное козачество, а противъ себя — незначительную регулярную армію, да къ этому еще — вмѣсто желѣзныхъ дорогъ — отвратительныя грунтовыя, вмѣсто локомотивовъ — воловъ, вмѣсто телеграфовъ — фельдъегерей... Но нынче? Если бы мы потрудились сравнить только военные бюджеты Екатерины II и Александра II, то этого одного было бы за глаза достаточно, что бы умѣрить нашъ пылъ. Увы, никому изъ насъ это не приходило въ голову, и крестьянинъ, говорившій намъ, что „прійдутъ москали и побьютъ насъ“, оказывался несравненно дальновиднѣе насъ, революціонеровъ изъ интеллигенціи, проглядѣвшихъ такую огромнѣйшую силу, какъ наша полтора-милліонная армія. При тѣхъ средствахъ, какими располагаютъ современныя европейскія правительства, удачное возстаніе возможно лишь при одномъ условіи, — когда возстаніе это сдѣлаетъ само же войско. Уже парижская револю-

ція 1871 года сдѣлана была національной гвардіей и при томъ еще при особыхъ благопріятныхъ условіяхъ : внѣшней войнѣ, отвлекшей силы. Но думали ли мы хоть о томъ, чтобы внести нашу пропаганду въ среду военныхъ? Нисколько. Мы, народники, съ полнѣйшимъ пренебреженіемъ относились къ этой организованной, всеобъемлющей силѣ, и только народовольцами агитація среди военныхъ поставлена была однимъ изъ главныхъ пунктовъ программы. Я позволю себѣ привести здѣсь конецъ рѣчи Петра Алексѣева, произнесенной имъ передъ судомъ въ 1877 году, гдѣ ясно формулирована, эта наша народническая вѣра. Вотъ что онъ говоритъ : „И она (революціонная молодежь) пойдетъ неразлучно съ нами до тѣхъ поръ, пока поднимется эта мускулистая крестьянская рука, (говоритъ, поднявъ руку) и огражденное солдатакими штыками ярмо деспотизма не разлетится въ прахъ.“

Такъ понималъ задачу революціонеровъ Петръ Алексѣевъ; болѣе или менѣе также понимали ее и другіе. Мы не представляли себѣ революцію иначе, какъ въ видѣ прямой, непосредственной борьбы народа съ войскомъ. Мы противопоставляли народъ привилегированнымъ условіямъ и правительству съ его чиновничьей организаціей и арміей, какъ два враждебныхъ лагеря, двѣ силы, вотъ-вотъ готовые столкнуться, вступить другъ въ другомъ въ смертельный бой, и ни одной минуты не сомнѣвались въ успѣшномъ исходѣ этой борьбы для народа. „Скоро, братцы, прійдетъ это времечко“, читаемъ мы въ народнической брошюрѣ „Чтой то братцы?“ — Со всѣхъ сторонъ поднимается сила крестьянская, взволновалась Русь-матушка, зашумѣла, какъ море великое. А поднимется, да расправится, — такъ не будетъ въ ней ни сладу, ни удержу.“

НАСТРОЕНИЕ НАШЕГО КРУЖКА. — ПОКУШЕНИЕ
НА ЖИЗНЬ ГОРИНОВИЧА И НАШЕ БѢГСТВО
ИЗЪ ДЕРЕВЕНЬ. — АРЕСТЪ ВЪ МѢСТЕЧКѢ
ШПОЛЬ. — СЪѢЗДЪ ВЪ ХАРЬКОВѢ.

Въ то время, какъ я съ такой вѣрой относился къ нашему будущему и фантазировалъ, и строилъ всевозможные планы, предусматривая чуть не мельчайшія подробности предполагаемаго бунта, — дѣйствительность готовила совсѣмъ другое. Настроеніе большинства членовъ нашего кружка давно было уже не благопріятное для дѣятельности среди народа и со дня на день становилось хуже. Я рассказывалъ уже раньше о томъ ненормальномъ положеніи, которое заняли мы сразу лишь только поселились въ народѣ: мы жили по деревнямъ и не знакомились съ сосѣдями-крестьянами. Такъ поступалъ не тотъ, либо другой изъ насъ, а рѣшительно всѣ. Такъ, напримѣръ, я первый, ставившій, между прочимъ, своей задачей заведеніе связей въ той деревнѣ, гдѣ жилъ, подобно другимъ, избѣгалъ знакомствъ съ крестьянами и, если знакомился, то только на сторонѣ, вдали отъ своего мѣстожителства. Причину этого нужно искать, главнымъ образомъ, въ нашемъ нелегальномъ положеніи, которое вынуждало насъ держаться по отношенію ко всѣмъ постороннимъ крайне сдержанно, болѣе того — недовѣрчиво, чтобы не дать возможности проникнуть имъ въ нашу интимную жизнь.

Конечно такое сдержанное, недоверчивое отношеніе къ сосѣдямъ-крестьянамъ мѣшало намъ сближаться съ ними, и наша жизнь въ деревняхъ становилась, такимъ образомъ, одной пустой формальностью, не приносящей ничего, кромѣ обузы для насъ самихъ. Но жизнь кружка или партіи направляется, какъ мнѣ кажется, не столько общими принципами и конечными цѣлями, стоящими въ его программѣ, какъ той ежедневной мелкой работой, что приходится совершать ему въ борьбѣ съ окружающей текущей жизнью. Ничего удивительнаго, поэтому, что вышеописанное ненормальное положеніе среди народа, съ полнымъ отсутствіемъ дѣла, прямо относящагося къ цѣли, стала развивать въ нашемъ большинствѣ скептицизмъ и сомнѣніе, принявшіе въ концѣ весьма опасные размѣры. Между нами стала наблюдаться большая рознь въ настроеніяхъ. Такъ, Стефановичъ, вѣвшій свои конспираціи съ чигиринцами, увлеченный этимъ дѣломъ, вскорѣ занялъ совершенно обособленное положеніе въ нашемъ кружкѣ. Съ своей стороны, я былъ такимъ пламеннымъ бунтаремъ въ ту минуту, благодаря, конечно, тѣмъ удачнымъ знакомствамъ среди крестьянъ, о которыхъ рассказывалъ выше, что тоже не могъ мириться съ настроеніемъ большинства. А жизнь большинства, между тѣмъ, слагалась на особый образецъ. Стефановичъ, Дробязгинъ, я искали и находили работу для себя, по крайней мѣрѣ, вдали отъ нашихъ поселеній, если не у себя дома. Положеніе жъ большинства было другое, такъ какъ оно не находило дѣла для себя ни дома, ни внѣ дома, и даже не предвидѣло никакого дѣла до самого того момента, когда прійдется выступить съ оружіемъ въ рукахъ. Этотъ, если можно такъ выразиться, не въ мѣру высоко поднятый тонъ, тогда какъ дѣйствительная окружающая жизнь требовала, можетъ быть, именно мелкой, кропотливой работы, далъ въ будущемъ только лишній шансъ для разочарованія: спускаться съ неба на землю всегда неприятно. Большинство изъ насъ ожидаю, когда двумъ-тремъ человѣкамъ удастся завязать подходящія сношенія съ крестьянами, ждало, пока

появятся откуда нибудь средства, необходимыя для закупки оружія. Да что оно могло, въ самомъ дѣлѣ, и предпринять въ этомъ отношеніи? Положеніе было безвыходное. — «Ахъ, какъ бы поскорѣе начинать уже!» восклицали тѣ, которыхъ терпѣніе истощалось. — „Да когда же, наконецъ, мы приступимъ къ дѣлу? Неужели будемъ только все собираться, да готовиться?“ говорили болѣе нервныя и горячіе. Поднялись разговоры о назначеніи срока. „Разъ наступитъ назначенное время — мы должны начать возстаніе“, доказывали они. То есть, другими словами, начинать хоть съ пустыми руками. „Пусть насъ окажется всего двадцать человѣкъ“ — развивали они свою мысль дальше, — явимся мы въ какую либо деревню, созовемъ сходъ, прочтемъ манифестъ отъ имени царя о передѣлѣ земли и уйдемъ съ тѣмъ, чтобы появиться гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ.“ Предполагалось, что этимъ путемъ удастся разволновать крестьянскую массу.

Стала замѣчаться какая-то нервная торопливость въ нашихъ дѣтвіяхъ; мы боялись, что разъ теперь не успѣшимъ и отложимъ возстаніе, то потомъ уже ничего не выйдетъ изъ нашихъ плановъ. Но сознаніе, что начинать бунтъ съ голыми руками было-бы чистымъ безуміемъ, все таки брало верхъ. И вотъ мы стали искать выхода. Рѣшено было отправить одного делегата въ Петербургъ и Москву къ тамошнимъ революціоннымъ кружкамъ, съ цѣлью просить у нихъ матерьяльной помощи. Выбранъ былъ для этого человѣкъ, къ которому всѣ революціонеры, сколько нибудь знавшіе его, относились безусловно хорошо, человѣкъ съ самой высокой революціонной репутаціей (имени его я здѣсь не хочу назвать). Мы надѣялись, что онъ успѣетъ скорѣе, чѣмъ кто-либо другой изъ насъ, въ этой миссіи. Онъ долженъ былъ рассказать тамъ, что у насъ заведены серьезныя связи въ крестьянствѣ и что почва для возстанія вполнѣ подготовлена; но такъ какъ начинать подобное дѣло, не имѣя оружія, значило бы подвергать дѣло въ самомъ же началѣ огромному риску, то поэто-

му мы призываемъ всѣхъ революціонеровъ-народниковъ на помощь къ намъ. Для того, что бы окончательно вселить довѣріе къ нашему предпріятію, делегатъ долженъ былъ предложить, чтобы оттуда командировали кого либо изъ своихъ къ намъ, на югъ, для проверки нашихъ словъ. Съ такими порученіями уѣхалъ нашъ делегатъ.

Но спустя нѣкоторое время, къ нашему ужасу, онъ вернулся почти ни съ чѣмъ, если не считать за серьезное пріобрѣтеніе тѣ тридцать револьверовъ, дешевыхъ и никуда негодныхъ, которые онъ привезъ изъ своей командировки.

Мы имѣли, такимъ образомъ, для нашего предполагаемаго возстанія нѣблизь тридцать плохихъ револьверовъ! Хороша оказалась помощь петербургскихъ кружковъ!.. Только и оставалось для полнаго обезпеченія успѣха въ возстаніи призвать еще на помощь того колдуна, что брался заговаривать отъ нуля!

Однако, я иронизирую здѣсь заднимъ числомъ. Тогда же мнѣ было совѣмъ не до того: я былъ слишкомъ вѣрующимъ народникомъ.

Между тѣмъ многіе изъ нашихъ тогда уже стали иронизировать и надъ мужикомъ, и надъ собою, и надъ всеми нашими предпріятіями. Они прекрасно видѣли и понимали, что народъ оставался также чуждъ имъ, какъ былъ для нихъ и раньше, до ихъ жизни въ деревняхъ; чувствовали, съ другой стороны, и себя чуждыми народу и это, конечно, должно было развить у нихъ недо-вѣріе къ своимъ силамъ и своему дѣлу. Они увидѣли, что ни народъ для нихъ, ни они для народа не были нужны. Революціонное народничество отживало свое время и мало по малу начинали уже зрѣть какія то новыя чувства. Трудно формулировать, однако, въ чемъ заключались эти чувства. Не у одного изъ скептиковъ въ ту минуту поднимался, можетъ быть, вопросъ въ такомъ родѣ: „а что если мы не тамъ ищемъ рѣшенія вопроса, гдѣ его слѣдуетъ искать?“ Въ самомъ дѣлѣ, если мы все сознавали, что безъ оружія безсмысленно было поднимать бунтъ, то самъ собою напрашивался выводъ,

что безмысленно было и вообще поднимать возстаніе, такъ какъ, конечно, достать оружіе въ такомъ количествѣ, чтобы съ нимъ можно было противопоставиться войску, мы все равно не могли, — для этого нужны были милліоны, а сотня, двѣ и даже тысяча ружей такъ же мало обезпечивали успѣхъ дѣла, какъ если бы ихъ и совсѣмъ не было.

Сборнымъ мѣстомъ нашего кружка, какъ я описывалъ выше, было мѣстечко Смѣла, и въ частности, постоянный дворъ Сруля. Но наши постоянныя шатавія въ Смѣлу скоро скомпрометировали этотъ постоянный дворъ въ глазахъ смѣлянской полиціи, заподозрѣвшей въ насъ воровскую шайку. Становилось опаснымъ дальше жить въ Смѣлѣ, и нашъ сборный пунктъ, наша, такъ сказать, главная квартира перенесена была въ г. Елисаветградъ Херсонской губ. Елисаветградъ, стоящій на желѣзной дорогѣ — Одесса-Харьковъ —, находился недалеко отъ другихъ нашихъ поселеній, бывшихъ, главнымъ образомъ, въ южной части Кіевской губ., и, потому, оказывался весьма удобнымъ пунктомъ, тѣмъ болѣе, что городокъ этотъ былъ еще оживленнѣе мѣстечка Смѣлы и слѣдовательно, еще легче было намъ скрываться. Организаторомъ елисаветградскаго поселенія явился Чубаровъ (членъ нашего кружка), нанявшій отдѣльный домъ, само собою разумѣется, на вымышленное имя. Съ нимъ поселились Малинка и Рахальскій; другіе же члены кружка наѣзжали сюда, оставаясь тутъ иногда подолгу, и здѣсь отбывались наши собранія.

Здѣсь то въ елисаветградскомъ притонѣ и стало рѣзко наблюдаться то ненародническое, а какое то другое настроеніе, о которомъ я вспоминаю выше, и я помню, сильно чувствовалъ и скорбѣлъ тогда отъ той розни, что выросла между нами и продолжала расти дальше. Не разъ, бывало, принимался я рассказывать скептикамъ о бырчанскомъ бондарѣ, приводя мое знакомство съ нимъ, какъ доказательство того, съ какою легкостью можно заводить связи среди крестьянъ. Мнѣ хотѣлось указать хоть на маленькое дѣло, достижимое

для всякого, но которое могло бы заполнить время и вывести наше большинство из бездвѣтельного состоянія, представлявшаго главную опасность для нашихъ плановъ. Я это тогда понималъ или, вѣрнѣе, не понималъ, а чувствовалъ. Я чувствовалъ, что нашимъ революціонно-народническимъ планамъ угрожала какая-то смертельная бѣда, и мнѣ хотѣлось какъ-нибудь предъотвратить ее. Но въ отвѣтъ на мой примѣръ знакомства съ бондаремъ только подтрунивали надо мною, говоря, что я изобрѣлъ „механическій путь намѣчанія революціонныхъ типовъ въ народѣ“. Понятно, я сердился.

Такъ влачили мы нашу жизнь въ народѣ... И до какихъ поръ влачили бы — трудно сказать, если бы слѣдующій случай не вытолкнулъ насъ изъ нашихъ поселеній.

Въ первыхъ главахъ моихъ воспоминаній, рассказывая о „Кіевской коммунѣ“, я упоминалъ о Ларионовѣ и Гориновичѣ, какъ о двухъ субъектахъ, которые, будучи арестованы, дали много компрометирующихъ показаній. Одинъ изъ нихъ, Гориновичъ, можетъ быть, именно въ награду за его раскаяніе, выпущенный изъ тюрьмы, вмѣсто того, чтобы куда-нибудь удалиться, гдѣ могли бы его поскорѣе всѣ забыть, принялся за чѣмъ-то усиленно розыскивать Стефановича и меня, какъ своихъ знакомыхъ, мотивируя это тѣмъ, что хочетъ работать съ нами въ народѣ. Кажется, миссія розыскать насъ просто на просто возложена была на него жандармами. Ему какъ-то удалось напасть на наши слѣды: онъ узналъ, что мы находимся гдѣ-то возлѣ г. Елисаветграда и лѣтомъ 76-го года пріѣхалъ сюда. Здѣсь членъ нашего кружка, Левъ Дейчъ, встрѣтилъ случайно Гориновича у одного изъ мѣстныхъ радикаловъ — военнаго фельдшера Майданскаго — и узналъ его. Дейчъ и Викторъ Малинка, оба проживавшіе тогда въ елисаветградскомъ притонѣ, сочли вполне справедливо появленіе Гориновича опаснымъ для дѣла и мало по малу пришли къ тому заключенію, что другого средства не оставалось, какъ только его убить. Но такъ какъ убійство въ

г. Елисаветградъ могло повлечь за собою розыски и открытіе нашей организаціи, то поэтому они надумались совершить это убійство въ Одессѣ, куда съ этой цѣлью и вызвали Гориновича.

Покушеніе на жизнь Гориновича произошло въ Одессѣ на площади, находящейся возлѣ товарной желѣзнодорожной станціи. Послѣ ударовъ, свалившихъ его на землю, покушавшіеся сочли его мертвымъ и тогда облили его лицо сѣрной кислотой въ томъ намѣреніи, чтобы полиція не могла потомъ констатировать личности убитаго. Но что бы, съ другой стороны, всѣ знали причину убійства, возлѣ лежавшаго Гориновича оставлена была записка слѣдующаго содержанія: „Такова участь всякого шпіона“. (я не помню, впрочемъ, точныхъ словъ записки). Но Гориновичъ оказался живъ. Съ лицомъ изуродованнымъ сѣрной кислотой онъ потомъ фигурировалъ на „большомъ процессѣ“, какъ живой примѣръ крайней жестокости покушавшихся революціонеровъ. Я не стану здѣсь даже опровергать этой очевидной клеветы. При видѣ изуродованнаго лица Гориновича всѣ содрогались и ужъ, конечно, сами покушавшіеся содрогались и возмущались въ тысячу кратъ болѣе лицемѣрныхъ прокуроровъ русскаго правительства.

Случай этотъ имѣлъ рѣшающее вліяніе на судьбу нашего кружка.

Гориновичъ остался живъ. При слѣдствіи выяснилось, что покушавшіеся встрѣтились съ нимъ въ Елисаветградѣ у военнаго фельдшера Майданскаго и мѣстнаго адвоката, Краева. Тотчасъ эти два человѣка были арестованы. Къ сожалѣнію Краевъ сталъ давать компрометирующія показанія. А такъ какъ Краевъ зналъ нашъ притонъ, гдѣ жили Чубаровъ, Рахальскій и другіе, и куда постоянно наѣзжали остальные члены кружка, то вскорѣ начались поиски за всѣми нами. Пришлось намъ покидать болѣе или менѣе насиженные мѣста и бѣжать куда-то. И вотъ, назначивъ Харьковъ общимъ сборнымъ пунктомъ, мы бросились въ разсыпную, кто куда находилъ удобнѣе для себя.

Я и три товарища принялись тоже за ликвидацию нашего поселенія. Дѣло было не особенно сложное, и дня два-три спустя мы уже двигались по дорогѣ къ мѣстечку Шполѣ Кіевской губ., на двухъ телѣгахъ, нагруженныхъ почти до самого верху всевозможными вещами: помимо одежды и хозяйственныхъ принадлежностей, тутъ было три или четыре сѣдла, на которыхъ мы мечтали ѣздить во время возстанія; нѣсколько книгъ, главнымъ образомъ, по исторіи французской революціи, пугачевщины и гайдамачины; карты генеральнаго штаба той мѣстности, гдѣ предполагалось начать возстаніе; нѣсколько кинжаловъ и револьверовъ съ цѣлой кучей револьверныхъ патроновъ; множество коробокъ съ порохомъ; фальшивые паспорта; подѣльные печати и тому подобныя „бунтовекія“ принадлежности.

Въ мѣстечко Шполу мы пріѣхали подѣ вечеръ и остановились на ночь въ постояломъ дворѣ. На другой день, не помню, почему, мы провалялись довольно долго, а когда собрались, наконецъ, уѣхать, въ большихъ крытыхъ сѣняхъ постоялаго двора, называемыхъ „подсѣнемъ“ (въ родѣ сарая), гдѣ стояли уже запряженные наши телѣги, появился вдругъ тысяцкій съ двумя сотскими и потребовалъ наши паспорта.

Пробѣжавъ документы и найдя ихъ, конечно, въ порядкѣ (документы у насъ были подѣланы превосходно; въ частности у меня былъ настоящій документъ одного моего умершаго родственника), тысяцкій посмотрѣлъ пытливо на наши телѣги и заинтересовался узнать, какія это были вещи.

Мы себя назвали торговцами лошадей и объявили, что переѣзжаемъ на жительство изъ г. Черкасы въ г. Умань Кіевской губ., и что эти вещи были наши хозяйственныя принадлежности.

Тогда тысяцкій на угадъ запустилъ руку въ одну изъ телѣгъ, и къ нашему ужасу, вытащилъ оттуда револьверный кобуръ.

— „А это что?..“ воскликнулъ онъ.

— „Чехоль отъ ровольвера“, отвѣтилъ я, „да и ре-

вольверъ есть. Сами знаете — таскаемся по ярмаркамъ, приходится держать оружіе. Другой разъ ѣдешь ночью съ деньгами...”

О револьверѣ я заговорилъ потому, что все равно кобуръ былъ найденъ; отказываться и выворачиваться казалось неудобнымъ. Я счелъ практичѣе пойти опасности на встрѣчу, а потому, не колеблясь, выташилъ револьверъ и подалъ его тысяцкому.

Но или мой расчетъ оказался невѣрнымъ или же, можетъ быть, и безъ того мы возбудили серьезныя подозрѣнія, только онъ не удовлетворился моей откровенностью. Взявъ револьверъ изъ моихъ рукъ и оглядѣвъ его со всѣхъ сторонъ, онъ рѣшительно заявилъ:

— „Собирайтесь-ка, пойдѣмъ въ станovou квартиру.“

На это мы, что называется, только руками развели.

Толпа зѣвакъ собралась у воротъ постоялаго двора, вѣвшихъ въ подсѣнье, гдѣ вся вышеописанная сцена происходила, и съ любопытствомъ оглядывала наши телѣги, нагруженныя вещами, и насъ самихъ, чувствовавшихъ себя въ ту минуту сильно обезкураженными.

— „И телѣги, и телѣги ведите за собою!“ проговорилъ тысяцкій, замѣтивъ, что мы собираемся идти одни безъ нашихъ телѣгъ.

Нечего было дѣлать; взявши лошадей подъ узды, мы медленно, среди разступившейся по обѣ стороны толпы народа, выѣхали изъ большихъ воротъ постоялаго двора и двинулись вслѣдъ за тысяцкимъ, шедшимъ впереди; двое сотскихъ пошли сзади насъ.

По дорогѣ въ станovou квартиру, находившуюся на краю мѣстечка, намъ — по крайней мѣрѣ мнѣ — пришлось о многомъ-многомъ передумать. Шли мы, молча, не разговаривая другъ съ другомъ, всякій погруженный въ свои невеселыя размышленія, такъ какъ въ присутствіи тысяцкаго и сотскихъ серьезной бесѣды все равно нельзя было вести, а шептаться — значило лишь усилить подозрѣнія противъ себя. Прежде всего мнѣ пришла въ голову мысль, что насъ задержала шполянская полиція, благодаря распоряженіямъ изъ Елиса-

ветграда, разосланнымъ повсюду объ арестѣ лицъ съ извѣстными примѣтами, которыя, само собою разумѣется, должны были подходить къ нашимъ примѣтамъ, такъ какъ насъ то собственно и розыскивали. Это мрачное предположеніе само собою лезло въ голову. Но если даже было и не такъ, если насъ задержали безъ всякаго отношенія къ елизаветградскимъ событіямъ, то и въ этомъ случаѣ положеніе казалось отчаяннымъ: достаточно было обыскать наши телѣги и найти револьверы, патроны, порохъ, а особенно фальшивые паспорта, что-бы наше дѣло было окончательно проиграно. Обыска же надо было ожидать во всякомъ случаѣ; болѣе того, я былъ увѣренъ въ томъ, что насъ обыщутъ тотчасъ, какъ мы прійдемъ въ станovou квартиру. „Да, дѣло проиграно“, думалъ я и мысленно готовилъ себя уже къ тюрьмѣ, показаніямъ и очнымъ ставкамъ.

Но вотъ мы пришли въ станovou квартиру; по счастью, становаго пристава не оказалось, — онъ куда-то выѣхалъ. Наши телѣги съ лошадьми заведены были во дворъ, и насъ позвали въ канцелярію. Здѣсь два писаря, сгорбившись надъ длиннымъ столомъ, выводили какія-то полицейскія кляузы; третій чиновникъ, видимо старшій, сидѣлъ за отдѣльнымъ небольшимъ столомъ и перелистывалъ бумаги. Когда мы вошли, онъ оглядѣлъ насъ съ головы до ногъ и, получивъ изъ рукъ тысяцкаго мой револьверъ, положилъ его въ шкафъ; потомъ приказалъ задержать насъ до пріѣзда пристава во дворъ и самъ вновь углубился въ свои бумаги. Мы вышли во дворъ. Тысяцкій оставилъ при насъ сотекаго и самъ куда-то ушелъ.

Я осмотрѣлся. Ворота на улицу были заперты. Дворъ былъ обнесенъ низкимъ плетнемъ, за которымъ съ одной стороны тянулася огородъ; тамъ видѣнъ былъ еще другой такой-же плетень, а дальше — пезасвянное поле. Сдѣлать попытку къ побѣгу было легко, но быть пойманнымъ казалось еще легче, такъ какъ рѣшительно негдѣ было спрятаться: поле было гладкое и ровное,

какъ столъ, весьма удобное для солдатскихъ учений, но не для укрывательства.

Теперь, ходя по двору, мы бесѣдовали и совѣщались между собою. Всякій изъ насъ находилъ положеніе отчаяннымъ, но прибѣгать къ такому средству, какъ бѣгство, казалось безразсуднымъ. Бѣгство мы считали послѣднимъ средствомъ. „Еще будетъ время, а пока торопиться съ этимъ незачѣмъ“, разсуждали мы и чего то ждали. Надежда смутная, неясная шевелилась гдѣ то на днѣ души. Но на чемъ она покоилась — трудно было даже сказать; можетъ быть на томъ, что наступалъ вечеръ и въ полѣ ложились длиныя тѣни, а ночь — лучшій помощникъ въ подобныхъ случаяхъ. Прошло около часу времени; сумерки сгустились и почти уже наступила ночь, когда наконецъ становой пріѣхалъ. Выслушавъ наше дѣло, онъ взялъ наши паспорта и приказалъ отвести насъ обратно на постоянный дворъ, заявивъ, что дѣло это разсмотреть завтра утромъ.

Стопудовая тяжесть сразу свалилась съ плечъ: за ночь мы надѣялись найти какой нибудь исходъ.

Мы отправились со своими телѣгами на постоянный дворъ опять въ сопровожденіи того же тысяцкаго и сотскихъ. Прибывши на мѣсто, тысяцкій оставилъ сотскихъ караулить насъ — одного внѣ, другого внутри постоялаго двора — и самъ удалился.

Наступила ночь. Хозяева, евреи, легли спать и все кругомъ утихло. Но мы не спали: въ небольшой комнатѣ, освѣщенной сальной свѣчкой, мы сидѣли и тихо между собою шушукались. Сторожъ нашъ тоже не спалъ; изъ большаго темнаго подѣвня, гдѣ находились наши телѣги и лошади, доносился по временамъ его кашель и шаги. Надо было во что бы то ни стало воспользоваться этой ночью, такъ какъ утромъ слѣдующаго дня насъ ожидалъ обыскъ и допросъ. Обсудивъ наше положеніе, мы находили два выхода: либо бросить телѣги съ вещами и лошадьми и самимъ бѣжать, либо рискнуть и ожидать легальнаго исхода дѣла, но въ такомъ случаѣ заранѣе приготовиться къ обыску. Первое оказывалось

трудно исполнимымъ уже по тому одному, что наши документы были задержаны становымъ, а безъ паспортовъ насъ могли арестовать въ первой же деревнѣ; не говоря уже о трудностяхъ самого побѣга ввиду караульныхъ. Второй легальный исходъ казался болѣе правдоподобнымъ, но для этого мы должны были перебрать все наши вещи и удалить все то, что могло насъ компрометировать. Осуществить это возможно было не иначе, какъ войдя въ соглашеніе съ нашимъ внутреннимъ караульнымъ. Очевидно съ послѣдняго и надо было начинать, но между нами произошли разногласія. Одинъ изъ товарищей энергично протестовалъ противъ попытки соглашенія съ караульнымъ; онъ доказывалъ, что ничего не успѣвши, мы этимъ только больше скомпрометируемся, и что намъ лучше сразу думать о побѣгѣ. Другіе, въ числѣ которыхъ былъ я, стояли за попытку соглашенія, мотивируя тѣмъ, что о бѣгствѣ мы можемъ думать потомъ, когда намъ не удастся первое. Последнее мнѣніе взяло верхъ и мы приступили къ осуществленію. Послѣ нѣкоторыхъ подходовъ мнѣ удалось завязать разговоръ съ сотскимъ. Я вышелъ изъ нашей комнаты въ подѣбные и тутъ мы съ нимъ мало по малу разговорились. Онъ оказался крестьяниномъ одной извѣстной мнѣ деревни; мы заговорили съ нимъ объ ихъ помѣщикѣ, о житье-бытьѣ крестьянъ и не прошло и часу времени, какъ уже вмѣстѣ ругали и помѣщика, и того самого становаго съ тысяцкимъ, который поставилъ его насъ караулить.

— „Мнѣ надо достать кое-какія вещи изъ телеги“, замѣтилъ я ему между прочимъ.

— „Идите и берите что вамъ надо“, отвѣтилъ сотскій.

Я направился къ одной изъ телегъ, оцупью стыскалъ небольшой сундучекъ, гдѣ между другими предметами находились паспортныя бланки, и вытащилъ его. Съ этого началъ я потому, что безъ паспортовъ побѣгъ былъ невысказанъ, а побѣгъ надо было прежде всего обезпечить. Одинъ изъ товарищей тотчасъ занялся приготовленіемъ паспортовъ: бланки были чистыя и ихъ надо было только внести.

Между тѣмъ, отнеши ящикъ съ паспортными бланками въ нашу комнату, я воротился обратно въ подсынь и принялся рыться между вещами, нащупывая и вытаскивая револьверы, книжалы, патроны и другіе компрометирующіе предметы. Сотскій оказался добрымъ человѣкомъ.

— „Этотъ вашъ становой приставъ — настоящій разбойникъ!“ говорилъ я. „Подумайте сами: ну, что ему отъ насъ нужно? А вотъ же задержалъ и не пускаетъ! Моритъ насъ тутъ въ городѣ... Тутъ за все плати, за все гроши давай!... Никто ничего даромъ не дастъ..“

— „Кто же дастъ даромъ?“ соглашался сотскій.

— „Въ чужой сторонѣ заѣзжему человѣку крѣпко трудно!... Намъ надо ѣхать скорѣе; время уходитъ, а онъ насъ держитъ! И завтра, кто его знаетъ, когда еще выпуститъ.“

— „И не говорите лучше! Чистый звѣрюка!“ воскликнулъ сотскій. „Мѣсяца два назадъ заболѣла у меня „дытына“. Жинка передаетъ черезъ нашихъ людей — они сюда на базаръ ѣздятъ, — чтобы я пришелъ до дому. Я къ нему: прошу его, молю! Пустите мѣсяцъ! Только на одинъ день пустите! Можетъ „дытына“, не дай богъ, умереть, — хоть посмотрю на нее передъ смертью! Такъ, что жъ вы думаете? Не пустилъ!“

— „Вотъ здѣсь у меня въ коробкахъ есть порохъ“, говорилъ я дальше. „Что тутъ худого, что у меня есть порохъ? Имъ всемъ, подлецамъ, можно держать у себя и порохъ и ружья! А завтра, какъ найдутъ этотъ порохъ у меня, такъ ужъ впередъ знаю, — будетъ мнѣ за это цѣлое несчастье.“

— „Давайте, я его спрячу“, вызвался сотскій.

Полчаса спустился нашъ караульный вмѣстѣ съ нами пряталъ всякую всячину, то затыкая въ кучи соломы, навороченныя по угламъ подсыньи, то зарывая въ соръ подъ яслями. Разъ или два, должно быть ради разнообразія, онъ взлезилъ даже по бревенчатымъ стѣнамъ подсыньи и пряталъ нѣкоторыя вещи подъ стрѣху.

Когда былъ оконченъ пересмотръ вещей, и болѣе

или менѣе приготовились мы къ ожидаемому обыску, то почувствовали себя облегченными; теперь можно было даже лечь поспать.

— „Ну, спасибо вамъ, человиче добрый, что помогли“, проговорилъ я, подавая сотекому рублевую бумажку.

— „За что даете мнѣ гроши?“ смущенно заявлялъ онъ.

И долго не соглашался брать денегъ. Сцена вышла глупая и неловкая.

На слѣдующій день утромъ мы съ нашими телѣгами двинулись въ сопровожденіи сотскихъ опять къ становому. День былъ базарный и на площади противъ нашего постоялаго двора толпилось множество крестьянъ, съѣхавшихся изъ сосѣднихъ деревень. Но прійдя къ становому, мы нашли канцелярію пустою; чиновники отсутствовали, вѣроятно, по случаю базарнаго дня и оставался только одинъ писарь, должно быть, дежурный, который намъ сообщилъ, что становой приставъ уѣхалъ еще съ утра по какому то спѣшному дѣлу въ уѣздный городъ, и намъ прійдется обождать его возвращенія. Какое могло быть спѣшное дѣло, котораго становой не зналъ бы вчера? Вчера вѣдь онъ говорилъ намъ, что разсмотритъ наше дѣло сегодня утромъ?... мысленно задавалъ я себѣ вопросъ.

Съ опущенными головами возвращались мы назадъ на постоялый дворъ. Подозрительность, возбужденная предыдущими событіями, вдругъ заговорила во мнѣ съ удвоенной силой. Внезапный отъѣздъ станового въ уѣздный городъ получилъ въ моихъ глазахъ прямую связь съ нашимъ дѣломъ и являлся, такимъ образомъ, весьма грознымъ показателемъ. Становой, взвѣсивъ обстоятельства дѣла, нашелъ нужнымъ съѣздить въ уѣздъ, чтобы лично донести о всемъ случившемся по начальству, не рѣшаясь самостоятельно принять тѣ, либо другія мѣры относительно насъ; въ трудныхъ и важныхъ случаяхъ благоразумные полицейскіе чиновники часто такъ поступаютъ. „До уѣзднаго города около тридцати верстъ;

туда и обратно — составляет шетьдесятъ верстѣ; выѣхалъ становой въ такомъ то часу, значить, ожидать его возвращенія надо тогда-то“, вычислялъ я уже тотчасъ, когда надъ нашими головами долженъ былъ разразиться рѣшительный ударъ. „Изъ Звенигородки (уѣздный городъ) онъ возвратится не одинъ; навѣрно съ нимъ пріѣдетъ и жандармскій офицеръ“, говорилъ я товарищамъ.

Чѣмъ болѣе мы вдумывались, чѣмъ больше совѣщались и разсуждали, тѣмъ подозрительность наша росла и крѣпла въ этомъ направленіи. Такъ другъ друга мы заражали и дразнили, пока, наконецъ, не разбередили своихъ нервовъ до самой послѣдней степени. Наше положеніе, вдругъ, представилось намъ всѣмъ вполне безвыходнымъ. „Бѣжать во что бы то ни стало!... Вотъ единственное, что намъ оставалось!“ рѣшили мы всѣ, какъ одинъ. и съ лихорадочной поснѣшностью принялись готовится къ побѣгу.

По разсчетамъ, до возвращенія станавого изъ Звенигородки оставалось еще часовъ около четырехъ и этимъ временемъ мы должны были воспользоваться. Не смотря на то что былъ день, а не ночь, побѣгъ сравнительно легко было совершить, благодаря толкотнѣ на площади и въ нашемъ постояломъ дворѣ, куда то и дѣло заходили и уходили всевозможнаго сорта люди. Какъ я уже упоминалъ выше, день былъ базарный, и народъ сновалъ взадъ и впередъ безостановочно. Сотскіе тоже часто выходили на базарную площадь, чтобы поглазѣть на ярмарку. Мы пробовали съ своей стороны выходить за ворота постоялаго двора и замѣтили, что наши стражники на это не обращали вниманія. Это было явленіе нѣсколько странное, какъ бы противорѣчащее общему положенію дѣла, казавшемуся намъ столь критическимъ; но мы объясняли себѣ это просто россійской халатностью; ярмарка поглощала вниманіе всѣхъ, въ томъ числѣ, видимо, и вниманіе нашихъ кауарульныхъ. Мы стали готовится къ побѣгу. Мы надѣли подъ низъ другіе костюмы, оставивши сверху прежніе, которые мы думали сбросить, лишь только выберемся благополучно

за мѣстечко; условились въ маршрутѣ и сборномъ пунктѣ, рѣшивши идти къ этому пункту не вмѣстѣ, всѣмъ а отдѣльно; раздѣлили между собою деньги, чтобы всякій имѣлъ при себѣ на случай, если внезапныя обстоятельства заставятъ когонибудь отдѣлиться отъ остальной компаніи: взяли паспорта, приготовленные съ вечера... Право, даже весело сдѣлалось намъ. Мы задумали оставить шполянскою поощеніи записку слѣдующаго содержанія: „Предлагаемъ, вмѣсто насъ, арестовать подателя и препроводить его въ одинъ изъ тюремныхъ замковъ, какъ безпаспортнаго бродягу.“ Записку эту мы должны были прицѣпить ко лбу одной изъ нашихъ лошадей. Конечно, всѣ наши вещи съ телегами и двумя лошадьми мы рѣшили бросить и бѣжать пѣшкомъ.

Все уже было готово у насъ, какъ вдругъ прибѣгаетъ разсылный и зоветъ насъ немедленно въ канцелярію станового. „Неужели же онъ успѣлъ воротиться? Не можетъ быть!...“ мысленно восклицалъ я, идя вмѣстѣ съ другими къ становому.

— „Что же вы не явились сегодня въ канцелярію?“ обратился къ намъ старшій чиновникъ, лишь только мы показали въ дверяхъ.

Мы заявили, что были утромъ и сосланы на писаря, видѣвшаго насъ.

— „Приставъ приказалъ отпустить васъ“, проговорилъ онъ. „Надо только актъ составить.“

Начался опять допросъ: кто мы и что мы за люди, откуда и куда ѣдемъ и проч. Писарь сидѣлъ за столомъ и сообразно нашимъ отвѣтамъ составлялъ актъ. По этому акту выходило, что ѣдемъ мы изъ г. Черкасы въ г. Умань, хотя на самомъ дѣлѣ ѣхали мы въ Смѣлу и, конечно, не изъ Черкасъ. Актъ былъ написанъ. Въ качествѣ грамотнаго я подписался (другіе показали, что они не грамотные). Намъ возвратили наши документы, возвратили даже револьверъ, и мы весело пошли обратно на постоянный дворъ.

Быстро, на сколько было возможно, мы собрались и уложили вещи (трудно разыскивать было въ солому и

въ сорѣ, особенно ввиду того, что приходилось это дѣлать незамѣтно), потомъ запрягли лошадей и выѣхали, не смотря на то, что когда мы выѣзжали, то уже советѣмъ клонилось къ вечеру. Впрочемъ, последнее обстоятельство было намъ на руку: двинувшись по дорогѣ на западъ, т. е. какъ будто по направленію къ Умани, мы, подъ прикрытіемъ сумерекъ, своротили, сдѣлали большой объѣздъ, выбрались на смѣлянскую дорогу и съ присвистомъ помчали своихъ лошадей прямо на сѣверъ.

Оказывалось, что въ мѣстечкѣ Шполѣ совершена была около этого времени довольно крупная кража, и мы угодили туда какъ разъ въ то время, когда по мѣстечку велась розыски. Мы почему-то обратили вниманіе тысяцкаго и съ этого загерѣлся сыр-боръ.

Всю ночь, не останавливаясь, гнали мы своихъ лошадей. Какъ памятна мнѣ эта ночь! Небо чистое; свѣжо; прозрачная, легкая мгла чуть-чуть стелется надъ полями, залитыми сверху блѣдно-зеленоватымъ луннымъ свѣтомъ. Дорога ровная; наши телѣги грохочутъ по гладко укатанному пути. Двое товарищей во всю глотку поютъ пѣсни. Вѣроятно, они тогда чувствовали себя довольными.

Прибывши въ Смѣлу, мы, конечно, заѣхали прямо къ нашему Срулю. Онъ очень удивился, такъ какъ давно никого изъ насъ не видѣлъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и обрадовался, что мы еще цѣлы и невредимы. „А такой-то? Ну, а такой-то?“ спрашивалъ онъ. — „Живы, живы все!“ „Слава богу!“

— Ну, Сруль, намъ надо сейчасъ же отыскать подводу въ Черкасы. Надо поспѣть къ сегодняшнему пароходу.“

— „А ваши же кони и телѣги?“ спросилъ онъ.

— „Одного коня съ телѣгой возьметъ онъ“, проговорилъ я, указывая на одного товарища. Въ Черкасы рѣшили ѣхать насъ трое; четвертый направлялся въ другую сторону, и ему нужна была и лошадь, и телѣга.

— „А другого коня съ телѣгой и все наши вещи оставимъ у тебя. Хочешь, купи эту лошадь.“

— „Добре, только я дорого не дамъ“, замѣтилъ Сруль, улыбаясь.

Продавши ему коня съ телѣгой за безцѣнокъ (мы хотѣли этого коня сбыть во всякомъ случаѣ, такъ какъ на немъ часто ѣздили въ Елисаветградъ, и онъ былъ примѣтный), мы отобрали нужныя для себя вещи, остальные сдали ему на сохраненіе, и нѣсколько времени спустя, двигались уже на наемныхъ лошадяхъ въ Черкассы.

Кружокъ нашъ, разбѣжавшійся изъ поселеній, почти въ полномъ составѣ собрался въ Харьковъ. Стали мы сходитьсь и толковать о томъ, какъ намъ дальше быть, какъ довести дѣло наше до конца, т. е. до вооруженнаго возстанія. Рознь, наблюдавшаяся давно среди насъ, все таки не бросалась такъ рѣзко въ глаза раньше, какъ это мы все почувствовали теперь, на харьковскмъ съѣздѣ. Пока мы жили по деревнямъ, въ разныхъ мѣстахъ, разногласія менѣе были замѣтны; когда же мы собрались въ одно мѣсто, да еще съ цѣлью принять рѣшенія на будущее время — все выплыло наружу. Теперь намъ предстояло начинать многое съизнова: выбирать мѣста для поселеній, устраниваться подъ новыми предлогами и прочее, такъ какъ надо было затереть все свои слѣды; розыски по дѣлу Гориновича могли повлечь за собою весьма опасныя послѣдствія. Если бы мы бодро относились къ нашему дѣлу и вѣрили въ его осуществимость, то тѣ затрудненія, какія представлялись намъ вслѣдъ за неудачнымъ покушеніемъ на жизнь Гориновича, конечно, были бы преодолены, и мы продолжали бы преслѣдовать нашу цѣль. Но вѣры въ дѣло уже не было. Да и зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, опять было селиться намъ по деревнямъ? Вѣдь тамъ дѣлать было нечего! Рознь проявилась среди насъ невообразимая! Наши сходки на „Основѣ“ (такъ называется роща близъ Харькова, гдѣ мы чаще всего собирались для обсужденія дѣлъ) памятны мнѣ до сихъ поръ. Лежимъ, бывало, мы подъ соснами и толкуемъ: доказываетъ, напримѣръ, что нибудь одинъ изъ насъ, а уругіе слушаютъ и только улыбаются; тотъ развиваетъ свою мысль, — ему да-

же и не возражаютъ серьезно, а дѣлаютъ лишь вскользь кой-какія замѣчанія. Горячихъ споровъ почти не было. Но и отъ улыбокъ, и отъ замѣчаній, брошенныхъ вскользь, вѣяло такой непримиримой разногласицей, какой, конечно, никогда не чувствовалось у насъ раньше, при самыхъ горячихъ спорахъ.

Дробязгинъ горячился больше другихъ; какъ теперь передъ собою вижу его! Вотъ онъ стоитъ передъ нами на колѣняхъ (онъ не можетъ лежать на травѣ, подобно другимъ, потому что сильно взволнованъ) и размахивая руками, съ жаромъ доказываетъ необходимость большей выдержки для дѣятельности въ народѣ.

— „Неправда! работать можно!“ возражаетъ онъ скептикамъ, и дрожитъ при этомъ его жиденькая, рыжеватая бородка, а маленькіе, сѣрые глаза горятъ гнѣвомъ. Онъ развивалъ ту мысль, что работать надо, не торопясь и не нервничая, не назначая напередъ сроковъ, когда именно начинать возстаніе. — „У насъ“, говорилъ онъ „все время только и слышны были разговоры о томъ, что возстаніе нужно начать въ такомъ или другомъ мѣсяцѣ. Не въ апрѣлѣ или маѣ должно быть возстаніе, а тогда, когда выйдетъ; когда само собою, органически, такъ сказать, вытечетъ оно изъ всей нашей дѣятельности.“

Но разсужденія Дробязгина о томъ, какъ нужно было вести дѣло на будущее время, такъ и оставались одними только разсужденіями. Напрасно силится онъ вдохнуть жизнь въ нашу организацію, — то былъ уже трупъ.

Иванъ Дробязгинъ былъ небольшого роста человекъ, жиденькаго тѣлосложенія, съ рыжеваго-пепельной растительностью на головѣ и лицѣ; но эта невзрачная по виду фигурка содержала въ себѣ много ума съ чисто украинскимъ юморомъ и громадную нравственную силу. Въ 74-омъ году, вмѣстѣ съ Ковальскимъ (впоследствии разстрѣляннымъ) онъ пропагандировалъ среди штундистовъ херсонской губ., почему, между прочимъ, и дана была ему въ нашемъ кружкѣ кличка „штунда“. Послѣ харь-

ковскаго сѣзда онъ уѣхалъ въ Одессу, гдѣ спустя нѣкоторое время, былъ арестованъ. Слѣдствіе по его дѣлу, какъ это водилось въ то время вообще, затянулось на долго, пока соловьевское покушеніе на жизнь царя въ 79 году не вызвало военнаго положенія въ Россіи, и въ Одессу не былъ назначенъ генераль-губернаторомъ Тотлебенъ. Тотлебенъ съ своимъ помощникомъ Пашютинымъ принялись искоренять крамолу. По волѣ монарха, генераламъ этимъ дано было право жизни и смерти русско-подданныхъ Южнаго Края, и генералы эти широко воспользовались этимъ правомъ. Что же, однако, это были за генералы, что царь рѣшился дать имъ въ руки такую громадную власть? Тотлебенъ, кажется, удовлетворялся больше пассивной ролью: онъ только получалъ жалованье, предоставивъ вести дѣло искорененія крамолы своему помощнику Пашютину. А Пашютина вотъ въ какихъ, примѣрно, выраженіяхъ характеризовалъ мнѣ Гавріилъ Баламезъ, содержавшійся въ то время въ одесской тюрьмѣ и, слѣдовательно, не разъ видѣвшій этого господина: „Представь себѣ, низкаго, широкоплечаго старика съ отвислыми щеками и отвислой нижней челюстью, съ безмысленнымъ взглядомъ; широко разставленныя ноги, широко разставленныя руки и массивный, почти квадратный, корпусъ, нѣсколько наклоненный впередъ, — дѣлали его весьма похожимъ на черепаху, поднявшуюся на заднія лапы, или на какую-то четырехъ-угольную каракатицу-моллюску. И этой то внѣшности вполнѣ соотвѣтствовали внутреннія качества Пашютина.“ И такъ, отвратительной каракатицѣ-моллюскѣ, лишенной отъ рожденія человѣческихъ нервовъ, дана была Александромъ II неограниченная власть! Можно себѣ представить, что должно было совершаться! Множество лицъ за самыя ничтожныя провинности сосланы были въ каторжныя работы; еще больше сослано было на поселеніе административнымъ порядкомъ; но это было далеко не все; въ августѣ 79 года, въ Одессѣ были казнены: Чубаровъ (членъ нашего кружка), Лизогубъ и Давиденко; почти одновременно съ этимъ въ г. Николаевѣ (одесскаго же генераль-губер-

паторства) повѣшены были Виттенбергъ и Логовенко ; и, наконецъ, въ декабрѣ того же года оиять въ Одессѣ повѣшены были : Маѣданскій за то, что, какъ выяснено было слѣдствіемъ, онъ далъ Дейчу сѣрную кислоту, которой облить былъ Горниновичъ, — Малинка и Дробязгинъ, члены нашего кружка, первый за участіе въ покушеніи на жизнь Горниновича, а второй.... За что въ самомъ дѣлѣ казненъ былъ Пизанъ Дробязгинъ 7-го декабря 1879 года? Пусть русское правительство потрудится отвѣтить на этотъ вопросъ.

Но гдѣ же это видно, чтобы Всероссійское Правительство, такое величественное непогрѣшимое, правительство отвѣчало на какіе то вопросы частнаго лица! Если бы подобный вопросъ задало ему даже правительство другой страны, то и тогда бы оно не сочло нужнымъ отвѣчать: во вѣртенніа дѣла просимъ, молю, не мѣшаться. А повѣсили Дробязгина — такъ и повѣсили! Какое кому до этого дѣло!

Спокойно, съ достоинствомъ держался Дробязгинъ въ послѣдніа минуты жизни. За нимъ не было ни одного такого политическаго преступленія, за которое по нашимъ законамъ можно было ожидать смертной казни и онъ былъ казненъ единственно потому, что не выказалъ передъ Панютинымъ слабости духа.

Любопытно, что когда окончились казни въ Одессѣ и миссія Тотлебена — этого, въ лучшемъ случаѣ, генерала-тряпки, — была совершена, рассказываютъ, будто, на одесскомъ вокзалѣ, въ присутствіи публики произошла такая сцена: „Вы меня опозорили. Моя репутація была незапятнана. Вы опозорили меня на старости лѣтъ“, говорилъ отъѣзжавшій Тотлебенъ Панютину, присутствовавшему при его проходахъ. — „Ваше превосходительство!“ отвѣчала каракатица, и задрожала при этомъ ея отвратительная нижняя челюсть, — „я тоже генераль.... И тоже старикъ...“

Все это, однако, имѣло мѣсто три года спустя, а потому, возвращаюсь опять къ нашимъ сходкамъ на „Основѣ“.

И такъ, во время сходовъ среди насъ проявилась новая рознь; замѣчалось даже нежеланіе выработать на будущее время какую бы то ни было общую программу дѣйствія. Такъ, между прочимъ, я первый, будучи во многомъ согласенъ съ Дробязгинымъ, мало поддерживалъ его, такъ какъ всякіе разговоры находилъ бесполезными. Я чувствовалъ, что кружокъ нашъ въ эту минуту распадался и на совместную дѣятельность въ будущемъ не надѣялся. Я былъ того мнѣнія теперь, что для бунтовской работы въ народѣ вовсе не нужно было заранѣе организовывать кружокъ, а достаточно было для этого двухъ-трехъ согласныхъ человѣкъ. Въ рѣшительную же минуту, т. е. въ моментъ возстанія, всегда можно было надѣяться на поддержку: стоило лишь явиться въ городъ и кликнуть кличъ, — навѣрно, нашлась бы масса молодежи, готовой принять активное участіе въ дѣлѣ. Опытъ нашихъ связей въ крестьянствѣ оказалъ на меня огромное вліяніе: я какъ будто даже еще укрѣпился въ своей вѣрѣ въ народъ и съ тѣхъ поръ никогда потомъ не могъ согласиться съ мнѣніемъ, будто дѣятельность въ народѣ невозможна, съ мнѣніемъ, которое въ непродолжительное время сдѣлалось господствующимъ среди революціонной интеллигенціи. Я находилъ, что не со стороны народа, а исключительно съ нашей стороны оказалась неустойка; и что неудача, постигшая насъ, явилась, главнымъ образомъ, результатомъ нашего безденежья. Я думалъ, что стоило только намъ достать оружіе, и одиѣ тѣ связи, которыя мы уже имѣли въ крестьянскомъ мірѣ (дѣдъ Федь, Нечипоръ и другіе) были вполне достаточны для того, чтобы начать возстаніе хоть въ ту же минуту.

Среди немногихъ прожектовъ, высказанныхъ тогда на „Основѣ“, имѣвшихъ цѣлью вдохнуть жизнь въ нашу организацію и намѣтить на будущее время хоть какую нибудь общую работу, помню еще предложеніе Маріи Ковалевской, состоявшее въ томъ, чтобы отпечатать манифесты о передѣлѣ земли и безъ всякой подготовительной работы, заняться распространеніемъ ихъ среди на-

рода. Она предлагала отправиться въ лодкахъ внизъ по Днѣпру и раздавать манифесты крестьянамъ прибрежныхъ деревень. — „Это навѣрно вызоветъ волненія и тогда мы увидимъ, какъ намъ поступать дальше“, говорила она. Съ этимъ проэктомъ я не могъ согласиться уже потому, что не придавалъ значенія, такъ называемымъ, „пассивнымъ“ крестьянскимъ бунтамъ, т. е. бунтамъ въ Толстовскомъ вкусѣ, во время которыхъ правительство съчесть крестьянъ, а крестьяне только терпятъ. Мнѣ казалось, что задача революціонной интеллигенціи, главнымъ образомъ, въ томъ и заключалась, чтобы внести больше активности въ народные бунты, а ничуть не вызывать самими „пассивными“ возстанія, которыхъ было очень много, напр. хотя бы въ шестидесятыхъ годахъ и которыя, поэтому, какъ я думалъ, не привели ни къ какимъ послѣдствіямъ. — „И били насъ, и съкли насъ! Въ Днѣпрѣ загоняли насъ по самую шею; кричали намъ: „всѣхъ васъ потопимъ!“ Мы все терпѣли; и все таки стояли на своемъ.“ Въ такихъ, примѣрно, выраженіяхъ, помню, рассказывалъ мнѣ одинъ мужикъ изъ приднѣпровской деревни о томъ, какъ они одно время „бунтовали“.

Большинство членовъ, какъ я уже сказалъ выше, мало дебатировали на нашихъ сходкахъ и ограничивались только вскользь брошенными замѣчаніями по тому, либо иному вопросу. Къ числу такихъ невысказывавшихся тогда принадлежалъ и Яковъ Стефановичъ. Онъ былъ всецѣло погруженъ въ свое чигиринское дѣло и, повидимому, не находилъ нужнымъ привлечь къ этой конспираціи остальныхъ членовъ кружка. Помню, обратился онъ тогда съ предложеніемъ къ кружку, чтобы ему данъ былъ для пользованія типографскій станокъ, бывшій нашей общей собственностью, очевидно, имѣя намѣреніе печатать манифесты отъ имени царя, которые онъ потомъ и примѣнилъ къ дѣлу. Кружокъ постановилъ предоставить ему пользованіе станкомъ.

Я лично мало сочувствовалъ въ ту минуту его чигиринскимъ конспираціямъ, и, на мой взглядъ, проэктъ

Ковалевской имѣлъ даже преимущества: тутъ, по крайней мѣрѣ не надо было прибѣгать къ систематическому, продолжительному мороченью людей, — а просто, встрѣтилъ подходящаго мужика гдѣ нибудь въ уединенномъ мѣстѣ, побесѣдовалъ съ нимъ, всучилъ ему въ руки манифестъ — и конецъ дѣлу. Что же касалось до послѣдствій, то они мнѣ представлялись почти одинаковыми въ обоихъ случаяхъ: и здѣсь, и тамъ слѣдовало ожидать, что манифесты вызовутъ волненія, и здѣсь, и тамъ волненія эти, безъ оружія, должны были носить вполне пассивный характеръ. Мое бунтовское міровоззрѣніе не мирилось съ подобными предпріятіями.

ХІІІ

СМУТНОЕ ВРЕМЯ.

Харьковскій съѣздъ окончился фактическимъ распаденіемъ нашего кружка, хотя это и не было формулировано, ни кѣмъ не было громко сказано: все молчали, но все это чувствовали, разбѣзжаясь изъ Харькова.

Костюринъ и Дробязгинъ уѣхали въ Одессу, гдѣ и были вскорѣ арестованы. Объ участи Дробязгина я упоминалъ раньше; что касается до Костюрина, то года полтора спустя онъ былъ судимъ по процессу 193-хъ и приговоренъ — если не измѣняетъ память — къ шести годамъ каторги. Б* уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ въ послѣдствіи былъ арестованъ, приговоренъ по другимъ дѣламъ къ каторжнымъ работамъ и сосланъ въ Сибирь. Фроленко Михайло уѣхалъ тоже въ Одессу. Стефановичъ съ Дейчемъ и Бохановскій, который присоединился къ нимъ, поселились въ Кіевѣ и отсюда начали совершать свои періодическія поѣздки въ Чигиринщину.

Что касается до меня и еще нѣсколькихъ товарищей, то для насъ послѣ Харьковскаго сѣзда наступилъ особый періодъ. Объ этомъ времени я вспоминаю съ ужасомъ: словно я пролежалъ въ какой нибудь тяжелой болѣзни — до того хаотическимъ представляется оно мнѣ теперь. Я многое успѣлъ забыть; да едва ли интересно было бы вспоминать о всемъ. Событія — одно другого нелѣпѣе, одно другого безсмысленнѣе!... Постыдное фиаско, которое мы потерпѣли въ нашемъ дѣлѣ, вызывало самое отвратительное нравственное состояніе; къ этому еще присоединился полный матерьяльный кризисъ. И вотъ, отъ незнанія куда себя дѣвать и въ поискахъ за пропитаніемъ, таскаемся мы вмѣстѣ съ какой-то бродячей трупой актеровъ по южнымъ приморскимъ городкамъ: Мариуполь, Бердянскъ, Керчь, Таганрогъ, — и участвуемъ въ представленіяхъ: тутъ сталкиваемся съ какимъ-то агентомъ Славянскаго Комитета, собирающимъ пожертвованія въ пользу возставшихъ славянъ (въ это время было герцоговинское возстаніе), — нахаломъ, доведшимъ мое раздраженіе до того, что однажды я было полѣзъ въ карманъ за револьверомъ. То вдругъ опять появляемся въ Харьковѣ, но уже въ качествѣ пѣвцовъ, а не актеровъ; поемъ но трактирамъ и этимъ зарабатываемъ пропитаніе.

Какъ долго продолжались эти скитанія, теперь точно не могу сказать; но припоминаю, что вырваться изъ этихъ обстоятельствъ мнѣ удалось не скоро. Я пріѣхалъ въ Кіевъ вскорѣ послѣ того момента, когда объявлена была война съ Турціей. Я былъ необыкновенно исхудавшій; упадокъ физическихъ силъ былъ полный; желудокъ мой не варилъ; изъ носа постоянно текла кровь. Въ 73-мъ году, выступая на путь революціоннаго народничества, я свободно поднималъ десятипудовыя тяжести; теперь, къ началу 77-го года, когда этотъ путь былъ пройденъ, я едва волочилъ свои ноги.

Отвратительное нравственное состояніе, указанное мною выше, вызванное, впрочемъ, не одной неудачей, постигшей насъ въ народѣ; простая неудача предлага-

гала бы, съ другой стороны, возможность и удачи; но тутъ было что то глубже, значительно глубже обыкновенной неудачи; было что то иное, чего я не съумѣлъ бы въ ту минуту формулировать и что только теперь, послѣ многихъ лѣтъ жизни, когда я вспоминаю и вдумываюсь въ прошлое, — вычерчивается въ моемъ представленіи. Разказывая о нашихъ знакомствахъ среди крестьянъ, я выразился, между прочимъ, что успѣхъ встрѣтившій насъ тогда, усилилъ мою вѣру въ дѣло. Но едвали мое выраженіе было точно, ибо едвали то чувство, которое я испытывалъ въ ту минуту, можно было назвать вѣрой. А если то была и вѣра, то во всякомъ случаѣ, не та старая вѣра, одухотворявшая насъ въ 73, 74 и 75 годахъ, а совершенно иная. Въ 73 и 74 годахъ вся масса русскаго народа представлялась намъ болѣе или меѣ однородной и почти готовой къ поголовному возстанію. Эта вѣра, такъ сказать, во всю народную массу настолько насъ бодрила, что мы склонны были не особенно заботиться даже объ созданіи организаціи. Всякій вѣрилъ, что за нимъ чтоятъ миллионы крестьянъ и эта вѣра неудержимо толкала впередъ. Среди насъ почти не поднималось рѣчи и о заготовленіи оружія, ни о какихъ бы то ни было другихъ усовершенствованныхъ средствахъ борьбы. Мы не сомнѣвались въ томъ, что народъ „закнадетъ своихъ враговъ шапками“. Я не могу воспроизвести точныхъ словъ одного стихотворенія, сочиненнаго нами въ 74-мъ году, которое мы переложили на мотивъ марсельезы; припоминаю только, что припѣвъ его былъ: „За колья, топоры!“ Мы вѣрили и надѣялись, что все это выйдетъ довольно таки просто: народъ схватится за „колья“ и революція готова. И нашу извѣстную народную пѣсню „про дубинушку“ тоже пѣли въ передѣланномъ видѣ, гдѣ „дубина“ должна была сыграть рѣшающую роль. О „топорѣ“ я ужъ и не вспоминаю; топору — этому національному оружію — и вовсе повезло: еще въ 60-хъ годахъ въ революціонныхъ прокламаціяхъ говорилось о немъ. Петръ Алексѣевъ въ сво-

ей рѣчи, конецъ которой мы приводили выше, говорилъ даже о крестьянскомъ „кулакѣ“.

Теперь, въ 77 году для меня сдѣлалось яснымъ, какъ день, что ни „дубина“, ни „колья“, ни даже „топоры“ не могутъ сослужить службы въ возстаніи, а что для возстанія надо имѣть непременно оружіе и къ тому усовершенствованное. Оружію я началъ придавать такое огромное значеніе, что на всякую революціонную попытку въ народѣ безъ предварительной заготовки оружія сталъ смотрѣть, какъ на недомысліе, какъ на доказательство неяснаго пониманія главной задачи революціонера. Я считалъ, что именно мы, революціонеры изъ интеллигенціи, должны были позаботиться о приобрѣтеніи нужнаго оружія, котораго мужикъ не могъ достать, и неоткуда было ему достать, но безъ котораго, съ другой стороны, не мыслимо было возстаніе. Но разъ сталъ я придавать такое важное значеніе оружію, то сами собою напрашивались вопросы о количествѣ его, объ умѣнїи владѣть имъ и т. п. Въ самомъ дѣлѣ, что было бы изъ того, если бы были доставлены, скажемъ, хоть берданки? Вѣдь не давать же ихъ въ руки тѣмъ, которые раньше не видѣли никогда ружей, заряжающихся съ казенной части?! Но чѣмъ грозило въ концѣ концовъ подобное положеніе вещей? А тѣмъ, что приходилось думать о созданіи въ народѣ какой-то боевой, чисто военной организаціи. Но возможно ли было провести ее въ тайнѣ отъ полиціи? Вѣдь это было уже не то, что создать организацію бунтовскаго ядра, „сильнаго лишь въ качественномъ отношеніи, но не въ количественномъ“. Удержать тайну тамъ, гдѣ замѣшаны сотня, двѣ и даже три — людей, совсѣмъ не одно и то же, что создать организацію военнаго огряда въ тысячу или двѣ людей? Всѣ эти и тому подобные вопросы сами собою напрашивались, и заводили мысль въ такія дебри, изъ которыхъ она, бѣдная, не знала какъ ей выпутаться.

И вотъ, что казалось прежде такимъ яснымъ, неопровержимымъ и понятнымъ, стало заволакиваться въ моемъ представленіи какимъ то туманомъ, мглою... Этого

туманъ сразу отразился на моихъ поступкахъ. Въ ту минуту, повторяю, я этого не сознавала; я только чувствовала, что все идетъ и вѣдъ, и внутри меня какъ-то неладно, и хотя на словахъ я была пожалуй не менѣе вѣрующимъ народникомъ-бунтаремъ, какъ и раньше, но на дѣлѣ было совѣмъ не то. Я чувствовала недостатокъ энергій. „Надо идти въ народъ; здѣсь, въ городѣ, нечего дѣлать“, не разъ мысленно рѣшала я. И тутъ же выступали вопросы: „А что я буду тамъ дѣлать? Допустимъ, я разыщу людей и сговорюсь съ ними... Наверно даже разыщу! Да и некатъ было нечего, — связи были готовы: стоило лишь поѣхать къ дѣду Федю и Нечипору. Но что мы станемъ дѣлать, не имѣя оружія? Что я имъ предложу? Не начинать же бунтъ съ голыми руками?! А для закупки оружія нужны большія, большія средства!...“ И вотъ, остановишься, бывало, передъ этимъ вопросомъ, какъ передъ каменной стѣной, и дальше ни съ мѣста. И стала овладѣвать мною тоска, тѣмъ болѣе удручающая, что я не въ состояніи была формулировать ея причины.

Бывало, сойдемся мы, нѣсколько товарищей, и толкуемъ между собою; всего чаще, конечно о причинахъ нашей неудачи въ народѣ. Въ Кіевѣ жили тогда: Малинка, Ковалевская, Рахальскій, Чубаровъ. Я не упоминаю о Стефановичѣ, Дейчѣ и Бохановскомъ, которые тоже жили въ Кіевѣ, но, ведя свои конспираціи съ чигиринцами, въ это время совершенно отделились отъ остальныхъ. Помню, одинъ разъ Малинка сильно изумилъ меня, соглашаясь со мною, что для работы среди народа не надо привлекать много лицъ изъ интеллигенціи, достаточно подобраться нѣсколькимъ человѣкамъ. Она высказала мнѣніе, что за то эти нѣсколько члвкъ, составляющіе организацію, должны будутъ непременно поклясться другъ другу въ томъ, что никто изъ нихъ не отступится отъ разъ выработаннаго общаго плана дѣйствій.

— „Разъ выработали какойнибудь практической планъ и согласились на немъ“, говорилъ Малинка, „этотъ

планъ потомъ не можетъ быть измѣняемъ. И отъ него никто изъ членовъ организаціи не смѣетъ отступиться подь страхомъ смертной казни.“

— „Ну, это ты ужь слишкомъ строго“, замѣтилъ я ему на это. „Впрочемъ, кто же будетъ казнить? Конечно товарищи?! Они же будутъ и судить, а слѣдовательно и рѣшать вопросъ: заслужилъ ли казни, совершившій тотъ или другой проступокъ, или нѣтъ. Въ сущности, все сведется къ рѣшенію большинствомъ голосовъ.“

— „Э-э!... Вотъ какъ ты думаешь? Нѣтъ, братъ! Казнить должны, а не то что будутъ рѣшать по усмотрѣнію!“ воскликнулъ Малинка, ударяя на словѣ должны.

— „Какъ это!“ воскликнулъ я въ свою очередь.

— „А такъ: казнить должны безъ дебатовъ. Увидѣлъ, скажемъ, ты, что я нарушилъ какое либо постановленіе, принятое организаціей, и заявляешь объ этомъ остальнымъ членамъ. И тутъ ужь меня должны казнить; никакимъ дебатамъ и ни какому голосованію мѣста нѣтъ.“

— „Что ты, Хомце!*) Это выходитъ — одинъ чело-вѣкъ можетъ казнить другого, и апеллировать не къ кому?“

— „Такъ и значить,“ мрачно подтвердилъ Малинка. Его черные глаза горѣли такимъ огнемъ въ ту минуту, что я ужаснулся, глядя въ нихъ.

— Слуга покорный, довѣрять свою жизнь всякому! Сумашедшій можетъ усмотрѣть нарушеніе тамъ, гдѣ его вовсе нѣтъ. И все таки надо казнить.“

— „А не принимай сумашедшихъ; не принимай въ организацію такихъ, кому боишься довѣрить свою жизнь. Какъ казнимъ одного, другого“, продолжалъ Малинка, „такъ сразу излечимся отъ нашей холодности. А то, посмотри, на что похоже: собираемся, толкуемъ, рѣша-

*) Викторъ Малинка извѣстенъ былъ у насъ въ кружкѣ подь именемъ „Хомця“ (уменьшительное отъ Фома), подобно тому, какъ Иванъ Дробязгинъ прозывался „Штундою“.

емь, а потомъ всякій дѣлаетъ то, что ему взбрѣдетъ въ голову. Какъ къ шуткѣ относимся къ своимъ рѣшеніямъ. Нѣтъ, я иначе понимаю революціонную организацію: это долженъ быть союзъ на жизнь и смерть.“

Малинка скоро уѣхалъ изъ Кіева въ Полтаву, на сколько могу припомнить, для отбыванія воинской повинности. Онъ считалъ себя легальнымъ, такъ какъ не зналъ, что его фамилія была открыта жандармами и что его уже розыскивали по дѣлу Гориновича. Въ Полтавѣ онъ былъ арестованъ, но ему удалось бѣжать; онъ скрывался нѣкоторое время въ Харьковѣ, пока тамъ не арестовали его вторично. Въ этотъ разъ его препроводили въ Одессу, гдѣ велось слѣдствіе по дѣлу о покушеніи на жизнь Гориновича. Изъ одесской тюрьмы онъ сдѣлалъ еще попытку къ побѣгу, но неудачно. 7-го декабря 1879 года онъ былъ повѣшенъ вмѣстѣ съ Дробязгинымъ въ Одессѣ по распоряженію генерала Паниютина. Такъ погибъ Викторъ Малинка.

Но кто такой былъ Малинка? Что это была за личность? Извѣстенъ ли онъ скольконибудь русской публикѣ, подобно тому, какъ извѣстны, напр., другіе наши революціонные дѣятели? Нисколько! Въ ряду повѣщенныхъ просто только стоятъ голыя имена Дробязгина и Малинки; но то, что скрывалось за этими именами — погибло безвозвратно, погибло вмѣстѣ съ ихъ несчастными трупами, закопанными гдѣ-то позлѣ одесскихъ скотобоенъ. Не могу воздержаться, чтобы не припомнить слѣдующаго гнуснаго факта: по поводу этихъ одесскихъ казней возлѣ скотобоенъ одна изъ мѣстныхъ газетъ (къ сожалѣнію, не помню ея названія) прошизировала тогда въ такомъ родѣ, что скотовъ-де надо рѣзать и убивать всѣхъ въ одномъ мѣстѣ. Вотъ до какихъ изувѣрскихъ размѣровъ доходилъ цинизмъ продажныхъ писакъ въ Одессѣ во время паниютиновщины! Да, да, закопали гдѣ-то негодяи и нашего „Штунду“, и нашего „Хомця“! Это тѣ скромные, но великіе мученики движенія, имена которыхъ едвали будутъ говорить что-нибудь потомству, но которые отъ этого нисколько не менѣе дороги

для ихъ близкихъ товарищей. Воскрешу же я хоть въ своей памяти эту оригинальную фигуру! Вотъ онъ — передо мною, съ черными, какъ смоль, глазами, худой, высокій, особенно по сравненію съ маленькимъ, рыженькимъ Дробязгинымъ. Молодая растительность черными клочками обрамляетъ его нѣсколько блѣдныя щеки. Выраженіе лица суровое; въ особенности смотрятъ сурово его черные, блестящіе глаза. Викторъ Малинка — сынъ очень богатого помѣщика Полтавской губерніи — былъ всего двадцати двухъ-трехъ лѣтъ въ то время, когда я познакомился съ нимъ въ Одессѣ въ 1875 году. Онъ былъ студентомъ по юридическому факультету. Вся его фигура съ головы до ногъ изобличала демократа; полная неприхотливость въ жизни столь же рѣзко бросалась въ глаза у него, какъ и у извѣстнаго богача Лизогуба, пожертвовавшаго своимъ имуществомъ для революціонныхъ дѣлъ, и казеннаго тѣмъ же Паниютинымъ. Но Малинкѣ, отецъ котораго былъ еще живъ, не удалось, подобно Лизогубу, помочь революціоннымъ дѣламъ деньгами, если не считать тысячъ около трехъ рублей, внесенныхъ имъ одновременно въ кассу. Когда я съ нимъ познакомился, онъ увлеченъ былъ въ ту минуту болгарскимъ освободительнымъ движеніемъ отъ турецкаго ига и все время возился съ болгарами, проживавшими въ Одессѣ. На сколько мнѣ извѣстно, среди нихъ былъ и Стамбуловъ, — впоследствии болгарскій президентъ министровъ и миллионеръ, — тогда же блѣдный юноша, не имѣвшій во что одѣться. Мнѣ запомнилась одна болгарская пѣсня, которую любилъ пѣть Малинка, и гдѣ то и дѣло повторялся слогъ: „Мила моя майка“. Постоянно, бывало, гудитъ онъ своимъ басомъ эту „милу мою майку“. При первомъ знакомствѣ Малинка производилъ впечатлѣніе не въ свою пользу. Многимъ онъ казался даже мало развитымъ человекомъ. Происходило это отъ того оригинальнаго, болѣе того, просто страннаго пріема, котораго онъ держался, или вѣрнѣе, который онъ себѣ усвоилъ во время бесѣдъ съ людьми: онъ часто не договаривалъ фразъ, останавливаясь гдѣ-то на

полусловъ и предоставляя своему собесѣднику догадываться о концѣ самому. Замѣчалась такая же небрежность въ рѣчи, какъ и въ одеждѣ, которую онъ носилъ. Красное слово рѣшительно не имѣло для него значенія. Также безразлично относился онъ и къ тому, какое впечатлѣніе вызывалъ у другихъ своей личностью. Онъ обладалъ изумительной, чисто украинской, лѣнью на слова и его нужно было всегда раньше растормошить, чтобы онъ оживился и заговорилъ сколько нибудь плавно. Но мнѣ доводилось его видѣть не разъ въ такомъ оживленном состояніи; тогда онъ заразительно хохоталъ, острилъ и разсуждалъ довольно краснорѣчиво. Благодаря вышеприведеннымъ странностямъ, самые настоящіе дураки, не годные выдержать и тѣни сравненія съ нимъ, часто глубокомысленно пронизировали надъ нимъ. Малинка былъ человекъ дѣла по преимуществу, обладалъ сильнымъ характеромъ и былъ способенъ на самыя крупныя революціонныя дѣла.

Такова была, въ общихъ чертахъ, личность этого человека, убитаго Паниотинимъ и закопаннаго вмѣстѣ съ Дробязгинимъ гдѣ-то возлѣ одесскихъ скотобоенъ.

Все эти ужасы совершились, однако, года два спустя. Тогда же, въ 77-мъ году, никому изъ насъ даже не закрадывалась мысль о такомъ страшномъ концѣ.

Въ это время Россія переживала войну съ Турціей. Нескончаемая вереница вагоновъ двигалась мимо кіевского вокзала съ сѣвера на югъ, увозя съ собой пушки, боевые снаряды, лошадей, солдатъ, различныхъ полковъ и родовъ оружія. Между тѣмъ съ мѣста войны доходили скудныя свѣдѣнія, большинству которыхъ мало вѣрилось. Многимъ была памятна севостопольская война, когда по официальнымъ извѣстіямъ наши войска постоянно одерживали побѣды, тогда какъ въ дѣйствительности — какъ потомъ оказалось — побѣдили французы, а не мы. Невольно закрадывалось подозрѣніе, что и теперь правительственныя извѣщенія, чтобы не смущать умовъ, скрывали истину и не сообщали всего. Правда, Турція была „гнилое царство“, не то, что Англія или Франція. Но

почти такимъ же гнилымъ представлялось и наше русское царство. Воровство и злоупотребленія въ арміи, по слухамъ, достигали ужасающихъ размѣровъ. Не вѣрилось въ существованіе честныхъ генераловъ въ русской арміи и, за небольшимъ исключеніемъ, все казались ворами, либо, въ лучшемъ случаѣ, людьми совершенно не способными къ веденію военнаго дѣла. Неуспѣхъ въ войнѣ даже съ Турціей казался неизбѣжнымъ. Подобное преувеличенное представленіе въ дурную сторону диктовано было, просто такъ, желаніемъ, чтобы нашу армію разбили. Я такъ привыкъ отдѣлять и противопоставлять народъ правительству, съ его чиновницей и военной организаціей, что пораженіе послѣдняго не считалъ пораженіемъ перваго, и даже находилъ, что съ пораженіемъ правительства, народъ только выигрывалъ. Помню, проходя городомъ, мы обратили какъ-то вниманіе на толпу людей, скучивавшихся у угла одной улицы, гдѣ наклеены были телеграммы, извѣщавшія о какомъ-то военномъ событіи, чуть ли не о переходѣ войскъ черезъ Дунай. Замѣтивши большой интересъ, съ какимъ публика относилась къ телеграммѣ, пришедшей съ театра военныхъ дѣйствій, мы надумались воспользоваться подобнымъ настроеніемъ, чтобы произвести смущеніе умовъ. Задумано — сдѣлано. На другой день кievская публика читала телеграмму сообщавшую о неуспѣшной переправѣ нашихъ войскъ черезъ Дунай и огромномъ количествѣ жертвъ, понесенныхъ при этомъ. Эффектъ получился неожиданный. Мы ходили по улицамъ, останаливались возлѣ расклеенныхъ нами телеграммъ и прислушивались къ разговорамъ толпы. Публика замѣтно волновалась. Тогда власти опубликовали въ мѣстной газетѣ, что эта телеграмма была ложна и распространена „злоумышленниками“ и что впередъ телеграммы будутъ снобжаться внизу правительственной печатью. Но насъ это только разохотило. Послѣ первой же телеграммы, расклеенной по улицамъ, съ правительственной печатью, мы сдѣлали такую же печать, и вскорѣ публика опять читала нашу телеграмму. Тогда полиція страшно засуе-

тилась. Между тѣмъ расклейку своихъ телеграммъ мы совершали по ночамъ. Будочники рѣшительно потеряли головы. Полиціимейстеръ приказывалъ имъ срывать телеграммы „злоумышленниковъ“. Но какъ ихъ было различать имъ бѣднымъ, малограмотнымъ людямъ! „Нельзя, нельзя читать!“ кричить, бывало, городской, запыхавшись подбѣгая къ углу улицы, гдѣ кучка народу читала какую нибудь телеграмму, иногда наклеенную нами, а иногда и правительственную. Получались комичныя сцены. Мы шлялись по улицамъ и хохотали.

Однако интересъ новинки скоро пропалъ. Нельзя было не признать безцѣльности затѣи, сопровождавшейся къ тому же огромнымъ рискомъ, такъ какъ бдительность полиціи въ это время была необыкновенно усилена. „А вотъ, господа,“ предложилъ кто-то, „давайте-ка лучше выругаемъ царя! Да расклеимъ по улицамъ и пусть публика читаетъ. Вѣдь никто еще не ругалъ его громко на русскомъ языкѣ?!“ И мы задумали выругать царя. Но что намъ помѣшало осуществить эту мысль — не помню.

XIV

ОЧИЩЕНІЕ КОНСПИРАТИВНОЙ КВАРТИРЫ. СТУДЕНЧЕСКІЯ ВОЛНЕНІЯ

Стефановичъ съ товарищами — Бохановскимъ и Дефчемъ — проживавшій таже въ Кіевѣ, какъ я сказалъ уже выше, продолжали вести свои конспираціи съ чигиринцами. Онъ занималъ небольшой домикъ въ одной изъ окраинъ города, гдѣ помѣщалась и наша кружковая типографія. Свои періодическія свиданія съ чигиринцами онъ устраивалъ въ различныхъ местахъ и городахъ

и одинъ разъ, между прочимъ, назначилъ мѣстомъ свиданія въ Кіевѣ квартиру, занимаемую Чубаровымъ и мною, и гдѣ временно проживалъ съ нами мой старый пріятель Владиміръ Малавскій, студентъ кіевского университета. Квартира наша находилась на Жилианской улицѣ на краю города и задними окнами обращена была къ обширнѣйшей, пустой долинѣ, по которой протекаетъ рѣченка Лыбедь. Положеніе было удобное на случай обыска: ночью (а обыски почти исключительно производились по ночамъ) выскочивъ черезъ окно, легко было спрятаться въ этой долинѣ. То была та самая долина, гдѣ въ 74 году скрылся отъ преслѣдованій, бѣжавшій съ вокзала Иванъ Ходько, — о чемъ я рассказывалъ въ своемъ мѣстѣ.

Лѣтомъ 77 года я побѣжалъ на время въ Одессу. Чубаровъ тоже куда-то отлучился и на нашей квартирѣ оставался одинъ Малавскій. Я уже упоминалъ, что на этой квартирѣ Стефановичъ имѣлъ свиданіе съ крестьянами-чигиринцами. Двое изъ нихъ — Олійныкъ и Писковой — по возвращеніи домой были арестованы и при допросахъ указали на эту квартиру. Тогда жандармы явились сюда съ обыскомъ, арестовали Малавскаго и, сдѣлавши засаду, спустя дня два, поймали Бохановскаго, заходившаго туда за чѣмъ-то. Вслѣдъ за тѣмъ, въ одной изъ деревень Полтавской губ. арестовали Стефановича и Дейча.

Такимъ образомъ, главные виновники, ведшіе среди чигиринцевъ заговоръ, были схвачены. По счастью, кіевская квартира ихъ не была открыта. При арестѣ у Бохановскаго былъ отобранъ ключъ отъ этой квартиры. Но такъ какъ онъ не давалъ показаній, то жандармы не знали гдѣ она находится. Положеніе, однако, было весьма серьезное: жандармы рыскали по всему городу, въ розыскахъ за квартирой; а тамъ находилась тайная типографія; сверхъ того, могли быть, да и были на самомъ дѣлѣ, сильно компрометирующія бумаги, надо было очистить квартиру раньше, чѣмъ ее успѣли открыть. Между тѣмъ, квартира эта была „конспиративная“ и

изъ бывшихъ на свободѣ лицъ зналъ ее только я одинъ. Поэтому дано было знать мнѣ въ Одессу, и я тотчасъ пріѣхалъ въ Кіевъ.

Здѣсь я засталъ уже компанію, сгруппировавшуюся возлѣ Чубарова и Рахальскаго. Надо сказать, что кружокъ нашъ до распадениа держался изолированно отъ другихъ революціонныхъ организацій; кружковая изолированность, являвшаяся, впрочемъ, общей характерной чертой того времени, вытекала у насъ стчасти и изъ нашей специальной постановки дѣла: подложные манифесты, съ помощью которыхъ мы хотѣли вызвать въ крестьянствѣ бунтъ, ставили насъ въ особое положеніе заговорщиковъ, вынужденныхъ скрывать свое дѣло отъ всѣхъ. Но послѣ харьковскаго съѣзда изолированность эта стала мало по малу исчезать; мы стали приходите въ соприкосновеніе съ революціонерами другихъ кружковъ, и теперь, въ минуту опасности, когда надо было во что бы то ни стало очистить квартиру Стефановича, дѣло это оказалось общимъ для всѣхъ кіевскихъ революціонеровъ. Всѣ мы сообща стали собираться и обсуждать различные планы — какъ овладѣть квартирой.

Домикъ, который занималъ Стефановичъ съ товарищами, находился въ одномъ изъ крайнихъ кварталовъ города. Фасадомъ своимъ въ три окна (насколько помнится, весь домикъ заключалъ въ себѣ три комнаты съ сѣнями) онъ смотрѣлъ на улицу, по другой сторонѣ которой были совершенно еще не планированныя и незастроенныя мѣста, — овраги, тянувшіяся до самой астрономической обсерваторіи. Мѣстность эту кіевляне называли „Кіевской Швейцаріей“, и здѣсь-то, по этимъ оврагамъ мы и стали таскаться по ночамъ, приемотриваясь и придумывая средства, чтобы овладѣть квартирой. Часаамъ къ 10 вечера мы сходились обыкновенно у одного распропагандированнаго рабочаго, жившаго недалеко отъ этой квартиры, и тутъ у насъ поднимались пренія. Но какъ всегда, въ подобныхъ случаяхъ, пренія оканчивались ничѣмъ, и мы, безъ заранѣе установленнаго рѣшенія, отправлялись только на рекогносцировку, надѣясь

на то, что ближайшее знакомство съ мѣстностью и мѣстными условіями, можетъ быть, наконецъ натолкнетъ насъ на какой нибудь опредѣленный планъ.

Трудно было, впрочемъ, и ожидать соглашенія: компанія была, что называется, разношерстная; многіе изъ насъ здѣсь въ первый разъ только встрѣтились. Изъ лицъ близкихъ мнѣ принимало участіе лишь двое: Чубаровъ и Рахальскій. Другихъ участниковъ я не взялся бы даже характеризовать, такъ какъ большинства изъ нихъ совершенно не зналъ. Постараюсь, однако, упомянуть о нѣкоторыхъ изъ нихъ. Больше другихъ, помню, обратилъ тогда на себя мое вниманіе Г. Гольденбергъ. Это былъ еще совсѣмъ молодой человѣкъ, повидимому, очень впечатлительный, страшно много спорившій и дѣлавшій всевозможныя предложенія — какъ овладѣть квартирой, на которыя, впрочемъ, мало кто изъ кампаніи обращалъ вниманіе, такъ какъ всѣ его предложенія отличались непрактичностью и большой рискованностью. Дальнѣйшая исторія этого человѣка была такова: онъ былъ сосланъ административнымъ порядкомъ въ сѣверныя губерніи, откуда вскорѣ бѣжалъ и въ 1879 году сдѣлался ярымъ сторонникомъ террористовъ. Въ февралѣ 79 г. онъ убилъ харьковскаго губернатора Крапоткина, навлекшаго на себя мечь революціонеровъ за безчеловѣческое отношеніе къ политическимъ приговореннымъ, сидѣвшихъ въ харьковскихъ центральныхъ тюрьмахъ; но будучи арестованъ, спустя нѣкоторое время, Гольденбергъ, къ сожалѣнію, далъ компрометирующія показанія, погубившія весьма многихъ лицъ. Смерть Гольденберга во время слѣдствія (онъ сидѣлъ, кажется, въ Петропавловской крѣпости) остается до сихъ поръ неразъясненнымъ фактомъ. Но я склоненъ думать, что предположеніе, будто онъ убитъ тюремщиками, едва ли заслуживаетъ довѣрія. Самоубійство Гольденберга, человѣка впечатлительнаго и болѣзненно нервнаго, легко объясняется угрызеніемъ совѣсти, которое неминуемо должно было постигнуть его въ тюрьмѣ вслѣдъ за тѣмъ,

какъ онъ обдумалъ и взвѣсилъ весь вредъ, причиненный его показаніями.

Другая личность, возбуждавшая интересъ къ себѣ былъ Давиденко. Этотъ маленькій, молоденькій человекъ, похожій на семнадцатилѣтняго юношу, сразу расположилъ насъ къ себѣ своей смѣлостью и благородіемъ. О Давиденко безъ преувеличенія можно сказать, что онъ и выросъ, и воспитался въ тюрьмѣ. Еще будучи гимназистомъ, онъ былъ посаженъ въ тюрьму, если не ошибаюсь, за какія-то найденныя у него запрещенныя книги. Потомъ его выпустили, но потомъ опять взяли... Сколько разъ его брали и выпускали — сказать не умѣю, но, кажется, по расчету времени, отъ 75 года онъ больше прожилъ въ тюрьмѣ, чѣмъ на свободѣ. Въ концѣ концовъ онъ былъ арестованъ въ Одессѣ и въ 79 году повѣшенъ по распоряженію Паниютина за то, что по указанію шпионовъ въ квартирѣ его сохранялся динамитъ, хотя этотъ динамитъ и не былъ найденъ, такъ какъ своевременно былъ увезенъ съ квартиры другими революціонерами.

На наши ночныя сборища появлялся также Колодкевичъ; впрочемъ, онъ не принималъ горячаго участія въ дебатахъ и почти все время молчалъ. Въ послѣдствіи времени Колодкевичъ участвовалъ въ террорестическихъ дѣлахъ „Исполнительнаго Комитета“. Арестованный, кажется, въ 1880 году, онъ былъ приговоренъ къ вѣчной каторгѣ и посаженъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, гдѣ, какъ я слыхалъ, умеръ отъ чахотки.

Объ остальныхъ участникахъ въ нашихъ ночныхъ скитаніяхъ по оврагамъ не стану вспоминать, такъ какъ не зналъ бы, строго говоря, что и вспомнить, — такъ мало впечатлѣній сохранилось о нихъ въ моей памяти.

Уже нѣсколько ночей бродили мы по оврагамъ, а дѣло не подвигалось ни на одинъ шагъ. Между тѣмъ потеря каждого дня могла обойтись дорого; развязка приближалась: полиція и жандармы энергично разыскивали квартиру, и нужно было ожидать, что скоро ее откроютъ. Мы должны были рѣшиться на что нибудь.

Въ послѣднюю ночь, помню, мы собрались раньше обыкновеннаго. Все были вооружены револьверами. Чубаровъ зачѣмъ-то нацѣпилъ поддѣльную бороду. Ночь была туманная и грумировка казалась совершенно излишней. Этотъ постунокъ вызвалъ рядъ остротъ и самъ Чубаровъ смѣялся не меньше другихъ. Нѣкоторое время компанія настроена была очень весело. Взобравшись на полъ горы, на верху которой сквозь туманъ темнѣла обсерваторія, укутанная высокими деревьями, мы усѣлись и принялись обсуждать планъ, предложенный Давиденко. Онъ предложилъ обокрасть квартиру. Такъ какъ подобное предпріятіе нуждалось въ лицахъ опытныхъ по части ночныхъ походовъ, то для этой цѣли онъ привелъ съ собою трехъ ночныхъ жуликовъ, съ которыми свелъ знакомство еще сидя въ кievской тюрьмѣ, гдѣ и они въ то время отсиживали свои сроки.

— „Выкрасть невозможно“, не соглашался кто то. „Станокъ тиногравскій вѣситъ около шести пудовъ. Какъ вы его утащите?“

Переговоривши со своими молодцами, Давиденко попросилъ меня опредѣлить величину станка. Я постарался вспомнить, на сколько могъ величину станка и высказалъ мнѣніе, что его можно было протащить черезъ окно.

— „Въ такомъ случаѣ мы его уворуемъ“, категорически объявилъ Давиденко.

— „Шестипудовую тяжесть вытаскать окномъ?!...“ запальчиво возражалъ Гольденбергъ. „Это невѣроятно! Мой планъ, господа, — просто, ворваться въ домъ и силой овладѣть всѣмъ.“

— „Вы забываете, что во флигелѣ живетъ человѣкъ пятнадцать плотниковъ,“ замѣтилъ Рахальскій.

— „Ну, такъ что же?!... Мы — съ револьверами...“

— „Да вы забудете и о револьверахъ, какъ свезутъ васъ дубиною по спинѣ; плотники народъ здоровый!!...“ иронизировалъ Рахальскій.

Гольденбергъ пытался было настаивать на своемъ,

но скоро вынужденъ былъ замолчать, такъ какъ почти все склонились къ предложенію Давиденко.

— „Воровать, такъ воровать!“ проговорилъ Давиденко. „Вы, господа, оставайтесь здѣсь; а мы четверо пойдёмъ на мѣсто, въ случаѣ понадобится помощь — позво-
вемъ“.

— „Выберемъ атамана“, предложилъ тогда одинъ изъ молодцовъ, обращаясь къ своимъ товарищамъ.

— „Вотъ пускай онъ и будетъ,“ отвѣтилъ другой, указывая на Давиденко.

Велѣдъ за тѣмъ все четверо поднялись на ноги и стали быстро спускаться въ оврагъ.

Прошло вѣкоторое время. Мы сидѣли молча. Сырость меня пронизывала. Охота разговаривать, видимо, пропала у всехъ. Кругомъ было тихо. Вдругъ, съ одной стороны послышался дребезжащій полицейскій свистокъ; велѣдъ за тѣмъ отозвался ему другой. Въ предыдущія ночи мы ни разу не слышали свистковъ. Казалось въ эту окраину города никогда рѣньше не заходилъ будочникъ. Это насъ встревожило. Мы все встали на ноги. Свистки стали раздаваться все чаще и чаще. Въ это время мы увидѣли, что по оврагу быстро двигались какія то фигуры. Одна изъ нихъ къ намъ приблизилась и сквозь туманъ мы увидѣли Давиденко.

— „Скорей за мной! Полиція облаву устроила. Надо бѣжать!“ проговорилъ онъ.

Мы бросились внизъ велѣдъ за нимъ. Спотыкаясь, падая и вновь поднимаясь, мы не шли, а бѣжали за нашими передовыми. Одинъ изъ нихъ, видимо, прекрасно зналъ эту мѣстность и куда-то насъ велъ. Сзади насъ слышались теперь почти непрерывные свистки, что показывало полицейскую тревогу. Мы бѣжали по пустырямъ и оврагамъ, взбирались на какія то кучи, вновь попадали въ овраги и наконецъ добрались до линіи построекъ. Тутъ мы прошли черезъ какой-то садъ, мимо небольшого домика, и попали во дворъ, гдѣ яростно набросилась на насъ собака; видѣлъ ли насъ кто либо изъ жильцовъ этого домика — не знаю: было уже очень

поздно и, вѣроятно, тамъ всѣ уже спали. Мы вышли со двора черезъ калитку и очутились на улицѣ.

— „Теперь по домамъ!“ проговорилъ Давиденко.

— „Да вы скажите хоть, что это за улица?“ спросилъ кто-то.

Названа была улица. Тогда мы разбились и всякій быстро пошелъ въ свою сторону.

— „Ничего изъ этого не выйдетъ! Наши шатація по почемъ только привлекутъ вниманіе полиціи. Дѣло это надо какъ нибудь иначе обстронить,“ говорилъ Рахальскій, идя со мною и Чубаровымъ.

Утромъ слѣдующаго дня Рахальскій снарядилъ одного пріятеля слесаря на квартиру Стефановича. Слесарь пошелъ туда подъ предлогомъ, будто разыскивать какого-то своего знакомаго. Улучивъ минуту, онъ снялъ восковой отпечатокъ съ замка отъ двери, ведшей въ квартиру и затѣмъ, воротившись, поддѣлалъ ключъ. Съ этимъ ключемъ Рахальскій явился къ хозяйкѣ домика и объявилъ ей, что онъ родичъ ея квартирантовъ, что они остались гостить у него въ деревнѣ и дали ему ключъ отъ своей квартиры съ тѣмъ, чтобы онъ могъ временно воспользоваться ею. Хозяйка, простая баба, оказалась далека отъ какихъ бы то ни было подозрѣній и Рахальскій помѣстился въ комнату Стефановича.

Тотчасъ закипѣла работа. Давиденко и еще двое другихъ принялись очищать квартиру: днемъ по частямъ вынесены были компрометирующія бумаги и мелкіе предметы, ночью — громоздкія вещи, — типографскій станокъ и кассы. Черезъ сутки квартира была уже очищена и Рахальскій, распрощавшись съ бабой, уѣхалъ.

Нѣсколько дней спустя, мы замѣтили большое движеніе возлѣ Лыбеденскаго участка (такъ называется участокъ, находящійся возлѣ университета). Полиція приглашала въ участокъ всѣхъ лицъ, находящихся въ подозрѣніи и предъявляла ихъ какой-то женщинѣ. Множество студентовъ было осмотрено этой женщиной; но послѣ всякаго осмотра, на вопросъ частнаго пристава Машковского, — не признала ли она? — получался одинъ

категорическій отвѣтъ: „не тотъ“. Одного кого-то совсѣмъ было уже признала, такъ что Мошковскій для окончательнаго удостовѣренія сталъ его поворачивать передъ нею всѣми сторонами, но когда поворотилъ спиною, то она вдругъ всокликнула: „Гдѣ тамъ! гдѣ тамъ! Тотъ же былъ тонкій и высокій, а этотъ какой-то пузатый!“ Принуждены были выпустить и пузатаго. Давиденко, какъ поднадзорнаго тоже потребовали въ полицію, но онъ, боясь, чтобы его не признала баба, не явился. Полиція послѣ этого стала его разыскивать и онъ принужденъ былъ бѣжать въ Одессу.

Что касается до Рахальскаго, то онъ былъ на положеніи нелегальнаго, т. е. жилъ подъ фальшивымъ паспортомъ и, слѣдовательно, являясь въ участокъ ему не пришлось. Впрочемъ, онъ тоже вскорѣ уѣхалъ на югъ. Годъ спустя, именно въ 78 году, Рахальскій эмигрировалъ за границу, гдѣ среди эмигрантовъ извѣстенъ былъ подъ именемъ Гусанова. Слабое здоровіе, матеріальныя нищенія и тяжелый трудъ наборщика быстро расшатали его организмъ. Онъ заболѣлъ чахоткой и вынужденъ былъ поступить въ госпиталь, въ Парижѣ, гдѣ и умеръ въ 1883 году. Такова, вкратцѣ, скорбная исторія этого человека, умнаго, мягкаго, добраго товарища, всегда дѣйствующаго съ другими своими послѣдними крѣхами.

И такъ, квартиру Стефановича жандармы открыли, но только она оказалась пустою. Между тѣмъ, чигиринскому дѣлу власти придали на первыхъ порахъ огромное значеніе. У кіевского генералъ губернатора сначала появилось даже желаніе предать главныхъ виновниковъ военному суду. Само собою разумѣется, что уничтоженіемъ компрометирующихъ, бумагъ находившихся въ квартирѣ Стефановича, нанесенъ былъ сильный ударъ кандармскимъ ликованіямъ. Они видѣли, что изъ ихъ рукъ ускользываютъ возможныя улики и, потому, съ особливою энергіей принялись за розыски виновныхъ, устроившихъ имъ такой неожиданный сюрпризъ.

И вотъ, начались обыски и поиски по всему городу.

Полиція и шпіоны рыскали по всѣмъ направленіямъ. Но все оказывалось безуспѣшнымъ.

Между тѣмъ и настроеніе киевскихъ обывателей въ это время, не говоря уже о молодежи, было тоже не совсемъ обычное. Война съ Турціей многимъ открыла глаза. Неудачи, постигшія русскія войска въ войнѣ съ Турціей, этой „гнилой“ державой, невольно наталкивали людей, даже не глубоко заглядывавшихъ въ жизнь, на разныя размышленія и на предположеніе о существованіи у себя дома кой-какихъ прорѣхъ. Съ театра военныхъ дѣйствій доходили смутные слухи о воровствѣ подрядчиковъ интендатекихъ, что является возможнымъ лишь при участіи высшей военной власти. О главнокомандующемъ, Николаѣ Николаевичѣ старшемъ, передавались самыя компрометирующія свѣдѣнія. Эта фигура являлась предметомъ всеобщихъ насмѣшекъ. Всѣ въ одинъ голосъ говорили, что онъ былъ большой дуракъ. Помню, приводилось даже мнѣніе авторитетныхъ знатоковъ военного дѣла (указывали чуть ли не на Мольтке), будто самый переходъ черезъ Дунай совершился столь удачно единственно потому, что планъ переправы былъ черезъ чуръ глупо сконпонованъ. Мѣсто для переправы выбрано было тамъ, гдѣ ни одинъ благоразумный полководецъ никогда не рѣшился бы устранять переправы, и, поэтому-де, турки были застигнуты въ располхъ. Такимъ образомъ, выходило, что глупость, переходящая всякія предѣлы, глупость, достигавшая до границъ виртуозности, принесла неожиданно хорошіе результаты. Потомъ рассказывали о какой-то авантюристкѣ Чисновой (если не измѣняетъ мнѣ память), шлявшейся всюду за главнокомандующимъ, которая командовала самимъ Николаемъ Николаевичемъ Старшимъ, являясь, такимъ образомъ самой высшей инстанціей въ нашей дѣйствующей арміи. Объ убійствѣ одного изъ нашихъ князьковъ гдѣ то возлѣ Дуная — не помню ужъ кого тогда изъ нихъ убили — рассказывали, будто онъ былъ убитъ совсемъ не турками, а болгарами же за его романтическія похождения съ болгарскими женщинами и т. д. цѣлая без-

конечная вереница всевозможных скандальных исторій. А рядомъ съ этимъ одинъ за другимъ стали двигаться поѣзда — теперь уже съ юга на сѣверъ, наполненные больными и ранеными солдатами. Тяжело было ѣздить въ это время по одесской линіи!.. По станціямъ на запасныхъ рельсахъ стояли безконечно длинныя ряды товарныхъ вагоновъ съ открытыми настежь дверями, изъ которыхъ несло воню и откуда выглядывали блѣдныя лица солдатъ, лежавшихъ на соломенной подстилкѣ, Иногда этой подстилки не хватало въ достаточномъ количествѣ. Неурядица замѣчалась всюду и наталкивала людей на ту мысль, что этой неурядицы было бы несравненно меньше, если бы правительственные воры и авантюристы подлежали бы какому нибудь общественному контролю. Вопросъ о политической свободѣ, — о конституціи, самъ собою выдвигался, такимъ образомъ, на очередь.

И вотъ, о необходимости конституціонной реформы стали говорить втѣду. Земства оживились: принялись готовиться къ подачѣ адресовъ на высочайшее имя. Но я не буду касаться здѣсь этого движенія, такъ какъ о немъ я зналъ лишь по слухамъ. Въ своемъ мѣстѣ я разскажу о нашихъ столкновеніяхъ съ земцами; теперь же перейду къ воспоминаніямъ того, чему былъ очевидцемъ.

Въ Кіевѣ организовался специальный кружокъ, назвавшійся „конституціоннымъ кружкомъ“, поставившій своей задачей агитацію въ пользу конституціи и пропаганду политическихъ идей. Такъ какъ студенчество представляло болѣе воспріимчивую среду, то неудивительно, что свою дѣятельность кружокъ этотъ направилъ сюда.

Между тѣмъ студенты и безъ того волновались. Недовольство существующимъ политическимъ режимомъ, наблюдавшееся во время войны съ Турціей во всемъ русскомъ обществѣ, отразилось и на поведеніи университетской молодежи, принявшее здѣсь сразу болѣе острый характеръ. То по одному, то по другому поводу собирались сходки въ студенческой столовой. Такъ, припомни-

наю, однимъ изъ поводовъ къ сходкамъ послужилъ арестъ студента Подольскаго. На собраніяхъ стали говорить о самоуправствѣ жандармовъ, и, само собою разумѣется, договорились до того, что не дурно было бы положить предѣлъ этому самоуправству; вопросъ этотъ явно выходилъ изъ сферы студенческихъ вопросовъ; но ораторы доказывали, что студенты до тѣхъ поръ не будутъ избавлены отъ административнаго произвола, пока во всемъ государственномъ строѣ не произойдетъ соответственныхъ политическихъ реформъ, и что, поэтому, студентамъ пора-де было сдѣлаться настоящими гражданами своей страны и прочее въ такомъ родѣ. Результатомъ этихъ сходокъ было то, что составилъ проэктъ подачи чего-то въ родѣ петиціи или адреса на высочайшее имя, въ которомъ просились извѣстныя реформы. Подобный адресъ былъ, кажется, составленъ въ двухъ редакціяхъ: въ болѣе радикальномъ и въ умѣренномъ духѣ. Но когда пришлось собирать подписи, то охотниковъ подписаться оказалось мало и попытка съ адресами окончилась неудачно. Однако студенческія волненія не прекращались, и когда полиція распорядилась закрыть студенческую столовую, то сходки перенесены были въ студенческой клубъ. Въ самый разгаръ этихъ сходокъ, возлѣ театра ночью, послѣ спектакля, произошло столкновеніе студентовъ съ полиціей, окончившееся арестомъ нѣсколькихъ человѣкъ. Это вызвало сильное возбужденіе страстей: изъ клуба, гдѣ въ это время было собраніе, двинулась толпа въ нѣсколько десятковъ человѣкъ въ полицейскій участокъ; ввалившись въ комнаты участка, толпа потребовала немедленнаго освобожденія арестованныхъ и не ушла до тѣхъ поръ, пока арестованные не были выпущены. Послѣ этого студенческой клубъ былъ закрытъ; но студенты еще болѣе стали волноваться. Отправлена была депутація къ университетскому начальству. Ректоръ и попечитель не приняли депутатовъ; тогда они пошли къ генералъ губернатору Черткову. Здѣсь у нихъ съ Чертковымъ, какъ мнѣ тогда же передавалъ одинъ изъ депутатовъ (Наумъ Львовъ, умершій въ Парижѣ нѣсколь-

ко дѣтъ спустя), произошла въ такомъ родѣ беседа: — „Чего хотите, господа?“ спросилъ Чертковъ. — „Мы хотимъ избавиться отъ административнаго произвола,“ отвѣчала депутация. — „Какъ прикажете это понимать?“ — „А такъ, чтобы жандармы и полиція не имѣли права арестовывать кого имъ вздумается“. Тогда Чертковъ воскликнулъ: „Ахъ, господа, господа!... Таковъ законъ! Двуглавый орелъ!... Мы все должны ему повиноваться.“ А потомъ добавилъ: „Я въ этомъ краѣ генераль-губернаторъ, а жандармы и меня могутъ арестовать.“

Но изъ всего студенческаго движенія 77 года, котораго я здѣсь касаюсь, конечно, лишь въ общихъ чертахъ, едвали не самымъ характернымъ эпизодомъ была демонстрація при водруженіи креста на могилѣ одного рабочаго, похороненнаго на Байковомъ кладбищѣ. На сколько могу припомнить, рабочій этотъ былъ изъ интеллигентной среды и, кажется, прикосновенный къ революціонному движенію (я раньше не слыхалъ о немъ). По инициативѣ студенческой организаціи, въ центрѣ которой стоялъ „Конституціонный Кружокъ“ собралась толпа молодежи и двинулась процессіей черезъ городъ, неся впереди деревянный крестъ. Раза два или три толпа останавливалась и присутствующіе ораторы, слозно Евангеліе по усопшему, произносили рѣчи. Какъ ни странно можетъ показаться, но рѣчи сводились къ тому, что „намъ надо добиваться конституціи“. На сколько въ данномъ случаѣ вязался конституціонный вопросъ со смертью рабочаго, на могилу котораго несли деревянный крестъ, объ этомъ, повидимому, мало кто заботился. Встрѣченные по пути мѣщане и рабочіе, останавливались и съ любопытствомъ глядѣли на процессію, во главѣ которой — къ ихъ удивленію — не видно было ни пона, ни дьякона; но такъ какъ впереди все же несли крестъ, то народъ снималъ шапки и набожно крестился.

Кіевское студенческое волненіе 77 года окончилось тѣмъ, что многіе были исключены изъ университета, а вслѣдъ за тѣмъ разосланы административнымъ порядкомъ по сѣвернымъ губерніямъ.

ПОЛИТИКА И ПЕРВЫЕ ТЕРРОРИСТЫ.

Въ подобной то атмосферѣ, если можно такъ выразиться, пропитанной конституціонными парами, пришлось вращаться тогда народникамъ-революціонерамъ. Само собою разумѣется, что общее настроеніе должно было отразиться и на насъ, тѣмъ болѣе, что среди насъ самихъ къ этому времени стало наблюдаться какое-то новое ненародническое настроеніе. Я раньше упоминалъ уже о томъ охлажденіи къ дѣятельности среди народа, которое видно было хотя бы у большинства членовъ нашего кружка. Ко времени русско-турецкой войны скептицизмомъ были заражены болѣе или менѣе всѣ, по крайней мѣрѣ южные народники. Правда, перемѣнить міровоззрѣніе, пустившее такіе глубокіе корни, какъ это было у насъ съ народничествомъ, оказывалось далеко не легкимъ дѣломъ; и потому, на словахъ все еще продолжали исповѣдывать старыя народническіе принципы, но въ душѣ мало уже кто имъ вѣрилъ, вслѣдствіе чего и на дѣлѣ движеніе въ народъ сильно ослабло. Деревня, раньше манившая къ себѣ, теперь отодвинулась на второй планъ. Революціонеры стали скопляться по городамъ. Среди насъ послышались голоса въ пользу политической свободы, къ которой раньше всѣ относились отрицательно. Однимъ изъ самыхъ раннихъ защитникомъ политики явился Волошенко, членъ одесского кружка народниковъ, носившаго названіе „башенцевъ“. Этотъ человѣкъ необыкновеннаго ума успѣлъ отрѣшиться очень рано отъ этого общаго всѣмъ народникамъ предразсудка. Другимъ страстнымъ защитникомъ конституціонной

реформы оказался мой братъ Иванъ, только онъ шелъ въ этомъ направленіи значительно дальше другихъ. По его мнѣнію, революціонеры должны были направить свои силы исключительно на приобретеніе политическихъ правъ. Въ такомъ духѣ написана была имъ брошюра и пущена въ рукописи въ обращеніе. Исходя изъ того положенія, что экономическое освобожденіе народа можетъ быть дѣломъ рукъ только самого же народа, онъ находилъ, что революціонерамъ не по силамъ было и брать на себя эту задачу. Неудачи предыдущихъ годовъ, постигшія революціонеровъ въ народѣ, объяснялъ онъ тѣмъ, что революціонеры по самому своему происхожденію слишкомъ далеко стояли отъ народа и, потому, не знали даже, какъ взяться за дѣло; что въ будущемъ ихъ ожидаетъ подобная же неудача; что, наконецъ, самая программа социалистическая несвойственна имъ, какъ дѣтямъ привилегированныхъ сословій. Максимумъ пользы, какую могутъ принести народу революціонеры изъ интеллигенци, — это добыть политическую свободу, необходимую для созданія въ будущемъ широкой народной организаціи, которая одна только можетъ повести къ осуществленію социалистическаго строя.

Не отрицая того, что въ прошломъ мы дѣйствительно не умѣли взяться за „мужицкое дѣло“, я не хотѣлъ согласиться съ братомъ, что и въ будущемъ насъ ожидаютъ однѣ неудачи, и находилъ, что народная революція должна сѣтаться нашей цѣлью, главнымъ пунктомъ нашей программы и на будущее время.

— „Да знаешь ли ты изъ исторіи хоть одну революцію, которая совершена была бы народомъ?“ возразилъ мнѣ Иванъ. Но это была уже такая ересь, съ которой я никакъ не могъ примириться. Между тѣмъ, по мнѣнію Ивана, во всѣхъ революціяхъ народъ служилъ только пушечнымъ мясомъ. — „Правда, безъ участія народа революція невозможна“, говорилъ онъ, „но сущность дѣла заключается все таки не въ массѣ, а въ ея руководителяхъ. Руководители дѣлаютъ исторію; они вкладываютъ душу въ движеніе, а вовсе не народъ. Кто же

эти руководители? Это интеллигенция страны. Народъ безъ участія интеллигенціи можетъ произвести бунтъ, но не революцію... Вотъ какъ были бунты Пугачова и Стеньки Разина. Народная масса можетъ только разрушать.“

— „Тѣмъ лучше, что народъ можетъ только разрушать“, хватался я за старые бунтовскіе аргументы. „Созиданія и не надо. Мы будемъ поддерживать въ народѣ безконечный бунтъ, пока не будетъ разрушенъ въ корнѣ существующій порядокъ вещей и пока малу по малу среди этой волнующейся народной массы не народятся новые элементы, годные для созданія будущаго строя.“

— „Анархическая чепуха и больше ничего!“ съ жаромъ воскликнулъ Иванъ. „Я больше вижу смысла у якобинцевъ: тѣ, по крайней мѣрѣ, говорятъ, захватимъ власть и передѣлаемъ все по своему. А по вашей теоріи ничего не разберешь.“

Признать необходимымъ участіе общества въ революціи, въ качествѣ народника, я не хотѣлъ. А между тѣмъ, Иванъ строилъ свои разсужденія такъ: безъ участія интеллигенціи революціи быть не можетъ. Но интеллигенція, представляющая собою привилегированныя сословія, нуждается не въ социалистическомъ переворотѣ, а въ политической свободѣ. Отсюда выходило, что и революціонерамъ, примѣняясь къ почвѣ, слѣдовало принять чисто политическую программу. Соціализмъ, по его мнѣнію, оказывался, такимъ образомъ, для насъ, русскихъ, преждевременной иллюзіей, препятствующей объединенію силъ для борьбы съ самодержавнымъ правительствомъ.

Но въ то время, какъ въ обществѣ и въ частности среди насъ подъ вліяніемъ событій зарождались другія новыя теченія, — сдѣланъ ли былъ какойнибудь новый шагъ со стороны правительства? Подумало ли оно о томъ, что бы уладить или по крайней мѣрѣ скольконибудь смягчить хотя бы то противорѣчіе, которое было между его внутренней и внѣшней политикой, между на-

шимъ русскимъ внутреннимъ рабствомъ и виѣшней войной за освобожденіе Болгаріи?*) Нѣсколько. Здѣсь все оставалось по старому. Со времени, такъ называемаго, „большого погрома“, т. е. осени 74 года, о которомъ я рассказывалъ въ своихъ первыхъ главахъ, аресты почти не прекращались. Черезъ всѣ годы — 75, 76 и 77 — преслѣдованія не ослабѣвали, а по временамъ принимали даже необыкновенно свирѣпыя размѣры. Правительство продолжало свою систему запугиванія. Во время демонстрацій, имѣвшей мѣсто въ Петербургѣ на Казанской площади въ декабрь 76 года, полиція жестоко исколотила на улицахъ участниковъ, а потомъ разослала ихъ административнымъ порядкомъ по сибирскимъ городкамъ. Боголюбовъ — одинъ изъ главныхъ участниковъ демонстраціи — даже приговоренъ былъ судомъ къ 15 годамъ каторжныхъ работъ. По процессу 50 или такъ называемому „московскому“ многіе были приговорены къ каторгѣ, хотя кружкомъ этимъ, помимо пропаганды словомъ и распространенія брошюръ социалистическаго характера, не было совершено ничего. Произошелъ рядъ отдѣльныхъ, небольшихъ процессовъ, изумительныхъ по своей жестокости. Такъ Бутовскую приговорили за пропаганду къ шести годамъ, а Семеновскаго къ одиннадцати годамъ каторжныхъ работъ. Донецкаго за найденныя у него прокламаціи, изъ которыхъ онъ не успѣлъ распространить ни одного экземпляра, такъ какъ схваченъ былъ тотчасъ послѣ переѣзда черезъ русскую границу (объ его арестѣ я рассказывалъ въ своемъ мѣстѣ), приговорили къ 5 годамъ каторги и засадили въ централку, гдѣ онъ сошелъ съ ума. Между тѣмъ, на очереди были еще сотни лицъ, надъ которыми велось слѣдствіе съ 74 по 77 годъ. „Домъ Предварительнаго Заклю-

*) Въ то время въ Женевѣ издана была прекрасная брошюра покойнымъ Драгомановымъ подъ заглавіемъ „Турки виѣшніе и внутренніе“, гдѣ онъ указывалъ на это противорѣчіе нашей внутренней и виѣшней политики.

ченія“ былъ полонъ политическими, ожидавшими своей участи. За какуюнибудь одну книгу, найденную во время обыска, людей гноили по тюрьмамъ, доводили до сумашествія и самоубійства, вгоняли въ тяжкія, смертельныя болѣзни.

Но насытилось ли правительство этимъ? Нисколько. Жестокости его не было предѣловъ. Переодѣтые жандармы попрежнему продолжали рыскать, гоняясь всюду за новыми жертвами.

И вотъ, революціонеры, вмѣсто того, чтобы добровольно отдаваться въ руки жандармовъ, стали бѣжать. Чуть не всякій новый обыскъ давалъ въ результатъ новыхъ нелегальныхъ, число которыхъ со дня на день стало увеличиваться. Такъ какъ самыхъ ничтожныхъ уликъ было вполне достаточно для того, чтобы погибнуть гдѣнибудь въ одиночномъ заключеніи въ ожиданіи „скараго“ суда, дарованнаго Россіи Александромъ II, то, поэтому, часто даже совершенно мало скомпрометированные люди предпочитали скрываться. И за что, за что были все эти гоненія? За какіянибудь книги!.... За пропаганду!.... Какое суровое, безчеловѣчное отношеніе у себя дома, къ своимъ „подданнымъ“, и какое въ тоже самое время постыдное, жалкое безсиліе во внѣшней политикѣ, во внѣшнихъ дѣлахъ!... Имъ ничего не стоитъ ворваться среди ночи въ комнату и грубо стащить васъ съ кровати, чтобы обыскать подъ тюфякомъ; а въ тоже время вести войну будто бы за освобожденіе Болгаріи отъ турецкаго ига и благородно возмущаться турецкими нравами и порядками. Да вѣдь даже турки не осмѣливались вламываться въ спальню женщины!... А посмотрите, какая несостоятельность въ войнѣ, хотя бы съ этой самой Турціей!... Эта гнилая держава, полудикая орда съ красными фесками на бритыхъ головахъ, потребовала чуть не все силы сто-милліонной имперіи для того, что бы какънибудь только покончить войну. Наши госпитали переполнены солдатами, умирающими отъ дизентеріи и тифа; въ Одессѣ настроили безконечные ряды барачковъ, — больныхъ дѣвать некуда... А въ это время на-

чальники занимаются воровствомъ. Поѣзда съ ранеными по часамъ стоятъ у вокзаловъ, давая дорогу экстернымъ поѣздамъ съ военной знатью, мчащеюся съ театра военныхъ дѣйствій на сѣверъ. Тутъ — нищета, стоны, смерть; тамъ — самодовольныя, откормленные рожи, торжествующія побѣду, завоеванную такими тяжелыми жертвами. „Держу пари, что это Гурко“, проговорилъ Иванъ, указывая на одного генерала, стремительно вековчившаго на вокзалъ. „Сколько грому!... Сколько „гуркотни“!*) Какъ онъ распустилъ свою саблю!.. Какъ она неистово звенить у него по полу! Держу какое угодно пари, что это Гурко! Слѣдя за громкими дѣлами этого генерала, который метался по Балканамъ, какъ угорь-льй, я теперь не могу себѣ его иначе представить, какъ въ образѣ, подобномъ этому индѣйскому штыху“. Навели справки, и оказалось — дѣйствительно генераль Гурко. Выходило даже звукоподражательно. Но это еще что?! Гурко все же одинъ изъ нашихъ „лучшихъ“ генераловъ. А не угодно ли посмотрѣть на другихъ.... Вѣдь, начиная съ нашего главнокомандующаго и окончивая Горвицомъ и компаніей, рѣшительно не на комъ остановить взора. Единственный человекъ, стоящій на высотѣ своего поста, — генералъ Радецкій. Остальные... одинъ срамъ!... Задать же имъ страху! это вовсе не трудно... Они побѣгутъ здѣсь, какъ бѣжали подъ Шлевной!...

Такія слышались рѣчи среди революціонеровъ.

Уклоненіе революціоннаго движенія въ сторону политики и въ частности, такъ называемое, террористическое теченіе стало пробиваться всюду къ концу 77 года; но раньше всего оно стало наблюдаться на югѣ, благодаря, можетъ быть, тому, что отсюда было ближе къ театру военныхъ дѣйствій и здѣсь больше рѣзали глаза неурядицы и злоупотребленія, происходившія въ арміи. Война была важнѣйшей причиной, пробудившей

*) Украинское слово, обозначающее громъ, шумъ.

какъ въ обществѣ — среди земцевъ, — такъ и среди революціонеровъ теченіе въ пользу политическаго освобожденія. Въ частности къ этому присоединилась еще наша, такъ сказать, внутренняя причина, именно — отсутствіе на югѣ сильной революціонной организаціи. Наши кружки были слабые, недисциплинированны, значительно уступающіе въ организаціонномъ отношеніи кружкамъ петербургскимъ. А организаціи, плодотворныя для задачъ, во имя которыхъ они создаются, служатъ, съ другой стороны, всегда непреодолимымъ тормозомъ при всевозможныхъ новшествахъ. Инициатива можетъ принадлежать только личности, организаціи — никогда: онѣ консервативны. Ко времени русско-турецкой войны на югѣ скопилось не мало энергичныхъ личностей, не связанныхъ сильными организаціонными узами, а, потому, здѣсь и оказались наиболѣе благоприятныя условія для зарожденія новаго направленія.

Трудно теперь описать все то, что совершалось въ двухъ южныхъ центрахъ Одессѣ и Кіевѣ въ періодъ 77 — 78 годовъ! Здѣсь вышло что то похожее на сѣздъ революціонеровъ, вызванный, однако, не по какому либо уговору а, такъ сказать, самой жизнью. Старая кружковая замкнутость исчезаетъ: люди знакомятся другъ съ другомъ, дѣлятся впечатлѣніями пережитаго, принимаются совмѣстно обсуждать дѣла, стоящія на очереди. Оживленіе необыкновенное! дебаты — безъ конца. Здѣсь мы встрѣчаемъ рядъ лицъ, спасшихся отъ жандармскихъ погромовъ, нелегальныхъ, скрывающихся или поднадзорныхъ — такъ или иначе воспитавшихся въ борьбѣ съ правительствомъ, правда, въ борьбѣ или вѣрнѣе неподчиненіи, носившимъ вначалѣ исключительно пассивный характеръ; такъ какъ все время правительство являлось нападающей стороной, а они только бѣжали, но ожесточившихся отъ этихъ безконечныхъ преслѣдованій и жаждущихъ вступить въ активную борьбу съ правительствомъ.

Для Кіева наступило время нѣсколько аналогичное тому, какое переживалось въ началѣ 74 года. Но только теперь движеніе имѣло несравненно болѣе широкіе раз-

бры. Тогда какъ въ 74 году жаждой дѣятельности схвачена была молодежь, не знакомая съ жизнью, те-терь все это были люди опытные, испробовавшие свои нлы на практическихъ дѣлахъ. Тамъ мы видимъ увле-еніе теоріями, видимъ вѣру въ извѣстные идеалы; здѣе юдьми двигаетъ не теорія, а сама жизнь. И если въ 74 году, исходя изъ извѣстныхъ принциповъ, толкова-ось о томъ, какъ примѣнить ихъ на практикѣ, какъ ихъ осуществить, то въ 77 и 78 годахъ наблюдалось прямо обратное явленіе: здѣе люди стараются поды-ать или выдумать теорію для объясненія, отчасти какъ ы оправданія, фактовъ, совершаемыхъ ими подъ влія-іемъ страстей и обстоятельствъ.

Здѣе-то въ Кіевѣ и намѣтилось раньше всего то еченіе, которое въ скоромъ времени направило наше еволюціонное движеніе въ совершенно другую сто-ону. Тутъ можно было видѣть Ивана Пивичевича, блѣ-о-лицаго, невзрачнаго по виду, но дерзки смѣлаго че-овѣка; краснощекаго, здоровеннаго Аленику, къ которому олѣе чѣмъ къ кому либо другому подошло бы названіе добраго молодца“. Съ этимъ „молодцомъ“ постоянно про-сходили какіе либо экстраординарные случаи: то у не-о въ квартирѣ выстрѣлить нечаянно револьверъ, то вы-адеть на улицѣ изъ чехла и публика обходить его, очно прокаженнаго, глядя съ любопытнымъ страхомъ, акъ онъ подбираетъ съ тротуара свои „террористичес-ія“ принадлежности. Одинъ разъ на Кременикѣ (такъ азывается главная улица въ Кіевѣ) у него какимъ-то бразомъ вонзился въ ногу его собственный кинжалъ. иебвшій сбоку на поясѣ, и такую глубокую рану сдѣ-аль, что воротился онъ домой весь окровавленный. Ра-а два наѣзжалъ изъ Петербурга Сенька, пріятель Ва-еріана Осипскаго и членъ одного съ нимъ петербург-каго кружка, такъ называемыхъ „троглодитовъ“. Въ Петербургѣ Сенька вынужденъ былъ сидѣть смирно и аниматься пропагандой; организація подавляла его. Но оживетъ, бывало, онъ въ Кіевѣ день-другой, и на его едрѣ появится длинный, сернообразный кинжалъ. Высо-

кій, стройный, съ выпуклой грудью и выгнутой поясницею, — точь въ точь какъ его кинжалъ, — Стенька представлялъ собою прекрасное доказательство консервативнаго воздѣйствія петербургскаго кружка. Тутъ можно было видѣть Брандтнера изъ Харькова, Свириденко и Попко изъ Одессы, — лицъ необычайной отваги, такъ сказать, богатырей нашего времени, готовыхъ къ смерти во всякую минуту. Тутъ же появлялся и Лизогубъ, подобно Осинскому и Сенькѣ принадлежавшій къ кружку „троглодитовъ“ и бывший тоже однимъ изъ первыхъ сторонниковъ терроризма.

Но душою этого поваго, нарождавшагося въ ту минуту теченія, получившаго названіе „террористическаго“, несомнѣнно оказался Осинскій, и потому я позволю себѣ каснуться здѣсь нѣсколько подробнѣе этой замѣчательной личности.

Валеріанъ Осинскій появился въ Кіевѣ осенью 77 года. Это былъ высокій, тонкій блондинъ, по виду лѣтъ 25-ти, показавшійся мнѣ какимъ-то хрупкимъ, почти женственнымъ существомъ; съ красивымъ лицомъ; живой и подвижной, какъ ртуть; то возбужденный, разговорчивый и веселый, то мрачно-молчаливый и въ такихъ случаяхъ жаловавшійся на головную боль. Осинскій неудовлетворялся дѣятельностью своихъ петербургскихъ товарищей, сводившейся исключительно къ пропагандѣ, и потому, естественно, искалъ для себя болѣе захватывающаго дѣла. Онъ познакомился въ Петербургѣ съ Вѣрой Засуличъ, пріѣхавшей туда изъ Кіева, и, когда Стефановичъ съ товарищами былъ арестованъ, охотно согласился заняться организаціей ихъ побѣга изъ тюрьмы. Съ этой цѣлью онъ и пріѣхалъ въ Кіевъ.

Здѣсь Осинскій сразу попалъ въ совершенно новую для него атмосферу. Студенты волновались, собирались подавать петицію съ требованіемъ конституціонной реформы; въ центрѣ движенія стоялъ „конституціонный кружокъ“, состоявшій отчасти изъ студентовъ, или лицъ близко прикосновенныхъ къ университету, отчасти изъ революціонеровъ-народниковъ. Помню, на одномъ изъ

засѣданій „конституціоннаго кружка“, куда мы ввели Осинскаго тотчасъ послѣ его прїѣзда въ Кіевъ, выступилъ онъ съ рѣчью, гдѣ принялся докзывать несостоятельность политическихъ программъ и необходимость соціальной революціи, которая одна только въ силахъ радикально измѣнить жизнь и уничтожить эксплуатацію народа, и прочее въ такомъ духѣ. „Все это мы давнымъ давно слышали“, замѣтилъ ему кто-то, когда онъ окончилъ свою рѣчь, и послѣ этого, собраніе перешло къ очереднымъ вопросамъ. Любопытно то, что даже не были подняты дебаты по этому вопросу. Большинство насъ, народниковъ, принципиально смотрѣло на вопросъ также какъ и Осинскій. Но мы успѣли уже, такъ сказать, втянуться въ окружающую жизнь и считали неумѣстнымъ высказывать наши разногласія въ собраніяхъ „конституціоннаго кружка“.

Кіевская атмосфера скоро, однако, повліяла на Осинскаго, и онъ сдѣлался самымъ горячимъ защитникомъ политической свободы. Но прежде всего надо было, по его мнѣнію, „задать страху врагамъ“, т. е. другими словами — терроризировать правительство.

Прїѣхавши въ Кіевъ, онъ сосредоточилъ свою дѣятельность на подготовленіи побѣга Стефановича и товарищей его изъ Кіевского тюремнаго замка. При посредствѣ одного подкупленнаго тюремнаго надзирателя установлена была переписка съ заключенными. Помню, въ одномъ изъ тюремныхъ писемъ Стефановичъ описывалъ ходъ чигиринской конспираціи, сущность которой заключалась въ слѣдующемъ: Стефановичъ познакомился зимою 75 года съ чигиринцами, находившимися при кіевскихъ полицейскихъ участкахъ, подъ видомъ крестьянина Херсонской губерніи Дмитрія Найды, отправлявшагося якобы ходакомъ къ царю. (Объ этомъ знакомствѣ я рассказывалъ раньше). Заручившись ихъ довѣріемъ, по истеченіи нѣкотораго времени, онъ представилъ имъ царскую грамоту, въ которой повелѣвалось всемъ крестьянамъ соединяться въ тайныя общества („Тайныя Дружины“) съ цѣлю возстанія противъ пановъ. Эти „Тайныя Дру-

жины“ должны были организоваться по известному плану, изложенному въ другомъ царскомъ документѣ — „Уставѣ Тайной Дружины“. Согласно „Уставу“, всякій, желающій сдѣлаться „дружинникомъ“, долженъ былъ принести присягу въ вѣрности тайнѣ, и принимался въ члены только за поручительствомъ двухъ „дружинниковъ“. Всякій „дружинникъ“ долженъ былъ вносить ежемѣсячно по пяти копѣекъ въ кассу и имѣть собственную пилку на случай возстанія. Двадцать пять „дружинниковъ“ составляли одно староство и выбирали своего старосту. Староста собиралъ денежные взносы, приводилъ къ присягѣ вновь поступающихъ и т. д. Двадцать староствъ составляли атаманство. Атаманъ избирался старостею радой и былъ посредникомъ между „Дружиной и комиссаромъ. Во главѣ всѣхъ „Тайныхъ Дружинъ“ (которыхъ по всей Россіи должно было быть много, конечно) стоялъ „Совѣтъ Комиссаровъ“. Такова, въ общихъ чертахъ, была организація, которую Стефановичъ старался провести среди чигиринскихъ крестьянъ. Само собою разумѣется, что затѣя эта имѣла полнѣйшій успѣхъ. Крестьяне стали записываться въ „Тайную Дружину“ цѣлыми десятками. Почти всѣ „душевики“, т. е. стремившіеся къ душевому передѣлу земли и враждовавшіе съ, такъ называемыми „актовиками“ (я упоминалъ объ этомъ дѣленіи крестьянъ въ Чигиринщинѣ) вскорѣ сдѣлались „дружинниками“. Въ ноябрѣ 1876 года Стефановичемъ пущены были въ дѣло „Грамоты“ и „Уставъ“, а уже къ веснѣ 77 года въ рядахъ тайной дружины насчитывались сотни людей. Но этотъ быстрый количественный успѣхъ и явился главной причиной неудачи. Тайна была очень скоро открыта и среди чигиринцевъ начались аресты и преслѣдованія, окончившіеся арестомъ самого комиссара Дмитрія Найды, т. е. Якова Стефановича.

— „Удивительная смѣлость мысли!“ говорил Осинскій о чигиринской конспираціи Стефановича. Это дѣло произвело на него сильное впечатлѣніе. Какъ я уже сказалъ выше, Осинскій былъ членомъ петербургскаго кружка пропагандистовъ, въ то время организація совершенно

молодой, только что начинавшей жить и, следовательно, исповѣдовавшей еще твердо извѣстные принципы. Осинскому, слыхавшему лишь о пропагандѣ социалистическихъ идей, чигиринское дѣло, построенное на народной вѣрѣ въ царя, представлялось и оригинальнымъ и смѣлымъ. Какъ большинству молодыхъ революціонеровъ-народниковъ, и ему мужикъ представлялся въ образѣ таинственнаго ефимка, къ которому онъ не зналъ, какъ подступиться. Здѣсь же онъ видѣлъ, что люди не только съумѣли притупить, но и достигли необыкновеннаго успѣха. „Удивительная смѣлость мысли!“ восклицалъ онъ. Рядомъ съ ругими причинами чигиринское дѣло оказало, какъ я умаю, не малое вліяніе на ростъ идей въ его головѣ. Человѣка съ меньшей инициативой, вѣроятно, родилось бы желаніе подражать; но Осинскій откровенно сознавалъ въ своей неспособности работать среди народа и, отому, ни о подражаніи, ни даже о продолженіи чигиринской конспираціи онъ и не подумалъ. Изъ чигиринскаго дѣла Стефановича онъ позанимствовалъ, если можно такъ сказать, только одну „смѣлость мысли“. А позднее было совѣтъ не маловажной вещию. Онъ отказывался отъ дѣятельности въ народѣ, рѣшивши все силы свои посвятить на террористическія дѣла. Для того времени это была действительно необыкновенная смѣлость мысли“. Между Осинскимъ и его петербургскими товарищами скоро возникли серьезные недоразумѣнія, перешедшія почти въ неприязнь.

Мало по малу, такимъ образомъ, среди революціонеровъ выросталъ расколъ; движеніе наше распадалось и получало два теченія: одно оставалось старое народическое; другое — новое террористическое.

Митрій Лизогубъ сталъ сочувствовать этому расколу и впо склѣнялся въ сторону Осинскаго; а это давало сразу большое преимущество, такъ какъ Лизогубъ былъ богатъ, и, следовательно, новое направленіе съ нимъ пріобрѣтало большія матеріальныя средства.

И такъ, среди насъ зародилось теченіе, въ этотъ азъ уже несомнѣнно опасное для государственнаго по-

рядка, неизмѣримо болѣе опасное, чѣмъ было движеніе въ народъ. Что же дѣлало въ это время наше правительство? А правительство продолжало держаться своей старой системы заугиванія. Но заугиваніе на смѣлыхъ людей оказывало совершенно такое же дѣйствіе, какъ масло, подбрасываемое въ огонь. Безтактные поступки правительства, слѣдовавшіе одинъ за другимъ все болѣе и болѣе раздражали страсти и безъ того возбужденныя въ сильной степени, пока, наконецъ, не произошелъ фактъ, окончателно толкнувшій наше революціонное движеніе въ сторону террора.

Лѣтомъ 77 года петербургскій градоначальникъ генералъ Треповъ при посѣщеніи Дома Предварительнаго заключенія столкнулся съ приговореннымъ въ каторгу Боголюбовымъ, сидѣвшимъ тамъ въ ожиданіи дальнѣйшей участи. Боголюбовъ не снялъ ему шапки при встрѣчѣ, и Треповъ, этотъ безграмотный генералъ изъ кантонистовъ, ухитрившійся дѣлать, какъ рассказывали, четыре ошибки въ словѣ еще (онъ писалъ: ѣсчо), приказалъ за это выѣчь розгами Боголюбова. Само собою разумѣется, экзекуція была исполнена. Я не возьмусь описывать того, что происходило въ это время въ Домѣ Предварительнаго Заключенія среди политическихъ заключенныхъ; пусть расскажетъ это кто либо изъ очевидцевъ, сидѣвшихъ тамъ тогда; возмущеніе было страшное. Но нужно было видѣть, какимъ гнѣвомъ запылали послѣ этого многіе на волѣ! Мщеніе Трепову сразу стало очереднымъ дѣломъ. Въ Кіевѣ организовалась компанія челоуѣкъ изъ шести (между ними былъ Попко), которая вскорѣ отправилась въ Петербургъ съ цѣлью убить Трепова. Между тѣмъ, въ Петербургѣ около этого времени начался процессъ 193-хъ. Отчеты объ этомъ процессѣ, печатавшіеся въ подпольной типографіи, разсылались повсюду, и всюду читались съ захватывающимъ интересомъ. Рѣчь Мышкина, вся проникнутая презрѣніемъ къ суду, къ сенаторамъ, „торгующимъ изъ за крупныхъ окладовъ чужей жизнью“; поведеніе подсудимыхъ, полное достоинства, — все это необыкновенно импонировало и ободряло революционе-

ровъ, дѣйствовавшихъ въ это время на свободѣ. Правительственныя репрессалии, вмѣсто того чтобы напугать людей, вызывали необыкновенный подъемъ духа и сознание собственныхъ силъ. „Видно правительство боится насъ, когда преслѣдуетъ съ такимъ ожесточеніемъ! А если оно боится, значитъ оно слабо. Задать же ему страху!“ слышались голоса. Было ли правительство на самомъ дѣлѣ слабое, — не берусь утверждать; но несомнѣнно то, что въ правительственномъ механизмѣ была какая-то неурядица; было много непослѣдовательнаго и даже противорѣчиваго въ немъ. Такъ судебное вѣдомство находилось въ явной оппозиціи къ министерству внутреннихъ дѣлъ и жандармеріи. Между тѣмъ, жандармерія оказывалась всецѣльной, такъ какъ самъ царь стоялъ на ея сторонѣ. Когда процессъ 193-хъ окончился оправданіемъ огромнаго большинства подсудимыхъ, содержащихся неизвѣстно за что такое долгое время по тюрьмамъ, то жандармы стали ловить этихъ оправданныхъ судомъ людей и отправлять въ административную ссылку. Судъ постановилъ ходатайствовать передъ его величествомъ о смягченіи участи главныхъ виновныхъ по этому процессу, а величество осталось этимъ недовольно и никакого смягченія не оказало. Въ этотъ то моментъ Вѣра Засуличъ, придя къ Трепову, выстрѣлила въ него изъ револьвера. Процессъ Засуличъ, послѣдовавшій вскорѣ за тѣмъ, былъ самымъ разительнымъ примѣромъ этой разноголосицы, существовавшей въ правительствѣ. Засуличъ была оправдана и освобождена судомъ. Жандармы рѣшили ее арестовать тутъ же на улицѣ при выходѣ изъ суда. Пронзилось цѣлое столкновение публики съ полиціей и жандармами. Засуличъ совершенно случайно была спасена. Разсказываютъ, что царь этимъ процессомъ былъ взбѣшенъ до послѣдней степени и будто бы выразился о немъ такъ, что тамъ судили не Засуличъ, а Трепова.

ПОКУШЕНИЕ НА ЖИЗНЬ КОТЛЯРЕВСКАГО
И НАЧАЛО „ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА“.

Я жилъ съ двумя товарищами въ Афанасьевскомъ Яру; такъ назывался оврагъ, черезъ который прелегала наполовину планированная въ то время улица, соединяющая Фундуклеевскую съ Подвальной. Наша квартира изъ двухъ небольшихъ комнатъ помещалась въ нижнемъ этажѣ и имѣла свой отдѣльный выходъ на улицу черезъ узенькій проходъ, заключавшійся между зданіемъ и высокимъ деревяннымъ заборомъ. Одно окно квартиры глядѣло въ этотъ узенькій проходъ, другое — на немощную улицу, и находилось на одномъ уровнѣ съ землею, какъ это обыкновенно бываетъ въ подвальныхъ этажахъ кievскихъ квартиръ. Дома три-четыре выше жилъ Избицкій, студентъ университета, находившійся съ довольно близкихъ отношеніяхъ съ нами и принимавшій участіе въ некоторыхъ дѣлахъ. Визави, по другой сторонѣ улицы по линіи, построекъ еще не было; но дальше, въ Яру виднѣлся двухъ-этажный домъ Бондаренко, гдѣ жилъ Валеріанъ Осинскій. Отъ насъ видна была крыша и верхній этажъ этого дома, видно было и окно комнаты Осинскаго, находившейся во второмъ этажѣ. Квартира, занимаемая нами, была очень удобна въ томъ отношеніи, что въ нее можно было проникнуть незамѣтно для домохозяина и другихъ жильцовъ и, потому, чаще всего компанія собиралась у насъ. Живо припоминаются мнѣ теперь эти собранія, хотя уже больше полутора-десятка лѣтъ утекло съ той поры. Я говорилъ выше, что Валеріанъ Осинскій производилъ впечатлѣніе челоуѣка

очень живого, — что называется, непосѣды. Спокойнымъ оставался онъ развѣ только тогда, когда лежалъ въ кровати съ головной болью. Даже, когда писалъ что нибудь, его подвижное лицо постоянно мѣняло свое выраженіе. Онъ имѣлъ необыкновенную память, но сравнительно не большія обобщающія способности, такъ что спорщикъ изъ него былъ слабый; хотя въ тоже время несомнѣнно онъ всегда оставался оригинальнымъ и не только не находился подъ чьимъ либо вліяніемъ, но, болѣе того, обладалъ огромнымъ запасомъ инициативы. Инициатива эта протекала у него, какъ мнѣ кажется, главнымъ образомъ изъ его непосидячей, подвижной, крайне дѣятельной натуры. Говорить онъ любилъ много, прерывая свою рѣчь частымъ смѣхомъ и нерѣдко впадая въ преувеличенія, вслѣдствіе необыкновенной своей экспансивности. Онъ забрасывалъ слушателя своею скороговоркой, словно горохомъ, и всегда носилъ съ собою большой запасъ всевозможныхъ свѣдѣній, то вычитанныхъ имъ изъ газетъ, за которыми слѣдилъ аккуратно, то просто слышанныхъ имъ отъ знакомыхъ, которыхъ у него вездѣ была пронасть. Со множествомъ лицъ онъ поддерживалъ самыя частыя сношенія и умѣлъ всякому дать какую нибудь работу, въ слѣдствіе чего всюду, куда появлялся, вносилъ оживленіе. Вся его фигура, обыкновенно изящно одѣтая, съ болтающимся пенелью на черномъ шелковомъ шнурочкѣ, гибкая и, можетъ быть, выносливая, но далеко не крѣпко сложенная, обличала въ немъ чловѣка весьма нервнаго. Въ заключеніе считаю нужнымъ добавить, что его портретъ, находящійся въ обращеніи, сдѣланъ очень удачно.

— „Ну, Валеріанъ, какъ же ведетъ себя „Голубь“? спрашивали мы, бывало, Осинскаго, когда онъ появлялся къ намъ съ тюремными письмами.

— „Шьетъ и ѣсть необычайно! Удивительный обжора!...“ смѣясь, восклицалъ Осинскій, любившій пошутить, когда заходила рѣчь о тюремномъ надзирателѣ, служившемъ посредникомъ въ сношеніяхъ съ заключенными и за это носившемъ кличку „Голубя“.

Этотъ „Голубь“ былъ глуповатый, но простодушный толстякъ, хорошо исполнявшій свою миссію за сравнительно небольшое вознагражденіе. Прийдя съ письмами къ Осинскому, „Голубь“ обыкновенно тотчасъ принимался за закуску, приготовленную здѣсь для него; съѣдалъ и вышивалъ все, что было поставлено передъ нимъ и потомъ ложился на постель Осинскаго и спалъ, пока тотъ готовилъ свой отвѣтъ, всегда весьма обстоятельный и длинный, написанный мелкимъ, круглымъ, красивымъ почеркомъ на „конспиративной“ бумагѣ. Письма писались на очень тонкой бумагѣ, получившей у насъ названіе „конспиративной“, для того, чтобы легче было проносить ихъ въ тюрьму, гдѣ при входѣ обыскивали всякого, даже служащихъ надзирателей. За этимъ занятіемъ проходилъ весь вечеръ у Осинскаго, и мы, зная, что у него сидитъ „Голубь“, въ эти вечера, конечно, не заходили къ нему. Окончивъ письма, Осинскій будилъ надзирателя, передавалъ ему пакетикъ, давалъ при этомъ рублевку, и тотъ удалялся. Чаще всего это было уже очень позднее время, а потому только на другой день Осинскій приходилъ къ намъ и приносилъ для прочтенія тюремныя письма.

Организовать побѣгъ изъ кievской тюрьмы было далеко не легко, а на первыхъ порахъ показалось намъ даже почти невозможнымъ дѣломъ. О подкопахъ или проломахъ здѣсь и думать было нечего: все зданіе было слишкомъ капитально выстроено. Но при болѣе близкомъ ознакомленіи съ тюремными порядками, мало по малу сталъ возникать планъ совершенно особаго рода. Внутренній караулъ состоялъ изъ вольнонаемныхъ служащихъ: ключника и надзирателей, смѣнявшихся черезъ известное время. Смѣной надзирателей завѣдывалъ ключникъ; этимъ обстоятельствомъ и задумали воспользоваться для устройства побѣга; а именно — подъ видомъ надзирателей ключникъ могъ вывести изъ тюрьмы заключенныхъ въ ночную смѣну. Конечно, для этого нужно было заручиться помощью ключника. Первоначально явилась мысль о подкупѣ, и въ этомъ направленіи сдѣ-

ланы были даже нѣкоторые шаги; но потомъ скоро планъ подкуна, какъ ненадежный, былъ отброшенъ, и оставились на мысли, чтобы ключникомъ въ тюрьму поступилъ свой человѣкъ. Осуществленіемъ этого плана занялся Михаилъ Фроленко. Получивши свѣдѣніе, что смотритель тюремнаго замка искалъ служителя, Фроленко съ мѣщанскимъ паспортомъ отправился къ нему хлопотать о своемъ назначеніи и былъ принятъ на службу.

Такъ было положено начало предпріятію, надѣлавшему не мало шуму въ свое время. Если мнѣ не измѣняется память, мѣсяцевъ около двухъ Фроленко исполнялъ различныя должности при тюрьмѣ (сначала былъ простымъ сторожемъ на смотрительскомъ дворѣ, потомъ — надзирателемъ, а наконецъ и ключникомъ), проявивши за это время такъ много выдержки и мужества, что вызвалъ къ себѣ среди революціонеровъ положительно всеобщее удивленіе.

Между тѣмъ, какъ дѣло съ устройствомъ побѣга, о которомъ я еще буду говорить ниже, постепенно налаживалось, Осинскій и его ближайшіе единомышленники въ это время занялись осуществленіемъ другихъ предпріятій. На тюрьмѣ и заключенныхъ сосредоточивалось ихъ вниманіе. Аресты по чигиринскому дѣлу произведены были жандармскимъ офицеромъ Гейкингомъ; слѣдствіе по дѣламъ велось прокуроромъ Котляревскимъ. И вотъ, у Осинскаго и его друзей, думавшихъ о террорѣ, векорѣ созрѣло рѣшеніе убить этихъ двухъ представителей власти. Въ первую очередь поставленъ былъ Котляревскій, о которомъ ко всему другому передавали изъ тюрьмы, будто тамъ, при обыскѣ, онъ осмѣлился раздѣть до гола одну политическую женщину. За Котляревскимъ стали слѣдить попеременно нѣсколько человѣкъ, выматривая удобный случай для нападенія. Нужно сказать, что какъ разъ около этого времени изъ Петербурга донеслась вѣсть о покушеніи Засуличъ; потомъ пришло извѣстіе изъ Одессы о вооруженномъ со-

противленіи при арестѣ Ковальскаго, Свитича и друг. Эти факты только подлили масла въ огонь.

Ночью 23-го февраля (1878 г.) я былъ разбуженъ легкимъ стукомъ въ окно, выходившее на улицу. Окликнувъ тихо, я узналъ по голосу Валеріана и поспѣшилъ открыть калитку. Помню, ночь была сырая и холодная, и потому, быстро воротившись въ комнату, я легъ въ кровать и принялся зажигать лампу, стоявшую на столѣ, въ то время, какъ Осинскій слѣдовалъ за мной. По шуму шаговъ я догадался, что онъ былъ не одинъ. И, дѣйствительно, съ нимъ явился Иванъ Ивичевичъ и еще другой товарищъ.

Мнѣ живо представляется теперь та минута, когда Осинскій, войдя въ комнату, подошелъ къ моей кровати, нагнулся и, глядя сверху пэнс-нэ, стекла котораго успѣли сразу запотѣть въ комнатѣ, тихо произнесъ: „Котляревскій убить!“

— „Когда?“ спросилъ я, чувствуя, какъ меня словно варомъ обдало отъ этой вѣсти.

— „Только что... Мы прямо отсюда“.

Я задернулъ плотнѣе занавѣску у окна, чтобы съ улицы не было видно свѣта, и сталъ разспрашивать, какъ это произошло. Осинскій сообщилъ мнѣ, что они настигли Котляревскаго, возвращавшагося откуда-то, почти у самого его дома и тутъ напали. Послѣ перваго выстрѣла, онъ свалился на землю и поднялъ страшный крикъ. Тогда они сдѣлали по немъ еще одинъ или два выстрѣла и затѣмъ убѣжали. Такъ какъ Котляревскій былъ въ шубѣ, и раны отъ револьверныхъ пуль могли оказаться несмертельны, то Ивичевичъ хотѣлъ подойти и ударить его еще кинжаломъ; но другіе его удержали отъ этого: опасно было оставаться дольше на мѣстѣ, куда всякую минуту могли сбѣжаться люди. „Все равно дѣло покончено“, сказалъ въ заключеніе Осинскій.

Нѣкоторое время я сидѣлъ на кровати, молча, если можно такъ выразиться, переваривая фактъ; и, долженъ сознаться, никакъ не могъ его переварить: дрожь пробѣгала по спинѣ, и какое-то тяжелое, страшно тяжелое

и неприятное чувство стало мало по малу овладѣвать мною.

— „Вы здѣсь ночуете?“ спросилъ я.

— „Понятно. Куда же идти? Теперь, вѣроятно, страшная погоня идетъ по всеѣмъ улицамъ.“

— „Въ такомъ случаѣ ложитесь, и надо тушить лампу.“

На полу разослана была одежда и они втроемъ легли. Я погасилъ лампу; въ комнатѣ стало темно.

Нѣкоторое время я лежалъ молча; но потомъ мнѣ захотѣлось узнать, по какимъ улицамъ они бѣжали, и не было ли за ними погони. Осинскій сказалъ, что бѣжали они сначала по Прорѣзной, а затѣмъ мимо Золотыхъ воротъ по Подвальной, и что ни одного человѣка не было слышно сзади ихъ.

— „Ну, отлично! Будемъ спать“, замѣтилъ я.

Но заснуть я не могъ. Мои нервы были необыкновенно возбуждены; руки и ноги никакъ не могли согрѣться. Я принялся напряженно вслушиваться въ ночную тишину. Но на нашей улицѣ все было тихо: ни одинъ извозчикъ, ни одинъ пѣшеходъ не нарушалъ царившаго спокойствія. Еще прошло нѣкоторое время... Вдругъ гдѣ-то далеко послышался ровный, продолжительный грохотъ, словно бой барабана. „Тревогу бьютъ,“ мелькнула у меня мысль. Я ощутилъ новый наплывъ неприятнаго чувства, никогда раньше не испытываемаго мною, и невольно приподнялся на кровати, чтобы лучше вслушаться. Трудно, однако, опредѣлить, какого сорта было это чувство. Тутъ былъ и страхъ — страхъ не передъ одной отвѣтственностью и наказаніемъ, а, такъ сказать, передъ самимъ фактомъ, — и недовольство этимъ фактомъ, и чувство какой-то отчужденности: я видѣлъ, что для Осинскаго это было свое, близкое дѣло, а для меня оно было чужое.

— „Валеріанъ, слышите?“ спросилъ я шопотомъ.

— „Слышу.“

— „Какъ будто барабанъ бьетъ.“

— „Да.“

Мы замолкли, и я опять сталъ слушать. Но грохотъ не повторялся болѣе. Можетъ быть, это проѣзжали экипажи по мостовой, гдѣ нибудь по Владимірской улицѣ.

— „Кто это такъ громко хрипѣть изъ нихъ?“ спросилъ я.

— „Это Иванъ“,*) отвѣтилъ Осинскій.

— „Они оба сняты?“

— „Оба.“

Но Осинскій не спалъ. Уже и я начиналъ дремать, а сквозь сонъ слышалъ, какъ онъ все еще ворочался на полу и тихо покашливалъ.

Однако, на другой день оказалось, что Котляревскій не только не былъ убитъ, но даже не раненъ. Упалъ же онъ на землю послѣ выстрѣла просто отъ страха. Осинскій, всегда раньше другихъ узнававшій всевозможныя новости, узналъ и эту новость первый и намъ сообщилъ. Теперь онъ рассказывалъ о покушеніи на жизнь Котляревскаго смѣясь, и ни малѣйшаго волненія не было замѣтно на его нервно-подвижномъ лицѣ.

— „Какъ же вы намѣрены поступить дальше?“ спросилъ его кто-то.

— „А чортъ съ нимъ, съ этимъ трусомъ!...“ воскликнулъ Осинскій. „Съ него достаточно: послѣ этого случая, я полагаю, онъ не будетъ такимъ ревностнымъ чиновникомъ“.

Высказано было, не помню кѣмъ, мнѣніе, что было бы полезно издать по этому случаю прокламацію, гдѣ были бы разъяснены причины, вслѣдствіе которыхъ стрѣляли въ Котляревскаго. Стали обсуждать въ деталяхъ этотъ вопросъ. Потомъ бесѣда перешла къ тому, что было бы вообще не дурно, всякій разъ, послѣ совершенія извѣстнаго террористическаго факта (а ихъ предполагалось совершать не одинъ или два, а много) выпускать прокламаціи и расклеивать ихъ по улицамъ; и при этомъ кому-то изъ собесѣдниковъ пришла мысль въ голову, чтобы группа лицъ, занимающаяся террористическими

*) Ивичевичъ.

предпріятіями, назвала себя „Исполнительнымъ Комитетомъ“.

Названіе „Исполнительнаго Комитета“ присваивалось потому, что террористы по первоначальному представленію должны были являться ничѣмъ другимъ, какъ простыми исполнителями рѣшеній, принятыхъ всею „Соціально-революціонной партіей“. Но какъ эти рѣшенія могли приниматься, когда на самомъ дѣлѣ и такой партіи не существовало, такъ какъ не существовало никакой общей организаціи, — объ этомъ пока не думали. „Исполнительный Комитетъ“ имѣлъ ввиду заняться убійствами зловредныхъ лицъ, пренятетвовавшихъ развитію революціонной дѣятельности, какъ, на примѣръ: предателей, жандармскихъ сыщиковъ, прокуроровъ и пр. О перемѣнѣ программы, конечно, при этомъ не упоминалось, такъ какъ предполагалось, что программа у революціонеровъ остается прежняя, т. е. народническая; и все новшество заключалось лишь въ томъ, что часть силъ отряжалась специально на террористическія предпріятія.

Сдѣлана была печать овальной формы, на верху которой была вырѣзана полукруглая надпись: „Исполнительный Комитетъ“; а внизу: „Русской соціально-революціонной партіи“. Въ срединѣ были вырѣзаны револьверъ и кинжалъ, скрещивающіеся между собою.*)

Но съ выпускомъ прокламаціи нѣсколько запоздали, такъ какъ не было гдѣ ее отпечатать; станокъ и шрифты, вытщенные изъ квартиры Стефановича, Давиденко запропастилъ гдѣ-то такъ, что потомъ не только жандармы, но и революціонеры не могли ихъ отыскать. Только уже около середины марта, если не измѣняетъ мнѣ память, прокламація была отпечатана; въ ней говорилось объ убійствѣ шпіона Никонова, совершенномъ въ Ростовѣ на Дону, и о покушеніи на жизнь прокурора Котляревскаго. Подъ этой прокламаціей внизу въ

*) На сколько припоминаю — кромѣ револьвора съ кинжаломъ, былъ еще топоръ.

первый разъ приложена была печать „Исполнительнаго Комитета“. Насколько припоминаю, впрочемъ, печать была приложена не на всѣхъ экзеплярахъ. Послѣ того мы занялись расклейкой прокламацій по улицамъ; само собою разумѣется, что расклейка производилась ночью, но все таки не обошлось безъ жертвъ: Избицкій былъ схваченъ на улицѣ во время наклеиванія прокламацій и впослѣдствіи былъ осужденъ за это къ 15 годамъ каторжныхъ работъ.

— „А знаете ли, Валерьянъ?“ обратился я какъ-то къ Осинскому — „не совѣтовалъ бы я вамъ очень увлекаться терроромъ: вы нервны... Помните ту ночь?... Вотъ Ивичевичъ — другое дѣло...“

Замѣчаніе это видимо разсердило Осинскаго, и онъ отвѣтилъ мнѣ въ такомъ родѣ, что самъ лучше знаетъ, чѣмъ можетъ или не можетъ „увлекаться“.

Къ этому первому „Исполнительному Комитету“, о которомъ трудно было даже сказать, изъ кого въ точности онъ состоялъ, такъ какъ совсѣмъ не представлялъ собою строго опредѣленной организаціи, всякій относился по своему. Осинскій, Ивичевичъ Иванъ и нѣкоторые другіе, видимо, смотрѣли на дѣло очень серьезно. Серьезно отнесся, помню, и мой братъ, сразу усмотрѣвшій въ этомъ попытку борьбы политическаго характера. „Вотъ пока вы разсуждали о народѣ“, говорилъ онъ мнѣ, „такъ и революціонности было мало: разводили бобы на кисель. А какъ дошло дѣло до вашихъ собственныхъ интересовъ, — посмотри, какія дѣла! Тамъ стрѣляютъ въ Трепова; здѣсь — въ Котляревскаго... Не зачѣмъ закрывать глаза: вѣдь это факты политической борьбы. Котляревскій дѣлаетъ обыски, раздѣваетъ женщинъ до нага, и его за это стрѣляютъ. А дѣло съ Треповымъ? Ну, подумай, мало ли у насъ сѣкутъ мужиковъ исправники, да губернаторы? Однако, за это ихъ никто не стрѣляетъ. А попробовалъ Треповъ высѣчь интеллигентнаго революціонера — ему и нагорѣло. Такъ то, братъ: ни едциализмъ, ни народъ здѣсь ни при чемъ.“

Что касается до моего отношенія къ этому нарож-

давшемуся „Исполнительному Комитету“, то оно было очень странное. Съ одной стороны, я не признавалъ пользы за террористическими дѣлами, да и не чувствовалъ себя способнымъ къ нимъ, съ другой стороны, являлся пособникомъ террористовъ и съ какой-то дѣтской необдуманностью принималъ участіе въ такихъ дѣлахъ, какъ изобрѣтеніе печати „Исполнительнаго Комитета“, расклейкѣ прокламацій и т. п. Мнѣ все еще казалось очень забавнымъ дразнить полицію, и я смотрѣлъ на расклейку прокламацій съ печатью „Исполнительнаго Комитета“ чуть ли не такъ же, какъ на расклейку вымышленныхъ телеграммъ съ театра военныхъ дѣйствій. „Вотъ, думалъ я, пойдетъ трескотня по городу! Начнутъ ловить „Исполнительный Комитетъ“. Полиція совсѣмъ потеряетъ голову“. Я радовался, рисуя въ своемъ воображеніи удивленныя рожи нашихъ администраторовъ, толкующихъ между собою объ „Исполнительномъ Комитетѣ“ и теряющихся въ догадкахъ — откуда комитетъ этотъ взялся. Однако, по мѣрѣ того, какъ происходили новыя событія террористическаго характера, и среди насъ стали возникать принципиальные споры, я сталъ задумываться надъ происходившими событіями, и мало по малу выработалось у меня прямо отрицательное отношеніе къ террору.

XVII

МОЯ ПОѢЗДКА ВЪ ЧИГРИНЦИНУ.

Между тѣмъ сношенія съ тюрьмой не прекращались и „Голубь“ попрежнему въ недѣлю разъ, а иногда и чаще, заносилъ къ Осипскому письма изъ тюрьмы. Со

словъ чигиринцевъ, сидѣвшихъ тамъ, оказывалось, что нѣкоторыя семьи бунтовавшихъ крестьянъ были доведены экзекуціями до полного раззорѣнія, и мы рѣшили оказать имъ матеріальную помощь. Получивши изъ тюрьмы нужные адреса, свѣдѣнія и пароль, безъ котораго трудно было бы проникнуть въ среду бунтовавшихъ крестьянъ, я выѣхалъ изъ Кіева.

До уѣзднаго города Черкассы я доѣхалъ по желѣзной дорогѣ. Но отсюда ѣхать прямо въ село Шабельники, куда данъ былъ мнѣ адресъ, я не рѣшился, такъ какъ пришлось бы проѣзжать черезъ бунтовавшія деревни, гдѣ очень строго слѣдили за проѣзжавшими, а потому я остановился на мысли сдѣлать объѣздъ. Была ранняя весна, и Днѣпръ еще стоялъ; кое-какъ я перѣбрался по льду на полтавскій берегъ, нанялъ тамъ крестьянскую телѣгу и двинулся на югъ по дорогѣ, ведущей къ городку Чигиринъ-Дубравѣ. Поровнявшись съ бунтовавшими селеніями, чтобы попасть куда мнѣ было нужно, я долженъ былъ опять перѣѣхать на правый берегъ Днѣпра. Между тѣмъ, рѣка за эти дни вскрылась, такъ что мнѣ пришлось переправляться въ рыбацкой лодкѣ уже среди пльвшихъ льдинъ. Переправившись благополучно, я остановился въ шабельницкой корчмѣ, находившейся у самаго берега Днѣпра.

Мѣсто это было до того въ сторонѣ отъ проѣзжихъ большихъ дорогъ, и время для ѣзды выбрано было такое неудобное, что содержатель корчмы, еврей, встрѣтилъ меня, какъ говорится, большими глазами.

— „Куда ѣдете? Откуда?“ любопытствовалъ онъ знать.

Я отвѣчалъ, что ѣду въ Черкассы, такъ какъ никакого другого отвѣта и придумать не могъ. Повторяю, мѣстность до того была глухая и малопосѣщаемая, что единственный пунктъ, на который можно было указать, былъ только городъ Черкассы, гдѣ имѣлся по крайней мѣрѣ сахарный заводъ, и гдѣ проходила желѣзная дорога. Правда, изъ Черкассъ то соб твенно я теперь и ѣхалъ, но этого въ Шабельникахъ никто знать не могъ: крестья-

явнѣе, везшій меня, остался на полтавскомъ берегу.

— „Вы съ далека?“ допытывался корчмарь.

— „Съ Чигиринь-Дубравы“, отвѣтилъ я. Однако, въ моемъ положеніи значительно удобнѣе было самому задавать вопросы, чѣмъ отвѣчать, а потому я поторопился обратиться къ нему съ разспросами: у кого можно было нанять лошадей къ черкасскому вокзалу, да какова дорога, да сколько будетъ стоить проѣздъ и т. п. дорожныя свѣдѣнія. Оказалось, что корчмарь имѣлъ лошадей; но желая видѣться съ крестьяниномъ, адресъ котораго былъ мнѣ данъ, я, подъ тѣмъ предлогомъ, будто хочу поискать лошадей дешевле, вышелъ изъ корчмы и направился въ деревню.

Корчма стояла въ сторонѣ отъ села, и до Шабельниковъ мнѣ пришлось пройти около версты разстоянія. Я шелъ по дорогѣ, усаженной высокими осинами, по сторонамъ которой раскинулось низменное, песчанное прибрежье Днѣпра, мѣстами сильно заросшее лозникомъ и, повидимому, совершенно безплодное и негодное ни для какого хозяйства. Въ селеніи не было видно садовъ, столь любимыхъ украинцами; кое-гдѣ только осины или тополи высилась надъ хатами, сзади которыхъ тянулись тощія, песчаные огороды. Верстахъ въ четырехъ отъ Днѣпра, параллельно рѣкѣ, виднѣлась круча; тамъ на возвышенности земля была лучше; тамъ-то, кажется, и находились поля, изъ за которыхъ возгорѣлась столь ожесточенная борьба между „актовиками“ и „душевиками“.

Войдя въ село, я былъ атакованъ собаками, поднявшими необыкновенный лай. Село было глухое и затереться въ немъ постороннему челоѣку, оказывалось, рѣшительно невозможно. На лай собакъ люди повыходили изъ избъ и принялись на меня глазѣть со всѣхъ сторонъ. Я сталъ было спрашивать, у кого можно было нанять лошадей къ черкасскому вокзалу, но охотниковъ вести не находилось.

— „А гдѣ хата Сопрона С*?“ обратился я, наконецъ, съ вопросомъ къ одному изъ мужиковъ. „Мнѣ говорили, что у него есть лошади.“

— „Какіе же у Сопрона кони?! У него, не то коня, овцы нѣтъ во всемъ хозяйствѣ...“

— „А мнѣ въ корчмѣ сказали, что есть; надо его спросить.“

— „Спросите“, уклончиво проговорилъ мужикъ, укаывая мнѣ на избу Сопрона. „Только я знаю, что у него нѣтъ коней.“

Сопронъ, къ которому дана была мнѣ рекомендація, жилъ на краю села. Маленькая избушка его была одной изъ ближайшихъ къ берегу рѣки и достаточно было на нее только взглянуть, чтобы понять всю неудачность выдумки моей съ лошадьми. Очевидно, здѣсь не было мѣста коню. Однако самого Сопрона я не засталъ: вышедшая ко мнѣ на встрѣчу женщина, должно быть его жена, заявила, что „хозяина нема дома“. Но если бы хозяинъ былъ и дома, мое свиданіе съ нимъ въ этотъ разъ все равно не привело бы ни къ какимъ результатамъ: изъ сосѣднихъ избъ сошлись любопытные сосѣди, и было бы крайне неблагоразумно при всѣхъ вступити въ объясненіе. Поэтому, осмотрѣвъ внимательно окрестности и самую избу, чтобы потомъ можно было ее узнать, я возвратился обратно въ корчму и сталъ торопиться со своимъ отъѣздомъ, рѣшивши пріѣхать сюда другой разъ совсѣмъ инымъ путемъ.

Черезъ часъ я уже выѣзжалъ изъ Шабельниковъ, сидя на тряскомъ возку, запряженномъ парой мохнатыхъ лошадокъ; нанялъ я ихъ у корчмаря. Проѣзжая деревней, я глядѣлъ по сторонамъ; плетни, защищавшіе крестьянскіе дворы и огороды, уцѣлѣли лишь кое-гдѣ: мѣстами они свалились на землю и лежали плашмя, мѣстами были совсѣмъ разобраны, открывая видъ на пустыя, голыя пространства, очевидно, обрабатываемыя раньше. Хаты съ обвалившеюся глиною со стѣнъ и выбитыми окнами, точно нищіе въ лахмотьяхъ, стояли по бокамъ дороги. На многихъ — крыши были разрушены. Въ неогороженныхъ дворикахъ и на улицахъ не видно было почти никакой жизни: не слышно было ни стука топора, ни шипѣнія пилы, точно работы всѣ были при-

кончены. Не видно было ни скота, ни домашней птицы. Даже люди, встрѣчавшіеся намъ по пути, казались, передвигались съ мѣста на мѣсто не такъ, какъ обыкновенно, а какъ-то тихо, крадучись, словно боясь чего то. Подобнаго раззоренія, какое представилось тогда моимъ глазамъ, я не только не видѣлъ никогда, но и не слышалъ раньше. Точно ураганъ прешель надъ бѣдными Шабельниками. Таковы были результаты экзекуціи, произведенной нашими бравами солдатиками!

— „Вотъ гдѣ бѣда!“ невольно воскликнулъ я.

— „Ой бѣда!..“ отозвался мой возница, служившій „наймытомъ“ у еврея, на лошадахъ котораго я ѣхалъ.

— „Съ чего же здѣсь такое натворилось?“

— „Кто его знаетъ! Я не здѣшній“, уклонился крестьянинъ.

— „Живешь здѣсь въ корчмѣ, да чтобы ничего не слышалъ“.

— „Слышать слышалъ, что люди бунтуютъ; а чего они бунтуютъ — господь ихъ знаетъ..“

— „Кто же ихъ тутъ бунтуетъ?“ допрашивалъ я.

— „Вотъ, разсказываютъ, что есть какіе то „штуденты...“

— „Что же это за студенты?“

— „Штундови или штундарн... Кто ихъ тамъ знаетъ, какъ они зовутся.“

Такъ больше ничего я и не могъ добиться отъ моего возницы. Было очевидно только, что студенты и штундисты слились въ одно понятіе въ умѣ моего собесѣдника, весьма вѣроятно, что это смѣшеніе понятій было тогда у многихъ окрестныхъ жителей.

Воротившись въ Кіевъ, я провелъ дней около десяти въ ожиданіи, пока Днѣпръ совершенно очистится отъ льдинъ; и вторичное свое путешествіе въ Шабельники предпринялъ въ лодкѣ.

Былъ часъ первый дня, когда мы съ Н* отчалили отъ кіевского берега и пустились внизъ по теченію рѣки. Чтобы избѣгнуть необходимости причаливать по пути къ прибрежнымъ деревнямъ, мы закупили съѣст-

ныхъ припасовъ, состоявшихъ изъ крупы, сала, чаю, сахару и сухарей. День былъ солнечный, тихій; свѣжій весенній воздухъ; Днѣпръ въ полномъ разливѣ. Быстро миновала наша лодка желѣзно-дорожный мостъ; я сидѣлъ на рулѣ; Н* копался на днѣ лодки; онъ сортировалъ припасы, сложенные какъ попало въ холщевомъ мѣшкѣ: нужно было отдѣлать чай отъ сала и т. п. Вотъ приблизилась мы къ Китаеву; право-бережныя горы здѣсь круто поворачиваютъ и удаляются отъ рѣки; Днѣпръ разбивается на рукава, образуя низкіе острова, поросшіе лѣсомъ; теперь многіе изъ нихъ были залиты водою; съ шумомъ неслась вода по лѣсу. Я направилъ лодку между деревьями. Потому ли, что намъ пришлось пробѣгать мимо неподвижно стоявшихъ дубовъ, или же на самомъ дѣлѣ было такъ, но намъ казалось, что мы мчимся съ необыкновенной быстротой. Рогатые сухіе сучья, уносимые водою, бревна, захваченныя Днѣпромъ, богъ знаетъ откуда — все это быстро опережала наша лодка. Я слѣдилъ, чтобы она шла впередъ носомъ, такъ какъ, сбита теченіемъ, она легко могла разбиться между деревьями. Серьезной опасности, впрочемъ, не предвидѣлось потому, что было неглубоко: время съ времени Н* опускалъ въ воду весло и почти всякій разъ доставалъ дно. Мы выѣхали изъ лѣса, добрались до открытаго широкаго русла и поплыли дальше. Весь день плыли безостановочно. Наступила ночь — такая же тихая, какъ былъ и день. Надъ горами, чернѣвшими, словно туча, впереди, на горизонтѣ засіяла луна. Мы плыли серединою рѣки; далеко-далеко гдѣ-то по сторонамъ тянулись берега неопредѣленными, темными полосами. Прибрежный шумъ воды едва доносился къ намъ. Отъ луны Днѣпръ блестя мліонами искръ. Кругомъ, неощутимо для насъ, двигалась впередъ вся эта громадная масса воды, увлекающая насъ съ собою, намъ же представлялось, будто мы стоимъ на одномъ мѣстѣ. Н* положилъ весла въ лодку; я оставилъ руль; оба мы молча сидѣли. Часамъ къ 11-ти ночи мы добрались до подножія тѣхъ, впереди виднѣвшихся горъ. Лодку втащили

на берегъ. Нѣсколько выше — подъ горою — стояло вѣтвистое дерево; подъ нимъ мы разложили костеръ и стали готовить ужинъ.

Поѣвши, мы легли. Съ рѣки тянуло холодомъ. Укутавшись потеплѣе въ свои полушубки, мы прижались другъ къ другу и крѣпко заснули.

Но погода, благоприятствовавшая намъ въ началѣ путешествія, векорѣ измѣнилась: поднялся южный вѣтеръ до того сильный, что невозможно было плыть. Цѣлый день простояли мы у устья рѣки Росен (притокъ Диѣира съ правой стороны), выжидая переменъ погоды.

Только на пятые сутки къ вечеру мы подплыли, наконецъ, къ Шабельникамъ. Плоскій берегъ Диѣира здѣсь все же на столько былъ высокъ, что наша лодка легко могла укрыться отъ людскаго глаза. Взойдя на берегъ изъ за кустовъ лозы, я указалъ хату Сопрона, и Н* сталъ осторожно пробираться къ ней. Мнѣ было менѣе удобно идти, такъ какъ одинъ разъ меня тамъ уже видѣли.

Векорѣ я услыхалъ приближающіеся шаги. Н* возвратился въ сопровожденіи высокаго, молодого крестьянина.

— „Вы Сопронъ С*?“ спросилъ я.

— „Я“, односложно отвѣтилъ тотъ.

— „Кланялся вамъ боровичанскій староста“, я назвалъ по имени старосту и сообщилъ пароль.

— Въ глазахъ крестьянина засвѣтилась тихая улыбка. „Идемъ ко мнѣ“, сказалъ онъ.

Мы привязали лодку и пошли велѣдъ за Сопрономъ. До избы дошли скоро. Благодаря лознику, росшему по всему пространству, едва ли кто насъ замѣтилъ. Когда мы сидѣли уже въ избѣ, хозяйка тихо зашептала что-то мужу, поглядывая на меня; видно, она меня узнала. Тотъ, слушая ее, улыбался, потомъ подошелъ ко мнѣ и спросилъ:

— „Это вы заходили сюда недѣли двѣ назадъ?“

— „Я.“

„Меня тогда не было дома: я ходилъ въ поле. Вер-

нулся, а жена и рассказала мнѣ. Я тогда же подумалъ: вѣрно то заходилъ къ намъ изъ такихъ людей. Жалко мнѣ было, что не видѣлъ. А вотъ же богъ помогъ таки намъ свидѣться“.

Хата Сопрона состояла всего изъ одной избы и сѣней. При входѣ въ избу, направо, стояла печь, расплывшаяся, какъ обыкновенно, на цѣлую четверть помещенія. Направо, вдоль стѣны тянулась скамья, а дальше стоялъ столъ. Въ углу, подъ самымъ потолкомъ висѣли образа. Два маленькихъ оконца слабо освѣщали внутренность избы.

Я сообщилъ Сопрону о цѣли нашего прїѣзда въ Шабельники и просилъ его устроить мнѣ свиданіе съ Кузьмою.

— „Кузьма бѣжалъ“, замѣтилъ мнѣ Сопронъ.

— „Я слыхалъ объ этомъ въ Кіевѣ. Но нельзя ли его извѣстить, чтобы онъ сюда пришелъ?“

— „Можно... Только это далеко; отсюда 25 верстъ.“

— „Пошлите за нимъ кого нибудь“.

Кузьма Прудкій былъ старостой въ организаціи „Тайной Дружины“ и считался однимъ изъ наиболѣе преданныхъ дѣлу. Такъ какъ полиція усиленно его разыскивала, то мы хотѣли помочь ему укрываться.

Сопронъ пошелъ въ деревню и воротился назадъ почти уже въ сумерки.

— „Все будетъ добре“, говорилъ онъ, входя въ хату. „Одинъ паробокъ берется сбѣгать за Кузьмою. Паробокъ этотъ здѣсь, въ сѣняхъ: поговорите еще съ нимъ вы сами.“

Я вышелъ за Сопрономъ въ сѣни. Паробокъ, лѣтъ 20-ти, сидѣлъ на порогѣ, но тотчасъ почтительно всталъ, когда мы показали, и снялъ свою черную барашковую шапку.

— „Вотъ теперь можешь и присягнуть: они подведутъ тебя подъ присягу“, проговорилъ вдругъ Сопронъ, указывая на меня.

— „Подъ какую присягу?!“ воскликнулъ я съ удивленіемъ.

— „Этотъ паробокъ уже давно хочетъ записаться въ Тайную Дружину, а некому его подвести подъ присягу; ни одного старосты не осталось: однихъ забрали по тюрьмамъ, другіе разбѣжались.“

Я рассказывалъ выше, что при вступленіи въ организацію всякій „дружинникъ“ долженъ былъ приносить присягу, и этотъ обрядъ совершался въ присутствіи старосты. Видно, меня принимали здѣсь за какое то важное лицо въ организаціи и потому надумались воспользоваться моимъ присутствіемъ.

— „Я пріѣхалъ сюда совѣмъ не для того, чтобы вербовать въ дружину, и къ присягѣ не буду приводить никого“, категорически замѣтилъ я.

Сопронъ былъ смущенъ моимъ отказомъ; паробокъ тоже стоялъ растерянный.

— „И времени у меня нѣтъ для этого“, продолжалъ я, „да мнѣ и не поручили этимъ заниматься. А вотъ, скажи: сбѣгаешь за Кузьмою?“ обратился я къ паробку.

— „Добре“, отвѣтилъ тотъ.

— „Такъ иди и скажи Кузьмѣ, чтобы онъ пришелъ сюда. Скажи ему, что у меня есть порученіе къ нему отъ Дмитрія Ивановича Найды (подъ этимъ названіемъ извѣстенъ былъ среди чигиринцевъ Стефановичъ).“

Сопронъ съ своей стороны далъ еще какой-то „значекъ“, и нашъ посланецъ въ тотъ же вечеръ отправился въ путь.

Между дружинниками, т. е. членами организаціи сразу пошелъ слухъ о нашемъ появленіи. Съ наступленіемъ вечера стали заходить то тотъ, то другой въ хату Сопрона. Изъ бесѣдъ съ ними я сдѣлалъ заключеніе, что въ организаціи ихъ въ послѣднее время развилась сильная деморализація; хотя нельзя было не признать того, что положеніе дѣлъ какъ нельзя болѣе способствовало этому. „Дружинниковъ“ преслѣдовала не только полиція (въ лицѣ медвѣдовскаго* становаго

*) Медвѣдовка — мѣстечко Чигиринскаго уѣзда, гдѣ былъ станъ.

пристава и др.), но и крестьяне, такъ называемые „актовики. Ненависть послѣднихъ къ „душевикамъ“, или, что было одно и то же, къ дружинникамъ, такъ какъ Тайная Дружина навербована была, само собою разумѣется, изъ душевиковъ, доходила до изумительныхъ размѣровъ. Время отъ времени актовики устраивали облавы и обыски по селу для задержанія подозрительныхъ и скрывающихся лицъ и для отнятія преступныхъ бумагъ („Грамоты“, „Уставы“ и пр.), и при этомъ тащили изъ избъ душевиковъ все, что находили тамъ скольконибудь цѣннаго. Такимъ образомъ, полотно, сало и т. п. движимая собственность вскорѣ перешла изъ коморъ бунтовщиковъ въ коморы актовокъ. Ни одинъ душевикъ не избѣгъ этой участи и всякій болѣе или менѣе подвергся этому дикому грабежу. Полиція же только потворствовала подобнымъ безобразіямъ. Скоро болѣе умные и энергичные изъ душевиковъ были переарестованы и разосланы по тюрьмамъ, такъ что уцѣлѣли и остались на мѣстѣ лишь болѣе слабые изъ нихъ; поэтому сталъ замѣчаться большой упадокъ духа; явилось перебѣжничество: сегодня записывались въ „Тайную Дружину“, присягали, — завтра отказывались, перебѣгали въ лагерь своихъ враговъ (актовокъ); видны были все признаки разложенія организациі.

Послѣ ужина хозяинъ разослалъ на полу охалку соломы, прикрылъ ее рядомъ, и мы улеглись спать. Но едва былъ затушенъ огонь въ избѣ, какъ послышались чьи то торопливые шаги и раздался стукъ въ оконцѣ.

— „Кто тамъ?“ окликнулъ Сопронъ.

— „Это я“, отвѣтилъ женскій голосъ.

— „Коршнха пришла“, заявилъ хозяинъ, узнавшій пришедшую по голосу.

— „Кто она?“ спросилъ я.

— „Чоловика*) ея ищуть; онъ убѣждалъ съ Кузьмою. А она баба хорошая“, проговорилъ Сопронъ, поднима-

*) Т. е. мужа.

ясь съ лежанки и направляясь къ дверямъ, чтобы впустить гостю.

Корніиха вошла въ избу и остановилась у порога, возлѣ печки; Сопронъ улегся на свое мѣсто.

— „Ой, дайте же мнѣ хоть поглядѣть на нашихъ заступниковъ“, заговорила пришедшая жалобнымъ голосомъ:

— „Поздно уже, Корніиха; нельзя чтобы свѣтилось въ хатѣ: занодозрять что тутъ дѣлается что то и придуть“, возразилъ хозяинъ.

— „Охъ, горе, горе, Сопронъ!“ заговорила баба. Если бы вы знали, что они мнѣ вчера сдѣлали?!.. Зашли, чуєте, ко мнѣ въ хату и стали искать бумагъ.... Какіе же у меня бумаги, сами знаете? Шарили, шарили по всѣмъ куткамъ и въ хатѣ, и въ коморѣ, — нѣтъ бумагъ. Пovyтpушивали все: гдѣ была куколка добраго прядива — взяли.... Ну, да это ужъ богъ съ ними!.. А дальше и спрашиваетъ меня голова: гдѣ твой чоловікъ? Ты, сука, его скрываешь! Вотъ подожди, придетъ самъ становой — онъ тебѣ задастъ! Забрали все и ушли. Только немного позже гляжу въ оконце, собака забрехала на дворѣ, гляжу въ оконце, — идетъ становой и съ нимъ два десятскихъ....“

— „А становой здѣсь?..“ прервалъ я рѣчь.

— „Здѣсь. Вчера при волости экзекуцію производилъ: кое кого сѣкли“, пояснилъ мнѣ Сопронъ.

— „Вотъ уже входитъ становой въ хату“, продолжала Корніиха, „десятскіе стали около двери, а онъ идетъ прямо ко мнѣ. Вижу я, Сопроне, лице у него такое сердитое!.. Вижу — бѣда!. Да скоренько ухватила изъ люльки дытыну и прижала ее къ груди. Какъ крикнетъ становой: гдѣ твой мужъ! Такъ я и задрожала всѣмъ тѣломъ. Кто же его знаетъ, Ваше благородіе, гдѣ онъ, говорю я. Мой чоловікъ никогда не говоритъ мнѣ, куда идетъ... Врешь ты, стерво! Я тебя раздеру, какъ жабу... ей-богу, говорю, не брешу!... А онъ меня, Сопроне, бухъ въ морду!... Я упала. Упала и дытына со мною вмѣстѣ...“ голосъ рассказчицы задрожалъ, послы-

шалось сдержанное рыданіе. „Дытына плачетъ, и я плачу съ нею“, продолжала Корніиха, высморкавшись и оправляясь. „Ну пускай бы ужъ меня одну! А то кому и чѣмъ провинилась мала дытына? Подумайте только, Сопроне?!“

Но Сопронъ молчалъ и она рассказывала дальше.

Я лежалъ и слушалъ. По разсказу, медвѣдовское благородіе оказывалось весьма „распорядительнымъ администраторомъ“: каждую недѣлю оно являлось въ волость и сѣкло по нѣскольку десятковъ человѣкъ. Порядокъ этотъ становой завелъ послѣ того, какъ открытъ былъ чигиринскій заговоръ. Болѣе вліятельныхъ изъ крестьянъ и умныхъ, а слѣдовательно и вредныхъ, онъ арестовалъ и отправилъ въ кіевскій тюремный замокъ, а съ остальными распорядился чисто административнымъ порядкомъ, а именно: съ одной стороны позволилъ ихъ грабить, съ другой — принялся сѣчь по очереди.

Корніиха стала подробно рассказывать объ одномъ восьмидесятилѣтнемъ старикѣ изъ селенія Боровица, котораго тоже въ числѣ другихъ медвѣдовскій приставъ приказалъ высѣчь. Рассказывала Корніиха, не дѣлая перерывовъ, не останавливаясь; быстро и монотонно лились ея слова, точно она торопилась передать все, что знала. А я лежалъ и слушалъ, и невыносимо тяжело становилось у меня на душѣ. Картины, одна другой безотраднѣе, живо возставали передъ моими глазами.

Окончивши разсказъ, Корніиха нащупала гдѣ-то на припечкѣ сѣрничекъ и принялась его чиркать.

— „Не свѣтите! энергично запротестовалъ Сопронъ. „Не дай богъ огонь увидятъ.“

— „Дозвольте хоть разокъ глянуть на заступныкивъ нашихъ! Голубе, Сопроне! Только гляну!...“ молилась Корніиха.

Чувство стыда и досады заставило меня тотчасъ укрыться съ головою. Н* уже спалъ и ничего не слышалъ.

— „Видите? Спятъ уже... Гасите огонь, Корніихо.“ проговорилъ Сопронъ.

— „Правда, спать.... Ну, прощайте, Сопроне“.

Баба вздохнула и ушла. Сопронъ заперъ за нею сѣнную дверь на засовъ, улегся, и въ избѣ водворилась тишина.

Къ вечеру слѣдующаго дня возвратился посланный нами паробокъ, и съ нимъ пришли Кузьма и Корній (мужъ бабы, бывшей у насъ ночью). Они не вошли въ избу, такъ что я долженъ былъ выйти къ нимъ въ сѣни. Ни Кузьма, ни Корній не встали передо мною, какъ то сдѣлалъ наканунѣ паробокъ; оба сидя поздоровались со мною. На блѣдномъ, нѣсколько истомленномъ лицѣ Кузьмы ясно выражалось недовѣріе.

О Кузьмѣ Пруткомъ такъ много писали намъ изъ тюрьмы, всѣ отзывались о немъ съ такою похвалою, что теперь я невольно засмотрѣлся на него. Однако съ внѣшней стороны онъ не представлялъ ничего особеннаго; это былъ худощавый небольшого роста человекъ, съ свѣтло-русыми волосами, съ прямымъ носомъ. Изъ подъ свѣтлыхъ бровей глядѣли небольшіе, голубовато-сѣрые глаза. Ему было, казалось, не болѣе 35 лѣтъ. ни одной рѣзкой черты, которая бы бросалась въ глаза наблюдателю.

„О васъ, Кузьма, писалъ мнѣ Дмитрій Ивановичъ*) и наказывалъ помочь вамъ. Я для этого и посылаю за вами паробка“.

— „Не знаю...“ какъ-то неопредѣленно отозвался Кузьма, поглядывая на меня нескоса и поправляя свой мѣшокъ на плечахъ, привязанный двумя перекрещивавшимися на груди веревками. Мѣшекъ, видимо, его беспокоилъ, но онъ не торопился его сбрасывать, хотя Корній давнымъ-давно сдѣлалъ это.

— „Вы не вѣрите мнѣ? Вы думаете, что я, можетъ быть, врагъ вамъ?“

— „Можетъ и такъ“, замѣтилъ Кузьма.

— „Спросите у Сопрона: я ему привезъ „знакъ“ отъ боровичанскаго старосты, который сидитъ теперь

*) Стефановичъ.

въ Кіевѣ, въ тюрьмѣ. Или, можетъ быть, вы и Сопрону не вѣрите?

— „Если бы я не вѣрилъ Сопрону, то совсѣмъ не пришелъ бы сюда. А васъ я первый разъ вижу“. Помолчавъ немного, Кузьма спросилъ: „Давно Вы знаете Дмитра Ивановича?“

Только послѣ ряда отвѣтовъ съ моей стороны недо вѣріе Кузьмы поколебалось, и онъ сталъ откровеннѣе.

Положеніе этихъ двухъ старость (оба они были старостами въ организаціи) было крайне печальное. Они должны были скрываться отъ полиціи и отъ актовиковъ, знавшихъ ихъ въ лицо, конечно, а въ то же самое время заботиться о пропитаніи. Я много видѣлъ нелегальныхъ (т. е. скрывающихся) среди революціонеровъ, да и самъ уже нѣсколько лѣтъ (съ осени 73 года) находился въ этомъ званіи, но сравнивать свое положеніе съ ихъ рѣшительно было невозможно. Безъ денегъ, безъ паспортовъ, окруженные измѣнниками актовиками, они, точно лѣсные звѣри, гонимые сворою гончихъ собакъ, убѣгали отъ преслѣдованій и, какъ лѣсные же звѣри, совершали роковые круги около мѣста своей родины, не рѣшаясь бѣжать дальше за неимѣніемъ средствъ и каждую минуту рискуя попасть на ловца.

Я имъ сдѣлалъ предложеніе бѣжать пока вмѣстѣ съ нами въ Кіевъ, и они согласились. Мы рѣшили, не откладывая, на другой же день пуститься въ путешествіе.

Наканунѣ отъѣзда весь вечеръ мы провели въ составленіи списка семей, болѣе другихъ нуждавшихся въ помощи и въ распредѣленіи денегъ, имѣвшихся у насъ для этой цѣли. Кузьма съ Корніемъ, само собою разумѣется, принимали въ этомъ обсужденіи самое живое участіе. Деньги оставлены были Сопрону для задачи по принадлежности.

На слѣдующее утро еще было темно, когда мы всѣ вышли изъ хаты Сопрона и направились къ берегу. Сопронъ насъ проводилъ до лодки. Мы вчетверомъ усѣлись свободно, такъ какъ наша лодка при нуждѣ могла поднять даже десятокъ человѣкъ. Вѣтеръ былъ по-

путный, съ юга; мы оттолкнули лодку отъ берега, распустили парусъ и поплыли вверхъ по рѣкѣ.

Во время пути, само собою разумѣется, мы много бесѣдовали по разнымъ вопросамъ, но особенно часто сводились наши разговоры на чигиринскія дѣла. Корній своимъ простымъ умомъ не могъ понять того, зачѣмъ членамъ „Тайной Дружины“ надо было запасаться оружіемъ (дружинникъ, по уставу, долженъ былъ имѣть пику). „Развѣ намъ доведется воевать съ москалями?“ спрашивалъ онъ. „Если царь хочетъ передѣлить землю, то сдѣлаетъ это безъ всякой войны. Не пойдутъ же москали противъ воли царя?“ Соображенія были просты и логичны. Но Кузьма возражалъ товарищу. Онъ высказалъ мнѣніе, что царь одинъ безсильнъ сдѣлать что нибудь, такъ какъ много есть враговъ, мешающихъ ему, и что поэтому крестьянамъ нужно заботиться самимъ о себѣ. Въ примѣръ того, какъ много есть враговъ, Кузьма привелъ актовиковъ. „Развѣ наши актовики не идутъ теперь противъ воли царя?“ Говорилъ онъ. „Пусть бы самъ царь пріѣхалъ и сказалъ имъ отдать землю, которую они заграбили, думаете — отдадутъ? А попробуйте передѣлить землю въ Полтавщинѣ, думаете — козаки согласятся? Знаю я этихъ козаковъ!“ воскликнулъ Кузьма, и въ голосѣ его зазвучала ненависть. „Не разъ ходилъ я на полтавскую сторспу и толковалъ съ ними. Сначала никакъ не могъ понять, отчего это люди не соглашаются? Потомъ уже только разобралъ: сами они бѣды не знаютъ, такъ имъ и земли дѣлить не надо. Потомъ я уже зналъ; бывало только спросишь: ты — козакъ? — Козакъ! А если ты козакъ, то съ тобой мнѣ и говорить не о чемъ. Что же съ такимъ народомъ подѣлаетъ царь? Пока у нихъ изъ горла не вырвешь — сами не отдадутъ.“

Кузьма говорилъ съ такимъ жаромъ и сознаніемъ своей правоты, что Корній даже не пытался ему возражать.

Чѣмъ больше я присматривался къ Кузьмѣ, тѣмъ онъ мнѣ больше нравился. Онъ обладалъ сильнымъ у-

момъ и страстностью къ дѣлу, проглядывавшей въ каждомъ его словѣ и жестѣ. На ряду съ тѣмъ, казалось, трудно было найти человѣка болѣе деликатнаго въ вопросахъ, касающихся лично его; дѣтскою стыдливостью вѣяло отъ него въ тѣ минуты, когда ему дѣбалось какое нибудь ничтожнѣйшее одолженіе. То была натура идейная въ полномъ смыслѣ слова. Къ сожалѣнію, однако, вѣра въ царя служила базисомъ для его міровоззрѣній; точно къ богу, которому Кузьма молился по утрамъ, относился онъ къ царю. Вслѣдствіе этого я не могъ стать съ нимъ въ прямыя, искреннія отношенія и, само собою разумѣется, онъ это долженъ былъ сразу почувствовать. Я не рѣшался высказываться передъ нимъ и вынужденъ былъ замалчивать всякій разъ, какъ только рѣчь заходила о царѣ. Это сильно мѣшало нашему сближенію.

Тогда у меня явилась мысль познакомить Кузьму съ дѣдомъ Федемъ, Нечипоромъ и другими моими пріятелями, которые, какъ я полагалъ, сѣмѣютъ лучше и бѣстрѣе, чѣмъ я, повліять на міровоззрѣніе Кузьмы. Мужикъ мужику скорѣе повѣритъ, думалъ я; и чѣмъ больше останавливался на этой мысли, тѣмъ она мнѣ казалась справедливѣе. Уже мысленно я представлялъ себѣ Кузьму въ средѣ моихъ пріятелей-крестьянъ; ужъ я мечталъ о томъ, какъ Кузьма передѣляется въ сознательнаго революціонера и вмѣстѣ съ другими примется работать для созданія революціонной крестьянской организациі. Но это все оказались однѣ мечты. Жизнь распорядилась по своему.

Кузьма съ Корніемъ и Н* приплыли въ Кіевъ дней за шесть до Пасхи. Я прибылъ значительно раньше ихъ, такъ какъ изъ Черкассъ до Кіева проѣхалъ по желѣзной дорогѣ. Кузьма и Корній задумали говѣть и принялись шататься по кіевскимъ монастырямъ. Въ монастыряхъ встрѣчался и я съ ними, такъ какъ ко мнѣ на квартиру (въ Афанасьевскомъ Яру) приходитъ имъ было не совсѣмъ удобно. Однако Пасху мы встрѣтили вмѣстѣ на моей квартирѣ. Для этого случая, помню, Ва-

леріанъ купилъ даже образъ и повѣсилъ передъ нимъ лампадку. Затѣмъ я условился съ ними относительно слѣдующаго свиданія, снабдилъ ихъ всею нужнымъ, и они уѣхали изъ Кіева.

Но видѣться съ ними мнѣ не удалось. Скоро какъ-то получилось извѣстіе, что оба они арестованы и привезены въ кіевскій тюремный замокъ. Гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ они были арестованы — сказать не умѣю.

XVIII

ПОБѢГЪ ИЗЪ КІЕВСКОЙ ТЮРЬМЫ. УБИЙСТВО ЖАНДАРМСКАГО ОФИЦЕРА ГЕЙКИНГА

Съ наступленіемъ весны сношенія съ тюрьмою еще болѣе оживились. Нашъ „Голубь“ то и дѣло таскалъ взадъ и впередъ конспиративные пакетики и получалъ отъ Осинскаго свои рублевки. Михайло Фроленко слѣланъ былъ надзирателемъ на „политическимъ отдѣленіи“ и пользовался у смотрителя тюрьмы репутаціей весьма примѣрнаго служащаго. Но на этомъ пока дѣло ограничивалось и дальше не шло. Надзиратель существенной пользы для побѣга оказать не могъ, такъ какъ смѣнами, которыми думали воспользоваться, завѣдывалъ ключникъ; между тѣмъ ключникомъ былъ пьяница Пономаренко, съ которымъ ни въ какія соглашенія вступать было невозможно.

Первымъ кандидатомъ на должность ключника — разъ она оказалась бы вакантною — являлся нашъ Михайло; къ которому смотритель относился съ допріемъ; поэтому рѣшено было принять все мѣры для удаленія

Пономаренко изъ тюрьмы, и за осуществленіе этого дѣла взялся я.

Одѣвшись по возможности щеголевато, чтобы придать себѣ видъ настоящаго барина, вмѣстѣ съ Н*, который теперь изображалъ лакея, мы заняли два номера въ одной изъ болѣе порядочныхъ гостинницъ на Подольѣ и Н* отправился позвать ко мнѣ Пономаренко. Я уже говорилъ раньше, что ключникъ и надзиратели были вольнонаемные и жили на своихъ (частныхъ) квартирахъ. Само собою разумѣется, что мы знали адресъ Пономаренко, равно какъ и многія подробности изъ его прошлой и настоящей жизни. Пономаренко служилъ раньше у кievскаго фабриканта, нѣкоего Шапиры, и я теперь звалъ его къ себѣ подъ тѣмъ предлогомъ, будто мнѣ его рекомендовалъ этотъ Шапиръ. Въ тотъ же вечеръ Пономаренко явился въ гостинницу. То былъ лѣтъ 40 отставной солдатъ, съ молодости запуганный дисциплиной и на всю жизнь сохранившій глупый растерянный видъ, и мнѣ оказалось совсѣмъ не труднымъ его одурачить. Я ему сказалъ, что имѣю въ Подольской губерніи возлѣ города Винницы, собственный винокуренный заводъ и нуждаюсь въ хорошемъ приказчикѣ; что фабрикантъ Шапиръ рекомендовалъ мнѣ его, Пономаренко, какъ исполнительнаго человѣка и поэтому я желаю, чтобы онъ поступилъ ко мнѣ на службу. Не безъ умысла была пущена въ ходъ выдумка, что я обладаю винокуреннымъ, а не какимъ либо другимъ заводомъ. Пономаренко былъ страшный пьяница (объ этомъ намъ сообщали изъ тюрьмы) и я надѣялся, что моя винокурня окажетъ на него магическое дѣйствіе. Я предложилъ ему плату 25 руб. въ мѣсяць, и такъ какъ въ тюрьмѣ получалъ онъ всего на всего 15, то само собою разумѣется, онъ не устоялъ отъ всѣхъ этихъ соблазновъ. Онъ охотно принялъ предложеніе, согласившись немедленно уволиться со службы въ тюрьмѣ. Подъ предлогомъ будто я очень тороплюсь съ своимъ отъѣздомъ изъ Кіева, я приказалъ ему явиться ко мнѣ на другой день съ паспортомъ для заключенія съ нимъ письменнаго условія.

Мнѣ было извѣстно, что его паспортъ, равно какъ и другихъ служащихъ при тюрьмѣ, сохранялся у смотрителя, и онъ его могъ получить оттуда не иначе, какъ отказавшись отъ службы. На слѣдующій день Пономаренко добился увольненія и принесъ мнѣ свою солдатскую отставку. Тогда я, взявши эту отставку, далъ ему въ задатокъ 10 рублей и сдѣлалъ съ нимъ маленькое письменное условіе, или точнѣе, просто выдалъ ему расписку въ томъ, что его паспортъ (отставка) взять мною на сохраненіе. Послѣ того я ему сообщилъ, что ѣду по дѣламъ на короткое время въ городъ Нѣжинъ, откуда возвратившись, возьму, де, его съ собою, и мы вмѣстѣ отправимся въ мою винокурню. Въ ожиданіи моего возвращенія изъ Нѣжина, я приказалъ ему эти дни заняться подыскиваніемъ плотниковъ, въ которыхъ будто бы имѣлась нужда на винокурнѣ.

Такимъ образомъ, дѣло было улажено, и на другой день вечеромъ мы съ Н* выѣхали уже изъ гостиницы, направляясь къ вокзалу, будто бы для отъѣзда изъ Кіева.

Расчетъ оказался вѣрнымъ: какъ только мѣсто ключника въ тюрьмѣ сдѣлалось вакантнымъ, смотритель назначилъ на эту должность Фроленка. Тогда поднялась у насъ невобразимая суета. Побѣгъ могъ совершиться всякій день, и приходилось торопиться заготовить все нужное. Самый безопасный путь былъ — бѣжать въ лодкѣ по Днѣпру до г. Кременчуга, откуда уже можно было ѣхать по желѣзной дорогѣ въ разныя стороны. Въ этомъ направленіи мы и занялись приготовленіями: одни закупали съѣстные припасы, другіе — одежду, третьи — торговали лошадь и телѣгу, на которой предполагалось провезти бѣглецовъ отъ тюрьмы до берега Днѣпра.

Между тѣмъ въ самый разгаръ этихъ заготовленій на улицахъ Кіева совершилась страшная трагедія. Я уже говорилъ, что террористы, Осинекій и ближайшіе его друзья, рѣшили убить двухъ правительственныхъ лицъ: прокурора Котляревскаго и жандармскаго офицера Гейкинга. На жизнь Котляревскаго сдѣлано было

покушеніе; теперь оставалась очередь за Гейкингомъ. И вотъ, въ то самое время, какъ велись вышеупомянутыя приготовленія къ побѣгу, нѣсколько человѣкъ непрерывно слѣдили за Гейкингомъ, и наконецъ, 25-го мая его убили. Исполнителемъ рѣшенія оказался въ этотъ разъ Попко.

Вооруженный двумя револьверами и кинжаломъ, Попко настигъ Гейкинга на углу Крещатика и Бульварной, возвращавшагося домой изъ какого-то кафе-шантана. Было часовъ 11 или 12 ночи. Съ нимъ, кажется, шелъ редакторъ газеты „Кіевлянинъ“ — Шульгинъ. Нагнавши ихъ, Попко ударилъ Гейкинга кинжаломъ въ поясницу и побѣжалъ вверхъ по Бульварной улицѣ по направленію къ гимназій. Гейкингъ упалъ, крича о помощи. Шульгинъ тоже побѣжалъ. Между тѣмъ, какой-то человѣкъ загородилъ дорогу Попко, такъ что тотъ, чтобы очистить себѣ путь, долженъ былъ въ него выстрѣлить. На выстрѣлъ, не причинившій, впрочемъ, никому вреда, стали сбѣгаться люди. Сзади погнался полицейскій, свистя тревогу; спереди, отъ гимназій, другой полицейскій бросился къ нему на встрѣчу; съ одного изъ сосѣднихъ домовъ наперерѣзъ выскочилъ дворникъ. Положеніе Попко было отчаянное. Дворникъ оказался до того близко къ нему, что разставилъ уже руки, что бы его схватить. Тогда Попко остановился. Раздался второй выстрѣлъ, и дворникъ, смертельно раненный въ грудь, упалъ на землю; велѣдъ за тѣмъ, Попко слѣлалъ еще третій выстрѣлъ въ полицейскаго, подбѣжавшаго къ нему сверху, и ранилъ его въ ногу. Полицейскій упалъ, а Попко своротилъ съ Бульварной улицы влѣво и побѣжалъ по мало освѣщенной улочкѣ, недавно передъ тѣмъ проложенной возлѣ Университетской площади, гдѣ въ то время только-что разбитъ былъ паркъ. Пробѣжавши нѣкоторое разстояніе, онъ перелѣзъ черезъ ограду и здѣсь прилегъ. Но было ли то пустое мѣсто, или строящійся домъ, какъ разказывается въ „Біогра-

фи Попко^(*)), не берусь утверждать. Вскорѣ показалаеь погоня: нѣсколько человекъ и полицейскихъ съ фонарями пробѣжали улицей мимо него. Попко, передававшій мнѣ на слѣдующій день подробности этой ужасной ночи, рассказывалъ, что онъ чувствовалъ въ ту минуту такую полную физическую разбитость, что, если-бы тогда замѣтили его, лежавшаго въ сторонѣ, и подошли арестовать, онъ, вѣроятно, не оказалъ бы уже никакого сопротивления. Но погоня съ фонарями пробѣжала мимо, и Попко, нѣсколько отдохнувши, незамѣтно удалился отсюда.

Дворникъ умеръ черезъ нѣсколько часовъ; Гейкингъ — дня черезъ два. Полицейскій отдѣлался только раной.

На слѣдующій день я пошелъ посмотреть мѣсто, гдѣ происходила вышеописанная сцена. Здѣсь, на Бульварной улицѣ, почти противъ самой улочки, куда побѣжалъ Попко (не помню теперь ея названія), я увидѣлъ полицейскаго, ходившаго взадъ и впередъ около небольшой кучки кирпичей, разставленныхъ на землѣ, которыми огорожены были слѣды крови. Полицейскій поставленъ былъ стеречь эти слѣды крови.

Въ публикѣ передавались разные слухи по поводу событія и между прочимъ сообщались примѣты преступника; рассказывали, будто онъ былъ высокаго роста, сильно сложенъ и съ большой бородой. Попко, дѣйствительно былъ нѣсколько выше средняго роста, но очень слабо сложенъ; что касается до бороды, то у него ея почти совсѣмъ не было.

Остановившись въ сторонѣ, возлѣ тополей, росшихъ по бульвару, я смотрѣлъ издали на эти кирпичи, ограживающіе слѣды крови, и въ моемъ воображеніи живо воскресали все подробности событія, происходившаго здѣсь ночью. И въ этотъ разъ, какъ послѣ покушенія на жизнь Котляревскаго, я опять ощутилъ тяжелое, давящее чувство; но въ этотъ разъ я уже совершенно ясно созналъ для себя свою неспособность къ террористическимъ дѣ-

*) См. „Съ Родины на Родину“ № 3, женевакое издаѣ.

ламъ и принялся анализировать свои чувства. Была ли это у меня простая боязнь крови? Странно: революціи безкровной, конечно, я никогда не рисовалъ себѣ; напротивъ, по моему, должны были пролиться рѣки крови. Но и цѣлая рѣка крови, пролитой народнымъ возстаніемъ, не рисовалась моему воображенію такими ужасными, какъ представлялись мнѣ теперь эти незначительныя кровавыя пятна, огороженныя кирпичами и остерегаемая будочникомъ. Или, можетъ быть, мнѣ такъ казалось только потому, что въ дѣйствительности я не видѣлъ ни рѣкъ крови, ни самого возстанія. Не знаю; но повторяю, въ ту минуту я почувствовалъ свою полную негодность къ террору.

Два дня послѣ убійства Гейкинга поздно ночью постукались съ улицы въ мое окно. Я отперъ калитку; это былъ Фроленко.

— „Ну, что? какъ?“ засыпалъ я его вопросами.

— „Бѣжали“, отвѣчалъ онъ, входя въ комнату своей развалистой походкой.

— „Какъ?“

— „Какъ предполагали, такъ и случилось. Подпили надзирателей; они уснули. Я отперъ камеры и вывелъ ихъ. У тюремныхъ воротъ часовой окликнулъ; я сказалъ, что смѣна, и онъ пропустилъ насъ.“

Я слушалъ Фроленко и почти не вѣрилъ ему. Такъ вышло все необыкновенно просто и удачно. Я слѣдилъ за нимъ во время разказа, но не подмѣтилъ ни малѣйшаго волненія въ его лицѣ, только глаза его нѣсколько горѣли. Мнѣ хотѣлось задать ему бездну вопросовъ, но я не нашелся съ чего начать свои разспросы. Все какъ-то спуталось въ моей головѣ. Наконецъ я обратился къ нему съ вопросомъ, о которомъ меньше всего думалъ въ ту минуту, а именно, я его спросилъ, далеко ли онъ ихъ проводилъ?

— „До Днѣпра. Ну, братъ, и лошадь же ты купилъ! замѣтилъ онъ. „Я всю дорогу колотилъ ее: не хотѣла бѣжать. До сихъ поръ рука болитъ отъ битья... Однако, дай ножницы: надо обстричь бороду, что-ли.,“

И Михайло занялся передѣлкой своей физиономіи.

Само собою разумѣется, что послѣ этого кіевская полиція и жандармы, какъ говорится, встали на дыбы. Такихъ два крупныхъ событія — убійство и побѣгъ — совершились почти одновременно; это было уже черезчуръ. Поднялись страшные поиски по городу. Движеніе полиціи мы сразу замѣтили. На второмъ этажѣ, какъ разъ надъ квартирой, занимаемой нами, жили какія-то двѣ дѣвушки, кажется, курсистки, а во флигель — въ нашемъ же дворѣ — помѣщался студентъ. И вотъ, я видѣлъ черезъ окно, какъ въ нашъ дворъ направился квартальный, а велѣдъ за тѣмъ у насъ надъ головами послышались тяжелые не женскіе шаги. Полиція производила осмотръ неблагонадежныхъ квартиръ. Но почему мои сосѣдки оказались неблагонадежными? — этотъ вопросъ могла разрѣшить развѣ одна только кіевская полиція. Квартальный заглянулъ, конечно, и во флигель къ студенту, но и тамъ не нашлось ни убійцы Гейккига, ни Стефановича съ Дейчемъ и Бохановекичъ, ни знаменитаго ключника. Стефановичъ съ своими товарищами плыли въ это время по Дибирю въ лодкѣ уже далеко отъ Кіева, а ключникъ вмѣстѣ съ Попко спокойно сидѣли у насъ на квартирѣ. Наша квартира въ Афанасьевскомъ Яру, гдѣ сохранялась также и небольшая наборня (шрифты и другія типографскія принадлежности), которую мы успѣли завести, оказывалась, такимъ образомъ, настоящимъ революціоннымъ притономъ. Нанималъ я ее по подложному документу, составленному на вымышленное имя якобы отставнаго канцелярскаго служителя изъ летичевского*) полицейскаго управленія. Документъ этотъ былъ засвидѣтельствованъ въ участкѣ, и никому изъ властей и шпіоновъ не закрадывалась даже мысль въ голову, что за этимъ документомъ скрывался государственныи преступникъ.

Спустя нѣкоторое время была набрана коротенькая прокламація и оттиснута при помощи простой щетки

*)Летичевъ — уѣздный городъ Подольской губ.

(такъ какъ въ нашемъ распоряженіи не было станка). Прокламація, состоявшая всего изъ трехъ или четырехъ строкъ, гласила только, что, какъ убійство Гейкинга, такъ и побѣгъ изъ Кіевской тюрьмы были организованы по распоряженію Исполнительнаго Комитета; внизу подъ этими строками приложена была печать, и въ такомъ видѣ прокламація была расклеена въ нѣсколькихъ южныхъ городахъ.

Еще нѣсколько дней послѣ того переслана была изъ другого города солдатская отставка бѣдному Пономаренко съ письмомъ, гдѣ его увѣдомляли, что больше не нуждаются въ немъ, такъ какъ мѣсто приказчика при винокурнѣ занялъ другой. Чтобы облегчить немного ударъ при отставкѣ приложено было еще 15 рублей.

Такъ закончились предпріятія Исполнительнаго Комитета, имѣвшія непосредственную связь и вызванныя Чигиринскимъ Дѣломъ. Два правительственныхъ лица, принимавшихъ главное участіе въ арестахъ и слѣдствіи по этому дѣлу, были наказаны революціонерами; главные обвиняемые бѣжали изъ тюрьмы. Теперь властямъ ничего другого не оставалось, какъ направить свои обвиненія противъ второстепенныхъ лицъ, крестьянъ, являвшихся въ данномъ дѣлѣ орудіемъ въ рукахъ инициаторовъ.

Къ числу второстепенныхъ лицъ, обвиняемыхъ по Чигиринскому Дѣлу, принадлежалъ, между прочимъ, и Владиміръ Малавскій, объ арестѣ котораго я упоминалъ въ своемъ мѣстѣ. Онъ сидѣлъ въ одной камерѣ съ Бохановскимъ и, само собою разумѣется, не представлялось особенной трудности бѣжать и ему вмѣстѣ съ другими. Но все товарищи, и самъ онъ, были увѣрены, что его оправдаютъ по Чигиринскому Дѣлу, а потому излишнимъ казалось прибѣгать къ такому крайнему средству, какъ побѣгъ изъ тюрьмы. Въ самомъ дѣлѣ, все преступленіе Малавскаго и все улики противъ него сводились лишь къ тому, что онъ былъ арестованъ на той квартирѣ, гдѣ Стефановичъ имѣлъ свиданіе съ чигиринцами. Дальнѣйшія изслѣдованія показали, что онъ

не принималъ участія въ этомъ дѣлѣ; да и не могъ принимать, такъ какъ не зналъ даже о существованіи самаго дѣла, съ которымъ уже только въ тюрьмѣ познакомился.

Однако, въ 1879 году, когда правительствомъ пущены были въ ходъ всѣ мѣры для подавленія революціоннаго движенія, Малавскій былъ приговоренъ кievской уголовной палатой къ 6-ти годамъ каторги. Но и этого оказалось мало: сенатъ кассировалъ рѣшеніе палаты и присудилъ Малавскаго не болѣе не менѣе какъ къ 20-ти годамъ каторжныхъ работъ!!

Такимъ образомъ, Малавскій, ни въ какихъ революціонныхъ дѣлахъ не принимавшій участія, будучи арестованъ на квартирѣ своего товарища по гимназіи, скрывавшагося отъ полиціи (я воспитывался въ одной гимназіи съ Малавскимъ), только за это одно былъ приговоренъ къ 20-ти годамъ каторги. Само собою разумѣется, что мириться съ этимъ рѣшеніемъ онъ не хотѣлъ и по пути слѣдованія въ Сибирь, именно въ Красноярскѣ, сдѣлалъ попытку къ побѣгу; но, къ несчастью, былъ пойманъ. Сибирскія власти вскорѣ составили о немъ понятіе, какъ объ опасномъ и неспокойномъ человѣкѣ, и послѣ одного бунта на Карѣ, въ числѣ другихъ гловарей, онъ былъ пересланъ изъ Сибири въ Шлиссельбургскую Крѣпость, гдѣ, спустя нѣкоторое время, умеръ отъ чахотки.

ИЗВѢСТНОСТЬ „ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА.
ОДЕССА ПОСЛѢ КАЗНИ КОВАЛЬСКАГО.
КЪ ВОПРОСУ О РЕВОЛЮЦИОННЫХЪ
ПРОГРАММАХЪ.

И такъ, кievскій періодъ дѣятельности „Исполнительнаго Комитета“ окончился. Ивичевичъ, Фроленко, Осинскій, Попко разѣхались. Ивичевичъ Иванъ уѣхалъ, кажется, въ Харьковъ; Осинскій и Попко — въ Одессу, гдѣ въ это время готовился военный судъ надъ Ковальскимъ, Свитичемъ и друг., оказавшими вооруженное сопротивление при арестѣ, и гдѣ задумано было организовать уличную демонстрацію во время суда.

Велѣдствіе болѣзни отца и брата Ивана я запоздалъ и пріѣхалъ въ Одессу только въ августъ мѣсяцъ, уже послѣ казни Ковальскаго. Блѣдныя лица товарищей свидѣтельствовали о тѣхъ страшныхъ впечатлѣніяхъ, что пришлось имъ пережить за эти дни. Во время суда, на улицахъ произошли беспорядки, окончившіеся тѣмъ, что двое изъ публики были убиты, и нѣсколько человекъ ранено; послѣ чего начались, конечно, аресты. Около этого времени арестованъ былъ, между прочимъ, Сергій Чубаровъ, членъ нашего кружка; онъ пытался стрѣлять во время ареста, но жандармы успѣли его обезоружить. Среди дня на улицѣ схваченъ былъ Давиденко, о которомъ я упоминалъ, рассказывая, какъ мы очищали квартиру Стефановича. Теперь въ свою очередь пришлось очищать квартиру Давиденко, гдѣ сохранился, какъ намъ было извѣстно, ящикъ съ динамитомъ. По примѣру Рахальскаго, мы проникли въ квартиру подъ видомъ родственниковъ и увезли ящикъ. Здѣсь я первый разъ видѣлъ динамитъ; онъ имѣлъ форму шести или восьми

угольныхъ плитокъ желтоватаго цвѣта. Динамитъ этотъ, насколько мнѣ извѣстно, перевезенъ былъ потомъ въ Кіевъ и тамъ былъ взятъ жандармами, кажется, при обыскѣ у Гобста, судимаго за это и повѣшеннаго въ 1879 году.

Послѣ уличныхъ безпорядковъ въ Одессѣ, обыски и аресты приняли повальный характеръ. Тюремный замокъ наполнился, и для содержанія политическихъ пришлось занять участки и даже, если не измѣняетъ мнѣ память, часть зданія жандармской команды. Шпіоны и переодѣтые жандармы рисковали по улицамъ Одессы не меньше, чѣмъ это было въ Кіевѣ. „Исполнительный Комитетъ“ въ это время былъ уже на столько извѣстенъ у насъ на югѣ, что въ Одессѣ, напримѣръ, какіе то жулики нашли выгоднымъ пустить въ ходъ подметныя письма къ извѣстнымъ лицамъ отъ имени „Исполнительнаго Комитета“ съ вымогательствомъ денегъ. Валеріанъ Осинскій, узнавшій объ этомъ откуда-то, предложилъ издать протестъ противъ этихъ подметныхъ писемъ, и, насколько помню, въ такомъ родѣ было напечатано заявленіе отъ „Исполнительнаго Комитета“ и расклеено по улицамъ.

Нужно, однако, прибавить, что „Ис. Комитетъ“ обратилъ на себя вниманіе не только на югѣ; свидѣтельствуешь это, какъ нельзя болѣе, нижепомѣщенное письмо шефа жандармовъ Мезенцева къ министру внутреннихъ дѣлъ Макову. Вотъ текстъ письма:

Совершенно секретно

„III Отдѣленіе. 20 іюля 1878 г.

Милостивый Государь Левъ Савичъ!

Въ силу доходящихъ до Высочайшаго свѣдѣнія извѣстій о распространеніи дѣятельности подпольнаго социалистическаго кружка, избравшаго театромъ своихъ дѣйствій города: Кіевъ, Харьковъ и Одессу, именующагося „Исполнительнымъ Комитетомъ русской социальнаго революціонной партіи“, государю императору благо-

угодно было повелѣть назначить подъ пресѣдательствомъ Статсъ-Секретаря Валуева изъ Г.г. министровъ Военнаго, Юстиціи, Вашего Превосходительства и меня — особое совѣщаніе для обсужденія тѣхъ мѣръ, которыя необходимо принять, дабы остановить развитіе зла, столь вреднаго для государственнаго порядка.

Исполняя емь Высочайшую волю, имѣю честь уведомить Ваше Превосходительство, что я бы полагалъ необходимымъ собраться для совѣщанія сего 27-го іюля, на которомъ разсмотрѣть рѣшеніе Одесскаго Военно-Окружнаго Суда по дѣлу Ковальскаго.

Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности.

Н. Мезенцевъ

Какъ видно изъ этого письма, участь Ковальскаго была рѣшена на совѣщаніи министровъ 27 іюля, и 2-го августа онъ былъ разстрѣлянъ въ Одессѣ. То была первая смертная казнь. Черезъ два дня послѣ того въ Петербургѣ на улицѣ былъ убитъ Мезенцевъ.

Пріѣхавъ я въ Оде су, какъ уже упоминалъ выше, послѣ казни Ковальскаго и засталъ здѣсь необыкновенное возбужденіе умовъ; всё пылало мщеніемъ; одни находили нужнымъ отомстить прокурору, обвинявшему по дѣлу Ковальскаго, другіе — предсѣдателю суда. Осинскій высказывался за убійство генерала Семеки (градоначальника Одессы). И такъ какъ все это говорилось и проектировалось не болтунами, а людьми дѣла, то можно было ожидать, что борьба закипитъ на жизнь или смерть.

Между тѣмъ и власти съ своей стороны тоже не дремали. Шпіоны бѣгали по нашимъ слѣдамъ, и то и дѣло производились аресты. Помню, собрались мы въ одной пивной, не далеко отъ Соборной площади. Попко, Лизогубъ, Осинскій и еще нѣсколько другихъ лицъ усѣлись кругомъ стола въ отдельной комнатѣ. Вдругъ, дверь открылась, и заглянулъ какой-то субъектъ. Одинъ изъ товарищей объявилъ, что заглянулъ въ комнату из-

вѣстный одесскій сыщикъ, и трое изъ насъ, нелегальные — Ковалевская, Осинскій и я — немедленно ушли изъ пивной. Покруживши по городу иѣкоторое время, чтобы сбить съ пути шпионовъ, если таковые вздумали за нами слѣдить, съ наступленіемъ сумерекъ я и Ковалевская направились къ дому Новицкаго. Это большое четырехъ-этажное зданіе тянулось на цѣлый кварталъ и одной своей стороною упирало въ глубокой оврагъ. На его фасадъ по сторонамъ возвышались двѣ надстройки, имѣвшія форму башенъ, въ одной изъ которыхъ занимали квартиру наши пріятель, Поинко и другіе, почему и самый ихъ кружокъ носилъ названіе среди насъ „башенцевъ“. Желательно было узнать, чѣмъ окончилось появленіе сыщика въ пивной, и мы отправились къ Поинко. Но сознавая опасность положенія, я рѣшилъ одинъ подняться въ башню. И вотъ, войдя на четвертый этажъ, я прошелъ корридоромъ до крутой, деревянной лѣсенки, ведущей на башню, и сталъ было уже подниматься по ней, какъ вдругъ, поднявъ голову, увидѣлъ вверху при свѣтѣ лампы двѣ или три ешны, одѣтыя въ бѣлые кителя. Тогда съ лѣстнички я прямо спрыгнулъ въ корридоръ и быстро побѣжалъ назадъ. Сзади меня раздавался шумъ погнавшихся за мною жандармовъ. Но я помчался внизъ по лѣстницамъ съ невѣроятной быстротой; жандармы стали отставать: звонъ шпоръ, вначалѣ рѣзкій, слышался постепенно все слабѣе и слабѣе. Выскочивъ изъ дому, я схватилъ Ковалевскую подъ руку; мы перебѣжали черезъ улицу на противоположную сторону и здѣсь медленно двинулись по тротуару. Нѣсколько мгновеній спустя на улицу выскочилъ жандармъ. Оглянувшись по сторонамъ, онъ бросился за уголъ дома къ оврагу, гдѣ, по его предположенію, долженъ былъ скрыться бѣглець.

Такъ въ этотъ разъ намъ удалось избѣжать ареста. Оказывалось, что вскорѣ послѣ нашего ухода изъ пивной, туда явилась полиція и всѣхъ арестовала. Компанія арестованныхъ, среди которыхъ были Лизогубъ и Поинко, отведена была въ участокъ; послѣ чего начались, само

собою разумеется, обыски по квартирамъ арестованныхъ и мы какъ разъ угодили на одинъ изъ нихъ.

Оставаться дольше въ Одессѣ было невозможно; шпіоны знали насъ въ лицо: трудно было показаться на улицу; мы надумались опять перебраться въ Кіевъ. Но напрасно бѣгали мы изъ Кіева въ Одессу, изъ Одессы въ Кіевъ: дни наши были сочтены; борьба, поднятая такъ смѣло небольшой горстью людей, должна была кончиться пораженіемъ. Погромъ южныхъ террористовъ, начавшійся въ 78 году, закончился въ началѣ 79 года. 11-го февраля 1879 года арестованъ былъ и я.

Я разсказалъ въ общихъ чертахъ болѣе или менѣе все, что могло представлять какой либо интересъ для исторіи нашего движенія, и чему я самъ былъ свидѣтелемъ или въ чемъ принималъ самъ участіе. На моихъ глазахъ совершился поворотъ въ движеніи; я видѣлъ первые опыты террористовъ, видѣлъ зарожденіе „Исполнительнаго Комитета“, пріобрѣвшаго въ скоромъ времени такую грозную славу. Въ заключеніи мнѣ остается только прибавить, что событій террористическаго характера за этотъ короткій періодъ времени (78 и начало 79 года) случилось несравненно больше, чѣмъ я описываю. Но такъ какъ многихъ изъ нихъ я не былъ свидѣтелемъ, то поэтому не разсказываю о нихъ; постараюсь перечислить ихъ.

Въ январѣ 1878 года произошло покушеніе на жизнь Трепова; почти одновременно съ этимъ случилось вооруженное сопротивленіе при арестѣ кружка Ковальскаго въ Одессѣ; въ февралѣ мѣсяцъ былъ убитъ шпіонъ Никоновъ въ Ростовѣ на Дону; вслѣдъ за тѣмъ сдѣлано было покушеніе на жизнь прокурора Котляревскаго въ Кіевѣ, и появилась первая прокламація „Исполнительнаго Комитета“. Въ мартѣ, въ Петербургѣ происходитъ демонстрація возлѣ суда послѣ оправданія Засуличъ (которую жандармы рѣшили арестовать). Въ апрѣлѣ, въ Петербургѣ совершается вторая демонстрація и панихида по Сидорацкомъ, убитымъ жандармами во время уличныхъ безпорядковъ (послѣ оправданія Засу-

личь). Въ маѣ — убійство жандармскаго капитана Гейкинга въ Кіевѣ и бѣгство изъ кіевской тюрьмы. Въ юль, возлѣ Харькова вооруженная попытка освобожденія Войнаральскаго, перевозимаго въ центральную тюрьму (при чемъ былъ убитъ одинъ жандармъ). Въ томъ же мѣсяцѣ уличные беспорядки въ Одессѣ, во время суда надъ Ковальскимъ. Въ августѣ растрѣлянъ Ковальскій въ Одессѣ, а два дня спустя въ Петербургѣ убитъ шефъ жандармовъ Мезенцевъ. Въ концѣ августа побѣгъ изъ кіевской тюрьмы Избицкаго и Беверлея, во время котораго Беверлей былъ убитъ. Въ октябрѣ 78 года вооруженное сопротивленіе Колѣкшиной въ Петербургѣ; въ декабрѣ вооруженное сопротивленіе Дубровина въ Старой-Руссѣ; Сентянина — въ Харьковѣ; Бобохова — въ Архангельской губ. Въ февралѣ 79 года происходитъ убійство губернатора Кропоткина въ Харьковѣ и, наконецъ, 11-го февраля вооруженное сопротивленіе въ Кіевѣ, на Жилианской улицѣ.

Такъ слѣдовали одно за другимъ кровавыя событія, совершенно измѣнившія въ концѣ концовъ характеръ нашего революціоннаго движенія. Народничество было забыто, заброшено, отодвинуто куда-то на десятый планъ, на сцену выступилъ терроръ.

Но чѣмъ больше уходило наше движеніе въ терроръ, тѣмъ лично я все дальше и дальше становился къ нему; я ему не сочувствовалъ и вскорѣ сталъ даже смотрѣть на террористическую дѣятельность почти какъ на измѣну народному дѣлу. Моя народническая логика ухитрялась уемотривать измѣну прежде всего въ стремленіи къ политической свободѣ, которая — по моему — была вредна, такъ какъ давала силу и значеніе только одной буржуазіи, а слѣдовательно, и нужна была только для одной буржуазіи, а вовсе не для народа. Мало по малу среди насъ стали возникать принципиальные споры, которые по временамъ принимали весьма острый характеръ.

Раньше какъ-то я высказалъ мнѣніе, что жизнь организаціи направляется не столько принципами и конеч-

ными дѣлами, поставленными въ ея программѣ, сколько ежедневными дѣлами, совершаемыми ею въ борьбѣ съ окружающими обстоятельствами. Другими словами, программы минимума оказываютъ на ходъ событій несравненно большее вліяніе, чѣмъ общія программы, такъ какъ не слова, а дѣла вліяютъ главнымъ образомъ на жизнь; и особенно справедливо это, мнѣ кажется, по отношенію къ жизни революціонной организаціи. Наше движеніе служить самымъ неопровержимымъ доказательствомъ этому.

Въ чемъ же заключалась перемѣна нашего движенія? Прежде всего она состояла въ томъ, что перенесенъ былъ фактически (т. е. дѣлами, а не программами) центръ тяжести изъ деревни въ городъ. Деревенская революція, т. е. крестьянская, о которой мы все такъ страстно мечтали и въ которую такъ глубоко вѣрили въ началѣ 70-хъ годовъ, къ концу десятилѣтія была оставлена, и силы были направлены въ города, гдѣ имѣлось несравненно больше благоприятныхъ условій для революціонной дѣятельности, и гдѣ отъ этой дѣятельности предвидѣлись скорѣйшіе результаты. Но однимъ перенесеніемъ дѣятельности въ города вопросъ далеко не исчерпывался, и если бы революціонныя силы направлены были не на терроръ, то наше движеніе едва ли претерпѣло бы существенную перемѣну. Въ самомъ дѣлѣ, что произошло бы, если бы революціонеры, воротившись изъ деревень въ города, устремили свои силы, скажемъ, хоть на дѣятельность среди городскихъ рабочихъ? Вышло бы, какъ я полагаю, повтореніе того же народничества и, само собою разумѣется, съ аналогичными результатами: у насъ вопросъ былъ вовсе не въ томъ, представляла ли крестьянская масса удобную почву для пропаганды социалистическихъ идей, или нѣтъ, какъ это полагаютъ нѣкоторые; а въ томъ, что правительство наше не позволяло совсѣмъ никакой работы ни въ деревняхъ, ни въ городахъ и своими преслѣдованіями вынудило болѣе энергичныхъ и страстныхъ направить свои силы на прямую борьбу съ нимъ. Среди нашего крестьянства обеззе-

меленнаго и голоднаго не менѣе удобно было заниматься пропагандою, какъ и среди городскихъ рабочихъ, и переходить изъ деревень въ города ради этого советѣмъ не стоило. Болѣе того: перемѣна эта была бы даже къ худшему настолько, насколько пришлось бы переходить отъ болѣе широкаго къ менѣе широкому полю дѣятельности. Да, наконецъ, я долженъ припомнить, что наше движеніе, поднявшееся въ городахъ (среди университетской молодежи) началось именно съ пропаганды среди рабочихъ. Но эта дѣятельность, равно какъ и дѣятельность среди крестьянства, не дала прямыхъ революціонныхъ результатовъ. Конечно, если бы удовлетвориться тѣми небольшими результатами и пользою, которую все таки могла принести — да и приносила на самомъ дѣлѣ — эта работа, тогда другое дѣло. Но работа эта, кропотливая и медленная, носила бы характеръ скорѣе простой культурной дѣятельности, чѣмъ революціонной. Между тѣмъ, люди того поколѣнія, террористы, обладали несравнимо болѣе широкими требованіями, и — самое главное, они были революціонеры. Разсказывая о нашихъ попыткахъ создать бунтъ въ крестьянствѣ, я указывалъ на тѣ неразрѣшимыя задачи, которыя выдвигала передъ нами жизнь. Тѣ-же задачи стояли бы передъ всякимъ дѣятеlemъ, задумавшимъ организовать подобную же попытку и въ городѣ. Сила правительственныхъ организацій въ современныхъ государствахъ на столько велика, что путь возстаній — какъ деревенскихъ, такъ равно и городскихъ — заранѣе обреченъ на неуспѣхъ, и баррикады являются теперь такимъ же анахронизмомъ, какъ и вооруженные отряды крестьянъ. Особенно это справедливо для новыхъ городовъ, подобныхъ Петербургу, гдѣ прямыя и широкія улицы, расходящіяся радіусами (Невскій, Вознесенскій и Горьховая улицы) дѣлаютъ совершенно немыслимымъ никакое уличное возстаніе. Но при современныхъ арміяхъ даже и въ такихъ городахъ, какъ Парижъ, съ кривыми, тѣсными улицами, возстаніе едвали можетъ привести къ успѣху, а потому и здѣсь въ послѣдніе годы социалистическое движеніе ста-

ло принимать характеръ легальной борьбы (манifestаціи, митинги, выборы въ парламентъ и пр.); попытки же революціоннаго характера фатальнымъ образомъ сводились всё къ террору, т. е. отдѣльнымъ убійствамъ.

Но здѣсь я долженъ сдѣлать оговорку. Сравнивая между собою террористическіе факты, мы должны будемъ ихъ раздѣлить на двѣ категоріи, строго отличающіяся одна отъ другой: на убійства, совершаемыя ради протеста противъ общихъ социальныхъ условий, и — убійства политическаго характера. Само собою разумѣется, что только послѣднія могутъ имѣть свое оправданіе, такъ какъ, если съ устраненіемъ той или другой личности еще можно надѣяться на извѣстныя перемѣны въ политикѣ, то ужъ, конечно, нельзя ожидать таковыхъ въ социальномъ строѣ.

Русскій терроръ носилъ исключительно политическій характеръ и ни разу не измѣнилъ этому направленію. Правда у насъ поднимались разговоры объ „аграрномъ“ и „фабричномъ“ террорѣ, но, по счастью, дѣло ограничилось одними разговорами. Этотъ исключительно политическій характеръ нашего террора, или, другими словами, террористическая борьба за политическую свободу, къ сожалѣнію, не была понята всеми. Сами революціонеры на первыхъ порахъ не сознавали ясно, а это отсутствіе яснаго пониманія отразилось вредно на дальнѣйшемъ ходѣ событій. Южнѣе террористы: Осинскій, Попко и другіе уже признавали необходимость и полезность конституціоннаго режима и на югѣ одно время были всё шансы выработаться правильной программѣ. Но эта группа лицъ, слабо организованная, была скоро цѣликомъ выхвачена жандармами; а „Земля и Воля“, организовавшаяся около этого же времени въ Петербургѣ, оказалась въ этомъ отношеніи несравненно менѣе зрѣлою. Въ октябрѣ 1878 года появился 1 № „Земли и Воли“. Здѣсь опять на сцену выступили „соціаллисты-революціонеры — Стенька Разинъ, Пугачевъ и ихъ сподвижники“, а по вопросу о политической свободѣ сразу наговоренъ былъ цѣлый коробъ старыхъ на-

родническихъ глупостей. „Увѣряютъ, что мы противники политической свободы и ненавистники русскихъ либераловъ и конституціоналистовъ“, пишетъ „Земля и Воля“ въ своей передовой статьѣ. „Ненависть къ либераламъ? Но кто у насъ называетъ себя этимъ именемъ?“

„Эти люди, утверждающіе, что казаческая демонстрація 6-го декабря 1876 года въ честь политическихъ преступниковъ — произведеніе стариковъ, выжившихъ изъ ума или фортель, выкинутый на „иностранныя деньги“,

„Это защитники свободы, возмущающіеся тѣмъ, что политическіе преступники не даютъ себя безнаказано тиранить жандармамъ.“

„Это люди, утверждающіе, что поступокъ Вѣры Засуличъ результатъ нравственнаго уродства этой личности.

„Это дѣятели прессы, обѣщающіе правительству въ награду за послабленіе въ цензурѣ обратиться въ околоточныхъ и сыщиковъ по политическимъ дѣламъ.“

„Пусть читатель судить самъ, имѣетъ ли дѣятельность вышеупомянутой котирии что нибудь общее съ борьбою за политическую свободу?“

„Насчетъ конституціонныхъ вождѣленій мы пока ничего опредѣленнаго сказать не можемъ (курсивъ нашъ). Наши отношенія къ нимъ опредѣлятся, когда конституціоналисты выступятъ, какъ дѣйствующая партія.“ Дальше говорится, что нашей задачей должна оставаться народная революція, что „главная масса нашихъ силъ должна работать въ средѣ народа. Террористы — это не болѣе, какъ охранительный отрядъ, назначеніе котораго оберегать этихъ работниковъ отъ предательскихъ ударовъ враговъ. Обратитъ все наши силы на борьбу съ правительственной властью значило бы оставить свою прямую, постоянную цѣль, чтобы погнаться за случайной, временной. Такое направленіе нашей дѣятельности было бы великой ошибкой еще съ другой стороны, со стороны тактики партіи. Паденіе нашего современнаго политическаго строя не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію. Не нужно быть пророкомъ, чтобы предсказать это.

Вопросъ только о днѣ и часѣ, — когда это совершится“ (курсивъ нашъ). „Самодержавіе, поражаемое со всѣхъ сторонъ, падеть, уступивъ мѣсто болѣе современному конституціонному строю, который, какъ всякая конституція, выдвинетъ на первый планъ привилегированныя сословія: помѣщиковъ, куницовъ, фабрикантовъ, всѣхъ владѣтелей капитала движимаго и недвижимаго, однимъ словомъ — буржуазію въ экономическомъ смыслѣ слова. Въ настоящее время они разрознены, и потому безсильны. Конституціонная же свобода, какъ бы жалка она ни была, имъ то, во всякомъ случаѣ, дастъ возможность сѣорганизоваться въ сильную партію, первымъ дѣломъ которой будетъ превозглашеніе крестоваго похода противъ насъ, социалистовъ, какъ своихъ опаснѣйшихъ враговъ“.

Словомъ, на основаніи всѣхъ сихъ соображеній „конституціоннымъ вожденіямъ“ не должно давать мѣста въ нашихъ правовѣрныхъ сердцахъ. И въ № 4 „Земли и Воли“, появившемся въ февралѣ 1879 года, мы находимъ уже цѣлое назиданіе, которое читаетъ „Земля и Воля“ „Сѣверному союзу рабочихъ“ по поводу ихъ программы, въ которой признается полезность политической свободы. „Вопросу о вліяніи политической свободы въ дѣлѣ борьбы эксплуатируемыхъ съ эксплуататорами“, пишетъ „Земля и Воля“, „посвящается слишкомъ много времени и рѣшается онъ въ программѣ слишкомъ категорически въ утвердительномъ смыслѣ“ (курсивъ нашъ).

Мы видимъ, такимъ образомъ, что „Земля и Воля“ взяла тонъ, котораго держались революціонеры 60 и начала 70 хъ годовъ. Это былъ большой поворотъ назадъ послѣ того, что говорили южные террористы, и отъ этихъ теорій уже воняло плѣсенью. И въ самомъ дѣлѣ, что это были за соображенія по вопросу о конституціи (которыхъ, между прочимъ, и я самъ тогда придерживался)? Конституція дастъ-де возможность сѣорганизоваться нашей буржуазіи, слѣдовательно для насъ, социалистовъ, она вредна. Совершенно въ такомъ же родѣ было разсуж-

деніе (да мы, народники, отчасти и держались его), что школа вредна, ибо она вооружаетъ знаніями только зажиточныхъ, а бѣднякамъ, не имѣющимъ возможности ея посѣщать ничего не даетъ; знаніе же въ рукахъ зажиточныхъ или, какъ мы тогда выражались, буржуазіи послужить лишь орудіемъ для большей эксплуатаціи бѣдныхъ и пр. въ такомъ родѣ.

Вспоминая теперь все тѣ „счеты“, которые велись тогда между революціонерами и либералами, становитея и грустно и досадно за оба лагеря, — такими неумѣлыми и недальновидными оказались и одни, и другіе. Одни не вѣрили въ свои силы и думали, какъ-то „украсть конституцію“. А что бы усыпить, одурачить врага (самодержавіе), принялись взапуски проклинать революціонеровъ. Другіе были полны вѣры въ собственныя силы до того, что вызывали на бой не только правительство, но и общество. Только одинъ врагъ и оказался предусмотрительнымъ: согнулъ онъ въ бараній рогъ и либеральную, и революціонную оппозицію и зажилъ послѣ того прищипавучи на долгое время. А какой грубой проныей звучать теперь слова „Земли и Воли“, что „наденіе нашего современнаго политическаго строя не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, и что „вопросъ только о днѣ и часѣ, когда это совершится“. Вотъ уже почти 20 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ это писалось, а скоро наступитъ четверть столѣтія. Щѣлая четверть вѣка!... Что же, ужъ не этотъ ли періодъ времени имѣли ввиду землевольцы, когда писали вышеприведенныя строки?! О, конечно, нѣтъ! Да мы ожидали тогда социальную революцію раньше 25 лѣтъ, не то что какую-то конституцію! Но жизнь жестоко посмѣялась надъ нами, и въ настоящее время мы были бы рады прерады даже плохенькой, лорисъ-меликовской конституціи. Пусть бы себѣ на здоровіе организовалась наша буржуазія! А то вотъ у насъ до сихъ поръ и буржуазіи нѣтъ, а все еще одни военначальники, какъ у какихъ нибудь Кафровъ или Готтентотовъ.

Прежде чѣмъ перейти къ описанію вооруженнаго

сопротивленія въ Кіевѣ на Жилинской улицѣ, когда былъ арестованъ и я, остановлюсь еще на одномъ эпизодѣ, имѣвшимъ мѣсто въ Кіевѣ.

Осенью или зимою 78 года (точно не помню времени) пріѣхали два земскихъ дѣятеля для переговоровъ съ кіевскими либералами и украинофилами, а также и съ революціонерами относительно совмѣстнаго образа дѣйствій для завоеванія конституціонной реформы. Въ переговорахъ этихъ изъ революціонеровъ принимали участіе Осинскій, Ковалевская и еще нѣсколько членовъ, имена которыхъ я не буду здѣсь приводить. Помню (такъ какъ и я присутствовалъ тамъ), собраніе было открыто рѣчью земца. Онъ развилъ мысль, что конституціонная реформа необходима для Россіи и будетъ полезна для всѣхъ русскихъ группъ, а въ томъ числѣ и для социалстовъ, такъ какъ дастъ больше престога для дѣятельности. Затѣмъ, какъ выводъ изъ этого, предлагалъ соединиться всѣмъ группамъ для добытія конституціи. По его мнѣнію нужно было испробовать первоначально всѣ легальные пути: подачи петицій, мирныя демонстраціи и т. п. Что бы вовлечь въ движеніе больше людей, предполагалось развить сильную агитацію въ обществѣ посредствомъ печати. Брошюры конституціоннаго характера, которыя нельзя было бы печатать по цензурнымъ условіямъ внутри Россіи, земецъ находилъ нужнымъ издавать за границей и оттуда доставлять контрабанднымъ путемъ.

Все это были мысли, съ которыми наши террористы, вѣроятно, согласились бы, если бы не оказалось одного пункта разногласій. По мнѣнію земца, однимъ изъ первыхъ условій для успѣха конституціонной агитаціи было пріостановленіе террористической дѣятельности революціонеровъ, заугнивавшей извѣстную часть нашего общества, а равнымъ образомъ и правительство. Съ этимъ требованіемъ террористы не согласились, переговоры не привели ни къ какимъ результатамъ.

Что касается лично до меня, то я присутствовалъ на этихъ собраніяхъ и не соглашался ни съ тѣми, ни

съ другими. Какъ допотопному звѣрю, все окружающее казалось мнѣ и дикимъ и непонятнымъ. Я слушалъ земца и не понималъ его; слушалъ террористовъ и не соглашался съ ними. По моему, надо было достать побольше оружія и поднимать народный бунтъ.

XX

ВООРУЖЕННОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ И АРЕСТЪ. ТЮРЬМА. — СУДЬ. — КАЗНЬ.

Между тѣмъ, дни наши были сочтены, и мы напрасно бѣгали изъ Кіева въ Одессу и обратно, стараясь скрыть наши слѣды; за нами всюду гонялись шпіоны. Такъ Осинскій, вернувшись изъ Одессы въ Кіевъ, привезъ, между прочимъ, съ собою небольшую типографію въ сундукъ; но когда пошелъ на вокзалъ получать ее изъ багажа, то оказалось, что сундукъ былъ взятъ жандармами и его самого тогда чуть-чуть не арестовали на вокзалѣ; едва удалось ему бѣжать. Иванъ Ивичевичъ, возвращаясь изъ Харькова въ Кіевъ, былъ прослѣженъ на желѣзной дорогѣ шпіонами и, чтобы избѣгнуть ареста, вынужденъ былъ спрыгнуть съ поѣзда во время хода недалеко отъ кіевской товарной станціи. Но это было не все. Между арестованными, сидѣвшими въ кіевской тюрьмѣ, нѣкій Веледницкій сталъ выдавать. Тогда жандармы выпустили его на свободу съ тѣмъ, чтобы онъ указалъ на насъ. Помню, однажды въ ресторанѣ, гдѣ обѣдали Осинскій, Волошенко и я, мы натолкнулись на этого Веледницкаго, а потомъ у выхода замѣтили переодѣтаго околочнаго. Еще нѣсколько раньше этого времени мы познакомились съ нѣкой Баби-

чевой; сначала Рахальскій, а потомъ я и Свириденко. Это была куряетка кievскихъ жевскихъ курсовъ, какъ впоследствии выяснилось, на жалованіи у жандармовъ. О ея нравственной физиономіи можно судить уже потому, что въ полтавской уголовной палатѣ противъ нее начато было дѣло за покражу какихъ-то серебряныхъ ложекъ. Но все это, конечно, мы узнали потомъ. Двухъ такихъ предателей, какъ Веледницкій и Бабичева оказалось достаточно, чтобы погубить насъ; мы не оглянулись, какъ были окружены съѣтью шпионовъ, слѣдившихъ за нами до того искусно, что мы почти не замѣчали этого. Я говорю почти, такъ какъ на самомъ дѣлѣ были факты, вызывавшіе подозрѣнія у насъ. Такъ, возлѣ дома, гдѣ я жилъ (на Большой Васильковской улицѣ) замѣчено было мною появленіе подозрительныхъ личностей, что принудило меня бросить квартиру и переселиться на Жиланскую улицу въ домъ Коссаровской. Ивичевичъ Иванъ, занимавшій въ домѣ Коссаровской же смежную комнату, зайдя однажды въ сосѣднюю лавочку за покупками, натолкнулся тамъ, какъ ему казалось, на сыщика, распрашивавшаго о чемъ то лавочника. И множество было еще другихъ мелкихъ показателей (не говоря уже о такомъ показателѣ, какъ встрѣча наша съ Веледницкимъ), которые трудно было даже формулировать, но которые, тѣмъ не менѣе, давали чувствовать намъ, какъ людямъ привыкшимъ къ укрывательству, и слѣдовательно весьма чуткимъ ко всему окружающему, что наше положеніе было крайне шаткое. И сосѣдній лавочникъ, казалось, не такъ встрѣчалъ насъ, какъ раньше, и будочникъ, стоявшій на ближайшемъ посту, при нашемъ проходѣ, оглядывалъ насъ подозрительнѣе, чѣмъ прежде.

Послѣ убійства Гейкинга жандармскимъ адъютантомъ въ Кіевѣ назначенъ былъ Судейкинъ. Этотъ то господинъ, впоследствии пріобрѣвшій громкую извѣстность, и организовалъ всю облаву за нами. Въ то время имя Судейкина еще никому не было извѣстно; на насъ первыхъ онъ проявилъ свои таланты, и нельзя не

согласиться съ тѣмъ, что дѣло свое онъ повелъ очень ловко и умѣло.

Первый ударъ нанесенъ былъ намъ 24 января 79 г.: на улицѣ арестованы были Осинскій и Волошенко, а потомъ, въ тотъ же день, на квартирѣ арестована была Софія Лешернъ.

Наконецъ наступило 11-ое февраля. Насколько припоминаю, была маслена, и къ Ивичевичу, жившему въ домѣ Коссаровской, собралась довольно большая компанія съ цѣлью провести вечеръ. Тутъ были Брантнеръ, Позень, Стеблинъ-Каменскій, Армфельдъ Наталія, братъ Ивана Ивичевича — Игнатъ и другіе. Орловъ же, Ковалевская, Свириденко, Дическуло и я — отправились изъ дома Коссаровской къ Бабичевой, (о которой я упоминалъ выше), жившей тоже по Жилинской улицѣ.

Такимъ образомъ наша компанія раздѣлилась, и въ то время, какъ мы находились у Бабичевой, вотъ что произошло въ домѣ Коссаровской.

Компанія сидѣла въ комнатѣ Ивана Ивичевича и весело разговаривала, когда въ передней послышался шумъ, отворилась дверь, и показались жандармы.

— „Здѣсь живетъ господинъ Дебогорій-Мокріевичъ? спросилъ Судейкинъ.

— „Никакого Дебогорій-Мокріевича здѣсь нѣтъ“, отвѣтилъ Ивичевичъ.

Тогда Судейкинъ захотѣлъ узнать, кто были они всѣ. Но Иванъ Ивичевичъ вмѣсто отвѣта схватилъ револьверъ, который у него всегда лежалъ заряженный подъ подушкой, и подошелъ къ дверямъ. За Иваномъ приблизился къ дверямъ братъ его Игнатъ и Брантнеръ, тоже оба вооруженные револьверами. Кто сдѣлалъ первый выстрѣлъ — неизвѣстно; на судѣ вопросъ этотъ остался неразъясненнымъ, такъ какъ никто не помнилъ. Жандармы, какъ потомъ показывалъ на слѣдствіи самъ Судейкинъ, были въ панцыряхъ. Раздался залпъ съ одной и съ другой стороны. Унтеръ-офицеръ Казанкинъ, стоявшій впереди, упалъ у самыхъ дверей; пуля попала ему въ лобъ, нѣсколько выше носа; онъ былъ убитъ

сразу. Судейкина ударила одна пуля въ грудь, но панцырь спасъ его. Въ комнагѣ, возлѣ самой дѣри, упалъ раненный Иванъ Ивичевичъ, а за нимъ упалъ и братъ его Игнатъ. Брантнеръ продолжалъ стрѣлять, хотя тоже получилъ рану. Кто еще стрѣлялъ изъ революціонеровъ — на слѣдствіи не было выяснено. Извѣстно лишь, что въ то время, какъ одни стрѣляли, другіе уничтожали и жгли компроментирующія бумаги. „Ножами ихъ, братьцы!“ кричалъ лежавшій на полу Иванъ Ивичевичъ. Оба брата Ивичевичи были смертельно ранены и не могли уже больше подняться съ земли.

Жандармы сробѣли и отступили. Тогда Позень, Арфельдъ и другіе, убѣлѣвшіе отъ пуль, подняли съ полу братьевъ Ивичевичей, положили ихъ на кровать и принялись хлопотать объ ихъ ранахъ. Между тѣмъ Романъ, раненный въ голову, вышелъ изъ комнаты на крыльцо. Здѣсь ему сдѣлалось дурно; онъ упалъ на землю и въ полусознательномъ состояніи проползъ еще до калитки, ведшей въ садъ, гдѣ окончательно потерялъ сознание, и откуда былъ потомъ поднятъ. Брантнеръ тоже выскочилъ изъ дому. Нужно сказать, что все это происходило во флигелѣ, стоявшемъ въ глубинѣ двора. Брантнеръ пробѣжалъ черезъ весь дворъ къ забору, огораживавшему отъ улицы, и сталъ на него взбираться. Однако здѣсь онъ почувствовалъ, что не можетъ владѣть одной рукой и въ обморочномъ состояніи свалился съ забора внизъ. Кромѣ руки, онъ былъ раненъ еще въ поясицу. Въ обморочномъ состояніи онъ потомъ былъ найденъ жандармами и взятъ.

Итакъ, Судейкинъ съ жандармами бѣжалъ изъ дома Коссаровской. Это вполне выяснено было на судѣ. Онъ послалъ въ военную казарму за подкрѣпленіемъ, и когда солдаты явились, отправился съ ними на квартиру Бабичевой, гдѣ, какъ ему было извѣстно по донесеніямъ шпіоновъ, находилась другая половина нашей компаніи; въ домъ же Коссаровской онъ предоставилъ окончить дѣло другому жандармскому офицеру. Когда жандармы, подкрѣпленные солдатами, явились вторично въ кварти-

ру Ивичевича, то здѣсь уже никто не думать сопротивляться. Тѣмъ не менѣе, заявивши переднюю, они поторопились припереть дверь, ведущую въ комнату Ивичевича, такъ что, когда понадобилась тамъ вода для раненныхъ, то оттуда нельзя было выйти. Только послѣ общанія со стороны бывшихъ въ комнату, что они не будутъ стрѣлять, жандармы осмѣлились наконецъ отворить дверь и войти въ комнату.

Послѣ того всѣ вещи, находившіяся въ комнатахъ моей и Ивичевича, были собраны и отсланы въ полицейскій участокъ. Подняли во дворѣ лежавшихъ безъ чувствъ Романа и Брантнера, и вмѣстѣ съ смертельно ранеными Ивичевичами, отравили ихъ въ городской госпиталь. Остальныхъ находившихся въ комнатѣ перевязали зачѣмъ-то веревками, хотя никто изъ нихъ не сопротивлялся, и связанныхъ доставили въ Любедской полицейскій участокъ.

Ничего этого, конечно, мы не знали и мирно сидѣли у Бабицовой вокругъ стола, на которомъ шипѣлъ самоваръ. Хозяйка наша въ этотъ вечеръ была весьма гостеприимна. Пробывъ некоторое время, Свириденко и Дическулъ ушли, такъ какъ они предполагали посѣтить въ этотъ вечеръ одну сходку.

Тотчасъ послѣ ихъ ухода съ улицы донесся звукъ, похожій на револьверный выстрѣлъ. Помню, кто-то изъ насъ вышелъ въ сѣни, чтобы послушать; но затѣмъ воротился и заявилъ, что это хлопнула дверь въ сосѣднемъ кабакѣ. Мы успокоились и опять принялись пить чай; какъ вдругъ, раздался необыкновенный шумъ въ сѣняхъ; слышался звонъ оружія. Двери комнаты, гдѣ мы сидѣли, порывисто растворились настежь, и моимъ глазамъ представилась плотная шеренга солдатъ съ ружьями на перевѣсѣ, устремленными въ нашу комнату.

— „Господа, прошу садиться! Я жандармскій офицеръ.“ Раздался звучный голосъ оттуда.

Я взглянулъ и увидѣлъ съ правой стороны солдатской шеренги, въ самомъ углу коридора, слабо освѣщеннаго свѣтомъ, падавшимъ изъ нашей комнаты, вы-

сокую фигуру въ военной фуражкѣ и въ широкомъ военномъ плащѣ. То былъ капитанъ Судейкинъ.

— „Мы не крѣпость“, шутливо замѣтилъ я въ отвѣтъ на требованіе Судейкина „сдаться“.

— „Однако, ваши товарищи...“

За шумомъ я не разслышалъ конца фразы. Больше всѣхъ подняла шуму въ это время наша хозяйка: она стала навзрыдъ плакать и метаться по комнатѣ и корридору, какъ угорѣлая.

Сдѣлавши поверхностный обыскъ, такъ какъ Судейкинъ все еще предполагалъ, что при насъ имѣется оружіе, и не найдя ничего, солдаты окружили насъ двумя тѣсными рядами и повели въ участокъ.

Подходя къ Лыбедской части, еще издали я замѣтилъ тамъ необыкновенное движеніе. Всѣ окна были освѣщены. На крыльцѣ и возлѣ зданія на тротуарѣ толпились полицейскіе. Мы поднялись по ступенямъ крыльца и вошли въ переднюю. Комната оказалась запруженная солдатами; намъ дали дорогу; мы прошли впередъ и здѣсь я увидѣлъ связанныхъ Позена и Стеблина-Каменскаго. Они стояли. У Позена плечи и руки были такъ сильно оттянуты назадъ веревками, что локти касались другъ друга. Съ лѣвой стороны сидѣли на стульяхъ Наталя Армфельдъ, Сарандовичъ и Петылицына; всѣ три онѣ тоже были связаны по рукамъ. Обращаться къ комунибудь изъ нихъ съ прямымъ вопросомъ я считалъ неудобнымъ, такъ какъ не желалъ показывать свое знакомство; однако изъ отдѣльныхъ фразъ, брошенныхъ то тѣмъ, то другимъ изъ нихъ, мнѣ удалось догадаться, что въ домѣ Коссаровской было оказано вооруженное сопротивленіе во время ареста.

Между тѣмъ изъ смежной комнаты, куда двери отворены были настежь, доносился какой-то шумный разговоръ. Слово невозможно было разслышать, но голосъ мнѣ показался знакомымъ. Разъясненія не пришлось ожидать долго. Раздались чьи-то шаги, крикъ усилился, и оттуда въ нашу комнату ворвался Владиміръ Свириденко, буквально валоча за собою двухъ полицейскихъ,

которые, ухватившись за него сзади, старались его удержать. Волосы его были растрепаны, черные глаза сверкали, какъ угли, онъ былъ точно опьянѣлый.

— „Что это? Связанные?!“ крикнулъ онъ, увидѣвъ Позена и Каменскаго со скрученными назадъ руками и тотчасъ бросился къ одному изъ нихъ и принялся рвать на немъ веревки.

— „Успокойтесь, пожалуйста, успокойтесь!“ суетливо говорилъ полицейскій приставъ Матковскій, приближавшій за Свириденко изъ сосѣдней комнаты. Онъ не осмѣливался прикоснуться самъ къ нему и только командовалъ вполголоса будочникамъ: „взять его“.

— „Успокойтесь! Мы сейчасъ развяжемъ“, продолжалъ Матковскій. И дѣйствительно, онъ немедленно распорядился, чтобы веревки были распущены на Позенъ и Каменскомъ.

— „Пить хочу!“ крикнулъ вдругъ Свириденко.

— „Пить... Слышишь? Маршъ за водой!“ командовалъ приставъ будочнику.

— „Пива хочу!“

— „Пива! пива неси!“ повторялъ за Свириденко Матковскій. „Только успокойтесь. Пожалуйста во вторую комнату; пойдемте“, уговаривалъ онъ его.

И Свириденко, видимо, нѣсколько успокоился и въ сопровожденіи пристава и будочниковъ, опять ушелъ въ сосѣднюю комнату, откуда передъ тѣмъ такъ стремительно ворвался къ намъ.

Эта сцена произвела на меня потрясающее впечатлѣніе. Съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ, но и теперь мнѣ достаточно немного сосредоточить свои воспоминанія на этомъ моментѣ, чтобы передъ моими глазами всталъ, какъ живой, Свириденко съ своимъ блѣднымъ, красивымъ лицомъ, обрамленнымъ густыми, вьющимися, черными волосами

Послѣ ухода отъ Бабичевой Дическуло и Свириденко, мы слышали выстрѣлъ; теперь, видя Свириденко въ подобномъ состояніи, я понялъ, въ чемъ было дѣло. И дѣйствительно, остановленные на улицѣ жандармами, сте-

режими квартиру Бабиичевой, гдѣ мы были въ гостяхъ. Свириденко и Дическуло стали отстрѣливаться и затѣмъ пустились бѣжать. Чтобы легче скрыть слѣды, они рѣшили раздѣлиться. Дическуло удалось скрыться. Но Свириденко на одномъ перекресткѣ былъ остановленъ полицейскими, разставленными въ этотъ вечеръ, ввиду облавы за нами, по всеѣмъ окрестнымъ улицамъ, и доставленъ въ участокъ. Все подробности ареста узналъ я, конечно, впоследствии, уже когда мы сидѣли въ тюрьмѣ; въ ту же минуту приходилось только догадываться, глядя на то, что совершалось передъ моими глазами въ участкѣ.

Но вотъ толпа солдатъ, запружавшая переднюю комнату участка, гдѣ находились и мы, заколыхалась; пронесся шопотъ: „Полковникъ идетъ! Разступись!..“ И въ комнату, среди разступившихся солдатъ, быстро вошли жандармскій полковникъ и полиціймейстеръ.

— „Арестованныхъ отдѣлить другъ отъ друга!“ крикнулъ полковникъ Новицкій, и тотчасъ всякаго изъ насъ окружило по нѣсколько человекъ солдатъ.

— „Въ случаѣ сопротивленія съ ихъ стороны, пускать въ дѣло холодное оружіе!“ командовалъ дальше Новицкій, сильно возвышая голосъ.

Отдавши это приказаніе, полковникъ и полиціймейстеръ вышли въ другую комнату, и въ приемной остались одни мы, окруженные солдатами. По истеченіи нѣкотораго времени арестованныхъ, одного за другимъ, стали вводить въ смежную комнату опять для обыска и предварительныхъ допросовъ. Дошла очередь до меня; я оставался послѣдній.

— „Позвольте узнать вашу фамилію?“ изысканно вѣжливо обратился ко мнѣ полковникъ Новицкій.

— „На этотъ вопросъ я не желаю отвѣчать“, проговорилъ я, кланяясь не менѣе изысканно вѣжливо съ своей стороны.

— „Въ такомъ случаѣ я самъ назову васъ.“

— „Мнѣ пріятно будетъ услышать.“

Нервно шутливое настроеніе не покидало меня весь этотъ вечеръ.

— „Васъ зовуть Владиміръ Карповичъ Дебогорій-Мокріевичъ“, проговорилъ Новицкій.

— „Да, это онъ“, подтвердилъ Судейкинъ, заглядывая мнѣ въ лицо.

— „Очень пріятно познакомиться!“ замѣтилъ я.

Запираться было бесполезно. Въ Кіевѣ въ это время жили мои родные: мать, братъ, сестра... Мнѣ не хотѣлось, чтобы ихъ таскали по участкамъ и тюрьмамъ для очныхъ ставокъ со мною.

Фамилія моя была выдана Веледницкимъ, который меня зналъ, а также и Бабичевой, какъ потомъ это выяснилось.

— „Взять съ оружіемъ въ рукахъ?“ обратился полковникъ къ Судейкину.

— „Нѣтъ. Арестованъ въ квартирѣ госпожи Бабичевой“, отвѣтилъ тотъ.

— „Слава богу!“ воскликнулъ полковникъ.

Насколько это восклицаніе было искренно съ его стороны — не берусь утверждать.

По окончаніи обыска, меня отвели въ какую-то темную комнату, гдѣ я провелъ ночь; а утромъ другого дня препроводили съ конвоемъ въ тюрьму. Въ тюремной канторѣ смотритель выдалъ арестантскую одежду; я переодѣлся, и ключникъ повелъ меня въ предназначенную для меня камеру. Мы прошли дворомъ къ правому крылу тюрьмы; здѣсь, войдя въ дверь, спустились нѣсколько ступенекъ внизъ и двинулись по низкому корридору, показавшемуся мнѣ очень мрачнымъ. Мы миновали трое дверей, снабженныхъ желѣзными засовами и большими всяческими замками, и у четвертой двери остановились. Ключникъ отперъ замокъ; желѣзный засовъ звякнулъ, и я пропущенъ былъ черезъ отворившуюся дверь въ небольшую комнату, съ однимъ рѣшетчатымъ окномъ, пробитымъ довольно высоко надъ поломъ. Послѣ того дверь захлопнулась, послышался опять звонъ засова, и я остался одинъ въ своей камерѣ. Я

осмотрѣлся. Я имѣлъ деревянную кровать съ соломеннымъ тюфякомъ и такой-же подушкой, небольшой деревянный столикъ у окна и одинъ стулъ. Съ правой стороны отъ дверей, почти до самаго потолка, подымалась печка. Такова была обстановка моего новаго жилища. Почти въ среднѣи двери, на высотѣ человѣческаго роста, я увидѣлъ небольшую, круглую дыру, выходившую въ корридоръ.

Странно почувствовалъ я себя вначалѣ. Помню, первую минуту меня неприятно поразила окружающая тишина. Невольно я сталъ прислушиваться ко всему и ловить всѣ звуки, долетавшіе ко мнѣ извнѣ. Эти звуки показались мнѣ тогда такими отдаленными, можетъ быть потому, что кругомъ себя я ощущалъ невозмутимую тишину. Впослѣдствіи, перебивавши въ разныхъ тюрьмахъ, я убѣдился, что кievскій тюремный замокъ былъ одинъ изъ шумныхъ. Потомъ у меня явилось желаніе непременно посмотрѣть въ окно, и вотъ я взобрался на подоконникъ и взглянулъ черезъ рѣшетку. Окно мое выходило въ узкій, длинный дворикъ, огороженный заборомъ отъ другаго широкаго двора, за которымъ видно было противоположное лѣвое крыло тюрьмы; то было женское отдѣленіе, гдѣ сидѣли и политическія женщины. Нашъ правый фасадъ, состоявшій изъ одиночныхъ камеръ, былъ весь занятъ политическими. Всѣ арестованные наканунѣ находились уже здѣсь, кромѣ раненныхъ, отправленныхъ въ больницу. Прежде всѣхъ подошелъ къ моей камерѣ и окликнулъ меня черезъ дверную дырку Малавскій. Потомъ подошелъ Стеблинъ-Каменскій и познакомился со мною, такъ какъ раньше мы не знали другъ друга. Его камера оказалась сосѣдней съ моею. Наконецъ, я вступилъ въ сношенія со всѣми политическими, размѣщавшимися на всѣхъ трехъ этажахъ праваго крыла. Мы разговаривали черезъ дверныя дырки или черезъ окна, хотя это и запрещалось тюремными правилами. Въ первую ночь, припоминаю, когда я легъ и потушилъ въ своей камерѣ лампочку, вниманіе мое опять привлечено было круглой дверной дыркой, о которой я

упоминалъ выше. Пучекъ свѣта, врывавшійся черезъ нее изъ освѣщеннаго корридора въ мою темную камеру, вызывалъ во мнѣ странно-непріятное чувство. Я часто просыпался, и мнѣ всякій разъ бросался въ глаза этотъ яркій, круглый пучекъ свѣта. То было, по истинѣ, какое-то недремлющее, всевидящее око (оно было видно изъ всѣхъ угловъ камеры), не позволявшее мнѣ ни на одну минуту забыть, гдѣ я находился. Непрѣятное чувство отъ этого пучка свѣта вызывалось потомъ у меня всякій разъ, когда я просыпался по почамъ во все время моей тюремной жизни.

Началась тюремная жизнь. Большую часть времени я проводилъ у окна, выходившаго во внутренній дворъ. Вскочивъ на подоконникъ и держась за рѣшетку, по цѣлымъ часамъ, бывало, просиживалъ я тамъ, глядя во дворъ, гдѣ весь день гуляли уголовные арестанты. Помню, въ одинъ изъ первыхъ дней своего пребыванія въ тюрьмѣ, среди гулявшихъ я узналъ Корнія.

— „Здравствуйте, Корній!“ крикнулъ я ему изъ окна.

Онъ подошелъ ближе и посмотрѣлъ на меня. Улыбка, появившаяся на его лицѣ, засвидѣтельствовала, что я былъ узнавъ.

— „Узнаете меня?.. Сколько здѣсь сидитъ вашихъ, чигирнецевъ?“ спрашивалъ я.

— „Человѣкъ шесть“, отвѣтилъ онъ. „И Кузьма тутъ“.

— „А гдѣ же Кузьма?“ спросилъ я.

— „А онъ сидитъ въ камерѣ.“

— „Что же онъ дѣлаетъ въ камерѣ?“

— „Все больше читаетъ Евангеліе“.

Часто послѣ того мнѣ доводилось бесѣдовать съ Корніемъ. Онъ, видимо относился сочувственно къ политическимъ и неоднократно оказывалъ мелкія услуги.

Но Кузьмы я не встрѣчалъ. Разъ или два показалась его фигура среди другихъ арестантовъ, но онъ такъ далеко гулялъ отъ оконъ политическихъ, что заговорить съ нимъ не было возможности. Вглядываясь издали въ его блѣдную фізіономію, я ничего не могъ на

ней прочесть; но странно — лицо его съ трудомъ напомнило мнѣ прежняго Кузьму. Одинъ разъ, помню, онъ даже довольно близко подошелъ къ нашему фасаду, даже поклонился намъ, и я какъ будто замѣтилъ на его лицѣ что то въ родѣ улыбки; но онъ не заговорилъ со мною.

Преживши годъ времени въ тюрьмѣ, Кузьма, какъ человѣкъ умный и впечатлительный, не могъ, конечно, не видѣть того, что политическіе вовсе не сторонники царя. Нигдѣ, быть можетъ, революціонеръ не пользовался такой свободой слова, какъ въ тюрьмѣ; и надо сказать, что свободой этой мы не пренебрегали: рѣзко и прямо, безъ стѣсненія, высказывали мы то, что думали о царѣ. Трудно допустить, чтобы при такихъ условіяхъ могла сохраниться у Кузьмы прежняя чистая вѣра и идеализація царя. Что же, однако, долженъ былъ думать о насъ и что чувствовалъ умный Кузьма послѣ всего предыдущаго? Я не возьмусь анализировать его чувства; но мнѣ казалось только, что я понялъ причину, почему онъ такъ рѣдко выходилъ изъ камеры и почему не заговаривалъ съ политическими. Я допьялъ, а потому и самъ не рѣшался заговорить съ нимъ. Какъ провинившійся мальчишка, я не зналъ съ чего начать свои объясненія. Да всякія объясненія, я думаю, оказались бы неумѣстны: Кузьма глубоко замкнулся отъ всего окружающаго міра.

Скоро получено было въ тюрьмѣ извѣстіе, что оба брата Ивичевичи умерли отъ ранъ въ госпиталѣ, и, спустя еще нѣсколько дней, изъ того же госпиталя переведенъ былъ къ намъ, въ тюрьму, Романъ, съ перевязанной головой, получившій названіе „неизвѣстнаго, раненнаго въ голову“, такъ какъ онъ отказался объявить властямъ свою фамилію, и Брантнеръ, съ рукою, висѣвшей на перевязкѣ; другая рана его, въ поясницу, зажила очень скоро, хотя на первыхъ порахъ врачи считали ее очень опасной, такъ какъ предполагали, что были повреждены почки.

Наша жизнь въ тюрьмѣ до суда прошла необычно-

венно бурно. То была одна сплошная борьба съ властями, не прекращавшаяся ни на одну минуту, а временами принимавшая даже очень острый характер. Прежде всего арестованные не называли своихъ фамилій, за исключеніемъ меня и Брантнера, назвавшася сразу. Одни называли себя вымышленными именами, другіе, просто, молчали. Такъ, Осинскій объявилъ, что его фамилія Вейко; Свириденко назвался Антоновымъ. Романъ молчалъ, и жандармамъ пришлось окрестить его „неизвѣстнымъ“. Даже лица мало скомпрометированныя и не принимавшія раньше участія въ революціонныхъ дѣлахъ, подъ вліяніемъ остальныхъ товарищей, не объявляли своихъ фамилій, заставляя теряться жандармовъ во всевозможныхъ догадкахъ и предположеніяхъ.

Между тѣмъ, обвиненія, тяготѣвшія надъ нами, были очень сильны: нѣкоторые привлекались къ отвѣтственности за вооруженное сопротивленіе, сопровождавшееся убійствомъ жандарма. Другіе, подобно мнѣ, до ареста жили нелегальными и были раньше скомпрометированы по разнымъ политическимъ дѣламъ. Само собою разумѣется, что жандармы съ особенной энергіей старались раскрыть истину. И вотъ, для признанія арестованныхъ, стали пріѣзжать съ различныхъ городовъ шпионы. Въ корридорахъ нашихъ отъ времени до времени появлялись личности въ формахъ и цивильныхъ костюмахъ, въ сопровожденіи, конечно, мѣстныхъ властей; заходили въ наши камеры, чтобы посмотреть и припомнить, не встрѣчался ли имъ гдѣ либо тотъ или другой изъ насъ. Но подобныя осмотры дали сравнительно не много въ результатъ: такъ, полтавскіе жандармы признали Стеблина-Каменскаго, а петербургскіе — Софію Лешеръ и Осинскаго; другіе оставались не открыты.

Помню, позвали меня однажды въ тюремную контору. Придя туда, я увидѣлъ Судейкина, сидѣвшаго за столомъ, и въ той же комнатѣ какую то женщину и Пономаренко, бывшаго тюремнаго ключника, котораго я нанималъ для своей винокурни. Пономаренко я узналъ,

но женщины не могъ припомнить. Во всякомъ случая я догадался, что мнѣ готовились очныя ставки.

— „Садитесь, г нъ Дебогорій-Мокріевичъ,“ любезно пригласилъ Судейкинъ.

Я сѣлъ за столъ противъ него.

— „Маленькое дѣльце есть... Это вотъ, если узнаете, тотъ самый, котораго вы занимали длл винокурни,“ началъ Судейкинъ перелистывая какія-то бумаги. Потомъ, вдругъ поднявъ голову, спросилъ громко: Пономаренко, узнаешь?... Потрудитесь поворотиться къ нему,“ добавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

Я посмотрѣлъ прямо въ глаза Пономаренко. На его глупомъ лицѣ видна была растерянность. Я видѣлъ, что онъ меня не узнаетъ. Еще бы! Тамъ передъ нимъ былъ баринъ, а здѣсь какой-то арестантъ. Это меня ободрило.

— „Для какой винокурни?“... удивленно переспросилъ я.

— „Къ чему запираться? Вѣдь мы прекрасно знаемъ все... Узнаешь ли?“ допытывался Судейкинъ.

— „Никакъ нѣтъ, ваше благородіе! Не могу признать“.

— „А вы? Потрудитесь взглянуть“, обратился Судейкинъ къ женщинѣ.

Та тоже посмотрѣла на меня и тихо проговорила: „Не могу узнать.“

Теперь я вспомнилъ: то была служанка гостинницы, гдѣ я съ Н* останавливался; она приносила самоваръ раза два въ мой номеръ.

— „Гм... гм...“ Судейкинъ, видимо, былъ обезкуженъ. Я торжествовалъ.

— „Сознайтесь, г нъ Дебогорій! Право, такъ будетъ проще! Намъ все извѣстно; ваша записка, которую вы дали Пономаренко, у насъ въ рукахъ; вашъ почеркъ очень характерный: эти черточки надъ буквами т, п.“ Судейкинъ улыбался, глядя на меня.

— „Въ чемъ мнѣ сознаться? Да я объ этомъ дѣлѣ отъ васъ первый разъ слышу!“

— Ну вотъ!... блестящее дѣло!... Освобожденіе изъ

тюрьмы — блестящее дѣло!..“ повторялъ Судейкинъ даже съ восторгомъ въ голосъ. „Я на вашемъ мѣстѣ гордился бы этимъ дѣломъ, а вы почему то отказываетесь.

— „Странное было бы тщеславіе — гордиться чужимъ дѣломъ. Я такимъ тщеславіемъ не страдаю.“

Наступило молчаніе.

— „Такъ составить актъ?“ проговорилъ Судейкинъ.

— „Да. И въ актѣ потрудитесь уномянуть, что во мнѣ не признали того, о комъ ведется дознаніе.“

— „А право, я, на вашемъ мѣстѣ, сознался бы... Блестящее дѣло!..“ говорилъ Судейкинъ, принимаясь за составленіе акта..

Актъ былъ написанъ; я подписался, и меня увели обратно въ камеру.

Я уже сказалъ, что все наше время проходило въ борьбѣ съ властями. Особенно много усилій стоило намъ поддержать сношенія съ товарищами, жившими на свободѣ. Тюремное начальство, съ своей стороны, принимало все мѣры, чтобы насъ уберечь отъ этихъ сношеній. Страхъ, чтобы мы не сдѣлали попытки къ побѣгу доходилъ до такихъ размѣровъ, что одинъ разъ, помню, по распоряженію полиціймейстера (нужно, однако, добавить — человѣка крайне глупаго) была прорыта вдоль нашего фасада цѣлая огромная канава, въ розыскахъ за подкопомъ, котораго мы и не думали конать. Правда, наши головы были полны всевозможныхъ плановъ къ побѣгу, и особенно мечталъ объ этомъ на первыхъ порахъ Осинскій, ведшій даже перенеску по этому поводу съ „волей“. Однако, сдѣлать побѣгъ изъ киевской тюрьмы послѣ того, какъ одинъ разъ это уже было сдѣлано, оказывалось теперь невозможнымъ дѣломъ. Смотритель слѣдилъ за тюремными надзирателями, чтобы они не явились посредниками между нами и внѣшнимъ міромъ. Но тюремная организація уголовныхъ, относившихся сочувственно къ намъ, политическимъ, и, съ другой стороны, подкупъ — дѣлали то, что усилія смотрителя оставались въ этомъ отношеніи безуспѣшными: мы находились въ правильныхъ сношеніяхъ съ товарищами, жив-

ними на свободѣ и знали о всемъ, что дѣлается внѣ тюрьмы. Что касается до сношеній другъ съ другомъ внутри тюрьмы, то тутъ мы продолжали перекликаться черезъ окна, хотя это и воспрещалось тюремными правилами. Мы имѣли свой условный шифръ, гдѣ буквы выражались цифрами, и когда надо было сообщить что либо серьезное, выкрикивали вмѣстѣ словъ рядъ цифръ. Тюремныя власти дѣлали намъ неоднократно замѣчанія, чтобы мы не перекликивались; но такъ какъ это не приводило ни къ какимъ результатамъ, то они надумались прибѣгнуть къ специальной мѣрѣ. По распоряженію того же умнаго полиціймейстера, заведена была трещетка. И вотъ, помню, однажды вечеромъ (по вечерамъ наши бесѣды были болѣе оживленныя, такъ какъ уголовные арестанты въ это время успокаивались, и мы могли лучше слышать другъ друга) при первой же фразѣ, выкрикнутой кѣмъ то изъ окна, на тюремномъ дворѣ раздался вдругъ оглушительный шумъ трещетки. Трещеткой полагали помѣшать нашимъ разговорамъ. Но вмѣсто того, чтобы замолчать, мы принялись кричать еще сильнѣе, и, въ заключеніе, со всѣхъ нашихъ оконъ посыпалась брань. Смотритель, человекъ довольно добродушный, къ несчастью оказался въ этотъ вечеръ пьянъ и, услышавъ голосъ Осинскаго, ругавшаго его громче другихъ, пошелъ къ нему для объясненій. Осинскій бросился на него съ кулаками, а онъ приказалъ конвойнымъ схватить Осинскаго и посадить въ карцеръ. Крикъ, раздавшійся съ верхняго корридора, гдѣ вся эта сцена происходила (камера Осинскаго была на самомъ верхнемъ этажѣ), взбудоражилъ всѣхъ насъ. Поднялся страшный шумъ; мы стали требовать смотрителя для объясненій; смотритель не являлся.

— „Томать печки!“ раздался въ эту минуту глосъ Малавскаго, сидѣвшаго въ камерѣ втораго этажа. Словъ показался намъ весьма практичнымъ: этимъ способомъ мы могли причинить убытки казнѣ. И вотъ, по всѣмъ нашимъ камерамъ начался невообразимый стукъ и трескъ.

Схвативъ доску отъ кровати (кровать была деревянная), мнѣ удалось продвинуть одинъ конецъ въ душникъ, а на другой конецъ доски, образовавшей, такимъ образомъ, родъ рычага, я налегъ со всея силы. Верхняя половина печи съ грохотомъ свалилась на полъ. Мнѣ самому едва удалось отскочить въ сторону. Полъ моей камеры покрылся грудами кирпича и глины, а воздухъ наполнился ѣдкой пылью отъ сажи. Я едва могъ дышать. Окончивъ свою работу, я приостановился и сталъ прислушиваться. Въ сосѣднихъ камерахъ и на верху продолжался шумъ; отъ времени до времени по всему зданію раздавался грохотъ обваливавшихся кирпичныхъ печей.

Я подошелъ къ дверной дыркѣ, чтобы подышать чистымъ воздухомъ и замѣтилъ въ корридорѣ смотрителя.

— „Что вы, господа, дѣлаете?“ обратился онъ ко мнѣ съ вопросомъ.

— „Зачѣмъ вы посадили Осинкаго въ карцеръ?“ отвѣтилъ я вопросомъ же.

— „Какъ же я могъ поступить иначе? Въ приуствѣн конвоя бросается меня бить. Я не могу иначе поступать,“ философствовалъ далѣе смотритель. „Служба; я долженъ повиноваться тѣмъ, отъ кого завишу; мнѣ приказано завести трещетку — завожу... А пусть прикажутъ всѣхъ васъ выпустить — съ радостью это исполню...“

Утромъ другого дня въ тюрьму для слѣдствія пріѣхалъ помощникъ полиціймейстра. На наше требованіе, освободить Осинкаго изъ карцера, онъ отвѣтилъ, что сдѣлать это невозможно, такъ какъ Осинскій оскорбилъ смотрителя при исполненіи его обязанностей. Мы настаивали, чтобы, въ такомъ случаѣ, и остальныхъ насъ подвергли тому же наказанію, такъ какъ мы все ругали смотрителя. На это намъ возразили, что никого изъ насъ въ этомъ не обвиняютъ, хотя составили актъ въ томъ, что мы поломали печи въ камерахъ. Тогда мы

рѣшили въ ближайшую повѣрку,*) когда смотритель будетъ обходить наши камеры съ конвоемъ, нанести ему оскорбленіе „при исполненіи обязанностей“ Такъ было и поступлено (всякій изъ насъ выругалъ его въ присутствіи солдатъ), и спустя нѣкоторое время всѣхъ насъ по очереди сажали въ карцеръ. Сверхъ того, за бунтъ, мы были лишены книгъ и отнята была у насъ мебель, т. е. кровати, столы и стулья, такъ что мы спали остальное время, проведенное въ кievской тюрьмѣ, на полу.

Остается еще сказать нѣсколько словъ о карцерѣ.

Это былъ по просту погребъ, со сводистымъ потолкомъ, помѣщавшійся подъ зданіемъ. При запертыхъ дверяхъ, въ немъ водворялась абсолютная темнота: не оставалось ни одной свѣтлой точки, на которой могъ бы остановиться глазъ; ни сидѣть, ни лежать, само собою разумѣется, не было на чемъ. Помню, когда меня заперли въ эту яму, то я думалъ было сначала примоститься въ какомъ нибудь уголкѣ, чтобы задремать; но это оказалось невозможнымъ: холодъ и сырость были настолько велики, что я принужденъ былъ двигаться. И вотъ, я принялся ходить, ощущывая всякій свой шагъ, чтобы не разбить голову объ низкіе, каменные своды. На первыхъ порахъ, ходя вдоль стѣны, я держалъ руки вытянутыя впередъ; но потомъ освоился съ мѣстомъ настолько, что совершенно автоматически поворачивался въ одну и другую сторону. Эта безконечно-однообразная прогулка продолжалась цѣлыя сутки.

Между тѣмъ, какъ наша тюремная жизнь протекала вышеописаннымъ образомъ, въ это время совершилось событіе, оказавшее самое рѣшительное вліяніе на нашу участь. 2-го апрѣля 1879 г. произошло покушеніе на жизнь царя, велѣдъ за которымъ былъ изданъ высочайшій указъ объ учрежденіи шести временныхъ генералъ-губернаторствъ. Объявлено было военное положеніе и политическія дѣла были переданы въ вѣденіе военно-

*) Повѣрки совершались всякій день утромъ и вечеромъ.

окружныхъ судовъ. Прокуроръ военно-окружного суда, полковникъ Стрѣльниковъ, принялся за составленіе обвинительнаго акта по нашему дѣлу.

Обвинительный актъ врученъ былъ намъ въ 20-хъ числахъ апрѣля. Обвиненія, составленныя на скорую руку, безъ достаточнаго знакомства съ дѣломъ, бросались въ глаза своею бездоказательностью и съ юридической точки зрѣнія не выдерживали критики. Насъ обвиняли въ составленіи заговора, хотя многіе изъ насъ другъ съ другомъ не были знакомы; такъ, напр., я только въ тюрьмѣ познакомился съ Стеблинъ-Каменскимъ, Феохари и Романомъ. Судъ былъ назначенъ на 30-ое апрѣля. Обвиняемыхъ было 14 человекъ (въ число ихъ, неожиданно для насъ, попала квартирная хозяйка съ ея сестрой; видимо это нужно было для того, чтобы судъ могъ вывести хоть одинъ-два оправдательныхъ приговора). Чтобы придать больше гласности процессу, мы обратились — конечно письменно — къ петербургскимъ адвокатамъ съ приглашеніями для защиты; но спустя нѣкоторое время намъ объявили, что мы должны брать защитниковъ мѣстныхъ, прикомандированныхъ къ кievскому военно-окружному суду, т. е. лицъ, если не подчиненныхъ, то, во всякомъ случаѣ, зависящихъ отъ нашего обвинителя, Стрѣльникова. Тогда, ради протеста, мы рѣшили совершенно отказаться отъ защиты.

30-го апрѣля, часу въ 6-мъ утра, по нашимъ камерамъ разнесена была новая арестантская одежда. Мы переодѣлись, начиная съ рубахъ и оканчивая котами, и насъ вывели изъ тюрьмы. Всѣхъ насъ было 8 человекъ; остальные 6 обвиняемыхъ по нашему дѣлу, женщины, были увезены изъ тюрьмы въ судъ раньше. Выйдя за ворота, я увидѣлъ огромную, красивую карету, съ окнами по бокамъ, въ которыхъ вдѣланы были желѣзныя рѣшетки, и множество конвойныхъ козачковъ, жандармовъ и полицейскихъ. Мы всѣ 8 человекъ совершенно свободно размѣстились на мягкомъ сидѣніи этой кареты, и наша процессія двинулась. Впрочемъ, то нельзя было назвать процессіей, а скорѣе какой-то скачкой, такъ

какъ мы не ѣхали, а прямо мчались. Впереди всѣхъ летѣлъ въ фаэтонѣ полиціймейстеръ; за нимъ — жандармскій офицеръ. Карета наша окружена была скакавшими верхомъ козаками, съ пиками на перевѣсѣ, точно они шли въ атаку. Мы промчались городскими улицами, не встрѣтивъ почти ни одного цивильнаго человѣка. По всѣмъ этимъ улицамъ прекращено было сообщеніе. Всюду стояли полицейскіе, а на перекресткахъ видны были шеренги солдатъ. Кіевскія власти, повидимому, боялись уличной демонстраціи; но эти преувеличенныя мѣры строгости придали лишь нашему проѣзду особенно торжественный характеръ. Подѣзжая къ зданію военно-арестантскихъ ротъ, мы увидѣли окна буквально облѣпленныя головами любопытныхъ, и едва наша карета поравнялась съ фасадомъ зданія, какъ оттуда раздалось: ура! Такимъ же крикомъ встрѣтила насъ и гимназія, мимо оконъ которой пришлось проѣзжать.

Въ военно-окружномъ судѣ мы провели четверо сутокъ, пока нашъ процессъ разсматривался. На ночь мы помѣщались въ камерахъ, находившихся въ нижнемъ этажѣ зданія; днемъ, когда засѣданія суда прекращались, мы проводили время во дворѣ.

Все вниманіе прокурора и суда было сосредоточено на выясненіи дѣла о вооруженномъ сопротивленіи, происшедшемъ 11-го февраля. Обвиненія же остальныхъ лицъ, не участвовавшихъ въ вооруженномъ сопротивленіи, отличались полной голословностью. Прокуроръ подводилъ всѣхъ по 250-ой статьѣ уложенія о наказаніяхъ къ 15 годамъ каторжныхъ работъ; между тѣмъ, противъ нѣкоторыхъ онъ не могъ представить никакихъ уликъ; такъ напр., все обвиненіе Феохари и Позена сводилось къ тому, что они были взяты на квартирѣ Ивичевича. Примѣняя 250-ю статью, прокуроръ исходилъ изъ того предположенія, что мы составляли одно тайное сообщество, стремившееся къ ниспроверженію существующаго строя въ ближайшемъ будущемъ. Но если возможно было примѣнить эту статью, то развѣ только по отношенію къ Ивичевичу, Брантнеру, Осинскому и Свириденко.

Можно было еще, пожалуй, съ пѣкоторой натяжкой при-
тянуть сюда же меня, какъ нелегальнаго, — хотя на са-
момъ дѣлѣ, я не состоялъ съ ними въ одной организа-
ціи, а находился лишь въ лично-пріятельскихъ отноше-
ніяхъ съ пѣкоторыми изъ нихъ. Но Осинскаго почему
то прокуроръ совѣмъ исключилъ изъ нашего процес-
са и составилъ противъ него, Софін Лешернъ и Воло-
шенко отдѣльный обвинительный актъ.

Въ своей обвинительной рѣчи Стрѣльниковъ (во вре-
мя которой онъ выпяль очень много воды, такъ какъ
кричалъ до синопты въ горлѣ) говорилъ преимущественно
о вооруженномъ сопротивленіи. Потомъ для характери-
стики нашего сообщества приводилъ цитаты изъ „Зем-
ли и Воли“ и другихъ революціонныхъ изданій. Нако-
нецъ, упомянулъ о пѣкоторыхъ прошлыхъ дѣлахъ, какъ
напр., о покушеніи на жизнь Гориновича и побѣгѣ изъ
кѣвской тюрьмы, при чемъ указалъ судьямъ на меня,
какъ на одного изъ виновниковъ этого побѣга. Но от-
носительно большинства обвиняемыхъ не сказалъ ровно
ничего, а многихъ даже не упоминалъ. Такъ, онъ со-
вершенно умолчалъ о Позелѣ, Сарацдовичѣ, Потылицы-
ной, Феохари... Да нечего было ему и говорить, ибо
противъ нихъ не имѣлось у него никакихъ данныхъ.
Они оказывались виновными только въ томъ, что были
знакомы съ тѣми, которые оказали вооруженное сопро-
тивленіе при арестѣ. Но этого одного оказалось доста-
точнымъ, чтобы ихъ осудить. Судъ призналъ, что все
мы составляли одно тайное сообщество, видимо, исходя,
подобно прокурору, изъ того соображенія, что разъ мы
были пойманы одновременно и держались въ тюрьмѣ и
на процессѣ единодушно, то это доказывало нашу при-
надлежность къ одной организаціи. На процессѣ много
времени было удѣлено на выясненіе нашего поведения
въ тюрьмѣ: нашего бунта, ломанія печекъ и пр. Что
пойманы мы были въ одно время, для многихъ изъ насъ
это было простой случайностью; относительно же наше-
го единодушія во время тюремной жизни, я долженъ
замѣтить, что для этого вовсе не надо было состоять въ

одномъ революціонномъ сообществѣ. Тамъ, гдѣ были люди, которымъ грозила смертная казнь, остальнымъ приходилось держаться единодушно. Простое чувство порядочности вынуждало къ этому. Вотъ этихъ то простыхъ соображеній не понимали или, можетъ быть, даже не смѣли понимать господа судьи. Этимъ только и можно объяснить ту вопіющую несправедливость, въ которую вналъ судъ: исключая Брантнера и Свириденко, приговоренныхъ къ смерти, какъ вооруженно сопротивлявшихся, всѣхъ остальныхъ подвели подъ одну категорію; вынесенъ былъ одинъ приговоръ для всѣхъ — 14 лѣтъ и 10 мѣсяцевъ каторжныхъ работъ. Сюда входили и такіе, какъ я, жившій до ареста нелегально цѣлыхъ 6 лѣтъ, тутъ же была и Потолицына, молодая дѣвушка, не принимавшая участія ни въ какихъ революціонныхъ дѣлахъ. Эта ошибка поправлена была нѣсколько потомъ, канфирмаціей генераль-губернатора, по которой приговоренные были раздѣлены на нѣсколько категорій. Но при этомъ опять таки власти руководились не столько фактами, сколько внутреннимъ убѣжденіемъ.

На судѣ держали мы себя скорѣе, какъ зрители, чѣмъ какъ обвиняемые. Мы отказались отъ защиты, не давали никакихъ показаній; но почти всѣ передъ судомъ назвали свои фамиліи, исключая Владиміра Свириденко, продолжавшаго именовать себя Антоновымъ. Это онъ дѣлалъ для того, чтобы по возможности дольше не могла узнать о его участи его мать, жившая въ Крыму. Публика, присутствовавшая на судѣ по билетамъ (безъ билетовъ не пускали въ залу суда), состояла преимущественно изъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ. Составъ суда не вызывалъ особенно дурнаго впечатлѣнія; большинство судей, какъ и самъ предсѣдатель, генераль Слущкій, казалось, были люди добродушные; это можно было читать по ихъ лицамъ, блѣднымъ, взволнованнымъ. Приговоръ же оказался жестокой потому, что онъ имъ былъ продиктованъ сверху. Судьи кievскаго военно-окружнаго суда, подобно нашему тюремному смотрите-

лю, держались, видимо, того взгляда, что они должны подчиняться тому, отъ кого зависѣли, т. е. — кто далъ имъ службу.

Только два человѣка рѣзко выдѣлялись изъ всѣхъ; то былъ прокуроръ Стрѣльниковъ и жандармскій капитанъ Судейкинъ, игравшій одну изъ видныхъ ролей на нашемъ процессѣ (въ качествѣ свидѣтеля, конечно).

Капитанъ Судейкинъ, высокій и стройный, молодой человѣкъ, очевидно, позировалъ передъ публикой. Особенно интересенъ онъ былъ, когда ораторствовалъ въ качествѣ главнаго свидѣтеля по дѣлу о вооруженномъ сопротивленіи. Видимо, онъ себя считалъ героемъ и до того рисовался и хвастался передъ судомъ и публикою, такъ много болталъ, подчасъ просто безумелуцу, не относящуюся къ дѣлу, лишь бы только болтать и вертѣться передъ глазами всѣхъ, что гадко было на него смотрѣть. Человѣку этому, какъ мнѣ казалось, ни до какихъ убѣжденій никакого дѣла не было, и для него мы все, нигилисты, представляли просто лакомый кусокъ: на нашей гибели онъ строилъ свою карьеру. Мнѣ онъ сильно напоминалъ собою гоголевскаго Ивана Александровича Хлестакова.

Нервное, сухое и злое лицо, какъ и вся небольшая фигура Стрѣльникова представляла рѣзкую противоположность съ бѣлой откормленной, самодовольной физиономіей Судейкина. Въ прокурорѣ сказывался человѣкъ очень злой, но извѣстныхъ убѣжденій, и на насъ онъ смотрѣлъ, какъ на личныхъ своихъ враговъ. Всякая его фраза дышала злобой. Но онъ не шадилъ и другихъ. Такъ ему удалось, между прочимъ, рядомъ свидѣтельскихъ показаній выяснить передъ судомъ, что жандармы бѣжали изъ дома Коссаровской послѣ первыхъ залповъ; и надо было видѣть, съ какимъ злорадствомъ онъ посматривалъ то на публику, то на судей, то, наконецъ, на самого Судейкина. „Господа жандармы бѣжали...“ шипѣлъ онъ сквозь зубы, и злая усмѣшка играла на его сухомъ лицѣ.

Объ эти личности, и Судейкинъ, и Стрѣльниковъ, веко-

рѣ стали исполнять видныя роли въ Россіи. Судейкинъ сдѣлался начальникомъ тайной полиціи въ Петербургѣ; Стрѣльниковъ создалъ рядъ процессовъ съ висящими въ Кіевѣ и Одессѣ. Обѣ эти личности и были впоследствии убиты революціонерами.

Во время смертнаго приговора, когда объявлена была смертная казнь Брауннеру и Антонову (Свириденко), съ одной изъ подсудимыхъ сдѣлалась истерика. Жандармы побѣжали за водой; мы поднялись со скамей, на которыхъ сидѣли; произошла общая суматоха. Въ эту минуту, публика, присутствовавшая въ залѣ суда, тоже встала на ноги, а многіе даже встѣзли на стулья, чтобы лучше видѣть пронесходившую сцену.

— „Чего глазѣте?!“ закричалъ Свириденко. „Здѣсь не театр!... Позоръ — двѣять изъ этого зрѣлище!“

Это произвело удивительный эффектъ: всѣ сразу присѣли, а затѣмъ поспѣшно стали выходить изъ залы суда.

4-го мая процессъ нашъ окончился, и насъ отвезли обратно въ тюрьму; а въ окружномъ судѣ началось разбирательство другихъ дѣлъ: сначала Осинскаго и затѣмъ Избицкаго. Всѣ три процесса были окончены къ 8-му мая, и послѣ того мы стали ждать конфирмаціи. Цѣлые дни мы проводили вмѣстѣ; намъ разрѣшены были свиданія съ родными; вообще, жизнь въ тюрьмѣ послѣ суда сдѣлалась значительно вольнѣе; но перспектива казни отравляла все. Въ томительномъ ожиданіи ужаснаго конца, надъ которымъ даже самая мысль не осмѣливалась остановиться на долго, протекало наше время. Такъ прошло нѣсколько дней. Наконцоцъ, 12-го мая появился полиціймейстеръ, и насъ позвали въ тюремную контору для выслушанія конфирмаціи. По конфирмаціи, нѣкоторымъ были уменьшены сроки каторги: другимъ оставлено было наказаніе, вынесенное судомъ. Только о троицхъ въ конфирмаціи 12-го мая ничего не было сказано; эти трое были: Антоновъ (Свириденко), Брауннеръ и Осинскій; ихъ даже не звали въ тюремную контору. Это значило, что приговоръ въ оконча-

тельной формѣ надъ ними будетъ прочтенъ на мѣстѣ казни. Все это понимали, но никто, конечно, объ этомъ не говорилъ. Кажется, въ тотъ же день, т. е. 12-го мая, Осинскій и Антоновъ были переведены съ верхняго этажа въ нижній, гдѣ уже сидѣлъ Брантнеръ, и гдѣ находились также камеры моя и Волошенко. Сначала мы не могли понять, зачѣмъ это было сдѣлано, но вскорѣ причина выяснилась: изъ оконъ верхняго корридора было видно, какъ въ полѣ, недалеко отъ тюрьмы, начали строить висѣлицы. Сидѣвшіе въ верхнемъ этажѣ сообщили объ этомъ остальнымъ, кромѣ приговоренныхъ къ смерти, отъ которыхъ, конечно, старались скрыть. Догадывались ли сами приговоренные о томъ, что готовилось для нихъ — не знаю. Они тоже, подобно намъ, молчали, не разговаривали объ ожидавшей ихъ казни. Но видно было, что они къ ней готовились. Такъ, Валеріанъ Осинскій время отъ времени возвращался къ вопросу о томъ, что для него смертная казнь черезъ разстрѣляніе представляется несравненно легче, чѣмъ черезъ повѣшеніе. Антоновъ озабоченъ былъ мыслью, чтобы его мать не узнала объ его участи и часто говаривалъ со мною объ этомъ: но въ чемъ состояла эта его участь, онъ не договаривалъ, или вѣрнѣе, никогда не успѣвалъ договорить, бесѣдуя со мною. Мнѣ всякій разъ становилось странно, когда объ этомъ заходила рѣчь, и я тотчасъ старался свести разговоръ на что либо другое. Мы все избѣгали слова казнь, какъ будто боялись самого этого слова. Нужно сказать, что судъ приговорилъ къ смертной казни черезъ разстрѣляніе, и замѣна разстрѣла висѣлицей произошла уже потомъ. Кому обязаны были приговоренные этой замѣной въ худшую сторону, такъ какъ повѣшеніе считается у насъ болѣе позорной казнью, — съ увѣренностью сказать не могу; но я помню, что въ то время ходилъ слухъ, будто замѣна эта была сдѣлана самимъ царемъ, съ которымъ, какъ передавали намъ офицеры, приходившіе на караулъ, кіевскій генераль-губернаторъ Чертковъ сносился телеграммой.

Вечеромъ 12-го мая, передъ тѣмъ какъ должны бы-

ли затворить насъ на ночь по камерамъ, приговоренные попрощались со всѣми, такъ какъ думали, что это было ихъ послѣднее свиданіе. Однако ночь прошла; наступило 13-ое мая, и утромъ опять выпустили насъ всѣхъ изъ камеръ во дворъ. Такъ какъ было неизвѣстно, чѣмъ объяснить это замедленіе, то, помню, у меня зародилась даже смутная надежда на то, что казни не будетъ. Съ казнью мой умъ и чувство не могли мириться, и достаточно оказалось ничтожнаго повода, чтобы родить надежду. Но наступилъ вечеръ 13-го мая, и приговоренные, расходясь по своимъ камерамъ, опять попрощались со всѣми. И вотъ повѣрка прошла; насъ заперли на ночь. Вскорѣ я услыхалъ шаги въ корридорѣ какихъ то вооруженныхъ людей, и тотчасъ послышался изъ окна голосъ Осинскаго, сообщавшаго о томъ, что къ нему въ камеру поставили часового. Это было дурнымъ предзнаменованіемъ. Я раньше слыхалъ, что послѣднюю ночь передъ казнью приговореннаго не оставляютъ одного, а помѣщаютъ къ нему часового. Камера Осинскаго находилась въ началѣ корридора; за ней слѣдовала камера Волошенко, потомъ — моя, — Брантнера и наконецъ, послѣдняя, въ глубинѣ корридора, была камера Свиридеяко. Я слышалъ, какъ прошли мимо моей двери солдаты; какъ отворилась дверь, сначала въ камеру Брантнера, потомъ Свиридеяко. Однако ни тотъ, ни другой не сообщали объ этомъ черезъ окна, какъ это сдѣлалъ Осинскій. Изъ камеры Брантнера доносились какіе то слабые голоса.

Между тѣмъ наступила ночь. Я не зажигалъ лампы и моя камера едва освѣщалась пучкомъ свѣта, врывающимся изъ корридора черезъ дверную дырку. Окно было отворено настежь. Я влѣзъ на подоконникъ и сѣлъ, прижавшись къ рѣшеткѣ. Ночь была теплая и тихая, такая тихая, что на открытомъ воздухѣ, казалось, могла бы горѣть свѣча. Уголовные арестанты улеглись, и въ главномъ фасадѣ тюрьмы, гдѣ они помѣщались, все успокоилось. Тихо было и въ нашемъ отдѣленіи. Но что дѣлали всѣ — не знаю.; можетъ быть, подобно мнѣ, сидѣ-

ли у настѣжъ отворенныхъ оконъ и глядѣли на ночное небо, гдѣ мерцали звѣзды. Всѣ молчали. Только Осинскій перекликивался съ Лешернъ, сидѣвшей на женской половинѣ, въ противоположномъ концѣ зданія. „Четыре, пять, семь, два, восемь, нуль....“ съ нервной торопливостью выкрикивалъ онъ изъ своего окна. Онъ шифровалъ что то.

Внизу, вдоль нашихъ оконъ, ходилъ часовой. Я сталъ вслушиваться. Изъ камеры Свириденко не долетало ни одного звука, ни малѣйшаго шороха. Спалъ ли онъ въ эту послѣднюю ночь, или только молча лежалъ на своемъ соломенномъ тюфякѣ, заложивъ обѣ руки подъ голову, какъ онъ обыкновенно любилъ лежать? Трудно сказать; но я чувствовалъ, что его не было возлѣ окна. Было такъ тихо, и я такъ напряженно вслушивался, что, конечно, услышалъ бы что нибудь, какъ слыхалъ я Малавскаго, сидѣвшаго у своего окна, и камера котораго находилась вверху надъ моею, хотя я и не разговаривалъ съ нимъ.

Владиміръ Свириденко родомъ былъ изъ Крыма, изъ города Симферополя; онъ жилъ на югѣ (Одессѣ, Харьковѣ и Николаевѣ) и принималъ участіе въ дѣлахъ тамошнихъ кружковъ; кажется, былъ даже формальнымъ членомъ кружка Ковальскаго. Онъ занимался пропагандой, главнымъ образомъ, среди матросовъ черно-морскаго флота въ г. Николаевѣ, а съ наступленіемъ террора, увлекся этимъ новымъ направленіемъ и сошелся съ террористами. Онъ очень высоко цѣнилъ дѣятельность Осинскаго и въ послѣднее время окончательно примкнулъ къ „Исполнительному Комитету“. Арестованный на улицѣ съ оружіемъ въ рукахъ, онъ назвалъ себя ложнымъ именемъ Антонова съ единственной цѣлью, чтобы его мать, жившая въ Симферополѣ, и которую онъ очень любилъ, не узнала объ его участи. Свириденко отказался давать показанія, хотя на судѣ призналъ, что сдѣлалъ шесть выстрѣловъ въ жандармовъ. Все его поведеніе, прямое и смѣлое, отъ ареста до самой послѣдней минуты его жизни, вызвало симпатіи и удивле-

ніе даже среди властей. Свириденко былъ повѣшенъ подъ вымышленнымъ прозвищемъ Антонова, но впоследствіи одесскіе процессы послужили къ открытію его фамиліи. Что сдѣлалось съ его бѣдной матерью послѣ того, какъ она узнала объ участи сына — не знаю.

Изъ камеры Брантнера слышался тихій разговоръ. Въ этотъ вечеръ къ нему пришелъ лютеранскій пасторъ и хотя онъ отказался отъ исполненія религіозныхъ обрядовъ, но съ пасторомъ бесѣдовалъ очень долго. Ровная, спокойная натура Брантнера мало походила на пылкую, бунтовскую натуру Владимира Свириденко.

Людвигъ Брантнеръ не обладалъ ни особенно широкимъ развитіемъ, ни знаніями и при первомъ знакомствѣ не производилъ впечатлѣнія челоука выдающагося. Но тому, кто его зналъ въ теченіи долгаго періода времени, приходилось многому въ немъ удивляться. Онъ принадлежалъ къ харьковскому кружку народниковъ и сталъ участвовать въ движеніи очень рано. Рассказывая о первыхъ нашихъ кружкахъ, я уже упоминалъ о тѣхъ принципахъ нравственности, которыхъ держался тогда всѣ. Мы находили безнравственнымъ жить на чужой счетъ и старались зарабатывать пропитаніе простымъ физическимъ трудомъ. Это нравственное требованіе проявилось въ томъ, что повсюду устраивались мастерскія, и люди занимались изученіемъ ремесель. Но прошло нѣкоторое время, и охота зарабатывать хлѣбъ тяжелымъ физическимъ трудомъ пропала у большинства. Брантнера это не коснулось; онъ попрежнему столярничалъ, попрежнему бѣдствовалъ. Я часто бывалъ у него въ мастерской, въ Харьковѣ. Онъ держалъ ее вмѣстѣ съ Глушковымъ, котораго мы звали „Ионычемъ“ (Ионычъ потомъ эмигрировалъ и жилъ въ Парижѣ). Въ этой мастерской съ шинящимъ жестянымъ самоваромъ на столярномъ верстакѣ, я всегда чувствовалъ себя легко и уютно. Въ голодѣ и холодѣ проводилъ Брантнеръ свою жизнь, но ни разу я не слышалъ его жалующимся; при встрѣчахъ всегда одинаково весело улыбались его добрые карые глаза, какъ будто жизнь

его была полна всевозможныхъ прелестей. Какой то задушевностью дышало все его существо. Во время вооруженнаго сопротивленія онъ получилъ, какъ я уже говорилъ выше, двѣ раны: одну въ поясницу, другую въ руку. Первая рана зажила скоро, хотя считалась болѣе опасной; а рука такъ и осталась на перевязкѣ до самой его казни. Пуля раздробила плечевую кость и порвала нервъ, управляющій движеніемъ руки, влѣдствіе чего рука его висѣла парализованная. Помню, встрѣчаясь съ Брантнеромъ во время гуляній, или же глядя изъ корридора черезъ дверную дырку на его приземистую фигуру, я никогда не могъ видѣть безъ волненія этой больной его руки; она совершенно не гармонировала съ его попрежнему веселымъ лицомъ; эта великая, добрая улыбка не покидала его лица до самой послѣдней минуты. Съ перваго дня ареста Брантнеръ объявилъ свою фамилію и далъ о себѣ показанія, не скрывая вовсе того, что онъ стрѣлялъ. Эксперты склонялись къ тому, что жандармъ Казанкинъ былъ убитъ пулей изъ револьвера Брантнера, но это, впрочемъ, не было вполне выяснено.

Въ то время какъ изъ камеры Свириденко не доносилось ни малѣйшаго шороха, а Брантнеръ тихо бесѣдовалъ съ настоятелемъ, Валеріанъ Осинскій ни на одну минуту не могъ успокоиться. Его нервно-подвижная натура вполне сказала въ эту ночь. Онъ перебрасывался отдѣльными фразами; шифровалъ. По голосу его, то звонкому и рѣзкому, то глухо вылетающему откуда-то изъ глубины, можно было заключить, что онъ не сидѣлъ спокойно у своего окна а постоянно то соскакивалъ внизъ въ камеру, то опять взбирался къ окну. Въ заключеніе, помню, обратился онъ ко мнѣ съ просьбой, чтобы я спѣлъ ему Беранже „На смерть капрала“. Нечего и говорить, что мнѣ было совѣмъ не до пѣсенъ; однако, сознание, что я своимъ пѣніемъ, доставлю, не скажу, удовольствіе, но, можетъ быть, отвлеку его мысли въ сторону, или просто сокращу время, — это сознание меня ободрило, и я сталъ пѣть. Въ эту ночь онъ заста-

вилъ меня повторить раза три „На смерть капрала“, гдѣ, какъ извѣстно, разсказывается о томъ, какъ наполеоновскій капралъ шелъ къ разстрѣлу. Бѣдный Валеріанъ!... Онъ все надѣялся, что будетъ разстрѣлянъ, подобно наполеоновскому капралу, но пѣснѣ Беранже. Его мысль не мирилась съ висѣлицей; онъ чувствовалъ отвращеніе къ висѣлицѣ, какъ это неоднократно высказывалъ передо мной.

Наконецъ, становилось уже очень поздно. Осинскій не просилъ больше меня пѣть; пересталъ разговаривать. Изъ камеры Брантнера насторъ давно ушелъ, и тамъ все затихло; отъ Свириденко попреженему — ни звука. Я продолжалъ сидѣть у рѣшетки. Слѣва, въ сосѣдней одиночкѣ раздавались шаги Волошенко, который то ходилъ, то пріостанавливался, плевалъ и опять принимался ходить. Окно его было отворено, и мнѣ все было слышно. „Соня!“ вдругъ раздался рѣзкій голосъ Осинскаго. „Валеріанъ!“ откликнулась Софія Лешернъ съ противоположнаго конца зданія; она, видимо, тамъ тоже сидѣла у окна. Но Осинскій только окликнулъ ее; онъ не вступалъ въ разговоръ. И все опять смолкло.

Въ моей головѣ толпились мысли. Мнѣ казалось невозможнымъ, чтобы всѣхъ тронхъ повѣсили. Свириденко и Брантнеръ стрѣляли во время ареста, и оба передъ судомъ въ этомъ сознались. На вопросъ предсѣдателя суда, признаютъ ли они себя виновными, Свириденко отвѣтилъ, что хотя онъ стрѣлялъ, но полагаетъ, что имѣлъ на это нравственное право, а потому не считаетъ себя виновнымъ. Помню, прокуроръ Стрѣльниковъ, выслушавъ это заявленіе, только пожалъ плечами и, обращаясь къ судьямъ, прошипѣлъ, какъ змѣя: „мнѣ нечего добавить къ этому...“ Да, къ этому, дѣйствительно, нечего было добавить. Участь Свириденко и Брантнера была рѣшена. Но относительно Валеріана Осинскаго я все еще сомнѣвался. Мнѣ представлялось, что его подведутъ подъ висѣлицу и за тѣмъ помилуютъ, такъ какъ противъ него собственно фактическихъ уликъ не было. Его обвиняли тоже въ вооруженномъ сопротивленіи при

арестъ и за это подводили къ смертной казни. Но то была слишкомъ очевидная натяжка со стороны прокурора. Осинскій, остановленный на улицѣ переодѣтыми жандармами, поведенъ былъ въ полицейскій участокъ; здѣсь, въ ту минуту, когда Судейкинъ собирался его обыскать, онъ сталъ вытаскивать изъ кабура револьверъ; его схватили за руки, обезоружили, и тѣмъ дѣло кончилось. Онъ не успѣлъ сдѣлать выстрѣла. Это было выяснено на судѣ. И вотъ, принимая это во вниманіе, мнѣ казалось, что онъ избѣгнетъ казни. Но я упустилъ въ ту минуту изъ вида самое главное, именно, „внутреннее убѣжденіе“, составленное у властей относительно Осинскаго. Они его считали чуть не председателемъ „Исполнительнаго Комитета“, хотя и не имѣли на это доказательствъ. Осинскій объявилъ на судѣ, что онъ былъ только агентомъ „Исполнительнаго Комитета“, а не членомъ и что, насколько ему было извѣстно, среди арестованныхъ не находилось даже ни одного члена „Исполнительнаго Комитета*) Стрѣльниковъ съ особенной ненавистью относился къ Осинскому и на судѣ, требуя для него смертной казни, дошелъ до того, что, обхвативъ пальцами свою шею, воскликнулъ: „Вотъ чего заслуживаетъ господинъ Осинскій!“ Злоба, которой кипѣлъ Стрѣльниковъ, была такъ велика, что не могла выразиться одними словами; ему понадобилось прибѣгнуть къ жестамъ. Онъ намѣкалъ на веревку.

Сидя у рѣшетки, я велушивался въ окружавшую тишину. А между тѣмъ на небѣ уже звѣзды мерцали; потянуло предразсвѣтнымъ холодомъ. Внизу, подъ окномъ прошла „смѣна“; послышалось бряцаніе ружей, голоса... Потомъ опять все стихло. Я слѣзъ съ подоконника

*) Любопытно то, что этотъ тонъ былъ удерживаемъ потомъ многими революціонерами. Такъ, Желябовъ заявилъ на судѣ, что онъ былъ только агентомъ „Испол. Комитета; Ал. Михайловъ тоже самое, присовокушивъ при этомъ, что „Исп. Комитетъ“ это „учрежденіе неуловимое, недосыгаемое“.

и прилесть на тюфякъ. Скоро я впалъ въ полузабытье, далеко, впрочемъ, не сонъ, такъ какъ все слышалъ. „Соня!...“ „Валеріанъ!...“ проносилось отъ времени до времени надъ обширнымъ, пустымъ, тюремнымъ дворомъ. Очнулся я отъ этого состоянія скоро и, увидѣвъ свѣтъ, всталъ и принялся ходить по камерѣ. Уголовные арестанты поднялись; съ ихъ камеръ доносился шумъ. Въ камерахъ нашего отдѣленія царствовало прежнее молчаніе. Прошло нѣкоторое время. Я позвалъ ключника и приказалъ отворить мою камеру. Выйдя въ карридоръ, я подошелъ къ двери Волошенко и заглянулъ черезъ дырку: онъ сидѣлъ на своемъ тюфякѣ съ опущенной головой; волосы на его головѣ были взерошены; онъ глядѣлъ въ полъ и поплеывалъ. Я ничего не сказалъ ему и удалился отъ двери. Къ приговореннымъ я не рѣшался заглядывать; какой-то необъяснимый страхъ удерживалъ меня отъ этого. Въ это время раздался шумъ двигавшагося конвоя. У входныхъ дверей я увидѣлъ кучу солдатъ и офицеровъ, спускавшихся по ступенькамъ въ нашъ корридоръ. Я догадался, зачѣмъ они явились. Тутъ были офицера пѣхотные и жандармскіе, нѣсколько полицейскихъ, нашъ тюремный смотритель. Сколько было ихъ всѣхъ, сказать не умѣю, но мнѣ показалось, очень много. Почти одновременно какъ-то приговоренные были выведены изъ своихъ камеръ; двери отворялись, и они выходили въ корридоръ одинъ за другимъ: Свириденко, Брантнеръ, Осинскій... Я сталъ съ ними прощаться. Брантнеръ, съ рукою на перевязи, улыбался и въ эту минуту; лицо его было совершенно свѣжее; Антоновъ былъ, по обыкновенію, блѣденъ; у Осинскаго губы, словно отъ лихорадки, соохлись, и онъ скусывалъ ихъ до крови. Не знаю, какъ мнѣ пришло въ голову въ ту минуту, но я потребовалъ ножницы. Кто-то изъ конвоя далъ мнѣ ножъ, такъ какъ ножницъ не оказалось. Тогда у всѣхъ троихъ я отрѣзалъ по клочку волосъ съ головы; у Осинскаго трудно оказалось отрѣзать, и онъ почти вырвалъ ихъ изъ своей головы. Конвойные молча окружали насъ, ожидая конца

прощанія. Послѣ этого я ушелъ въ камеру. Меня заперли. Я слышалъ, какъ вышелъ въ корридоръ Волошенко и тоже сталъ съ ними прощаться. Меня въ камерѣ стали душить рыданія.

14-го мая, въ 10 часовъ утра ихъ казнили. Вотъ какъ описана была эта казнь въ „Листкѣ Земли и Воли“. „Въ 9 часовъ ихъ повели въ контору тюрьмы и, по исполненіи какихъ то формальностей, посадили въ приготовленную для нихъ карету, окруженную отрядомъ козаконъ. Имъ было предложено посадить съ собою въ карету и священниковъ, но осужденные отказались. Приѣхавъ на мѣсто казни, они сами вышли изъ кареты, отказались отъ предложенія тюремныхъ сторожей вести ихъ за руки и подошли ближе къ висѣльцамъ. Здѣсь ихъ поставила рядомъ, спиной къ эшафоту. Адыютантъ 128 полка прочелъ приговоръ; одинъ изъ осужденныхъ просилъ позволенія проститься съ товарищами. Получивъ позволеніе, все трое обнялись и поцѣловались другъ съ другомъ. Одинъ изъ офицеровъ въ третій разъ предложилъ имъ принять священника, но осужденные снова отказались.

Палачъ сбросилъ съ нихъ арестантскіе халаты и надѣлъ саваны, связавъ предварительно имъ руки. Ему помогали полицейскіе солдаты. Въ эту минуту прискакалъ адыютантъ Черткова и громко отъ имени генералъ-губернатора спросилъ: не желаютъ ли осужденные раскаяться и принять духовное утѣшеніе? Все трое отвѣтили отрицательно... Палачъ надѣлъ имъ капюшоны на головы, повернулъ лицомъ къ эшафоту и, подталкивая подъ локти, сталъ взводить на эшафотъ. Поставивъ Брантнера, Антонова и Осинскаго на скамьи, палачъ надѣлъ имъ петли на шею и выдернулъ изъ подъ каждая скамью. Первымъ повисъ Антоновъ — сразу. Вторымъ — Брантнеръ, застонавъ и метнувшись раза два. Третьимъ — Осинскій, на котораго петля была надѣта такъ, что при паденіи скамьи, голова склонилась въ сторону и веревка пришлась не на замычекъ, а около уха. Онъ сталъ метаться и судорожно биться ногами... Полковникъ Но-

вицкій, бесѣдовавшій съ напиравшей на солдатъ толпою и силлившейся доказать ей, что вѣшаютъ разбойниковъ и убійцъ, обратился къ палачу: „Что ты сдѣлалъ? Вѣдь онъ мечется?“ — „Ничегось — это сейчасъ кончится“, отвѣтилъ палачъ. — „Но вѣдь онъ живъ?“ — „Не беспокойтесь! Это ужъ мое дѣло... Будетъ мертвъ! Не беспокойтесь“. Новицкій, очевидно, успокоенный тѣмъ, что хотя и въ страшныхъ мученіяхъ, но все таки Осинскій умретъ, продолжалъ краснорѣчиво лгать передъ толпою, объясняя ей, между прочимъ, мученія Валеріана тѣмъ, что онъ отказался принять священника.

Черезъ полъ часа палачъ перерѣзалъ веревки и трупы рухнули на землю. Сняли кашюшоны. Лица были багровыя, съ высунутыми языками. Ихъ осмотрѣлъ врачъ.“ Велѣдъ затѣмъ ихъ тамъ же закопали.

Послѣ казни отданъ былъ приказъ возвращаться войскамъ съ музыкой, и часу въ одиннадцатомъ дня нашъ слухъ былъ пораженъ оркестромъ солдатскихъ трубъ, игравшихъ захватскій военный маршъ. Какое презрѣніе возбудилъ во мнѣ, да, вѣроятно, и у всякаго, у кого только сохранилась капля совѣсти, этотъ неумѣстный парадъ! Собраться въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ для убійства троихъ, — хотя бы даже и враговъ — неужели это достаточный поводъ для выраженія такого военнаго азарта? И чѣмъ тогда отличались эти господа отъ дикарей Полинезій? Имъ недоставало только поджарить своего врага и съѣсть.

Утромъ того же дня, т. е. 14-го мая (еще передъ казнью), увезены были изъ тюрьмы на желѣзную дорогу приговоренныя женщины: Армфельдъ, Ковалевская, Лешернъ, Сарановичъ и Потылицына. А спустя нѣкоторое время (недѣли двѣ, однако, прошло), отправили и остальныхъ насъ на каторгу.

ВОСПОМИНАНІЯ

ВЛ. ДЕБОГОРІЯ-МОКРІЄВІЧА

Выпускъ Третій

PARIS

IMPRIMERIE JEAN ALLEMANE

51, rue Saint-Sauveur, 51

—
1898

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Съ выходомъ 3-го выпуска, я считаю свои „Воспоминанія“ оконченными. Рассказывать дальше — о моей заграничной жизни — не намѣренъ, покрайней мѣрѣ, въ настоящую минуту. Миѣ хотѣлось разсказать только о томъ времени, когда я жилъ на родинѣ и самъ вѣрилъ во что-то.

Не придавая первенствующаго значенія въ нашемъ движеніи литературѣ — ни легальной, ни тѣмъ менѣе еще нелегальной, — а другимъ болѣе глубокимъ жизненнымъ факторамъ, я поэтому вообще мало говорю о ней. Миѣ кажется, что она все время сама шла за движеніемъ и даже едва только поспѣвала за нимъ.

На сколько могъ, я старался разсказать о томъ, какъ произошелъ переходъ нашего движенія изъ одной фазы въ другую, хотя разсказъ мой, конечно, даетъ только блѣдное представленіе того, что совершалось. Но если мои „Воспоминанія“ и даютъ (если только, конечно, даютъ) хотя блѣдное представленіе того, какъ движеніе наше развивалось, то ужъ совершенно ничего не даютъ о томъ, какъ оно началось. Начинаю же я свои „Воспоминанія“ съ того момента, когда наше поколѣніе уже

находилось въ восторженномъ, приподнятомъ состояніи, которое собственно дало толчекъ всему. Чтобы поговорить о причинахъ этого восторженнаго состоянія, я долженъ былъ бы начать съ болѣе ранняго періода свои „Воспоминанія“, именно съ начала 60-хъ годовъ, такъ какъ, на мой взглядъ, освобожденіе крестьянъ и послѣдовавшія за нимъ крестьянскія движенія явились главной причиной всего. Тогда именно протекало дѣтство поколѣнія людей, ставшихъ потомъ революціонерами, и первыя дѣтскія впечатлѣнія легли основаніемъ всего послѣдующаго. Но въ такомъ случаѣ объемъ моихъ „Воспоминаній“ сильно расширился бы, а онѣ и безъ того вышли объемисты.

7 Января 1899 года.
Женева.

В. Дебогорій-Мокріевичъ.

XXI

ПОСЛѢ КАЗНИ. — МЕЧТЫ О ВОЛѢ. ПОСЛѢДНИЕ ДНИ ПРЕБЫВАНІЯ ВЪ КІЕВСКОЙ ТЮРЬМѢ. — ОТПРАВЛЕНІЕ ВЪ ССЫЛКУ.

Прійдя въ тюрьмѣ въ непосредственное столкновеніе съ нашими врагами, какъ мы ихъ называли, т. е. съ нашими чиновниками, я скоро почувствовалъ, что мои представленія о нихъ не совсѣмъ оказались вѣрны. Враги выходили на повѣркѣ не такими, какими я ихъ себѣ рисовалъ раньше. Военные судьи были блѣдны въ ту минуту, какъ выносили смертный приговоръ; глаза у нихъ были опущены въ землю, точно имъ стыдно было или они не смѣли смотрѣть въ глаза публикѣ. Особенно казался взволнованнымъ предсѣдатель суда, генераль Слущій, читавшій приговоръ. Офицера, присутствовавшіе на казни, или точнѣе выражаясь, участвовавшіе въ казни (такъ какъ безъ войскъ казней не совершалось), потомъ дѣлились съ нами, заключенными, своими впечатлѣніями и, помню, рѣшительно все возмущались казнью. Даже смотритель тюрьмы, повидимому совершенно огрубѣвшій человекъ, проводившій по долгу службы приговоренныхъ отъ тюрьмы до эшафота, и тотъ,

зайдя какъ-то ко мнѣ въ камеру, воскликнулъ: „Ну, видѣлъ же я всю процессію!... Проводилъ на смерть!... Не дай богъ другой разъ это видѣть!...“ Кромѣ Судейкина и Стрѣльникова, отвѣчавшимъ вполне моему представленію о врагѣ, ни о комъ другомъ изъ окружавшихъ насъ чиновниковъ ничего выдающагося дурного пельзя было сказать. А большинство изъ нихъ были даже добродушные люди.

И тѣмъ не менѣе эти люди, въ душѣ далеко не злодѣи, совершили гнусное злодѣяніе, повѣсили другихъ людей. Кто-то изъ служащихъ, помню, сообщилъ намъ тогда, будто тотъ залихватскій маршъ, который насъ, заключенныхъ, такъ глубоко возмутилъ, приказалъ играть послѣ казни полицеймейстеръ Гюббенетъ. Но и это косноязычее существо съ воинственной осанкой было скорѣе глупое, чѣмъ злое. Блѣднѣя, надо полагать, отдавалъ онъ этотъ свой приказъ, неизвѣстно кѣмъ ему продиктованный (возможно даже и его собственной глупостью), и едвали онъ отдавалъ въ ту минуту ясный отчетъ себѣ въ своемъ поступкѣ.

Да, наши враги казнили насъ совершенно безъ гнѣва и даже безъ желанія, а просто исполняя приказаніе начальства. Но на злобнаго человѣка, въ родѣ Стрѣльникова, можно было хоть сердиться: это былъ хоть настоящій врагъ. Но что можно было сказать о человѣкѣ, совершавшемъ преступленіе съ грустью, болѣе того — съ нѣкоторымъ сочувствіемъ къ жертвѣ? Что можно сказать о мясникѣ, рѣжущемъ быка и этимъ способомъ зарабатывающемъ пропитаніе? „Вѣдь мы служимъ! Должны же мы исполнять предписанія начальства? У насъ есть жены и дѣти, — ихъ надо кормить.“ Такими соображеніями, очевидно, руководствовались и оправдывались передъ своей совѣстью и судьей, и офицерами, участвовавшими въ казни, какъ оправдывался тѣми же соображеніями и нашъ тюремный смотритель. И рѣзали эти господа ради своего пропитанія не быковъ, а людей. Правда, это напоминало уже скорѣе ремесло разбойника, чѣмъ мясника. Да даже и съ разбойничьимъ ре-

месломъ нельзя было этого сравнивать; разбойникъ нападаетъ на свою жертву невзначай, ночью и при этомъ самъ рискуетъ жизнью. Здѣсь же и при ку никакого не было, — для этого собралось ихъ нѣсколько тысячъ чело-вѣкъ, и все совершалось открыто при дневномъ свѣ-тѣ, словно во всемъ томъ, что совершалось, не было ничего преступнаго. Повторяю, эти мясники или добродушные злодѣи, какъ хотите, ихъ назовите, вовсе не представляли собою какихъ либо исключительныхъ людей. Несколько! То были, очевидно, наши средніе россияне, составлявшіе наше общество, можетъ быть, даже наше большинство. Вотъ кто такіе оказывались наши враги. Мрачная картина получалась въ конечномъ выводѣ!...

Я уже говорилъ какъ-то раньше, что до моего ареста мнѣ пришлось жить нелегальнымъ около шести лѣтъ (отъ 73-го до 79-го года). Само собою разумѣется, что укрывательство въ теченіи такого долгаго періода времени должно было отразиться на моихъ привычкахъ и развить у меня извѣстныя потребности и вкусы. Мнѣ стала нравиться эта безпокойная жизнь. Я любилъ „за-метать слѣды“, испытывая совершенно особое наслажде-ніе при томъ, когда удавалось хитро какъ нибудь одурачить врага, преслѣдующаго меня. Въ теченіи ше-сти лѣтъ мнѣ приходилось скрываться и бѣгать, и нѣтъ ничего удивительнаго, что, попавши въ тюрьму, я сталъ сразу думать тоже о томъ, какъ бы бѣжать.

Но насъ стерегли зорко на первыхъ порахъ; да и все то наше пребываніе въ кievской тюрьмѣ оказалось непродолжительнымъ. Событія быстро слѣдовали одно за другимъ. Выстрѣлъ Соловьева вызвалъ военное поло-женіе; по нашему дѣлу слѣдствіе велось скоро; насту-пилъ судъ, затѣмъ — казнь... Тутъ не было времени со-зрѣть серьезному плану побѣга. Да трудно было ему и родиться при тѣхъ обстоятельствахъ. Оставалось огра-ничиваться только желаніями, да еще пожалуй мечтаніями, принимавшими, по временамъ у меня по крайней мѣрѣ, са-мый фантастическій характеръ. Сидишь, бывало, у окна,

смотришь въ небо и жадно слѣдишь взоромъ, какъ пролетаетъ гдѣ нибудь высоко надъ тюрьмою голубь или ворона. Глядишь, заглядишься, размечтаешься... Вотъ если бы самому такъ же улѣтѣть!... Сидишь, точно въ какомъ то полуснѣ. И вотъ, летишь уже это ты, а не голубь, летишь безъ оглядки... Часовые снизу стрѣляютъ въ тебя... И жутко и хорошо вмѣстѣ! Или же вдругъ, незамѣтно для самого себя примешься фантазировать на тему „шанки невидимки“, или чего нибудь въ такомъ родѣ. Вотъ ты проскользываешь мимо ключника изъ камеры въ корридоръ, а изъ корридора во дворъ и дальше. И такъ образно все это представляешь себѣ въ эту минуту, испытываешь такое острое чувство — будто все это и на самомъ дѣлѣ совершается съ тобой, а не одна твоя болѣзненная фантазія.

Нужно сказать, что камеры наши окнами выходили въ тюремный дворъ, и трудно было придумать что либо для побѣга. Помню, впрочемъ, въ самое первое время созданъ было у насъ слѣдующій планъ: вылѣзть на чердакъ, проломивши потолки въ камерахъ; оттуда по большой вентиляціонной трубѣ спуститься въ самый низъ зданія, въ подвалъ, откуда уже по какимъ то подземнымъ каналамъ (изъ отхожихъ мѣстъ, что ли, проведены были эти каналы) можно было выбраться, какъ утверждали знающіе люди, за тюрьму. Съ этимъ планомъ носились много Осинскій и Избицкій. Избицкій, какъ старожилъ тюрьмы (онъ былъ арестованъ значительно раньше насъ и въ 78-мъ году сдѣлалъ даже попытку къ бѣгству изъ кievской тюрьмы вмѣстѣ съ Беверлеемъ, во время которой Беверлей былъ застрѣлянъ часовымъ), Избицкій хорошо изучилъ постройку кievскаго тюремнаго замка, планъ котораго, помню, какъ то рисовалъ мнѣ. Но затѣя эта была черезчуръ сложной уже потому, что предполагалось бѣжать не одному или двумъ, а нѣсколькимъ челоуѣкамъ за разъ; между тѣмъ многіе изъ насъ помѣщались въ нижнемъ этажѣ, и слѣдовательно приходилось дѣлать проломъ послѣдовательно въ трехъ этажахъ.

Трудно было придумать что либо для побѣга, и мало по малу среди насъ совсѣмъ затихли разговоры о побѣгѣ. Пришлось готовиться къ другому: обвинительный актъ былъ составленъ, — приближался судъ. „Намъ осталось одно — умереть съ достоинствомъ“, замѣчалъ, бывало, Брантнеръ, когда я пробовалъ поднимать съ нимъ бесѣду о побѣгѣ.

Но моя фантазія не унималась. Помню, долго еще занималъ мою голову планъ побѣга черезъ окно отхожаго мѣста. Окна отхожихъ мѣстъ и корридора, тянувшася вдоль нашихъ камеръ, были обращены къ полю. Правда, отъ поля отдѣляла насъ еще высокая тюремная стѣна. Но разстояніе между этой стѣной и зданіемъ было незначительно. Пробравшись ночью въ отхожее мѣсто (что еще, пожалуй, возможно было осуществить), отсюда изъ окна пришлось бы спускаться черезъ стѣну въ поле не иначе, какъ по веревкѣ, которую тамъ долженъ былъ кто либо укрѣпить. Планъ оказывался тоже сложный и требовалъ внѣшней помощи, не говоря уже о главномъ препятствіи, именно о томъ часовомъ, который, какъ кажется, ходилъ со стороны поля. Но жажда воли была такъ велика у меня въ ту минуту, что не смотря на всю видимую несбыточность этого проэкта, я долго его лелѣялъ въ своей головѣ.

Послѣ казней въ кievской тюрьмѣ мы пробыли не долго. Мы не знали, куда насъ сошлютъ; а такъ какъ раньше политическихъ каторжанъ отправляли обыкновенно въ централки Харьковской губ., то мы предполагали, что и насъ ожидаетъ та же участь.

Для себя лично я ничего страшнѣе одиночки не могъ представить. Одиночка рисовалась моему уму просто такъ гробомъ, если, можетъ быть, и нѣсколько просторнымъ для того, чтобы въ немъ задохнуться, то вполнѣ достаточнымъ, чтобы свести съ ума. И потому, когда прошелъ слухъ о томъ, что насъ отправляютъ на островъ Сахалинъ, а не въ харьковскія централки, то я искренно обрадовался этому. Въ общихъ чертахъ я былъ знакомъ съ положеніемъ ссыльно-каторжныхъ въ Сиби-

ри. Мнѣ было извѣстно, что тамошнія тюрьмы были менѣ благоустроены и не могли конкурировать съ усовершенствованными тюрьмами Европейской Россіи; что заключенныхъ стерегли тамъ не столько люди и тюрьмы, сколько окружающая дикая природа, — и я надѣялся бѣжать. Этой первобытной сибирской природы я меньше всего пугался; болѣе того, она меня къ себѣ манила. Я не поколебался бы, кажется, пуститься въ странствія по лѣсамъ или уплыть на плоту по теченію рѣки, какъ это дѣлають бродяги. Я ощущалъ въ себѣ присутствіе силъ для этого, такъ какъ былъ достаточно выносливъ къ физическимъ лишеніямъ; но было во всемъ этомъ и большая доза идеализаціи и ошибочнаго представленія: сибирская тайга рисовалась моему воображенію иначе, чѣмъ она была на самомъ дѣлѣ; и трудности, и препятствія, какія она могла и въ дѣйствительности должна была представить бѣглецу, хотя и приходили мнѣ на умъ, но совершенно сглаживались и исчезали на томъ общемъ фонѣ романтическаго характера, въ который окутывала ее моя тюремная фантазія. Именно „романтическаго“, я другого слова и подобрать не могу для опредѣленія того остраго до боли чувства, которое вызывалось во мнѣ всякій разъ, когда я, сидя въ тюрьмѣ, принимался, бывало, мечтать о дикомъ лѣсѣ; съ нимъ неразрывно связано было у меня представленіе и о свободѣ. И какъ заманчивы, и какъ мучительны вмѣстѣ съ тѣмъ были эти мечты! Трудно даже охарактеризовать ихъ; но они близко походили на чувство влюбленности; точно я мечталъ не о лѣсѣ, а о какомъ нибудь любимомъ человѣкѣ, съ которымъ находился въ разлукѣ.

Путешествіе въ Сибирь, хотя бы по этапу, вполне отвѣчало моему тогдашнему настроенію. Однако точныхъ свѣдѣній о мѣстѣ ссылки мы все еще не имѣли. Слухи объ отправкѣ на островъ Сахалинъ, распространившіеся было вначалѣ, скоро затихли. Власти держали свое рѣшеніе въ секретѣ до послѣдней минуты.

Какъ бы тамъ ни было, но мы принялись готовить-

ся къ далекому путешествію. Думая о бѣгствѣ съ дороги, я сталъ хлопотать о пріобрѣтеніи нѣкоторыхъ вещей и прежде всего сапогъ: арестантскіе коты могли сильно мѣшать при побѣгѣ. Между тѣмъ мы, лишеныя всѣхъ правъ, согласно инструкціи, не могли имѣть собственной одежды; вся она должна была быть казенная, положенная по уставу. Поэтому только съ помощью докторскаго свидѣтельства я получилъ право носить высокіе сапоги и, понятно, тотчасъ этимъ правомъ воспользовался. Другихъ вещей мнѣ тогда не удалось завести и только уже потомъ, въ дорогѣ, я пріобрѣлъ еще одну цвѣтную рубашку и пару штановъ изъ сѣрой дѣтней матеріи. Второй предметъ, или, вѣрнѣе, первый и самый необходимый для побѣга, — были, само собою разумѣется, деньги. Постоянные обыски, которымъ насъ подвергали, заставили насъ серьезно позаботиться о томъ, куда ихъ прятать. Занавать ихъ въ нашу арестантскую одежду не имѣло смысла, такъ какъ эту одежду могли внезапно переменить, что на самомъ дѣлѣ и сдѣлалъ въ моментъ нашей отправки. Поэтому мы запаслись маленькими костаными цилиндриками, которые и прятали внутрь собственнаго тѣла. Эти полые цилиндрики или, какъ мы ихъ называли, „суслики“ сослужили намъ неоцѣнимую услугу: съ помощью ихъ намъ удалось провести въ Сибирь нѣкоторое количество денегъ и небольшія ничелки, складныя, особенной системы, которыя, какъ мы надѣялись, могли оказаться нужными для выпливанія желѣзныхъ рѣшетокъ.

Наканунѣ отправки, помню, вызвали меня въ тюремную контору на свиданіе съ братомъ Иваномъ, пришедшимъ проститься со мною, такъ какъ „на волѣ“ кто-то изъ жандармовъ сообщилъ ему о нашей скорой отправкѣ. Тюремный смотритель, выходившій обыкновенно въ сосѣднюю комнату во время нашихъ свиданій (чтобы не стѣснять своимъ присутствіемъ) и въ этотъ разъ оставилъ насъ однихъ, и Иванъ, пользуясь случаемъ, передалъ мнѣ сторублевую ассигнацію. Помню, когда я ее бралъ у него, я бросилъ взглядъ въ открытую дверь,

и мои глаза встрѣтились съ глазами смотрителя, стоявшаго въ глубинѣ второй комнаты и слѣдившаго оттуда за нами. Онъ тотчасъ отворотился къ окну; то была хитрость съ его стороны, чтобы потомъ легче было ему меня накрыть. Нѣкоторое время я даже колебался, думая возвратить деньги Ивану, но затѣмъ рѣшился рискнуть и оставилъ ихъ у себя. Когда Иванъ ушелъ, смотритель позвалъ конвойнаго и, подойдя ко мнѣ, замѣтилъ: „Ну, раньше чѣмъ васъ отведутъ въ камеру, я долженъ васъ обыскать“.

— „Сдѣлайте одолженіе!“ отвѣтилъ, я стараясь быть по возможности развязнѣе, и, запахнувъ лѣвую полу своего халата на правую, я вдругъ поднялъ обѣ руки вверхъ и разставилъ ихъ въ стороны, отдаваясь, такимъ образомъ, всецѣло въ распоряженіе смотрителя. Я видѣлъ, что онъ не сомнѣвался въ томъ, что я спряталъ деньги. На мнѣ были надѣты полотняные штаны и рубаха, а сверху арестантскій халатъ. Обыскать было всеѣмъ не трудно; и вотъ смотритель, согнувшись возлѣ меня, принялся пальцами шарить по всеѣмъ швамъ моей одежды. Онъ обыскалъ всюду; онъ ощупалъ сверху до низу халатъ; лазилъ подъ рубаху, къ груди и поясу, подъ мышки, въ рукава... Осмотрѣлъ штаны и даже коты я ему сбрасывалъ... Денегъ нигдѣ не было. „Гм..“ бормоталъ онъ про себя. Наконецъ, выпрямился передо мною во весь ростъ (это былъ огромнѣйшаго роста мущина; мы его называли гипопотамомъ) и лукаво посмотрѣлъ мнѣ въ глаза.

— „А что вамъ показалось?“ спросилъ я его.

— „Гм... Ничего... Идите въ камеру,“ отвѣтилъ онъ.

Я вышелъ изъ канторы въ сопровожденіи конвойнаго въ самомъ торжествующемъ настроеніи духа. Деньги были спасены. Въ ту минуту, какъ смотритель всюду ихъ искалъ, и въ халатѣ, и въ бѣльѣ, я держалъ туго-свернутую ассигнацію просто на просто въ рукѣ, придерживая ее ладонью такъ, что пальцы оставались свободны. Ощупать ладонь моей правой руки ему не пришло въ голову.

На слѣдующій день насъ, девять человѣкъ, вызвали въ тюремную контору; насъ отправляли въ ссылку. Прежде всего перемѣнили намъ одежду. Каждому изъ насъ было выдано: по двѣ рубахи и по двѣ пары штановъ, изъ очень грубаго, невыбѣленнаго полотна; по двѣ пары портянокъ, коты, шапка изъ сѣраго сукна безъ козырка, сшитая на манеръ блина, и халатъ изъ такого же сукна съ двумя желтыми заплатами на спинѣ, „бубновыми тузами“, какъ называли ихъ арестанты, такъ какъ форма этихъ заплатъ походила на бубновую масть. Ссылно-каторжнымъ полагается носить на спинѣ по два такихъ туза; поселенцамъ — только по одному. У меня сверхъ казенныхъ вещей были еще мои высокіе сапоги, и по совершенно непонятной случайности, уцѣлѣлъ также кожаный поясъ, что никакъ не согласовалось съ тюремной инструкціей, запрещающей арестанту носить поясъ (штаны держались на очкурѣ). Не могу удержаться, чтобы не забѣжать нѣсколько впередъ и не передать здѣсь въ нѣсколькихъ словахъ исторію этого пояса. Поясъ этотъ съ мѣдной пряжкой я купилъ копѣекъ за 15 у одного арестанта. Пронесши его черезъ все тюрьмы и этапы, я бѣжалъ съ нимъ изъ Сибири. Мнѣ приходилось за это время нѣсколько разъ мѣнять одежду, всю съ головы до ногъ. Наконецъ, въ 1881 году я эмигрировалъ за границу. Помню, выходя изъ вагона желѣзной дороги уже въ Цюрихѣ, я услышалъ сзади себя окликъ, обернулся и увидѣлъ швейцарца, указывавшаго мнѣ на какую-то вещь, валявшуюся на полу вагона. Это былъ мой поясъ, выпавшій случайно изъ моихъ вещей въ ту минуту, когда я выходилъ изъ вагона. Я поднялъ его и тутъ только въ первый разъ далъ себѣ отчетъ и припомнилъ, что это была единственная вещь, уцѣлѣвшая у меня отъ того момента, когда я сидѣлъ еще подъ слѣдствіемъ въ кievской тюрьмѣ, прошедшая со мною всюду и очутившаяся въ концѣ концовъ со мною за границей. Съ этого момента поясъ этотъ сдѣлался мнѣ дорогъ и я его сохраняю, какъ память, до настоящаго времени.

И такъ, выдали намъ одежду. Сверхъ того дали на всякаго по одному мѣнику, куда мы уложили наши багачъ, и по большому куску ржаного хлѣба. Что означалъ этотъ послѣдній подарокъ — трудно было догадаться, такъ какъ на наше продовольствіе въ дорогѣ жандармамъ, сопровождавшимъ насъ, отпущено было столько денегъ, что мы не могли нуждаться въ кускѣ чернаго хлѣба. Тюремный обычай, а, можетъ быть, и постановленіе, давать хлѣбъ арестантамъ при отпразкѣ въ дорогу, смотритель не только не нарушилъ по отношенію къ намъ, политическимъ, но даже совершилъ это съ какой-то особенной торжественностью. Этотъ грубый хлѣбъ съ кусками запеченной соломы внутри, такъ сказать, настоящій національный хлѣбъ, долженъ былъ, вѣроятно, служить для насъ эмблемой чего-то русскаго, народнаго, — можетъ быть, гостепріимства, а, можетъ быть, даже и православія — ужъ право не знаю! Несомнѣнно только то, что бѣлая нѣмецкая булка никоимъ образомъ не могла того выразить. Двоихъ изъ насъ, какъ лицъ непривилегированнаго званія, тутъ же заковали въ кандалы и, низко остригши одну половину головы, другую чисто на чисто обрили, обезобразивъ этимъ на столько, что трудно было ихъ узнать. Наконецъ, все было окончено, готово. Тогда смотритель, ключникъ и корридорные пожелали намъ счастливаго пути и мы въ сопровожденіи конвойныхъ направились къ выходнымъ воротамъ.

За тюремной оградой, на улицѣ, мы увидѣли знакомую уже намъ карету, ту самую, въ которой насъ возили въ судъ, а потомъ приговоренныхъ къ смерти отвезли на мѣсто казни. Карета была окружена отрядомъ козаковъ. У отпертой дверцы кареты стоялъ Гюббенетъ, мимо котораго мы проходили одинъ за другимъ, поднимались по ступенькамъ и усаживались внутри кареты на мягкихъ боковыхъ сидѣніяхъ.

— „Куда насъ отправляютъ?“ спросилъ одинъ изъ насъ.

— „Въ Восточную Сибирь“, прокосноязычилъ Гюбенеть.

Это было въ первый разъ, когда намъ, наконецъ, назвали громко мѣсто нашей ссылки.

Въ ту минуту я себя почувствовалъ рѣшительно счастливымъ. Восточная Сибирь была, конечно, очень велика, и въ ней было не мало дурныхъ мѣстностей, но харьковскіе централки все таки оставались позади.

Дверца захлопнулась, и наша карета съ гуломъ покатила по дорогѣ. Глядя въ окна, мы скоро замѣтили, что везли насъ совсѣмъ не къ вокзалу, а въ какомъ то другомъ направленіи. Недоумѣніе наше разсѣялось лишь тогда, когда карета остановилась, и мы, выйдя изъ нея, увидѣли товарный полустанокъ, находящійся за Кіевомъ по кіево-курской желѣзной дорогѣ. Здѣсь мы увидѣли человѣкъ пятнадцать жандармовъ и во главѣ ихъ нашего стараго знакома Судейкина. На линіи возлѣ станціи стоялъ одинъ вагонъ, куда насъ и пригласили зайти. Мы вошли. Это былъ вагонъ третьяго класса съ окнами, въ которыхъ вѣдланы были желѣзныя рѣшетки. Въ концѣ вагона находилось небольшое отдѣльное помѣщеніе, предназначенное для конвойнаго начальника. Мы вошли; за нами вошли жандармы, одѣтые по дорожному, съ револьверами въ кожаныхъ кабурахъ и разстѣлись между нами по скамьямъ. Судейкинъ вошелъ въ вагонъ послѣдній. Онъ былъ въ бѣломъ кителѣ, такъ какъ дѣло происходило въ концѣ мая, и время стояло теплое, и тоже съ револьверомъ, который висѣлъ на черномъ ремнѣ, перепоясывавшемъ его китель. Онъ окинулъ всѣхъ взглядомъ, и на его откормленномъ лицѣ заиграла самодовольная улыбка.

— „Надѣюсь, что насъ пятнадцать человѣкъ стоятъ роты козаковъ“, проговорилъ онъ торжествующе, обращаясь къ своимъ жандармамъ и видимо желая передъ нами порисоваться.

Жандармы, осклабясь, переглянулись между собою. Мы сидѣли, молча, чувствуя, что праздникъ былъ на ихъ лицѣ.

Наконецъ, подъѣхалъ поѣздъ; нашъ вагонъ былъ прицѣпленъ, и мы двинулись въ путь.

XXII.

МЦЕНСКАЯ ТЮРЬМА.

Въ дорогѣ, на вокзалахъ, когда поѣздъ останавливался, жандармы доставляли намъ ѣду изъ буфетовъ въ вагонъ, и при этомъ ихъ любезность доходила до того, что они совѣтовали намъ не стѣсняться и требовать всего, чего намъ хочется, кромѣ, впрочемъ спиртныхъ напитковъ, запрещенныхъ инструкціей. Мы ѣли, понятно, безъ стѣсненія. Повидимому въ рукахъ Судейкина имѣлась для нашего продовольствія изрядная сумма, иначе, конечно, онъ не былъ бы такъ щедръ.

Большую часть времени Судейкинъ сидѣлъ въ своемъ отдѣленіи; но иногда выходилъ къ намъ и пытался вступать въ разговоры, которые принимали временами необыкновенно странный характеръ. Нескрываемое враждебное отношеніе къ нему прорывалось у нѣкоторыхъ изъ товарищей въ самой грубой формѣ. Такъ, иногда онъ обращался къ кому нибудь съ вопросомъ и получалъ въ отвѣтъ молчаливую презрительную гримасу, или же просто отворачивались отъ него. Но Судейкина не легко было смутить. Неоднократно онъ возвращался къ разсужденіямъ о причинахъ, породившихъ нашъ революціонный терроръ, и высказывалъ мнѣніе, что правительство ошибочно поступало раньше, часто арестуя мало-виновныхъ лицъ, которыхъ приходилось потомъ выпускать; что этимъ только дразнили людей; что теперь уже не повторится ошибка, которая сдѣлана была хотя бы въ, такъ называемомъ, большомъ процессѣ, когда арестованныхъ была цѣлая масса, а потомъ привлечь къ суду оказалось возможнымъ всего двѣсти человѣкъ, а остальныхъ пришлось выпустить. „Теперь разъ кого

мы арестуемъ“, говорилъ онъ, торжествующе оглядывая насъ, „мы имѣемъ въ рукахъ достаточныя улики противъ него, — и выпускать не приходится“. Наконецъ, заговорилъ онъ какъ-то о побѣгѣ Стефановича. И въ этотъ разъ опять, какъ и раньше, бесѣдуя со мною, пустился въ необыкновенныя похвалы. „Вотъ замѣчательное дѣло!... Вотъ артистически обдѣланное дѣло!..“ говорилъ онъ.

— „Да, дѣло хорошее“, замѣтилъ ему одинъ изъ товарищей.

— „Но особенно меня интересуется ключникъ!... Я очень, очень хотѣлъ бы съ нимъ познакомиться!“ воскликнулъ Судейкинъ.

— „А знаете ли, на сколько мнѣ извѣстно, и ключникъ не прочь познакомиться съ вами!“ отвѣтилъ тотъ, злобно глядя ему въ лицо.

Слова эти произвели свое дѣйствіе. Почувствовавъ въ нихъ намекъ на участь своего несчастнаго предшественника, Гейкинга, Судейкинъ сразу замолкъ и отъ его развязности не осталось и слѣда.

Судейкинъ хотѣлъ выразить ту мысль, что онъ интересуется ключникомъ, проявившимъ такую удивительную выдержку и ловкость въ дѣлѣ, просто какъ артистъ подобнаго рода дѣлъ, а вовсе не какъ жандармъ или сыщикъ, стремящійся изловить. Онъ далеко былъ отъ этого; онъ хотѣлъ только просто познакомиться съ нимъ, вотъ какъ знакомятся вообще порядочные люди между собою. И вдругъ, такой афронтъ! Онъ молча удался въ свое помѣщеніе и долго оттуда не показывался.

На другой день нашего путешествія, на одной изъ станцій мы неожиданно замѣтили, что вагонъ нашъ отцѣпили, и поѣздъ ушелъ, оставивъ насъ однихъ на мѣстѣ. Понятно, мы заволновались; навели справки, что за станція; оказался Мценскъ. О Мценскѣ мы ничего не слыхали раньше, кромѣ развѣ того, что знали изъ географіи, что это былъ уѣздный городъ Орловской губерніи. Зачѣмъ насъ остановили здѣсь? Что мы будемъ дѣлать или, вѣрнѣе, что будутъ съ

нами здѣсь дѣлать? На вокзалѣ мы ожидали не долго. Повидимому еще съ дорогителеграфироваль и къ Судейкинѣ нашему прїѣзду здѣсь все уже было приготовлено. У вокзала стояло девять извозничьихъ дрожекъ, на которыхъ мы тотчасъ разсѣлись съ конвоировавшими насъ жандармами (по одному жандарму на человѣка), и наша процессія двинулась. Судейкинъ прѣхаль впередъ.

Однокопные дрожки бѣжали одни за другой, растянувшись далеко въ линію по прямой дорогѣ, ведущей съ вокзала въ городъ. Я ѣхаль сзади и видѣль слѣдовавшія въ извѣстномъ разстояніи одна за другой сѣрыя спины моихъ товарищей, съ ярко-желтыми бубновыми тузами, и полу-повороченныхъ жандармовъ, придерживавшихъ одной рукой свои шашки и другой слегка обхватывавшихъ сзади конвоируемыхъ. Картина получалась почти что трогательная, и если бы не костюмы, выдававшіе все, то прохожіе могли бы принять эти пары за нѣжныхъ друзей, возвращавшихся откуда нибудь съ веселой прогулки.

Мой жандармъ сидѣль въ такой же позѣ возлѣ меня съ лѣвой стороны, и такъ какъ дрожки были недостаточно широки для двухъ, то поза эта — въ полъ-оборотъ — являлась даже неизбѣжной. Онъ поддерживалъ меня рукою на ухабахъ, когда дрожки подсакивали, чтобы я изъ нихъ не вывалился. Я видѣль, что моя жизнь была имъ нужна. Я имѣль цѣну въ ихъ глазахъ. Меня берегли. Меня кормили, когда я былъ голоденъ; одѣвали — когда мнѣ было холодно; стерегли, чтобы я не упалъ съ дрожекъ и не сломалъ себѣ ноги.

Но вотъ, мы доѣхали до города; прѣхали городскими улицами и выбрались опять за городъ... Тутъ мы увидѣли тюрьму.

Наши экипажи остановились возлѣ тюрьмы; конвойные пригласили насъ сойти съ дрожекъ и повели насъ къ воротамъ, продѣланнымъ въ высокой оградѣ. Мы вошли во дворъ, и передъ нашими глазами вытянулось зданіе съ двумя рядами рѣшетчатыхъ оконъ (если не измѣняетъ память, тюрьма была двухэтажная), видимо

заново выбьенное. Глубокая тишина царила въ зданіи и въ совершенно пустомъ дворѣ, обнесенномъ кругомъ высокой стѣной, тоже выбьенной. Стукъ нашихъ шаговъ объ каменныя плиты, которыми вымощена была часть двора, гулко отдавался отъ всѣхъ этихъ молчаливыхъ стѣнъ, и, помню, мнѣ сразу сдѣлалось какъ-то жутко. Послѣ киевской тюрьмы съ ея живымъ населеніемъ (чуть ли не семьсотъ арестантовъ содержалось тамъ во время нашего пребыванія), съ суетою и шумомъ раздававшимся на тюремномъ дворѣ, — тишина мценской тюрьмы неприятно подѣйствовала на мои нервы. Но, однако, — что это за тюрьма и зачѣмъ насъ сюда привезли?.. Тотчасъ зашевелились разные подозрѣнія. Родилась мысль, что, можетъ быть, придется долго-долго сидѣть въ этомъ заново выбьенномъ гробу... Въ самомъ дѣлѣ — отправятъ-ли насъ — какъ говорили — въ восточную Сибирь или же задержать здѣсь?.. Если задержать, то на какое время?.. Годъ—два будемъ ожидать, — или же все сполна четырнадцать лѣтъ и десять мѣсяцевъ отсидимъ здѣсь въ ожиданіи отправки?.. Кто отвѣтитъ намъ на эти вопросы, и откуда можно было все это узнать?..

Чтобы понять, какъ могли у насъ сразу явиться подобныя подозрѣнія и почему они зародились при первомъ же случаѣ, — нужно быть знакомымъ вообще съ порядками тюремной жизни и въ частности съ отношеніями властей къ заключеннымъ. Арестанту, сидящему въ одиночкѣ, важному арестанту, особенно находящемуся подъ слѣдствіемъ, ведутъ ли его на допросъ въ тюремную контору, или же только помыться въ баню, никогда не скажутъ раньше, — куда и зачѣмъ ведутъ, а совершаютъ это, молча, безъ объясненій. Власти находятъ излишнимъ сообщать заключенному что бы то ни было о своихъ намѣреніяхъ (а, можетъ быть, и умышленно такъ поступаютъ) и — по мѣткому выраженію Худякова — всегда „водятъ арестанта, какъ лошадь въ поводу“. Съ политическими такого рода обращеніе учащается еще благодаря тому, что часто ближайшее тюрем-

ное начальство и само не знаетъ намѣреній старшихъ. „Пожалуйте въ контору!“ возмашаетъ вдругъ вамъ ключникъ, пастежь отворяя дверь вашей одиночки. „Зачѣмъ?“ спрашиваете вы. „Не знаю,—смотритель приказать.“ Вы идете въ контору, недоумѣвая и теряясь въ догадкахъ; вы ждете какой-нибудь пакости: допросовъ, очныхъ ставокъ; встрѣчаете смотрителя и спрашиваете его. „Не знаю“, отвѣчаетъ вамъ и смотритель. „Да кому же, наконецъ, я нуженъ, и по какому дѣлу?“ волнуясь, восклицаете вы. Но вотъ, вы слышите голоса въ смежной комнатѣ, куда время отъ времени смотритель бросаетъ почтительные взгляды. Дверь, наконецъ, отворяется, и оттуда выходитъ полиціймейстеръ. Онъ приближается къ вамъ. „Дней десять тому назадъ“, говоритъ онъ, — „вы подавали прошеніе о томъ, чтобы вамъ разрѣшено было носить высокіе сапоги, и приложили свидѣтельство доктора...“ „Да, отвѣчаете вы, — я очень желалъ бы...“ „Вамъ разрѣшается носить собственные сапоги“, заканчиваетъ полиціймейстеръ. Вы возвращаетесь въ вашу одиночку полные счастья: имѣть собственные сапоги — было вашей давнишней мечтой. Но нервы ваши все такъ разстроены пережитыми недоумѣніями. Если вы не награждены отъ природы безчувственностью, то нервы ваши со дня на день расшатываются. Жаңдармы поровнять устраивать вамъ неожиданныя очныя ставки; уличаютъ, огорашиваютъ васъ всевозможными внезапностями. Ночью — толпою челоуѣкъ въ десять вваливаются къ вамъ въ камеру, будятъ васъ и производятъ обыскъ, такъ какъ корридорные донесли, что вы имѣли письменныя принадлежности или ножикъ, и тому подобное. Тюремная жизнь полна такихъ неожиданностей. Это въ концѣ концовъ развиваетъ у васъ болѣзненную подозрительность, и вы, наконецъ, совершенно перестаете вѣрить окружающимъ васъ тюремщикамъ.

Подобныя ощущенія испытывалъ я и въ ту минуту, когда насъ ввели въ нижній корридоръ Мценской тюрьмы, а оттуда въ слабо-освѣщенную, почти темную,

огромную комнату. Впрочемъ, насколько могу припомнить, наступали сумерки, и эта комната, или помещене съ низкимъ потолокомъ, кажется, даже сводистымъ, съ толстыми колонками, или, точнѣе, пятами сводовъ,—показалась мнѣ чѣмъ-то въ родѣ подземелья. Въ такихъ помещеніяхъ, вѣроятно, засѣдали средневѣковыя инквизиціи. Вправо, возлѣ стола, я увидѣлъ Судейкина—въ бѣломъ кителѣ, и какого-то штатскаго господина. Видимо, Судейкинъ передавалъ насъ этому господину. Здѣсь насъ раздѣли до нага и принялись обшаривать нашу одежду. Когда обыскъ кончился, насъ повели по лѣстницѣ во второй этажъ и тутъ заперли въ камерѣ. Тишина, царившая во всемъ зданіи, указывала на то, что мы были въ немъ единственными жильцами.

Мы терялись въ догадкахъ, такъ какъ ничего не слышали раньше о существованіи въ Мценскѣ тюрьмы для политическихъ, и теперь даже не знали, что это была за тюрьма,—пересыльная или же централка. Своей таинственной, молчаливой обстановкой она очень походила на централку. Надзиратель, присутствовавшій въ корридорѣ, передвигался безъ шума, подобно безплотной тѣни, или,—дѣлая болѣе реальное сравненіе—подобно коту,—благодаря мягкимъ валенкамъ, надѣтымъ у него на ногахъ вмѣсто сапогъ, что, конечно, дѣлалось совѣмъ не для теплоты, такъ какъ время было очень теплое. На его поясѣ висѣлъ револьверъ, чего мы не видѣли у нашихъ кіевскихъ надзирателей и что указывало на болѣе серьезные и строгіе порядки этой тюрьмы.

Мрачное настроеніе духа, вызванное первыми впечатлѣніями, уже на слѣдующій день стало разбиваться. Прежде всего, насъ не разсадили по одиночкамъ, а перевели всѣхъ въ одну огромную, свѣтлую камеру, съ большимъ столомъ посрединѣ. Въ этой камерѣ мы сидѣли до вечера; а когда наступило время ложиться спать,—насъ перевели въ соединную камеру; здѣсь были разставлены рядами кровати, снабженныя тюфяками, подушками, байковыми одеялами, показавшимися намъ рѣшительно роскошью послѣ кіевской тюрьмы, гдѣ прихо-

дилось укрываться только нашими халатами. На этих постеляхъ мы проспали ночь, и утромъ опять были переведены въ первую камеру, со столомъ, на которомъ обѣдали и занимались въ теченіи дня. Спальня оставалась весь день пустою и провѣтривалась. Такимъ образомъ камеры чередовались, всегда прибранныя, чистыя, провентилированныя, здоровыя.

Не желая приводить въ соприкосновеніе уголовныхъ арестантовъ съ политическими (во избѣжаніе вреднаго вліянія), правительство устроило двѣ центральныя пересыльныя тюрьмы, куда свозили политическихъ и откуда затѣмъ отправляли ихъ партіями въ мѣста ссылки. Такія тюрьмы устроены были двѣ: одна — въ Вышне-Волочкѣ, служившая для Сѣверной Россіи, и другая, для Южной Россіи — въ г. Мценскѣ, Орловской губ.

Наша тюрьма оказалась, однако, не совсемъ пустою: еще раньше насъ привезены были сюда административно-ссылные, — Рябковъ и Лангенсъ. При какихъ обстоятельствахъ они были арестованы, — не знаю. Впрочемъ, что касается Лангенса, то его, какъ привлекавшагося по большому процессу и сидѣвшаго около четырехъ лѣтъ подъ слѣдствіемъ въ домѣ предварительнаго заключенія, уже по этому одному правительство считало неблагонадежнымъ и подозрительнымъ. Но какъ прусско-подданнаго (отецъ Лангенса былъ родомъ изъ Пруссіи; самъ же Лангенсъ родился и выросъ въ Россіи), правительство изъ Мценска не отправило его въ ссылку, а только выслало за границу. Проживъ нѣсколько мѣсяцевъ за границею, въ Румыніи, Лангенсъ, кажется, въ томъ же 1879 году, воротился въ Россію и жилъ нелегально, принимая активное участіе въ дѣлахъ „Исполнительнаго Комитета“, пока, наконецъ, не былъ вновь арестованъ въ 1881 году въ Кіевѣ, куда онъ скрылся изъ Петербурга, послѣ убійства царя. Онъ былъ взятъ одновременно съ Кобозевой (Акимовой, бѣжавшей тоже изъ Петербурга) и впоследствии, по такъ наз. процессу „двадцати“, осужденъ на вѣчную каторгу. Въ своемъ мѣстѣ я, можетъ быть, расскажу о моей встрѣчѣ съ

нимъ въ 1881 году въ Москвѣ, гдѣ скрывался тогда я, бѣжавши изъ Сибири, и гдѣ останавливался и онъ, проездомъ изъ Петербурга. Но все это имѣло мѣсто значительно позже. Теперь же, въ бытность нашу въ Мценской тюрьмѣ, онъ сидѣлъ, какъ административно-ссылный.

До сихъ поръ мнѣ живо представляется встрѣча моя съ нимъ въ этой тюрьмѣ.—Помню, на второй день моего пребыванія я проходилъ корридормъ мимо запертыхъ и, какъ мнѣ казалось, пустыхъ камеръ—и услышалъ, что меня кто-то тихо окликнулъ. Я оглянулся и въ четырехугольномъ дверномъ отверстіи одной изъ камеръ увидѣлъ худое лицо съ рыжеватой растительностью и съ бородавкой возлѣ небольшого горбатого носика. Это былъ Лангенсъ. Прижавшись къ дверному оконцу, онъ такъ участливо глядѣлъ на меня (я ссылаясь въ каторгу, и онъ меня жаль), что я невольно подошелъ къ двери, и уткнувшись лицомъ въ окошечко, горячо поцѣловалъ его, хотя до этой встрѣчи мы съ нимъ едва лишь были знакомы. Два дня спустя обонхъ ихъ—и Лангенса, и Рябова—перевели къ намъ, въ общую камеру, и съ тѣхъ поръ насъ не разлучали до нашей отправки изъ Мценской тюрьмы. Еще нѣсколько дней спустя, изъ Харьковской централки привезенъ былъ къ намъ Опрышко, бритый и въ кандалахъ, отсидѣвшій тамъ срокъ и теперь препровождавшійся въ Сибирь на поселенье.

Жизнь наша въ Мценской тюрьмѣ текла, между тѣмъ, очень мирно. Прожили мы тамъ, если мнѣ не изменяетъ память, до половины іюня, т. е. около двухъ недѣль,—и, несмотря на то, что изъ Кіева мы пріѣхали въ самомъ бунтовскомъ настроеніи, у насъ не произошло ни одного столкновенія съ тюремными властями. Смотритель Мценской тюрьмы оказался человекъ сдержанный, добрый, явно избѣгавшій столкновеній съ нами, и, благодаря ему и тѣмъ порядкамъ, какіе были имъ заведены, о Мценской тюрьмѣ ничѣмъ, кромѣ какъ добромъ, нельзя помянуть. Насъ часто посѣщала мѣстный исправникъ при посред-

котораго мы доставали изъ городской библіотеки книги для чтенія. Выданы были намъ письменныя принадлежности,—и мы могли заниматься въ своей камерѣ.

Всякій день съ утра появлялся у насъ надзиратель, которому мы заказывали нашъ обѣдъ. Здѣсь я долженъ упомянуть, что кромѣ секретныхъ денегъ, которыя мы держали при себѣ, у насъ была еще наша, такъ сказать, официальная касса, составившаяся изъ официально переданныхъ въ руки начальства денегъ отъ нашихъ родныхъ. Эти деньги, которымъ мы вели счетъ и изъ которыхъ еще въ Кіевской тюрьмѣ мы дѣлали добавочные расходы для улучшенія нашей пищи, при нашей отправкѣ были переданы смотрителемъ Кіевской тюрьмы Судейкину, а Судейкинъ передалъ ихъ смотрителю Мценской тюрьмы. Касса эта такъ и двигалась потомъ вмѣстѣ съ нами, передаваемая съ рукъ на руки отъ одного начальства (тюремнаго, а затѣмъ этапнаго) къ другому. Судейкинъ въ дорогѣ кормилъ насъ настолько хорошо, что намъ не приходилось прибѣгать къ добавочнымъ расходамъ; но здѣсь, въ Мценскѣ, очутившись на общемъ тюремномъ положеніи, мы были вынуждены расходовать изъ своихъ денегъ.

Послѣ полудня мы выходили (съ конвоемъ, конечно) на прогулку во дворъ, гдѣ проводили часъ или два времени. Остальное время—въ камерѣ—проходило у насъ за чтеніемъ, въ разговорахъ, пѣніи. Казалось, и требовать лучшаго нельзя было.

Но тоска по волѣ ни на минуту не покидала меня. Изъ одного окна открывался видъ за тюрьму; видны были поля, поросшія густыми, зелеными хлѣбами, и темные берега небольшой рѣчки, извивавшейся среди этихъ полей; самой рѣчки, впрочемъ, не было видно. Чего проще, казалось бы, такой панорамы?! А, между тѣмъ, глядишь, бывало, и глазъ оторвать не можешь; и различныя мечты ползутъ въ голову, и сердце тоскливо бьется...

Глава XXIII.

ОТЪ МЦЕНСКА ДО ТОМСКА.

Наконецъ, увезли насъ изъ Мценска. До Москвы проѣхали мы по желѣзной дорогѣ подъ конвоемъ жандармовъ, само собою разумѣется, не кievскихъ, а другихъ (кажется, были Орловскіе). Въ Москвѣ не останавливали и даже не пересаживали насъ въ другой поѣздъ, а просто — перевели нашъ вагонъ по соединительнымъ рельсамъ съ курекой линіи на нижегородскую; тутъ прицепили его къ поѣзду и повезли дальше. Впрочемъ, во время недолгой остановки въ Москвѣ, успѣли присоединить къ намъ еще нѣсколько человекъ административныхъ, отправляемыхъ въ ссылку изъ Вышне-Волоцкой тюрьмы, такъ что отъ Москвы компанія наша значительно увеличилась.

Въ Нижнемъ Новгородѣ посадили насъ на баржу, прицепленную къ пароходу, и мы поплыли по рѣкѣ Волгѣ, а затѣмъ по Камѣ до г. Перми. Это водное путешествіе продолжалось дней пять. Баржа, на которой мы плыли, была приспособлена специально для перевозки секльныхъ. Въ одной сторонѣ ея помѣщался конвой; другая, несравненно большая часть судна, предназначалась для арестантовъ. Желѣзная рѣшетка, поднимавшаяся по сторонамъ, отъ бортовъ, и соединявшаяся вверху надъ палубой, служила для предупрежденія побѣговъ и придавала баржѣ видъ клетки, вѣдствие чего арестанты называли ее „курятникомъ“. Названіе было весьма подходящее, такъ какъ баржа, биткомъ набитая арестантами, выглядывавшими изъ за рѣшетки, дѣйствительно напоминала собою курятникъ, въ которомъ везутъ куръ на базаръ. Ссылные помѣщались наверху, на палубѣ, и въ каютахъ, устроенныхъ подъ палубой. Одна изъ

каютъ была занята нами, такъ какъ, согласно инструкціи, насъ держали отдѣльно отъ уголовныхъ. Конечно, благодаря этому, намъ было и просторно, и удобно; каюта наша была очень большая. Но за то уголовнымъ рѣшительно некуда было дѣваться. Мы проводили все время въ каютѣ, освѣщавшейся довольно слабо круглыми оконцами, выходившими надъ самой водой. Впрочемъ, днемъ, на извѣстное время, позволяли намъ подниматься вверхъ на палубу; но тогда уголовныхъ сгоняли съ палубы и запирали по каютамъ. Одинъ разъ мнѣ удалось сверху заглянуть черезъ отворившуюся дверь внизъ, въ каюту, гдѣ находились уголовные, — и я былъ буквально пораженъ представившимся зрѣлищемъ. Я увидѣлъ внизу груды голыхъ человѣческихъ тѣлъ, наваленныхъ и копошившихся одно надъ другимъ. Мнѣ ударило оттуда въ лицо вонью и жаромъ. Скопленье народа и тѣснота были ужасныя. Чувствуя такимъ образомъ, что мы являлись еще одной лишней причиною стѣсненій для арестантовъ, мы старались по возможности сокращать время нашихъ прогулокъ по палубѣ, а разъ или два и совершенно отказались подниматься изъ каюты наверхъ, хотя гулять по палубѣ намъ было очень пріятно. Дикіе берега рѣки Камы, гористые, поросшіе шетинистыми деревьями, представлялись такими чудными и заманчивыми, а изъ каюты они плохо были видны. Помню, однако, по долгу, бывало, стоялъ я въ каютѣ, упершись лицомъ въ круглое оконце, чтобы слѣдить глазами за уплывавшими берегами, какъ ни мало было поле зрѣнія (окна были маленькія и помѣщались надъ самой водой).

На пятые или шестые сутки „курятникъ“ нашъ причалилъ къ Пермской пристани. Мы высадились на берегъ и подъ конвоемъ двинулись вѣшкомъ по улицамъ г. Перми. Прямая и довольно широкая улицы, по бокамъ которыхъ тянулись рядами одно- и двухъэтажные деревянные домики, некрашенные, нештукатуренные, носили глухой, провинціальный характеръ. Пройдя вѣсколько улицъ, мы добрались до какой-то канцеляріи, гдѣ насъ осмотрѣли, записали и повели дальше. Послѣ довольно

длиннаго путешествія очутились мы, наконецъ, за чертой города. Здѣсь мы увидѣли ровное, открытое поле, на которомъ возвышалось мрачное тюремное зданіе. Именно — мрачное; по крайней мѣрѣ, мнѣ оно такимъ показалось, благодаря своему темному цвѣту и высотѣ вѣшнихъ стѣнъ. Впрочемъ, то не были даже стѣны, а просто цѣлыя постройки. Пермская тюрьма выстроена нѣсколько по особому плану; здѣсь содержались подслѣдственные арестанты и приговоренные къ каторжнымъ работамъ, такъ что центральная и подслѣдственная тюрьмы находились въ одномъ мѣстѣ.

Мы подошли къ большимъ воротамъ, продѣланнымъ въ стѣнѣ, надъ которыми, насколько помнится, поднималась вверхъ надстройка. Послѣ обмена нѣсколькими фразами нашихъ конвойныхъ съ тюремной стражей, послышался изнутри звонъ цѣней, болтавшихся у калитки; велѣдъ затѣмъ калитка отворилась, и мы, одинъ за другимъ, сгибаясь, чтобъ не задѣть головой за цѣнь, стали проходить внутрь. Это немножко походило на входъ въ адъ. Мы вошли въ полутемный проходъ, вверху заключенный въ арку, надъ которой и возвышалось то зданіе, что мы видѣли извнѣ. Кажется, тутъ же въ проходѣ, влѣво, была продѣлана въ каменной стѣнѣ дверь, и чуть ли не вела она въ тюремную контору. Заводили ли насъ въ контору, или же обыскали въ самомъ проходѣ, — сказать теперь не могу, такъ какъ забылъ подробности; но помню, что отсюда насъ провели мимо двухъэтажнаго зданія, стоявшаго посрединѣ двора, до задней постройки, гдѣ и заперли всѣхъ въ одной камерѣ.

Пермскій тюремный замокъ представлялъ собою рядъ зданій, тянувшихся по периферіи (вмѣсто стѣнъ), съ большимъ внутреннимъ дворомъ, въ серединѣ котораго находилась главная тюрьма, — центральное зданіе, гдѣ отсѣивали свои невытѣваемые сроки приговоренные къ каторжнымъ работамъ. Это и была такъ называемая Пермская Централка, наводившая ужасъ на арестантовъ едва ли не больше всѣхъ другихъ русскихъ тюремъ. —

Она пользовалась страшной славой среди арестантовъ, и мы слышали о ней очень много.

Я сказалъ, что насъ помѣстили въ заднемъ зданіи, находившемся на противоположной сторонѣ отъ входа. Камера наша была въ самой глубинѣ корридора. Лишь только заперли насъ и мы остались одни, мы взобрались на окна, чтобы посмотреть, куда онѣ выходили. Прямо за нашимъ окномъ начиналось пустое поле, на некоторомъ разстояніи круто спускавшееся внизъ, такъ что намъ видна была только верхняя часть этого склона и противоположный подъемъ. Что было на днѣ оврага или долины, — мы не видѣли, но предполагали, что тамъ протекала рѣчка. Противуположный подъемъ былъ покрытъ кустарникомъ.

Такимъ образомъ, окна нашей камеры, находившейся къ тому же въ нижнемъ этажѣ, выходили прямо на открытое поле. Хотя вдоль этого вѣшняго фасада и ходилъ часовой, но бѣгство черезъ окно представлялось легко исполнимымъ. Нужно было только подилить рѣшетку въ окнѣ; а такъ какъ и пики были, то оставалось приступить къ работѣ. Фасадъ зданія былъ очень длиненъ, и часовой, ходившій внизу, мимо нашей стѣны (шаги его хорошо были слышны въ камерѣ), удалялся далеко въ одну и другую стороны; выпрыгнуть изъ окна въ это время и бѣжать въ поле, не рискуя попасть ему на штыкъ, казалось вполне осуществимымъ. Да; это казалось до того осуществимымъ, что мнѣ чудился уже самый побѣгъ: ночью мы спускаемся къ рѣкѣ, садимся въ лодку и быстро уносимся внизъ по теченью; или же бѣжимъ вилавъ черезъ рѣку, преслѣдуемые по пятамъ погоней, и скрываемся вонъ въ тѣхъ густыхъ кустахъ, что зеленѣютъ на противоположной горѣ.

Отъ этого вида на чистое поле, раскидывавшееся тотчасъ подъ нашими окнами, мы пришли въ какое-то неописуемое лихорадочное возбужденіе. Я рѣшительно не сходилъ съ подоконника и готовъ былъ даже спать на немъ. Но потому ли, что тюремныя власти замѣтили тотъ интересъ, съ какимъ мы относились къ виду изъ нашихъ

окопъ; или же и безъ того они предполагали помѣстить насъ въ другую камеру, и въ этой помѣстия и лишь на время, — только на слѣдующій же день, кажется, мы были переведены оттуда. Перевели насъ въ камеру, находившуюся въ томъ же корридорѣ, въ противоположномъ концѣ. Окна новой камеры выходили на тюремный дворъ. Передъ нашими глазами возвышался теперь фасадъ центральной тюрьмы, изъ за рѣшетокъ которой выглядывали сѣрые лица каторжанъ.

Наше возбужденіе сразу пропало, и потянулась опять однообразно-сѣрая тюремная жизнь. Хорошо еще то, что мы хоть недолго оставались въ Пермской тюрьмѣ, произведшей на насъ въ общемъ очень тяжелое впечатлѣніе. Сотни живыхъ существъ сидѣли здѣсь по своимъ каменнымъ клѣткамъ, не издавая звуковъ. По двору безшумно проходили въ мягкихъ котахъ поделѣдственные арестанты. Здѣсь господствовала едва ли не такая же тишина, какъ въ Мценской тюрьмѣ. Но тамъ тишина являлась слѣдствіемъ безлюдья, а здѣсь — тюремной дисциплины. Только въ обѣденное время и по вечерамъ, передъ тѣмъ какъ ложиться спать, слышались хоры арестантскихъ голосовъ, пѣвшихъ молитвы. Мы были не мало удивлены такимъ богомольнымъ и строемымъ арестантовъ, нигдѣ, насколько пришлось наблюдать, не отличавшихся этимъ качествомъ. Они пѣли молитвы, какъ поютъ монахи по православнымъ монастырямъ; да и вообще, подмѣчалось здѣсь что то общее съ монастырскими порядками. Такъ же тихо и скромно, какъ послушники, проходили по двору арестанты, согнувъ головы внизъ и бросая изподлобья по сторонамъ огненные взгляды; и даже, казалось, руки свои держали на груди, подобно монахамъ, для выраженія покорности волѣ Божьей.

Эти порядки, конечно, имѣли свое объясненіе. Въ первый или во второй день послѣ нашего прибытія въ Пермскую тюрьму, помню — отворилась какъ то дверь, и къ намъ въ камеру вошелъ попъ; какъ есть настоящий попъ, — въ черномъ подрясникѣ, съ камлавкой на головѣ. Мы были очень удивлены и, молча, смотрѣли на по-

сѣтителя. Онъ же медленно приблизился къ намъ и незначительнымъ наклоненіемъ головы важно раскланялся въ одну и другую сторону. Это былъ человекъ лѣтъ пятидесяти, средняго роста, съ страннымъ выраженіемъ неподвижныхъ глазъ. Совершенно круглые, темные глаза его, окруженные тонкими морщинками и устремленные впередъ, въ одну точку, съ выраженіемъ застывшей серьезности, — вызывали непріятное чувство, похожее на то, какое вызываютъ слѣпые, страдающіе такъ наз. темной водой и держащіе свои глаза открытыми. Съ подобными глазами наши суздальскіе живописцы изображаютъ часто святыхъ угодниковъ на иконахъ. Мы встрѣтили нашего гостя полнымъ молчаніемъ и недоумѣвали, что ему нужно отъ насъ. Когда заходилъ къ намъ смотритель тюрьмы, жандармскій офицеръ, губернаторъ, прокуроръ, — мы понимали характеръ этихъ носѣщеній; то заходилъ чиновникъ, представитель власти, той власти, съ которой мы боролись и которая, одолѣвши насъ, засадила, наконецъ, въ тюрьму и держала подъ замкомъ. Но что могъ изображать изъ себя попъ въ тюрьмѣ, — этотъ представитель Христова ученія, главная заповѣдь котораго гласила о всепрощающей любви къ ближнему? Тюрьма и Христово ученіе — взаимно уничтожающія понятія, и компромиссовъ между ними быть не можетъ. Я понимаю попа, протестующаго противъ тюрьмы. Но попъ, папугствующій преступника передъ казнью, по предписанью начальства, представляетъ собою ту отвратительную сдѣлку христіанской совѣсти съ требованіями дикой жизни, на которую невозможно смотрѣть безъ отвращенія. Вотъ это-то чувство гадливости и зашевелилось у насъ, когда этотъ попъ въ довершеніе ко всему осмѣлился еще что то толковать намъ о Христовомъ ученіи. Впрочемъ, черезъ нѣкоторое время онъ, кажется, понялъ нецѣлность своего положенія и оставилъ насъ въ покоѣ.

Мы, между тѣмъ, отъ скуки принялись тоже пѣть; только я увѣренъ, что такихъ пѣсенъ давно не слышали эти слѣпые. Мы пѣли марсельезу и много другихъ хорошихъ пѣсенъ. Тюремнымъ властямъ это не понравилось; нѣ-

которое время онъ терпѣли, но потомъ явился смотритель для объясненій. Онъ намъ сказалъ, что наше поведение можетъ послужить дурнымъ примѣромъ для остальныхъ арестантовъ и что желательно было бы, чтобы мы не нарушали заведенныхъ у нихъ тюремныхъ порядковъ. „По закону, — говорилъ онъ, — я не долженъ допускать того, напр., чтобы вносился въ тюрьму табакъ; но если вы, господа, сбѣщаете не пить, я постараюсь доставить вамъ табакъ“. Сверхъ того, онъ предлагалъ доставлять намъ книги. Все это, конечно, подъ условіемъ, что мы будемъ сидѣть тихо. Мы приняли условія, и остальные нѣсколько дней, которые намъ довелось провести въ Пермской тюрьмѣ, прошли у насъ спокойно.

Между другими книгами, здѣсь мы достали книгу, авторомъ которой былъ Евгеній Поповъ, — тотъ самый тюремный попъ, о которомъ я разсказывалъ только-что. Въ книжкѣ своей, изданной, очевидно, для назиданія арестантамъ и потому пользовавшейся по сибирскимъ тюрьмамъ покровительствомъ тюремнаго начальства, чуть ли не принуждавшаго арестантовъ покупать ее, онъ разсказывалъ, между прочимъ, о бунтѣ, случившемся въ пермской централкѣ нѣсколько лѣтъ назадъ. Онъ разсказывалъ о томъ, какъ одинъ изъ зачинщиковъ передъ казнью покаялся въ совершенныхъ имъ преступленіяхъ, за что, надо полагать, и пошелъ въ рай... (Мнѣ всегда удивительной кажется эта христіанская заботливость правительства и поповъ, усердно некущихся о томъ, чтобы души казенныхъ или грѣшниковъ отправлялись непременно въ рай, а не въ адъ). Другой же зачинщикъ такъ и на смерть пошелъ, не раскаявшись въ своихъ поступкахъ.

Такимъ образомъ изъ книги Евгенія Попова мы узнали, что въ пермской централкѣ былъ бунтъ и что двоихъ за это разстрѣляли. Но другихъ подробностей этого дѣла намъ не удалось узнать въ пермской тюрьмѣ, такъ какъ мы тамъ были совершенно изолированы отъ уголовныхъ. Впоследствии, во время этапнаго путешествія арестанты мнѣ разсказывали, что причиною

бунта были жестокости, которымъ подвергали ихъ въ пермской централкѣ. Такъ между прочимъ разсказывали, что провинившихся въ чемъ либо арестантовъ имѣли обыкновеніе сажать въ темный карцеръ, наполненный негашеной известью, и что многіе арестанты пообжигали себѣ тамъ руки и ноги.

Отъ Перми до Екатеринбурга насъ провезли по желѣзной дорогѣ въ однѣ сутки. Дорога перерѣзаетъ хребетъ Уральскихъ горъ, и я никогда не забуду впечатлѣній, вызванныхъ во мнѣ этимъ переѣздомъ. Былъ мѣсяць июнь; но въ горахъ на той широтѣ (58° — 59°) было какъ весною. Погода стояла превосходная. Солнце ярко свѣтило. По сторонамъ текли ручьи. Свѣжая зелень травъ въ долинахъ между горъ, поросшихъ лѣсомъ, отъ которыхъ въ лицо несло свѣжестью и запахомъ весны, — дѣйствовали опьяняющимъ образомъ. Впечатлѣніе особенно усиливалось оттого, что насъ везли въ обыкновенномъ третье-классномъ вагонѣ, и въ первый разъ со дня ареста намъ удалось здѣсь глядѣть на внѣшній міръ не черезъ рѣшетку, а прямо, какъ глядѣли мы когда-то, когда были на волѣ (какъ давно, казалось, это было!). Въ вагонѣ не было рѣшетокъ, — мы не отходили отъ оконъ.

Я стоялъ у отвореннаго окна, въ какомъ-то полуочарованномъ состояніи, не спуская глазъ съ мимо убѣгавшихъ деревьевъ. Подъемъ совершался медленно. Локомотивъ нашъ быстро-быстро пуфкалъ, но поѣздъ катился тихо. Мѣстами съ высокихъ пунктовъ открывалась широкая панорама на долины и отлогіе подъемы съ ясно очерченными верхушками горъ. Но нигдѣ не было видно ни отвѣсныхъ скалъ, ни вершинъ, покрытыхъ снѣгами, ни глубокихъ ущелій. Главную прелесть картинѣ придавалъ щетицистый лѣсъ, окутывавшій горы.

Стоя у открытаго окна, я мечталъ о побѣгѣ. Я думалъ выпрыгнуть изъ окна во время хода поѣзда и скрыться въ лѣсу. Но выпрыгнуть въ окно такъ быстро и ловко, чтобы жандармъ, сидѣвшій рядомъ, не успѣлъ схватить рукою, казалось невозможнымъ. И если

бы, схвативши, онъ даже и не удержалъ меня, то во всякомъ случаѣ помѣшалъ бы моему прыжку, и я навѣрно упалъ бы. По временамъ, однако, мнѣ опять начинало казаться, что все таки возможно бѣжать, и я вотъ-вотъ готовъ былъ прыгнуть изъ окна. Въ этой борьбѣ съ самимъ собою, съ своими мыслями и настроеніемъ, принимавшимъ то одно, то прямо противоположное направленіе, прошла вся дорога. Теперь, когда я принимаю тѣ условія и взвѣшиваю ихъ хладнокровно, я могу сказать съ увѣренностью, что побѣгъ навѣрно былъ бы неудаченъ, и хорошо случилось, что никто изъ насъ не сдѣлалъ тогда попытки.

Изъ Екатеринбургa дальше насъ повезли уже на лошадахъ. Мы ѣхали въ крытыхъ кибиткахъ или, какъ ихъ называютъ сибиряки, возкахъ (на всякаго изъ насъ отдѣльный возокъ), запряженныхъ тройками почтовыхъ лошадей, подъ конвоемъ одного жандарма съ револьверомъ и шашкою и солдата, вооруженнаго ружьемъ. Жандармъ сидѣлъ сбоку; солдатъ — на передкѣ вмѣстѣ съ ямщикомъ. Уральскія горы остались позади; дорога шла на востокъ по ровной мѣстности. Это была та самая дорога, которая носитъ названіе Сибирскаго Тракта, и по которой проходятъ все ссыльные. Глядя на эту изменность, стлавшуюся впередъ и становившуюся какъ будто со всякимъ шагомъ ниже и ниже, мнѣ припоминались всевозможныя описанія сибирскихъ тундръ, суровой снѣжной зимы, снѣжныхъ заметовъ и тому подобныхъ ужасовъ, и я невольно задумывался надъ тѣмъ, что меня ожидаетъ тамъ, за видѣвшеюся впередъ ровной линіей горизонта, и куда такъ быстро катится мой „возокъ“. Сибирь, о которой я мечталъ, сидя въ тюрьмѣ, какъ о чемъ-то желанномъ, теперь какъ будто стала даже пугать меня. Преувеличенные рассказы, ходившіе объ этомъ, какъ называли у насъ, „негостепріимномъ“ краѣ, оказывали свое дѣйствіе. Впрочемъ, въ главномъ мое отношеніе не изменилось, и я ни на мгновеніе не колебался бы въ выборѣ меж-

ду централкой и какимъ угодно, самымъ непріютнымъ уголкомъ Сибири.

И такъ, наши тройки бѣжали одна за другой на востокъ, звеня колокольчиками, а мы, сидя въ возкахъ, смотрѣли по сторонамъ дороги... Путешествіе на лошадахъ мало по малу раздражило мое воображеніе, и я опять замечтался о побѣгѣ. Особенно стала меня преслѣдовать мысль о побѣгѣ съ наступленіемъ ночи. Мы безостановочно ѣхали, задерживаясь только по нѣскольку минутъ по станціямъ, для перепряжки лошадей. Между тѣмъ я замѣтилъ, что мои конвойные устали и не прочь были подремать. Помню, было уже послѣ полуночи, когда выѣхали мы съ одной станціи. Я растянулся на солому, на днѣ кибитки и притворился, будто заснулъ. Жандармъ, сидѣвшій съ лѣвой сторонѣ, тоже улегся рядомъ со мною и векорѣ заснулъ на самомъ дѣлѣ. Услыхавши его мѣрное похрапываніе, я рѣшилъ воспользоваться этою удобной минутой. Ночь была темная. Приподнявъ голову, я вемотрѣлся въ темноту и замѣтилъ чернѣвшіе кусты съ правой стороны дороги. Дорога шла по низкому, даже, какъ мнѣ показалось, топкому мѣсту, о чемъ я заключалъ по толчкамъ. Колеса нашей кибитки подпрыгивали и стучали, какъ будто перескакивая по бревнамъ, служившимъ гатью въ этомъ болотистомъ мѣстѣ. Конвойный солдатъ, сидѣвшій на передкѣ, тоже дремалъ: я видѣлъ, какъ его опущенная на грудь голова качалась со стороны въ сторону при всякомъ толчкѣ. Только одинъ ямщикъ бодрствовалъ, да и тотъ вяло какъ-то понукалъ свою тройку. Трудно было выбрать болѣе подходящую минуту для побѣга! Конвойные спали. Выпрыгнуть изъ почтовой кибитки и скрыться въ кустарникахъ могло быть дѣломъ одной секунды... Я тихо придвинулся къ краю кибитки... Но въ эту минуту моя мысль забѣжала нѣсколько впередъ, и я почувствовалъ, какъ рѣшимость стала мало по малу оставлять меня. Я не сомнѣвался въ томъ, что убѣгу въ кусты раньше, чѣмъ жандармъ успеетъ очнуться отъ сна. Но на вопросъ: что буду дѣлать потомъ? я

Не могъ дать себѣ удовлетворительнаго отвѣта. Въ то время я не былъ еще практически знакомъ съ характеромъ сибирскихъ облавъ, устраняемыхъ для поимокъ бѣглецовъ. Но все таки я зналъ, что послѣ моего побѣга дано будетъ знать по окрестнымъ деревнямъ, и всюду начнутся поиски. Арестантскій костюмъ (за неключеніемъ высокихъ сапоговъ, все было на мнѣ казенное, арестантское) выдастъ меня сразу; мнѣ, не имѣющему знакомыхъ въ этой мѣстности, некуда будетъ дѣваться и невозможно будетъ скрыться. Эти соображенія съ такою ясностью стали вдругъ передъ мною, что я сразу почувствовалъ трудность исполненія того, что еще такъ недавно представлялось легкимъ и удобнымъ. Въ тюрьмѣ, за рѣшеткой, размышляя о длинной дорогѣ по Сибири до карійскихъ рудниковъ, находящихся за Байкаломъ, моему воображенію рисовалась тысяча удобныхъ моментовъ для побѣга. Въ дѣйствительности оказалось далеко не такъ. Я начиналъ сознавать, болѣе того, я понималъ съ очевидной наглядностью, что трудность побѣга здѣсь, въ Сибири, заключается не столько въ первомъ шагѣ, сколько въ послѣдующихъ, и что шансовъ на успѣхъ вовсе не такъ много, какъ казалось. И чѣмъ больше я размышлялъ, тѣмъ больше овладѣвало мною сомнѣніе. А жандармъ мой между тѣмъ тихо похранывалъ, лежа на боку на днѣ кибитки. Однако отказаться совершенно отъ своихъ плановъ было не легко, и я сталъ думать о томъ, какъ обойти трудности. Первое, что было необходимо для успѣха, — это достать одежду, чтобы переодѣнуть арестантскій костюмъ. Положимъ, время стояло теплое, и я могъ просто бросить свой арестантскій халатъ, оставшись въ однохъ бѣльѣ. Рубаха и портки, какъ они ни были сшиты небрежно, по казенному, все таки не представляли собою ничего типично арестантскаго, и я могъ въ нихъ остаться безъ риска обратить на себя вниманіе при поискахъ за мною. На моихъ ногахъ, вмѣсто арестантскихъ котовъ, были высокіе сапоги: этого ужъ было совѣмъ хорошо. Но я не имѣлъ шанки.

Все необходимое было, кроме шапки. Арестантская старая шапка, считая на манеръ какого-то блина, не годилась ни въ какомъ случаѣ. Съ другой стороны, бросить ее, подобно халату, и остаться съ обнаженной головой тоже казалось неудобнымъ. Я серьезно задумался о шапкѣ и скоро пришелъ къ тому заключенію, что надо попробовать овладѣть форменной фуражкой моего жандарма. Эта мысль показалась практичной, и я немедленно принялся шарить рукою возлѣ головы снавшаго жандарма. Скоро я нашупалъ фуражку на соломѣ и тотчасъ спряталъ ее себѣ за пазуху. Но этимъ не ограничился; легкость, съ которой я досталъ шапку, поощряла меня сдѣлать еще одну попытку: мнѣ захотѣлось взять у жандарма и револьверъ; и вотъ я опять тихо зашарилъ рукою уже не возлѣ его головы, а у пояса, гдѣ висѣлъ кожаный кобуръ съ револьверомъ. Однако, потревожилъ ли я его нечаянно рукою, или по какой другой причинѣ, только, вдругъ, онъ заворочался, сталъ менѣе глубоко дышать, потомъ онъ приподнялся, усѣлся и принялся розыскивать кругомъ себя фуражку. Я притворился спящимъ.

До станціи жандармъ не прилегалъ болѣе и время отъ времени все искалъ свою шапку. Видно онъ былъ очень обезпокоенъ потерей. Когда мы пріѣхали на станцію и зашли въ горницу посидѣть, въ ожиданіи пока запрягутъ свѣжихъ лошадей, я спросилъ его: „А гдѣ фуражка? Потерялъ?“ „Да, баринъ, потерялъ“, отвѣтилъ онъ. Тогда, смѣясь, я вытащилъ шапку изъ за пазухи и отдалъ ему. Потомъ я повелъ съ нимъ шутивую бесѣду въ такомъ духѣ, что конвойному не полагается спать въ дорогѣ, что я могъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ и бѣжать и прочее. Онъ, съ своей стороны, отшучивался и, между прочимъ, очень серьезно высказалъ мнѣ, что я не захочу бѣжать съ дороги. На мой вопросъ, почему онъ такъ думаетъ, онъ вдругъ отвѣтилъ: „Да незачто вамъ меня подъ судъ подводить! Сами знаете, — нашего брата строго за это наказываютъ!...“ Я былъ неприятно удивленъ этимъ на-

ивнымъ соображеніемъ моего конвойнаго, но ничего ему не возразилъ на это. Мой жандармъ полагалъ, что, конвоируя меня, онъ этимъ исполнялъ долгъ службы и предписанія начальства, которые почему-то и я долженъ былъ уважать или, по крайней мѣрѣ, признавать. Если бы мнѣ пришла тогда охота пуститься съ нимъ въ разъясненія вопроса, то, по всей вѣроятности, всплыли бы на сцену „жена и дѣти“, которыхъ ему надо было кормить и ради которыхъ онъ принужденъ былъ служить и слушаться начальства. Ему надо было кормить жену и дѣтей (или, можетъ быть, самому кормиться) и онъ не находилъ другого способа, какъ кормить ихъ моимъ тѣломъ и душою. Онъ клалъ на одни вѣсы, съ одной стороны мою пятнадцатилѣтнюю каторгу, т. е. всю жизнь, съ другой — свою отвѣтственность за мой побѣгъ, сведившуюся, можетъ быть, къ лишенію наградныхъ или много-много къ увольненію отъ службы, и думалъ, что это равнозначущія величины. Впрочемъ, онъ, навѣрно, ничего не думалъ и ничего не клалъ ни на какіе вѣсы. И между тѣмъ мой жандармъ вовсе не былъ ни пдіотомъ, ни разбойникомъ. Онъ казался даже довольно добродушнымъ человѣкомъ. Да навѣрно такъ и было. Это былъ средній російскій служилый человѣкъ.

Въ Тюмени, куда насъ довели на тройкахъ, мы сидѣли въ тюрьмѣ до отхода перваго парохода; затѣмъ посажены были на арестантскую баржу, подобную той, на какой плыли по рѣкѣ Камѣ, и отправлены дальше на востокъ. Помѣстили насъ въ каютѣ на кормѣ судна, въ томъ отдѣленіи, гдѣ помѣщался офицеръ съ конвойными солдатами. Такимъ образомъ, и тутъ мы были отдѣлены отъ уголовныхъ, но только мы не стѣсняли ихъ здѣсь, какъ это было при переѣздѣ до г. Пермь. Мы сидѣли въ каютѣ, устроенной собственно для антеки и, кажется, фельшера, но на этотъ разъ предоставленной намъ. Гулять насъ выпускали на заднюю палубу. Это была небольшая площадка, находившаяся на самомъ концѣ (заднемъ) баржи, безъ бортовъ, безъ желѣзной кѣтки сверху, такъ что всякій разъ во время нашего

гулянья конвойные солдаты въ предупреденіе того, чтобы кому нибудь изъ насъ не явилась охота попытать счастья и броситься въ воду, становились вдоль краевъ судна и стерегли насъ.

Первые дни мы плыли на сѣверо-востокъ по теченію притоковъ Иртыша и по Иртышу; но, войдя въ Обь, поворотили прямо на востокъ и поплыли противъ теченія, вверхъ по рѣкѣ. Мы дошли до 62 градуса сѣверной широты. Хилыя, малорослыя деревца укрывали плоскіе берега Оби, мѣстами понижавшіеся до того, что вода заливала ихъ на громадныя пространства. Мѣстами берега эти поднимались надъ водою на $1\frac{1}{2}$ — 2 метра, и тогда въ разрѣзѣ виденъ былъ толстый слой рыжаго торфа, по которому, какъ иголки, торчали совсѣмъ низенькія, полу-засохшія сосенки. Все указывало на близость тундры. Обь разбивалась здѣсь на множество рукавовъ, образуя низкіе острова. Пароходъ и наша баржа, тянувшаяся сзади на канатѣ, то приближались къ берегамъ, то оставляли ихъ далеко позади себя и выплывали на необозримыя водныя пространства, какъ море, поражающія глазъ. Повидимому, Обь была въ половодьи. Попадались и такіе острова, гдѣ не было видно ни рыжаго торфа, ни сосенъ, а росли лѣсныя породы деревъ, въ родѣ лозника. Изъ окна нашей каюты я смотрѣлъ на этотъ тонкій, густо переплетавшійся лозникъ, напоминавшій наши молодыя листовныя заросли, и по временамъ меня до того тянуло туда, что я, казалось, охотно согласился бы, чтобы меня бросили одного на этихъ уединенныхъ берегахъ, какъ уныло они не выглядѣли. Когда баржа наша при извѣстныхъ поворотахъ подплывала совершенно близко къ берегу, такъ что вотъ-вотъ касалась его своимъ бокомъ, и вода шиѣла и крутилась у самого берега, сердце мое начинало стучать учащенно, — такъ и хотѣлось прыгнуть на берегъ и убѣжать.

Погода все время стояла хорошая. Медленно катила Обь свою мутную воду. Пароходныя колеса безостановочно хлопали. Тихо уплывали назадъ низкіе бе-

рега, тянувшіеся по сторонамъ, а на смѣну имъ выплывали на встрѣчу другіе, такіе же однообразные и пустынные, такіе же низкіе и сырые, лишенные слѣдовъ человѣка. Кое когда лишь кто нибудь изъ конвойныхъ, указывая рукою на отдаленный берегъ, говорилъ: „А вотъ и остякскіе колья!“ и разсказывалъ при этомъ, что эти колья остяки вбивали въ землю для того, чтобы на нихъ сушить свою рыбу. Я напрягалъ зрѣніе, чтобы увидѣть колья; но полусухія деревца, торчавшія, подобно кольямъ, по всему берегу, мѣшали, и я ничего не могъ отличить.

Наконецъ, парохоть съ нашей баржей причалилъ къ пристани. Но что это была за пристань, — Сургутъ или другое какое поселеніе — не знаю. Здѣсь въ первый разъ я увидѣлъ остяковъ. Они стояли на берегу, одѣтые въ лохмотья, съ вклокоченными волосами на большихъ головахъ (казавшихся большими, можетъ быть, потому, что волосы были вклокочены), на тоненькихъ ножкахъ, низенькіе, хилые, точь въ точь, какъ ихъ сосны, зыросшія на торфѣ и болотѣ, и продавали рыбу, нанизанную черезъ жабры на лозинки. Они охотно уступали за пятакъ связку стерлядей штукъ въ десятокъ. Новейкій разъ на вопросъ, „сколько хочешь?“ — отвѣчали: „рубль“. Повидимому, рубль былъ для остяка такимъ же нарицательнымъ словомъ, какъ и имя Васька, на которое всякій изъ нихъ откликался. Припоминаю, Волошенко, побуждаемый, должно быть, жалкимъ видомъ одного „Васьки“, бросилъ ему на берегъ пачку табаку въ промѣнъ за рыбу. Мы слышали, что у остяковъ очень цѣнится табакъ. Пачка табаку стояла, по крайней мѣрѣ, въ четверо больше той суммы, которую могъ выручить остякъ за свою рыбу. Но онъ поднявъ, и подозрительно осмотрѣвъ эту пачку со всѣхъ сторонъ, вдругъ неистово швырнулъ ее на землю, сердито крича что-то. Мгновеніе спустя, однако, онъ вторично поднявъ ее съ земли и, приложивши къ носу и принюхавшисъ внимательно, бережно ее спряталъ. Бѣдный „Васька“ на первыхъ порахъ, должно быть, не разобралъ, что за-

ключалось въ пачкѣ, такъ какъ, пожалуй, до этого случая никогда не видѣлъ табаку въ пачкахъ, а все только въ листахъ, какой обыкновенно доставляютъ имъ наши купцы.

Глава XXIV.

ОТЪ ТОМСКА ДО КРАСНОЯРСКА И ПРЕБЫВАНІЕ ВЪ КРАСНОЯРСКОЙ ТЮРЬМѢ.

Въ Томскѣ мы прибыли дней черезъ десять. Я долженъ сказать, что административные, которые были къ намъ присоединены въ Москвѣ, проѣхали съ нами только до Тюмени; тамъ ихъ остановили, и оттуда дальше отправлено было насъ всего десять человекъ (девять насъ по кіевскимъ процессамъ и одинъ центристъ, Опрышко, присоединенный къ нашей партіи еще въ Мценскѣ).

Оглядывая какъ-то нашу камеру (въ томской пересыльной тюрьмѣ), мы нашли на стѣнахъ ея надписи карандашомъ, сдѣланныя Армфельдъ, Ковалевскою и другими женщинами, осужденными по нашему процессу. Это было первое свѣденіе, полученное нами о нихъ; мы узнали, такимъ образомъ, что онѣ были уже проведены этой самой дорогой.

Но въ Томскѣ мы только передохнули; появились опять полиціймейстеръ, прокуроръ и другіе чиновники; къ тюремнымъ воротамъ подкатили почтовые тройки и насъ подъ конвоемъ вывели за ворота. Мы разложили по кибиткамъ наши мѣшки съ вещами, разсѣлись по одному (конечно, съ конвойными) и двинулись въ доро-

гу. До черты города сопровождалъ насъ полиціимейстеръ, и мы ѣхали сравнительно медленно. Но тутъ его фазтонъ остановился, и къ нему подошелъ засѣдатель. Я видѣлъ, какъ полиціимейстеръ что-то ему передать, и онъ, взобравшись въ почтовую кибитку, быстро покатилъ по красноярскому тракту. Слѣдомъ за нимъ по-скакали одна за другой и наши тройки.

Снова погнулась ѣзда съ непрерывно звенящими колокольчиками, съ тряской и толчками, съ остановками на станкахъ, гдѣ перепрягали лошадей. На станціяхъ засѣдатель распоряжался, чтобы скорѣе подавали свѣжія тройки; мы пересаживались и неслись дальше.

Переѣздъ отъ Томска до Красноярска совершился, кажется, дня въ три. Насколько могу припомнить, засѣдатели въ дорогъ смѣнялись: всякій конвоировалъ только по своему участку.

Одинъ изъ нихъ оказался интереснымъ рассказчикомъ; онъ намъ разсказывалъ о бѣгунахъ, скрывавшихся по лѣсамъ Томской губерніи, но поѣлкамъ, и о томъ, какъ ему приходилось, преслѣдуя ихъ, пробѣгать на лыжахъ огромныя разстоянія (дѣло происходило зимою, и проѣзжихъ дорогъ не было). Нужно знать, что въ Томской губ. довольно развито пчеловодство, и поѣлки разбросаны по тайгѣ на значительныхъ разстояніяхъ отъ селеній, представляя, такимъ образомъ, весьма удобныя притоны для укрывательства.

Слушая разсказы этого засѣдателя, я глядѣлъ на его загорѣлое мужественное лицо, знакомое и съ вѣтромъ, и съ непогодами, и невольно сравнивалъ его съ нашими современными становыми-бѣлоручками, и долженъ сказать откровенно—сравненіе оказывалось не въ пользу послѣдняго. Что бы ни говорили, но я, право же, предпочту стараго дореформеннаго полицейскаго современному, умѣющему кланяться одной головой, какъ кланяются гвардейскіе офицеры, носящіе браслеты, и въ то же время способному къ такимъ доносамъ и шпіонству, на какіе едва ли былъ способенъ дореформенный полицейскій. Да, я предпочитаю грубаго Держиморду въж-

лившему современному исправнику, какъ предпочту всегда дикого быка очковой змѣѣ.

Впрочемъ, засѣдатель, о которомъ идетъ рѣчь, совсѣмъ не походилъ на Держиморду. По отношенію къ намъ онъ велъ себя прилично и просто. Замѣтивъ, что мы интересуемся Сибирью, онъ разсказывалъ случаи изъ сибирской жизни и знакомилъ насъ съ мѣстными условіями. Помню, на одномъ станкѣ у него вышло столкновеніе съ крестьянами: крестьяне не хотѣли давать лошадей. Нужно сказать, что лошадей брали частью почтовыхъ, частью „обывательскихъ“, т. е. какъ дорожную повинность. Конечно, лошади въ концѣ концовъ были даны; но въ ту минуту, когда мы усаживались въ кибитки (еще даже незапряженные), изъ толпы, стоявшей на улицѣ возлѣ почтовой станціи, вдругъ раздался голосъ: „Пѣшкомъ гонять этихъ бунтовщиковъ, а не возить въ телѣгахъ!.. Чего противъ царя бунтуютъ!“ „А тебѣ что сдѣлалъ царь, что ты за него здѣсь горло дерешь? Стоеросовая дубина!... Да и царь твой такая же дубина!..“ сердито крикнулъ въ отвѣтъ одинъ изъ товарищей. Эта брань произвела свое дѣйствіе: защищать царя не нашлось другихъ охотниковъ. А нашъ засѣдатель какъ будто ничего не слышалъ и продолжалъ только торопить, чтобы поскорѣе запрягали лошадей. Этотъ случай несколько не измѣнилъ нашихъ съ нимъ отношеній, и на слѣдующей же станціи онъ опять что-то разсказывалъ намъ изъ сибирской жизни.

Справедливость требуетъ сказать, что отношеніе властей, встрѣчавшихся по пути, равно какъ и конвоировавшихъ насъ, было вообще хорошее къ намъ. Пронесло это, вѣроятно, отъ ихъ желанія избѣжать непріятныя столкновенія, на которыя мы, собственно говоря, готовы были всякую минуту, но которыя совсѣмъ были не въ интересахъ властей, старавшихся лишь о томъ, какъ бы поскорѣе спроводить насъ, по возможности безъ скандала, и сдать другимъ, слѣдующимъ. Само собою разумѣется, что мы пользовались этимъ и становились иногда требовательны. Такъ, помню, въ г.

Маринскѣ, Томской губ., гдѣ на почтовой станціи встрѣтили насъ мѣстный исправникъ и жандармскій офицеръ, мы востребовали для себя полушубки, мотивируя тѣмъ, что хлѣдно было ѣхать по ночамъ. Не смотря на то, что по инструкціи полушубки выдаются арестантамъ зимою, мы ихъ здѣсь получили лѣтомъ и, конечно, не въ зачетъ (съ наступленіемъ зимы намъ выдали еще по одному, такъ что потомъ у всякаго оказалось по два полушубка).

На третьи сутки мы пріѣхали въ г. Красноярскъ, помѣщены были въ мѣстномъ тюремномъ замкѣ и стали ждать дальнѣйшихъ распоряженій генер. губернатора Восточной Сибири.

Такъ мы окончили наше путешествіе по Европейской Россіи и Западной Сибири и находились теперь въ городѣ, считавшемся въ предѣлахъ уже Восточной Сибири.

Мы были помѣщены въ верхнемъ этажѣ праваго крыла тюрьмы, очищеннаго отъ уголовныхъ и приготовленнаго специально для политическихъ. Сосѣдняя съ нашей камера занята была политическими женщинами (около десяти), сосланными административнымъ порядкомъ преимущественно изъ южныхъ городовъ: Одессы, Николаева, Херсона и Кишинѣва. То были жертвы Паниютина, того самаго генерала-каракатицы, о которомъ я вспоминалъ какъ то раньше. Между административными въ той же камерѣ сидѣла въ это время и каторжанка, Марія Ковалевская, судившаяся въ Кіевѣ по нашему процессу и оставшая по болѣзни отъ своихъ товаровъ, ушедшихъ уже съ этапомъ въ Иркутскъ. Остальныя камеры нашего отдѣленія оставались еще свободны.

Камера, гдѣ пришлось мнѣ съ товарищами сидѣть въ ожиданіи дальнѣйшихъ генераль-губернаторскихъ распоряженій, окнами своими была обращена на востокъ, т. е. туда, куда лежалъ и нашъ далекій путь. Взобравшись на подоконникъ, по цѣлымъ часамъ, бывало, глядѣлъ я въ ту сторону. Вдали за городомъ (хо-

тя я не могу припомнить, видны ли были изъ оконъ постройки) тянулась громадная впадина, гдѣ протекалъ Енисей, о чемъ приходилось только догадываться, такъ какъ самой рѣки не было видно. А дальше за впадиной открывался видъ на обширную возвышенную степь, заканчивающуюся вдали на горизонтѣ хребтомъ, круто подымавшихся лѣсистыхъ горъ. Особенно помнится одна гора, которая выдѣлялась своею голою, круглою вершиною. Вглядываясь въ эту лысую гору, торчавшую на горизонтѣ, воображенію моему все рисовалась почтовая дорога, зигзагами поднимавшаяся вверхъ. Проходилъ ли трактъ на Иркутскъ дѣйствительно черезъ эту гору, или нѣтъ — сказать не могу, такъ какъ когда мнѣ пришлось идти по этой дорогѣ, мѣстности я не могъ узнать. Вблизи я совсѣмъ не то увидѣлъ, что представлялось издали, изъ окна. Долина Енисея, собственно острова, оказалась поросшей густою лозою. Горы тоже имѣли другой видъ. Очень возможно, что лысая гора, въ которую я такъ жадно вглядывался, оставалась совершенно гдѣ нибудь въ сторонѣ отъ тракта, и я ее такъ больше и не видѣлъ, кромѣ какъ изъ окна тюрьмы. Однако, какъ бы тамъ ни было, а до сихъ поръ мнѣ памятна картина, представлявшаяся моимъ глазамъ изъ окна красноярскаго тюремнаго замка. Вотъ виднѣется провалье, долина, надъ которой стелется легкой, сизый туманъ, — тамъ протекаетъ рѣка Енисей; а выше сквозь прозрачный воздухъ рѣзко вычерчивается на горизонтѣ цѣпь горъ, поросшихъ лѣсомъ. Эта даль неудержимо манила меня къ себѣ. Всякій разъ, глядя туда, мое воображеніе разыгрывалось, живо рисуя вольную жизнь среди дикой природы. Мнѣ уже слышался шумъ громадныхъ сосенъ, раскинувшихъ высоко надъ моею головою свои желтыя вѣтви. Я видѣлъ полумракъ первобытнаго лѣса, чувствовалъ смолистый запахъ хвой и ароматъ малины, свѣсившейся красными пучками до самой земли. Крупныя капли росы висѣли на ягодахъ, дрожали при малѣйшемъ вѣтеркѣ, переливаясь радужными цвѣтами. И внутри меня самого все дрожало и

ныло... Чѣмъ бы я не пожертвовалъ тогда, чтобы голько пошататься по тѣмъ горамъ.

Верхній этажъ праваго крыла тюрьмы, какъ я уже сказалъ раньше, былъ очищенъ отъ уголовныхъ. Повидимому здѣсь, въ этой тюрьмѣ, назначался сборный пунктъ для политическихъ, слѣдовавшихъ въ Восточную Сибирь. Въ дѣйствительности это такъ и было. Нѣсколько времени спустя послѣ нашего пріѣзда, пустыя камеры нашего корридора стали наполняться новоприбывающими. Это были административно-ссылные, отправляемые въ Сибирь преимущественно изъ южныхъ губерній Чертковымъ, генералъ губернаторомъ кievскимъ и Пашутинымъ. Курьезно было то, что насъ, лишенныхъ правъ и ссылаемыхъ на каторгу, везли отъ Томска до Красноярска на почтовыхъ, между тѣмъ административно-ссылныхъ, т. е. людей, не лишенныхъ правъ и ссылаемыхъ безъ суда въ Восточную Сибирь, отправляли изъ того же Томска въ Красноярскъ съ уголовными этапными партіями. Мы, осужденные, оказывались, такимъ образомъ, на привилегированномъ положеніи.

Время, проведенное нами въ красноярскомъ тюремномъ замкѣ среди огромной компаніи, прошло незамѣтно въ дружескихъ бесѣдахъ и взаимномъ высказываніи своихъ плановъ и надеждъ. Общее настроеніе было возбужденное и даже, если можно такъ выразиться, возвышенное. Правительство, обострившее свои преслѣдованія, сотнями ссылало „неблагонадежныхъ“, а „неблагонадежные“ шли въ Сибирь, нисколько не чувствуя себя ни подавленными, ни уничтоженными тѣмъ обстоятельствомъ, что ихъ ссылали куда-то на край свѣта. Напротивъ, всѣ глядѣли бодро въ глаза будущему и вѣрили въ успѣхъ борьбы. Но красноярскіе ссылные не представляли собою исключенія, и подобнымъ духомъ были заражены тогда всѣ, прикосновенные къ нашему революціонному движенію. Трудно было допустить, чтобы такое настроеніе прошло безслѣдно. Въ ближайшемъ будущемъ невольно поэтому ожидалось выдающіеся революціонныя событія.

Первые дни послѣ нашего пріѣзда въ Красноярскъ камеру нашу держали запертой. Но потомъ, когда прибыли административные, мы часто проводили время всё вмѣстѣ, и только на ночь запирали насъ опять по нашимъ камерамъ. Мнѣ такъ живо-живо воскресаетъ теперь въ памяти корридоръ красноярской тюрьмы и эта шумная, веселая молодежь, снующая взадъ и впередъ по корридору и по камерамъ. Слышится смѣхъ, разговоры. Одни горячатся и спорятъ по какимъ-то вопросамъ, другіе тихо бесѣдуютъ, вспоминаютъ о чемъ-то. Какое движеніе и шумъ! Молодые, одушевленные лица совсѣмъ не гармонируютъ ни съ сѣрыми арестантскими халатами, болтающимися на ихъ плечахъ, ни съ желѣзными рѣшетками, вдѣланными въ окнахъ корридора. Возлѣ стеклянныхъ дверей въ корридорѣ стоитъ ключникъ, а за дверьми часовой, и оба улыбаются. Дверь эта отдѣляетъ нашъ корридоръ (наше отдѣленіе) отъ остальной тюрьмы, и потому она всегда заперта. На угрюмыхъ лицахъ ключника и часового, смотрящихъ черезъ стеклянную дверь, играетъ улыбка. По роду службы они должны имѣть важный и угрюмый видъ, но не могутъ удержаться, глядя на веселыя кучки молодежи, проходящей взадъ и впередъ мимо ихъ. Что думаютъ въ эту минуту ключникъ и часовой? Трудно угадать. Но несомнѣнно, что обоимъ имъ здѣсь весело стоять, несравненно веселѣе, чѣмъ въ другихъ отдѣленіяхъ тюрьмы.

Да, шумно текла жизнь въ красноярскомъ тюремномъ замкѣ, хотя многимъ уже въ ту минуту заглядывала смерть изъ за спины. Такъ, короткое время спустя, административно-ссылная Патруева отравилась спичками въ г. Енисейскѣ, куда она была отправлена на поселеніе изъ красноярской тюрьмы. Я помню ее хорошо: это была молоденькая (почти ребенокъ), хорошенькая дѣвушка. Въ ея круглыхъ сѣрыхъ глазахъ выражалось такъ много дѣтской довѣрчивости, что достаточно было на нихъ посмотреть одинъ разъ, чтобы почувствовать къ ней симпатію и жалость. Она была такая

живая и веселая... Бѣлые зубы часто сверкали изъ за ея пухлыхъ губокъ, дѣлая ее похожей на звѣрька изъ породы грызуновъ. Мы прозывали ее Тушканчикомъ. Патруева была самая молоденькая въ камерѣ (гдѣ сидѣли женщины), до того молоденькая, что нуждалась еще въ материнской ласкѣ; по крайней мѣрѣ, видимо, ей очень нравилось находиться подъ опекой и покровительствомъ каторжанки Маріи Ковалевской, бывшей значительно старше ее. Что было поводомъ ссылки ея въ Сибирь — не знаю, какъ не знаю и причины, вызвавшей ея самоубійство. Бѣдный Тушканчикъ! За что тебя загубило русское правительство?

За время моего пребыванія въ красноярской тюрьмѣ, насколько могу припомнить, изъ Томска успѣло прибыть по этапу двѣ партіи административныхъ. Само собою разумѣется, что, познакомившись съ порядками этапнаго путешествія, административные, когда прибыли въ Красноярскъ, незамедлили подѣлиться съ нами, каторжанами, своими свѣдѣніями.

Въ это то время, послѣ обстоятельнаго ознакомленія съ условіями этапнаго путешествія, у меня впервые родилась мысль бѣжать при посредствѣ „сѣбика“.

Нужно сказать, что я былъ отчасти и раньше знакомъ съ тѣмъ, что такое „сѣбика“. Во время этапнаго путешествія конвойные солдаты съ офицерами перемѣняются черезъ всякіе два дня, и арестапты, пользуясь тѣмъ, что ихъ не знаютъ въ лицо, мѣняются другъ съ другомъ (иногда за самое ничтожное вознагражденіе) своими именами, а вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, и приговорами, къ которому всякій изъ нихъ присужденъ; поселенецъ принимаетъ на себя имя каторжанина и идетъ вмѣсто его въ рудники, а тотъ, съ другой стороны, выходитъ на поселеніе гдѣ либо въ Енисейской или Иркутской губ. и становится вольнымъ человѣкомъ.

Такого то рода „сѣбику“ задумалъ и я осуществить во время дороги въ Иркутскъ, куда, какъ намъ было извѣстно, должны были отправить насъ этапнымъ порядкомъ.

Въ двадцатыхъ числахъ августа объявили намъ, что шестеро изъ насъ отправляются съ этапомъ въ Иркутскъ. Эти шестеро были: два брата Избицкіе, Волошенко, „Неизвѣстный“, Феохари и Опрышко. Первые пять человекъ были по кievскимъ процессамъ. Опрышко же судился значительно раньше, успѣлъ къ этому времени отбыть свою каторгу въ харьковской централкѣ и теперь препровождался въ Восточную Сибирь, на поселеніе. Такимъ образомъ, въ первый списокъ отправляемыхъ съ этапомъ я не попалъ. Это мнѣ не нравилось ввиду моего плана побѣга, и я сталъ хлопотать, чтобы меня назначили въ первую партію. Хлопоты мои увѣнчались успѣхомъ: Опрышко оставленъ былъ до слѣдующей партіи (партіи выходили черезъ всякую недѣлю, въ извѣстный опредѣленный день), я же назначенъ былъ вмѣсто него.

И вотъ, раннимъ утромъ одного дня шестеро насъ, выведенные изъ тюремнаго замка, двинулись пѣшкомъ, подъ конвоемъ, по направленію къ городу (тюремный замокъ стоитъ за городомъ). Пройдя до города и самимъ городомъ нѣкоторое пространство, мы очутились передъ одноэтажнымъ деревяннымъ зданіемъ, съ окнами, выходящими на улицу, съ высокимъ деревяннымъ частоколомъ, тянущимся вдоль улицы влѣво. Это была пересыльная тюрьма. Огромныя ворота, ведущія во дворъ пересыльной, были заперты, и насъ пропустили внутрь черезъ калитку. Мы вошли въ обширный дворъ, обнесенный высокимъ частоколомъ и направились къ крыльцу того самаго зданія, которое глядѣло на улицу. Тутъ, должно быть, помѣщалась контора. Въ одной комнатѣ мы увидѣли этапнаго офицера и еще какихъ то служащихъ, писарей, что-ли? Въ эту комнату зашелъ и нашъ смотритель, сопровождавшій насъ изъ тюрьмы. Онъ долженъ былъ сдать насъ этапному начальнику съ соблюденіемъ всѣхъ установленныхъ для этого правилъ, т. е. передать наши такъ наз. „статейные списки“, въ которыхъ говорилось кто мы, за что судились, къ чему приговорены и пр.; сдать по счету наши казенныя вещи и т. д.

Между тѣмъ изъ сосѣдней комнаты неся рѣзкій звукъ, получавшійся отъ ударовъ молотка по желѣзу; заглянувъ туда, я увидѣлъ кузнеца, заклепывавшаго цѣпи на ногахъ какого-то арестанта. Когда операція была окончена, закованный арестантъ ушелъ прочь во дворъ, откуда приведенъ былъ конвойнымъ другой арестантъ для той же цѣли, потомъ третій и т. д. Передъ отправкой партіи надо было просмотрѣть на всѣхъ арестантахъ кандалы. Уголовные толпами бродили по двору; но насъ не пускали къ нимъ, и мы должны были находиться въ конторѣ. На противоположномъ концѣ двора видно было другое зданіе, тоже одноэтажное, но значительно шире и длиннѣе этого. Арестанты то и дѣло заходили и выходили оттуда. Очевидно, тамъ помещались арестантскія камеры.

Наконецъ, мы были сданы этапному офицеру. Кузнецъ, осматривая кандалы „Неизвѣстнаго“ и Феохари, поклепалъ по нимъ молоткомъ, чтобы убѣдиться, что они были цѣлы, нелопнувшіе. Все было осмотрено, окончено, бумаги подписаны, подшиты, скрѣплены... Тогда чиновники поднялись и вышли на крыльцо. Офицеръ сталъ приказъ... Унтеръ-офицеръ командовалъ, и арестанты принялись строиться по срединѣ двора въ два ряда. Начался счетъ людямъ. Мы все еще стояли въ сторонѣ отъ остальныхъ арестантовъ. „Вѣрно?“ спросилъ, наконецъ, офицеръ. Унтеръ-офицеръ назвалъ цифру. Всѣхъ въ нашей партіи оказывалось около ста восьмидесяти человекъ. „Ну, съ богомъ, въ путь,“ произнесъ офицеръ, махая рукою по направленію къ воротамъ.

Огромныя ворота отворились; на улицу вышли сначала солдаты съ ружьями, затѣмъ хлынула гурьбою арестантская масса.

Глава XXV.

ПЕРВЫЕ ДНИ ЭТАПНАГО ПУТЕШЕСТВІЯ. СОСТАВЪ ПАРТІИ. --- БРОДЯГИ. УГОЛОВНЫЕ ДВОРЯНЕ.

Когда мы вышли за ворота, я увидѣлъ копейныхъ солдатъ, сбитую по серединѣ толпу арестантовъ и десятка полтора телѣгъ, изъ которыхъ три были предназначены для насъ. Мы положили въ телѣги наши мѣшки съ вещами. Опять послышалась команда, и партія двинулась въ дорогу. Впереди всѣхъ шло врядъ нѣсколько человекъ солдатъ; за ними слѣдовали арестанты; сзади пѣшихъ арестантовъ ѣхали въ телѣгахъ ихъ жены съ дѣтьми; потомъ шли телѣги, занятія уголовными дворянами и, наконецъ, мы заключали шествіе. Сзади партіи и съ боковъ — вдоль улицы — шли цѣпью солдаты съ ружьями.

Признаться, наше шествіе сразу припомнило мнѣ погребальную процессію. Только, вмѣсто пѣвчихъ и музыки, мы имѣли звонъ кандаловъ, доносившійся изъ переднихъ рядовъ; а шагомъ ѣхавшія сзади женщины съ дѣтьми сильно напоминали родственниковъ и близкихъ друзей покойника. У нихъ, у всѣхъ и лица были такія озабоченныя, печальныя... Мы имѣли даже свой катафалкъ, и не одинъ, а цѣлыхъ два: двѣ телѣги были высоко нагружены арестантскими ножитками, заключавшимися въ холщевыхъ казенныхъ мѣшкахъ; эти мѣшки, сильно перевязанные веревками по всѣмъ направленіямъ, возвышались цѣлою горой надъ телѣгами, двигавшимися въ серединѣ медленно шествовавшей партіи. Повторяю, мы имѣли даже катафалки. Но гдѣ находился самъ мертвецъ

— трудно было отгадать... И ничего удивительного, такъ какъ мертвецъ былъ тутъ не одинъ, а сто восемьдесятъ человѣкъ. Это было грандіозное погребальное шествіе, въ которомъ хоронились сразу сто восемьдесятъ человѣкъ!

Но печальное сравненіе промелькнуло лишь на первыхъ порахъ; затѣмъ впечатлѣніе его скоро сгладилось; болѣе того, сдѣлалось и любопытно, и весело на душѣ. Сибирь, о которой и въ прозѣ, и въ стихахъ приходилось такъ много слышать ужаснаго; Сибирь — это царство снѣжныхъ мятелей — теперь со всякимъ шагомъ въ глубь ея, дѣлалась все болѣе и болѣе интересной. Ея грандіозныя рѣки, первобытные лѣса, горы, которыя уже видны были изъ оконъ красноярской тюрьмы и которыя скоро, вотъ, буду видѣть передъ собою (Западная Сибирь была ровная и даже низменная), — однимъ словомъ, все, что могло пугать завятаго горожанина, меня не только не пугало, а рѣшительно влекло къ себѣ. Городъ, съ его комфортомъ, мало привлекалъ меня въ ту минуту, такъ какъ я зналъ, что вмѣстѣ съ комфортомъ встрѣчу тамъ на всякомъ шагу жандармовъ и своры шпионовъ, а мои нервы просто устали отъ всей этой мерзости, и мнѣ хотѣлось куда нибудь — хоть къ черту — лишь бы не видѣть жанлармскихъ рожъ.

Пройдя улицами, партія наша спустилась къ берегу Енисея и тутъ остановилась въ ожиданіи перевознаго судна, находившагося въ ту минуту на противоположномъ берегу. Арестанты разѣлись на землѣ, и многіе изъ нихъ принялись переобуваться. Я замѣтилъ, что при этомъ нѣкоторые стаскивали черезъ пятку и кандалы. Вскорѣ подъѣхалъ къ намъ этапный офицеръ, остававшійся гдѣ-то позади, и меня очень изумило то обстоятельство, что арестанты продолжали сбрасывать свои кандалы, несколько не смущаясь его присутствіемъ. Но вотъ плашкотъ (такъ называется перевозное судно) причалилъ къ берегу, и началась нагрузка. Скоро судно наполнилось тѣлами и людьми. Между другими взошли на него и мы. Это было въ первый разъ, когда мы сѣмьшались, наконецъ, съ толпою арестантовъ, и

помню, это обстоятельство произвело на меня большое впечатлѣніе. Я привыкъ видѣть около себя жандармовъ и солдатъ, и здѣсь, очутившись въ кругу постороннихъ людей, да еще въ такой толпѣ, среди которой, казалось, можно было даже затеряться, я вдругъ почувствовалъ себя значительно свободнѣе. До сихъ поръ я видѣлъ глаза конвойныхъ, устремленные специально на меня. Два караульныхъ не отступали ни на шагъ; они стерегли именно меня, меня и никого другого; я это чувствовалъ каждое мгновеніе. Здѣсь я видѣлъ себя среди толпы, хоть и арестантской, а все таки толпы, состоявшей изъ нѣсколькихъ десятковъ человекъ (партія раздѣлена была на двѣ половины, т. к. не могла помѣститься вся на плашкотѣ); эту толпу конвоировали всего десятка два солдатъ (остальные солдаты остались на берегу съ другой половиной партіи), солдатъ, для которыхъ личность моя, мое Я, очевидно не представляло ничего особеннаго, спеціальнаго; это мое Я подведено было здѣсь подъ общій уровень и представляло не болѣе, какъ обыкновеннаго средняго арестанта, котораго только считают, но котораго знать въ лицо находить даже излишнимъ. Здѣсь я уже не чувствовалъ специально на себя устремленныхъ глазъ, и это вселяло во мнѣ ощущеніе большей свободы.

Между тѣмъ нашъ плашкотъ, гонимый теченіемъ, описывалъ огромную дугу на веревкѣ, укрѣпленной якоремъ по серединѣ рѣки; вначалѣ, отъ берега, онъ двигался медленно, но потомъ скорость его постепенно увеличивалась, и по серединѣ рѣки онъ летѣлъ, какъ птица; подплывая къ противоположному берегу, онъ опять уменьшилъ свою скорость. Причаливъ къ берегу, мы стали высаживаться. Впрочемъ, то еще не былъ берегъ Енисея, а только островъ, дѣлившій Енисей на два широкихъ рукава. Это былъ низкій песчаный островъ, весь заросшій лозою. Пройдя его, мы переправились черезъ второй рукавъ и высадились на тотъ (правый) берегъ. Тамъ мы подождали, пока присоединились къ намъ остальные арестанты, и вслѣдъ затѣмъ наша пар-

тія зашагала по тракту.

Все время я шель пѣшкомъ, не приеживаясь на телѣгу, ѣхавшую шагомъ, и гдѣ лежалъ только мой мѣшекъ съ вещами. Физическое утомленіе мало по малу взяло верхъ надъ другими ощущеніями; но и самое это утомленіе было мнѣ пріятно, такъ какъ я его давно не испытывалъ.

Къ вечеру мы прибыли на полу-этапъ. Здѣсь я опять увидѣлъ одноэтажное деревянное зданіе съ рѣшетчатыми окнами и высокой частоколь, обносившей дворъ. Огромныя досчатыя ворота оказались заперты въ ту минуту, когда партія наша подошла. У запертыхъ воротъ арестанты остановились и выстроились въ два ряда. Староста суетился, стараясь придать этимъ рядамъ прямую линію. Унтеръ-офицеръ сосчиталъ арестантовъ и тогда распорядился отворить ворота. Ворота растворились. Раздалось оглушительное „ура“, и арестанты со всѣхъ ногъ бросились въ ворота, давя и толкая другъ друга. Произошла неистовая суতোлка: крикъ, брань, звонъ цѣпей... Толпа такъ плотно сжалась въ проходѣ, что казалось, вотъ-вотъ готовы были выломаться боковые столбы воротъ. Передніе, которымъ удавалось вывертываться изъ этихъ тисковъ толпы, опростомельно мчались къ зданію, вскакивали въ камеры и занимали мѣста на нарахъ. Весь вопросъ въ томъ и заключался, чтобы захватить удобное мѣсто для почлега. Нужно, однако, сказать, что лучшія мѣста отступались во всякомъ случаѣ бродягамъ, пользовавшимся извѣстнымъ значеніемъ въ партіи.

Эта штурмовая сцена съ небольшими видоизмѣненіями повторялась потомъ всякій разъ, когда партія приходила на почлегъ и входила въ этапный дворъ.

Послѣ того, какъ наша партія вошла во дворъ, вѣхали телѣги съ вещами, и арестанты принялись ихъ разгружать. Потомъ телѣги уѣхали, ворота заперлись, и у калитки поставленъ былъ часовой.

Расположеніе камеръ почти по всѣмъ этапнымъ зданіямъ было одинаково, и этотъ первый полу-этапъ, на-

сколько могу припомнить, не отличался отъ другихъ. Дворянскія камеры, имѣвшія отдѣльный корридоръ съ выходомъ, находились въ переднемъ фасадѣ зданія, обращенномъ окнами къ улицѣ (этажи и полу-этажи стоятъ обыкновенно въ концѣ села). Въ боковомъ фасадѣ, тянувшемся вдоль двора, были двѣ, такъ называемыя, „общія камеры“, изъ которыхъ одна глядѣла окнами наружу, другая — во внутрь двора. Въ задней части зданія были камеры для семейныхъ арестантовъ, и тамъ же, въ другомъ только отдѣленіи, помѣщался конвой.

Прибывши на полу-этажъ, арестанты прежде всего занялись приготовленіемъ ѣды. Во дворѣ разложены были костры. Всякій готовилъ себѣ изъ тѣхъ продуктовъ — которые ему удалось купить у сельскихъ женщинъ, появившихся въ этапномъ дворѣ вскорѣ послѣ прихода партіи. Арестанты получали паекъ отъ офицера по десяти копѣекъ на всякаго (лица дворянскаго званія по пятнадцати) и на эти деньги дѣлали свои закупки.

Съ приближеніемъ сумерекъ арестантовъ загнали въ камеры, еще разъ провѣрили (сосчитали) и заперли на ночь.

Камеры были такъ малы (по сравненіи съ числомъ арестантовъ), что не хватало всеѣмъ мѣста на нарахъ; почти половина разложилась со своими мѣшками и подстилками подъ нарами, на полу и въ корридорахъ. Многіе помѣстились у насъ, въ дворянской камерѣ, чему, впрочемъ, мы были весьма рады, такъ какъ это давало намъ возможность поскорѣе завязать знакомства. Только выходныя двери были заперты на ночь, такъ что арестанты могли свободно переходить изъ одной камеры въ другую; кромѣ того, какъ я уже сказалъ, они пользовались и корридоромъ для помѣщенія. Въ корридорѣ, въ углу, около выходной двери, были поставлены на печь огромныя „нараши“; въ томъ же корридорѣ, но на противоположномъ концѣ помѣстился майданщикъ со своимъ сундукомъ, въ которомъ сохранялись припасы кирпичнаго чаю, сахару, соевыхъ свѣчей, табаку и другихъ принадлежностей, нужныхъ для арестантовъ.

„Майданъ“, являлся такимъ, образомъ чѣмъ то въ родѣ подвижной лавочки въ партіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ, а то даже, пожалуй, и главнымъ образомъ, игорнымъ домомъ. И теперь возлѣ майданщика горѣли свѣчи, и вокругъ разостланныхъ на полу халатовъ сидѣло около десяти человекъ и играло въ карты.

Въ камерахъ между тѣмъ состоялъ страшнѣйшій гамъ и шумъ, и среди этого шума раздавались время съ времени рѣзкіе, звенящіе удары по желѣзу. Эти удары производились по кандаламъ. Арестанты удлиняли заклепки въ кандалахъ, въ томъ кольцѣ, которое обхватывало ногу, для того чтобы можно было сбрасывать кандалы черезъ пятку. Я убѣжденъ, что этотъ звонъ разбиваемыхъ кандаловъ прекрасно слышали и солдаты, и офицеръ, но не обращали на это вниманія. Тотъ самый офицеръ, который еще сегодня утромъ перелѣ отправкою изъ Красноярска такъ тщательно осматривалъ у всѣхъ арестантовъ кандалы и приказывалъ кузнецу ихъ заклепывать, разъ находилъ у кого нибудь неисправными, этотъ самый офицеръ теперь спокойно слушалъ, сидя въ своей комнаткѣ на полу-этапѣ, какъ арестанты разбивали эти только что сдѣланныя заклепки. До Иркутска два мѣсяца этапнаго хода; не всякій въ состояніи совершить такое длинное путешествіе въ кандалахъ; поэтому на первомъ же полу-этапѣ многіе арестанты самовольно разбивали заклепки, чтобы можно было сбрасывать съ ногъ кандалы и, вложивши въ мѣшекъ, везти ихъ съ собою, подобно тому, какъ возитъ отставной офицеръ мундиръ, который служитъ ему только въ торжественныхъ случаяхъ. Нашъ офицеръ сегодня утромъ при приѣмѣ партіи являлся строгимъ блюстителемъ закона, требовавшаго заковки арестантовъ; здѣсь на полу-этапѣ онъ философски смотрѣлъ на нарушеніе этого самаго закона, очевидно сознавая его полную неприложимость къ дѣйствительнымъ условіямъ этапнаго передвиженія.

Въ „дворянскую“ камеру, гдѣ помѣщались мы, наблюлось множество народа; духота и вонь были невыноси-

мы, не смотря на то, что окна были отперты всю ночь. Но все это было ничто по сравнению съ тѣмъ, что происходило въ общихъ камерахъ и особенно въ корридорѣ. „Параши“ за ночь переполнились и содержимое, переливаясь черезъ край, текло по полу, распространяя страшный смрадъ; и тутъ же, возлѣ этой грязи, спали несчастные арестанты!

На разсвѣтъ выходная дверь была отперта солдатами, и арестанты въ камерахъ закопошились: стали подниматься, укладывать вещи въ мѣшки, — словомъ, готовиться въ дорогу. Парашики принялись за уборку корридоровъ и камеръ. Вотъ, наконецъ, раздалась громкая команда старшаго: „выходи на повѣрку!“ и арестантская масса двинулась изъ камеръ во дворъ. Здѣсь опять они построились въ два ряда, и Унтеръ-офицеръ ихъ пересчиталъ. Офицера не было: онъ даже не выходилъ изъ своего отдѣленія. Между тѣмъ во дворъ въѣхали двѣ телѣги, ихъ нагрузили мѣшками, перевязали веревками; когда все было готово, и повѣрка окончена, партія двинулась въ дорогу.

Къ вечеру мы прибыли на этапъ, отличавшійся отъ предыдущаго полу-этапа только тѣмъ, что былъ чуточку просторнѣе. Главнымъ образомъ просторнѣе было помѣщеніе для солдатъ и въ особенности для офицера; съ лѣвой стороны этапнаго двора для него построенъ былъ отдѣльный домикъ. Здѣсь наша партія имѣла дневку, во время которой офицеръ, конвоировавшій изъ Красноярска, передалъ партію новому этапному офицеру. Старая команда ушла послѣ этого обратно въ Красноярскъ, а партія двинулась дальше уже въ сопровожденіи новаго конвоя.

Такъ чередовались полу-этапы и этапы съ дневками, во время которыхъ при передачѣ партіи происходили болѣе тщательныя повѣрки, какъ самихъ арестантовъ (ихъ перекликали по „статейнымъ свискамъ“), такъ и казенныхъ вещей, находившихся у нихъ на рукахъ. Такъ двигалась наша партія.

У насъ, какъ и въ другихъ сибирскихъ этапныхъ

партіяхъ, бродяги являлись господствующимъ элементомъ; они задавали тонъ веѣмъ. Пронесло это отъ нихъ сравнительно большей организованности; кромѣ того, они представляли собою высшую ступень въ арестантской іерархической лѣтницѣ. Каторжанинъ, бѣжавши съ рудниковъ, стремится добраться до границъ Европейской Россіи; тамъ, въ случаѣ ареста, показываетъ себя „непомнящимъ“ „бродягою“; особенно полезно ему на этотъ случай имѣть „мѣсто“, т. е. показать себя на имя какого либо безъ вѣсти пропавшаго; въ такомъ случаѣ судьба его вполне обезпечена; онъ идетъ на мѣсто, судится тамъ за бродяжество, и на его прошлое навсегда натягивается занавѣсъ. На бродяжескомъ языкѣ это называется: „выходить себѣ волю“. Такимъ образомъ каторга является главнымъ поставщикомъ бродяжескихъ рядовъ, и всякій бродяга представляетъ собою скрывающагося каторжника.

Причину бродяжескаго вліянія, какъ я уже сказалъ, надо искать въ ихъ сравнительной организованности. Бродяга за бродягу всегда заступается; достаточно поднять споръ по поводу чего бы то ни было поселенцу съ бродягою, какъ тотчасъ же арава другихъ бродягъ поднимается на помощь сотоварищу, и споръ рѣшается почти всегда въ пользу послѣдняго. Я бывалъ свидѣтелемъ, какъ нарушалась при этомъ справедливость самымъ наглымъ образомъ. Сидя по разнымъ острогамъ, бродяги между собою сносятся. Стѣны этаповъ полны ихъ надписей, которыми они даютъ знать другъ о другѣ. „Съ шестой партіей 1879 года прошелъ Иванъ Николаевъ. Кланяется Кириичеву“, читаете вы (партіи обозначаются номерами; такъ наша партія была восьмая). Или: „гдѣ ты, Степанъ Тимофеевичъ? Откликнись Васильеву; онъ прошелъ съ четвертой партіей 1879 г.“ и т. д. Стѣны особенно отхожихъ мѣсть буквально ищещрены подобными надписями. Очевидно, „Степанъ Тимофеевичъ“ знаетъ, кто это „Васильевъ“, да знаетъ, гдѣ искать о немъ и свѣдений. Оба они не разъ уже проходили этимъ трактомъ и не разъ еще будутъ про-

ходить; раньше бродяжили вмѣстѣ гдѣ нибудь въ Томской губерніи, а, можетъ быть, даже и изъ карійскихъ рудниковъ вмѣстѣ спасались.

Если въ какой либо глухой мѣстности появлялся охотникъ, занимавшійся „промысломъ на горбачей“,*) т. е. другими словами, стрѣлялъ бродягъ ради одежды, топора, котелковъ и пр., то объ этомъ расходилась далеко вѣсть по острогамъ и тюрьмамъ, и бродяги сговаривались мстить. И мстили такимъ охотникамъ иногда весьма жестоко. Убить бродягу во время его странствованія не представляло бы никакой опасности, если бы другіе бродяги не являлись мстителями. Бродяга, безпаспортное существо, отверженное обществомъ, равно никому не интересное, кромѣ какъ себѣ подобнымъ, такимъ же бездомнымъ существамъ, — и исчезновеніе его изъ міра, конечно, не возбудитъ вниманія полиціи. Бродяги рассказывали мнѣ, что подобныхъ охотниковъ на „горбачей“ было не мало въ то время среди бурятъ Забайкальской Области; помню, указывали также на одного крестьянина, жившаго по такъ называемому „Илгинскому тракту“ (Иркутской губ.), который тоже, какъ говорили, стрѣлялъ бродягъ.

Вотъ въ этой то борьбѣ за свое существованіе, какъ внутри острога, такъ и на волѣ, создалось и окрѣпло бродяжническое товарищество (это слово я нахожу болѣе подходящимъ, чѣмъ слово организація), духъ котораго проявлялся на всемъ складѣ жизни сибирской этапной партіи. Вліянію бродягъ нужно приписать то, что въ нашей партіи, напр., не произошло ни одного случая доносничества, хотя смѣнокъ было сдѣлано много. Среди ста восьмидесяти арестантовъ, конечно, не мало нашлось бы охотниковъ наушничать и доносить изъ за мелкихъ выгодъ, если бы ихъ не сдерживалъ страхъ суда товарищей (бродягъ, главнымъ образомъ) и наказанія, подчасъ весьма жестокаго. Я помню, впрочемъ, какъ одинъ арестантъ донесъ на другого: посе-

*) Горбачъ — синонимъ бродяги.

денецъ донесъ на каторжанина, съ которымъ смѣялся за извѣстное вознагражденіе. Какую бурю вызвало это среди бродягъ! Каторжанинъ былъ въ нашей партіи; его тотчасъ же арестовали. Доносчикъ остался позади, въ больницѣ (онъ, вѣроятно, не поемѣлъ бы и донести, если бы шелъ вмѣстѣ съ партией и былъ на глазахъ у всѣхъ). Тотчасъ отыскались охотники, бравшіеся подождать его на ближайшемъ больничномъ этажѣ, съ тѣмъ чтобы его наказать тамъ, когда онъ будетъ проходить съ другою партией. Чѣмъ тогда окончилось это дѣло — мнѣ не извѣстно; но очень возможно, что доносчикъ былъ убитъ.

Итакъ, доносчики здѣсь не смѣли доносить; воры по профессіи здѣсь не смѣли воровать, и всякій оставялъ свой скарбъ на нарахъ безъ боязни, что его у него возмуть. Партія, состоявшая изъ подонковъ общества, съумѣла, такимъ образомъ, поднять свою жизнь на извѣстную ступень нравственной высоты. Вы, посторонній наблюдатель, сразу чувствовали, что этотъ сбродъ, какъ онъ ни свободно здѣсь проявлялъ свои нравы, не смѣлъ, однако, переступить извѣстныхъ границъ, — что здѣсь было сильное общественное мнѣніе, идти противъ котораго было даже опасно. Въ результатѣ получалась возможность жить среди этихъ людей, не слишкомъ насилуя свое нравственное чувство, даже лицамъ совершенно изъ другого лагера. Таковы были слѣдствія вліянія бродяжническаго товарищества.

Но если, съ одной стороны, товарищество это обуздывало проявленіе нѣкоторыхъ порочныхъ наклонностей, то, съ другой стороны, оно накладывало свою руку и на проявленія личной воли во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ это могло отразиться на ходѣ общей жизни. Тутъ не было мѣста философованіямъ на тему о свободѣ личности; личность здѣсь должна была подчиняться общимъ требованіямъ. Казалось, не было ничего естественнѣе для всякаго арестанта, какъ стремиться къ волѣ; и между тѣмъ арестантъ не смѣлъ бѣжать безъ согласія на то остальныхъ. Побѣгъ одного вызывалъ репрессаліи

на всю партію. Обозленный офицеръ (а озлобленіе у него появлялось потому, что побѣгъ лишалъ его наградныхъ) надѣвалъ паручни на всѣхъ арестантовъ, съкъ старосту и другихъ вожаковъ и т. п.

Такимъ образомъ, арестантъ не смѣлъ бѣжать самовольно изъ партіи, но, съ другой стороны, и офицеръ позволялъ ему сбрасывать съ ногъ кандалы и идти свободно во время этапнаго хода. Получался какъ бы взаимныя уступки и обязательства. Я здѣсь беру, конечно, отдѣльные примѣры этихъ обязательствъ, но въ дѣйствительности ихъ бездна (трудно было бы всё и перечислить) между арестантскою партіею и этапнымъ офицеромъ.

Помню, во время одного перехода партія наша остановилась „на привалѣ“ (на отдыхѣ) на тракту, среди лѣса. Многіе арестанты разбрелись между кустами. Когда пришло время двигаться, офицеръ подозвалъ старосту и спросилъ: „Надо ли провѣрять партію? — „Будьте спокойны, ваше благородіе! Не зачѣмъ трудиться“, отвѣтилъ староста. И офицеръ успокоился и, не провѣряя, приказалъ партіи двигаться.

Этотъ самый, впрочемъ, старичекъ офицеръ, выказавшій такое трогательное довѣріе къ арестантамъ, какъ потомъ я узналъ отъ старосты, не пускалъ торговокъ съ продуктами заходить въ этапный дворъ, а посылалъ своихъ солдатъ въ село за покупками продуктовъ для партіи. Это обходилось очень дорого арестантамъ, такъ какъ (всѣ утверждали и были увѣрены въ этомъ) старичекъ офицеръ со своими солдатами при этихъ покупкахъ удерживалъ себѣ черезчуръ большой процентъ за свое коммисіонерство.

Чуть ли не на первой же почевкѣ между другими познакомился съ нами одинъ старый бродяга, пользовавшійся вліяніемъ въ партіи, извѣстный подъ именемъ Бѣлова. На него указывали намъ еще въ Красноярскѣ наши административные, которымъ пришлось идти въ одной партіи съ нимъ изъ Томска. Этотъ Бѣловъ или Архиповъ (его и такъ, и иначе звали) былъ человекъ лѣтъ

за пятьдесятъ, высокаго роста, сильный: неумолимый ходокъ — онъ всю дорогу шель въ первыхъ рядахъ въ кандалахъ, которыхъ никогда не сбрасываль. По одному его поведенію съ этапными офицерами, которыхъ онъ зналъ едвали не всѣхъ поименно, съ шуточками, да прибауточками, которыми онъ пересыналь свою рѣчь, говоря съ ними, можно было заключить, что онъ былъ тутъ свой человѣкъ. Такъ завязалась какъ-то бесѣда у арестантовъ съ однимъ офицеромъ по поводу бродяжества. Офицеръ рѣзко порицаль бродяжество; тогда Бѣловъ вдругъ проговорилъ: „Вотъ скоро буду идти по бродячеству — къ вамъ же подойду, ваше благородіе, и милостыньку попрошу. И не откажете, подадите...“ Слова эти вызвали общій смѣхъ. И самъ офицеръ засмѣялся. Словоохотливый, почти болтливый --- Бѣловъ, однако, никогда не рассказываль о томъ, когда и за какое дѣло попалъ въ Сибирь. Но онъ любилъ поговорить о томъ, какъ онъ бродяжилъ; между прочимъ, не одинъ разъ вспоминаль о Сахалинѣ, гдѣ, по его словамъ, онъ долго прожилъ, и откуда ему удалось бѣжать только послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ. — „Сколько мы идемъ ужъ — все тянутся со стороны эти три проволоки, и конца имъ нѣтъ“, замѣтилъ онъ какъ-то во время пути, указывая мнѣ на три телеграфныя проволоки, протянутыя по телеграфнымъ столбамъ. А потомъ хвастливо добавилъ: „А я вотъ видѣлъ оба конца этихъ самыхъ проволокъ: одинъ въ Николаевскѣ, другой — во Владивостокѣ“. Мнѣ удалось убѣдиться въ томъ, что Бѣловъ говорилъ правду. Мы имѣли довольно подробную карту Сибири (раздобыли ее въ Красноярскѣ отъ административныхъ). И вотъ, однажды я развернулъ ее на паряхъ, а онъ принялся перенумеровывать станки, находящіяся на Амурѣ и по рѣкѣ Уссури. Я былъ удивленъ: онъ зналъ по порядку почти всѣ станки. Надо было дѣйствительно пройти, по крайней мѣрѣ, нѣсколько разъ этой дорогой, чтобы такъ хорошо ее запомнить. Такимъ образомъ, давно когда-то Бѣловъ былъ сосланъ въ каторгу (конечно, настоящее имя его было другое).

Потомъ ему оттуда удалось выбраться, и съ тѣхъ поръ онъ сталъ бродить по Сибири, не ища себѣ никакого другого выхода (да трудно было его и найти) и вполнѣ удовлетворяясь бродяжесствомъ. Особенно нравилось ему шататься по Западной Сибири, гдѣ, по его словамъ, народъ былъ добрѣе и охотнѣе кормилъ бродягъ. Припоминается мнѣ одна бесѣда Волошенко съ Бѣловымъ, въ которой этотъ послѣдній рельефно охарактеризовался. Сталъ онъ какъ-то намъ описывать прелести бродяжеской жизни. — „Поселишься это въ бань..., говорилъ онъ, живешь себѣ; никто тебя не трогаетъ. Настрѣляешь.*) Истопишь баню, — теплынь!... Паришься... Вотъ жизнь!...“

— „Ну, а потомъ что же?“ спрашивалъ Волошенко.

— „А что же потомъ? — Поживешь такъ на одномъ мѣстѣ, а потомъ и дальше...“

— „Ну?“ допытывался Волошенко.

— „А потомъ и опять тоже самое. Такъ и бродяжишь...“

— „Куда? Въ Россію, что ли пробираетесь?“

— „Зачѣмъ же въ Россію? Развѣ нашему брату можно жить въ Россіи? — Здѣсь все по Сибири больше ходимъ.“

— „Съ какою же цѣлью? Зачѣмъ?“

— „А такъ.“

— Ну, а если арестуютъ?

— „Не бѣда, успокоительно замѣтилъ Бѣловъ. Арестуютъ, подержать, да и пошлютъ съ этапомъ... Вотъ какъ теперь то идемъ. А дойдемъ до мѣста, изъ партіи освободятъ, и опять по бродяжеству.“

— „Опять, значитъ, назадъ, въ Западную Сибирь?“ спросилъ Волошенко.

— „А то какъ же, пзвѣстно туда.“

— „А потомъ опять съ этапомъ?“

— „А тамъ и снова съ этапомъ... Ничего не по-

*) Бродяжеское выраженіе — значитъ: напросить милостыни (хлѣба и др.)

дѣлаешь. Такова наша жизнь бродяжеская. А вы какъ думали?“

Въ этомъ шатаніи съ востока на западъ и обратно, при чемъ въ одну сторону (именно на востокъ) бродяга идетъ по этапу, а въ другую свободный — проходить его жизнь.

Наша вольная жизнь казалась интересной на столько, на сколько она могла служить для разрѣшенія извѣстныхъ революціонныхъ задачъ. Бродяга же мечталъ о томъ, какъ бы ему побродить, пожить хоть нѣкоторое время на волѣ и въ этомъ немногомъ онъ находилъ свою цѣль.

На первыхъ порахъ это безцѣльное бродяжеское шатаніе представлялось мнѣ просто дикимъ. Но чѣмъ болѣе я вдумывался, или вѣрилъ, чѣмъ больше я анализировалъ свои собственныя стремленія и мечты о волѣ, тѣмъ болѣе приходилъ къ тому заключенію, что въ концѣ концовъ гдѣ то на днѣ моей души присутствовала такой же бродяга, и я сталъ понимать эти бродяжескія шатанія.

Когда партія наша уже приближалась къ Иркутску, мы часто встрѣчали бродягъ, мчавшихся въ обратную сторону, на западъ. Ихъ тотчасъ же узнавали мы по одеждѣ, по котелку — непремѣнной принадлежности всякого бродяги — болтавшемся сзади у пояса и т. п. „Вишь, какъ его вѣтромъ гонитъ!“ острилъ Бѣловъ, завистливо глядя на одного такого, дѣйствительно, точно летѣвшаго сбоку тракта. Онъ, видимо, отсталъ отъ товарищей и теперь ихъ догонялъ. Съ какою завистью, помню, и я тогда смотрѣлъ на него! Встрѣчные бродяги передъ партіей сворачивали съ тракта и нерѣдко раскланивались передъ офицеромъ. Офицеръ и солдаты улыбались. Помню, у одного такого встрѣчнаго въ нашей партіи оказалось нѣсколько человекъ знакомыхъ. — „Какъ поживаете?“ кричалъ онъ имъ, останавливаясь сбоку дороги. — „А, ты ужъ бредешь, Пльюзика?“ радостно откликнулись арестанты. — „Иду, братцы, за казенными харчами.“ Въ партіи раздался смѣхъ. Бро-

дыга намекалъ на то, что, въ концѣ концовъ, онъ надѣется опять попасть въ тюрьму на казенные харчи.

Многіе бродяги ходятъ, упражняя при этомъ извѣстныя профессіи.

„Надѣлалъ я пилюль изъ свѣчнаго сала, рассказывалъ одинъ бродяга, а сало для цвѣта растеръ съ кирпичнымъ порошкомъ. Пилюли вышли отличныя, какъ аптечныя; ну, и пошелъ ихъ продавать бурятамъ. А они, буряты то, любятъ лечиться. И такъ это хорошо, братецъ ты мой! Накормятъ тебя, чаемъ напоятъ и денегъ въ придачу дадутъ.“

— „Ужъ чего лучше, замѣчаетъ слушатель. Ты это, значить, докторомъ ходилъ по бродяжеству?“

— „Докторомъ“, отвѣчаетъ рассказчикъ.

Другой бродяга нашей партіи, называвшійся Иваномъ Ивановичемъ Крученымъ, ходилъ по бродяжничеству въ роли сказочника.

— „Зайдешь къ желторотому чалдону*), сообщалъ онъ, накормитъ онъ тебя и ночевать оставитъ. Ляжетъ самъ на полатахъ али на печи и говоритъ: „Ну, паря, рассказывай“. Тутъ ему и начинаешь: „Въ нѣкоторомъ царствѣ...“ (а Иванъ Ивановичъ Крученый дѣйствительно прекрасно рассказывалъ сказки и много ихъ зналъ; не разъ, лежа на нарахъ, я заслушивался его до полуночи). Такъ что же вы думаете, братцы? Иной такъ всю ночь напролетъ слушаетъ. Самъ не спитъ и тебѣ спать не даетъ. Чуть задремлешь, — толкаетъ ногою: „что замолкъ, паря; рассказывай!“ А то есть другой — велитъ рассказывать, да велитъ еще и пятку себѣ чесать. Ну и чешешь ему, желторотому, пятку. Зато ужъ и накормитъ тебя! По Ениссейской дюже хорошо ходить по бродяжеству!“

— „По Ениссейской?! вмѣшивается вдругъ Бѣловъ. Нѣтъ, братцы! Нигдѣ нѣтъ лучше, какъ въ Барабѣ.**“) Народъ кроткій, добрый! Бродягъ вовсе не преслѣдуютъ.

*) Такъ называютъ сибиряковъ.

***) Барабинская степь, Тобольской губерніи

На ночь ѣду выставляютъ надъ дверью, хлѣбъ, да молоко для нашего брата, проходящаго. Здѣсь, по Восточной Сибири, развѣ принимаютъ такъ бродягъ? А тамъ заберешься это на заимку, тутъ тебѣ и ѣда и баня! Другой разъ и мѣсяць, и два живишь на одномъ мѣстѣ. Помогаешь на пакосѣ, либо по уборкѣ хлѣба. А захватитъ зима, и зимой тебя въ шею не гонять. Натаскаешь дровъ; истопишь хорошенько баню; паришься... Тутъ же и спишь. Настрѣляешь хлѣба, молока, а то и крупы; варишь ѣду... На дворѣ холодище, холодище! Вьюга. Снѣгъ выше роста человѣческаго. А у тебя въ банѣ теплынь, чудо! Огонь горитъ весело; котелокъ виситъ, — варится каша... И никто тебя не трогаетъ, никому ты не нуженъ. Вотъ гдѣ жизнь бродягъ!“

Лежа по вечерамъ на нарахъ, въ смрадной камерѣ за рѣшетками и слушая эти рассказы, мнѣ живо вставали передъ глазами и эта заимка съ теплой баней, закинутая въ глухомъ, глухомъ мѣстѣ, и лютый морозъ, замуравившій сверху до низу маленькія оконца (если только были, конечно, самыя оконца, а то можетъ имѣться бычачій пузырь вмѣсто стеколъ), и льсны тропы, выбитыя въ глубокомъ снѣгу тутъ же за баней и убѣгавшія куда то къ рѣчному оврагу. И никто тебя тамъ не тронетъ, и можешь жить сколько хочешь.

И тоска по волѣ охватывала меня, какъ охватывала она — я это видѣлъ — и другихъ, и самихъ рассказчиковъ.

— „Вотъ, только бы до мѣста*) добратся, ободрали они себя. А тамъ мѣшекъ за плечи, и въ путь дороженьку.“

Чтобы надлежащимъ образомъ оцѣнить значеніе, которое бродяга придаетъ такимъ, невидимому, незначительнымъ благополучіямъ, какъ теплая баня или чашечка, не нужно упускать изъ виду его тюремно-этапной обстановки, гдѣ онъ лишень и чайку, и бани, и гдѣ

*) До мѣста поселенія

какъ одно, такъ и другое появляется у него лишь изрѣдка, въ видѣ роскоши.

Но самое существенное, конечно, во всемъ этомъ это воля. Она служитъ лучезарнымъ свѣтомъ, скрашивающимъ рѣшительно все неблагополучіе его скитальческой жизни; если ему случается иногда оставаться безъ ѣды и спать въ тайгѣ, согрѣвая свои озябшія ноги у костра, то зато онъ себя чувствуетъ тамъ свободнымъ; а послѣднее чувство до того острое и глубоко захватывающее, что оно одно можетъ сдѣлать человека счастливымъ; и оно его дѣлаетъ счастливымъ.

Съ нашей партіей шли между другими и уголовные дворяне; ихъ было три семьи: пошъ изъ Вологодской губ., сосланный за плутни (чуть ли не за продажу изъ церкви какихъ то старыхъ иконъ, которыми интересовались почему то раскольники и покупали). Онъ шелъ на поселеніе въ Восточную Сибирь, и съ нимъ былъ его сынъ, мальчикъ лѣтъ шести; шляхтичъ изъ Юго-Западнаго края, сосланный въ каторгу за убійство; и, наконецъ, нѣкій Максимовъ, шедшій на десять лѣтъ каторжныхъ работъ за совершенное имъ отравленіе одного или двухъ человекъ съ цѣлью грабежа. И Максимовъ, и шляхтичъ были женаты, и жены ихъ сопровождали; но ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ дѣтей. Максимовъ представлялъ собою довольно своеобразную фигуру. Съ поразительной невозмутимостью разсказывалъ онъ мнѣ о томъ, какъ отравилъ людей, служащихъ при какомъ то банкѣ, съ цѣлью грабежа. Я теперь не помню всѣхъ деталей этого гнуснаго дѣла, но личность самого Максимова запечатлѣлась въ моей памяти, и я живо представляю его себѣ теперь. Средняго роста, крѣпко сложенный человекъ, съ тягучимъ голосомъ; глаза и вся растительность на лицѣ и головѣ какого то пенельно-сѣраго цвѣта. Но характернымъ былъ его громадный ротъ, наполненный крупными зубами, которыхъ было у него какъ будто больше, чѣмъ сколько полагается вообще имѣть людямъ. Глядя на этотъ широкій ротъ, мнѣ почему то всегда казалось, что онъ былъ

способенъ отравить въ случаѣ нужды: не только двухъ, а цѣлую сотню людей заразъ.

Эти три дворянскія семьи ѣхали на подводахъ и получали, вмѣсто 10, — 15 кофеекъ кормовыхъ въ сутки на человѣка. Они не состояли въ артели и часто приходили въ непріязненные столкновенія съ партіей, благодаря своей претенціозности и наущничеству, которое довольно таки часто практиковалось ими, особенно по-немъ. Такъ, онъ неоднократно поднималъ шумъ и жаловался офицеру на то, что въ дворянскую камеру набивалось на ночь много народу. Но такъ какъ арестантамъ помѣститься въ „общихъ“ камерахъ было невозможно, то само собою разумѣется, что его ругали за эти жалобы. Нерѣдко также староста (староста былъ изъ бродягъ; подстароста — каторжанинъ) ругалъ иона за то, что онъ раздавалъ арестантамъ деньги подъ залогъ казенныхъ вещей, напр. рубахъ. Чаще всего подобные займы совершали арестанты картежники; конечно, они въ концѣ концовъ проигрывались и оставались и безъ денегъ, и безъ вещей. Между тѣмъ на дневкахъ, при повѣркѣ казенныхъ вещей, разъ ихъ не доставало у кого нибудь, офицеръ поднималъ исторію. Въ такихъ случаяхъ на выручку шли обыкновенно мы. Передъ повѣркою староста являлся къ намъ и забиралъ у насъ рубахи, портки и т. п. рухлять, которую возвращалъ намъ потомъ — послѣ повѣрки. Помогали мы также и въ другомъ случаѣ: когда въ партіи открылся тифъ, мы нерѣдко отдавали свои подводы для больныхъ. Эти мелкія одолженія создали хорошія отношенія къ намъ со стороны арестантовъ, которыя не ухудшились до конца пути. Я помню, какъ однажды подстароста, каторжанинъ Ершевъ, разсердившись за что то на дворянъ, векочилъ въ дворянскую камеру и сталъ ихъ ругать площадною бранью. — „Господа политическіе, пожалуйте не подумайте, что мы противъ васъ“, обратился онъ къ намъ, мѣняя тонъ, и велѣдъ за тѣмъ опять продолжалъ ругать дворянъ.

Непріязнь арестантовъ къ дворянамъ вытекала от-

части изъ зависти, которую они питали къ нимъ за то, что тѣ пользовались извѣстными привилегіями, но отчасти вызывалась эта непріязнь и предосудительнымъ поведеніемъ дворянъ. Последнее же происходило совѣмъ не потому, что бы дворяне на самомъ дѣлѣ были болѣе деморализованнымъ элементомъ, — въ партіи среди непривилегированныхъ, конечно, нашлось бы не мало такихъ, которые перещеголяли бы и дворянъ въ доношничествѣ и другихъ гадостяхъ, — но отъ этого сдерживалъ ихъ страхъ передъ судомъ артели. Ссылные же дворяне стояли внѣ этой артели; сами между собою они тоже не имѣли никакой связи или товарищества, которое могло бы ихъ удерживать отъ проявленія дурныхъ склонностей, а это была причина, почему они казались хуже другихъ.

Таковъ, въ общемъ, былъ составъ нашей партіи.

Глава XXVI.

НАШИ ПЛАНЫ ПОБѢГА. — СМѢНКА ИЗБИЦКАГО. ПОПЫТКА КЪ БѢГСТВУ СЪ ПОЛУ-ЭТАПА.

Между тѣмъ партія правильно подвигалась впередъ, ночуя на полу-этапахъ и пользуясь дневками послѣ всякаго двухдневнаго перехода. Мы перезнакомились съ арестантами, осмотрѣлись, и мало по малу у насъ сталъ зрѣть планъ побѣга. Задумали мы бѣжать всѣ пять человекъ (шестой — одинъ изъ братьевъ Избицкихъ долженъ былъ изъ партіи выйти на поселеніе, если не измѣняетъ память, въ г. Канекъ, Енисейской губ., а по-

тому ему, конечно, о побѣгѣ не надо было думать). Казалось — не было ничего легче, какъ бѣжать и скрыться въ этихъ дремучихъ лѣсахъ, тянувшихся по обѣимъ сторонамъ тракта; правда, кое-гдѣ лѣса эти были повырублены, но такія вырубленные мѣста представляли собою не что иное, какъ незначительныя поляны среди безконечнаго лѣса, зеленѣвшаго кругомъ по всему горизонту. Бѣжать, казалось, легко; опасность побѣга и весь рискъ представлялись лишь потомъ, когда поднимаются облавы.

Сущность сибирекой облавы состояла въ томъ, что по окрестнымъ селамъ сообщались примѣты бѣглецовъ, и всюду принимались слѣдить за проезжающими и проходящими по этой мѣстности. Такъ какъ движеніе было слабо, то чужому человѣку проскользнуть незамѣтно оказывалось рѣшительно невозможнымъ. Достаточно было показаться въ деревнѣ, чтобы быть арестованнымъ, такъ какъ разъ была объявлена облава по деревнямъ, хватали всѣхъ мало мальски подозрительныхъ личностей; тутъ даже не справлялись о примѣтахъ, а брали всякого, кто не могъ дать объясненій — кто онъ и куда шелъ или ѣхалъ. При подобныхъ обстоятельствахъ побѣгъ изъ партій оказывался труднымъ.

Но повидимому, достаточно было имѣть незначительную помощь извнѣ, чтобы преодолѣть эти трудности. Помощь должна была заключаться въ томъ, чтобы снабдить бѣглецовъ съѣстными припасами, чтобы они спокойно могли сидѣть въ укромномъ мѣстечкѣ, гдѣ либо въ лѣсной труппѣ, не заходя въ деревни и выжидая время, пока уляжется облава въ окрестности, и жизнь войдетъ въ свою нормальную колею, — и только тогда, выйдя изъ своего убѣжища, двигаться куда надо.

Вотъ эти то соображенія и легли въ основаніе нашего плана. Мы рѣшили, чтобы одинъ изъ насъ освободился путемъ смѣнки и, выйдя на волю, организовалъ побѣгъ остальныхъ. За это взялся Владиславъ Избицкій. Подысканъ былъ смѣнщикъ изъ бродягъ, ивкій Курдюковъ, который долженъ былъ выйти на поселеніе въ

Енисейской губ. въ Рыбинской волости, и Владиславъ — вмѣсто Курдюкова — на Рыбинскомъ этапѣ освобожденъ былъ изъ партіи. Мы ему дали большую половину имѣвшихся при насъ денъ гъ (болѣе 100 руб.), для того чтобы онъ могъ купить коня съ телегою и обогнать далеко впередъ нашу партію. Тамъ, впереди онъ долженъ былъ выбрать подходящій полу-этапъ, сдѣлать въ немъ подкопъ (черезъ который намъ можно было бы бѣжать), и, само собою разумѣется, заготовить достаточное количество съѣстныхъ припасовъ, чтобы мы могли просидѣть, не двигаясь, гдѣ нибудь въ лѣсу, пока будутъ вестись облавы. Надо сказать, что полу-этапныя зданія стоягъ пустыми и запертыми все время и становятся обитаемы только на ту ночь, когда почуветь партія: разъ партія ушла — полу-этапное зданіе вновь затворяется до появленія слѣдующей партіи, которая, на сколько было извѣстно, проходила трактомъ въ недѣлю одинъ разъ.

Такимъ образомъ, планъ нашъ былъ такой, чтобы Владиславъ, опередивши партію, забрался въ пустой полу-этапъ и оттуда провелъ подкопъ за стѣну. Поднять доски, скажемъ, въ дворянской камерѣ, и изъ подъ пола подрыться подъ деревянное зданіе, съ незначительнымъ фундаментомъ — едвали могло представить особенныя трудности. Конечно, это намъ такъ представлялось; но не зная все таки навѣрно, какія могутъ встрѣтиться затрудненія въ дѣйствительности, мы условились съ Владиславомъ, чтобы онъ оставлялъ всюду условные значки (мѣломъ или углемъ) по телеграфнымъ столбамъ, по деревяннымъ периламъ мостовъ, встрѣчавшихся по дорогѣ и, наконецъ, по стѣнамъ этаповъ и полу-этаповъ, для того чтобы мы могли слѣдить за нимъ. Въ томъ же полу-этапѣ, гдѣ будетъ приготовленъ самый подкопъ, онъ долженъ былъ въ извѣстномъ мѣстѣ (на сколько помню — въ нужникѣ) оставить указаніе — въ какой именно камерѣ (дворянскихъ камеръ во всякомъ этапномъ зданіи обыкновенно двѣ), и какія именно доски въ полу надо было приподнять, чтобы отыскать подкопъ. Под-

конь, конечно, не могъ быть выведенъ имъ до самаго конца, и предполагалось, что мы его за ночь успѣемъ додѣлать. Если же окажется невозможнымъ почему либо устроить подкопъ, тогда онъ объ этомъ долженъ былъ насъ извѣстить условленными знаками, и въ такомъ случаѣ, побѣгъ мы предполагали сдѣлать просто во время самаго хода партіи... Но въ этомъ случаѣ онъ опять таки долженъ былъ дать намъ сигналъ (свистками), чтобы мы бросившись во время хода „на ура“, какъ называютъ арестанты этотъ способъ побѣга, не растерялись потомъ въ лѣсу и могли бы собраться въ одно мѣсто. Понятно, что побѣгъ „на ура“ можно было предпринять только въ такомъ мѣстѣ, гдѣ тайга вплотную тянулась возлѣ самаго тракта, такъ что достаточно было сдѣлать нѣсколько скачковъ, что бы скрыться среди деревьевъ.

Такъ то было нами обдуманно и предусмотрено, какъ намъ казалось, все, и Избицкій вышелъ на волю. Въ помощники ему былъ выбранъ одинъ бродяга по имени Иванъ Николаевичъ (или Николай Ивановичъ — теперь ужъ я не помню), который тоже вмѣстѣ съ нимъ былъ освобожденъ изъ партіи въ той же Рыбннской волости.

На другой день утромъ партія наша двинулась въ путь. Помню, проходя деревенскою улицей, я увидѣлъ Владислава Избицкаго, сидящаго на заваленкѣ одного крестьянскаго домика, въ красной рубахѣ (онъ успѣлъ уже себѣ пріобрѣсти рубаху) веселаго, здороваго. День былъ такой ясный, солнечный; и онъ сидѣлъ на заваленкѣ такой же ясный и, глядя на насъ, улыбался намъ; а мы сидѣли на нашихъ телегахъ, шагомъ ѣхавшихъ сзади партіи, и тоже смотрѣли на него. Это былъ послѣдній разъ, когда я видѣлъ Владислава Избицкаго, — этого здоровеннаго парня, голубоглазаго, съ кудрявой головой. Послѣ того намъ не довелось больше встрѣтиться.

День или два спустя мы замѣтили по дорогѣ условные знаки, которые указывали на то, что онъ обогналъ партію и двигался впередъ. Знаки, сдѣланные мѣломъ, шли черезъ два или три этапныхъ перехода; но затѣмъ

они пропали. Мы всё глаза проглядѣли, всматриваясь въ телеграфные столбы и въ потемнѣвшія деревянныя стѣны этаповъ. Знаки пропали потому, что Избицкій повернулъ назадъ. Объ этомъ я узналъ потомъ; тогда же мы только догадывались объ этомъ, но не могли знать навѣрно. Что вынудило его вернуться назадъ — навѣрно сказать не могу; но предполагаю, что причиною тому было недостаточное количество денегъ. Наша сотня рублей, которую онъ взялъ съ собою, оказалась, очевидно, совершенно недостаточной ввиду той дороговизны, какая была въ томъ году. А имъ вдвоемъ, да еще съ конемъ, приходилось не мало расходовать, и онъ, должно быть, разсчиталъ, что ему лучше вернуться въ Томскъ (гдѣ имѣлись адреса), застѣсь деньгами и затѣмъ уже отправиться въ догонку партіи. Онъ такъ и поступилъ. Но догнать партіи ему потомъ не удалось. Наши уже достигли мѣста (Кару), когда онъ явился въ Иркутскъ. Изъ Иркутска онъ поѣхалъ въ Варгужинъ, но далѣе его слѣды исчезаютъ, и мнѣ не извѣстна его дальнѣйшая судьба. По однимъ слухамъ, онъ бызъ зарѣзанъ бродягами (указывали именно на этого самаго Ивана Николаевича, который долженъ былъ ему помогать въ устройствѣ нашего поѣзда). По другому слуху — онъ потерялся гдѣ то на Байкалѣ. Во время остановки парохода, для нагрузки дровъ, Избицкій, ѣхавшій на этомъ пароходѣ, сошелъ, говорятъ, на берегъ и не возвратился болѣе; предполагаютъ, что онъ удалился далеко отъ берега, и его гдѣ нибудь задралъ медвѣдь. Какъ бы тамъ ни было, несомнѣнно только одно, что Владиславъ Избицкій погнѣ въ Сибири; но Сибирь слишкомъ велика, и гдѣ именно покоятся его бѣдные кости — никому не извѣстно.

Я, конечно, забѣжалъ здѣсь слишкомъ впередъ, чтобы сообщить краткую исторію Избицкаго. А потому возвращаюсь къ прерванному разсказу.

Предоставленные самимъ себѣ, о чемъ мы скоро догадались, не встрѣчая больше нигдѣ по дорогѣ условленныхъ знаковъ, мы не покинули, однако, мысли о поѣ-

гѣ. Но на помощь извинѣ уже не могли рассчитывать, и свой побѣгъ мы должны были совершить какъ то иначе.

Въ нашей партіи шелъ на каторгу пѣкій Петровъ. Это былъ бродяга, попавшійся гдѣ то въ Томской губ. во время бродяжества въ грабежѣ, за что и былъ осужденъ къ шести годамъ каторги. Не разъ любовался я, глядя на его высокую, стройную фигуру, когда онъ, бывало, стоя на этанномъ дворѣ въ кружкѣ игроковъ, высоко вверхъ подбрасывалъ свою мѣдную монету. Петровъ былъ лѣтъ тридцати, съ большимъ свѣжимъ шрамомъ на лбу. Во время бродяжества онъ задумалъ ограбить церковь въ одной деревнѣ; и въ ту минуту, какъ онъ туда забрался, произошла тревога, сбѣжался народъ и окружилъ церковь. Однако войти въ запертую церковь (онъ влѣзъ туда черезъ окно) никто не рѣшился; тогда Петровъ, думая бѣжать и надеясь на свои ноги, прыгнулъ изъ окна на мужиковъ; въ эту минуту онъ получилъ ударъ палкою по головѣ, свалившій его съ ногъ. Онъ былъ арестованъ; потомъ судимъ. Таково было происхожденіе шрама. Петровъ былъ страстный игрокъ въ „орлянку“, какъ называли арестанты игру, состоящую въ томъ, что игроки подбрасывали вверхъ мѣдныя монеты и отгадывали, какой стороной она должна была упасть на землю: орломъ или рѣшеткою.

Замѣтивши, что мы думаемъ о побѣгѣ (а это видѣли всѣ болѣе смысленные арестанты), онъ съ нами сблизился и вмѣстѣ съ нами сталъ обдумывать планъ побѣга; ему самому очень хотѣлось бѣжать; но бѣжать арестанту изъ партіи, какъ я уже объявлялъ раньше, значило нарушить обычай — почти законъ — арестантскій, на что едвали онъ рѣшился бы самъ. Съ нами же дѣло принимало совѣмъ другой характеръ. Мы не были въ артели; мы составляли совершенно отдѣльную грунку. Ни арестантскій староста, ни артель не могли быть отвѣтственны какъ за нашъ побѣгъ — еслибы таковой случился — такъ и вообще за какіе бы то ни было другіе наши поступки. Это было ясно для всякаго;

а потому и побѣгъ Петрова вмѣстѣ съ нами не могъ быть тоже поставленъ въ вину артели. Чтобы еще болѣе гарантировать интересы артели, мы, на основаніи инструкціи, предписывавшей держать насъ отдѣльно отъ уголовныхъ, стали требовать отъ офицеровъ, чтобы намъ отпускалась отдѣльная камера во время почевокъ на этапахъ. Мы успѣли добиться этого: насъ отдѣлили даже отъ дворянъ, и только одного Петрова, по нашей просьбѣ, оставляли при насъ. У конвойныхъ не закрадывалось подозрѣніе, что мы думаемъ о побѣгѣ, и къ нашимъ требованіямъ они относились снисходительно, придавая имъ совсѣмъ другое объясненіе; на нашу просьбу оставлять Петрова съ нами, они смотрѣли просто, какъ на прихоть баръ, желавшихъ имѣть возлѣ себя прислугу, тѣмъ болѣе, что Петровъ и въ самомъ дѣлѣ помогалъ намъ варить ѣду и исполнялъ разныя другія работы.

Между тѣмъ партія двигалась впередъ; время уходило, и со дня на день дѣлалось холоднѣе. Приближалась сибирская зима: по ночамъ стали появляться приморозки. По утрамъ трава и деревья бывали покрыты бѣлымъ инеемъ. Нашъ планъ былъ очень простъ: бѣжать ночью съ этапа и скрыться въ лѣсу; а тамъ, что будетъ — то будетъ! Петровъ надѣялся, что ему удастся вывести насъ тайгою куда-то на рѣку Чулымъ, притокъ Оби, гдѣ онъ бродяжилъ и гдѣ, по его словамъ, легко будетъ укрыться на время облавы. Но по картѣ, до рѣки Чулыма было очень далеко, такъ какъ партія наша въ ту минуту, когда мы окончательно рѣшили бѣжать съ этапа, находилась уже возлѣ города Нижне-Удинска, Пркутской губ. Какъ бы тамъ ни было, но вопросъ былъ рѣшенъ, и мы высматривали только благопріятнаго случая. Имѣя ввиду бродяжить по тайгѣ, мы дѣятельно занялись приготовленіемъ подходящей одежды. Петровъ зналъ нѣсколько портняжить; изъ старыхъ полушубковъ (полученныхъ нами въ г. Маринскѣ не въ зачетъ) онъ пошилъ мѣховыя шапки и мѣховыя чулки, и съ этой стороны всѣ мы приготовились вполне.

Сначала мы думали было бѣжать черезъ окно, подливши рѣшетку (пилки у насъ были). Но при этомъ неминуемо должно было произойти столкновение съ часовымъ, ходившимъ вдоль оконъ, такъ какъ нельзя было надѣяться проскользнуть незамѣтно нѣсколькимъ человѣкамъ. Петровъ предлагалъ убить часового; но мы не соглашались съ этимъ планомъ: совершить убійство ради побѣга — было бы ужъ слишкомъ много. Мы находились въ нерѣшимости, но въ это время случай помогъ намъ.

Помню, прибывши на одинъ полу-этапъ, названіе котораго къ сожалѣнію не сохранилось въ моей памяти, мы замѣтили, что слуховое окно, находившееся на крышѣ зданія, было отперто. Мы рѣшили этимъ воспользоваться. Надо было только черезъ слуховое окно вылезть на крышу и спуститься на противоположную сторону зданія, а потомъ спрыгнувъ на землю, бѣжать въ лѣсъ. Полу-этапъ стоялъ почти у самой опушки лѣса.

Вечеромъ, какъ только прошла провѣрка, и мы остались одинъ въ камерѣ, мы занялись осмотромъ потолка, чтобы выбрать удобное мѣсто для пролома на чердакъ. Надъ печкой, возлѣ трубы, проходившей на чердакъ, мы замѣтили въ потолкѣ короткія доски (потолки, какъ и стѣны этаповъ — деревянные не штукатуренные). Сорвать эти доски не представляло большого труда; въ какихъ либо полчаса времени онѣ были отбиты, и съ чердака на печь посыпалась сухая земля (потолокъ сверху былъ усыпанъ сухой землей). Образовалась дыра, черезъ которую свободно можно было пролѣзть на чердакъ. Тогда мы потушили свѣчку въ камерѣ и, захвативши съ собою все, что считали нужнымъ имѣть при побѣгѣ, взобрались на печь, а оттуда на чердакъ. Я забылъ сказать, что еще раньше всѣ деньги, какія у насъ были, мы раздѣлили между собою поровну, и всякій взялъ свою часть; это сдѣлано было на тотъ случай, чтобы не остаться кому нибудь безъ денегъ, разъ во время побѣга случится почему либо разбѣжаться въ разныя стороны. Насколько помню, на вся-

кого пришлось по 8 или 9 рублей. Само собою разумеется, что и Петровъ, наравнѣ съ другими, получилъ свою часть.

Итакъ, мы взобрались на чердакъ. Чтобы сколько нибудь ориентироваться, — такъ какъ тамъ была абсолютная темнота — мы выпуждены были зажечь спичку. Замѣтивши бревно, тянувшееся вдоль зданія, мы тихо двинулись одинъ за другимъ по этому бревну. Спичку тотчасъ погасили, такъ какъ было опасно, чтобы часовой случайно не увидѣлъ извнѣ свѣта. Мы тихо шли одинъ за другимъ. Но какъ мы не старались тихо двигаться по чердаку, шаги наши все таки были слышны внизу, въ арестантскихъ камерахъ. Надо было проходить вдоль всего зданія надъ „общими“ камерами, такъ какъ слуховое окно находилось на другомъ концѣ. То заскрипитъ балка подъ чьей либо ногою, то кто нибудь изъ насъ оступится и произведетъ шумъ. „Гуру-ру-ру-у!“ раздавались снизу изъ камеръ десятки голосовъ; но потомъ вдругъ голоса, точно по сигналу, умолкали, — наступала мертвая тишина, видимо, прислушивались къ нашимъ шагамъ. И опять новый неосторожный шагъ съ нашей стороны на чердакъ, — слышался скрипъ балки или доски подъ ногами, — и опять раздавался снизу гулъ голосовъ. Гуломъ этимъ арестанты словно старались заглушить наши шаги по чердаку.

Какъ бы тамъ ни было, но мы добрались до слухового окна: вотъ оно передъ нами отпертое, смотритъ прямо во дворъ! Ночь была не совсѣмъ свѣтлая, такъ что отдаленные предметы нельзя было хорошо различать. Бѣлая, легкая изморозь покрывала деревянную крышу зданія. Надо было вылѣзть изъ слухового окна на крышу, доползти до конька крыши и затѣмъ спуститься на противоположную сторону зданія. Стоя у открытаго слухового окна и глядя во дворъ, мы слышали сзади шаги часового, стучавшіе объ мерзлую землю; онъ ходилъ вдоль задняго фасада зданія, гдѣ мы должны были прыгать на землю. И такъ, часовой ходилъ и тамъ! Оказывалось, что бѣгство этимъ путемъ не представляло для насъ ника-

кихъ преимуществъ передъ побѣгомъ черезъ окно. Развѣ только то, что здѣсь не надо было пилить рѣшетки. Но лишь только мы вылеземъ на крышу, — эти мерзлыя, покрытыя инеемъ доски начнутъ трещать, и это, конечно, привлечетъ вниманіе часового, а, можетъ быть, даже услышатъ солдаты, помѣщающіеся внизу, именно въ этой части зданія. Если бы насъ было одинъ или два, а то — шесть человекъ! Не мыслимо было всемъ шестерымъ такъ тихо пробраться, чтобы не услышали. Кромѣ того, глядя внизъ на землю, мнѣ показалось теперь, что было очень высоко отъ крыши до земли, и что прыгать съ такой высоты на мерзлую твердую землю было опасно. — „Навѣрно сломаешь ногу“, шепталъ я Петрову, стоявшему возлѣ меня.

— „Пустое!“ шопотомъ ободрялъ онъ меня. „Смѣло прыгай! Ты любишь волю?“ шепталъ онъ мнѣ дагѣе, наклоняясь къ самому моему лицу. — „Хочешь воли? Прижми руку къ сердцу — и прыгай!“

Но сомнѣніе росло и усиливалось во мнѣ со в якимъ мгновеніемъ; опять дѣйствительность оказывалась не такой вблизи, какой она представлялась изъ за рѣшетки, — издали. Въ довершеніи всего кто-то обратилъ вниманіе на тѣнь, чернѣвшую во дворѣ, возлѣ стѣны зданія; высказано было предположеніе, что это часовой, и тутъ мы уже окончательно пришли въ уныніе. Нерѣшительность овладѣла всеми; впрочемъ не всеми: Волошенко молчалъ, а Петровъ категорически продолжалъ настаивать на побѣгѣ. „Дого, можетъ, еще и не часовой... Кто знаетъ, что тамъ чернѣетъ!“ говорилъ онъ намъ. Но если это даже былъ и не часовой, то тамъ, сзади зданія, гдѣ надо было прыгать съ такой высоты на мерзлую землю, — тамъ навѣрно ходилъ часовой, и очевидно (по крайней мѣрѣ мнѣ въ ту минуту до наглядности это было очевидно), что разсчитывать на успѣхъ не было ни малѣйшаго основанія; если одному или двумъ еще и могъ удасться этотъ прыжекъ, то изъ шести, по крайней мѣрѣ, одному, а то и двумъ, конечно, при-

десея понасть на штыкъ часовому: достаточно споткнуться и не устоять на ногахъ.

Мы рѣшили воротиться въ камеру.

--- „Мнѣ ворочаться нельзя, проговорилъ тогда Петровъ. Вамъ другое дѣло, а мнѣ нельзя. — Накажутъ... Партія осмѣетъ меня.“

Петровъ рѣшилъ остаться у слухового окна; съ нимъ пожелалъ остаться и Волошенко. Остальные четверо насъ пошли назадъ; тою же дорогою, по балкамъ чердака, мы добрались до дыры и спустились обратно въ камеру. Обезкураженные, мы прилегли на парахъ и въ темнотѣ, молча, стали ждать конца.

Прошло много времени или, по крайней мѣрѣ, мнѣ такъ показалось, что прошло много времени. Во всемъ зданіи царилъ мертвая тишина, только за нашими окнами слышались ровные шаги часового, словно огромнаго маятника, выстукивавшаго свое мѣрное тикъ-такъ. Я ждалъ чего-то — самъ не зналъ чего, — напряженно вслушиваясь. Вдругъ среди этой тишины донесся отдаленный хриплый крикъ: „караулъ!“ Мое сердце учащенно застучало. — „Вотъ-вотъ загремитъ выстрѣлъ!“ мелькнуло въ моей головѣ. Но выстрѣла не послѣдовало. Я услышалъ шумъ во дворѣ, — голоса, громкія хлопанія калитки; и мимо нашихъ оконъ пробѣжало нѣсколько человекъ. Арестанты въ камерахъ зашумѣли, заговорили сразу все. Солдаты пробѣгали мимо нашихъ оконъ (что это были солдаты, — я догадывался по звуку ружей), заворачивали за уголъ и мчались къ заднему фасаду зданія. Тамъ должно было что-то совершиться! „Бѣжали ли нѣтъ?“ мелькали въ головѣ вопросы. Шумъ во дворѣ и въ камерахъ усиливался. По двору пронеслись какіе то крики. Въ эту самую минуту слышались чьи то тяжелые, совѣмъ неосторожные шаги вверху, на чердакѣ. Мы зажгли свѣчу. Черезъ дыру въ камеру влѣзъ Волошенко.

Съ чердака спустился Волошенко и усѣлся на верху печки, свѣсивъ ноги внизъ. Онъ былъ очень блѣденъ и сидѣлъ нѣсколько мгновеній, молча; раза два сорва-

лишь у него слова: „А! сукнишь сынь!“ — видимо относившіяся къ Петрову; но что эти слова выражали у него въ ту минуту — брань или похвалу и удивленіе (такъ какъ извѣстно, что это выраженіе въ устахъ русскаго иногда можетъ выражать и похвалу) — не беруся опредѣлять. Немного успокоившись, онъ разсказалъ, какъ было дѣло.

Вылѣзши благополучно черезъ слуховое окно на крышу, такъ какъ никакого часового во дворѣ не было (на другой день мы убѣдились, что, въ самомъ дѣлѣ, тамъ стоялъ деревянный столбъ) и добравшись до конька, они стали спускаться внизъ на противоположную сторону зданія по несчастью какъ разъ въ то время, когда часовой шелъ съ ихъ сторону. Они уже спустились на самый край крыши, когда часовой, поравнявшись съ ними, точно по инстинкту, поднялъ голову и посмотрѣлъ вверхъ. Петровъ прыгнулъ прямо на него и моментально убѣжалъ въ дѣсь. Часовой совершенно растерялся и принялся кричать. Волошенко же не прыгнулъ, остался на крышѣ и сидѣлъ тамъ до тѣхъ поръ, пока не сбѣжались солдаты. „Стрѣлай его!“ крикнулъ одинъ изъ нихъ часовому. „Не смѣешь: я политическій,“ отозвался Волошенко; и послѣ того онъ полезъ вверхъ по крышѣ, перевалилъ на другую сторону къ слуховому окну и по чердаку добрался до камеры.

Волошенко еще сидѣлъ на печкѣ и полевывалъ внизъ, когда возлѣ нашей камеры послышался шумъ; съ громомъ и звономъ отперлась дверь, и на порогѣ показался этапный офицеръ, а сзади его толпа солдатъ съ ружьями.

— „Боже мой! Боже мой! венескивая рукави, завонилъ онъ. Что вы сдѣлали со мною, госнода!“ Полное отчаяніе звучало въ его голосѣ.

— „Политическіе веѣ на лицо; бѣжалъ уголовный“, замѣтилъ ему кто то изъ насъ.

И только когда онъ увѣрился, что бѣжалъ не политическій, а уголовный — тогда успокоился. Само собою разумѣется, что обо всемъ этомъ составленъ былъ актъ;

осмотрена была дыра на чердакъ, продѣланная въ потолокъ; лазили даже, чтобы посмотреть, и къ слуховому окну. Офицеръ грозилъ заковать насъ въ наручники, но, видимо, человекъ оиъ былъ добродушный, можетъ, и скандала хотѣлъ избѣгать, — и дѣло ограничилось лишь тѣмъ, что за нами съ этого дня учрежденъ былъ болѣе внимательный надзоръ: во время пути возлѣ нашихъ телегъ всегда шло два-три солдата, а во время остановокъ на станкахъ насъ затворяли въ камерѣ и нерѣдко у дверей ставили часового.

Глава XXVII

МОЯ СМѢНКА. — БѢДСТВІЯ ПАРТИИ. ПРИБЫТІЕ ВЪ ИРКУТСКЪ — ИРКУТСКАЯ ПЕРЕСЫЛЬНАЯ ТЮРЬМА. — ОТПРАВЛЕНИЕ НА МѢСТО ПОСЕЛЕНІЯ — ОСВОБОЖДЕНІЕ.

До Иркутска оставалось ведѣли двѣ ходу (а вся дорога отъ Красноярска до Иркутска совершается въ два мѣсяца), когда мнѣ удалось договориться о смѣнкѣ съ однимъ поселенцемъ, по имени Павловымъ. Смѣнщикъ мой потребовалъ съ меня въ видѣ вознагражденія высокіе сапоги и фланелевую рубаху, которые я носилъ, и восемь рублей деньгами. Кромѣ того я потомъ еще внесъ въ артельную кассу три рубля.*) За день передъ тѣмъ этапомъ, гдѣ мы должны были смѣняться, я притворился

*) Это было совсѣмъ не такъ много, какъ представлялось потомъ Стеблину-Камеискому. Въ біографіи Понко, написанной имъ и напечатаной въ женевскомъ изданіи „Съ Родины на Родину“ № 3, говорится между прочимъ, что „бѣжавшіе (изъ

больнымъ и въ дорогѣ все время укутывалъ свое лицо, а прійдя на почлегъ, легъ на нары и закрылся съ головою. На слѣдующій день точно также всю дорогу я сидѣлъ на телѣгѣ и кутался. Дѣлалъ я это затѣмъ, чтобы мое лицо не запечатлѣлось въ памяти какого либо солдата. Команда, какъ я уже говорилъ раньше, мѣняется во время дневки, поэтому всего удобнѣе было произвести смѣнку во время дневки. У уголовныхъ это дѣлается очень просто: послѣ заключенія договора, дѣло сводится къ тому, что при повѣркѣ по „статейнымъ спискамъ“ одинъ откликается вмѣсто другого, и такъ продолжаютъ идти, всякій по назначенію. Мнѣ надо было употребить приемъ нѣсколько сложнѣе, вѣдѣстvie надзора, которымъ насъ окружили со времени побѣга Петрова. Я поступилъ такъ. Я передалъ смѣнщику, чтобы онъ зашелъ въ отхожее мѣсто, находившееся во дворѣ, какъ только увидитъ, что я иду туда. Тамъ мы должны были обмѣняться вещами, и, закрывши лицо полущубкомъ (какъ это дѣлалъ я) онъ долженъ былъ оттуда идти въ камеру политическихъ, — я къ уголовнымъ. Этотъ планъ

иркутекой тюрьмы: Пошко, Волошенко и другіе. (Объ этомъ побѣгѣ, совершившемся позже, я разскажу въ своемъ мѣстѣ) не разчитали своихъ силъ. Хроническій голодъ съ самаго Красноярска, благодаря тому, что свои деньги были потрачены на побѣгъ В. Избицкаго и Вл. Мокрѣевича, а на казенныя кормовыя — при тогдашней дороговизнѣ — только только что можно было не умереть съ голоду; сидѣніе въ тюрьмѣ безъ прогулокъ и пр. — все это оказало вліяніе“. Эти сообщенія Стеблина-Каменскаго, дѣлаемая имъ со словъ другихъ (самъ онъ шелъ въ другой партіи, а не съ нами), не вносишь вѣрны. Дѣйствительно, Избицкій смѣнился почти въ самомъ началѣ этапнаго путешествія, дней 8 или 9 спустя послѣ выхода изъ Красноярска (въ Рыбинской волости), и его смѣнка могла отразиться, да и отразилась въ самомъ дѣлѣ на финансовомъ положеніи остальныхъ, такъ какъ ввиду нашего плана побѣга, мы должны были ему выдѣлить почти половину нашихъ общихъ денегъ для покупки лошади съ телѣгой и также для другихъ расходовъ. Но что касается до меня, то мнѣ прежде всего пришлось идти съ этапомъ отъ Красноярска до Иркутска, и слѣдовательно, если ужъ говорить о „хроническомъ голодѣ“ съ самаго Красноярска, то голодали мы во всякомъ случаѣ вмѣстѣ.

удался. Павловъ, хотя и не походилъ на меня лицомъ, былъ одинаковаго со мною роста и, когда надѣлъ на себя мои ботфорты, а сверху набросилъ мой казенный полушубокъ и теплую шапку (пошитую Петровымъ), то его наружный видъ подходилъ къ моему. Проверка и сдача новому конвою прошли благополучно; Павловъ въ это время лежалъ на парахъ, притворившись сляцимъ. Старый конвой ушелъ, и съ этой стороны дѣло было обезпечено. Первый шагъ вышелъ удаченъ. Я же съ своей стороны, войдя въ „общую“ камеру немедленно обрилъ бороду и, чтобы придать себѣ видъ уголовного, (уголовнымъ брили головы) очень низко остригся.

Не разъ вспоминая это событіе, я удивляюсь, — какъ могло начальство поддаться обману, принимая Павлова за меня? По „статейному списку“ я значился бывшимъ студентомъ университета, между тѣмъ онъ былъ едва грамотенъ; по одной-двумъ фразамъ можно было заключить о степени его интеллигентности. Наконецъ, и по наружному виду онъ совсѣмъ не подходилъ къ той роли, которую бралъ на себя: голова его была бритая (какъ у всѣхъ непривилегированныхъ); между тѣмъ я препровождался на правахъ дворянина, и, слѣдовательно, моя голова не подлежала бритью. Какъ это обстоятельство прежде всего не бросилось въ глаза ни одному изъ этапныхъ офицеровъ, никому изъ Иркутскихъ властей?! Въ теченіе трехъ недѣль Павловъ изображалъ меня, сталкивался какъ съ этапными, такъ и съ Иркутскими властями, и ни у кого не родилось подозрѣнія! Любопытно знать, былъ ли бы открытъ этотъ обманъ, если бы не послѣдовалъ доносъ? Сомнѣваюсь. Въ дорогѣ случился, напр., такой болѣе чѣмъ удивительный фактъ: одинъ этапный офицеръ, страдавшій какою то болѣзнью, видя по „статейнымъ спискамъ“, что Избицкій и я значимся бывшими студентами медиками*), обратился къ

*) Изъ шестилѣтняго моего пребыванія въ университетѣ — я слушалъ лекціи года три по физико-математическому и столько же по медицинскому.

моему смѣнщику за совѣтомъ; тотъ не ударилъ лицомъ въ грязь и принялся давать какіе-то совѣты.

— После смѣнки, само собою разумѣется, я шелъ уже на положеніи уголовнаго непривилегированнаго званія, т. е. получалъ кормовыхъ (или какъ арестанты называютъ „наекъ“) десять копѣекъ въ день, вмѣсто пятнадцати, и долженъ былъ носить кандалы; моя голова должна была имѣть такой видъ, какъ будто она была брита около мѣсяца тому назадъ (арестантовъ брѣютъ при отправкѣ — въ Красноярскъ, — затѣмъ на половинѣ пути — въ Нижне-Удинскъ, Иркутской губ.). Потому то я и былъ принужденъ послѣ смѣнки остричься при самой головѣ. Что касается, впрочемъ, до кандаловъ, то, по примѣру большинства арестантовъ, я почти все время держалъ ихъ въ мѣшкѣ. Только на послѣднемъ станкѣ долженъ былъ надѣть ихъ на ноги, такъ какъ въ Иркутскъ надо было явиться въ полной формѣ.

И такъ, я смѣнялся; но гдѣ, въ какой волости должны были выпустить меня на поселеніе — не было извѣстно; приходилось ждать. Между тѣмъ партія наша неизмѣнно подвигалась впередъ установленнымъ порядкомъ, т. е. два дня ходу, — третій дневка. Со всякимъ шагомъ на востокъ становилось труднѣе ей двигаться: по мѣрѣ приближенія къ Иркутску, цѣны на хлѣбъ возрастали; если намять не измѣняетъ, приходилось платить за фунтъ по восьми и девяти копѣекъ. Лица у арестантовъ замѣтно пожелтѣли; начался голодъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ появился тифъ въ партіи. Тогда, помню, воротили партіи (Бѣловъ и другіе) надумались просить этаннаго офицера, чтобы онъ позволилъ, при проходѣ черезъ деревню, пропѣть „милосердную“ (пѣсню эту не дозволяютъ пѣть во всякое время) и просить милостыню. Офицеръ далъ разрѣшеніе. И вотъ, когда партія вошла въ деревню и растянулась улицей, изъ переднихъ рядовъ раздались звуки „милосердной“. Скоро пристали другіе, и пѣсню запѣла почти вся партія. Слово я не помню, да и мотивъ не остался въ моей памяти,

но впечатлѣніе отъ этой пѣсни сохранилось во мнѣ и теперь. Мнѣ и теперь чудятся эти протяжные, унылые звуки, вытягиваемые усталыми голосами, съ длинными передышками и остановками, во время которыхъ слышится лязгъ кандаловъ. Затихаетъ пѣсня; голоса умолкаютъ. И вновь затягиваютъ басы изъ переднихъ рядовъ новую строфу; затягиваютъ басы, а не другіе голоса потому, что въ нашей партіи среди басовъ находились болѣе опытные пѣвцы (Вѣловъ, между прочимъ, пѣлъ басомъ); а къ басамъ вновь пристають другіе голоса, но присоединяются не разомъ, не дружно, а кто когда усѣдетъ, въ разбивку; и опять поетъ вся партія „милосердную“. И все это при шумѣ шаговъ, скрипѣ телегъ, звонѣ цѣпей. Да, въ эту минуту наше шествіе дѣйствительно походило на погребальную процессію.

Нѣсколько человекъ арестантовъ, съ мѣшками въ рукахъ, отдѣлившись отъ партіи, шедшей серединою улицы, подходили въ это время къ крестьянскимъ избамъ и, снявши шапки, просили милостыню. Староста суетился и то и дѣло перебѣгалъ съ одной стороны улицы на другую.

Къ голоду, какъ я уже сказалъ, присоединился тифъ; одно время чуть не всякій день кто либо заболѣвалъ въ партіи. Между тѣмъ этапы съ больницами отстояли на значительномъ разстояніи, такъ что оставалось только укладывать больныхъ на телеги и такъ продолжать этапное путешествіе. Помню, одинъ арестантъ умеръ въ дорогѣ; когда партія пришла на ночлегъ, и телега съ мертвецомъ въѣхала въ этапный дворъ, нѣсколько человекъ арестантовъ пришлось стаскивать мертвеца. Длинный-длинный показался онъ мнѣ, когда его стаскивали! И съ какимъ трудомъ его стащили! Да, трудно жилось тогда бѣднымъ арестантамъ.

Но жизнь брала свое; здѣсь на этапѣ она являлась только болѣе сконцентрированной: горе и веселье, надежда и отчаяніе — все было вмѣстѣ, все можно было наблюдать въ одной камерѣ. Тутъ можно было слышать веселую, захватскую пѣсню или остроу, вызывавшую

взрывъ хохота, и тутъ же одновременно, откуда нибудь изъ подъ паръ слышался стоиъ или бредъ умирающаго. Эти противорѣчія какъ будто не замѣчались никѣмъ, и всякій жилъ, какъ хотѣлъ.

Въ двадцатыхъ числахъ октября 1879 г. наша партія дотащиалась, наконецъ, до г. Иркутска.

Последній переходъ къ Иркутску былъ болѣе обыкновеннаго: кажется, вереть тридцать съ лишнимъ. Такое пространство пройти въ капдалахъ съ непривычки мнѣ было тяжело (а мнѣ пришлось надѣть ихъ на ноги на послѣднемъ станкѣ), и потому, подходя къ иркутской пересыльной тюрьмѣ, я чувствовалъ большую усталость. Все мои желанія въ ту минуту сосредоточены были на одномъ: какъ бы поскорѣе взобраться на пары и по-лежать. Не думаю, чтобы и у другихъ арестантовъ не было такихъ же желаній. Но какъ будто на зло насъ не впустили даже на тюремный дворъ и заставили около часу времени ожидать и мерзнуть на улицѣ у воротъ пересыльной тюрьмы. Какая причина была этому — не знаю. Можетъ быть, чиновникъ, отъ котораго это зависѣло, игралъ въ это время въ карты и не хотѣлъ оставить игры. Между тѣмъ время было холодное. Снѣгъ уже всюду лежалъ. Сибирская зима началась. Морозы со всякимъ днемъ крѣпчали, а въ этотъ день къ вечеру и совсѣмъ сдѣлалось холодно.

Былъ часъ восьмой вечера, когда начальство заблагоразсудило насъ впустить; ворота пересыльной тюрьмы отворились, наконецъ, и мы — полузамерзшіе — вбѣгли во дворъ. Безъ повѣрки мы вошли въ зданіе; но здѣсь въ первой комнатѣ насъ остановили. Это была просторная комната (на столько просторная, что вмѣстила всю партію; правда, комната оказалась биткомъ набита людьми), въ родѣ передней, очевидно, не предназначавшаяся для помѣщенія арестантовъ, такъ какъ въ ней не было паръ; изъ нея вело нѣсколько дверей въ разныя отдѣленія, но все двери были теперь заперты, кромѣ одной, сквозь которую пропускали по одному человѣку изъ нашей партіи въ сосѣдную комнату,

гдѣ и происходилъ пріемъ. Тамъ за большимъ столомъ, на которомъ навалены были статейные списки нашей партіи, сидѣло нѣсколько чиновниковъ; совѣтникъ губернскаго правленія бралъ въ руки статейный списокъ и вызывалъ арестанта по фамиліи; нашъ староста, стоявшій возлѣ двери, громко повторялъ фамилію, и вызванный арестантъ, захвативъ съ собою свое имущество, входилъ въ эту комнату. Производилась повѣрка казенныхъ вещей, и затѣмъ провѣреннаго пропускали не назадъ, а въ слѣдующую третью комнату, которая и предназначена была собственно для помѣщенія нашей партіи.

Очередь дошла и до меня.

— „Павловъ!“ услыхалъ я голосъ старосты.

— „Здѣсь!“ отвѣчалъ я и, схвативъ свой мѣшокъ, двинулся къ дверямъ комнаты, гдѣ засѣдало начальство.

--- „Павель Павловъ?“ переспросилъ совѣтникъ, взглянувъ на меня вскользь и углубляясь въ мой статейный списокъ.

— „Точно такъ“, отвѣтилъ я, стараясь по возможности въ своихъ отвѣтахъ подражать уголовнымъ арестантамъ.

— „За что судился?“ спросилъ онъ.

— „За грабежъ...“

— „Казенныя вещи всѣ?“

— „Всѣ.“

— „Двѣ рубахи, двѣ пары полотнянныхъ штановъ, двѣ пары портянокъ, суконные штаны, полушубокъ, шапка, рукавицы, пара котовъ, подкандалники, кандалы...“ перечислялъ совѣтникъ.

При всякомъ наименованіи я всякій разъ повторялъ: „есть“.

Во время этого опроса какая-то темная личность, какъ потомъ оказалось, надзиратель пересыльной тюрьмы, шарилъ руками въ моемъ мѣшкѣ, очевидно, стараясь удостовѣриться — на самомъ ли дѣлѣ все у меня есть.

Наконецъ, мой пріемъ конченъ. Кандалы, которые

снимали со всѣхъ въ Иркутскѣ (каторжанъ потомъ при отправкѣ за Байкаль вновь заковывали), не пришлось разбивать на мнѣ кузнецу, такъ какъ я могъ ихъ и самъ сбросить.

И вотъ я въ камерѣ.

Быль часть 12 ой ночи, когда пріемъ нашей партіи окончился. Мнѣ хотѣлось ѣсть, но еще болѣе — отдохнуть. Закусивши немного, я растянулся на парахъ рядомъ съ однимъ бродягой и, не смотря на шумъ кругомъ, сталъ дремать. На парахъ и подъ парами арестанты лежали буквально одинъ возлѣ другого. Въ камеру внесена была „параша“; двери были заперты; окна тоже, такъ какъ время было холодное. Можно судить — до какой степени атмосфера была убійственная! Но этого никто не замѣчалъ; да и я неудобство это ощущалъ въ незначительной степени; мнѣ хотѣлось спать до того, что даже вши, размножившіяся у насъ до невѣроятныхъ размѣровъ, не помѣшали мнѣ заснуть немедленно.

Жалкая жизнь была арестантовъ въ иркутской пересыльной тюрьмѣ! Хлѣбъ въ это время былъ копѣекъ по восьми за фунтъ. А такъ какъ казна отпускала кормовыхъ только десять копѣекъ въ день на всякаго арестанта, то тюремному начальству — даже при его желаніи — не было возможности хорошо кормить насъ. Хлѣбъ выдавался въ недостаточномъ количествѣ; на приварокъ ежедневно полагались щи, отвратительнѣе которыхъ я раньше никогда не видывалъ. Это была попросту грязная, вонючая, горячая жидкость, въ которой ни крупы, ни зелени почти не замѣчалось; кромѣ того раздавали намъ еще по небольшому кусочку варенаго мяса; оно-то и придавало вонючій запахъ щамъ.

По утрамъ всѣ камеры обыкновенно отворялись, и арестанты пересыльнаго замка смѣшивались и толкались вмѣстѣ цѣлый день, пока не наступалъ вечеръ, когда опять ихъ раздѣляли, дѣлали новѣрку и запирали по камерамъ на ночь.

Я пробылъ въ иркутской пересыльной тюрьмѣ дней восемь, и за это время наша однообразная жизнь нарушена была раза два слѣдующимъ образомъ.

Помню, одинъ разъ явился совѣтникъ (тотъ самый, который принималъ нашу партію) вмѣстѣ съ другимъ господиномъ, тоже, повидимому, какимъ-то чиновникомъ, и стали вызывать къ себѣ поселенцевъ. Въ числѣ другихъ былъ вызванъ и я. Дѣло заключалось въ томъ, что тому чиновнику хотѣлось нанять себѣ дешеваго кучера и онъ, пользуясь знакомствомъ съ совѣтникомъ губернскаго правленія, рѣшилъ поискать среди поселенцевъ. Подобный способъ найма прислуги часто практикуется сибирскими чиновниками. Обыкновенно арестантъ радъ поскорѣе вырваться на свободу и потому рѣдко останавливается передъ невыгодными условіями найма. Такъ какъ въ мой планъ не входило искать работы въ Иркутскѣ, то я и отказался отъ этого предложенія.

Въ другой разъ въ пересыльную пріѣхалъ иркутскій брантъ-майоръ. Опять таки для найма людей въ пожарную команду (Иркутскъ недавно передъ этимъ почти весь сгорѣлъ, и потому, должно быть, начальство, по русской пословицѣ, „заднимъ умомъ крѣпкое“ заботилось теперь объ укомплектованіи пожарной команды). Съ этимъ брантъ-майоромъ вечеръ прошелъ у насъ весьма оживленно. Человѣкомъ онъ оказался разговорчивымъ и изрядно посмѣшилъ арестантовъ. Помню, обращался онъ и ко мнѣ съ предложеніемъ опредѣлиться въ пожарные, но я и отъ этой должности отказался.

— „Почему?“ спросилъ онъ, оглядывая меня потѣшно какъ то бокомъ и при этомъ такъ величественно старался откинуть голову свою назадъ, но выходило это у него не величественно, а глупо, что мнѣ стоило большаго усилія не раземѣяться.

— „Боюсь пожаровъ, ваше благородіе! отвѣчалъ я.

— „Такихъ мнѣ не надо! такихъ мнѣ не надо!“ торопливо проговорилъ брантъ-майоръ, дѣлая отрицательный жестъ рукою.

Разговоръ арестантовъ съ нимъ сдѣлался особенно оживленнымъ послѣ того, какъ одинъ изъ ссыльныхъ заявилъ, что онъ предпочитаетъ бродяжить, чѣмъ служить въ пожарной командѣ. По этому поводу поднялся споръ; брантъ-майоръ старался доказать невыгоду бродяжества и, въ концѣ концовъ, привелъ, самъ того не подозрѣвая, весьма остроумное сравненіе Россійскаго Царства съ паскотниной*), при чемъ такъ закончилъ: „Сколько ни бродяжь — все равно изъ паскотины не выйдешь: широка она и велика у нашего государя.“

Ровно черезъ недѣлю послѣ нашего прибытія въ Иркутскъ подъ вечеръ сквозь замерзшія окна камеры я увидѣлъ, какъ подходила къ нашей тюрьмѣ слѣдующая за нашей этанная партія № 9-й (партіи обозначались номерами; наша была восьмая, считая отъ начала весенней навигаціи 1879 года). Арестанты съ любопытствомъ прижались къ окнамъ, чтобы разглядѣть вновь прибывшихъ; всякій ожидалъ увидѣть тамъ своихъ знакомыхъ. Я смотрѣлъ тоже. Но не въ самой партіи некаль я глазами своихъ знакомыхъ: ихъ тамъ не могло быть, — а сзади, на телѣгахъ, ѣхавшихъ въ концѣ. И вотъ мимо нашихъ оконъ медленно тянулесь телѣги; на одной изъ послѣднихъ, мнѣ показалось, будто я узналъ Позена. Трудно, однако, было утверждать, такъ какъ голова его была закутана, съ другой стороны, мое окно, въ которое я глядѣлъ, все слезилось отъ растаявшей воды. Политическихъ содержали не въ пересыльной, а въ тюремномъ замкѣ, такъ что въ это время я не имѣлъ возможности съ ними встрѣчаться.

На слѣдующій день въ члелѣ поселенцевъ, отправляемыхъ на мѣсто назначенія, вызванъ былъ и я. Волость, куда мы были назначены, находилась по „Московскому тракту“, верстахъ въ шестидесяти отъ Иркутска. „Московскимъ трактомъ“ называется дорога, идущая изъ Иркутска на Красноярскъ, Томскъ и т. д. по направ-

*) Въ Сибири такъ называется огороженное мѣсто возлѣ деревни, предназначенное для выгона скота.

ленію къ Москвѣ. Такимъ образомъ насъ должны были препроводить тою же дорогою, которою мы уже проходили недѣлю тому назадъ, только теперь, конечно, въ обратномъ направленіи. Какъ объяснить подобную нераспорядительность начальства, которое, вмѣсто того чтобы прямо оставить насъ еще тогда въ Тельминской волости, зачѣмъ-то протаскало насъ до Иркутска, держало въ пересыльной тюрьмѣ и теперь возвращало назадъ? Не знаю. Какъ бы тамъ ни было, мы были отправлены съ обратной этапной командой и 1-го ноября 79-го года прибыли въ Тельму. Офицеръ распорядился тотчасъ отправить насъ въ волостное правленіе. На волостномъ дворѣ въ послѣдній разъ подвергли насъ повѣркѣ: всякаго поименно выкликали по статейнымъ спискамъ и справлялись о казенныхъ вещахъ, хотя съ этого момента они становились уже нашей собственностью. Въ заключеніе писарь объявилъ намъ, чтобы мы отправлялись на ночлегъ въ „сельскую избу“, а на другой день онъ обѣщалъ распределить насъ по участкамъ (волость дѣлилась на участки).

Мы вышли изъ волостного правленія уже одни, безъ стражи. Конвойные солдаты ушли на этапъ.

Я шелъ свободный по улицѣ въ этой большой деревнѣ. Свободный!.. Какъ это было странно! Въ кievской тюрьмѣ меня стерегли пуше глаза. На рѣкѣ Оби солдаты становились цѣнью вдоль борта баржи, чтобы я не вздумалъ бѣжать, бросившись въ воду (какой рискъ, подумаешь!?)... А тутъ вдругъ сами выпустили на волю! Во всемъ этомъ крылось, конечно, огромное недоразумѣніе. Но все таки я былъ свободенъ. Мною охватило особенное состояніе, въ родѣ того опьяненія, какое я испытывалъ во время переѣзда черезъ Уральскія горы; но теперь оно было въ болѣе сильной степени. Состояніе это походило на то, какъ если бы я очутился на этой деревенской улицѣ послѣ продолжительной болѣзни, когда голова слегка кружится отъ свѣжаго воздуха, и глазу, отвыкшему смотрѣть на внѣшній міръ, но пріобрѣвшему послѣ болѣзни особую остроту, все кажется

такимъ праздничнымъ и яркимъ. Все, на что я смотрѣлъ — крестьянскія избы, люди, куры, голуби, которыхъ было тутъ множество, — все выглядело какъ-то иначе, не какъ всегда; а главное — все получило теперь несравнимо большее значеніе въ моихъ глазахъ.

Улица пересѣкала базарную площадь; здѣсь мы увидѣли вывѣску „распивочно и на выносъ“. — „Зайдемъ“, предложилъ кто-то; и человѣка три отдѣлилось отъ нашей группы и зашли въ кабакъ. Остальные пошли дальше по направленію къ „сельской избѣ“. Но у слѣдующаго кабака задержались и остальные. Я тоже зашелъ вмѣстѣ съ другими. Это было передъ вечеромъ; а вечеромъ мы явились въ „сельскую избу“, гдѣ намъ для ночлега была отведена горница. Въ числѣ поселенцевъ находились двѣ женщины. Обѣ были уже не молоды, но ихъ присутствіе все таки вдохновляло компанію. Устроено было общее чаепитіе; на столѣ опять появилась водка. Въ концѣ концовъ все напились. Я оставался, конечно, трезвымъ и съ любопытствомъ смотрѣлъ на то, какъ празднуютъ наши арестанты свой выходъ на волю. Они пѣли и кричали; гамъ и шумъ стояли въ избѣ. Одинъ въ припадкѣ пьянаго раскаянія находилъ почему-то нужнымъ кланяться всѣмъ въ ноги и почти со слезами, какъ передъ неповѣдью, просить: „прости, братъ! Можетъ я тебя чѣмъ обидѣлъ!“ Между прочимъ одинъ изъ поселенцевъ (которыхъ, помнится до десятка вылучено было тогда въ Тельминской волости) долго надѣдалъ мнѣ со своимъ „мѣстомъ“, которое у него имѣлось ввиду гдѣ-то въ Тульской губ.; онъ старался меня убѣдить въ томъ, что это „мѣсто“ можетъ выручить меня изъ бѣды, въ случаѣ моей поимки.

Только за полночь публика нѣсколько поуспокоилась и принялась укладываться спать. Я заснулъ тоже.

Но на утро я проснулся очень рано и отправился продавать вещи: мнѣ надо было выручить для дороги сколько нибудь денегъ, такъ какъ я рѣшилъ немедленно бѣжать изъ Тельмы. Медлить съ этимъ было неблагоприятно. Поселенцы, выпущенные вмѣстѣ со мной,

само собою разумѣется, все знали — кто я и какъ очутился среди нихъ; они молчали до поры до времени; но при первомъ допросѣ, слѣдовало ожидать, что все расскажутъ, что знаютъ. Оставляя даже въ сторонѣ предположеніе о доносѣ, который могъ быть сдѣланъ какимъ нибудь арестантомъ, я долженъ былъ ожидать всякую минуту, что иркутскія власти сами по себѣ откроютъ обманъ, и въ такомъ случаѣ тоже не замедлятъ принять мѣры къ моему аресту. Однимъ словомъ, благородіе требовало, чтобы я немедленно бѣжалъ. Но у меня не было ни денегъ, ни связей. Я имѣлъ только одинъ адресъ одного моего пріятеля, сосланнаго административнымъ порядкомъ раньше въ Сибирь и жившаго въ деревнѣ, названія которой я здѣсь не привожу изъ осторожности: но деревня эта находилась верстахъ въ ста пятидесяти отъ Тельминской волости. Мнѣ не оставалось другого исхода, какъ бѣжать туда; и я рѣшилъ туда бѣжать.

Отъ продажи вещей — арестантскаго халата и рукавицъ — я выручилъ, помнится, около полутора рубля и часамъ къ двяти утра былъ готовъ къ дорогѣ.

Передъ самымъ уходомъ я сообщилъ тому поселенцу, что наканунѣ предлагалъ мнѣ свое „мѣсто“ въ Тульской губ., сообщилъ ему подъ секретомъ, что я думаю бѣжать въ Иркутскъ. Дорога въ деревню, куда я намѣревался идти, шла прямо въ противоположномъ направленіи (не въ сторону Иркутска), но я давалъ нарочно ложныя свѣдѣнія, надѣясь что это внесетъ больше путаницы въ головы жандармовъ, когда дойдетъ дѣло до поисковъ за мною, до допросовъ и показаній, и что, такимъ образомъ, мнѣ, можетъ быть, удастся выиграть время. Съ другой стороны, все равно я долженъ былъ кого нибудь посвятить въ свое бѣгство уже потому, что намъ надо было являться въ волость для записыванія по участкамъ, и мое отсутствіе возбудило бы подозрѣніе. Мой поселенецъ долженъ былъ рассказать какую нибудь подходящую исторію, въ родѣ того, напр.,

что я упился и лежу пьяный и потому не явился въ волость и такъ объяснить мое отсутствіе.

Глава XXVIII

БЫ СТВО.

Все было у меня готово. Я надѣлъ мой казенный полушубокъ и мѣховую шапку (въ родѣ той, которую раньше мнѣ пошилъ Петровъ изъ стараго полушубка), единственныя вещи сколько нибудь отвѣчавшія времени года — надѣлъ штаны изъ бумажной сѣрой матеріи, обувь, состоявшую изъ арестантскихъ котовъ, къ которымъ сверху, вмѣсто голенищъ, пришиты были кожаные подкандальники, — и двинулся въ дорогу. На спину я забросилъ мѣшокъ, въ которомъ находились еще кое-какія запасныя тряпки: одна рубаха, полотнянные штаны и портянки. Скоро однако я вынужденъ былъ надѣть эту рубаху и штаны — сверху другой рубахи и штановъ, — такъ какъ погода сдѣлалась очень холодной.

Таковъ былъ мой багажъ, съ которымъ я вышелъ изъ Тельминскаго селенія 2-го ноября, утромъ. Мой желтый полушубокъ особаго (казеннаго) покроя и низко остриженная голова, чего нельзя было закрыть шапкою, всякому встрѣчному должны были свидѣтельствовать о томъ, что я бродяга. Но съ этимъ я мирился: во время этапнаго путешествія я видѣлъ, что бродяги открыто ходили здѣсь, и на нихъ никто не обращалъ вниманія, поэтому надѣлся и самъ пройти куда мнѣ нужно было безпрепятственно; лишь бы только въ это время не началась погоня спеціально за мною.

День былъ тихій морозный. Пройдя нѣсколько верстъ,

дорогою, я увидѣлъ проселочный путь, сворачивавшій вправо къ лѣсу, и повернулъ въ эту сторону. Сбиться съ дороги я не рисковалъ, такъ какъ направленіе мнѣ было хорошо извѣстно. Мнѣ хотѣлось пройти нужное пространство какъ можно болѣе глухими мѣстами.

И такъ, я своротилъ проселкомъ вправо и скоро очутился въ лѣсу. Это была густая березовая роща, тянувшаяся на огромное разстояніе. Я смотрѣлъ на деревья, потонувшія въ глубокомъ снѣгу и — странное дѣло! — совсѣмъ не чувствовалъ къ нимъ того остраго влюбленнаго влеченія, какое испытывалъ еще такъ недавно, когда смотрѣлъ на нихъ издали, или просто даже только мечталъ о нихъ, сидя въ тюрьмѣ. Тогда при одной мысли о томъ, какъ я буду бродить по лѣсу, меня бросало въ жаръ и холодъ отъ предвкушаемаго счастья. Теперь, когда я на самомъ дѣлѣ находился въ лѣсу, ничего подобнаго я не ощущалъ. Противорѣчіе въ ощущеніяхъ до того было рѣзкое, и такъ случилось во мнѣ все это скоро, что я невольно по поводу этого задумался. Я чувствовалъ, что почему-то не могу вполнѣ насладиться своею волей (о которой такъ болѣзненно-страстно мечталъ), что мнѣ мѣшаетъ что-то теперь наслаждаться ею. И вотъ, мало по малу мнѣ выяснилось, что причиной тому была моя подозрительность, не покидавшая меня ни на минуту и окрашивавшая все въ невеселый, мрачный колоритъ. Подозрительность эта какъ будто со всякимъ часомъ увеличивалась. Она нашептывала мнѣ: „Нѣтъ, ты еще далеко не свободенъ... Это только начало, а каковъ будетъ конецъ, неизвѣстно... Трудно сдѣлаться тебѣ свободнымъ!“ И я быстро проходилъ мимо березъ, ни на секунду не останавливаясь, ни на одну секунду не отдаваясь настоящему, а всѣ мысли устремляя исключительно въ будущее и готовясь къ какой то предчувствуемой мною борьбѣ.

Описывать шагъ за шагомъ мое путешествіе, продолжавшееся около недѣли времени, едвали представило бы интересъ; было холодно, было голодно — вотъ все, что могу сказать. Особенно, помню, я страдалъ отъ

холода. Неоднократно въ „надахъ“, т. е. въ долинахъ, меня пронизывалъ такой сильной холодъ, что я опасался, какъ бы не отморозить себѣ рукъ или ногъ. Любопытно то, что на возвышенныхъ мѣстахъ, на холмахъ было значительно теплѣе; долины же или, какъ ихъ называютъ въ Сибири „нади“, полны были какого то особаго тумана (совсѣмъ не похожаго на наши обыкновенные туманы), въ область котораго достаточно было вѣйти, чтобы почувствовать нѣчто въ родѣ вонзающихъ въ тѣло иголокъ. Не смотря на то, что подобныя нади я проходилъ съ быстротою, на какую только былъ способенъ, тѣмъ не менѣе моя лѣвая нога выше колѣна нѣсколько пострадала; казенный полушубокъ былъ слишкомъ коротокъ и не могъ защитить моихъ ногъ, одѣтыхъ въ легкіе штаны.

Ночевать въ большинствѣ случаевъ мнѣ приходилось по банямъ, какъ это обыкновенно дѣлаютъ бродяги. Бани же всюду есть. Для характеристики опишу одну изъ моихъ ночевочекъ.

Помню, наступали сумерки, когда я вошелъ въ одну деревеньку. Отъ опытныхъ бродягъ я слышалъ, что не слѣдуетъ заходить въ богатые избы, а напротивъ, надо выбирать самыя плохія. „Въ бѣдной избушкѣ хозяева добрѣе“, утверждалъ Бѣловъ. Это въ общемъ глубоко вѣрное наблюденіе, выведенное изъ массы опытовъ, было принято во вниманіе и мною. И вотъ, высмотрѣвши на краю села небольшую избежку, я зашелъ туда. Перекрестившись къ образамъ, висѣвшимъ въ углу, какъ того требовалъ сибирскій обычай, я поздоровался съ хозяевами.

— „Здрастуй, парень“, отвѣтилъ хозяинъ.

— „Нельзя ли хлѣба купить?“ спросилъ я. Хотя я шелъ на положеніи бродяги, но просить милостыни не рѣшался и за еду всегда платилъ.

— „Можно“, отвѣтила хозяйка.

— „А почевать, дяденька, не пустишь?“

— „Ну, парень, нельзя! Бумаги, поди, нѣту?!“ Сибирякъ окинулъ меня взглядомъ. — „Строгости у насъ

теперича: коли пустишь кого безъ пашпорта — штрафъ..
Ты откуда же? —

— „Изъ партін“, отвѣчалъ я.

— „То-то; бродяга, видно.“

Я молчалъ.

— „Ваша братія все больше по банямъ ночуетъ. Пооди хоть въ мою и ночуй. Сегодня баню топилъ: спать будетъ тепло.“

Получивъ краюху хлѣба, за которую я заплатилъ нѣсколько копѣекъ (она больше стоила, но въ такихъ случаяхъ крестьяне берутъ, сколько имъ даешь, не торгуясь), я вышелъ изъ избы. Осмотрѣвшись, я увидѣлъ неподалеку баню и направился къ ней. Тутъ же рядомъ стояла другая баня, сосѣдняя; въ ней, какъ я замѣтилъ, кто то парился въ это время. Баня, куда я зашелъ, была безъ оконъ, да наконецъ, наступалъ и вечеръ, и потому, чтобы ориентироваться, я зажегъ спичку. Съ лѣвой стороны отъ входа я увидѣлъ груду большихъ камней, сложенныхъ такъ, что въ серединѣ имѣлась пустота, гдѣ можно было раскладывать огонь. Эта груда камней представляла собою печь; дальше за печью начинались деревянные полки. Я направился къ нимъ. Здѣсь было до того жарко, что я принужденъ былъ сбросить съ себя полушубокъ и остаться въ одномъ бѣльѣ. Крестьянскія бани обыкновенно курныя, и въ этой, конечно, какъ и въ другихъ, всѣ стѣны и потолокъ были покрыты слоемъ сажи. Доставши изъ своего мѣшка сальную свѣчу, я ее зажегъ и приклеилъ къ полкѣ. Сальные свѣчи у меня были въ запасъ для смазыванія ногъ, чтобы предохранить ихъ отъ порчи во время ходьбы. Мнѣ не хотѣлось еще спать, и я занялся крашеньемъ своего полушубка; я рѣшилъ почернить его, такъ какъ желтый цвѣтъ слишкомъ напоминалъ его казенное происхожденіе. Сажа, которой здѣсь было вездѣ достаточно, вмѣстѣ съ свѣчнымъ саломъ представляла недурную краску, и я приступилъ къ дѣлу. Окончивши работу и поѣвши, я взобрался на верхнюю полку и улегся. Но едва сталъ дремать, какъ былъ разбуженъ скрипомъ

отворявшейся двери. Велѣдъ за тѣмъ я услыхалъ, какъ кто-то ввалился въ баню. Темнота не давала разсмотрѣть вновьприбывшаго, а зажигать спичку я находилъ излишнимъ. Ввалившійся тоже очевидно не имѣлъ намѣренія осматривать помѣщеніе; ощупью онъ розыскалъ полки и, взобравшись наверхъ, легъ рядомъ со мною. Лежа на полкѣ, онъ ощупалъ меня рукою, но, повидимому, его ни мало не смутило мое присутствіе. Въ непродолжительномъ времени раздалось его мѣрное похрапываніе; онъ спалъ. Рядомъ съ незнакомцемъ и я заснулъ тоже.

День еще не начинался, когда я проснулся отъ холода. Баня совершенно остыла, и если съ вечера мнѣ приходилось потѣть отъ жары, то къ утру даже полушубокъ оказывался недостаточнымъ для защиты отъ холода. Я принужденъ былъ встать и одѣться. Спать больше я не могъ и, чтобы не терять напрасно времени, собрался въ путь. Сосѣдъ мой продолжалъ храпеть. Я вышелъ изъ бани; еще было темно, но скоро должно было свѣтать. Я не боялся сбиться и быстро зашагалъ по дорогѣ.

Мнѣ оставалось сдѣлать еще верстъ пятьдесятъ, когда, проходя одной деревней, я обратилъ вниманіе на человека, стоявшаго на улицѣ, у воротъ. По его наружному виду я заключилъ, что это былъ поселенецъ, такъ какъ волосы на его головѣ еще не успѣли отрости.

— „Заходи: напьешься чаю, отдохнешь“, обратился онъ ко мнѣ.

Я былъ не прочь отдохнуть и потому съ удовольствіемъ принялъ приглашеніе. Мы вошли вмѣстѣ въ избу. Изба оказалась маленькая, плохо убранная, грязная... На печи сидѣла какая-то женщина. Мой хозяинъ (видимо, онъ занималъ эту избу) захопоталъ возле самовара.

— „Давно изъ партіи?“ спрашивалъ онъ.

— „Только что; съ восьмой партіей прибылъ“, отвѣтилъ я.

— „А теперь, значить, по бродяжеству?“

— „Да“.

— „Гиблая сторона!“ воскликнул онъ. „Самъ я тоже собираюсь махнуть... А какъ: „Ангарскимъ“ пойдешь?“

„Ангарскимъ“ называется трактъ, идущій вдоль рѣки Ангары. Этотъ трактъ доходитъ до извѣстнаго мѣста и затѣмъ прекращается, такъ что бродяги продолжаютъ путь свой дальше или на плотахъ по рѣкѣ, или же черезъ тайгу извѣстными проселками проходятъ изъ села въ село и выбираютъ въ концѣ концовъ опять таки на „Московскій трактъ“.

Я сказалъ свой маршрутъ. Назвалъ между прочимъ и деревню, гдѣ жилъ мой знакомый; но, конечно, о немъ самомъ не упомянулъ ни слова, точно также какъ не сказалъ и того, что въ этой деревнѣ я имѣлъ намѣреніе остановиться.

Поселенецъ зналъ эти мѣста, раньше какъ-то бродилъ тамъ и далъ мнѣ нѣсколько практическихъ указаній. Въ двухъ или трехъ деревняхъ онъ даже назвалъ по именамъ крестьянъ, которые „принимали“ бродягъ.

— „А какъ придешь въ такую-то деревню“, говорилъ онъ, называя деревню, куда я стремился, „пройди ты ее всю улицу; на томъ концѣ, третья изба отъ выхода, живетъ Катька Черныхъ. Скажи только ей: кланяется, молъ, тебѣ Гришка „аленькія губки“*) — она тебѣ все сдѣлаетъ“.

Я остался весьма благодаренъ поселенцу за данныя имъ указанія. Попарившись чайкомъ и поболтавши еще о томъ, о другомъ, я распрощался съ нимъ и ушелъ.

Теперь, когда мнѣ вспоминается этотъ критичекій моментъ моей жизни, мнѣ всегда кажется, что только счастливый случай помогъ мнѣ тогда избѣгнуть ареста. Люди, жизнь которыхъ подвергается частымъ опасностямъ, вѣрятъ въ такъ называемую „свою звѣзду“. Я здѣсь разскажу такое, что, пожалуй, могло бы заставить повѣрить въ „звѣзду“ любого человѣка.

*) Видимо, подъ такимъ названіемъ мой поселенецъ былъ ей извѣстенъ

Описывая свой побѣгъ раньше (описание это было помѣщено въ „Вѣстникъ Народной Воли“, издававшемся за границею), въ этомъ именно мѣстѣ я о многомъ умолчалъ, отчасти совершенно видоизмѣнилъ, изъ страха не дать какихъ либо указаній правительству при поискахъ за тѣми, которые оказались пособниками моему побѣгу.

Теперь я разскажу все, какъ было, ничего не измѣняя; но и теперь, конечно, — какъ это давно ни было — считаю неблагоразумнымъ называть имена лицъ; и я не буду ихъ называть, хотя я знаю, что мой разсказъ получилъ бы несравнимо больше значенія и интереса съ приведеніемъ именъ.

Помню, было еще утро, когда я входилъ въ ту деревню, гдѣ находился, по моимъ свѣдѣніямъ, мой знакомый. Предшествующую ночь я провелъ въ сосѣдней деревушкѣ, всего въ нѣсколькихъ верстахъ оттуда. Обращаясь къ встрѣчнымъ крестьянамъ съ разспросами о томъ, гдѣ живетъ политическій ссыльный „такой-то“, я находилъ неумѣстнымъ, такъ какъ потомъ, при поискахъ за мною, это дало бы прямые указанія, а потому я рѣшилъ воспользоваться адресомъ, полученнымъ мною отъ поселенца. И вотъ я прошелъ всю деревню; отсчиталъ отъ того края третью избу и, войдя во дворъ, постучался въ дверь.

Уже по одному наружному виду избы я долженъ былъ заключить, что тутъ крылось какое-то недоразумѣніе. Домикъ былъ слишкомъ хорошъ для того, чтобы можно было предположить, что хозяева его принимали бродягъ. На стукъ мой послышались шаги, и векоръ я увидѣлъ передъ собою старуху лѣтъ за пятьдесятъ. Это обстоятельство еще больше вселило во мнѣ сомнѣніе, и я сталъ думать, что тутъ была какая-то ошибка. Катка Черныхъ не могла быть такой старухой. Къ моему удивленію оказывалось, однако, что старуха эта, въ самомъ дѣлѣ называлась Черныхъ. Я было заикнулся о Гришкѣ (объ „аленькихъ губкахъ“ умолчалъ: слишкомъ ужъ не подходило это все къ ея возрасту, ни къ ея

скромному виду), но на лицѣ ея прочелъ такое искреннее недоумѣніе, что не пытался пускаться въ дальнѣйшія разъясненія.

— „Да что тебѣ, парень, надо?“ допытывалась она.

Нѣкоторое время я молчалъ; колебался; не зналъ, что говорить. Однако надо было на что нибудь рѣшиться. Тутъ у меня промелькнула счастливая мысль, и я сказалъ: „я розыскиваю одного ссыльнаго дворянина (слово „политическій“ я боялся даже упоминать). Шелъ съ нимъ въ одной партіи; онъ остался мнѣ долженъ.“

— „Какого дворянина? Мало ли дворянъ ссыльныхъ? Вотъ и у меня живутъ ссыльные.“

Со старухой мы разговаривали въ первой комнатѣ, откуда вело двое дверей. Въ эту минуту лѣвая дверь отворилась, и на порогъ я увидѣлъ „политическую“ ссыльную. Да, политическую; я никогда раньше ее не встрѣчалъ, но я тотчасъ узналъ, что это была политическая. Мой глазъ не могъ ошибиться.

— „Что вамъ надо?“ спросила она меня.

— „Если я и могъ сомнѣваться въ своей догадкѣ, то слово вамъ должно было меня окончательно убѣдить.“

— „Да вотъ, у меня дѣло есть...“ говорилъ я ей и, не желая, чтобы хозяйка была свидѣтельницей нашего разговора, я сталъ настойчиво протискиваться въ ея комнату. Она загоразживала мнѣ ходъ; я слегка отстранялъ ее рукою и протискивался впередъ.

— „Что вамъ надо?“ спрашивала она съ удивленіемъ, отступая передо мною.

Но я уже вошелъ въ ея комнату и притворилъ за собою дверь.

Тутъ шепотомъ, чтобы хозяйка не услышала за дверью, я ей сказалъ: „я — Дебогорій-Мокріевичъ. Бѣжалъ съ дороги изъ партіи... Слышали ли вы о нашемъ процессѣ въ Кіевѣ?“

Я не стану описывать здѣсь всей той нервной суеты, какая поднялась въ этомъ домикѣ, а затѣмъ и въ другомъ, подобномъ же домикѣ, въ этой же деревнѣ, гдѣ

тоже жилъ политическій ссыльный. Моего знакомаго въ этой деревнѣ не оказалось; онъ былъ въ другомъ мѣстѣ. Но вмѣсто него оказались другіе политическіе, къ которымъ я, такимъ образомъ, совершенно случайно попалъ.

Я сильно озябъ. Подходя къ столу, на которомъ шипѣлъ самоваръ (здѣсь еще не успѣли отпить утренняго чая) съ тѣмъ, чтобы усесться и приняться за чай, помню, я замѣтилъ небольшое зеркальце, висѣвшее на стѣнѣ, и не удержался, чтобы не пріостановиться возлѣ него. Я посмотрѣлъ и пришелъ въ отчаяніе отъ своего вида: я выглядѣлъ настоящимъ бродягою. Самое необходимое, что надо было сдѣлать — это перемѣнить одежду и измѣнить сколько нибудь свою физиономію. Но какъ я могъ измѣнить ее теперь? Если бы у меня были длинные волосы, я бы ихъ подстригъ; но я ихъ остригъ раньше. Если бы у меня была борода, я бы ее сбрилъ; но она у меня была сбрита раньше. О перемѣнѣ физиономіи пока нечего было и думать.

Какъ бы тамъ ни было, но я все таки хотѣлъ прежде всего напиться чаю. Я сильно озябъ и съ удовольствіемъ принялся отогрѣваться чаемъ.

Но въ этотъ день не суждено было мнѣ напиться чаю. Едва я окончилъ второй стаканъ, какъ мнѣ было объявлено, что въ деревнѣ появились жандармы.

Извѣстіе это ударило меня, какъ обухомъ по головѣ. Явились ли жандармы нарочно за мной или случайно, по другому дѣлу, — во всякомъ случаѣ, оставаться у своихъ, политическихъ ссыльныхъ, мнѣ никонимъ образомъ не слѣдовало. Я долженъ былъ уходить. Но куда?

— „Идите по „такой-то“ дорогѣ. Васъ нагонитъ человекъ въ саняхъ, запряженныхъ однимъ конемъ. Онъ вамъ укажетъ, гдѣ можно будетъ укрыться“.

Съ этими свѣдѣніями я вышелъ отъ своихъ и направился къ деревенскому выходу, откуда вела слабо укатанная узкая дорога, чуть желтѣвшая среди бѣлаго поля. Я не успѣлъ перемѣнить своей одежды и какъ былъ такъ и остался въ арестантскомъ костюмѣ; помню, меня снабдили только однимъ рублемъ денегъ на всякій

случай (у меня своихъ не оставалось уже ни копѣйки), да четвертушкой табаку.

Прошелъ я всего версты двѣ или три, когда меня нагналъ тотъ человѣкъ, о которомъ мнѣ говорили. Я подошелъ къ нему въ сани, и мы поѣхали вмѣстѣ. Но когда мы поднялись на возвышенное мѣсто, откуда было видно далеко кругомъ и, между прочимъ, показалась вдали въ долину деревенька, то онъ остановилъ коня, и я слѣзъ съ саней. Въ той деревушкѣ онъ жилъ. Онъ соглашался укрыть меня съ тѣмъ условіемъ, чтобы я явился къ нему туда ночью, чтобы никто не видѣлъ, когда я буду къ нему идти. Онъ мнѣ разсказалъ, какъ можно было, не спрашивая, узнать его домъ, и уѣхалъ впередъ. Я остался одинъ.

Появленіе жандармовъ въ деревнѣ приводило меня къ убѣжденію, что за мною началась погоня; и съ этой стороны я не ошибался.

Вскорѣ послѣ моего ухода изъ Иркутской пересыльной тюрьмы, какой-то арестантъ-жуликъ выдалъ о моей смѣнкѣ. Доносъ послѣдовалъ одновременно на Избицкаго, меня и Орлова, смѣнившагося тоже во время дороги къ Иркутску (онъ шелъ въ слѣдующей за нашей этапной партіи). Само собою разумѣется, что власти тотчасъ приняли мѣры къ задержанію насъ троицъ. Но Избицкій ушелъ съ мѣста поселенія (Рыбинской волости) давнымъ давно, и его, конечно, не нашли. Павелъ Орловъ по оплошности остался въ той волости, гдѣ былъ выпущенъ, и его тамъ сразу арестовали. Что касается до меня, то телеграмма о задержаніи Павлова, т. е. меня, пришла въ Тельминскую волость послѣ того, какъ я успѣлъ уже уйти оттуда. За мною началась погоня, и теперь она быстро шла по моимъ слѣдамъ.

Что же я долженъ былъ еще предпринять съ своей стороны, чтобы укрыться отъ преслѣдованія? До сихъ поръ я дѣлалъ все, что было въ моихъ силахъ: я давалъ ложныя указанія о моемъ направленіи, обходилъ деревни, останавливался на ночлеги по банямъ, гдѣ рѣдко кто меня видѣлъ, или же у лицъ завѣдомо принимавъ

шихъ бродягъ — и всё эти мѣры оказались пустыми, недостижавшими результатовъ: жандармы шли по пятамъ. Теперь только я вполнѣ оцѣнилъ, что бѣгство въ Сибири совсѣмъ не исчерпывается уходомъ изъ тюрьмы, и что дальнѣйшіе шаги представляютъ часто несравнимо больше трудностей. А я еще такъ недавно думалъ, что задача моя уже разрѣшена! Правда, посѣщали мою голову мрачныя мысли; но появленіе ихъ я приписывалъ скорѣе своей чрезмѣрной подозрительности, чѣмъ дѣйствительному положенію дѣлъ. Теперь же оказывалось... Вотъ, она, дѣйствительность!... Самыя мрачныя предположенія оказывались незначительными по сравненію съ нею! Что мнѣ, однако, оставалось дѣлать? Голова моя усиленно работала надъ разрѣшеніемъ этого вопроса. Но я почти ничего не могъ придумать. Единственная надежда оставалась на того человѣка. Но если жандармы съумѣли прослѣдить меня на всемъ пути, то безъ всякаго сомнѣнія прослѣдятъ и здѣсь до этой деревушки. Да, прослѣдятъ, если, конечно, хоть одинъ человѣкъ будетъ меня видѣть здѣсь. Я оглянулся. Съ правой стороны росли кусты; ни впереди, ни сзади по дорогѣ не было видно никого. Деревенъка, гдѣ жилъ тотъ человѣкъ, скрылась съ глазъ, такъ какъ я успѣлъ спуститься съ того возвышеннаго мѣста, откуда она была видна. „Дальше идти некуда; здѣсь надо ждать до вечера“, подумалъ я. Но меня могли видѣть тамъ, когда я выходилъ изъ той деревни. И навѣрно видѣли. А если видѣли, то при опросѣ укажутъ жандармамъ по какой дорогѣ я пошелъ. Безвыходное положеніе!...

Однако надо было спрятаться гдѣ либо въ сторонѣ отъ дороги, чтобы можно было провести день незамѣченнымъ. Я опять осмотрѣлся: кругомъ ни души. Я рѣшилъ своротить въ кусты. Но если жандармамъ укажутъ эту дорогу, и они, проѣхавши до слѣдующей деревни, узнаютъ, что я тамъ не проходилъ, то, конечно, станутъ меня искать здѣсь по окрестности, увидятъ мои слѣды по снѣгу къ этимъ кустамъ и по слѣдамъ меня найдутъ. Теперь они находятся въ той деревнѣ,

но въ эту минуту, можетъ быть, уже выѣзжаютъ отсюда и скоро будутъ здѣсь. Тогда мнѣ вспомнился пріемъ, о которомъ я когда-то читалъ; и вотъ, поворотившись спиною къ кустамъ, я двинулся задомъ къ нимъ, высоко поднимая ноги, чтобы яснѣе отпечатывались мои слѣды на снѣгу. Добравшись, такимъ способомъ, до кустовъ, я осмотрѣлся; въ нѣкоторомъ разстояніи я замѣтилъ бурятскіе лѣтники, т. е. деревянныя юрты, въ которыхъ буряты живутъ впродолженіи лѣта (зимою онѣ пусты), и рѣшилъ провести день въ этихъ лѣтникахъ: тамъ я меньше всего рисковалъ быть замѣченнымъ кѣмъ либо. Тѣмъ же порядкомъ, т. е. задомъ, добрался я до лѣтниковъ и въ одномъ изъ нихъ скрылся.

Видѣль-ли кто, какъ заяцъ собирается залегать? Вотъ онъ скачетъ, настороживъ чуткія уши; далеко отсюда доносится лай собакъ, идущихъ по его слѣдамъ. Онъ дѣлаетъ петлю, затѣмъ громадный скачекъ въ сторону и ложится подъ кустомъ.

Такъ и я, подобно зайцу, прежде, чѣмъ залечь, сдѣлалъ свою петлю.

Вспоминая теперь все это, невольно задаю я себѣ вопросъ: нужна-ли была эта петля? И неужели же въ самомъ дѣлѣ доходило до того, что надо было двигаться задомъ напередъ? Вспоминая это, мнѣ становится подчасъ даже смѣшно. Едвали жандармы доходили до этого мѣста, едвали видѣли мои слѣды. А если и доходили, и видѣли, то, конечно, не обратили на нихъ никакого вниманія. Правда, путь мой былъ ими прослѣженъ, и они шли вѣрно по моимъ слѣдамъ. Но потерявши ихъ въ той деревнѣ, по всему вѣроятію, они оказались сбитыми съ толку и не знали даже навѣрно, гдѣ именно потеряли мои слѣды: здѣсь или раньше. А кто знаетъ, можетъ быть, и дальше, въ слѣдующихъ деревняхъ, они получили какія либо ложныя указанія, которыя еще болѣе сбили ихъ съ толку. Но въ эту минуту, само собою разумѣется, я не способенъ былъ такъ разсуждать и долженъ былъ предполагать худшее. Я напрягалъ всѣ свои способности и силы, чтобы избѣжать ареста. Если бы понадо-

билось тогда, въ ту стужу, переплыть рѣку, по которой шла шуга, то, пожалуй, я бросился бы переплывать рѣку, убѣгая отъ преслѣдованія. Таково было тогда мое душевное настроеніе.

Когда наступили сумерки, я вышелъ изъ своего убѣжища и направился въ деревню. Миѣ удалось пройти до деревни и самой деревней, не встрѣтивъ ни одного человѣка. Въ указанномъ домикѣ я постучался въ дверь и былъ впущенъ внутрь.

Прежде всего я перемѣнилъ одежду, сбросивъ съ себя все арестантское; хотя строго говоря, въ ту минуту я даже мало нуждался въ одеждѣ: въ теченіи нѣсколькихъ дней я совершенно не выходилъ изъ комнатки, куда миѣ тотъ человѣкъ даже вѣсть приносилъ. Потомъ, чтобы сгладить сколько нибудь арестантскій видъ своей физиономіи, я сталъ подбриваться, оставляя одну небольшую бородку, едва, впрочемъ, начинавшую чернѣть въ это время.

Побѣгъ мой вызвалъ повсюду облавы, день ото дня принимавшія болѣе широкіе размѣры, такъ что, наконецъ, тотъ человѣкъ, у котораго я скрывался, оробѣлъ. Я долженъ былъ искать убѣжища въ другомъ мѣстѣ. Миѣ данъ былъ адресъ одного ссыльнаго поляка, жившаго верстахъ въ двадцати или тридцати оттуда, и я отправился къ нему. Переѣздъ свой я тоже совершилъ ночью, чтобы никто не видѣлъ. Помню, было около полуночи, когда я зашелъ къ нему. Я прямо назвалъ ему свою фамилію, сообщилъ, что недавно бѣжалъ изъ партіи, и что меня повсюду ищутъ, и въ заключеніи спросилъ его, можетъ ли онъ меня скрыть у себя?

Онъ согласился, и это меня спасло.

То обстоятельство, что я зналъ говорить по польски и могъ сойти за поляка, весьма помогло моему дальнѣйшему укрывательству среди ссыльныхъ поляковъ.

Миѣ страшно жаль, что осторожность вынуждаетъ меня ограничиться здѣсьѣтими глухими и неполными указаніями на то, какъ происходило все дѣло. О самыхъ лучшихъ моихъ воспоминаніяхъ, именно о тѣхъ людяхъ,

которые мнѣ помогли, и въ особенности объ этомъ одномъ, рискнувшимъ подвергнуть себя такой огромной отвѣтственности (за укрывательство бѣгло-каторжнаго виновный наказывается самъ каторжными работами), къ сожалѣнію я ничего не могу говорить. И такъ, переходя къ вопросамъ общаго характера, разъясненіе которыхъ не можетъ повредить никому.

Сибирь, особенно восточная, весьма слабо населена. Селенія тутъ находятся по рѣкамъ, да по казеннымъ трактамъ; остальное же пространство въ большинствѣ случаевъ представляетъ собою глухую тайгу. Облага состоитъ въ слѣдующемъ: предписываютъ по волостямъ задерживать мимо проходящихъ подозрительныхъ личностей, и по всѣмъ дорогамъ начинаютъ останавливать бродягъ. Караулъ, состоящій изъ мѣстныхъ крестьянъ, ставится обыкновенно въ воротахъ паскотины (т. е. огороженнаго мѣста возлѣ деревни для выгона скота), обойти которыя далеко еще не значитъ избѣгнуть риска, такъ какъ въ деревнѣ всякій васъ можетъ остановить, разъ ваша личность показалась сколько нибудь сомнительной, а это можетъ случиться весьма легко, если вы не сибирякъ. Въ Восточной Сибири есть уроженцы Европейской Россіи, но это либо чиновники, либо поселенцы. Если иногда и заходитъ въ этотъ отдаленный край русскій рабочій, напримѣръ плотникъ, то держится онъ преимущественно городовъ и золотыхъ припсковъ. Всякій же поселенецъ, проходящій въ моментъ облавы, считается человѣкомъ подозрительнымъ: его останавливаютъ, требуютъ паспортъ и арестуютъ, или же разспрашиваютъ его къ какой деревнѣ онъ приписанъ --- и узнаютъ все. Отдѣлаться вымысломъ невозможно. Восточный сибирякъ, особенно иркутчанинъ, — комерсантъ и промышленникъ; на нѣсколько сотъ верстъ по селамъ у него имѣются знакомые; онъ знаетъ по именамъ почти всякого лавочника за тридцать земель; ваша ложъ будетъ обнаружена немедленно. Для избѣжанія облавы остается, такимъ образомъ, одно средство: избѣгать вовсе деревень и идти тайгою. А по-

слѣднее условіе, очевидно, невозможно, ибо голодь принудить заходить въ деревни.

Между тѣмъ извѣстно, что бродяги въ огромномъ количествѣ шатаются по Сибири. Можно было бы подумать, что у нихъ есть свои особыя, начальству неизвѣстные пути и дороги, по которымъ они избѣгаютъ преслѣдованій. Это предположеніе въ дѣйствительности оказывается совсѣмъ невѣрнымъ. Правда, есть у нихъ свои излюбленныя дороги, но эти дороги прекрасно извѣстны администраціи. Бродяжить по Сибири является возможнымъ потому, что на безпаспортныхъ власти тамъ глядятъ сквозь пальцы, видимо раздѣляя на это явленіе взглядъ иркутскаго брантъ-майора, который говорилъ, что у нашего царя паскотина громадна, и выйти изъ нея все равно нѣтъ никакой возможности.

Но разъ въ какой нибудь мѣстности учреждается облава, тогда бродягъ начинаютъ хватать. Мнѣ извѣстно, напримѣръ, что попало ихъ очень много въ иркутскій тюремный замокъ во время поисковъ за мною. Среди нихъ находились охотники въ моментъ ареста называться моимъ именемъ. Обманъ, конечно, обнаруживался скоро, но это для нихъ было не важно; подобное самозванство приносило реальныя выгоды: въ Иркутскъ ихъ везли, а не гнали пѣшкомъ; лучше кормили во время пути; и, наконецъ, въ самой тюрьмѣ среди арестантовъ самозванство это дѣлало ихъ болѣе популярными и льстило ихъ тщеславію.

Сибирская облава страшна, такимъ образомъ, для самыхъ опытныхъ бродягъ. Последнее обстоятельство служить отчасти причиною того сравнительно мирнаго характера, которымъ отличается наше бродяжество. Всякое преступленіе — воровство, убійство и пр., — совершенное въ извѣстной мѣстности, накликаетъ бѣду на всѣхъ бродягъ, проходящихъ въ этой мѣстности. Вотъ почему они сами нерѣдко преслѣдуютъ своихъ товарищей, которые по дорогѣ совершаютъ преступленія.

Облава, поднятая вслѣдствіе моего побѣга, продолжалась около полутора мѣсяца. Сначала пропелся слухъ,

что гдѣ-то въ тайгѣ найденъ былъ трупъ, въ которомъ будто узнали меня. Затѣмъ получилое извѣстіе, будто бы меня поймали возлѣ Нижне-Удинска и вскорѣ будутъ пресировождать въ Иркутскъ. Наконецъ, третьи говорили, что я перебрался за границу и нахожусь уже гдѣ-то въ Швейцаріи. Слухи эти только благопріятствовали мнѣ, такъ какъ они уменьшали энергію мѣстныхъ властей. Со дня на день поиски ослабѣвали и, наконецъ, прекратились совсѣмъ. Я рѣшилъ ѣхать въ Иркутскъ.

Глава XXIX

МОЕ ПОЛОЖЕНІЕ ВЪ ИРКУТСКѢ.

ПОБѢГЪ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ ИЗЪ ИРКУТСКАГО ТЮРЕМНАГО ЗАМКА. ПУТЕШЕСТВІЕ ЗА БАЙКАЛЬ.

Съ пріѣздомъ въ Иркутскъ я сразу очутился въ самомъ плачевномъ положеніи: мнѣ негдѣ было спать. Не имѣя паспорта, я не могъ оставаться ни въ гостинницѣ, куда заѣхалъ, ни нанять отдѣльной квартиры, и первые дни принужденъ былъ скитаться по городу. По цѣлымъ ночамъ слонялся я по билиарднымъ и трактирамъ, по разнаго рода почнымъ притонамъ — лишь бы какъ нибудь убить время. Не говоря уже о томъ, что подобная жизнь сама по себѣ была непріятна, но она, кромѣ всего, обходилась слишкомъ дорого. Мои иркутскіе знакомые были люди легальные, осторожные, у которыхъ я не могъ воспользоваться ни ночлегами, ни паспортомъ; хотя денегъ, при ихъ помощи, я доставалъ

столько, сколько мнѣ было нужно. Шатаніе это надо-
ѣло мнѣ, наконецъ, до того, что я рѣшился попробовать
нанять квартиру, не имѣя паспорта. Выглядѣвъ одинъ
домикъ на краю города, хозяинъ котораго — крестья-
нинъ Иркутской губ. — сдавалъ подъ наемъ уголь ком-
наты, въ которой жилъ самъ, — я нанялъ этотъ уголь и
поселился. Чтобы избѣгнуть вопроса о паспортѣ при
наймѣ, я заявилъ хозяину, что проживу у него не бо-
лѣ двухъ недѣль, такъ какъ разсчитываю за это время
покончить свои дѣла и уѣхать изъ города; назвался я
сельнымъ полякомъ; сказалъ, что имѣю собственную
лавочку въ одной деревнѣ, отстоявшей верстахъ въ трехъ
стахъ отъ Иркутска, и что пріѣхалъ въ городъ на вре-
мя по дѣламъ. Хозяинъ оказался довѣрчивый, добродуш-
ный человекъ, и, такимъ образомъ, мнѣ удалось устро-
иться нѣсколько прочнѣе въ Иркутскѣ. Я говорю „проч-
нѣе“... Прочность эта была ужъ слишкомъ относитель-
ная. Не долѣе, какъ черезъ двѣ недѣли я долженъ былъ
сѣхъ съ квартиры, подъ тѣмъ предлогомъ, что будто
уже покончилъ свои дѣла. Однако, чтобы имѣть возмож-
ность воспользоваться другой разъ этимъ самымъ уг-
ломъ, я сказалъ хозяину, что въ скоромъ времени пред-
полагаю опять быть въ городѣ и что тогда, конечно,
заѣду прямо къ нему.

Между тѣмъ я подыскалъ съ подобными же услови-
ями другую квартиру въ противоположномъ концѣ го-
рода и переѣхалъ жить туда.

Такимъ то образомъ, имѣя двѣ квартиры въ разныхъ
концахъ Иркутска, я ихъ мѣнялъ, живя поочередно то
въ одной, то въ другой; причемъ приходилось въ оба
глаза глядѣть, чтобы, тогда, когда я жилъ на одной квар-
тирѣ, не встрѣтиться гдѣ либо случайно на улицѣ съ
хозяиномъ другой квартиры.

Въ Иркутскѣ я пріѣхалъ передъ самыми рождест-
венскими праздниками, и очень скоро у меня явилась
возможность войти въ сношенія съ политическими, си-
дѣвшими въ иркутскомъ тюремномъ замкѣ. Въ это вре-
мя они задумали совершить побѣгъ черезъ подконтъ,

выводившій изъ тюрьмы во дворъ тюремнаго смотрителя (на сколько помнится, въ смотрительскій погребъ); подконъ этотъ сдѣланъ былъ уголовными арестантами значительно раньше; но почему-то арестанты не воспользовались имъ и передали свой секретъ политическимъ. Время для побѣга выбрано было крайне неудобное. Зима была въ самомъ разгарѣ. Морозы были до того сильные, что то и дѣло „выходило изъ градусовъ“, какъ выражались сибиряки, т. е. ртуть замерзала, и ртутный термометръ не могъ показывать градусовъ. Приготовить конспиративную квартиру, гдѣ бы могли укрыться послѣ побѣга изъ тюрьмы, не было возможности. Самъ я жилъ, какъ только что разсказалъ выше, при крайне рискованныхъ условіяхъ. Если бы дѣло проходило лѣтомъ, можно было бы устроить притонъ гдѣ либо въ окрестностяхъ Иркутска, поросшихъ кустарникомъ, переходившимъ немного дальше отъ города въ лѣсъ; но зимою объ этомъ нечего было и думать.

О всѣхъ этихъ обстоятельствахъ и соображеніяхъ я сообщилъ въ тюрьму, и послѣ обсужденія мы остановились на слѣдующемъ планѣ: бѣглецы должны были отправиться по рѣкѣ Иркуту (впадающему въ р. Ангару противъ самого Иркутска) до границы Монголіи и тамъ въ извѣстномъ мѣстѣ укрыться. Имъ надо было пройти верстъ около четырехъ-сотъ. Я долженъ былъ заготовить сухарей, сала, чаю и сахару въ такомъ количествѣ, чтобы имъ не приходилось заходить въ деревни за покупками. На половинѣ пути предполагалось снабдить ихъ новыми припасами, которыхъ могло бы хватить до конца путешествія. Бѣжать думало пять чловѣкъ. Припасовъ надо было закупить въ довольно значительномъ количествѣ и вынести имъ на встрѣчу, когда они выйдутъ изъ тюрьмы, вслѣдствіе чего являлась необходимость пріобрѣсти коня и сани; такъ какъ вынести все это на плечахъ было невозможно.

Я пріобрѣлъ коня, закупилъ съѣстные припасы, досталъ два ружья на всякій случай. Закупки эти я дѣлалъ, живя на квартирѣ, или вѣрнѣе занимая уголь,

гдѣ постоянно присутствовалъ хозяинъ и другія постороннія лица. Трудно перечислить ту бездну мелкихъ неудобствъ, на которыя приходилось наталкиваться всякую минуту. Такъ, на примѣръ, являлся вопросъ: гдѣ держать закупки, — вносить ихъ къ себѣ въ комнату было невозможно. Я не могъ придумать правдоподобнаго объясненія, — зачѣмъ мнѣ все это было нужно; а передавши бѣглецамъ, я потомъ не могъ бы дать объясненія хозяину, — куда все это дѣвалъ. Побѣгъ изъ тюрьмы неминуемо долженъ былъ вызвать поиски по городу, и слѣдовательно надо было ожидать, что объ этомъ побѣгѣ заговорятъ всюду, а значитъ, и въ домикѣ моего хозяина. Надо было вести дѣло такъ, чтобы не возбуждать подозрѣнйя. И это было очень трудно достигнуть. Я принужденъ былъ держать мои закупки въ саняхъ, прикрывая ихъ сѣномъ. Между тѣмъ побѣгъ изъ тюрьмы раза два былъ отложенъ, такъ что я напрасно выѣзжалъ ночью и потомъ возвращался назадъ. Всякую минуту кому нибудь изъ жильцовъ домика, гдѣ я жилъ, могла придти охота пощупать мои сани, стоявшія во дворѣ подъ навѣсомъ, и само собою разумѣется, что одно присутствіе ружей, зарытыхъ въ сѣно, сразу возбудило бы подозрѣніе противъ меня.

Но вотъ получено было, наконецъ, извѣстіе изъ тюрьмы, что побѣгъ совершится непременно въ такую то ночь (къ сожалѣнію не помню числа, помню только, что это было въ февралѣ мѣсяцѣ). Я запрегъ коня и поѣхалъ на встрѣчу. Мѣсто, гдѣ я долженъ былъ ихъ ожидать, было точно опредѣлено: это было на Ушаковкѣ, возлѣ моста.

Былъ часъ 10-й или 11-й ночи; тихо ѣхалъ я по льду рѣки Ушаковки, вдоль деревяннаго моста, тянувшагося съ правой стороны высоко надъ головою, когда увидѣлъ группу въ нѣсколько человекъ, спускавшуюся къ рѣкѣ съ противоположнаго берега. Не смотря на то, что я подѣхалъ къ нимъ совсѣмъ близко, нѣкоторое время я не могъ никого узнать. Сбивало меня то обстоятельство, что я замѣтилъ среди нихъ женщину,

а мнѣ было извѣстно, что никакая женщина не должна была бѣжать. Всмотрѣвшись внимательно, я узналъ, однако, Попко, одѣтаго чиновникомъ въ фуражкѣ съ кокардою. Онъ велъ подъ руку женщину, которая потомъ оказалась ни кѣмъ инымъ, какъ переодѣтымъ въ юбку Романомъ или, какъ его называли, „неизвѣстнымъ раненымъ въ голову“. На сколько теперь помнится, бѣжавшихъ было пять человекъ: Попко, Волошенко, Романъ, Березнюкъ и, кажется, Фомичевъ. Тотчасъ они наѣли ко мнѣ въ сани, и я, поворотивъ коня, погналъ его къ Ангарѣ. Мы переѣхали Ангару дорогою, прорубленною въ льдинахъ, навороченныхъ сторчакомъ одна надъ другою, къ устью рѣки Иркута. По лѣвую руку поднимались горы: по правую тянулись плоскіе луга и отмели. Все кругомъ было укутано льдомъ и снѣгомъ, и только одинъ лѣсъ чернѣлъ, торчавшій щетиной по склонамъ горъ. Здѣсь, въ устьѣ Иркута, я остановился. Они слѣзли съ саней. Я передалъ имъ запасы, распределенные по мѣшкамъ и деньги, которыя мнѣ удалось для нихъ припасти. Мы простились, и они побрѣли вверхъ по Иркуту, а я поѣхалъ обратно въ городъ.

Тюремное начальство не скоро узнало о побѣгѣ, и такъ какъ подкопъ оставался не открытымъ, то на слѣдующую ночь явились еще желающіе бѣжать; между ними были Позень и Калюжный. Но если на побѣгъ пяти человекъ слѣдуетъ смотрѣть, какъ на ошибку, то дополнительное бѣгство, совершенное на другую ночь, было уже совсѣмъ необдуманномъ поступкомъ. Последнихъ никто не встрѣтилъ, не снабдилъ ихъ припасами, и, само собою разумѣется, они вынуждены были заходить въ деревни, чтобы покупать ѣду. На сколько мнѣ извѣстно, Позень и Калюжный были арестованы въ одной изъ близъ лежащихъ къ Иркутску деревень, раньше даже, чѣмъ въ самомъ Иркутскѣ узнали о ихъ побѣгѣ. Рассказывали, что ихъ арестовали потому, что они возбудили у крестьянъ подозрѣніе своимъ видомъ.

Что касаяся до другихъ, то и они всѣ были переловлены, но въ различное время; такъ Волошенко, если

не ошибаюсь, пойманъ былъ уже почти мѣсяцъ спустя.

Вдумываясь въ причины неудачи этого побѣга, я долженъ сказать, что та причина, на которую указываетъ Стеблинъ-Каменскій въ своей біографіи Понко („хроническій голодъ“), подыскана имъ совсѣмъ неудачно. Страдали ли бы хроническимъ голодомъ политическіе заключенные или нѣтъ (а я, на примѣръ, думаю, что о „хронической голодовкѣ“ въ дорогѣ до Иркутска не могло быть и рѣчи: мы имѣли болѣе или менѣе всегда въ достаточномъ количествѣ припасовъ), — такъ, повторяю, голодали ли бы мы или нѣтъ, — мы все равно не были способны къ такимъ предпріятіямъ, какъ побѣгъ въ Сибири, да еще зимою. Для этого нужна была прежде всего физическая сила и выносливость. А среди насъ большинство лицъ обладало сравнительно слабыми организмами по самой природѣ (вовсе не отъ голодовокъ). Когда надо было прыгать съ крыши полу-этапнаго зданія — ни одинъ изъ насъ не рѣшился сдѣлать этого скачка. Между тѣмъ уголовный Петровъ спрыгнулъ и бѣжалъ. Я былъ сравнительно хорошій ходокъ: проходилъ сороковерстныя разстоянія безъ отдыха, могъ поднимать десятипудовыя тяжести, но соскочить съ двухсаженной высоты на мерзлую землю, да еще ночью, когда глазъ плохо видѣлъ, тоже не осмѣлился, не будучи увѣренъ въ своей силѣ и ловкости. Для того, чтобы пускаться зимою въ странствованія по Сибири, нужно обладать сильнымъ организмомъ, чего, къ сожалѣнію, не доставало громадному большинству политическихъ.

Ошибка состояла въ томъ, что бѣжала цѣлая компанія, тогда какъ надо было, чтобы бѣжалъ всего одинъ или много два человѣка. Чѣмъ больше людей бѣжитъ, тѣмъ меньше шансовъ на успѣхъ, такъ какъ неумѣлость и неловкость одного всегда фатальнымъ образомъ отражается на участи всѣхъ.

Въ этомъ родѣ, помню, я высказывалъ мнѣніе и тогда, когда писалъ имъ въ тюрьму, еще передъ побѣгомъ. Если бы бѣжалъ одинъ человѣкъ, совсѣмъ не по-

надобилось бы никакихъ адресовъ въ Монголіи а можно было бы попытаться (какъ это не трудно было, впрочемъ) скрыть его въ самомъ Иркутскѣ. Съ своей стороны, я, можетъ быть, тоже сдѣлалъ ошибку, когда ихъ встрѣтилъ на рѣкѣ, что не предложилъ тогда одному изъ нихъ остаться со мною. Правда, трудно было дѣлать выборъ; да и кто рѣшился бы его дѣлать въ ту минуту? Но, повторяю, одного всегда возможно было спрятать въ Иркутскѣ. Первые дни ему довелось бы, вѣроятно, тоже скитаться по ночнымъ притонамъ; но потомъ, когда я переѣзжалъ, я могъ явиться на другую квартиру уже вмѣстѣ съ нимъ.

Хотя я долженъ сказать, что и мнѣ одному въ это время приходилось очень жутко, и я едва держался въ Иркутскѣ. Когда побѣгъ былъ открытъ, по городу начались поиски. Полицейскіе обходили дома и осматривали. Я принужденъ былъ съѣхать съ той квартиры, гдѣ жилъ, на другую. Но и на другой квартирѣ мое положеніе не улучшилось, такъ какъ полиція послѣ побѣга усилила требованіе отъ домохозяевъ относительно прописки паспортовъ, и мой хозяинъ сталъ меня тревожить. День ото дня становилось хуже, и я вынужденъ былъ, наконецъ, прибѣгнуть къ крайне рискованному средству.

Раньше какъ-то я упоминалъ о моихъ иркутскихъ знакомыхъ. Всѣ они боялись меня. Боязнь эта доходила до того, что нѣкоторые изъ нихъ наотрѣзъ отказались встрѣчаться со мною. Они знали, что я былъ бѣглецъ, и для нихъ всѣхъ (за исключеніемъ только одного, державшагося по отношенію ко мнѣ по товарищески) я представлялъ собою челоуѣка зачумленнаго, приближаться къ которому никто изъ нихъ не рѣшался.

Выяснивши для себя въ очень скоромъ времени по пріѣздѣ въ Иркутскъ характеръ этихъ отношеній и свое положеніе, я понялъ, что мнѣ ничего другого не оставалось, какъ позаботиться о пріобрѣтеніи другихъ знакомствъ и связей, разъ я думалъ оставаться тамъ жить. И вотъ я сталъ розыскивать новыхъ людей, знакомить-

ся, но уже, конечно, скрывая отъ нихъ то, что я бѣглый и входить съ ними въ болѣе или менѣе интимныя отношенія. Къ сожалѣнiю, при этомъ я оказался мало осмотрительнымъ въ выборѣ людей, такъ какъ очень तो-ропился.

При такихъ-то обстоятельствахъ познакомился я съ однимъ тобольскимъ мѣщаниномъ, нѣкимъ Абросимовымъ, раньше занимавшимся какою-то торговлей, но прогорѣвшимъ и теперь проживавшимъ въ Иркутскѣ безъ дѣла. Это былъ довольно неглупый и бойкій на слова человекъ; въ своей молодости онъ гдѣ-то сталкивался — чуть ли не въ самомъ городѣ Тобольскѣ — съ кѣмъ-то изъ Декабристовъ, и знакомство это оставило на немъ нѣкоторые слѣды. Онъ сочувствовалъ антиправительственнымъ идеямъ. Имѣя ввиду побѣдку за Байкалъ, гдѣ я предполагалъ заняться организаціей помощи для побѣга изъ Карійскихъ рудниковъ, я находилъ полезнымъ сойтись съ какимъ либо мѣстнымъ человекомъ (сибирякомъ), съ которымъ могъ бы тамъ устроить какое нибудь небольшое торговое или промышленное предпріятіе, которое могло бы дать мнѣ тамъ опредѣленное положеніе. Мнѣ показался Абросимовъ годнымъ для этой цѣли, и я сталъ съ нимъ сближаться и мало по малу сталъ съ нимъ заговаривать объ этомъ. Скоро мы сошлись, повидимому, довольно близко. Не сообщая ему того, что самъ я бѣглый, я ему сказалъ, что пріѣхалъ въ Сибирь нарочно для того, чтобы помогать политическимъ ссыльнымъ въ побѣгахъ, и онъ очень сочувственно отнесся къ этому дѣлу.

Какъ разъ въ этотъ періодъ нашего знакомства произошелъ вышеописанный побѣгъ изъ иркутской тюрьмы, и когда мое положеніе сдѣлалось критическимъ, и мнѣ некуда было дѣваться, Абросимовъ нанялъ квартиру въ предмѣстьи Ушаковкѣ и предложилъ мнѣ поселиться съ нимъ. Конечно, я принялъ предложеніе, и мы зажили вмѣстѣ. Весною мы думали отправиться въ Нерчинскій округъ, Забайкальской области, гдѣ предполагали устроить дроболитейную мастерскую (онъ былъ

знакомъ съ дроболитейнымъ дѣломъ), которая дала бы намъ средства къ жизни, и въ частности послужила бы ширмою для главной задачи. Такъ мы съ нимъ проживали и приготовлялись къ нашимъ будущимъ предпріятіямъ, ожидая только наступленія весны, чтобы отправиться за Байкаль.

Помню, однажды Абросимовъ предложилъ мнѣ заняться скупкою скота; буряты подогнали къ Иркутску скоть; мы могли его скупить и, по его мнѣнію, заработать на этомъ предпріятіи, которое не должно было отнять у насъ больше одного или полтора мѣсяца (купленный скоть предполагалось по частямъ продать мясникамъ). Хотя въ мой планы вовсе не входило заниматься коммерческими предпріятіями въ Иркутскѣ, однако, не желая ему отказать, я согласился. Тотчасъ онъ сторговался съ бурятами и, закупивши воловъ и коровъ рублей на четыреста (которые я ему далъ), перегналъ ихъ на другую сторону рѣки Ангары, гдѣ дуга только что обнажилась отъ снѣга, и открылось пастбище. Дѣло происходило, на сколько припоминаю, въ концѣ мѣсяца марта.

Уже во время самого торга, который онъ совершалъ въ моемъ присутствіи съ какою-то необъяснимою торопливостью, точно боялся, что у него кто-нибудь перебьетъ, у меня зародилось сомнѣніе. Подозрѣнія мои оправдались скорѣе даже, чѣмъ я ожидалъ: ночью того же дня, когда операція была окончена, Абросимовъ сбѣжалъ съ квартиры, оставивъ свои вещи, состоявшія, впрочемъ, изъ дряннаго чемоданишка, наполненнаго всякимъ хламомъ. Ожидая, сверхъ того, и доноса съ его стороны, такъ какъ сдѣлать его было ему выгодно, и такъ какъ, послѣ всего, я имѣлъ основаніе ждать этого доноса, — я вынужденъ былъ, съ своей стороны, тоже немедленно бѣжать съ квартиры. И я бѣжалъ къ одному мѣщанину, съ которымъ даже не былъ близко знакомъ. Выбора не было; приходилось спасаться. Переселяясь къ мѣщанину, я долженъ былъ его посвятить въ свои дѣла и рассказать ему о моихъ сношеніяхъ съ Абросимовымъ. Одинъ ошибочный поступокъ фаталь-

нымъ образомъ влекъ за собой другой подобный же. По счастью, однако, человекъ къ которому я перебрался, оказался несравнимо честнѣе Абросимова.

Всякую минуту ждалъ я прихода полиціи на квартиру, которую мы занимали съ Абросимовымъ. Но прошелъ день, другой — все оставалось тихо. Наконецъ, явилась жена Абросимова. Нужно сказать, что Абросимовъ былъ съ нею въ ссорѣ; но ради этого случая, видно, помирился и, чтобы самому не являться, прислалъ ее для расчета съ домохозяиномъ за квартиру. Впрочемъ, не стану описывать всѣхъ подробностей этого дѣла, такъ какъ это было бы и утомительно, и мало интересно. Упомяну лишь о свиданіи, которое я имѣлъ съ женою Абросимова. Помню, мы сошлись на улицѣ. Она мнѣ заявила, что мужъ ея „честный человекъ“ и противъ меня „ничего дурного не замышляетъ“: что, конечно, въ денежныхъ дѣлахъ онъ замотался, и поэтому мнѣ надо навсегда распрощаться съ тѣми четырьмястами рублями, что были имъ взяты на покупку скота; но что онъ все таки не пойдетъ доносить на меня въ полицію, чтобы я былъ спокоенъ съ этой стороны и т. д.

Такъ кончились мои сношенія съ Абросимовымъ, явившимся сначала моимъ укрывателемъ, а потомъ обокравшимъ меня.

Я счелъ нужнымъ рассказать этотъ эпизодъ съ Абросимовымъ, такъ какъ онъ можетъ служить хорошей иллюстраціей моего положенія въ Иркутскѣ послѣ побѣга.

Но вотъ наступила весна, и я собрался ѣхать за Байкаль. Путешествіе это я рѣшилъ совершить на своемъ конѣ, чтобы свободнѣе располагать временемъ въ дорогѣ и останавливаться тамъ, гдѣ захочу и найду интереснымъ.

Въ маѣ я выѣхалъ изъ Иркутска въ телѣгѣ, запряженной однимъ конемъ. Поклажи было мало: перемѣны три бѣлья, барнаульскій овчинный тулупъ, да разныя мелочи, какъ-то: желѣзный котелокъ, топоръ и пр. Былъ у меня, кромѣ того, большой запасъ пороху, пуль и

другихъ огнестрѣльныхъ принадлежностей, такъ какъ я имѣлъ съ собою револьверъ и малопульную винтовку.

Въ одинъ день совершилъ я переездъ изъ Иркутска до селенія Лиственничнаго, расположеннаго на берегу Байкала, недалеко отъ такъ называемыхъ „Ангарскихъ воротъ“, т. е. того мѣста, гдѣ рѣка Ангара вытекаетъ изъ Байкала. Дорога все время шла правымъ берегомъ Ангары, у подножья лѣсистыхъ горъ. Глубокая рѣка быстро несла къ сѣверу свою прозрачно-зеленую, холодную воду. А вода въ Ангарѣ до того холодна, что, купаясь въ ней, съ трудомъ можно было выдержать нѣсколько минутъ.

Приѣхавъ въ Лиственничное, я сѣлъ на пароходъ (нагрузивши своего коня съ телѣгой на палубу) и поплылъ на южный берегъ Байкала, къ станціи Мышинской.

Только когда пароходъ отчалилъ, я замѣтилъ, что съ этимъ же пароходомъ ѣхала старуха Армфельдъ, мать Наталіи Армфельдъ, сосланной въ каторгу по нашему процессу.

Съ старухою я познакомился еще, когда сидѣлъ въ кievской тюрьмѣ, куда она являлась на свиданіе съ дочерью. Само собою разумеется, это было уже послѣ суда, когда свиданія легко разрѣшались. Потомъ я встрѣчался съ нею въ Иркутскѣ. Теперь она ѣхала на Бару, чтобы поселиться и прожить нѣкоторое время вблизи дочери, содержавшейся въ одной изъ карійскихъ тюремъ.

Изъ осторожности, такъ какъ за нею могли слѣдить, мы не показывали вида, что мы знакомы, хотя она не выдерживала роли и всякій разъ привѣтливо мнѣ улыбалась, когда, стоя на палубѣ, ея добрые, карые глаза встрѣчались съ моимъ взглядомъ.

Годъ спустя, когда я уѣхалъ изъ Сибири, мнѣ пришлось еще встрѣчаться съ нею: она тогда жила въ Москвѣ. Я часто посѣщалъ ее; она всегда съ такой радостью встрѣчала меня и нисколько не боялась принимать у себя, хотя это было во время царевѣчества, ко-

гда своры шпионовъ повсюду рыскали, розыскивая скрывавшихся революціонеровъ.

Прошло послѣ того еще нѣсколько лѣтъ, и Наталья Армфельдъ умерла на Карѣ. Умерла и старуха въ Москвѣ. И, можетъ быть, другой кто нибудь сочтетъ это незначительнымъ фактомъ, но мнѣ всякій разъ становится грустно, когда я вспоминаю, что мать и дочь, когда-то столь сильно любившія другъ друга, теперь покоятся въ разныхъ частяхъ свѣта. Мнѣ становится грустно, когда я представляю себѣ эти двѣ могилы: одну—на распланированномъ московскомъ кладбищѣ, съ очищенными дорожками и подстриженными деревьями, — другую — тысячь шесть верстъ разстоянія оттуда, на дикой рѣчкѣ Карѣ, среди горъ, поросшихъ лиственницами.

Однако все это случилось значительно позже. Тогда же, когда мы переѣзжали черезъ Байкаль, всѣ были еще живы и, по обыкновенію людскому, полны надеждъ.

Когда пароходъ причалилъ къ Мышихѣ, и мы высадились на берегъ, старуха, простившись со мною, поѣхала впередъ въ своемъ тарантасѣ, запряженномъ почтовыми лошадьми; я на своемъ конѣ двинулся ей вслѣдъ по той же дорогѣ.

Помню тою весною въ Иркутскѣ воздухъ былъ какой-то мутный. Говорили, что это происходило отъ дыма, что гдѣ-то на сѣверъ отъ Иркутска горѣли торфяныя болота на большомъ пространствѣ. Районъ этого мутнаго воздуха, затемнявшаго по временамъ даже солнце, обнималъ огромное пространство: я его чувствовалъ до самого Лиственничнаго.

Здѣсь, за Байкаломъ, воздухъ былъ чистъ и прозраченъ, какъ только могъ быть прозраченъ въ горномъ мѣстѣ. Деревья и трава казались зеленѣе, скалы рѣзче вычерчивались. Было тепло и тихо. Байкаль стлаелъ передо мною, блестя на солнцѣ, какъ зеркало. На противоположномъ, сѣверномъ, берегу (откуда мы пріѣхали), отстоявшемъ на нѣсколько десятковъ верстъ, синѣли горы, вырисовываясь на горизонтѣ ломанной линіей; вправо, къ Варгузину, вода сливалась съ небомъ.

И было такъ ясно видно все, что глазъ мой, казалось, улавливалъ самую выпуклость безконечной водной поверхности.

Почтовая дорога шла берегомъ у подножія высокихъ горъ, поросшихъ дремучимъ лѣсомъ. Мѣстами озеро скрывалось съ глазъ; мѣстами же изъ за темныхъ деревьевъ оно сверкало точно серебрянное. Круто и обрывисто спускался каменный берегъ къ водѣ. По лѣсу, въ сторонѣ отъ дороги, валялись старыя деревья, съ вывороченными вѣтромъ корнями. Глубокіе мхи, въ которыхъ нога тонула до колѣна, кочками покрывали влажную лѣсную почву. Все было здѣсь дико.

Помню, ѣдучи дорогой, мнѣ удалось застрѣлить птицу, оказавшуюся, по моему опредѣленію, даурской галкой, на сколько мнѣ извѣстно, не встрѣчающеюся въ Иркутской губ. Такимъ образомъ Байкаль является границей нѣсколько другой фауны.

Глава XXX.

СЛУЧАЙ ВЪ „ОНИНСКОМЪ БОРУ“.

Мое путешествіе по Забайкалью продолжалось почти цѣлый мѣсяць, и описывать его шагъ за шагомъ не нахожу возможнымъ. Ъхалъ я медленно, такъ какъ мнѣ никуда не надо было торопиться; цѣлыми часами иногда охотился, остановившись гдѣнибудь въ уединенномъ мѣстѣ возлѣ рѣки или озера. Дорога сначала шла вдоль южнаго берега Байкала; потомъ поворачивала къ югу по рѣкѣ Селенгѣ; этотъ путь продолжался нѣсколько дней.

Наконецъ, переправившись черезъ Селенгу возлѣ г. Верхне-Удинска, я поѣхалъ на востокъ по Читинскому тракту, пролегающему по такъ называемой „Братской Степи“, расположенной по обѣимъ сторонамъ рѣки Уды, притоку Селенги.

Братская степь тянулась полосой, ограниченной съ сѣвера и юга хребтами горъ, которыя то приближались къ рѣкѣ и суживали степь, то удалялись на какойнибудь десятокъ верстъ, и тогда передо мною раскидывалась широкая зеленая площадь, мѣстами поражавшая глазъ своею совершенно ровной поверхностью: ни одного холмика на всемъ пространствѣ! Горы, ограничивающія степь, такъ круто и сразу поднимались, словно наложены были на нее сверху. Вершины были покрыты лѣсомъ; по ихъ подножья, подобно тому, какъ и сама равнина, носили вполне степной характеръ. Помню, цвѣтовъ было такое множество по степи, и воздухъ былъ до того прозраченъ, что мой глазъ далеко различалъ ихъ среди травы.

Мирно и благополучно проѣзжалъ я селенія, попадавшіяся по пути. Ночевалъ чаще всего въ степи, своротивъ съ тракта на нѣкоторое разстояніе. Привяжу, бывало, коня на длинной веревкѣ къ телѣгѣ, чтобы онъ могъ пасти, а самъ лягу подъ телѣгою и сплю. Мнѣ больше нравились эти ночлеги въ степи, чѣмъ по селамъ, гдѣ не обходилось безъ распросовъ: кто я? куда ѣду? по какимъ дѣламъ? и пр. И хотя я имѣлъ паспортъ, и у меня были заранѣе приготовлены отвѣты (я говорилъ, что ѣду на пріиска на службу), но все таки мнѣ были очень непріятны эти распросы, и я избѣгалъ ихъ при всякой возможности.

Помню, дѣло было къ вечеру. Моя лошадь устала и тихо плелась по дорогѣ. Впереди верстахъ въ трехъ виденъ былъ „Онинскій боръ“, небольшая деревушка, раскинувшаяся по долинь, прилегавшей къ рѣкѣ. Деревня эта находилась уже верстахъ въ полтораста отъ Верхне Удинска. Тотчасъ за деревней горы подходили къ самой рѣкѣ; здѣсь степь заканчивалась, и сосновый

дѣсь пли боръ, широкой полосой покрывалъ оба берега Уды, почему, очевидно, и сама деревушка получила свое названіе Онинскаго Бора.

Съ лѣвой стороны дороги я увидѣлъ нѣсколько человѣкъ бурятъ, бѣжавшихъ верхомъ по степи. Они пересѣкли мнѣ дорогу. Двое мужчинъ и три женщины, сидѣвшія въ сѣдлахъ по мужски, проскакали степью куда-то вправо. Посмотрѣвъ имъ велѣдъ, я замѣтилъ по рѣкѣ Удѣ — ниже Онинскаго Бора — другое селеніе; церковный крестъ блестѣлъ оттуда, какъ звѣздочка, отъ лучей заходившаго солнца. По картѣ, которую я имѣлъ съ собою, я узналъ, что это была такъ называемая Хоринская Стенная Дума, мѣстный административный центръ.

Но вотъ я вѣхалъ въ деревню. Мой конь былъ сильно уставши, и мнѣ хотѣлось покормить его овсомъ; однако, встрѣтивши на улицѣ возлѣ почтовой станціи двухъ бурятъ и получивши отъ нихъ отрицательный отвѣтъ, что овса они для продажи не имѣютъ, я рѣшилъ проѣхать деревню, не останавливаясь. Почтовый трактъ только касался этой деревни, которая вся оставалась въ сторонѣ — правѣе, — а потому черезъ нѣсколько минутъ я уже выѣхалъ за деревню и медленно двигался на гору, къ лѣсу.

— „Стой!... Стой, Другъ!... вдругъ услыхалъ я сзади себя крикъ. Я повернулся и увидѣлъ тѣхъ жъ двухъ бурятъ, бѣжавшихъ за мною по дорогѣ.

— „Заворачивай!... Овесъ есть ..“ заыхавшись проговорилъ одинъ изъ нихъ, догоняя и хватаясь рукою сзади за мою телѣгу.

Я остановился. Маневръ былъ слишкомъ грубый, чтобы не возбудить во мнѣ подозрѣнія. Однако я не показалъ вида и, поверотивъ коня, тихо поѣхалъ по направленію къ деревнѣ, велѣдъ за бурятами, шедшими впереди. Вѣхавши въ деревню, возлѣ почтовой станціи, гдѣ раньше никого не было, я увидѣлъ теперь цѣлую кучу людей. Одни стояли, другіе сидѣли на землѣ по монгольски, поджавши подъ себя ноги. Все это были

буряты. Когда я къ нимъ подъѣхалъ, они оживленно бесѣдовали между собою на бурятскомъ языкѣ. Языка этого я не понималъ, но тотчасъ почувствовалъ, что у нихъ рѣчь шла обо мнѣ. Я весь насторожился.

— „Что же, у кого можно купить овса? спросилъ я, стараясь казаться спокойнымъ, точно я и не предполагалъ ни у кого изъ нихъ никакихъ заднихъ мыслей.

— „Овесъ то мы найдемъ... А скажи, куда ты ѣдешь?“ послышался голосъ изъ толпы.

Чисто русское произношеніе, какимъ были сказаны эти слова, заставили меня догадаться, что я имѣю дѣло не съ одними бурятами. Я внимательно осматрѣлъ присутствовавшихъ и вскорѣ замѣтилъ среди сидѣвшихъ монголовъ одного русскаго, тоже сидѣвшаго по монгольски на землѣ. Бѣлое лице, окаймленное остроконечной русой бородкой, и правильный, прямой носъ, по сторонамъ котораго свѣтилась пара черныхъ, умныхъ глазъ, — таковъ былъ видъ человека, обратившагося ко мнѣ съ вопросомъ. Ему можно было бы дать не болѣе тридцати пяти лѣтъ, если бы не было лысины, виднѣвшейся на его непокрытой головѣ: лысина его очень старила.

— „На прінска ѣду“, отвѣчалъ я.

— „Откуда?“

— „Изъ Иркутска.“

— „А на какіе прінска?“

— „Въ Албазинь.“

— „Дале-екій-же путь!.. протянулъ сибирякъ. И что же, всю дорогу вотъ такъ одинъ и ѣдешь?“ съ удивленіемъ спросилъ онъ.

— „Какъ видишь“, отвѣчалъ я.

Тутъ я почувствовалъ, что одно это обстоятельство должно было вызвать у него подозрѣніе; отъ Иркутска до Албазинскихъ прінсковъ, находящихся на Амурѣ, тысячи полторы верстѣ. Пускаться безбоязненно въ такое длинное путешествіе одному — это было дурнымъ признакомъ. По народнои логикѣ, — кто не боится, того самого надо бояться.

— „А паспортъ у тебя есть?“ спросилъ онъ.

— „Есть.“

— „Покажи“.

Я вынулъ паспортъ и передалъ ему; онъ его развернулъ и принялся читать.

Наблюдая за бурятами, разговаривавшими въ это время между собою, я замѣтилъ, что они указывали пальцами на меня и на свои голые подбородки, и это заставило меня предположить, что розыскивали какого то челоуѣка съ бородою, и, какъ видно, во мнѣ признали того, кого искали. Но тутъ вдругъ у меня мелькнула мысль, что, можетъ быть, по доносу Абросимова, именно меня и розыскивали, и послѣднее предположеніе ужасно меня встревожило.

— „Ну, заворачивай, подночуеть“, проговорилъ между тѣмъ сибирякъ, окончивая просмотръ моего паспорта (хотя не возвращая его мнѣ) и поднимаясь съ земли. „Время позднее; а трактъ здѣсь идетъ лѣсомъ... Куда теперь поѣдешь?“ добавилъ онъ и направился вдоль улицы.

Это приглашеніе ночевать всего болѣе смахивало на домашній арестъ, однако ничего не оставалось дѣлать, какъ только покориться, и я, молча, поѣхалъ влѣдъ за нимъ. Толпа бурятъ насъ сопровождала, продолжая оживленно бесѣдовать о чемъ-то.

Четвертая или пятая изба отъ почтовой станціи оказалась избою сибиряка. Онъ отворилъ ворота, и я вѣхалъ во дворъ.

Осмотрѣвшись, я тотчасъ замѣтилъ, что мой хозяинъ принадлежитъ къ зажиточнымъ людямъ. Справа и слѣва стояло по избѣ; тутъ же, сбоку, былъ новенькій амбаръ; немного дальше — еще какія то хозяйственныя постройки, а сзади всего виднѣлся огромный скотный дворъ, упиравшій въ долину, поросшую осокою.

— „Выпрягай коня и заходи въ горницу“, сказалъ сибирякъ. Потомъ тутъ же обратился къ молодому буряту и заговорилъ съ нимъ по бурятски. По тону голоса я заключилъ, что давалось какое то приказаніе. Моло-

дой буряты поспѣшно ушелъ со двора. Мнѣ показалось, что онъ его посылалъ за кѣмъ то.

Выпрягну коня и привязавъ его къ телѣгѣ, я вошелъ въ избу. Горница оказалась чистенькая съ деревянной мебелью, какая вообще попадается у крестьянъ сибиряковъ. Хозяинъ пригласилъ меня садиться.

Только теперь, садясь на скамью, я замѣтилъ сидѣвшаго въ сторонѣ военнаго и, по формѣ, узналъ въ немъ унтеръ-офицера этапной команды. Когда и какъ онъ сюда явился — я не замѣтилъ, но мнѣ отъ этого открытія сдѣлалось еще болѣе не по себѣ.

Въ Онинскомъ Бору, какъ потомъ я узналъ, была этапная тюрьма, и партія какъ разъ въ этотъ день прибыла на ночлегъ.

— „Такъ ты, говоришь, теперь изъ Иркутска?“ обратился ко мнѣ съ вопросомъ хозяинъ.

— „Прямо изъ Иркутска“, отвѣтилъ я.

— „Почемъ тамъ хлѣбъ?“

„Допрось,“ мелькнуло у меня въ головѣ. Но объ иркутскихъ цѣнахъ я имѣлъ представленіе и сообщилъ то, что зналъ.

— „Дорого же“, замѣтилъ сибирякъ. Потомъ спросилъ: „А въ Албазинѣ на службу ѣдешь, какъ-ли?“

— „На службу: становымъ на прінески.“

— „Мѣсто хорошее.“ И обратясь къ унтеръ-офицеру онъ развернулъ передъ нимъ мой паспортъ и проговорилъ: „Вотъ паспортъ; ѣдетъ, говоритъ, изъ Иркутска на Амурскіе прінески, въ Албазинѣ“.

Унтеръ-офицеръ молчалъ, испуская лишь многозначительное „гмъ“, смыслъ котораго трудно было уловить. Раза два онъ на меня взглянулъ, какъ мнѣ показалось, пытливо, потомъ всталъ, раскланялся съ хозяиномъ и ушелъ.

— „Возьми-ка свой паспортъ“, замѣтилъ сибирякъ, передавая бумагу.

— „По контракту ѣдешь на прінески?“

„Сказать: по контракту, — пожалуй, захочетъ посмотреть самый контрактъ“, подумалъ я.

— „Нѣтъ, безъ контракта,“ отвѣтилъ я. „На принскѣ служить мой пріятель; онъ писалъ мнѣ, что есть вакансія“.

— „Гмъ...“ промычалъ сибирякъ. „Ты, какъ-же, служилъ раньше по принскамъ?“

Принсковое дѣло я зналъ только по наслышкѣ, а потому и въ этотъ разъ принужденъ былъ дать отвѣтъ отрицательный. Я боялся запутаться во лжи, хотя съ другой стороны чувствовалъ, что своими отрицательными отвѣтами усиливаю подозрѣніе противъ себя.

— „Не слу-ужилъ“, протянулъ хозяинъ такимъ тономъ, словно хотѣлъ сказать: „не служилъ, и службы, очевидно, никакой нѣтъ. Незачѣмъ значить тебѣ и бѣхать въ Албазинъ“. Но потомъ онъ спросилъ: „А грамоту ты знаешь?“

— „Грамотенъ“, отвѣтилъ я.

Въ это время въ горницу вошла женщина съ самоваромъ, поставила его на столъ и принялась заваривать кирпичный чай. Это оказалась хозяйка. Изъ разговора, завязавшагося между ними, я узналъ, что хозяинъ былъ содержателемъ почтовыхъ лошадей и вмѣстѣ съ тѣмъ служилъ при почтовой станціи писаремъ или старостою. Къ чаю поставлены были горячіе оладьи, молоко, топленое коровье масло. Хозяйка разлила чай, и мы принялись пить. Я вздохнулъ свободнѣе; на время меня оставили безъ распросовъ. Но нервы мои были страшно напряжены; я былъ увѣренъ, что этимъ дѣло далеко не кончилось и чего то ждалъ.

Напившись чаю (признаться, пилъ я его совсѣмъ безъ аппетита), я вышелъ во дворъ. Помню, я стоялъ возлѣ своей телѣги и съ чѣмъ то возился, когда услышалъ знакомый мнѣ лязгъ кандаловъ. Въ воротахъ показалось два арестанта съ конвойнымъ и, войдя во дворъ, направились прямо ко мнѣ. Я весь встрепенулся. Неужели они шли признавать меня? Я напряженно вглядывался въ ихъ лица, чтобы припомнить, не встрѣчалъ ли ихъ гдѣ либо, но не могъ припомнить. Но меня прекрасно могли знать арестанты, которыхъ я могъ со-

всѣмъ не помнить. Подоидя ко мнѣ, они спросили, у кого можно купить хлѣба; я имъ сказала, чтобы они обратились съ этимъ къ хозяину.

— „Вы расейскій будете?“ вдругъ проговорилъ одинъ изъ нихъ, видимо, сразу опредѣлившій по моему говору, что я не сибирякъ.

— „Да, изъ Россіи“, отвѣтилъ я (т. е. изъ Европейской Россіи).

Паспортъ мой былъ изъ Иркутской мѣщанской управы; но я зналъ, что сойти за сибиряка я не могъ, а потому всегда признавалъ себя російскимъ, приходившимъ, якобы, по волѣ за своимъ ссыльнымъ дядей и приписавшимся къ иркутскимъ мѣщанамъ.

Арестанты направились въ избу. Я ждалъ чѣмъ все это кончится.

Буряты постоянно то заходили во дворъ, то уходили куда то; почти всякій изъ нихъ безцеремонно оглядывалъ меня. Суета, движеніе, разговоры на бурятскомъ языкѣ, изъ которыхъ я не понималъ ни одного звука — все это лишь увеличивало подозрѣніе, закравшееся въ мою голову. Мнѣ все болѣе и болѣе начинало казаться, что я былъ единственный виновникъ всей этой суеты и движенія, что на мнѣ сосредоточено было вниманіе всѣхъ. Въ кругомъ — и хозяинъ, и этапный офицеръ (вѣроятно, нарочно подсылавшій ко мнѣ этихъ арестантовъ, которые теперь — кто его знаетъ — какія дадутъ показанія; можетъ быть, даже узнали меня), и буряты, которыхъ здѣсь было такое множество, — все словно готовились къ совершенію какого-то необычайнаго поступка, и это что-то необычайное, какъ мнѣ казалось, должно было разразиться надо мною.

Въ довершеніе ко всему — хозяинъ, который, я долженъ сказать, не спускалъ съ меня глазъ (стерегъ меня), вздумалъ почему то предложить мнѣ мѣняться лошадыми. Онъ давалъ мнѣ своего крѣпкаго, рослаго коня, взамѣнъ за мою слабую лошадку, и, къ моему крайнему изумленію, потребовалъ съ меня придачу всего пять рублей (я ожидалъ, что потребуетъ, по крайней

мѣрѣ двадцать пять рублей). Видимо, онъ затѣялъ свою мѣру, имѣя какую то заднюю цѣль. Это обстоятельство еще болѣе усилило мою подозрительность и убѣждало меня въ томъ, что противъ меня здѣсь этими людьми затѣвается что-то недоброе.

Но тутъ я сталъ подмѣчать, что поведеніе сибиряка, не оставлявшаго меня ни на минуту, мало по малу какъ будто измѣнилось по отношенію ко мнѣ; мнѣ даже показалось, что онъ началъ юлить передо мною. До вечера оставалось нѣкоторое время, и онъ предложилъ мнѣ пройтись по долигѣ, гдѣ было много тюриановъ*). Онъ точно заботился о томъ, чтобы мнѣ не было скучно. Правда, и теперь онъ не спускалъ съ меня глазъ, но теперь онъ уже сопровождалъ меня, какъ гостепріимный хозяинъ, а не какъ конвойный. Мы прошли съ нимъ почти до рѣки и вернулись обратно. Ни одного тюриана я не застрѣлилъ, такъ какъ мнѣ было не до того, но за то всю дорогу мы съ нимъ разговаривали. И въ этотъ разъ онъ почти все время говорилъ о приискахъ, но уже не тѣмъ слѣдовательскимъ тономъ, какой былъ у него раньше. Онъ говорилъ о добычѣ золота, о тайной торговлѣ золотомъ, о томъ какъ люди легко богатѣютъ на тайной торговлѣ золотомъ и т. п. Я его слушалъ, дѣлая незначительныя замѣчанія съ своей стороны, такъ какъ, съ одной стороны, боялся какъ нибудь не провратъся, съ другой стороны, просто на просто я не довѣрялъ ему, видя въ его поведеніи по отношенію ко мнѣ заднюю мысль, которую, хотя я и не могъ себѣ еще ясно опредѣлить, но которую чувствовалъ во всякомъ его словѣ. Онъ точно загваривалъ меня и старался отвлечь мое вниманіе куда-то въ сторону. Я это видѣлъ и ждалъ — чѣмъ все это кончится. Мое вниманіе было напряжено до крайней степени.

Воротясь съ прогулки, мы зашли въ избу и принялись составлять письменное условіе относительно нашей

*) Особый видъ болотной птицы съ красивымъ, пестрымъ опереніемъ.

мѣны лошадьми, при чемъ мой хозяинъ настоялъ на томъ, чтобы я въ условіи непременно прописалъ номеръ моего паспорта, за которымъ онъ былъ выданъ мнѣ изъ иркутской мѣщанской управы, что тоже не доказывало особеннаго довѣрія съ его стороны ко мнѣ, несмотря на весь дружескій токъ, принятый имъ со мною передъ вечеромъ.

Едва я окончилъ писать условіе, какъ вдругъ услышалъ звуки колокольчиковъ. Въ горницу поспѣшно вошелъ бурятъ и о чемъ то заговорилъ.

— „Вотъ и засѣдатель пріѣхалъ къ намъ въ деревню“, обращаясь ко мнѣ, проговорилъ хозяинъ, какъ мнѣ показалось, особенно какъ-то растягивая слова и при этомъ глядя мнѣ въ глаза, точно желая опредѣлить какое впечатлѣніе произведетъ на меня это извѣстіе.

Вѣсть эта меня поразила, какъ громомъ.. Вотъ это именно то, что я предчувствовалъ и чего такъ сильно боялся!... Теперь сразу мнѣ разъяснилось все поведеніе сибиряка. Подвергнуши меня домашнему аресту, онъ послалъ за засѣдателемъ именно того молодого бурята, о которомъ я упоминалъ въ своемъ мѣствѣ (я тогда же замѣтилъ, что онъ его посылалъ за кѣмъ то), и въ ожиданіи пока засѣдатель появится, чтобы протянуть время и усыпить мою подозрительность, принялся меня дурачить то мѣной лошадей, то прогулкою по долину. Теперь я вполне увѣрился въ его двуличномъ поведеніи: онъ со мною все время хитрилъ. Да и я самъ, впрочемъ, хитрилъ съ нимъ до этого времени, не показывая ни малѣйшаго вида, что я понимаю его поведеніе; но тутъ я не выдержалъ дальше своей роли и прорвался.

— „Скажи, зачѣмъ ты меня дурачишь?“ проговорилъ я.

— „Въ чемъ? гдѣ?“ воскликнулъ онъ

— „Зачѣмъ ты посылалъ за засѣдателемъ?“

— „За засѣдателемъ?! Да кто тебѣ сказалъ, что я посылалъ за нимъ?!“

— „Какъ кто?!.. Ты же теперь говоришь, что онъ пріѣхалъ? — Ты за нимъ посылалъ.“

— „Что ты, парень! Съ чего ты взялъ, что я посы-
лалъ за засѣдателемъ?“

Меня страшно возмутило, что онъ и теперь все еще продолжалъ притворяться и хотѣлъ меня морочить.

— „Послушай, вѣдь я же не дуракъ, — я все вижу.“
Помню, когда я это говорилъ, я дрожалъ, точно въ ли-
хорадкѣ. „Скажи мнѣ, въ чемъ ты меня подозрѣваешь?“

— „Да съ чего ты взялъ, что я тебя подозрѣваю?“
оправдывался мой хозяинъ. „Правда, буряты вначалѣ
признали было въ тебѣ одного человѣка, укравшаго
тутъ недѣли двѣ назадъ пару лошадей... Да только я
сразу увидѣлъ ошибку. Ни въ чемъ я тебя не подо-
зрѣваю.“

— „Зачѣмъ же ты посылалъ за засѣдателемъ?“

— „Да чортъ — прости господи — посылалъ за нимъ,
а не я!“ воскликнулъ онъ. „У него здѣсь есть пріатели,
— вотъ онъ къ нимъ и пріѣхалъ. Хоринская Степная
Дума отсюда недалеко.“

Я замолчалъ, не возражалъ болѣе; но я не сомнѣ-
вался въ своихъ выводахъ и съ минуты на минуту сталъ
ждать прихода засѣдателя съ конвойными и понятыми,
какъ это обыкновенно дѣлается въ подобныхъ случаяхъ.
Моя подозрительность завела меня очень далеко; теперь
я уже думалъ, что задержали меня здѣсь даже не слу-
чайно (какъ это мнѣ казалось вначалѣ), а по предпи-
санію изъ Иркутска; что полиція узнала тамъ отъ Аб-
росимова о томъ, что я отправился за Байкаль и дала
знать сюда по селамъ, находящимся по дорогѣ къ Чп-
тѣ, о задержаніи меня, при чемъ, конечно, мои примѣты
были подробно описаны по указаніямъ того же Абро-
симова.

— „Гдѣ будешь спать?“ спросилъ меня хозяинъ.

— „На телѣгѣ“.

— „Ладно. Ночь теплая; и я пристроюсь по сосѣд-
ству подъ амбаромъ“.

Безъ сомнѣнія онъ рѣшилъ стеречь меня; это было
ужь слишкомъ очевидно.

Мы вышли изъ избы.

Я легъ на телѣгѣ; онъ примостился подъ навѣсомъ возлѣ амбара.

Покрывшись тулупомъ, я тихо лежалъ на своей телѣгѣ и напряженно вслушивался. Съ улицы отъ времени до времени долетали голоса, слышались шаги, и всякій разъ это меня тревожило: я ждалъ прихода засѣдателя. Ночь была тихая, но сырость давала себя чувствовать. Съ долины поднялся туманъ и заволокъ все предметы легкою дымкою. Задержку въ появленіи засѣдателя я объяснялъ тѣмъ, что онъ рѣшилъ произвести мой арестъ ночью, когда я засну, такъ какъ, вѣроятно, онъ зналъ о томъ, что я былъ вооруженъ, и возможно, что опасался встрѣтить съ моей стороны вооруженное сопротивленіе. Съ другой стороны, возможно также и то, что для окончательнаго удостовѣренія, онъ послалъ по телеграфу справку въ Иркутскъ о моемъ паспортѣ и теперь ждалъ оттуда отвѣта. Однако, по той или другой причинѣ, произошло замедленіе въ моемъ арестѣ, а все же я былъ въ западнѣ, и выбраться мнѣ изъ этого положенія возможно было только посредствомъ побѣга. У меня явилась мысль о побѣгѣ и мало по малу эта мысль овладѣла мною всецѣло.

Самымъ удобнымъ я находилъ бѣжать черезъ долину, за рѣку, въ горы. Это былъ кратчайшій путь къ лѣсу, гдѣ я могъ укрыться. Надо было только захватить съ собою побольше хлѣба. Нѣсколько фунтовъ хлѣба было возлѣ меня въ телѣгѣ. Была винтовка съ запасомъ пороха и пуль, которую тоже непременно надо было взять съ собою. Эти предметы были необходимы и они находились возлѣ меня; оставалось приготовиться и незамѣтно уйти.

Съ необыкновеннымъ нетерпѣніемъ сталъ я дожидаться, когда хозяинъ заснетъ, самъ тихо притаившись, чтобы не вселить подозрѣнія, и вслушиваясь въ ночную тишину.

Прошло нѣкоторое время. Небо было безоблачно, но сквозь надземный туманъ звѣзды свѣтились тускло. Было тихо, такъ тихо, что отчетливо слышенъ былъ

скрипъ двери съ отлаленнаго конца деревни. Изъ долины доносился крикъ какой-то болотной птицы; но этотъ мѣрный однообразный крикъ совсѣмъ не нарушалъ общей тишины, напротивъ, онъ только еще больше отгнѣнялъ ее, какъ бы указывая на нее.

Однако хозяинъ не спалъ; онъ покряхтывалъ, ворочался; а когда я заворочался на своей постели, то я замѣтилъ, какъ онъ приподнялъ даже голову. Это было очень досадно, и я, притаившись опять, какъ будто я спалъ, опять напряженно вслушивался и ждалъ, когда онъ заснетъ. Но онъ не засыпалъ. Между тѣмъ мысли вереницами осаждали мою голову.

„Бѣгутъ же, однако, изъ подъ караула? Не ждутся пока заснетъ солдатъ?“ Мысленно ободрялъ я себя въ тѣ минуты, когда начиналъ терять терпѣнiе. Но тутъ моя логика невольно занялась сравненiемъ. Когда бѣжить арестантъ изъ подъ караула или изъ тюрьмы, часовой рѣдко рѣшается оставить свой постъ и не гонится за арестантомъ. И потому, разъ удалось бѣглецу увернуться отъ пули въ первое мгновѣнiе, дальнѣйшее преслѣдованiе его предоставляется облавѣ. Здѣсь же положенiе вещей было иное. Здѣсь несомнѣнно пошла бы безостановочная погоня по горячимъ слѣдамъ. Сибирякъ сдѣлалъ бы тревогу; въ какихъ нибудь четверть часа собралось бы десятка полтора буряты (они, вѣдь, дикари — снять въ одеждѣ), и кинулись бы они всѣ верхами на поиски за мною. Съ вечера я видѣлъ, какое множество лошадей загнали на скотный дворъ моего хозяина. Здѣсь для погони все было подъ руками. Не только въ четверть, а и въ полчаса я не могъ добраться даже до рѣки, не говоря уже о лѣсѣ. А у буряты глаза острые, какъ у звѣрей... Нѣтъ, не мыслимъ былъ успѣхъ при этихъ условiяхъ.

Однако надо же было рѣшиться; время шло... А между тѣмъ хозяинъ не засыпалъ. Я лежалъ и думалъ. Мысли одна другой мрачнѣе толпились въ головѣ. Но это были уже не мысли, а скорѣе ощущенiя, или еще вѣрнѣе, какiе-то неуловимые образы, угнетавшiе

душу своими уродливыми очертаніями, приближавшіеся къ горячечному бреду. Да, я несомѣнно былъ боленъ въ ту минуту, — боленъ душевно, отъ безмѣрнаго нервнаго напряженія, отъ мнительности, отъ всего того, что случилось со мною, и что мнѣ довелось пережить за этотъ день. Я чувствовалъ себя въ какихъ то страшныхъ тискахъ, изъ которыхъ надо было вырваться, но я не зналъ, какъ это сдѣлать. Да къ ужасу своему, я не чувствовалъ въ себѣ достаточно силъ для этого; чего то огромнаго не доставало мнѣ въ ту минуту... А время между тѣмъ шло; — ночь уходила... И сознаніе того, что ночь уходила, терзало меня. Наконецъ, уже въ какомъ-то почти полусознаніи я поднялся и сталъ слѣзать съ телѣги.

— „Аль не спишь, парень?“ окликнулъ меня хозяинъ.

Тутъ я почувствовалъ такое полное равнодушіе ко всему, что бы ни случилось со мною, а вмѣстѣ съ тѣмъ и такое изнеможеніе во всемъ тѣлѣ, что тотчасъ влѣзъ обратно въ телѣгу и легъ. Мнѣ странно захотѣлось спать. Я легъ, натянулъ на себя полушубокъ и мгновенно заснулъ, какъ убитый.

Былъ часъ десятый дня, когда я проснулся. Солнце жгло. Весь я былъ облитъ потомъ. Руки и ноги болѣли, точно въ лихорадкѣ. Во дворѣ никого не было. „А за-сѣдатель такъ и не приходилъ?!“ мысленно задалъ я себѣ вопросъ, да такъ и не нашелъ на него отвѣта.

Однако какъ бы тамъ ни было, а надо было поскорѣе убираться изъ Онисскаго Бора. Я запрегъ своего новопріобрѣтеннаго коня. Въ это время появился хозяинъ.

— „Ну, парень, долго же ты спалъ! Заходи въ горницу, попьешь чайку на дорогу“, проговорилъ онъ.

Я вошелъ въ горницу и молча пилъ чай. Я не могъ дать себѣ яснаго отчета въ томъ, что происходило во кругъ меня; не могъ, какъ говорится, свести концовъ съ концами. Все случившееся представлялось мнѣ такимъ страннымъ, почти невѣроятнымъ. Мнѣ кажется, подобное состояніе человѣкъ долженъ испытывать послѣ продолжительнаго, сильнаго пьянства.

Напившись чаю, я простился и вышел во дворъ. Хозяинъ вышелъ тоже проводить меня. Онъ отворилъ мнѣ ворота. Я сѣлъ въ телѣгу и выѣхалъ на улицу. Медленно проѣхалъ я улицею до края деревни и сталъ подниматься на гору, къ лѣсу. Я находился точно въ какомъ то полуснѣ; такъ мнѣ казалось все это страннымъ. Совершенно невѣроятнымъ казалось мнѣ то, что меня не арестовали. Неужели я могъ такъ грубо ошибаться въ своихъ подозрѣнiяхъ? Разбирая послѣдовательно всѣ факты прошедшаго дня, я, пожалуй, могъ бы согласиться, что давалъ имъ объясненiе преувеличенное, невѣрное влѣдствiе моей чрезмерной подозрительности; могъ бы согласиться, что и сибирякъ говорилъ мнѣ правду, когда увѣрялъ, что онъ не посылалъ за застѣдателемъ. Мнѣ такъ хорошо помнилось, какъ онъ тогда воскликнулъ: „Да чортъ, прости господи, посылалъ за нимъ, а не я!“ Это было такое искреннее возмущенiе съ его стороны. Въ ту минуту я ему не повѣрилъ. Обстоятельства такъ странно сложились, и я такъ запутался въ своихъ собственныхъ догадкахъ и мысляхъ, что не могъ ему повѣрить. Повѣрить — это значило бы отказать мнѣ отъ всѣхъ логическихъ объясненiй, какiя я давалъ фактамъ. Подозрительность овладѣла тогда всѣмъ моимъ существомъ, и потому я могъ только подозрѣвать, но не вѣрить. Всему этому, повторяю, я могъ бы еще дать объясненiе и могъ бы, вѣроятно, во всемъ этомъ разобраться, если бы не имѣлось на лицо вещественнаго доказательства, именно коня, вымѣняннаго мною у сибиряка. Допустить, что онъ не зналъ толку въ лошадахъ (которыхъ у него было такое множество) я не могъ, и выгодная мѣна такъ и оставалась для меня неразгаданной загадкой. Мѣну эту я только такъ и понималъ, что у сибиряка была при этомъ своя задняя мысль.

Но вотъ я въѣхалъ въ лѣсъ. Деревушка Онинскiй Боръ скрылась съ глазъ. При выѣздѣ изъ деревни мнѣ не хотѣлось быстро гнать коня, такъ какъ этимъ я бы показалъ, что тороплюсь уйти. Я же думалъ выдержать роль невиннаго до конца. Но здѣсь, въ лѣсу, нечего

было стѣсняться, и я ударилъ коня кнутомъ; но онъ не хотѣлъ бѣжать и продолжалъ тихо тащить мою телѣгу. Я принялся его подгонять, но онъ рѣшительно отказывался бѣжать и всякій разъ начиналъ сильно храпѣть, когда сколько нибудь ускорялъ свой ходъ. Наконецъ, я остановился и слѣзъ, чтобы смотрѣть, въ чемъ было дѣло, — и каково же было мое изумленіе?! Мой вымѣнянный конь оказался съ перебитыми ноздрями и, очевидно, совершенно не годился для быстрой ѣзды.

Только постепенно разсѣялся хаосъ, бывшій въ моей головѣ. Мало по малу я разобрался въ фактахъ и далъ имъ настоящее объясненіе. Буряты обознались, принявъ меня за того человѣка, который укралъ у нихъ пару лошадей. Сибирякъ сразу увидѣлъ, что это ошибка, но допрашивая меня, личность моя сама по себѣ представлялась ему подозрительной. За засѣдателемъ онъ, конечно, не посылалъ; и онъ тогда говорилъ мнѣ правду, что не посылалъ; но что я ему показался человѣкомъ подозрительнымъ, — въ чемъ онъ не хотѣлъ сознаться — это не подлежало сомнѣнію. По нѣкоторымъ даннымъ, именно, по намекамъ, которые онъ дѣлалъ, равно какъ и по характеру всего его разговора во время нашей прогулки по долині, я сдѣлалъ заключеніе, что онъ подозрѣвалъ меня въ томъ, что я спиртонось, что я вовсе не имѣлъ ввиду получить службу на пріискахъ, а пробирался туда единственно съ намѣреніемъ заняться тамъ скупкою краденнаго золота и тайной продажей водки. Само собою разумѣется, что при такой профессіи не въ моихъ интересахъ было приходить въ какія бы то ни было столкновенія съ полиціей. Этой моей боязни не могъ не подмѣтить умный сибирякъ, и весьма вѣроятно, что для полного удостовѣренія въ своемъ предположеніи, онъ нарочно сообщилъ мнѣ тогда о пріѣздѣ засѣдателя, чтобы посмотрѣть, какой эффектъ произведетъ на меня это извѣстіе. Другой, на его мѣстѣ, замѣтивъ мое замѣшательство и безпокойство, можетъ быть, даже донесъ бы засѣдателю. Но моему сибиряку до этого не было никакого дѣла. Отчасти онъ остался

доволенъ своей мѣной лошадыми; отчасти, можетъ быть, онъ хотѣлъ сохранить хорошія отношенія съ спиртономъ, который — кто его знаетъ, — можетъ быть, ему же привезеть когда нибудь золото по дешевой цѣнѣ. А доносить засѣдателю — какая могла быть ему польза?

Если бы я въ ту ночь бѣжалъ, какъ это хотѣлъ сдѣлать, то безъ всякаго сомнѣнія былъ бы пойманъ, и моя участь была бы рѣшена. Но спасло меня то обстоятельство, что я, хотя и плоховато, а все же выдержалъ болѣе или менѣе до конца роль, принятую на себя, и устоялъ, такъ сказать, на легальной почвѣ.

Глава XXXI.

ДАЛЬНѢЙШЕЕ ПУТЕШЕСТВІЕ ПО ЗАБАЙКАЛЮ. ПРЕБЫВАНІЕ МОЕ ЗА-БАЙКАЛОМЪ И ОТЪѢЗДЪ ОТТУДА.

Отдѣлавшись счастливо въ Онинскомъ Бору, я поѣхалъ дальше на востокъ. Скоро Братская Степь окончилась; потянулись лѣса и горы, съ болотистыми долинами, съ огромными озерами. Я приближался къ водораздѣлу: съ одной стороны здѣсь брала свое начало рѣка Уда, текущая къ западу и впадающая въ рѣку Селенгу; съ другой — изъ этихъ же озеръ и болотъ вытекали притоки Витима, направляющагося къ сѣверовостоку и впадающаго въ рѣку Лену.

Мнѣ никогда не чудилось такое обиліе дичи, какое я здѣсь увидѣлъ. Озера буквально кишѣли птицами.

Всевозможные виды куликовъ, начиная отъ маленькихъ, такъ называемыхъ песочниковъ, и оканчивая большими крошшепами, жалобно свистали и кружились надъ самой головой всякій разъ, когда, бывало, удавалось одного изъ нихъ застрѣлить; утки различныхъ породъ, тюрпаны и много разныхъ другихъ птицъ — все это кричало, свистѣло, крякало. Въ озерахъ было много рыбы. Такъ, въ Укырскомъ озерѣ при мнѣ уловлено было огромное количество рыбы. Ловъ этотъ происходилъ, впрочемъ, въ октябрѣ мѣсяцѣ, — въ то время, когда я уже возвращался обратно въ Иркутскъ.

Памятна мнѣ одна ночь. Подъѣзжалъ я уже къ Яблонову хребту. Миновавъ Беклемишевскую станцію, — большую деревню, заселенную такъ называемыми „сѣмейскими“*) — сталъ я подниматься на отлогую гору. Дорога шла вдоль опушки лѣса, тянувагося съ правой стороны. Съ лѣвой стороны открывался видъ на широкую долину, окаймленную вдаль тоже лѣсомъ, укрывавшимъ противоположныя возвышенности до самого горизонта. Уже я успѣлъ отъѣхать довольно далеко отъ деревни, когда начался дождь, усилившійся вскорѣ до того, что продолжать путешествіе не было возможности, и я вынужденъ былъ остановиться. Выбравъ мѣсто подъ большимъ деревомъ близъ дороги, я выпрягъ коня, привязавъ его къ телѣгѣ такъ, чтобы онъ могъ частіе кругомъ, самъ забрался подъ телѣгу, чтобы переждать дождь. Но дождь не только не переставалъ, а съ минуты на минуту усиливался и, наконецъ, полилъ настоящій ливень. Разразилась гроза. Молніи сверкали одна за другой; поднялся такой грохотъ надъ головою и такимъ страшнымъ эхомъ раскатывался по лѣсу, что становилось жутко. Начало быстро вечерѣть. Ѣхать дальше нельзя было, и я долженъ былъ приготовиться

*) Раскольники, высланные въ Сибирь на поселеніе еще во времена Екатерины, если не ошибаюсь, и получившіе прозвище «сѣмейскихъ», кажется, просто оттого, что они пришли въ Сибирь съ семьями.

къ ночлегу. Стащивши вещи подъ телѣгу, чтобы не промокли, самъ я улегся тоже подъ телѣгою, покрывшись своимъ барнаульскимъ тулуномъ.*) Дождь лилъ, какъ изъ ведра. Лошадь не могла пасть и стояла съ опущенной головой, поворотившись задомъ къ той сторонѣ, откуда било дождемъ. Облокотившись, я уже было приготовился дремать, какъ сквозь наступающіе сумерки увидѣлъ какого то человѣка, отбившагося отъ дороги и направлявшагося ко мнѣ. Когда онъ подошелъ, и я увидѣлъ, что онъ былъ совершенно мокръ, то пригласилъ его подлѣзть ко мнѣ подъ телѣгу. Благоразуміе, можетъ быть, требовало быть осторожнѣе въ данномъ случаѣ и не вступать въ близкое соприкосновеніе съ незнакомымъ человѣкомъ. Но достаточно было взглянуть на него, чтобы исчезло всякое чувство страха: это былъ слабый человѣчекъ среднихъ лѣтъ, въ плохой одеженкѣ, косоглазый, худой, весь дрожавшій отъ холода. Примостившись возлѣ меня подъ телѣгою и закуривъ папиросу, которую я ему предложилъ, онъ разсказалъ мнѣ, что служилъ гдѣ-то на прискахъ у Бутина, извѣстнаго богача сибиряка, имѣвшаго въ Нерчинскомъ округѣ золотые приiski, но почему-то не могъ тамъ ужиться и бѣжалъ. Убѣгая онъ не имѣлъ возможности забрать своихъ вещей, а также и своего паспорта и теперь шелъ куда-то въ Вятскую губ., откуда былъ родомъ, безъ вещей и безъ документа.

Пробираться изъ Нерчинскаго округа въ Вятскую губ., т. е. черезъ всю Сибирь, безъ паспорта было слишкомъ рискованнымъ дѣломъ, и къ этому могла принудить человѣка только самая настоятельная нужда. Поэтому, признаюсь, я сразу заподозрилъ моего собесѣдника во лжи. По всему вѣроятію онъ былъ просто на просто бѣглый каторжный съ карійскихъ рудниковъ, но, разумѣется, это скрывалъ и для объясненія выдумалъ

*) Въ городѣ Барнаулѣ (Томской губ.), кажется, выдѣлываютъ и пьютъ эти тулуны почему они и носятъ названіе барнаульскихъ.

свою исторію съ бутинскимъ пріискомъ, подобно тому: какъ я самъ выдумалъ басню съ албазинскимъ пріискомъ. Замѣтивши, что онъ не хотѣлъ мнѣ сказать правды, я больше его не спрашивалъ, вспомнивъ, какъ мнѣ самому становилось всегда тяжело отъ распросовъ. Но я невольно занялся сравненіемъ: я былъ бѣглый, какъ и онъ; а между тѣмъ какая огромная разница была въ нашихъ положеніяхъ. У меня былъ конь съ телѣгою, одежда, деньги, паспортъ, оружіе — словомъ все, въ чемъ я могъ нуждаться. У него ничего не было, кромѣ насквозь промоченнаго зинушики. Мнѣ сдѣлалось его очень жаль.

Ночью дождь пересталъ. Небо прояснилось. Мы, конечно, не спали. Послѣ дождя сильно похолодѣло, и у моего гостя буквально зубъ на зубъ не попадалъ, — до того онъ смерзъ. Поэтому, какъ только перестало валить сверху, онъ тотчасъ принялся раскладывать огонь. Но валежникъ, собранный имъ въ лѣсу, былъ сильно намоченъ дождемъ и не могъ легко загорѣться. Долго онъ возился, пока ему удалось разложить костеръ. Но зато когда огонь запылалъ, обоимъ намъ у костра сдѣлалось веселѣе; особенно ему: онъ сталъ сушиться и отогрѣваться. У меня въ запасѣ оказался рябчикъ, убитый днемъ, и мы принялись его печь. Потомъ ему посчастливилось раздобыть воду (для этого онъ спускался куда-то подъ гору), и мы устроили чай, сваривши воду въ желѣзномъ котелкѣ. Гость мой совершенно ожилъ: но въ эту ночь ему не пришлось заснуть; я хоть подремывалъ время отъ времени, укутавшись своимъ теплымъ тулупомъ. Пока онъ возился съ костромъ, да пока мы управились съ ѣдою и чаемъ, — особенно чай пили долго — начало свѣтать. Разставаясь, подарилъ я ему кое-какія вещи; но ничему онъ такъ не обрадовался, какъ желѣзному котелку — этой необходимой принадлежности всякаго бродяги. Мы простились; онъ побрелъ по направленію къ Беклемишевой, — я поѣхалъ дальше на востокъ.

Дорога все время шла въ гору: я поднимался на

Яблоновый хребетъ. Мѣстами, съ высокихъ пунктовъ, открывались виды на необозримыя пространства дремучаго лѣса, который, то взбирался вверхъ по горамъ на вершины и становился тамъ рѣже и свѣтлѣе, то спускался въ долины, густѣль и темнѣль, какъ синяя грозовая туча. Помню, на перевалѣ, на самой вершинѣ бросилось мнѣ въ глаза одно дерево, или вѣрнѣе кустъ, росшій близъ дороги, вѣтви котораго были убраны разноцвѣтными лоскутками матеріи, — красными, желтыми, синими. Потомъ я узналъ, что это буряты, проѣздомъ, оставляли кусочки отъ своей одежды, нацѣпливая ихъ на вѣтви этого куста; дѣлалось это ими затѣмъ, чтобы застраховать себя отъ болѣзней.

Скоро я доѣхалъ до города Читы, гдѣ остановился на нѣсколько дней. Пользуясь тѣмъ обстоятельствомъ, что отсюда отправлялись плоты на Амуръ, я продалъ своего коня, — само собою разумѣется, очень дешево, такъ какъ мой покупатель увидѣлъ, что у него были перебиты ноздри, — и изъ Читы дальше поплылъ на плоту.

Изъ Читы на Амуръ многіе выбираютъ этотъ путь. Онъ спокойнѣе и обходится значительно дешевле почтовыхъ лошадей, на которыхъ надо ѣхать до Стрѣтенска, такъ какъ только отъ Стрѣтенска начинается пароходное сообщеніе по Амуру.

Плылъ я въ компаніи съ однимъ купцомъ и артиллерійскимъ офицеромъ, отправлявшимся на службу въ Хабаровку. Купецъ построилъ себѣ изъ досокъ баракъ на плоту и устроился весьма комфортабельно. Офицеръ спалъ въ своемъ крытомъ экипажѣ, въ которомъ должно быть совершилъ путешествіе до города Читы. Я спалъ въ своей телѣгѣ, которую взялъ съ собою потому, что за ея провозъ мнѣ пришлось заплатить пустаки.

Хорошо было плыть на плоту! Ни хлопанья колесъ, ни толчковъ и дрожанія отъ машины, отъ которыхъ всегда очень утомляешься, такъ какъ даже и тогда, когда сидишь — продолжаешь чувствовать подъ собою это дрожаніе и стукъ въ ушахъ. Нашъ плотъ скользилъ

безъ малѣйшаго шума; чуть-чуть похлопывала вода у крайнихъ бревень плота. Свѣтлой лентой извивалась рѣка между высокихъ темныхъ береговъ. Горы, поросшія лѣсомъ, уплывали назадъ, и такъ спокойно было кругомъ, что было слышно, какъ куропатки чиликали у прибрежныхъ скалъ. Я видѣлъ природу, какова она была сама по себѣ, безъ гама и шума, вносимаго въ нее человѣкомъ, и она отъ этого только выигрывала и казалась еще лучше.

Рѣдко какая страна — а ихъ посѣщалъ я не мало въ своей жизни — оставила во мнѣ такое хорошее впечатлѣніе, какъ Забайкалье. Нигдѣ не доводилось мнѣ видѣть другого такого величественнаго озера, какъ Байкаль, съ такими живописными, хотя, можетъ быть, немного мрачными, благодаря своей дикости, берегами. Я нигдѣ не видѣлъ такихъ великолѣпныхъ степей, пестряющихъ разными цвѣтами, или же, какъ ковромъ, сплошь покрытыхъ густымъ острецомъ выше колѣнъ, — этой особенной травой, извѣстной своею питательностью, и которой, на сколько знаю, нигдѣ въ Европѣ нѣтъ. Забайкальскія лошади, пасущіяся на этихъ степяхъ, отличаются своею неутомимостью и быстрымъ бѣгомъ. Я самъ имѣлъ тамъ коня, на которомъ безъ отдыха совершалъ дорогу болѣе ста верстъ, и между тѣмъ мой конь не представлялъ изъ себя никакого исключенія и считался обыкновеннымъ среднимъ конемъ; мнѣ онъ стоилъ всего пятьдесятъ рублей. Климатъ Забайкалья здоровый. Лѣсу, пастбищъ, полей подъ посѣвы — всего есть въ изобиліи, и мѣстное населеніе почти повсюду живетъ безбѣдно.

Прожилъ я тамъ мѣсяцевъ около пяти, и это время часто воспоминается мнѣ теперь. Но къ сожалѣнію, мало могу я о немъ рассказать, такъ какъ было бы неблагоприятно упоминать о лицахъ, имѣвшихъ отношеніе къ нашему революціонному движенію, съ которыми я приходилъ тогда въ соприкосновеніе, а рассказывать здѣсь о своихъ поѣздкахъ съ товарами, въ качествѣ торговца, по „карауламъ“ (т. е. селеніямъ) и золотымъ при-

искалъ между Шилкою и Аргуною — едвали умѣстно.

Какъ бы тамъ ни было, а я тамъ устроился и жилъ; заводилъ знакомства, торговалъ, и долженъ прибавить, торговалъ не въ убытокъ, какъ это было съ нами во время нашего пребыванія въ народѣ въ Кіевской губ. Крестьяне, забайкальскіе козаки, были зажиточны, и стоило, бывало, только появиться въ какомъ либо селѣ, какъ со всѣхъ сторонъ они шли и покупали товары.

Я раньше вспоминалъ, что мнѣ хотѣлось поселиться близъ карійскихъ рудниковъ съ тѣмъ, чтобы, послѣ ознакомленія съ мѣстными условіями, заняться подготовительными работами, нужными для побѣга нашихъ каторжанъ. Мнѣ удалось устроиться въ Нерчинскомъ округѣ (точно мѣстности не хочу называть) подъ видомъ мелкаго торговца. Я выхлопоталъ себѣ билетъ на право развозной торговли по подложному паспорту, и закупивши необходимые товары, преимущественно чай, свѣчи и мыло, принялся развѣзжать по окрестнымъ селамъ, или какъ ихъ тамъ называютъ, карауламъ.

Такъ прошло лѣто; наступила осень. Въ томъ году осень была прекрасна; хотя мнѣ говорили, что она обыкновенно бываетъ тамъ такая. Яркіе солнечные дни чередовались съ морозными ночами. Съ какимъ удовольствіемъ, помнится, спалось подъ полушубкомъ въ эти холодныя ночи! За ночь трава покрывалась инеемъ, но съ восходомъ солнца, иней таялъ, и къ полудню становилось совсѣмъ тепло. Острецъ, словно густая рожь, стался передъ моими глазами на огромномъ пространствѣ; а дальше, за рѣкою Шилкою, синѣлъ лѣсистый Шилкинскій хребетъ, зубцами поднимавшійся къ небу.

Уже я сталъ готовиться къ зимѣ: припасать сѣно для коня... Какъ вдругъ послѣдовалъ на меня деносъ.

Съ моей стороны была сдѣлана одна большая неосмотрительность, а именно: я поселился въ домикъ, стоявшемъ возлѣ самой этапной тюрьмы, совершенно упустивъ изъ вида то обстоятельство, что меня можетъ признать кто нибудь изъ арестантовъ. Такъ и случилось:

пришла партія, въ которой находились арестанты, знавшіе меня въ лицо, и одинъ изъ нихъ донесъ.

Что побудило его къ доносу — навѣрно сказать не умѣю; кажется, произошелъ какой-то скандалъ тюремный, и когда начальство принялось допрашивать арестантовъ, то при этомъ одинъ изъ нихъ, думая, очевидно, подслужиться начальству, проболтался обо мнѣ. Мѣстныя власти очутились въ довольно затруднительномъ положеніи. Поднять тревогу въ поискахъ за мною, или какъ говорится, забить въ барабанъ — онѣ не рѣшались, можетъ быть, потому, что не вполне довѣряли доносу; а, можетъ быть, и просто изъ боязни, чтобы имъ самимъ не нагорѣло потомъ отъ вышшаго начальства за то, что они не доглядѣли раньше и дали мнѣ возможность прожить спокойно у нихъ подъ носомъ нѣсколько мѣсяцевъ. Съ другой стороны, можетъ быть, они питали надежду скорѣе поймать меня, если свои поиски поведутъ тихо, безъ шума. Какъ бы тамъ ни было, по розыски начались. Домикъ, гдѣ я жилъ, ночью окруженъ былъ козаками. Меня въ ту минуту не было дома, и я избѣжалъ ареста. Власти скрывали, что ловили меня; однако достаточно было того факта, что домикъ окруженъ былъ при обыскѣ чуть-ли не тремя десятками козаковъ, чтобы вселить подозрѣніе, что тутъ крылось что-то особенное; не могло быть употреблено такое огромное количество стражи для поимки обыкновеннаго бродяги. И на самомъ дѣлѣ вскорѣ я узналъ, что моя догадка была вѣрна: ловили меня. Мнѣ надо было скрыться.

Но трудно было скрыться въ этомъ мѣстѣ. При ничтожномъ населеніи, моей пятимѣсячной жизни оказалось вполне достаточно для того, чтобы сдѣлаться извѣстнымъ всѣмъ. Какъ я могъ укрываться, когда на всякомъ шагу наталкивался на людей знавшихъ меня? Затерѣться не было никакой возможности. Между тѣмъ я могъ ожидать, что поиски за мною примутъ широкіе размѣры по всему краю... Поднимутъ облавы... А я зналъ, что такое сибирская облава. Поэтому послѣ всесторонняго обсужденія положенія вещей, я пришелъ къ тому

заключенію, что мнѣ надо было совершенно покинуть эту страну.

Все это происходило уже почти годъ спустя послѣ моего побѣга изъ партіи, именно въ октябрь 1880 года.

Получивши извѣстіе, что Владиславъ Избицкій (его исторія вкратцѣ была разсказана мною выше) находился въ это время въ Иркутскѣ, я написалъ туда, чтобы онъ меня тамъ обождалъ, и самъ двинулся въ путь. Я разсчитывалъ передать ему мои забайкальскія знакомства для того, чтобы онъ могъ продолжать вести дѣло. Прологать пути вообще трудно. Въ поискахъ за нужными людьми нерѣдко приходится наталкиваться и на неподходящихъ личностей, знакомство съ которыми становится потомъ обременительнымъ и даже вреднымъ для дѣла. Теперь мой замѣститель могъ избѣгнуть этихъ знакомствъ и сразу вступить въ сношенія только съ надежными людьми.

Таковы были мои расчеты, но осуществить ихъ не удалось. Избицкій не дождался меня (мое письмо уже не застало его въ Иркутскѣ) и уѣхалъ раньше въ Варгузинъ. Это было послѣднее свѣдѣніе о немъ, которое я получилъ, впрочемъ, уже прибывши въ Иркутскъ.

Глава XXXII.

ДОРОГА. — ПЕРЕПРАВА ЧЕРЕЗЪ РѢКУ ЕНИССЕЙ. И ОПЯТЬ ДОРОГА.

И такъ, я двинулся въ дорогу. Теперь я уже окончательно покидалъ Сибирь, и мнѣ предстояло совершить очень длинный путь.

Сначала я ѣхалъ подъ видомъ принскателя, возвращавшагося къ себѣ домой, нанимая вольныхъ извозчи-

ковъ отъ одного пункта до другого. Но добравшись до Вѣрхне-Удинска, взявъ подорожную и отсюда поѣхалъ на почтовыхъ. Подорожная была взята мною до г. Томска. Въ Иркутскѣ я передохнулъ нѣсколько дней, потому что надо было кое съ кѣмъ видѣться, и, подыскавъ полутчиковъ, чтобы дешевле стоить проѣздъ, поѣхалъ дальше.

Пришлось проѣзжать черезъ Тельминскую станцію, гдѣ я былъ освобожденъ изъ партіи. Здѣсь, пока запрягали лошадей, я все время лежалъ на диванѣ, въ комнатѣ для проѣзжающихъ, поворотившись лицомъ къ стѣнѣ; а когда лошади были готовы, усеяся въ самую глубь крытой почтовой кибитки, чтобы не видно было меня при проѣздѣ черезъ деревню.

Въ томъ году зима запоздала: по почамъ морозило, но дни были солнечные теплые, и рѣки долго не могли стать. Дорога была сухая; только по Иркутской губ. показался снѣгъ, да и то не настолько глубокой, чтобы можно было ѣхать на саняхъ. Мы совершали переѣзтъ отъ одной станціи до другой въ кибиткахъ или, какъ сибиряки называютъ, въ возкахъ, само собою разумеется, на перекладныхъ. Быстро двигались мы на западъ; а на встрѣчу намъ бѣжали по сторонамъ дороги кустарники, поля, мелкія лѣсныя заросли, березовыя рощи. Путь проходилъ по таежной полосѣ Сибири, но тайга виднѣлась лишь вдаль, на горизонтѣ; у тракта же въ большинствѣ случаевъ она была вырублена. Только возлѣ города Нижне-Удинска она еще сохранилась: нетронутая, дремучая являлась она здѣсь моимъ глазамъ во всей своей красотѣ. Высокія сосны стояли по сторонамъ дороги, тѣсно прижавшись одна къ другой и протянувъ впередъ свои вѣтви, казавшіяся ночью какими-то огромными мохнатыми лапами. А мы со звономъ и грохотомъ неслись мимо ихъ, будя лѣсное эхо. — „Ухъ! Къ од-но ой!“ протяжно кричалъ нашъ ямщикъ, когда попадалась намъ навстрѣчу длинная вереница телѣгъ, нагруженныхъ товарами и тянувшихся гуськомъ. Телѣги сворачивали къ одной сторонѣ тракта, и мы скакали

мимо нихъ. Раза два встрѣчали мы по дорогѣ партіи, пренпровождаемая этапнымъ порядкомъ въ Иркутскъ. Звонъ цѣпей, казенные желтые полушубки, сѣрые шапки и халаты, сѣрые, изнуренныя арестантекія лица — какъ это все было мнѣ знакомо и какъ страстно хотѣлось остановиться и выйти изъ почтоваго возка, чтобы взглянуть поближе на все это! Но страхъ быть узнаннымъ удерживалъ меня отъ этого. Закутавши лицо широкимъ воротникомъ шубы и прижавшись въ уголь крытаго экипажа, я глядѣлъ оттуда на мимо проходившую партію. Воспоминанія воскресали. Въ памяти проносилось пережитое. И живо представлялъ я себѣ тѣ минуты, когда я самъ шелъ въ казенномъ полушубкѣ и зябъ, когда, глядя на тянувшійся по сторонамъ лѣсъ, я мечталъ о волѣ. „Посмотрите-ка на деревья, говорилъ мнѣ тогда бродяга Бѣловъ, указывая рукою на тайгу. Кора на всѣхъ деревьяхъ съ одной стороны свѣтлая, а съ другой темная. По корѣ-то мы нуждаемъ, какъ надо идти, когда случается по бродяжеству пробираться тайгою“. Я смотрѣлъ на деревья и видѣлъ, что всѣ они имѣли болѣе свѣтлую кору съ юго-восточной стороны, а сторона, обращенная къ сѣверу, была темная и покрыта густымъ мхомъ. Я смотрѣлъ на деревья и мечталъ о томъ, какъ я буду пробираться тайгою и опредѣлять направленіе по корѣ.

Но ничего этого не понадобилось въ дѣйствительности. Дѣйствительность оказалась мало похожей на мои мечты.

Изъ Иркутска до Томска я ѣхалъ съ двумя попутчиками. Одинъ былъ военный фельдшеръ, ѣхавшій откуда-то, чуть-ли не съ Амура, къ себѣ, въ г. Омскъ на побывку; другой былъ какой-то мелкій торгашъ, тоже омскій. Фельдшеръ, еще безусый молодой человѣкъ, разговорчивый, веселый; торгашъ — лѣтъ сорока-пяти невзрачный человѣчекъ, щедушный, молчаливый. Помню, стали мы приближаться къ г. Красноярску. День былъ прекрасный. Было уже послѣ полудня, когда наша тройка спустилась съ хребта въ равнину, подходившую къ рѣкѣ Енисею. Въ этомъ самомъ хребтѣ должна была

гдѣ-то находится и та лысая, круглая гора, на которую я такъ засматривался изъ окна красноярскаго тюремнаго замка. Но гдѣ она точно находилась — я такъ и не могъ опредѣлить; впрочемъ, можетъ быть, я составилъ себѣ ошибочное представленіе о направленіи, въ какомъ эта гора должна была находиться. Снѣгу не было, но бѣлый налетъ укрывалъ пожелтѣвшую траву. Легко и пріятно было вдыхать полной грудью холодный, чистый воздухъ. Спустившись въ равнину, нашъ ямщикъ прикрикнулъ на лошадей, и мы понеслись. Скоро мы приекакали къ берегу рѣки. Тутъ, съ лѣвой стороны дороги, у самаго спуска я увидѣлъ нѣсколько избъ. Тройка наша подъѣхала къ одной избѣ и остановилась.

— „Это что же?“ спросилъ я.

— „Перевозъ“, отвѣтилъ ямщикъ, медленно слѣзая съ передка на землю. Онъ подошелъ къ лошадямъ и принялся протирать имъ ноздри. Лошади порекали. Паръ подымался съ ихъ разгоряченныхъ боковъ и спиць.

Мы тоже выѣзли изъ кибитки и стали расправлять свои ошмѣвшіе члены.

Войдя въ избу, я увидѣлъ кучу кожаныхъ чемодановъ, наваленныхъ одинъ на другой до самаго потолка. Это были почтовые тюки, накопившіеся чуть не за цѣлый мѣсяць. Иркутская почта лежала въ ожиданіи пока ледъ станетъ и установится переѣздъ черезъ рѣку. Подобная же куча писемъ и почтовыхъ посылокъ лежала, какъ я узналъ потомъ, и на противоположной сторонѣ рѣки, въ городѣ Красноярскѣ.

А по Енисею въ это время „шла шуга“, т. е. ледъ, и переправа была невозможна.

Я вышелъ изъ избы, чтобы взглянуть на рѣку и спросить, между прочимъ, не возможно ли какъ нибудь перебраться на другую сторону. Подойдя къ берегу, почти обрывомъ спускавшемуся къ рѣкѣ, я увидѣлъ передъ собою огромное пространство, покрытое глыбами льда, навороченными въ безпорядкѣ одна на другую; за этимъ ледянымъ пространствомъ темнѣлъ низкій берегъ, поросшій кустарникомъ. Гдѣ былъ Крас-

ноярекъ — трудно было догадаться. Онъ былъ гдѣ-то тамъ, далеко, за этой ледяной пустыней.

— „Говорили — шуга идетъ, а между тѣмъ рѣка стоитъ...“ обратился я къ одному крестьянину, стоявшему возлѣ меня.

— „Здѣсь то она давно стоитъ, а вотъ тамъ дальше...“ отвѣтилъ тотъ, махая рукою по направленію къ плоскому острову.

Вскорѣ къ намъ подошло еще двое, тоже мѣстные крестьяне, жившіе на этомъ берегу, и у насъ завязалась бесѣда. Все это были рыбаки по профессіи. Перспектива ожиданія пока установится правильное сообщеніе черезъ рѣку, не особенно меня прельщала. Погода стояла хорошая, сравнительно теплая, и Енисей, обладающій быстрымъ теченіемъ, могъ „гнать шугу“ еще недѣли двѣ. А между тѣмъ надо было торопиться. Въ моемъ положеніи всякія остановки были рискованы, особенно близъ такихъ мѣстъ, какъ г. Красноярскъ, гдѣ я сидѣлъ нѣкоторое время въ тюрьмѣ. Въ это время могъ проѣзжать по неотложнымъ дѣламъ кто либо изъ знавшихъ меня полицейскихъ чиновниковъ, и само собою разумѣется, я былъ бы арестованъ. Я принялся разспрашивать рыбаковъ, — не взяли ли бы они переправить меня на ту сторону, конечно, за приличное вознагражденіе. Мои попутчики, вскорѣ вмѣшавшіеся тоже въ разговоръ, поддержали мое предложеніе. Поклажи у насъ всѣхъ было очень мало, и ее легко можно было перенести въ рукахъ. Четверо рыбаковъ, бесѣдовавшихъ съ нами, стали тутъ-же громко между собою совѣщаться, разбирать вопросъ о томъ — кудю лучше пройти на другую сторону, и, въ концѣ концовъ, послѣ обстоятельныхъ обсужденій, они согласились.

— „Ну, коли отпрапляться, то теперь же“, замѣтилъ одинъ изъ нихъ.

Дѣло шло къ вечеру, и нужно было торопиться, чтобы за свѣтло перейти рѣку. Но вопросъ усложнялся еще однимъ обстоятельствомъ, именно: въ городѣ Красноярскѣ существовала такъ называемая „водянная по-

лиція“, слѣдившая, для предупрежденія несчастныхъ случаевъ, за тѣмъ, чтобы никто не переправлялся черезъ рѣку, пока ледъ не станетъ. Толкуя съ нами, рыбаки нѣсколько разъ упоминали объ этомъ обстоятельствѣ, и теперь, передъ самымъ отходомъ, опять задумались надъ тѣмъ же.

— „Ужъ развѣ такъ строго слѣдять?“ спросилъ я.

— „Чего строже: недавно посадили въ холодную за то, что перевелъ одного проѣзжающаго на ту сторону.“

— „Это Григорія то?“ вмѣшался другой рыбакъ.

— „Ну да, Григорія“.

— Да какое дѣло полиціи, если проѣзжающій самъ хочетъ?“ перебилъ я.

— „Поди, разговаривай... Проѣзжающій можетъ и хочетъ, а ты не смѣй — и все тутъ“.

— „Ну, выходитъ, — надо дѣлать такъ, чтобы полиція не знала“, замѣтилъ я, внутренне радуясь тому обстоятельству, что интересы рыбаковъ вполне совпали съ моими. Приходить въ какія бы то ни было столкновенія съ красноярскою полиціей мнѣ было неудобно.

Солнце закатывалось, когда мы собрались въ путь. Рыбаки взяли наши вещи и пошли впередъ, вооружившись длинными шестами. Мы направились за ними. Пройдя нѣкоторое пространство берегомъ, мы повернули и стали двигаться поперекъ рѣки къ острову. Толстыя льдины, нагроможденные одна на другую, очень затрудняли нашъ путь. Мѣстами попадались проталины, въ которыхъ быстро текла вода. Мы то обходили ихъ, то перескакивали. Раза два приходилось класть шесты и перебираться по нимъ съ одной льдины на другую. Рыбакъ, шедшій впереди, то и дѣло тыкалъ своимъ шестомъ въ ледъ, пробуя его крѣпость. Такъ путешествуя, мы добрались черезъ нѣкоторое время до берега.

Плоскій песчаный островъ, на которомъ мы находились теперь, былъ весь покрытъ тонкимъ лозникомъ. Мы направились черезъ этотъ лозникъ. Солнце сѣло. Приближались сумерки. Въ воздухѣ похолодѣло. Ночью надо было ожидать мороза.

— „А широкъ тотъ рукавъ, что огибаеъ островъ съ другой стороны?“ спросилъ я рыбака.

— „Островъ, почитай, на половинѣ“, отвѣтилъ онъ.

Мы двигались быстро среди лозника. „Замерзъ рукавъ или нѣтъ?“ вопросъ этотъ ни на минуту не покидалъ моей головы. А между тѣмъ вѣтви лозы, увлекаемыя шедшимъ впереди рыбакомъ, то и дѣло хлестали меня по лицу и по рукамъ. Я мало обращалъ на это вниманія. Устремивъ глаза впередъ, съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ я ждалъ, когда покажется рѣка. Вотъ, наконецъ, сквозь кусты, уже подернутые сумерками, что то заблестѣло. Еще нѣсколько шаговъ, и мы очутились у берега.

Передъ нами, какъ глазъ хватить, раскидывалась рѣка. Но какая? Спокойная, чистая, гладкая... Ни одной льдинки на всемъ пространствѣ... Красноватый отблескъ потухавшаго дня отражался отъ нея милліонами блестящихъ чешуекъ. Далеко-далеко впереди насъ темнѣлъ противоположный берегъ, поднимавшійся вверхъ отлогой горой. Слышался отдаленный, слабый лай собакъ. Тамъ былъ г. Красноярскъ.

Мы всѣ, и рыбаки, и мы остановились, какъ вкопанные на берегу, не проронивъ ни одного слова. Можно было ожидать, что рѣка еще не замерзла, что по ней „идетъ шуга“; мы могли себѣ представить, что намъ придется прыгать съ одной льдины на другую, перебираться по жердямъ и т. д.; но встрѣтить совершенно зеркальную поверхность, которую возможно было только переплыть, — это никому и не снилось. Видно, гдѣ-то выше на рѣкѣ ледъ сперся, остановился, и здѣсь — противъ города — рѣка оказалась совершенно чистая.

— „Вотъ оно!“ тихо проговорилъ кто-то, и опять всѣ замолкли. Опять доносился къ намъ отдаленный собачій лай.

— „Такъ я и думалъ“, вдругъ проговорилъ одинъ рыбакъ.

— „Чего думалъ?!... Что попусту болтать! Развѣ

Среди кустовъ, на землѣ, лежала лодка, опрокинутая дномъ вверхъ. Лодка была негодная, брошенная; съ одной стороны дно ея было все въ дырахъ. Тѣмъ не менѣе и рыбаки, и мы принялись энергично стакивать ее въ воду. Четверть часа спустя она покачивалась уже на ведѣ, и одинъ изъ рыбаковъ собирался отчаливать отъ берега. Ъхать намъ всеѣмъ въ этомъ дырявомъ суднѣ было немислимо. Рыбакъ на той сторонѣ долженъ былъ достать у знакомаго хорошую лодку и прѣхать обратно за нами. Теперь же онъ сѣлъ на самый кончикъ лодки, такъ что дырявый конецъ ея весь поднялся надъ водой и, дѣйствуя длиннымъ шестомъ на обѣ стороны, какъ весломъ, сталъ тихо удаляться отъ берега.

— „Смотри, не утони!“ сказалъ кто-то велѣдъ уплывавшему.

— „Ла-адно!...“ послышалось съ рѣки.

Скоро лодка исчезла съ глазъ. Не слышно было больше и всплескиваній шеста. Мы остались во мракѣ дожидаться возвращенія рыбака.

Только часа черезъ три нашъ рыбакъ воротился въ большой лодкѣ. Онъ успѣлъ въ городѣ выпить, должно быть на радостяхъ, что не попалъ въ участокъ, и былъ сильно на веселѣ. Мы успѣли, положили наши вещи на дно лодки и поплыли черезъ рѣку.

И опять мы въ возкѣ; колокольчики звенять; опять тряска и полудремотное состояніе; періодическія перепряжки лошадей...

Въ Томскѣ мы раздѣлились съ моими попутчиками. Я взялъ подорожную до города Тюмени (на другое имя, такъ какъ въ дорогѣ мнѣ удалось достать другой паспортъ) и отъ Томска дальше поѣхалъ одинъ. Снѣгъ, котораго всеѣмъ не было за Байкаломъ и возлѣ Красноярска, здѣсь, со всякой верстой впередъ, становился все глубже и глубже. Я пересѣлъ въ „кошеву“, такъ называются сибирскіе сани, сдѣланные по особому образцу, и поѣхалъ на саняхъ. Потянулись снѣжные равнины Томской и Тобольской губерній.

Почтовый трактъ, проложенный черезъ г. Омскъ, дѣласть большой изгибъ къ югу. Для сокращенія пути, многіе предпочитаютъ ѣхать напрямикъ черезъ Барабинскую степь, и этотъ путь совершается на такъ называемыхъ „дружкахъ“, т. е. на вольныхъ извозчикахъ, которые передаютъ путешественника другъ другу и, такимъ образомъ, ѣзда совершается все равно, какъ на почтовыхъ перекладныхъ.

И я поѣхалъ „на дружкахъ“. Никогда еще не испытывалъ я такой отчаянной скачки, какую довелось испытать здѣсь. Въ крытой кошевѣ, наполненной сѣномъ, я не могъ сидѣть, а долженъ былъ лежать, и меня, какъ мячикъ, швыряло изъ стороны въ сторону; удивительно было, какъ ямщикъ держался на передкѣ, не падая отъ этихъ толчковъ.

Помню, это было на одной станціи, между Ишимомъ и Ялуторовскомъ, небольшими городками Тобольской губ. Въ это время въ Ялуторовскѣ или въ другомъ какомъ-то сосѣднемъ городкѣ была ярмарка, и благодаря ярмарочному времени воровскія шайки пошаливали по дорогамъ. Ямщикъ, который долженъ былъ отправляться со мною, надѣялся на своихъ лошадей, и я рѣшилъ ѣхать, не останавливаясь, хотя былъ уже поздній вечеръ. Когда лошади были запряжены, я вышелъ во дворъ и влѣзъ въ кошеву. Я замѣтилъ, что высокія досчатые ворота, ведшія со двора на улицу, были заперты. Два человѣка стояли по сторонамъ лошадей, держа пристяжныхъ подъ уздцы. Вотъ, наконецъ, сѣлъ мой ямщикъ; подобралъ возжи... „Готово?“ послышались голоса. „Готово!“ Тогда ворота отворились; люди отскочили въ стороны, и лошади, поднявшись на дыбы, сразу вынесли насъ на улицу. Это была дикая картина. Сразу начался скачка. Ямщикъ гикалъ, подобно лошадямъ, охваченный какимъ-то энтузіазмомъ. Кошеву бросало изъ стороны въ сторону, такъ что я вынужденъ былъ хвататься руками за стѣнки саней, чтобы не расшибить головы. Не успѣлъ я опомниться, какъ деревня, изъ которой мы только что

можетъ человѣкъ все знать впередъ?!“ съ досадою возразилъ ему другой рыбакъ.

— „Раньше тутъ шуга шла Григорій сказывалъ, когда переводилъ пробжающаго, — шуга здѣсь шла; а ночью — на вотъ, чисто...“ проговорилъ третій рыбакъ.

— „Какъ же онъ перешелъ по шугѣ?“ спросилъ фельдшеръ.

— „Такъ и не перешелъ... Сталъ звать... Ну, изъ города помощь то послали, да только потомъ въ участокъ посадили.“

И снова водворилось общее молчаніе.

Между тѣмъ со всякой минутой становилось темнѣй. Наступала холодная ночь. Морозъ крѣпчалъ. На противоположномъ берегу, по городу, то здѣсь, то тамъ зажигались огоньки. Теперь, даже если бы мы и вздумали воротиться назадъ, то и этого сдѣлать не могли, такъ какъ пройти ночью тамъ, гдѣ мы съ такимъ трудомъ и опасностью проходили при дневномъ свѣтѣ, было болѣе чѣмъ рискованно.

— „Костеръ, что ли, развести“, прервалъ общее молчаніе фельдшеръ.

— „Съ того берега полиція увидитъ“, замѣтилъ я.

— „Ну, какой тутъ костеръ?!“ запротестовали рыбаки.

— „Разведемъ огонь въ кустахъ, чтобы не было видно... А безъ огня холодно.“

— „Какъ же это, ночевать что-ли здѣсь собираемся?“ вдругъ проговорилъ торговецъ, до сихъ поръ не проронившій ни слова.

— „Это какъ доведется“, отвѣтилъ я ему.

— „Нѣтъ, ужъ извините... А нутко, парень; кричи! Пусть за нами изъ города лодку пришлютъ“, обратился онъ къ молодому рыбаку.

— „Что ты? Господь съ тобою! Въ участокъ что-ли захотѣлось тебѣ?“ запротестовалъ другой рыбакъ.

— „Ла-а-дно!... Въ участокъ... А пусть въ участокъ! Эка испугалъ чѣмъ! Не спать же здѣсь, на острову?!.. Тебѣ то можетъ это ничего: ты привычный... А я, бра-

тець, не желаю этого. Ну, парень, реви!“*) обратился торговецъ опять къ первому рыбаку, парню лѣтъ двадцати пяти.

Это категорическое требованіе произвело сумятицу среди рыбаковъ. Напряженно слѣдя за ихъ настроеніемъ, я сразу замѣтилъ это. Двое изъ нихъ готовы были дѣйствительно звать на помощь, и только одинъ продолжалъ еще энергично протестовать противъ этого.

— „Что же намъ дѣлать? Не выберемся мы отсюда сами!“

— „Въ участокъ захотѣли? Ну, васъ къ лѣшему!“

— „Заревешь ты или нѣтъ?“ настаивалъ на своемъ торгошъ.

Я чувствовалъ, что наступило критическое мгновеніе. „Неужели погибать?“ мелькнуло въ моей головѣ.

— „Го-го-го!“ раздалось въ эту минуту сбоку меня.

Торгошъ самъ закричалъ, видя нерѣшительность рыбаковъ.

— „Замолчите! Какъ вамъ не стыдно! Изъ за васъ людей въ участокъ посадятъ“, проговорилъ я.

— „А какое мнѣ дѣло? Пусть ихъ садятъ!“

Рыбаки ободрились, видя открытую поддержку съ моей стороны.

— „Ты ужъ, господинъ, потерпи малость...“ говорилъ одинъ изъ нихъ. „Мы придумаемъ... Петро! Степанъ!... Ребятюшки! Гляньте ка по между кустами...“

Между тѣмъ торгошъ опять собирался кричать.

— Знаете что, ребята, обратился я тогда къ рыбакамъ, станеть кричать, звать на помощь, — бросимте его тутъ одного, а сами вернемся назадъ, на ту сторону. Пусть его садятъ въ холодную!“

— „Эй!... Подите ка сюда!“ Раздался вдругъ возгласъ изъ кустовъ.

Мы бросились въ кусты. Я не зналъ въ чемъ дѣло, но мгновенно почувствовалъ, что тамъ наше спасеніе.

*) «Ревѣть» по сибирски значитъ «кричать».

— „Что вамъ угодно?“ отозвался я, подходя къ нему, чтобы взять подорожную.

Смотритель удивленно на меня глядѣлъ.

— „Извините... заговорилъ онъ, въ подорожной я прочелъ фамилію... Селиванова я когда-то зналъ... Вижу — имя и отчество тоже самое... званіе тоже... Но только я слышалъ года полтора тому назадъ, что онъ умеръ... Теперь прочелъ подорожную, — думаю, — можетъ быть, слухи о смерти я получилъ невѣрные, поэтому зашелъ удостовѣриться... Извините, пожалуйста: я вижу, что ошибся“, добавилъ смотритель, передавая мнѣ подорожную и вновь раскланиваясь.

Меня словно варомъ обдало. Очевидно, смотритель зналъ моего двойника и получилъ даже вполне точное свѣдѣніе о времени его смерти.

Попутчику моему это совпаденіе показалось необыкновенно забавнымъ, и онъ вдругъ разразился ужаснымъ смѣхомъ.

— „Вотъ такъ исторія! Ха-ха-ха! выкрикивалъ онъ прерывавшимся отъ смѣха голосомъ. Нечего сказать! Ха-ха-ха! Пожалуй, можно подумать, что вы бѣглый и скрываетесь подъ документами умершаго.“

Одѣтый въ дорожную шубу компаньонъ мой не имѣлъ даже силъ держаться прямо, до того одолѣлъ его смѣхъ и, хватаясь руками за бока, онъ пригибался до самого пола.

Но мнѣ было совсѣмъ не до смѣха.

— „Пожалуй, въ самомъ дѣлѣ, можно подумать“, замѣтилъ я, стараясь поддѣлаться подъ его глухой тонъ (я страшно сердить былъ на него въ ту минуту, хотя принужденъ былъ пріятно улыбаться). „Но я долженъ сказать, продолжалъ я уже совершенно серьезно, что фамилія Селивановыхъ очень распространенная въ такой-то губерніи. Я самъ зналъ покойнаго Ивана Александровича; онъ доводился мнѣ родственникомъ, хотя, впрочемъ, далекимъ...“

Черезъ нѣкоторое время мы уже сидѣли въ почтовыхъ саняхъ и ѣхали дальше. Мой попутчикъ долго по-

слѣ того не могъ вспомнить безъ смѣха этого случая.

Я тоже думалъ объ этомъ случаѣ, но только вызывалъ онъ во мнѣ совсѣмъ не веселыя мысли; я думалъ: какъ ничтожный случай можетъ имѣть иногда рѣшающее значеніе на всю нашу жизнь.

Глава XXXIII.

ЧЕРНОПЕРЕДѢЛЬЦЫ И НАРОДОВОЛЬЦЫ. ПОСЛѢДНЯЯ ВСТРѢЧА СЪ ЛАНГЕНСОМЪ. МОЯ ЭМИГРАЦІЯ. — ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Въ Москву я пріѣхалъ въ февралѣ 1881 года и послѣ двухлѣтняго отсутствія изъ Россіи засталъ здѣсь огромныя перемѣны. Прежде всего бросался въ глаза количественный ростъ революціонныхъ элементовъ. Въ мое время были только кружки; теперь чуть не половина студентовъ московскаго университета и Петровско-Разумовской академіи считались революціонерами. Подобный же ростъ замѣчался, какъ я слышалъ тогда, и по другимъ университетскимъ городамъ.

Въ програмномъ отношеніи перемѣна произошла тоже до неузнаваемости. Правда, если бы я былъ прозорливѣе, послѣднюю перемѣну я долженъ былъ предвидѣть, такъ какъ на моихъ глазахъ происходилъ поворотъ отъ народничества къ террору. Но оттого ли, что я былъ слишкомъ близко прикосновеннымъ къ дѣ-

выѣхали, далеко осталась уже позади. Мы скакали по равнинѣ...

— „Гра-бья-а-ать!“ вдругъ заоралъ мой ящикъ во все горло. И тутъ произошло нѣчто совершенно невѣроятное. Скакавшія лошади рванули съ новой, страшной силой; я почувствовалъ, какъ сани убѣгали изъ подъ меня. Вся тройка припала къ землѣ; комья снѣгу полетѣли на встрѣчу мнѣ изъ подъ копытъ лошадей... Лошади, кошева — все укуталось снѣжнымъ облакомъ. Это былъ уже одинъ какой-то снѣжный вихрь, несшійся по равнинѣ. Ящикъ гикалъ во всю глотку. Я крѣпко держался обѣими руками, сидя въ кошевѣ; вѣтеръ свисталъ мнѣ въ лицо, хотя время было совсѣмъ тихое, и звонки, раньше отбивавшіе всякій шагъ коренника — сильной рысистой лошади — теперь съ длинными перерывами только глухо звякали. Вотъ она — настоящая ѣзда! Можетъ быть, немножко и рискованная, за то есть, о чемъ вспомнить. Впрочемъ, нужно сказать, что сибирскія сани такъ сдѣланы, что сдвали могутъ опрокинуться: широко разставленные отводы или крылья изъ крѣпкихъ бревень вполне гарантируютъ отъ этого.

Описывать день за днемъ мою дорогу не стану, такъ какъ многое уже ушло изъ моей памяти, отчасти же и рассказывать всего нельзя. Пустился я въ путешествіе въ мѣсяцъ октябрѣ 1880 года, а въ Москву прибылъ только въ январѣ или февралѣ 1881 года, сдѣлавъ въ общей сложности больше шести тысячъ верстъ. Въ извѣстныхъ пунктахъ по дорогѣ я останавливался. Сибирскіе города и городки были въ то время полны политическими ссыльными; съ нѣкоторыми я былъ знакомъ раньше, съ другими тогда познакомился; знакомился съ одними подъ своимъ именемъ, съ другими — подъ вымышленнымъ. Не мало было курьезныхъ встрѣчъ и случаевъ, возможныхъ только при такомъ положеніи, въ какомъ находился я. Случалось, про меня мнѣ же рассказывали всякія небывалыя подробности изъ моего побѣга. Помню, одинъ мнѣ сообщилъ, что я нахожусь уже гдѣ-то за границей, и сообщилъ это съ такимъ важ-

но-таинственнымъ видомъ, словно хотѣлъ сказать: „вотъ ты этого ничего не знаешь, а я посвященъ во всякія тайны“, что казалось мнѣ необыкновенно забавнымъ. Въ другомъ мѣстѣ, когда я назвался своимъ именемъ, меня встрѣтили хохотомъ, подобнымъ тому, какъ это случилось со мною при встрѣчѣ съ однимъ пріятелемъ Ходько (объ этой встрѣчѣ я вспоминалъ въ своемъ мѣстѣ). Мнѣ пришлось подвергнуться особому экзамену, послѣ котораго только я былъ, такъ сказать, возстановленъ въ своихъ правахъ.

Въ моихъ воспоминаніяхъ, помѣщенныхъ въ „Вѣстникъ Народной Воли“,*) я рассказалъ между прочимъ объ одномъ курьезномъ случаѣ, происшедшемъ со мною въ дорогѣ; и теперь, въ заключеніе, вспомню о немъ.

Ѣхалъ я одно время съ попутчикомъ — чиновникомъ, возвращавшимся на родину. Подорожная была взята мною на имя одного умершаго, документами котораго я пользовался въ дорогѣ (за дорогу я перемѣнилъ три паспорта, на три разныя фамиліи). Было уже около полудни, когда мы подъѣхали къ одной почтовой станціи. Проѣхавши болѣе 200 ть верстъ въ этотъ день, я и мой попутчикъ согласились отдохнуть. Мы приказали ямщику внести наши вещи въ комнату для проѣзжающихъ и расположились на ночлегъ, объявивши старостѣ, чтобы онъ на утро приготовилъ намъ лошадей.

На другой день мы собирались уже къ отъѣзду, какъ вдругъ вошелъ въ комнату станціонный смотритель съ моею подорожной въ рукахъ.

— „Извините, что беспокою...“ проговорилъ онъ, раскланиваясь. „Позвольте узнать, — кто изъ васъ Иванъ Александровичъ Селивановъ?“ (**)

*) Мои воспоминанія подъ названіемъ: «Два года жизни», гдѣ я рассказываю о моей ссылке (судъ, казнь, отправка въ Сибирь, этапное путешествіе и пр.) и о моемъ побѣгѣ, были помѣщены въ «Вѣст. Нар. Воли», издававшемся за границей въ 1883-85 гг.

**) Фамилію я измѣняю.

дамъ и страстно относился къ нимъ (да какъ участникъ движенія, я и не могъ иначе относиться), или же по какой другой причинѣ, — но я проглядѣлъ нарождавшееся движеніе, или же вѣрнѣе сказать, просто на просто не понималъ его и потому не могъ сдѣлать и надлежащей оцѣнки. Терроризмъ, конечно, мало имѣлъ общаго съ народнической дѣятельностью, — это прекрасно понималось и чувствовалось еще тогда — въ началѣ; и еще тогда среди насъ поднимались принципиальные споры; но на него, по крайней мѣрѣ я, смотрѣлъ тогда, какъ на явленіе временное, проходящее, какъ на неожиданное новшество, которое должно было очень скоро исчезнуть, и послѣ котораго опять должно было расцвѣсть революціонное народничество. Сохранивши въ самомъ себѣ до извѣстной степени старую народническую вѣру (я былъ съ нею арестованъ; а въ тюрьмѣ она какъ будто даже окрѣпла во мнѣ), я никакъ не ожидалъ, чтобы могъ случиться такой радикальный поворотъ во взглядахъ, такъ какъ я думалъ, что и у другихъ эта вѣра жила, и мнѣ все казалось, что еще какъ то наладится и пойдетъ все по старому, даже лучше, чѣмъ по старому, такъ какъ прошлое научило насъ кое-чему, и мы не повторимъ старыхъ ошибокъ. Я не понималъ главнаго, именно того, что терроризмъ явился не временнымъ уклоненіемъ въ сторону, а продолженіемъ революціоннаго народничества, и слѣдовательно, нельзя было надѣяться на поворотъ назадъ къ пережитому и, такъ сказать, выброшенному за бортъ исторіей.

Еще въ Иркутскѣ читалъ я первые номера газеты „Народная Воля“ и сильно возмущенъ былъ взглядами, проповѣдуемыми ею. Не имѣя съ кѣмъ дѣлиться мыслями, я принялся записывать возраженія, которыя приходили мнѣ тогда въ голову, и скоро изъ этихъ набросковъ составилаь брошюрка. Не стану пересказывать всего того, что было въ ней написано; главнымъ образомъ мои народническія чувства и понятія возмущены были народовольческимъ якобинизмомъ и борьбою съ правительствомъ, носившей политическій характеръ. По по-

нтямъ социалистовъ 70-хъ годовъ (а вмѣстѣ съ тѣмъ и мнѣ, конечно), народъ и привилегированныя сословія представляли собою противоположенія, что-то въ родѣ плюса и минуса, взаимно уничтожавшіяся, двѣ вѣчно борющіяся силы, съ настолькоъ различными интересами, что все то, что было полезно для одной — оказывалось вреднымъ для другой. Такимъ образомъ, политическая свобода, полезная для высшихъ сословій, такъ какъ она давала имъ больше правъ и дѣлала ихъ болѣе могущественными, была, по нашимъ понятіямъ, вредной для народной массы, по той логикѣ, что для народа будетъ тѣмъ хуже, чѣмъ могущественнѣе будутъ его враги.

Если бы наше правительство было умнѣе и въ особенности если бы не было такое злобное и не принялось съ такимъ ожесточеніемъ насъ преслѣдовать, оно могло бы продержатъ насъ въ этомъ невѣжественномъ представленіи дѣйствительности очень долгое время. Но начался терроръ, вызванный правительственными репрессалиями, и среди революціонеровъ выступилъ на очередь вопросъ о политической свободѣ. Въ періодъ дѣятельности первыхъ террористовъ на югѣ довольно определенно началъ было уже складываться взглядъ въ пользу политической свободы или, выражаясь частнѣе, въ пользу конституціи. Я вспоминалъ объ этомъ въ своемъ мѣстѣ. Но потомъ произошло затемненіе вопроса благодаря вышеуказанному предразсудку (что политическая свобода бесполезна для народа), тѣсно связанному со всѣми міровозрѣніями социалистовъ 70-ыхъ годовъ. По нашимъ тогдашнимъ понятіямъ, русское правительство, подобно всѣмъ другимъ правительствамъ, являлось исключительно только защитникомъ интересовъ привилегированныхъ сословій — дворянства и буржуазіи, — и мы не допускали того, чтобы оно могло имѣть свои собственные интересы — бюрократическіе, — нерѣдко совсѣмъ не совпадающіе съ интересами другихъ сословій, а часто даже идущіе въ разрѣзъ съ ними. Правда, Народная Воля внесла поправку въ этотъ взглядъ. Какъ люди активные, а не доктринеры, народовольцы поняли

значение, оказываемое на нашу жизнь правительствомъ, и совершенно вѣрно утверждали, что главный врагъ страны было именно правительство, а не буржуазія, какъ мы думали раньше, и что, слѣдовательно, силы революціонеровъ должны быть направлены на борьбу съ нимъ. Но такъ какъ вмѣстѣ съ этимъ они все таки продолжали думать, что конституціонный режимъ могъ оказаться полезнымъ лишь для одной буржуазіи, а не для всего народа, то поэтому они поставили своей цѣлью не завоеваніе политической свободы и не простой переходъ отъ самодержавія къ конституціи, а коренное измѣненіе всего социальнаго строя.

Если бы Народная Воля поставила своей задачей завоеваніе конституціоннаго режима, она могла бы надѣяться найти себѣ союзниковъ въ соотвѣтственныхъ общественныхъ теченіяхъ. Но увлекшись мечтою о преобразованіи въ ближайшемъ будущемъ нашего полуазиатскаго царства на социалистическихъ началахъ, минуя парламентаризмъ, она должна была прійти къ мысли о захватѣ власти и этимъ только изолировала себя отъ другихъ оппозиціонныхъ теченій.

Къ сожалѣнію искать союзниковъ русскіе революціонеры никогда не любили и не считали нужнымъ, такъ какъ господствовало мнѣніе, что наше правительство слабо, и его не трудно будетъ побѣдить, — заблужденіе необыкновенно сильно укоренившееся среди насъ, хотя и ровно ни на чемъ не основанное. Кстати сказать, и теперь еще въ нелегальныхъ изданіяхъ перѣдко можно натолкнуться на увѣренія въ томъ, будто наше правительство потеряло значеніе въ странѣ и не имѣетъ силы, а равно и пророческія разглагольствованія о „близкомъ концѣ“ существующаго строя. Пора бы ужъ выдумать хоть слово какое нибудь другое для опредѣленія времени, а то слово „близкій“ совершенно дискредитировано среди насъ.

Еще по дорогѣ, помню, въ Сибирь, встрѣтилъ я офицеровъ, отправлявшихся на службу на дальній востокъ, оказавшихся сторонниками программы Народной Воли, и имъ

съ ними провели нѣсколько дней въ весьма оживленныхъ бесѣдахъ и спорахъ. Само собою разумѣется, ни въ чемъ я не могъ съ ними согласиться; но отъ нихъ первыхъ я почерпнулъ живыя свѣдѣнія о состояніи дѣлъ въ Россіи. Я узналъ, что кромѣ организациі Исполнительнаго Комитета, существовала еще другая организація, называвшаяся Чернымъ Передѣломъ и державшаяся прежней народнической программы, — и это послѣднее меня подбадривало, хотя ужъ тотъ одинъ фактъ, что по дорогѣ въ Россію я раньше натолкнулся на народовольцевъ, чѣмъ на народниковъ, долженъ былъ навести на грустныя размышленія.

Въ г. Екатеринбургѣ, гдѣ я останавливался проездомъ, я получилъ возможность перечитать въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“, если память не измѣняетъ, показанія Гольденберга,^{*)} убишаго харьковскаго губернатора Крапоткина и потомъ арестованнаго съ динамитомъ на елизаветградскомъ вокзалѣ (Херсонской губ.); по этимъ показаніямъ я еще лучше ознакомился съ положеніемъ дѣлъ. Я узналъ о съѣздѣ революціонеровъ, происходившемъ въ г. Липецкѣ, и объ окончательной организациі Исполнительнаго Комитета, бывшаго только въ зародышѣ въ мое время. Въ показаніяхъ Гольденберга упоминалось множество лицъ, и я узналъ — кто именно вошелъ въ организацію террористовъ, и кто остался при прежней, народнической программѣ. Съ особеннымъ восторгомъ Гольденбергъ отзывался въ своихъ показаніяхъ о Желябовѣ, котораго онъ называлъ „геніальнымъ“. Въ организацію Исполнительнаго Комитета вошли: Желябовъ, Фроленко, Колоткевичъ, Златопольскій, Баранниковъ, Лангенсъ, которыхъ я зналъ, и много другихъ лицъ. Народническую программу защищали: Стефановичъ, Дейчъ, Аксельродъ, — которыхъ я тоже зналъ.

^{*)} Объ этомъ Гольденбергъ я вспоминалъ, когда рассказывалъ объ очищеніи конспиративной квартиры Стефановича въ Кіевѣ-

Раньше я рассказывалъ о томъ, при какихъ обстоятельствахъ родился нашъ терроръ, но къ сожалѣнію не могу передать въ послѣдовательномъ разсказѣ о томъ, какъ онъ развивался дальше, такъ какъ будучи арестованъ вначалѣ 79 года, я воротился въ Россію только въ 81 году и потому не былъ свидѣтелемъ событій, происходившихъ за это время. Между тѣмъ въ эти два года движеніе доросло до своего максимума. Террористическіе факты, не имѣвшіе раньше никакой системы и носившіе характеръ самозащиты, приняли теперь нападетельный характеръ. Всѣ усилія устремлены были на убійство царя. Покушенія слѣдовали одно за другимъ: подъ Александровскимъ, въ Москвѣ, въ Зимнемъ дворцѣ. Удары становились все грознѣе и грознѣе. Можно было соглашаться или ибтъ съ направленіемъ, которое приняло наше революціонное движеніе въ это время, но нельзя было не признать всей его значительности. Оно сдѣлалось несравнимо серьезнѣе, чѣмъ было раньше, и многіе даже не безъ основанія утверждали (особенно на это, помню, любили налегать народовольцы, чѣмъ страшно сердили насъ, народниковъ), что движеніе наше лишь съ того момента и сдѣлалось революціоннымъ, когда начался терроръ; а весь предшествующій періодъ (народохожденія) они считали подготовительнымъ и только съ этой точки зрѣнія и придавали ему значеніе.

Въ Пермской губ. впервые столкнулся я съ черно-передѣльцемъ, и первое впечатленіе оказалось не въ пользу „Чернаго Передѣла“. Молодой народникъ, придерживавшійся нашей старой программы, мало походилъ на народника 70-хъ годовъ даже по внѣшнему виду. Это былъ чистенькій блондинъ разфранченный, чуть ли не съ краснымъ галстучкомъ на шеѣ, въ сюртукѣ съ короткими лапами, убѣгавшими назадъ, — вслѣдствіе чего самъ онъ казался неудержимо стремившимся куда-то впередъ, — что вмѣстѣ съ его длиннымъ, тонкимъ носомъ, на манеръ хоботка, и оттопыренными возлѣ ушей кудрявыми волосами, — дѣлало его очень похожимъ на мотыля. Онъ недавно пріѣхалъ въ Пермскую

губ. изъ Петербурга, гдѣ окончилъ какое-то высшее учебное заведеніе. Я сталъ его спрашивать о чернопередѣльческихъ кружкахъ, и сталъ онъ мнѣ рассказывать о всемъ, что зналъ.

— „А въ такомъ-то кружкѣ — то-то; а въ другомъ — другое... А вотъ тамъ — своего рода канитель“ — характеризовалъ онъ свои народническіе кружки. „Самъ ты канитель“, думалъ я между тѣмъ, слушая его. Слово „канитель“ онъ употребилъ не для придачія обиднаго характера, а просто въ слѣдствіе неумѣнія выразиться; отчасти по своего рода легкомысленности, которая вообще сказывалась въ немъ довольно сильно. Напротивъ того, рассказывая, онъ, видимо, былъ въ большемъ восторгѣ отъ успѣховъ Чернаго Передѣла.

Потомъ мнѣ довелось встрѣчать не мало чернопередѣльцевъ, и много между ними я зналъ прекрасныхъ юношей, но общее впечатлѣніе отъ чернопередѣльской дѣятельности сохранилось все таки самое безотрадное. Для охарактеризованія этой дѣятельности я, пожалуй, и самъ теперь не смогу подобрать другого болѣе подходящаго слова, какъ слово канитель. Да, несомнѣнно, то была одна канитель, не имѣвшая ничего общаго съ живымъ революционнымъ дѣломъ.

Бесѣдуя съ чернопередѣльцами, рѣдко приходилось возражать имъ, такъ какъ принципы и приемы борьбы, признаваемые ими, оказывались и моими собственными. Но при всемъ томъ оставалось для меня что-то невыясненное, чего я на первыхъ порахъ не могъ даже себѣ объяснить и что, однако, оставляло во мнѣ чувство неудовлетворенности. Это чувство, вначалѣ довольно слабое, по мѣрѣ моихъ столкновеній съ ними, росло во мнѣ и приняло къ концу моего пребыванія въ Москвѣ большіе размѣры. Чернопередѣльческіе кружки состояли преимущественно изъ учащейся молодежи (студентовъ), готовившейся въ слѣдствіи поселиться съ народомъ для революціонно-народнической дѣятельности. Но собираться и готовиться къ чему-либо — еще далеко не значитъ дѣлать это; и можно какъ угодно страстно защищать на-

родническую программу и все таки не быть народником-революционеромъ. Сущность революціоннаго движенія (а, можетъ быть, и не только революціоннаго, а и всякаго другого общественнаго движенія) заключается не въ его идеяхъ и программахъ (если, конечно, это не есть исключительно умышленное движеніе), а въ поступкахъ, совершаемыхъ людьми, такъ какъ именно поступки главнымъ образомъ оказываютъ вліяніе и направляютъ жизнь въ известную сторону: идеи же имѣютъ лишь по стольку значеніе, по скольку толкаютъ людей на дѣла, и если идеи не обладаютъ этой силой, то ихъ надо считать или не созрѣвшими, разъ онѣ приобрѣтаютъ эту силу только впоследствии, или же просто на просто мертвыми, разъ онѣ имѣли эту силу, но почему либо утратили ее, какъ это было съ нашимъ революціоннымъ народничествомъ. Помню, въ 70-хъ годахъ кружки занимались выработкой программъ, по поводу которыхъ вели другъ съ другомъ безконечныя дебаты. Однако рядомъ съ этимъ кажущимся разногласіемъ было много внутренняго единства, а главное жизненности: люди не только разговаривали, но и дѣлали постоянныя попытки на практикѣ. Теперь же, въ періодъ Чернаго Передѣла, по всѣмъ вопросамъ были подведены итоги; программа казалась неоспоримо вѣрной. Но отъ этой программной ясности самая дѣятельность въ народѣ нисколько не выиграла; напротивъ, она была въ полномъ застоѣ. Становилось очевиднымъ, что дѣло тутъ было не въ программѣ, а въ чемъ то другомъ.

— „Отчего вы не издаете газеты?“ спросилъ я какъ-то одного чернопредѣльца.

— „Нашу типографію арестовали, и мы не успѣли завести другой“, отвѣчалъ онъ.

— „Почему же народовольцы, которыхъ типографія тоже была арестована, уже имѣютъ другую, а вы — нѣтъ?“*)

*) Типографія Народной Воли была взята въ январѣ 1880 г., а Чернаго Предѣла, если память не изменяетъ, въ мартѣ того же года.

— „У нихъ больше средствъ“.

— „А чѣмъ вы объясняете то, что у Народной Воли больше средствъ, чѣмъ у Чернаго Передѣла?“ допытывался я.

„Очевидно, народовольческая дѣятельность пользуется большимъ сочувствіемъ, чѣмъ ваша: имъ деньги даютъ, а вамъ нѣтъ“, дѣлалъ я свои выводы.

Я зналъ, что эти выводы не могли правиться чернопредѣльцу, такъ какъ ему непріятно было признать то, что дѣятельность Чернаго Передѣла не имѣла значенія.

Нужно сказать, что между народовольцами и чернопредѣльцами велась въ это время борьба за вліяніе на молодежь, и у чернопредѣльцевъ замѣчалось сильное желаніе конкурировать съ Народной Волей, впрочемъ, не на почвѣ революціонныхъ дѣлъ, такъ какъ это было очень трудно, а въ томъ, что было полегче и что издали, для посторонняго глаза, могло показаться, пожалуй, дѣломъ. Такъ, напримѣръ, если народовольцы устраивали какіе либо сборы пожертвованій, то чернопредѣльцы не отставали отъ нихъ, и сами принимались за устройство сборовъ; если народовольцы выпускали какую нибудь прокламацію, то чернопредѣльцы непременно стремились отпечатать и свою прокламацію — отъ имени Чернаго Передѣла. Само собою разумѣется, что имъ очень хотѣлось издавать и свою газету, такъ какъ газета „Народная Воля“ выходила въ это время довольно аккуратно.

— „Организація народовольцевъ болѣе сильная потому, что у нихъ есть больше опытныхъ людей, больше „стариковъ“; ихъ „старики“ живутъ и дѣйствуютъ здѣсь“, объяснялъ мнѣ дальше мой собесѣдникъ.

— „А наша организація, продолжалъ онъ, состоитъ исключительно изъ молодежи: наши „старики“ живутъ за границей“*)

— „А зачѣмъ вамъ старики? Вы вѣдь знаете сами, что надо дѣлать? Программа ясная: нужно жить и рабо-

*) Стефановичъ, Дейчъ и другіе.

тать среди народа, а не болтаться по городамъ. Зачѣмъ вамъ „старики“? Коноводы вамъ понадобились, что-ли?“

— „Развѣ вы отрицаете значеніе за опытомъ?“
возразилъ онъ мнѣ.

— „Нисколько. Но что вы будете дѣлать въ томъ случаѣ, если ваши коноводы (слово „коноводы“ я особенно злобно подчеркнул, думая уязвить; увы, лицо моего собесѣдника выражало одно уныніе!) если ваши коноводы такъ и останутся жить за границей?“

— „Тогда никакого серьезнаго дѣла не будетъ“.

„Вотъ тебѣ и на! Какая скромность!“ невольно возкликнулъ я въ душѣ. И какъ это мало походило на то, что было раньше! Мы когда-то были черезчуръ самонадѣянны: думали горами двигать. О коноводствѣ — хотя въ дѣйствительности оно подчасъ и проявлялось — никто не смѣлъ тогда заикнуться громко. А теперь сами напрашивались на узду. Все были готовы слушаться. Да такъ и было на самомъ дѣлѣ. Я видѣлъ, напримѣръ, что для чернопередѣльцевъ я первый являлся авторитетомъ, и что они чуть не гордились мною и всякій разъ выставляли меня впередъ, когда имъ приходилось сталкиваться съ народовольцами. И не мудро; среди нихъ я былъ единственный человекъ, имѣвшій кое-какую онытность въ революціонныхъ дѣлахъ; я когда-то ходилъ въ народъ и что-то дѣлалъ тамъ, или, по крайней мѣрѣ, пытался дѣлать: они же только еще готовились къ этому.

Передавая о своихъ дебатахъ съ Желябовымъ, пріѣхавшимъ въ Москву зимой въ декабрѣ или январѣ 80-81 г., чернопередѣльцы мнѣ рассказывали, что во время одной сходки, на которой собралось ихъ человекъ до сорока, „Борисъ“ (подъ этимъ именемъ былъ тогда Желябовъ) среди споровъ обратился къ нимъ съ такими словами: „Мы все только теоретизируемъ; а мнѣ бы хотѣлось поставить нѣсколько практическихъ вопросовъ; но для того, чтобы разсуждать о практическихъ дѣлахъ, я хотѣлъ бы сначала знать, --- кто изъ васъ здѣсь присутствующихъ жилъ въ народѣ?“ И когда такового не

нашлось среди насъ, то онъ вдругъ объявилъ, что ему не о чемъ съ нами и разговаривать“. Этотъ „маневръ“, унстреленный Желябовымъ, чернопередѣлецъ (передававшій мнѣ объ этомъ случаѣ) находилъ даже „нечестнымъ“, и я никакъ не могъ его убѣдить въ томъ, что Желябовъ былъ совершенно правъ, ставя вопросъ на практическую почву.

„Истина есть результатъ судоговоренія“, утверждаетъ гдѣ-то одинъ изъ щедринскихъ героевъ. Такъ и моему собесѣднику чернопередѣльцу казалось, что истина была на сторонѣ тѣхъ, кто могъ привести больше теоретическихъ доказательствъ и въ особенности научныхъ авторитетовъ въ пользу своей программы; а такъ какъ программа Чернаго Передѣла, по его мнѣнію, имѣла больше этихъ доказательствъ, чѣмъ программа Народной Воли, то слѣдовательно истина была на ихъ сторонѣ. И въ самомъ дѣлѣ, что можно было возразить противъ того доказаннаго наукою положенія, что политическіе порядки всякой страны являются ничѣмъ болѣе, какъ просто надстройкой надъ ея экономическими порядками, — научнаго положенія, клавшагося въ основаніе всѣхъ возраженій, дѣлаемыхъ Чернымъ Передѣломъ противъ Народной Воли? Это была аксіома, и народовольцы, думавшіе иначе, а именно, что въ Россіи надо сначала измѣнить политическіе порядки, а послѣ того уже думать объ измѣненіяхъ экономическихъ, — очевидно ошибались. Вотъ почему Желябовъ, понимая, что онъ не былъ въ силахъ теоретически отстоять свою программу, прибѣгъ къ вышесказанному „маневру“.

Такъ разсуждалъ чернопередѣлецъ и никакъ не могъ понять того, что люди къ, сожалѣнію, еще не овладѣли наукою жизни, съ высоты которой могли бы обзрѣвать все, какъ на шахматной доскѣ, и что суть дѣла заключалась въ концѣ концовъ не въ тѣхъ или иныхъ доказанныхъ или недоказанныхъ положеніяхъ, а въ живомъ, практическомъ дѣлѣ. Между тѣмъ для Желябова, какъ для революціонера, на первомъ планѣ было именно дѣло. Онъ, очевидно, думалъ, что какихъ бы теорій люди

не держались, разъ они займутся практической дѣятельностью, или другими словами, какъ только захотятъ приложить свои теоріи къ жизни, — дѣйствительность натолкнетъ ихъ на такія рѣшенія, какія имъ раньше и въ голову не приходили; онъ думалъ, что какъ только приступить народникъ-революціонеръ къ практическому осуществленію своей программы, онъ тотчасъ натолкнется на наши полицейскіе порядки, которые ему поставятъ непреодолимыя препятствія; что никакая пропаганда социализма, никакая организація въ народѣ или среди рабочихъ невозможна въ сколько нибудь широкихъ размѣрахъ при существующихъ условіяхъ; однимъ словомъ, практическій дѣятель у насъ прежде всего столкнется лицомъ къ лицу съ правительствомъ, и если этотъ дѣятель не захочетъ удовлетворяться мелкою работою, а будетъ стремиться къ сколько нибудь широкой дѣятельности, то для него само собою на первый планъ должна будетъ стать борьба съ этимъ правительствомъ, т. е. именно то, что и требовалось доказать Желябову.

Всматриваясь и вслушиваясь во все то, что я слышалъ и видѣлъ кругомъ себя, я сталъ разбираться мало по малу въ вопросъ, мучившемъ меня съ самого моего пріѣзда въ Москву. Хотя съ народовольческой постановкой вопроса я былъ не согласенъ, такъ какъ все еще продолжалъ вѣрить въ возможность организаціи народнаго бунта, но я понялъ, наконецъ, то, что отъ чернопредѣльцевъ нельзя было ожидать никакой революціонной дѣятельности; они были весьма милые и хорошіе люди, но только нереволуціонеры, не общественные дѣятели, и Желябову съ ними, очевидно, дѣлать было нечего. Поставь они своей задачей скромненькую по своимъ силамъ дѣятельность въ народѣ — легальную дѣятельность гдѣ либо при земствахъ, — они могли бы получить нѣкоторое значеніе въ жизни. Но революціонная тога мѣшала этому, и бунтовская программа, доставшаяся имъ по наслѣдству, и которую они такъ рев

носно защищали на словахъ, оказывалась, такимъ образомъ, просто вредной.

И такъ, Черный Передѣлъ былъ мертвечиной. Что же представляла собою Народная Воля ?

Какъ я уже сказалъ выше, въ Москвѣ едва не половина студентовъ университета и Петровско-Разумовской академіи считалась революціонерами, при чемъ дѣленіе было такое: петровцы были народники (вѣроятно потому, что изучали земледѣліе), университетъ былъ народовольческой. Собирались сходки человекъ по 200—300, на которыхъ открыто дѣлались сборы въ пользу Народной Воли или Чернаго Передѣла; все это, само собою разумѣется, прекрасно знала московская полиція, но, кажется, мало придавала этому значенія, такъ какъ въ послѣднее время научилась отличать опасныхъ людей отъ невинныхъ. Программа Чернаго Передѣла, какъ я уже говорилъ, была ясная и опредѣленная. Программа народовольческая еще только вырабатывалась, и потому почти всякій народовецъ толковалъ ее по своему: одинъ напиралъ на одно, другой — на другое; у всѣхъ, однако, оставалось то общее, что на первомъ планѣ должна быть борьба съ правительствомъ.

Но эта борьба выражалась только въ террорѣ; а такъ какъ терроромъ занимались весьма немногіе, то огромное большинство людей, причислявшихъ себя къ Народной Волѣ, оставалось безъ дѣла; и у этого, слѣдовательно, большинства, подобно тому, какъ у чернопередѣльцевъ, опять таки все сводилось къ однимъ разговорамъ и теоретизированію или же, если и къ дѣламъ, то далеко не революціоннаго характера. Такъ, между прочимъ, для успѣшнаго веденія борьбы съ правительствомъ Народная Воля находила нужнымъ группировать силы въ центрахъ и для этого призывала молодежь скопляться по городамъ, преимущественно въ столицѣ, и занимать „положенія въ обществѣ“. Это была, конечно, ошибка съ ея стороны, такъ какъ подобное недемократическое и, по самому своему существу, антиреволюціонное стремленіе, какъ „занятіе положеній“

среди общества не могло вести ни къ чему хорошему. Есть неизмѣримая разница между тѣмъ, когда партія, путемъ пропаганды, пріобрѣтаетъ сторонниковъ среди лицъ, занимающихъ извѣстное положеніе въ обществѣ, или же, когда во имя партійныхъ цѣлей люди добиваются этихъ самыхъ положеній; въ первомъ случаѣ вырываются Клѣточниковы, во второмъ — Дегаевы. Такимъ образомъ, у народовольцевъ въ общемъ наблюдалось слѣдующее распределеніе силъ и задачъ: одни „старіки“ — ихъ была ничтожная кучка — тамъ гдѣ-то при глубочайшей конспиративной обстановкѣ боролись съ правительствомъ на жизнь и на смерть; ихъ ловили и вѣшали; со всякимъ днемъ число ихъ уменьшалось. Другіе — такихъ было весьма много — занимались тѣмъ, что рукоплескали своимъ главоторямъ-героямъ, кое-когда исполняя неопасныя порученія, въ родѣ сбора пожертвованій и т. п., или же стремились занимать хорошія положенія въ обществѣ для того, чтобы потомъ, въ моментъ революціи, сослужить какъ-то службу народовольчеству. Нерѣдко можно было встрѣтить среди нихъ лицъ, серьезно трактовавшихъ о томъ, что они должны готовить себя къ будущимъ депутатскимъ обязанностямъ будущаго Земскаго Собора.

Въ 70-хъ годахъ, помню, разъ додумывались до чегонибудь, то ужъ признавали себя нравственно обязанными и дѣлать это, такъ какъ нераздѣльность слова и дѣла считалась существеннымъ качествомъ революціонера. Теперь, въ этой средѣ, замѣчалась непослѣдовательность и раздвоенность. Теперь можно было доказывать и распинаться на словахъ за то, напр. за терроръ, чего самъ никогда не дѣлалъ и къ чему, можетъ быть, совсѣмъ не былъ и способенъ, прикрываясь и оправдываясь только тѣмъ соображеніемъ, что кто-то это дѣлалъ и что этотъ кто-то принадлежалъ къ одной партіи. И эта непослѣдовательность никому не рѣзала глазъ, и всѣмъ казалось, что такъ можно было поступать, и что въ этомъ не было ничего предосудительнаго. Само собою разумѣется, что трудно было надѣяться, чтобы лю-

ди, ставившіе своимъ programme minimum занятіе положеній въ обществѣ, могли dorости до своихъ „стариковъ-террористовъ“ и явиться ихъ наслѣдниками.

Итакъ, какъ чернопередѣльческое, такъ и народо-вольческое теченіе въ общемъ были нереволуціонны,*) хотя одно и другое напяливали на себя револуціонную тогу, или вѣриѣ, имъ напяливали эту тогу; они оказывались пристегнутыми къ револуціонному движенію только одними программами. Не зная, какъ взяться за дѣло, отчасти по молодости и неопытности, а отчасти вѣдствіе сознанія недостаточности своихъ силъ, которыхъ чувствовалось недостаточно, можетъ быть, именно потому, что не было достаточно глубокой вѣры въ дѣло, эти пристегнутыя теченія неминуемо должны были получить — и получили на самомъ дѣлѣ — вполне авторитарный характеръ. И одни, и другіе имѣли своихъ главатарей, которыхъ слушались и отъ которыхъ ожидали рѣшеній по всѣмъ сколько нибудь важнѣйшимъ вопросамъ. Этой молодежи не доставало того страстнаго отношенія ко дѣлу, какимъ охвачены были ихъ старики-главатари, и которое можетъ овладѣть человѣкомъ лишь послѣ продолжительной и упорной борьбы, а не подъ вліяніемъ программъ, написанныхъ кѣмъ-то и навязанныхъ силою авторитета. Что же общаго между авторитарностью и револуціонностью? Это два исключаютія другъ друга понятія. И нѣтъ, и не можетъ быть выдуманно такой программы, которая въ состояніи была бы толкать людей на висѣлицы.

Въ конечномъ выводѣ получалось то, что необыкновенный ростъ револуціонныхъ элементовъ, такъ сильно бившій въ глаза на первыхъ порахъ, при ближайшемъ ознакомленіи, оказывался сомнительнымъ. Правда, было много бѣганья, суетни, перешушукиванья, но, въ большинствѣ, этимъ дѣло и ограничивалось.

Чернопередѣльцы, какъ я уже упоминалъ выше,

*) Рѣчь идетъ не объ отдѣльныхъ личностяхъ, которыя могли оказаться исключеніемъ, а о большинствѣ.

встрѣтили меня, какъ говорится, съ распростертыми объятіями: съ моимъ появленіемъ среди нихъ, они обзаводились таки, наконецъ, своимъ „старикомъ“, и, конечно, это ихъ радовало. Народовольческая молодежь отнеслась враждебно, такъ какъ въ качествѣ народника я имъ представлялся врагомъ. Что касается до моихъ собственныхъ ощущеній, то мнѣ было не по себѣ, и прежде всего ужъ потому, что все они были слишкомъ молоды по сравненію со мною, и среди нихъ я себя чувствовалъ совсемъ не на мѣстѣ съ моими длинными усами, дѣлавшими меня похожимъ, по словамъ одного моего пріятели, на персидскаго шаха (не знаю имени этого шаха, но его портретъ, гдѣ онъ изображенъ въ бараньей шапкѣ и съ усами, торчавшими, какъ у таракана по сторонамъ, былъ въ то время довольно распространень).

Скоро по приѣздѣ въ Москву я принялся розыскивать моихъ старыхъ друзей и знакомыхъ. Прежде всего я сталъ допытываться до Фроленко и Колоткевича. Я не зналъ, что они жили въ Петербургѣ, и только напрасно таскался по квартирамъ, сопровождаемый моими молодыми пріятелими — чернопередѣльцами, — помогавшими мнѣ въ этихъ розыскахъ. На мои разпросы я не получалъ отвѣтовъ, да повидимому нельзя было и надѣяться, что получу. Ввиду нелегальности разыскиваемыхъ мною лицъ, при разспросахъ, приходилось не называть ихъ настоящими именами, а употреблять извѣстныя мнѣ клички; между тѣмъ клички къ этому времени могли у нихъ замѣниться другими, новыми, которыхъ я не зналъ. Тогда я рѣшилъ допытаться сначала вообще до когонибудь изъ стариковъ народовольцевъ. И вотъ, направили меня къ одному молодому человѣку, кажется, студенту университета, который, какъ утверждали, находился въ сношеніяхъ со стариками и чуть ли не съ самимъ Исполнительнымъ Комитетомъ и считался весьма дѣятельнымъ и вліятельнымъ среди московскихъ народовольцевъ. Я не стану упоминать его имени, такъ какъ возможно, что въ настоящее время онъ прожива-

еть гдѣ либо въ Россіи здоровъ и невредимъ, и расскажу только о моей съ нимъ встрѣчѣ, которую считаю довольно характерной.

Вспоминается мнѣ теперь его длинная фигура, лежащая на кровати. Должно быть для показанія своей революціонной важности, а, можетъ быть, онъ и просто таки усталъ отъ бѣготни по „дѣламъ“, — онъ принималъ меня, лежа. Было вечернее время. Онъ лежалъ на кровати навзничъ, подогнувъ обѣ руки подъ голову и, въ качествѣ значительнаго человѣка, старался не выказывать ни малѣйшаго интереса къ знакомству со мною, хотя я очень хорошо понималъ, что это было напускное поведеніе съ его стороны, такъ какъ для него не могло не представлять интереса послушать и поговорить съ человѣкомъ, только что пріѣхавшимъ изъ Сибири, о которой онъ, навѣрно, ничего не зналъ или, если и зналъ, то пятое черезъ десятое. Но выказать этотъ интересъ, по его мнѣнію, очевидно, было не тактично: это умалило бы престижъ партіи; поэтому надо было поважничать; тѣмъ болѣе нужно было это показать, что тутъ присутствовало еще два-три молодыхъ человѣка: одинъ, кажется, его же сожитель, такой же длинный, какъ и онъ (не помню, лежалъ ли и этотъ на кровати, подобно тому, или нѣтъ), другіе два были чернопередеблцы, пришедшіе со мною.

Между нами начался разговоръ, принявшій сразу весьма странный характеръ. Онъ мнѣ объявилъ, что „старіки“ ихъ весьма заняты и имъ трудно назначать свиданія; но что я могу передать имъ черезъ него то, что мнѣ нужно, и послѣ того, какъ она узнаютъ, зачѣмъ я хочу видѣть ихъ, можетъ быть, и они захотятъ со мною видѣться и т. д. Однимъ словомъ, повелъ со мною рѣчь въ такомъ родѣ, какъ ведутся разговоры у посѣтителей съ околочнымъ надзирателемъ, дежурщимъ въ полицмейстерской передней. Если мой собеседникъ даже и не зналъ лично меня (чего, впрочемъ, не могу предполагать, такъ какъ обо мнѣ изрядно таки болтали тогда по кружкамъ), то во всякомъ случаѣ о

моей политической порядочности онъ имѣлъ свѣдѣнія, и, слѣдовательно, тонъ, принятый имъ по отношенію ко мнѣ, не могъ быть ничѣмъ оправданъ, если, конечно, не раздѣлять того взгляда, что передъ начальствомъ — хотя бы и революціоннымъ — надо скинуть шанку. Къ сожалѣнію, подобный тонъ, кажется, былъ въ ходу въ то время, и моему собесѣднику, можетъ быть, не разъ удавалось подавлять своимъ величіемъ своихъ юныхъ слушателей. Чинопочитаніе, котораго раньше и въ поминѣ не было среди революціонеровъ, теперь оказывалось обыкновеннымъ явленіемъ. Но мы были „сами съ усами“, и стараго нигилиста, чѣмъ другимъ, а величіемъ подавить было мудрено. На мое заявленіе, что я могу дать свѣдѣнія о ссыльныхъ въ Восточной Сибири и о путяхъ для сношеній съ ними, собесѣдникъ мой напыщеннымъ тономъ отвѣтилъ, что „партія“ не нуждается ни въ какихъ моихъ указаніяхъ, такъ какъ она имѣетъ тамъ, въ Сибири своихъ собственныхъ агентовъ и отъ нихъ получаетъ всѣ нужныя свѣдѣнія. Это была неправда, но какъ же было сознаться, да еще въ присутствіи молодыхъ свидѣтелей въ томъ, что у нихъ нѣтъ связей въ Сибири? Вѣдь отъ этого уменьшится престижъ партіи. Народная Воля покажется менѣ могущественной.

— „Никакихъ агентовъ Народная Воля тамъ не имѣетъ“, говорилъ я. „Я только что оттуда и прекрасно это знаю. Потрудитесь передать кому слѣдуетъ, что если желаютъ получить о Сибири свѣдѣнія, я готовъ ихъ дать. Только пусть обратится за этимъ ко мнѣ кто нибудь изъ нихъ постарше“, грубо добавилъ я.

Въ такомъ тонѣ происходили у меня тогда разговоры нерѣдко, и я, что называется, рвалъ и металъ. Сердился я и на то, что народовольцы говорили о захватѣ власти, — хотя планы ихъ о томъ, какъ они будутъ распоряжаться, захвативши власть, сильно напominiли планы того чудака, который, имѣя всего на всего одинъ выигрышный билетъ, мечтаетъ о томъ, какъ онъ распорядится деньгами, когда выиграетъ двѣсти тысячъ рублей; сердило меня и то, что люди стремились заини-

мать положенія въ обществѣ, т. е. думали и поступали какъ разъ обратно тому, съ чего мы когда-то начинали, именно отказывались отъ положеній и привилегій; злился я и на то, что кланялись теперь передъ авторитетами, и утраченъ былъ прежній независимый образъ мыслей; — что силы революціонеровъ направлены были не на дѣятельность въ народѣ, а на городскія дѣла и т. д. Однимъ словомъ, все сердило меня, что я видѣлъ кругомъ.

Но, быть можетъ, я еще самъ ошибался и былъ неправъ? Нѣтъ, тысячу кратъ нѣтъ! Вѣдь для народа возможно чего нибудь добиться только при посредствѣ самого же народа! Эта такая неопровержимая истина, въ которой нельзя было сомнѣваться! Народовольцы же думали осчастливить народъ сверху, путемъ государственныхъ мѣръ и декретовъ. Этотъ путь ошибочный, и якобинизмъ давно осужденъ исторіей. Кто же погубилъ французскую революцію, какъ не якобинцы, какъ не Робеспьеръ съ компаніей, прямымъ наслѣдникомъ котораго оказался потомъ Наполеонъ? Усумниться въ этомъ — значило усумниться во всемъ томъ, во что всю жизнь вѣрилъ, и всю — рѣшительно всю — прошедшую нашу революціонную дѣятельность пришлось бы счесть вздоромъ. А было ли это возможно?

И я подбадривалъ себя и съ новымъ азартомъ принимался нападать на Народную Волю, все придумывая новые аргументы въ пользу народничества и противъ народовольчества. Брошюрка, первоначальные наброски которой были сдѣланы мною въ Сибири, разрослась, приняла окончательную форму и пущена была мною въ обращеніе. Я предполагалъ ее напечатать:

Но однако, зачѣмъ все это мнѣ понадобилось? Неужели такъ важно и необходимо было заручиться какъ можно большимъ числомъ сочувствующихъ и единомышленниковъ среди интеллигенціи?! Вѣдь центръ тяжести былъ въ народѣ, а не здѣсь? Зачѣмъ же тратить попусту силы и энергію на эти безконечные споры, отъ которыхъ, очевидно, нельзя было ожидать добрыхъ резуль-

татовъ? Не лучше ли плюнуть на это, отряхнуть прахъ съ ногъ своихъ и уйти туда для работы? И это такъ просто было сдѣлать! Я даже зналъ поименно тѣхъ крестьянъ, къ которымъ надо было обратиться... Федь, Нечипоръ, Архипъ — они, конечно, давно ждали меня (они не знали о моемъ арестѣ и ссылкѣ) и, можетъ быть, даже не разъ съ удивленіемъ другъ друга спрашивали о томъ, гдѣ я запропастился и отчего такъ долго не являюсь къ нимъ. Да, у меня есть **прекрасно** подготовленная почва для дѣятельности въ народѣ; надо туда идти и работать.

Но лишь только вопросъ этотъ поставленъ былъ на очередь, какъ я почувствовалъ, что стали воскресать другіе мучительные вопросы, — уже рождавшіеся какъ-то раньше въ моей головѣ (до ареста), — и на которые я, какъ тогда, такъ и теперь, не въ силахъ былъ отыскать отвѣта. Что я буду тамъ дѣлать? Бунтовать? Но возможенъ ли бунтъ безъ оружія? А если нужно оружіе, то откуда его взять? Для этого нужны огромныя средства: сотней или двумя рублей — нельзя же было удовлетвориться. А если бы даже и возможно было достать оружіе въ неопредѣленномъ количествѣ, то является другой вопросъ: какъ можно было провести военную организацию среди крестьянъ такъ, чтобы ее раньше времени не раскрыли и не уничтожили при самомъ ея зарожденіи? Или же удовлетвориться организаціей небольшой бунтовской шайки? Но какая польза отъ этого? Бакунинъ говорилъ: „пусть насъ разобьютъ одинъ, два раза, наконецъ, десять и двадцать разъ, но если на двадцать первый разъ народъ поддержитъ, и возстаніе сдѣлается общимъ, — жертвы окупятся“. Но увы, это одна бунтовская мечта! Не только въ двадцать первый, а въ тысяча сто двадцать первый разъ нельзя ожидать успѣха! Ни одного шанса на то, чтобы подобная попытка могла разростись въ широкое народное возстаніе! Зачѣмъ же затѣвать?

Я чувствовалъ, какъ передъ этими вопросами робѣла мысль и терялась энергія.

Вѣра въ плодотворность революціонной дѣятельности среди народа была пошатнута во мнѣ еще до ареста, но тюрьма какъ будто законсервировала ее во мнѣ, и на первыхъ порахъ въ Сибири мнѣ даже казалось, что я опять по старому увѣровалъ. Я предполагалъ, воротившись въ Россію, тотчасъ идти въ народъ. Но когда дѣло дошло до того, чтобы это осуществить, то сомнѣніе заговорило во мнѣ съ удвоенной силой, и оказывалось, такимъ образомъ, что то, что было одинъ разъ пережито — не забывалось и не могло пройти безслѣдно. Но только тогда, передъ арестомъ, я не давалъ себѣ полного отчета въ томъ, что во мнѣ происходило, а теперь созналъ это съ поразительной ясностью. Я понималъ, что прежняге увлеченія, того страстнаго увлеченія, которое горами двигаетъ, не осталось во мнѣ болѣе, и не было никакой надежды на то, чтобы оно воскресло когда нибудь.

Усумнившись въ старомъ пути, по которому я шелъ до сихъ поръ, я не успѣлъ такъ скоро — въ замѣнъ его — отыскать другого и очутился въ какомъ то тупомъ переулкѣ, изъ котораго не находилъ исхода. И на повѣрку выходило, что въ сущности я былъ такимъ же мертвецомъ, какъ и чернопредѣльцы, которыхъ я упрекалъ такъ жестоко въ непослѣдовательности.

Въ Евангеліи разсказывается, какъ апостоль Петръ, думая однажды идти по водѣ на встрѣчу Христу, потерялъ вѣру и началъ тонуть. Такъ и я, ходившій раньше по водѣ, теперь тонулъ и захлебывался, потерявши свою вѣру.

Въ то время, какъ внутри меня происходила эта ужасная ломка, вызывавшая ощущенія, близко напоминашія собою чувства, испытываемыя при смерти дорогаго человѣка, ломка совершавшаяся, конечно, вопреки желанію, подобно этой самой смерти, какъ какой-то неумолимый законъ природы, — въ это же время мнѣ приходилось укрываться отъ полиціи, кочуя съ одной квартиры на другую и проводя — гдѣ день, гдѣ два.

Перваго Марта часу во второмъ ночи я былъ разбу-
женъ стукомъ въ мою дверь.

— „Вы спите?“ услыхалъ я изъ за двери голосъ
моей хозяйки. „Царя убили!...“

Помню, на слѣдующій день я проходилъ улицую воз-
лѣ желѣзно-дорожнаго вокзала; какой-то человекъ, одѣ-
тый въ легкое, не по сезону, темно-сѣрое пальто, съ
башлыкомъ насунутымъ на голову до того глубоко, что
лица нельзя было видѣть, пересѣкъ мнѣ дорогу, и сзади
его по пятамъ шель жандармъ, позвякивая шнорами.
Это былъ арестованный, и его вели, кажется, съ вок-
зала къ извозчику, стоявшему тутъ же, недалеко. Меня
словно что-то ударило. Царя убили, и жандармы всюду
гонялись теперь за народовольцами. И это, должно быть,
былъ народоволецъ. „Конечно, думалъ я, — народово-
лецъ: народники жандармамъ не нужны. И я не пуженъ
имъ: я вотъ здѣсь стою свободный, а его тамъ ведутъ.
А было время, когда и меня также водили и не спуска-
ли съ меня глазъ. Но это время прошло. Другіе люди
борются теперь и гибнуть; но я уже ни причемъ. Ис-
торія выбросила меня за бортъ, какъ негодную вѣтошь.
И глубоко тоскливое чувство, порождавшееся отъ со-
знанія своей ненужности, со всякимъ днемъ все силь-
нѣе и сильнѣе овладѣвало мною.

Первый народоволецъ „старикъ“, съ которымъ мнѣ
довелось встрѣтиться въ Москвѣ вскорѣ послѣ описан-
наго мною свиданія съ важничавшимъ господиномъ,
былъ Телаловъ. Я не зналъ его раньше и теперь толь-
ко познакомился съ нимъ. Онъ былъ нѣсколько моложе
меня, съ красивыми темными глазами. Разговоры велъ
всегда сдержанно и спокойно и въ подтвержденіе сво-
ихъ взглядовъ любилъ ссылаться на авторитетъ Дюрин-
га. При посредствѣ его мнѣ удалось потомъ встрѣтить-
ся и съ другими нелегальными народовольцами или,
какъ ихъ называли, „стариками“. Нужно сказать, что
въ Москвѣ „старики“ не жили, кромѣ двоихъ, на сколь-
ко мнѣ извѣстно, — Телалова и Марины Никаноровны,
которые, какъ кажется, завѣдывали московской народо-

вольческой организаціей. Старики только наѣзжали по временамъ въ Москву изъ Петербурга, гдѣ сосредоточены были ихъ силы, для совершенія царубійства. Но послѣ 1-го Марта, когда дѣло было сдѣлано и, съ другой стороны, когда преслѣдованія жандармовъ были усилены настолько, что имъ трудно было тамъ держаться, они разбѣжались. Некоторые изъ нихъ, по пути — кто въ южную Россію, а кто на востокъ, — проѣзжали черезъ Москву. И я видѣлъ тогда въ Москвѣ: Юрія Богдановича, Якимову, Лебедеву, Ивановскую, Лангенса Мартына. Всѣ они продефилировали тогда передо мною. Съ Лангensemъ и Богдановичемъ я имѣлъ первое свиданіе на Цвѣточномъ бульварѣ. Ввидахъ конспираціи, чтобы шпіоны не заподозрили въ нихъ революціонеровъ, они были разфранчены. Но какъ мало все таки они походили на франтовъ! По крайней мѣрѣ мой глазъ сразу открывалъ поддѣлку. Помню, у Богдановича была какой-то странной формы шляпа, какъ мнѣ казалось, обращающая на себя вниманіе. Когда я замѣтилъ ему объ этомъ, то онъ только добродушно разсмѣялся. Молодежь, стремящаяся занимать положенія въ обществѣ, неизмѣримо лучше умѣетъ одѣваться, думалъ я, глядя на нихъ. А между тѣмъ этимъ очень даже нужно было это: шпіоны гнались по пятамъ; полиція, жандармы — все встало на ноги, чтобы ихъ ловить! И не смотря на полную разнѣ нашихъ взглядовъ, въ ту минуту я почувствовалъ къ нимъ нѣчто подобное тому, что, какъ мнѣ казалось, чувствовалъ ко мнѣ Лангенсъ когда-то въ мценской тюрьмѣ, когда онъ глядѣлъ на меня изъ своей камеры черезъ дверное оконце; тогда на очереди былъ я, теперь — они.

Слѣдующій разъ я съ нимъ встрѣтился уже на квартирѣ одной слушательницы высшихъ курсовъ или фельшерскихъ — не помню. То была высокая дѣвушка, съ большими карыми глазами, исчезнувшая куда-то со своей квартиры на все время, пока мы „старики“, оставались тамъ. На это свиданіе пришла также Марина Никаноровна, Телаловъ. Съ Мариной Никаноровной у

меня тотчасъ завязался ожесточенный споръ. Она была возмущена до послѣдней степени моими нападками на Народную Волю; — я не менѣе возмущенъ былъ ея взглядомъ на дѣятельность въ народѣ. Мы схватились.

„Дайте мнѣ съ нимъ переговорить!... Не волнуйтесь, Марина Никаноровна,“ успокаивалъ ее своимъ глухимъ чахоточнымъ голосомъ Лангенсъ. „Ты давно изъ Россіи.. Ты не знаешь всѣхъ послѣднихъ событій“, говорилъ онъ мнѣ. „Я читалъ твою рукопись : ты хочешь ее печатать“.

— „Да.“

— „Повремени съ этимъ... Осмотришь сначала... Ты можешь потомъ жалѣть?“

Лангенсъ былъ человекъ глубоко некрепкій, безъ малѣйшаго желанія рисоваться; если онъ возражалъ чему либо, то дѣлалъ это такъ просто, что не вызывалъ подозрѣнія въ томъ, что онъ имѣлъ какія либо другія побужденія, кромѣ выясненія истины. При самомъ горячемъ спорѣ съ нимъ, никогда не рождалось, во мнѣ по крайней мѣрѣ, чувства раздраженія, обыкновенно приводящаго къ упрямымъ возраженіямъ, а потому я принялъ его совѣтъ, повременить съ печатаніемъ своей брошюрки. И сколько разъ впоследствии я былъ благодаренъ ему за это! Не разъ становилось стыдно мнѣ отъ одной мысли, что брошюрка моя могла быть отпечатана тогда и распространена; а ее, пожалуй, и самъ Судейкинъ сталъ бы распространять, — такъ много было въ ней грубыхъ нападковъ на народовольцевъ за то, что они „измѣнили народному дѣлу“ и оказались не социалистами, а буржуа и т. п. И все это тогда, когда эти „буржуа“ умирали на висѣлицахъ, а я, социалистъ, смалодушничалъ и бѣжалъ съ поля битвы!

Отъ Лангенса я узналъ тогда, что въ мценской тюрьмѣ, гдѣ когда-то и мы съ нимъ сидѣли, находились теперь наши централисты по большому процессу: Ковалекъ, Мышкинъ, Сажинъ, Рогачевъ и др. Ихъ перевезли изъ харьковскихъ централокъ въ Мценскъ, такъ какъ предполагали весною отправить въ Сибирь. Меж-

ду другими, ожидавшими своей участи въ мценской тюрьмѣ, сидѣли братъ мой Иванъ, въ то время уже совершенно больной, и Донецкій — полупомѣшанный. Краткую исторію Донецкаго, посаженнаго въ централку за найденныя при немъ прокламаціи, я уже рассказалъ въ первыхъ главахъ „Воспоминаній“. Брата же моего надумались сослать административнымъ порядкомъ въ Сибирь за то, что его подозрѣвали, что онъ помогаль мнѣ укрываться. Потерявши меня изъ виду, жандармы, на сколько мнѣ извѣстно, пришли къ тому заключенію, что, я бѣжавши изъ Сибири, воротился на родину, т. е. на Украину, и опять принялся за бунтовскую дѣятельность. Одно время они думали, что я былъ однимъ изъ зачинщиковъ еврейскихъ погромовъ, происходившихъ на югѣ Россіи, вскорѣ послѣ убійства царя, — хотя что было общаго между бунтовскою дѣятельностью и шовинистическимъ дѣломъ избіенія несчастныхъ евреевъ, чему сочувствовалъ, между прочимъ, извѣстный Стрѣльниковъ, — этого вопроса они, кажется, себѣ не задавали. Какъ бы тамъ ни было, но брату Ивану жандармы заявили тогда, что его не выпускаютъ, такъ какъ опасаются, что онъ будетъ меня укрывать. И, дѣйствительно, только послѣ моего отъѣзда за границу, они освободили его изъ тюрьмы; но онъ былъ уже такъ боленъ, что спустя нѣкоторое время умеръ.

Исполнительный Комитетъ, по словамъ Лангенса, одной изъ ближайшихъ своихъ задачъ ставилъ организацію городскихъ возстаній. Но возстаніе въ Петербургѣ представлялось крайне трудной задачей, ввиду постоянного скопленія войскъ и, съ другой стороны, влѣдствіе крайне неблагопріятнаго расположенія самихъ улицъ — прямыхъ и широкихъ. Такъ, между прочимъ, Невскій преспектъ, Вознесенскій и Гороховая, расходящіеся радіусами отъ Адмиралтейской площади (боюсь, точно ли называю улицы и площадь, а плана Петербурга для провѣрки, къ сожалѣнію, не имѣю подъ рукою), представляли собою, по мнѣнію Лангенса, съ которымъ нельзя было не согласиться, самое невыгодное условіе для воз-

станія. Двухъ-трехъ батарей, поставленныхъ на площади, достаточно, чтобы обстрѣливать огромную часть города, заключающуюся въ рамкахъ этихъ расходящихся радіусовъ, и, слѣдовательно, совершенно парализовать возстаніе въ этой части города. Онъ думалъ, что несравнимо легче организовать инсurreкцію въ одномъ изъ южныхъ городовъ, — въ Кіевѣ или Харьковѣ, а то даже и въ Москвѣ.

Но, имѣя ввиду государственнѣйшій переворотъ, народовольцы особенно серьезное значеніе придавали все таки вопросу объ организаціи возстанія въ Петербургѣ. Этимъ и объясняется то исключительное вниманіе, которое было обращено ими на военныхъ, именно офицеровъ, такъ какъ они полагали, что безъ прямого участія войска нельзя было надѣяться на успѣхъ.

Размышляя теперь обо всемъ этомъ, я нахожу, что народовольцы были совершенно правы, такъ какъ, конечно, если возможно успѣшное возстаніе въ Петербургѣ, то только при одномъ условіи, — когда это сдѣлано будетъ войскомъ; и надо обладать не малымъ запасомъ фантазіи, чтобы вѣрить въ то, что Петербургомъ можно овладѣть съ помощью рабочихъ. Баррикады на петербургскихъ улицахъ, на мой взглядъ, такое же запоздалое вѣрованіе, какъ и крестьянскіе бунтовскіе отряды. Конечно, можно выстроить одну-двѣ баррикады даже и въ Петербургѣ (для этого нужно только выбрать время, когда окологороднаго надзирателя на улицѣ не будетъ), какъ можно организовать и бунтовскую шайку гдѣ нибудь на Волгѣ или на Днѣпрѣ; но результаты въ обоихъ случаяхъ получатся тождественные.

Живо сохранилось въ моей памяти послѣднее свиданіе. Оно происходило на квартирѣ, помѣщавшейся во 2-мъ или 3-мъ этажѣ. Когда я туда вошелъ, я засталъ уже тамъ одного или двухъ стариковъ народовольцевъ; остальные появлялись при мнѣ одинъ за другимъ. Сходился по одному. Женщины были съ опущенными вуалями, которыя поднимали, только войдя въ квартиру. Хозяинъ, молодой человекъ, легальный, то и дѣло под-

ходилъ къ окнамъ и то опускалъ штору на одномъ изъ нихъ, то, спустя немного времени, опять поднималъ вверхъ. Это было сигналомъ, по которому, проходившіе внизу улицею, революціонеры могли заключить о томъ, что въ квартирѣ все было благополучно и можно было туда являться. Сигналь былъ не простой, а сложный: штора опускалась и поднималась, такъ какъ жандармы въ это время уже знали объ употребленіи сигналовъ и при обыскахъ, занявши квартиру, не допускали измѣнять положенія вещей — шторъ или какихъ бы то ни было другихъ предметовъ, находящихся въ окнахъ (лампъ, свѣчей и т. п.). Такимъ образомъ, если сигналомъ была, скажемъ, опущенная штора, то и во время обыска оставляли эту штору опущенной, чѣмъ, конечно, вовлекали людей въ заблужденіе (видя съ улицы сигналь — опущенную штору, — они входили въ квартиру и были тамъ, само собою разумѣется, арестованы). Не зная даже, въ чемъ именно заключался сигналь, жандармы достигали своей цѣли, исполняя только одно условіе, именно — не позволяя приближаться къ окнамъ никому изъ арестованныхъ. Сложный сигналь гарантировалъ отъ этого, такъ какъ онъ состоялъ не въ известномъ опредѣленномъ положеніи той или другой вещи на окнѣ, а въ известномъ перемѣщеніи и передвиженіи вещей, чего уже никакъ не могли продѣлывать жандармы.

Въ этой то квартирѣ я и видѣлъ въ послѣдній разъ Лангенса и Богдановича, а также Лебедеву, Телалова, Ивановскую, Якимову и Марину Никанорову. Всѣ они, кромѣ Марины Никаноровны и Телалова, жившихъ въ Москвѣ, были здѣсь только проездомъ, спасаясь отъ погрома, происшедшаго въ Петербургѣ послѣ 1-го Марта. Но шпионы, подобно гончимъ собакамъ, шли по ихъ слѣдамъ, не сбываясь, и дни ихъ были сочтены. Такъ Лангенсъ и Якимова были арестованы мѣсяцъ спустя въ Кіевѣ, куда они бѣжали изъ Москвы; Телаловъ взятъ былъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя (кажется, въ декабрѣ); Богдановичъ, Ивановская и, если не ошиба-

юсь, Лебедева продержались немного дольше и были арестованы почти годъ спустя; Марина Никаноровна же эмигрировала во Францію.

Между тѣмъ и я рѣшилъ бѣжать за границу. Мнѣ не хотѣлось ѣхать черезъ прусскую границу, хотя въ то время тамъ имѣлся даже установленный контрабандный путь, и я отправился черезъ Царство Польское на Галицію. Пользуясь знакомствомъ съ одной польской семьей, я остановился на время въ Люблинской губерніи, въ ожиданіи пока выяснится вопросъ съ границею.

Деревушка, гдѣ я остановился, расположена была среди лѣсовъ, въ глухой малопрѣзжей мѣстности. Съ утра до вечера, помню, таскался я по этимъ грабовымъ лѣсамъ, темнымъ и влажнымъ, съ запахомъ грибовъ и гниющихъ листьевъ; они мнѣ сильно напоминали лѣса Подольской губернии, гдѣ протекло мое дѣтство и юность. Подъ самымъ лѣсомъ былъ большой, заросшіи камышемъ прудъ, врѣзывавшійся своимъ верховьемъ въ самый лѣсъ, съ другой стороны, подпертый плотиною, внизу которой стояла мельница, откуда несся постоянный шумъ воды, падавшей на мельничное колесо. На этомъ прудѣ я проводилъ цѣлые часы, медленно пробираясь въ лодкѣ среди камышей, ряски и круглыхъ водяныхъ лопуховъ, укрывавшихъ воду, подобно зеленымъ плоскимъ тарелкамъ. Мнѣ нравилось слушать крыканье дикихъ утокъ, спугнутыхъ мною и потомъ долго кружившихъ надъ прудомъ, или рѣзкій крикъ чортовой курицы, раздававшійся изъ камыша. Притаившись гдѣнибудь, почти что не дыша, я слѣдилъ за нею, какъ она плыла, прямо вверхъ поднимавъ свою головку и хвостъ, или же вскакивала на водяные лопухи и перебѣгала съ одного на другой, съ такою легкостью, что лопухи не успѣвали даже тонуть подъ нею.

Наконецъ, свѣдѣнія были получены, и я поѣхалъ на границу. Помню въ ту ночь, когда мнѣ пришлось переходить границу, я почувствовалъ сильный ознобъ и жаръ и такую усталость, что для облегченія сбросилъ

даже сапоги и через самую границу бѣжалъ босой. Меня провожалъ одинъ контрабандистъ. Перебравшись на другую сторону, я съ большимъ трудомъ дотащился до желѣзной дороги, сѣлъ въ поѣздъ и поѣхалъ въ Вѣну. Въ Вѣнѣ я почувствовалъ себя до того скверно, что вынужденъ былъ взять вмѣсто 3-го класса билетъ 2-го класса и въ Женеву пріѣхалъ уже совсѣмъ больной. Мои прогулки по пруду среди камышей и водорослей, что я дѣлалъ безнаказанно тысячу разъ въ своей жизни, въ этотъ разъ наградили меня страшной лихорадкой.

Прошло съ тѣхъ поръ семнадцать лѣтъ. Однихъ перевѣшали, другіе перемерли по тюрьмамъ и въ ссылкѣ. Всѣхъ погибшихъ — и не перечестъ. Только изъ тѣхъ, которыхъ я встрѣчалъ тогда въ Москвѣ, — а ихъ всего я видѣлъ тамъ семь человекъ, — четверо умерло. Умерли: Богдановичъ, Телаловъ, Лангенсъ, Марина Никанорова. Живы ли остальные трое — не знаю; но, можетъ быть, и они умерли.

И наше революціонное движеніе умерло. А мы, живущіе, стоимъ надъ гробомъ нашей красавицы и разсуждаемъ о томъ, чего ей недостаетъ. Одни находятъ что-то, что слѣдовало бы измѣнить въ ея носѣ, другіе въ — подбородкѣ или въ косѣ; а и одни, и другіе, и мы всѣ, кругомъ стоящіе, словно не видимъ существеннаго, именно того, что красавицѣ нашей не достаетъ жизни; и что не въ косѣ тутъ дѣло и не въ бровяхъ, а въ живомъ духѣ, который отлетѣлъ, но который скрашивалъ когда то всѣ эти недостатки и дѣлалъ ее кра-

савицей. И сколько бы мы не придумывали теперь изменений и улучшений (как это намъ кажется съ теперешней нашей точки зрѣнія), — все это совершенно ничтожно въ сравненіи съ тѣмъ, чего ей недостаетъ и чего — увы! — мы не въ силахъ ей больше дать; ибо кто же въ силахъ вдохнуть въ трупъ живую душу?

О революціи en permanence — старомъ мечтаніи бунтарей — теперь никто серьезно не станетъ говорить. Люди не могутъ находиться постоянно въ томъ высокоприподнятомъ состояніи, дѣлающимъ ихъ способными на всякія жертвы, какого требуетъ революціонная дѣятельность. Подобныя движенія обыкновенно присущи бываютъ одному поколѣнію людей и по наслѣдству не передаются. Дѣла, для которыхъ требуются великія нравственныя силы, не могутъ стать обыденными.

Наше революціонное движеніе, принявшее болѣе или менѣе систематическій характеръ въ 70-хъ годахъ, росло и поднималось до 1881 года. Кульминаціонной точкой его я считаю 1881 годъ; съ этого же времени начинается его паденіе, и оно слѣдуетъ въ этомъ направленіи неуклонно изъ года въ годъ. Какія бы умныя поправки мы не вносили теперь въ наши революціонныя программы, революціонное движеніе отъ этого ничего не выиграетъ, такъ какъ сущность дѣла заключается не въ программахъ, а въ дѣлахъ, въ томъ чѣмъ люди занимаются. Такъ, можно сколько угодно признавать необходимость террора и въ защиту его приводить самыя неопровержимыя доказательства, — и все таки террора не будетъ, если нѣтъ въ наличности людей, готовыхъ немедленно идти и умирать за него. Очевидно, дѣло съ терроромъ стоитъ теперь совершенно въ томъ же положеніи, въ какомъ стояла революціоно-народническая дѣятельность во время Чернаго передѣла.

Не лучше, какъ мнѣ кажется, дѣло обстоитъ и съ нашимъ социаль-демократизмомъ въ революціонномъ отношеніи. Само собою разумѣется, пропаганда среди рабочихъ — прекрасное дѣло, какъ полезна, впрочемъ, пропа-

ганда и среди крестьянъ. Но считать подобную дѣятельность революціонной нѣтъ никакого основанія, такъ какъ революціонная дѣятельность состоитъ въ активной борьбѣ, а не въ подготовленіи къ чему-то, что должно стать лишь впоследствии, хотя бы это — что должно стать — и предполагалась активная борьба. Не нужно забывать того, что можно готовиться и не приготовиться, какъ не сдѣлались чернопередѣльцы революціонерами народниками, хотя все время къ этому готовились, и какъ не становится семинаристъ, готовящійся поступить въ университетъ, студентомъ до тѣхъ поръ, пока не выдержитъ экзамена. Занятіе съ рабочими и пропаганда социализма у насъ совсѣмъ не новое дѣло; это именно то самое, чѣмъ занимались давнымъ давно, и съ чего собственно и началось наше революціонное движеніе конца 70-хъ и начала 80-хъ годовъ. Страстное желаніе поставить именно это дѣло на широкихъ началахъ, привело тогда послѣдовательныхъ людей къ столкновенію съ правительствомъ и придало всему движенію политическій и вмѣстѣ съ тѣмъ боевой революціонный характеръ. Но еще большой вопросъ, разовьется ли и въ настоящее время нѣчто подобное тому, что было, или же жизнь этихъ новыхъ кружковъ, трактующихъ объ организаціи рабочихъ и борьбѣ на экономической почвѣ — безъ политики — такъ и останется при своемъ теперешнемъ сѣренькомъ колоритѣ. Вопросъ, какъ мнѣ кажется, заключается даже не столько въ томъ, какой путь приметъ движеніе, т. е. нападателный, боевой, или же только оппозиціонный, какъ въ томъ, что будетъ поставлено ближайшей задачей — политика или экономическія задачи.

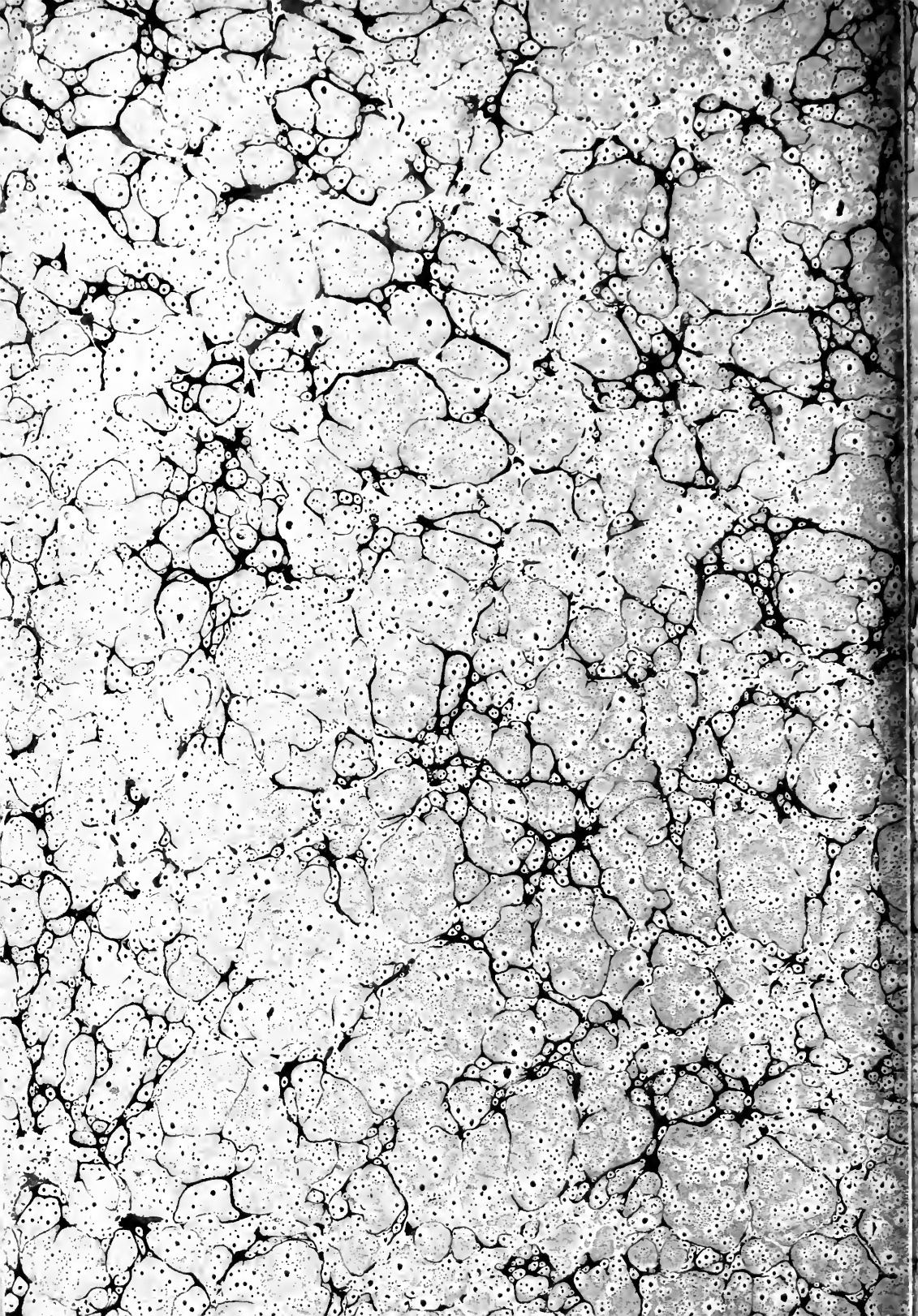
Пропаганда социалистическихъ идей среди рабочихъ и крестьянъ, распространеніе вообще грамотности въ народѣ, — въ частности заведеніе школъ, — борьба съ эпизотіями и т. п., — на сколько ни полезна вся эта культурная дѣятельность, никоимъ образомъ, однако, она не должна поглощать всего вниманія современнаго русскаго общественнаго дѣятеля. Всѣ прошлыя попытки

этого рода достаточно наглядно, кажется, уже доказали что чѣмъ бы мы ни вздумали заниматься, какую бы скромную работу не поставили своей задачей, — мы всегда натолкнемся на наше вездѣсущее и всемогущее правительство, которое тотчасъ поставитъ препятствія и сдѣлаетъ или совершенно невозможной нашу дѣятельность, или же, по меньшей мѣрѣ, извратитъ ее до неузнаваемости. Такимъ образомъ, для русскаго общественнаго дѣятеля вопросъ объ обузданіи правительства или, другими словами, вопросъ политической свободѣ самъ собою ставится въ первую очередь. Вотъ этого то мы и не должны забывать.

КОНЕЦЪ.

UTL AT DOWNSVIEW

D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 15 18 02 05 006 8